

16
13225

ИРЛИ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ХХV

ПАМЯТНИКИ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
X—XVII ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1970

Редакторы

Д. С. Лихачев и М. А. Салмина

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ X—XVII ВВ.
(ТЮДРЛ, Т. 25)

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР

Редактор издательства Л. М. Романова
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор Л. М. Семенова
Корректоры Г. Н. Атлас, К. И. Видре,
Э. Н. Липпа и В. А. Пузиков

Сдано в набор 11/II 1970 г. Подписано к печати 16/IX 1970 г.
Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$. Бум. л. $11^{3/8}$. Печ. л. $22^{1/2} + 2$ вкл.
($1/4$ печ. л.) = 31,85 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 32,00. Изд. № 4141.
Тип. зак. № 776. М-10384. Тираж 3400. Бумага № 2.

Цена 2 р 10 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

7-2-2

167—70 (1 пол.)

289132

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы

Изучение вклада древнерусской литературы в решение основной задачи словесного искусства — «человековедения» — невозможно без учета того материала, какой дают учительные жанры — «слова», «поучения» и сборники афоризмов-изречений, составлявшиеся в христианской Византии, на славянском юге и позднее на Руси. Помимо ответов на чисто религиозные вопросы, эта литература содержит много наблюдений над свойствами характера человека, над проявлениями их в поведении личном и общественном. Касаясь социальных взаимоотношений, складывавшихся в классовом — рабовладельческом и феодальном — обществе, безусловно поддерживая их, учительная литература пыталась смягчить тяжелые формы неравенства, опираясь на христианское учение о милосердии, и на этом пути создала яркие образы бедняка и богатого, властелина, судии и подсудимого, наделяя «сильных» и отрицательными чертами, подмеченными в жизни, и желательными положительными, отвечавшими христианской этике. Суммируя все советы учительной литературы Древней Руси, обращенные к людям вообще или к представителям определенного общественного положения, можно судить о том, как складывался положительный и отрицательный герой древнерусской литературы: его наделяли или качествами идеального христианского поведения, или осуждаемыми этим идеалом чертами.

Среди психологических наблюдений, особенно прочно закрепившихся в этой учительной литературе, было немало и таких, справедливость которых не ограничивалась пределами узко классовой и христианской — религиозной морали. Отражая общечеловеческий опыт, такие наблюдения сохраняли свою ценность надолго, и многие из них, особенно выраженные в лаконичной форме афоризмов, оторвавшись от своих литературных источников, вошли в литературный или даже общенародный язык в виде «пословичных изречений». Они пополнили запас собственно народных пословиц, пословичных изречений и поговорок. Эти книжные по происхождению изречения в народном языке встречались иногда с аналогичными по самой мысли, в них заключенной, народными афоризмами разных типов. Такое смысловое совпадение делает особенно убедительным общечеловеческое значение многих старинных книжных изречений, наглядно доказывает остроту наблюдательности далеких от нас по времени их создателей.

Таким образом, изучение учительной литературы выдвигает на очередь тему «Древнерусские афоризмы и русские народные пословицы». Еще М. Н. Сперанский поставил вопрос «об отношении изречения к пословице: оба рода произведений словесности имеют дидактический ха-

ракти, но принадлежат к различным областям по своей истории: изречения — произведения книжные по преимуществу, пословицы — устные. Взаимодействие тех и других вполне понятно; поэтому, решая вопрос о происхождении изречения, мы в то же время решаем вопрос по пословице: иногда мы в изречении найдем источник пословицы, иногда же на нем увидим влияние пословицы. Наконец, изучая изречение переводное или туземное, мы уясняем себе объем и источники целого круга пословиц».¹

Однако на сложность решения вопроса о взаимоотношении литературных изречений и так называемых крылатых слов, с одной стороны, и народных пословиц и поговорок — с другой, когда речь идет о древнейших их группах, справедливо указывают Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина, составители сборника «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения»: «Трудно в каждом отдельном случае решить, принадлежит ли крылатое слово автору данного памятника древней письменности и отсюда перешло в литературную речь, или же оно создано народом и только впервые записано автором данного памятника. Эти классификационные трудности в равной мере относятся к греко-римской и библейской мифологии, почему условно источниками многих крылатых выражений и считаются памятники письменности, в которых они зафиксированы».² Добавим, что уже в XII в. в Византии началось собирание греческих народных пословиц и к этому времени относится один из старших сборников их, составленный Федором Продромом и снабженный комментариями его современника Михаила Глики. Таким образом, в литературу народные греческие пословицы могли с этого времени входить и через подобные сборники.

Но конкретный вопрос об отношении устных пословиц к афоризмам, перешедшим в древнерусскую литературу через библейские книги — Псалтырь, книги «Премудрости» Соломона и Иисуса сына Сирахова, через многочисленные византийские и болгарские произведения учительного жанра и, наконец, через сборники изречений на разные темы, во многих случаях может быть решен вполне определенно: часть книжных изречений мы обнаружим в более или менее переработанном виде в составе устных пословиц, а в поздних списках сборников типа «Пчелы» иногда встретятся дополнения, взятые из народного источника.

В настоящей статье тема «Древнерусские афоризмы и русские народные пословицы» изучается на материале Изборника Святослава 1076 г. — древнейшего русского сборника, в который вошли выборки и из памятников учительной литературы, богатых афоризмами, и из специальных паремииографических произведений.³

¹ М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904, стр. II.

² Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Изд. 3. М., 1966, стр. 4—5.

³ Изборник 1076 года. Издание подготовили В. С. Голыщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. Изд. «Наука», М., 1965 (в дальнейшем: Изборник).

Список сокращений изданий пословиц и изречений

Богданов — Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв. Издание подготовили М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. —

В серии: Памятники русского фольклора. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 65—118; Сборник пословиц А. И. Богданова.

Даль — Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. ГИХЛ, М., 1957.

Паус — Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв., стр. 40—46; Собрание пословиц И. В. Пауса.

Петр. — Там же, стр. 23—39; Сборник пословиц б. Петровской галереи.

I

XI век в истории русской литературы был временем, когда в нее широким потоком влилась византийско-болгарская литература самых разнообразных жанров. К середине этого века возникла и русская переводческая школа, инициатива создания которой принадлежала киевскому князю Ярославу Владимировичу, не случайно отмеченному прозвищем «Мудрый». По свидетельству летописи Ярослав «собра писце многы и прекладаше от грек на словеньское письмо, и списаша книги многы, ими же поучащесе вернии людье наслаждаются ученья божественаго» (Повесть временных лет 1037 г.). Именно в княжение Ярослава сложилась та княжеская библиотека, на основе «многоъ книгъ» которой при сыне Ярослава Святославе Ярославиче за короткие годы его княжения в Киеве (1073—1076 гг.) были созданы два замечательных сохранившихся до наших дней сборника — так называемые Изборники Святослава 1073 и 1076 гг. Первый из них был точной копией переведенного с греческого болгарского сборника царя Симеона. В 16 списках этот Изборник, включающий материал самого разнообразного содержания — богословского, учительного естественноисторического, по теории риторической речи, в течение всего средневековья, до XVII в. включительно, продолжал служить своего рода энциклопедией сведений по разным отраслям знаний. Иной характер носит Изборник Святослава 1076 г. Состав его определился интересами «грешнааго Иоана», русского писца, который сообщил в заключительной записи, что «книгы сия... избърано из многоъ книг княжих». Что же «избъра» этот книжник? Из обширной переводной литературы, которую он нашел в княжеском собрании, «грешный Иоан» отобрал полностью или в выписках сочинения, по преимуществу трактующие вопросы личной и общественной морали, отвечающей нормам христианской религии. Основная тема Изборника 1076 г. — «как жити христианину».

Составитель подобрал на эту тему ряд поучений, которые прочно закрепились в древнерусской литературе, поскольку неизменными оставались в течение всего средневековья сформулированные в них правила поведения образцового христианина. Введением ко всему сборнику является начинающее его «слово некоего калугера о чьтении книг», которое предупреждает читателя о необходимости внимательно читать «книгы и словеса та»: «послушаим разумныма ушима и поразумеим силу и поучение святых книг» (стр. 156). Уже в этом вступительном «слове» обращает на себя внимание характерный почти для всех остальных поучений прием изложения: широкое пользование афористической формой речи, легко запоминающимися изречениями, которые обобщают основные мысли, иногда прибегая к сопоставлениям, приближающим эти мысли к пониманию читателя.

Кроме специальных подборок изречений — Нила Синайского (помещенных под именем Исихия пресвитера Иерусалимского) и Иисуса сына Сирахова, в Изборнике есть «поучения», особенно выделяющиеся афористичностью речи: «Слово некоего отца к сыну своему, словеса душеполезная», «Ксенофонта еже глагола к сынома своим», «Святых Фео-

Пчела — В. Семёнов. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893.
Симони — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, собрал и приготовил к печати Павел Симони, I—II, СОРЯС, т. LXVI, № 7, СПб., 1899.

Татищев — Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв., стр. 47—64: Сборник пословиц В. Н. Татищева.

доры» — также наставление сыну, «Стословец», «Святого Василия како подобает человеку быти» (в греческом оригинале это «слово» обращено к инокам). Иногда составитель Изборника выделяет особым заглавием группы изречений на определенную тему, то называя источник, откуда они взяты, то опуская имя автора, например: «о звании сильных», «о женах злых и добрых», «о жене лукаве», «о златолюбьци», «пророка Иоила о пьянстве», «Иоанна Златоуста о глаголющих в церкви» и т. д.

Составитель этого сборника, как видим, действительно правильно определил содержание своего труда — «избърано из мног книг княжих». Перечень авторов, из сочинений которых он выбирал на свою тему материал, показывает, насколько богата уже была к семидесятым годам XI в. княжеская библиотека и как основательно изучил ее «грешный Иоан». Начитанность позволила ему словами авторитетных христианских писателей ответить на самые разнообразные вопросы, возникавшие у читателей феодальной Руси: о богатых и бедных, о властях и подчиненных, о «попех» и их пастве, о семейных отношениях — о родителях и детях, о «женах злых и добрых», и, наконец, в «Стословце» и «Вопросах Антиоха» он дал разъяснение ряда собственно религиозных тем.

Через многочисленные списки сочинений, полностью или в выписках вошедших в Изборник 1076 г., часть изречений их вошла в живую речь начитанных книжников, а отсюда в разговорный язык в целом. Здесь произошла встреча книжных по происхождению изречений с народными пословицами, и последние иногда передали свой ритмический строй литературному афоризму, несколько приблизили его лексику и особенно грамматические формы к живому языку. В таком трансформированном виде часть этих литературных афоризмов встречается даже в сборнике пословиц В. И. Даля, который называет их «пословичными изречениями».

II

Основная тема Изборника — «како жити христианину» — определила особое внимание составителя к размышлениям христианских писателей по поводу «нрава» и поведения человека и его взаимоотношений с окружающими. Образ «положительного героя» — образцового христианина — создается главным образом на основании осудительных оценок отдельных черт характера и поступков каждого человека и представителей определенных социальных слоев.

Не касаясь многочисленных сентенций, требовавших от христианина «добродетелей», прямо вытекавших из христианского учения о благочестии, покорности «воле божией», смирении, остановимся на тех афоризмах, суждения и наблюдения которых выходят за рамки узко религиозной этики и которые нередко сохраняют свою справедливость и вне связи с религиозными представлениями.

Размышляя о «нраве» и поведении человека, помня христианское представление о «грехе» как отступлении от требований религиозной этики, а вместе с тем и о нарушении общечеловеческой морали, составитель Изборника опирается на учительную литературу, которая предупреждала: «Несть праведна иже не имать ничто же согрешения, и несть грешна, иже не имать ничто же блага».⁴ «Безгрешнааго есть дело еже грехом судити чюжим,

⁴ Поучение св. Иоанна Златоуста «О напастех и бедах» по Прологу изд.: А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы (в дальнейшем: Пономарев. Памятники), вып. 4. СПб., 1898, стр. 105.

къто же е без греха, разве един бог», — таким афоризмом напоминает Изборник (стр. 251) о том, как много «грехов» в жизни и как вдумчиво надо «судить» грешника. Первая часть этого афоризма нашла свое отражение уже в записях пословиц конца XVII—начала XVIII в.: «Безгрешна человека на свете несть», «Нет того человека, не преступил бы чего» (Симони, стр. 78, 188). В сборнике Даля вариант: «Нет такого человека, чтоб век без греха прожил» (стр. 43). В устной передаче вторая часть книжного афоризма сохранилась очень близко: «Един бог без греха», «Один бог безгрешен» (Даль, стр. 43).

Через выборку из «слов» Иоанна Златоуста Изборник приводит и евангельский наказ: «Не осуждите да не осужени будете» (стр. 453; ср. в Ев. Матф., 7, 1—2: «Не судите да не судимы будете»). И это наставление перешло в устное изречение: «Не осуждай и осужден не будешь»; «Не суди других, не осудишься от них» (Даль, стр. 736). Однако смысл этого «непротивленческого» совета существенно ограничивается в Изборнике афоризмами, рекомендующими избегать советников и друзей «льстивых», которые только «хвалят», ни в чем не оспаривают, предпочитать тех, кто умеет возражать, т. е. «судить». В «Наказании богатым» Изборник советует: «Таки убо себе другы и съветьники имеи, иже не вься глаголемая тобою хвалят, но судьмь правдьнымь тьштатъ ся отвештати ти» (стр. 200).⁵ То же предостережение от «льстецов» звучит и в других афоризмах Изборника: «Отъвраштяи ся ласкавьць льстных словес яко и вранов, искалають бо очи умьнеи» (стр. 199); «Мънози бо приязнию лицемерною вельми известным пакость творять» (стр. 205); «Разумеваи суштлиих с тобою норовы, да познаеши в истину с любовью служаштиих ти или с льстью ласкаюштиих» (стр. 204—205).

Если в старых пословицах — «Друг льстив корысти желатель» (Симони, стр. 95), «Не тот тебе друг, кой в глаза льстит, но той тебе друг, кой за очню добра творит» (Паус, стр. 40) — еще ощущается переключки с книжным предостережением от льстецов, то лишь по общей мысли совпадает с ним народная пословица — «Не люби потаковщика, люби встрешника», известная в записях от сборников XVII—XVIII вв. до собрания Даля (Симони, стр. 12; Петр., стр. 32; Татищев, стр. 58; Даль, стр. 662). В отличие от книжного афоризма народная пословица относит этот совет не только к «богатым» и «сильным», но ко всем людям вообще.

Из приведенных выше афоризмов Изборника вырисовывается одно из положительных качеств человека — умение выслушать справедливый «суд», не поддаваться на «льстивые» речи со всем соглашающегося «ласкавьца». Соответственно безоговорочно осуждается «ласкавьць». «Другом» и «съветьником» человеку может быть только тот, кто «судьмь правдьнымь» оценивает его слова и поступки. Теме дружбы и характеристике истинного друга посвящен ряд афоризмов Изборника.

Ценность дружбы подтверждается изречением Иисуса Сираха: «Друг верьн — кров крепкъ, обретьи же его обрете съкровиште», «Друг верьн — утеха житию» (стр. 329). Пересказ части этого изречения записал как пословицу Паус: «Кто имеет доброго друга, обретает сокровище» (стр. 44). Татищев повторяет начало афоризма Изборника: «Друг верен — кров крепок» (стр. 52).

Подлинный друг познается в дни печали, тогда как мнимых друзей много у богатого и удачливого — об этом напоминают афоризмы Избор-

⁵ От имени Сократа (в греческом тексте «Исократ») «Пчела» дает аналогичный совет: «Друга ищи не мила тебе деющася, ни по тебе молвяща, но крепкаго думцю и полезнаго тебе иуща и противящася непоставным твоим словом» (стр. 63).

ника. Из книги Иисуса Сирахова выписан здесь совет: «Аште сътвориши друга, то в напастях си и сътвори и, и не скоро увери ся ему. Есть бо друг в время радости и не пребудеть в день печали твоя... И есть друг трапезам обьштьник и не пребудеть в днь скърби ти» (стр. 327—328). В конце XVII в. в число пословиц занесено изречение: «Друг верен в напастех познавается» (Симони, стр. 95); «Друг познаваецца при рати да при беде» (Петр., стр. 26).⁶ Здесь же есть аналогия и последней части книжного изречения: «При пиру, при беседе много друзей и братьей» (стр. 33). Паус записал краткую форму пословицы: «Когда богат, тогда и друзей много» (стр. 41). Варианты находим в записи Татищева: «Друга узнать в напасты» (стр. 52); «При пиру и беседе много друзей» (стр. 61); «Друг познается при рати и обеде» (стр. 52). У Даля часть вариантов повторяют старые записи: «Друг познается в несчастии», «Без беды друга не узнаешь», «Друг познается на рати да при беде» (стр. 775). Но пословица о друзьях «при пиру» приведена в художественно обработанной ритмической форме: «При пире, при бражке — все дружки, при горе кручине — нет никого», «Как при пире, при беседе — много друзей, как при горе, при кручине — нет никого» (Даль, стр. 777).

Обобщенное выражение мысли об испытании человека в дни «напасты» усиливается сопоставлением в афоризме, приведенном в Изборнике со ссылкой на «Мудрость Иисусову» (книга «Премудрости Иисуса Сираха»): «Огньмь искушено бываеть злато, а человеци приятни в время съмерения» (стр. 316). В виде изречения Сократа «Пчела» относит этот афоризм к друзьям: «Злато огнем искушается, а друг житийскими напастями» (стр. 62).⁷ В устную пословицу этот афоризм перешел именно в форме, восходящей к изречению Иисуса Сираха, включенному в Изборник: «Золото огнем искушается, а человек напастями» (Даль, стр. 151).

Изборник учит особо ценить «старого» друга: «Не оставяи старааго друга, новыи бо несть тьчьн ему» (стр. 373). Эту мысль по-разному выражают устные пословицы начиная со старших записей: «Старой друг лутче семерых молодых» (Симони, стр. 142); «Старой друг лутче новых двух» (Петр., стр. 35); «Нового друга желай, а старого не избывай», «Новых друзей наживай, а старых не теряй» (Даль, стр. 296),⁸ «Новый друг что неуставный плуг», «Молодой дружок что вешний ледок» (Даль, стр. 740).

В условиях феодального общества «общехристианские идеи милосердия, любви к ближнему, нищелюбия... были идеями феодального класса в целом, оправдывали и обосновывали его господство, эксплуатацию большинства».⁹ Немало внимания уделил и составитель Изборника этим темам. Человек должен быть «милостивым», отзывчивым на людскую нужду. Видимо, эта тема представлялась составителю весьма существенной, и потому не случайно он, заканчивая свой труд, выписал целиком произведение, выпадающее из жанра сборника в целом. Перед заключе-

⁶ У Даля есть близкий вариант — «Коня в рати узнаешь, а друга в беде» (стр. 775), представляющий точный перевод изречения Плутарха (И. Е. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897 (в дальнейшем: Тимошенко), стр. 125).

⁷ В греческом тексте Менаандра изречение также отнесено к друзьям: «Золото на огне может быть испытано, а расположение друзей узнается в трудную минуту» (Тимошенко, стр. 82).

⁸ Точное соответствие этому тексту находим в сборнике XV в. греческих пословиц, составленном Михаилом Апостолием, включившим в него «изречения знаменитых мужей древности» (Тимошенко, стр. 165).

⁹ См. подробнее: Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 82.

тельной записью «грешнаго Иоана» помещена трогательная легенда «О милостивем Созомене и о томъ, како даи нищему 100рицею прииме» (стр. 687—700). Это чисто повествовательное произведение должно было дать наглядный пример того, как вознаграждается щедро подаваемая милостыня.¹⁰

Среди афоризмов, выражающих общехристианскую оценку милостыни как средства спасения, например — «Огнь поляшть вода угасить, а милостыни оцестить грехы» (стр. 417), находим изречение Иисуса Сираха, напоминающее, что милостыню следует подавать вовремя: «Красьна есть милостыни в время скърби, яко же и облаци дъждевнии в время ведра» (стр. 352—353). В конце XVII в. в устной передаче это изречение звучало так: «Честна милостыня во время скудости» (Симони, стр. 154; то же — Петр., стр. 38; Татищев, стр. 52, вар. Дорога...).

Изборник повторяет совет Иисуса Сираха: «Не буди рука твоя протърта на възятие, а на даение съгъбена» (стр. 323). Независимо от этого изречения устная поговорка по-своему оценивает «даяние»: «Лучше дать, нежели взять», «Дай бог подать, не дай бог просить» (Даль, стр. 647).

Защита «обидимаго» — тема многих изречений Изборника, например: «В кротости изъми обидимаго изд руки обидяштааго» (стр. 419). В конце XVII в. аналогичная оценка выражена в поговорке: «Не тот милостив, хто много милостыни дает: тот милостив, кто никого не обидит» (Симони, стр. 127).

Так, к идеальному характеру человека Изборник добавляет еще две черты: он не просто «милостив», но умеет оказать помощь вовремя и защитить «обидимаго». Оба эти качества ценит и устная поговорка. Но гораздо чаще и афоризмы Изборника, и аналогичные им по мысли устные поговорки подсказывают, каким не должен быть человек, тем самым определяя его положительные качества и основанное на них поведение.

Изборник дает целый ряд наставлений в форме афоризмов на тему, с которой древнерусский читатель был хорошо знаком по евангельским текстам Матфея и Луки, советовавшим прежде всего замечать свои недостатки: «Что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» (Ев. Матф. 7, 3, Луки 6, 41).

Изборник именем Исихия презвитера Иерусалимского называет изречение Нила Синайского: «Съмотрим себе да инем не зазираем, мъного бо того в нас, имь же то инем не зазираем» (стр. 276). Из «слов» Иоанна Златоуста в Изборник включены изречения: «Врачу врачуи себе... себя не могы учити и инех начиная учити мъногы имать ругателя на ся» (стр. 444).

Эта тема в устных поговорках непосредственно связана именно с евангельским ее выражением, но по самой мысли вполне совпадает и с изречениями Изборника: поговорки на эту тему известны в записях с XVII в.: «У друга в глазах вижу сучец, а у себя не вижу бревна» (Татищев, стр. 63); «У друга сучок в глазе видишь, а у себя и бревна не чюешь» (Петр., стр. 35); «В чужом глазу порошокну видишь, а в своем пенька не видишь», «В чужом глазу порошокна — велик сучок, в своем и бревна не видать» (Даль, стр. 465). Отдаленно примыкают к этому совету замечать прежде всего свои недостатки иронические поговорки: «Дурной хулит нехорошего», «Кому всё не годится, тот и сам не годится» (Даль, стр. 465, 466).

¹⁰ У Даля есть поговорочное изречение, выражающее эту мысль: «Кто добро творит, тому бог отплатит» (стр. 127).

«Злоба» и «зависть» осуждаются в изречениях Изборника многократно: «Завидливу себе несть зълеиша» (стр. 351), «Что же льгъчае брату не завидети» (стр. 449), «Ничьсо же с завистью творити» (стр. 471), — такие и им подобные советы повторяются в разных статьях Изборника. Словами Иисуса Сираха поясняется вред «зълобы» — она проявляется у человека даже тогда, «аште и добро сътворитъ, то забыв ся творитъ и на последък изнесетъ зълобу свою» (стр. 351).

Пословицы конца XVII в. также осуждают зависть, повторяя и религиозную оценку этого порока: «Обидлив, завидлив не внидут в рай» (Симони, стр. 129); но и без этой мотивировки «зависть» вредна самому человеку: «Зависть имеи часто въздыхает» (Симони, стр. 105); унижительное сравнение в поговорке подтверждает осуждение завистливого: «Завидливый что пес, обидливый что бес» (там же). У Даля собрано большое число самых разнообразных пословиц и поговорок, осуждающих зависть, хотя прямо и не связанных с книжными изречениями на эту тему: «Злой плачет от зависти, а добрый от жалости (радости)», «Завистливый по чужому счастью сохнет (чахнет)», «Завидуши глаза не знают стыда», «Завистью ничего не возьмешь» и т. д. (стр. 672—676).

Жадность во всех ее проявлениях осуждается в Изборнике: «Не ть есть богат, мьного имея, но ть, иже мьнога не требует. Ни убог есть ть, иже мьнога не имать, нь ть, иже мьногих хочеть», — учит Иоанн Златоуст (стр. 437). Пословица по-своему учит тому, что ценно не само богатство: «Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад» (Даль, стр. 107).¹¹

Словами Иисуса Сираха Изборник советует: «Ни другу того сътвори, еже ти себе не [любо]» (стр. 338). Отметим, что «Иоанн диак», закончив переписывание Изборника Святослава 1073 г., вспомнил в заключительной записи то же изречение: «А коньць вьсемъ книгамъ. Оже ти собе не любо, то того и другу не твори» (л. 263 об.). Пословица шире применяет этот совет: «Чего себе не хочешь, того и другому не твори» (Даль, стр. 194).

Изречение Исихия (ошибочно вместо Нила Синайского) рекомендует умеренность в еде: «Толико тьчю даи телу, елико же требует, а не елико же похочеть» (стр. 278). Устные пословицы в самой разнообразной форме осуждают жадность в еде: «Много сможется, вдвое хочеться»,¹² «Не столько надобится, сколько хочеться», «Ложка то узка — таскает по три куска; надо ее развести, чтоб таскала по шести», «Ты, брюшко, хоть лопни, а добро не оставайся» и т. п. (Даль, стр. 677—678).

Изборник с разъяснением включает афоризм Исихия: «Мати зълм леность: доброты бо, яже имаши, крадетъ, а их же не имаши, не дасть обрести» (стр. 287). От имени того же автора выше приведено и другое изречение, близкое по теме, осуждающее праздность: «Праздныи же да не ясть» (стр. 286). Учительная литература широко развивает тему этих изречений в «словах» «о ленивых и сонливых», и в одном из них повторяется первый афоризм вместе с пояснением: «Леность бо всем злым делом мати есть: аще бо что и доброты имаши, то леность погубляет, а инех добродетелей не даст совокупити; аще бо и богат будеши, а ленив, то оскудееши». Второй афоризм приводится в том же «Поучении ленивым

¹¹ К этой пословице ближе изречение Демокрита из «Пчелы»: «Не богатый блажен, но иже богатства не требует» (стр. 131).

¹² В общей форме суждения о жизни в целом пословица советует такую же умеренность: «Не живи как хочеться, а живи как можеться» (Даль, стр. 58). Греческие и латинские параллели к этой пословице Тимошенко указывает начиная с Платона и Теренция (стр. 62).

иже не делают» Василия Великого Кесарийского в слегка измененном по сравнению с Изборником виде: «Ленивый же, да по Апостолу — не яст».¹³

В пословицах первому книжному афоризму соответствует изречение: «Праздность мать пороков» (Даль в примечании определяет его как переводное, стр. 500), «Лень мужа портит, а стан ево кормит» (Симони, стр. 118). Подобно учительной литературе пословицы предупреждают, что лень ведет к бедности: «Леность наводит бедность» (Симони, стр. 118), и в том же сборнике конца XVII в. свободные варианты этой мысли: «Ленивой пьет воду», «Ленивого и по платью знать» (Симони, стр. 116). В записях Даля есть несколько вариантов мысли о том, что лень ведет к бедности: «Лень добра не деет», «Станешь лениться — будешь с сумой волочиться», «Лень к добру не приставит» и т. д. (стр. 505—507).

Второй книжный афоризм — «Праздный (ленивый) да не яст» — также переключается с пословицами: «Хочешь есть калачи, так не сиди на печи», «Лень без соли хлебает», «На чужую работу глядя, сыт не будешь» и т. п. (Даль, стр. 502, 505, 508).¹⁴

В обстановке классового общества вставали сложные вопросы об отношении «богатых» и «сильных» к бедным и подчиненным. Не всегда в христианской литературе эти вопросы решались только в соответствии с требованиями религии, учившей бедных терпеливо сносить свою долю в надежде на награду после смерти и беспрекословно подчиняться всякой власти, потому что она «от бога». В той же литературе мы найдем и осуждение «немилостивых» богатых и «неправедных» судей. Критическое отношение к тем и другим отражено и древнерусскими афоризмами и устными пословицами.

Составитель Изборника уделил значительное внимание темам богатых, властей и отношения их к бедным, подчиненным, выделив даже посвященные этим темам особые статьи: «Наказание богатым» (стр. 198—206), «О звании сильных» (стр. 347—368), «О златолюбьи» (стр. 390—402). Часть изречений этих разделов находит аналогии в пословицах.

Признавая закономерным деление людей на богатых и бедных, «властелинов» и подчиненных, христианская литература призывала богатых и «сильных» «не обидеги» бедных и предъявляла к ним ряд требований. Не всякий, утверждает «Наказание богатым», имеет право быть «властелином»: «Тьгда наречеть ся кьто убо истиньныи властелин, егда сам собою обладает и нелепым похотьм не работаеть» (стр. 202).¹⁵ Аналогичны по мысли пословицы, записанные Далем: «Кто сам собою не управит, тот и других не наставит», «Не управишь собою — не управишь и другим» (стр. 125).

Изборник в том же «Наказании богатым» требует от судьбы одинаковой справедливости по отношению ко всем: «Не оправьдаи неправьдьянаго аште и друг ти есть; ти обидить правьдьянаго, аште и враг ти есть» (стр. 203—204). Пословица повторяет это требование в более общей форме, не направляя его только к судьбе: «Другу дружи и другому не вреди (а недруга не губи)», «Другу не дружить, а недругу не мстить, чтоб души не сгубить» (Даль, стр. 191).

¹³ Пономарев. Памятники, вып. 3, стр. 92.

¹⁴ Подобно тому как в «словах» «о ленивых и сонливых» образ ленивого дается в сатирических тонах, так и в пословицах много насмешек над ленивым.

¹⁵ «Пчела» от имени «Димокрита» короче выражает ту же мысль: «Иже хоцет над инем княжити, да учится первие сам собою владети», «Несмысленным уне есть под властью быти, нежели самому владети» (стр. 103).

В разделе «О звании сильных» словами Иисуса Сираха с горькой иронией Изборник напоминает о том, как по-разному люди оценивают одни и те же поступки богатого и бедного: «Богату съблзнивъшуся мнози заступници и глаголы неиздреченьными оправдять и. Убогии же съблзни ся и припретиша ему и извешта разум и не даша ему места», «Богаты възглагола и вси умълкоша и слово его възнесоша до облак. Убогии же възглагола и вси рекоша: чъто съ есть? И аште потъкнеть ся, въздринуть и» (стр. 348—350).¹⁶ В старших записях пословиц особое отношение к богатому выражено хоть и кратко, но вполне определенно: «Богата хотя дурака всяк почитает», «Богату хотя глупу всяк деет место» (Симони, стр. 81). Противопоставление судьбы богатого и бедного в старших записях пословиц построено на иных образах: «Богат ищет места, а убог смотрит теста», «Богат мыслит о злате, а убог о блате», «Богат шол в пир, а убог брел в мир», «Богатому пакость, а убогому радость» (Симони, стр. 78, 80, 175). Иначе звучит такое противопоставление в записях Татищева: «Богатой сахар зоблет, и убогий не камень гложет» (стр. 47). В сборнике 1741 г. Богданова противопоставление ближе к книжному афоризму, подчеркивающему разницу в отношении к речам богатого и убогого: «Богатого слово — в евангелие кладут, а убогого — и в азбуку не годится» (стр. 66), и там же: «Богатый носит что хочет, а убогой что может». В записи Даля еще ближе к изречению Сираха выражено особое отношение к речам богатого, хотя противопоставление словам убогого отсутствует: «Коли богатый заговорит, так есть кому послушать», «Богатый хоть врет и то впрок идет», «Тот и умен, кто богато наряжен» (стр. 81—83).

Именно потому, что составитель Изборника наблюдал, что в жизни всегда одолеет богатый и «сильный», он включил в раздел «о златолюбье» изречение Сираха, советующее бедняку подальше держаться от них: «С креплешиим себе и с богатеишимъ не приобыштаи ся. Кое бо приобыштение гърньцю с котълъмъ: ть бо приразиться и съкрушиться» (стр. 401—402). На том же образе построена пословица в сборнике Даля: «Горшок котлу (вар.: чугуну) не товарищ» (стр. 773).

Таким же предупреждением звучит в Изборнике совет Сираха не ссориться, не спорить с «сильным» и с «судией»: «Не свари ся с человекъмъ сильнъмъ, еда како въпадеши в руке его», «Не тишти ся с человекъмъ сильнъмъ, еда како отягъчить ти меру», «Не свари ся с судиею, по преже бо судять ему» (стр. 343—344, 347). В XVIII в. не раз записывалась сходная по смыслу пословица: «С сильным не борись, а з богатым не тяжись» (Петр., стр. 34; Татищев, стр. 62; Богданов, стр. 111). Паус записал, видимо в пересказе, ту же пословицу: «Бедной не тягается с богатым» (стр. 42). У Богданова шуточный вариант: «Борис, не со всяким борись» (стр. 68). Даль повторяет старую пословицу (стр. 98) и приводит ее вариант: «Не силен — не борись, не богат — не сердись» (стр. 830).

¹⁶ На «Сираха» ссылается и «Пчела», более кратко излагая мысль об особом отношении к богатому: «Богату съгрешивъшу, мнози помощници обретошася ему и изорченне глагол его оправдиша», «Богаты възглаголеть и вси умолкоша и слово его възвысиша до облак» (стр. 127). Даниил Заточник сохраняет, хоть и короче, чем Изборник, противопоставление «богатый—убогий»; «богат мужь везде знаемъ есть и на чужей стране друзи держитъ, а убог во своен ненавидимъ ходитъ. Богат възглаголеть — вси молчат и вознесутъ слово его до облак, а убогин възглаголеть — вси нань кликнуть. Их же ризы светлы, техъ речъ честна» (Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, стр. 11).

Совет не ссориться с судьей подчеркивается в Изборнике предупреждением Сираха о силе «мзды» — взятки: «Мзда и дарове ослепляют очи мудрых, да видяштей не видять» (стр. 362—363).¹⁷

В наиболее близкой к афоризму Изборника форме передают этот совет записи XVII—XVIII вв.: «Мзда и премудру мужу ослепляет очи» (Симони, стр. 120); «Мзда и мудрых ослепляет очи» (Богданов, стр. 95). Записи Татищева напоминают, что в изречении Изборника назывались и «дарове» и «мзда»: «Дары и мудрых ослепляют», «Мзда и мудрых ослепляет» (стр. 51, 56). Первую из этих пословиц о «дарах» приводит и Даль (стр. 174). Применение изречения о силе мзды к «судиям» нашло отражение в пословицах: «Мздою что уздою обратишь судью в твою волю» (Симони, стр. 120). В записях Даля смысл этого изречения сохраняется в самых разнообразных по форме пословицах: «Судью подарить — правду победишь», «Дари судью — так не посадит в тюрьму», «Скорее дело вершишь, коли судью подарить», «Порожними руками с судьей не сговоришь» и т. п. (стр. 173—175).

Библейские книги и позднейшая христианская литература учили вдумчивому, осторожному отношению к слову, осуждали болтливость, предостерегали от «словес льстивых», от «клеветы», требовали умения хранить тайну. Евангелие от Матфея (гл. 7, ст. 7) стало источником пословичного изречения, известного в записях XVII—XIX вв.: «Во многом глаголении несть спасения» (Симони, стр. 85; Паус дает пересказ: «Во многих словах нет спасения», стр. 40; точно передают это изречение Татищев, стр. 48, Богданов, стр. 73 и Даль, стр. 407).

Изборник именем Исихия (Нила Синайского) призывает к воздержанию от болтливости: «Свяжи язык си, многашьды бо извештаеть, еже есть лепо таити» (стр. 277—278). Изречения Иисуса Сираха вторят: «Человек мудр умлчить до времени и умножиа словеса мързък будеть» (стр. 361), «Язык человекъ падение ему есть» (стр. 325).

Против неразумного пользования словом, против болтливости предостерегают и пословицы: «Язык мой враг мой — прежде ума моего рыщет» (Симони, стр. 161; Петр., стр. 26). Даль повторяет старую форму этой пословицы, но дает и вариант: «Язык мой враг мой — прежде ума рыщет, беды ищет» (стр. 412). Тот же совет выражается в пословицах и в другой форме, не связанной с книжными афоризмами: «Сперва подумай — потом говори» (Симони, стр. 195); «Много знать подобает да больше молчать» (Паус, стр. 40); «Многие речи в добро не приводят», «Мало говори — больше услышишь», «Много знай да меньше говори», «Мы видим да не скажем» (Богданов, стр. 94—96); «Поменьше говори — побольше услышишь», «Слушай больше, а говори поменьше» (Даль, стр. 407).

Афоризму Сираха — «Не буди скор языкъмъ своимъ и ленив и слаб в делех своих» (стр. 322) у Даля соответствует пословица «Не спеша языком, не ленись делом (вар.: а торопись делом)» (стр. 564). Изречению того же автора — «Слыша ли слово тайно, да умереть с тобою и не всякому словеси веру еми» (стр. 360) вторит пословица: «Не всякому слуху верь, не всякую правду сказывай» (Даль, стр. 413).

Среди недостатков в поведении человека Изборник словами Сираха осуждает привычку часто давать клятвы: «Кльнныи ся мьного испльнить

¹⁷ Афоризм «дары ослепляют ум богов бессмертных и людей» получил широкое распространение от Гесиода через Платона и Овидия, но христианские писатели усвоили через Лексикон Свиды сокращенный его вариант: «Дары и мудрых ослепляют» (Тимошенко, стр. 16—17).

ся безакония» (стр. 365). В сборнике Даля находим варианты той же мысли: «Кто без дела божится, на того нельзя положиться» (стр. 655), «Горе кланущемуся, а вдвое на клятву ведущему» (стр. 654), «Кто много врет, тот много божится» (стр. 653).

Сурово осуждает Изборник, опираясь на церковные авторитеты, пьянство, хотя и признает справедливым изречение апостола Павла: «Мед в веселие дано бысть богъмь, а не на пьянство сътворено бысть» (стр. 686). Эту оговорку усвоили и пословицы в записях с XVII в.: «Вино веселит сердце человеку», «Невинно вино — виновато пьянство» (Симони, стр. 84, 128). Татищев записывает: «Невинно вино — но проклято пьянство» (стр. 57; Богданов, стр. 100). У Богданова отмечены и варианты пословиц конца XVII в.: «Вино не винить, но пьянство» (стр. 70), «Не вино винит, но пьянство» (стр. 100). Даль записывает и книжное изречение «Вино веселит сердце», но повторяет и обвинение пьянства: «Невинно вино, а проклято пьянство», «Не винит вино, винит пьянство» (стр. 802).

О вреде пьянства не только с религиозной точки зрения — «Пиянице цесарьствия божия не наследствуют» (как пословица это изречение записано в XVII в. — Симони, стр. 134), «Не упивайтесь винъмь, в немъ же несть спасения» (стр. 685). Изборник предупреждает словами апостола Павла: «Делатель пияница не обогатеетъ» (стр. 685). О материальном вреде пьянства напоминают и пословицы: «Любят вино и масло не обогатятся», «Пить до дна не видать добра», «Пить много винца — не видать добра» (Симони, стр. 118, 134, 192). «Пить до дна — не видать добра» — самая популярная в ряду пословиц о материальном вреде пьянства (см. Петр., стр. 33; Богданов, стр. 105; Даль, стр. 798).

Но Изборник приводит и обширные выписки из «Беседы» Василия Великого «против упивающихся», где среди других вредных последствий пьянства отмечено: «Пьянство бо есть съмыслу раздрусение и пагуба» (стр. 684). Эта мысль постоянно напоминает в пословицах: «Не пей много вина — не истяряешь ума», «Хто пьет до дна, тот живет без ума», «Полно пить — лутче ум копить» (Симони, стр. 125, 151, 186). В сборнике Даля: «Выпьешь много вина, так поубавится ума», «Вино сперва веселит, а там без ума творит» (стр. 799), «Пить — пей, только ума не пропей» (стр. 795), «Не жаль вина — жаль ума», «Вино с разумом не ладит» и т. п. (стр. 799). Впрочем иногда пословица спорит с этими изречениями: «Пей до дна — наживай ума», «Чарка вина прибавит ума» и даже «Пьян бывал, а ума не пропивал» (Даль, стр. 794).

Вопросы семьи, семейных отношений также затронуты в ряде статей Изборника. Из изречений Иисуса Сираха составитель выбрал группу, озаглавив ее «о чьсти родитъл» (стр. 411—415), другую выделил заголовками «о женах зълых и добрых» (стр. 382—384), «о жене лукаве» (стр. 384—385). Об обязанностях детей по отношению к матери и о верности мужа говорит поучение «Ксенофонта иже глагола к сынома своима» (стр. 477, 479—481).

Наставляя «чътити» родителей, Сирах обещает награду за это: «благословение бо отче утвържьаеть дома чядом, клятва же матерья искореняетъ до основания» (стр. 413). Это изречение вошло в XVII в. в Повесть о Горе Злочастии, а в виде устной пословицы в разных вариантах находим его в сборнике Даля: «Родительское благословение на воде не тонет, на огне не горит», «Отцовская клятва сушит, а материна коренит», «Материнская молитва со дня моря вынимает» (Даль, стр. 387). Наставление Ксенофонта — «Матери же ваю чьсть отъдаита и все добро сътвориата ей, да господа узьрита радующтя ся», «Матере не забываита, волю

ен творита» (стр. 479, 480) — отозвалось в пословичном изречении: «Покояй матерь свою волю божию творит», «Не оставляй отца и матери на старости лет, и бог тебя не оставит» (Даль, стр. 385).

«Жене доброй» посвящены изречения Сираха: «Жены добры блажен есть мужь ея и число дънии его сугубо», «Жена добля веселить мужи своего и лета его испълнить миръмь», «Жена добля и мудра — часть блага и в чясти боящих ся господа дана будеть», но Сирах скептически замечает: «Жену мудру не удобь обрести» (стр. 383—384). Такую характеристику доброй жены пословица усваивает рано — в сборнике XVII в. находим: «Женою доброю муж честен бывает» (Симони, стр. 183); «Женою доброю и муж честен» (Петр., стр. 26); «Доброю женою и муж честен» (Даль, стр. 370).

Изобретательнее была византийско-болгарская литература, подбирая осудительные определения «злой жены». За три года до составителя Изборника 1076 г. «Иоанн диак», копировавший болгарский Сборник царя Симеона, познакомил русских читателей с особым «словом о злых женах», в котором с поразительной щедростью собраны разнообразные сопоставления женской «злости» с самыми отрицательными предметами и явлениями. Может быть, помня это «слово», «грешный Иоан» ограничился в своей подборке лишь несколькими характеристиками «злой» и «лукавой жены»: «Мала есть вся зълоба противу зълобе женъскей» (стр. 382) — ср. в пословицах: «Злых всех злее злая жена» (Симони, стр. 105), «Злая жена злее зла» (Даль, стр. 376). Изборник продолжает: «Жена лукава язва сердьчная», «Волю жити с львъмь неже с женою лукавою», «От жены начятък греху, и тою вси умираем» (стр. 382—384). Даль записал много пословиц, осуждающих «злых» жен, но бóльшая часть их восходит к «словам о злых женах», старший образец которых читается в Изборнике Святослава 1073 г. Однако пословица «Лучше жить со змеєю, чем со злою женою» (Даль, стр. 376), как и ее вариант «Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою» (там же), близки к изречению Сираха («Волю жити со львом...»). Пословичный вариант книжного напоминания о «грехе» Евы — «От жены начятък греху...» — приводит Даль: «Ева Адама прельстила, весь род погубила (потопила)» (стр. 211).

Включенное в Изборник «Слово некоего отца к сыну своему» учит, что в жизни рядом живут радость и горе, поэтому не следует веселиться: «Не въсхошти веселовать ся в мире семь: все бо веселие света сего с плачьмь кончаваеть ся. И се яве видети в мире семь в дъвоих суседех — у сих сватьбу творять, а у других мрътвьця плачють ся: и ть же плачь суетьны — дньсь плачють ся, а утро упивають ся» (стр. 168—169). И основной тезис этого размышления, выраженный в форме афоризма, и разъясняющие его бытовые примеры нашли отражение в пословицах. В записях XVIII в. мысль о том, что не следует веселиться, выражена в пословице: «При печали не будь печален, а при радости не будь радостен» (Петр., стр. 33; Татищев, стр. 61). Мысль книжного изречения о том, что всякое веселье кончается плачем, в пословицах выражается то ближе к книжному источнику: «Всякая земная сладость обрацается в плач» (Паус, стр. 42), то получает общий смысл — горе и радость живут рядом, чередуются: «Вечер водворится плач, а заутра радость», «Веселие не вечно и печальное конечно», «Ни радость вечна, ни печаль бесконечна» (Симони, стр. 86, 87, 124); «Радость без печали не бывает» (Паус, стр. 42); «Ни печали без радости, ни радости без печали», «За весельем горесть ходит по пятам» (Даль, стр. 869); «Где чається радостно, там встретится горестно», «Счастье с несчастьем двор обо двор живут», «Где радость, тут

и горе, где горе, там и радость» (Даль, стр. 69, 67, 149). Аналогию к бытовому примеру книжного афоризма, противопоставляющего свадьбу похоронам, дает пословица: «Ваши играют, а наши рыдают» (Даль, стр. 63).

К этим размышлениям о жизни примыкает и пессимистическое изречение Сираха (Изборник, стр. 352): «Луче есть смърть паче живота горька». В такой общей форме это изречение записал Татищев: «Лучше смерть, нежели странен живот» (стр. 55) и повторил Даль: «Лучше смерть, нежели зол живот» (стр. 285). Однако в русском кодексе воинской чести уже в XI—XII вв. лишь смерть на поле битвы предпочиталась бегству или плену.¹⁸ Народные же пословицы о смерти и жизни вообще спорят с литературным афоризмом: «Жить горько, да и умереть не сладко», «Жить грустно, а умирать тошно», «Жить тяжело, да и умирать нелегко» и т. п. (Даль, стр. 279).

Бытовой совет от имени Исихия — «Всякого дела коньць пред началъм распытай» в Изборнике имеет религиозное истолкование: «днь и ношь к коньчьному же днюи възираи выну» (стр. 275). В отдельных списках изречений Исихия это религиозное заключение опускается, и в устных пословицах варьируется лишь сам афоризм: «Начинаючи дело, о конце розмышляй» (Петр., стр. 32); «Начиня дело, разсуди о конце» (Татищев, стр. 57); «Начиня дело, о конце помышляй» (Даль, стр. 496). Но уже с записей XVII в. бытуют различные варианты этой пословицы: «Начало благо — конец потребен» (Симони, стр. 124; Петр., стр. 31; Даль, стр. 499); «Не жди начала — жди конца» (Симони, стр. 127); «Не смотри начала — смотри конца» (Петр., стр. 32; Даль, стр. 496); «Конец дело покажет и блажит» (Паус, стр. 40); «Умно делать — смотреть на конец» (Паус, стр. 45); «Не смотри начала — жди конца» (Татищев, стр. 58); «Конец венчает дело» (Татищев, стр. 54; Даль, стр. 498). Несколько вариантов приводит Даль: «Не дорого начало — а похвален конец», «Умел начать — умей и кончать» (стр. 496); «Плохое начало, что не видать конца» (стр. 495); «Добрый конец всему делу венец» (стр. 498); «Какое начало, таков и конец», «Доброе начало не без конца» (стр. 499).

Иногда Изборник дает узко практические советы, аналогии к которым находим в пословицах. Так, от имени Сираха рекомендуется: «Не даи человеку крепльшу тебе в заим; аште ли въдаси бо ему в заим, то будещи яко и погубив е» (стр. 346). В пословицах этот совет получает иную мотивировку: «Сильнее себя займы давать — добро потерять». Чаше пословица вообще советует никому не давать займы, чтобы не испортить добрых отношений: «Если хочешь нажить врага — так дай в долг денег», «С кем знаться не хочешь, тому дай денег займы» (Даль, стр. 538).

* * *

Выделяя из обширного материала сборников пословиц устные афоризмы, явно связанные с литературными источниками, мы замечаем, что они относятся к той группе, которую Даль называл «пословичными изречениями». В отличие от подлинных пословиц они «не заключают в себе никакой притчи, иносказания, обиняка» (Даль, стр. 19), т. е. подтекста, не открывают возможности более широкого применения обобщающего вывода к аналогичным фактам и явлениям. Такими «пословичными изрече-

¹⁸ Примеры в литературе XII в. см. в книге: В. П. Адрианова-Перетц. Слово о полку Игореве и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968, стр. 70—71.

ниями» остаются и те афоризмы, которые прямо не связаны с религиозной идеологией. Однако, как правило, наиболее прочно сохраняют книжную форму цитаты, которые и в учительную литературу вошли из канонических книг — из Псалтыри, Евангелия, пророческих книг и апостольских посланий. Такие изречения и в сборниках пословиц остаются авторитетными цитатами, хотя, например, Даль и подтверждает в предисловии («Напутное») к своему сборнику, что «речения из св. писания» «большею частию переиначены, но они взяты мною не оттуда и переделаны не мною, а так они говорятся» (стр. 13). В этом предупреждении Даль объединяет под именем «св. писания» и канонические библейские книги, и учительную литературу разных жанров, довольно широко отразившуюся в устных «пословичных изречениях». Если цитаты из первых редко и слабо «переиначиваются» в живом употреблении, то заимствования из учительной литературы действительно «большею частию переиначены».

Примерами точной или очень близкой передачи цитат из «св. писания» и учительных памятников являются такие изречения Изборника: «Зачало премудрости страх господень» (Сирах, стр. 311) — ср. «Начало премудрости страх господень» (Симони, стр. 124; Даль, стр. 39). Татищев дает неточную запись: «Начало премудрости — страх» (стр. 57). «Храни свещтю от ветра и молитву же от лености» (Изборник, стр. 220) — ср.: «Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы» (Даль, стр. 41). «Бояся бога боится и князя» и «Князя боися всею силою своею... научиши ся от того и бога бояться» (Изборник, стр. 242, 241) — ср. «Бога бойся, а царя почитай» (Симони, стр. 83); вариант у Даля: «Бог на небе, царь на земле» (стр. 243); «... судия неправедныи глагола: аще бога не боюся, ни человек не срамляюся» (Изборник, стр. 606) — ср. «Кто бога боится, тот и людей стыдится» (Симони, стр. 115), «Ни бога не боится, ни людей не стыдится» (Даль, стр. 308).

Афоризмы Изборника, в частности и те, которые оставили след в устной пословичной традиции, нередко прибегают к сопоставлению отвлеченных понятий, советов и запретов этического характера с бытовыми конкретными предметами, действиями, явлениями. Цель таких сопоставлений — сделать дидактику изречений как можно более убедительной, придать ей наглядность. Именно поэтому уже во вступительном слове, убеждающем в пользе «почитания книжного», «калугер» прибегает к таким образным доводам-сравнениям: «Узда коневи правитель есть и въздържанье, праведнику же книги», «Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдник бес почитания книжьнааго», «Красота воину оружие и кораблю ветрила, тако и правьднику почитание книжьное» (стр. 153, 154). В этих примерах сопоставление придает афоризму четкую двучленную форму. Сопоставление может быть так метко и выразительно подобрано, что его надолго сохраняет и устный вариант. Например, Изборник характеризует «верного» друга словами Иисуса Сираха: «Друг верьн — кров крепък: обретьи же его обрете съкровиште» (стр. 329). Опуская вторую поясняющую часть этого афоризма, устная пословица сохраняет до XIX в. лаконичный образ первой части: «Друг верен — кров крепок» (Татищев, стр. 52). Полностью сохраняется двучленная форма изречения Иисуса Сираха: «Огньмь искушено бываеть злато, а человеци приятьни в веремя съмерения» (Изборник, стр. 316). Сохраняя сопоставление, «Пчела» от имени «Исократ» короче излагает афоризм, но относит его только к испытанию друзей: «Злато огнем искушается, а друг житейскими напастьми» (стр. 62). В записи Даля пословица еще короче, но подобно Изборнику отнесена ко всем людям: «Золото огнем искушается, а человек напастьми» (стр. 151).

В отдельных случаях, когда мысль изречения была ясна и без сопоставления ее сопоставления, оно отпадало в устной передаче. Так, изречению Иисуса Сираха «Красьна есть милостини в время скърби, яко же и облаци дъждевнии в время ведра» (Изборник, стр. 352—353) соответствует в записях XVII и XVIII в. пословица: «Честна милостыня во время скудости» (Симони, стр. 154; Петр., стр. 38; Татищев, стр. 52).

Стремление народной пословицы к лаконизму можно наблюдать и на судьбе книжного афоризма Иисуса Сираха о действии «мзды» — взятки: «Мъзда и дарове ослепляють очи мудрых, да видяштей не видять» (Изборник, стр. 362—363). С XVII по XX в. это изречение известно в двух вариантах: «Мзда и мудрых ослепляет», «Дары и мудрых ослепляют». Но рядом с этими несомненно книжного происхождения устными отголосками старого афоризма в условиях феодального общества создавались разнообразные пословицы о силе взятки, ничем, кроме общего их значения, не связанные с литературной традицией. Так, и осуждение пьянства в пословицах выражается не только словами книжного афоризма: «Люббя вино и масло не обогатится» (Симони, стр. 118 и др.) — ср. в Изборнике цитата из апостола Павла: «Делатель пьяница не обогатееть» (стр. 685), но параллельно с XVII до XIX в. живет народная пословица: «Пить до дна — не видать добра» (см. выше, стр. 14). Сжимает пословица и изречение Иисуса Сираха — «Жены добры блажен есть муж ея, и число дънии его сугубо» (Изборник, стр. 383). В устной передаче с записей XVII в. до сборника Даля этот афоризм передается так: «Женою доброю муж честен бывает» (см. выше, стр. 15).

Книжное изречение, переходя в устную речь сначала в близкой к литературной форме, в конце пути иногда приобретает характерную для народных пословиц ритмичность изложения. Например, в Изборнике среди изречений Иисуса Сираха, посвященных теме дружбы, есть и такой: «... И есть друг трапезам обыштьник и не пребудеть в днь скърби ти» (стр. 328). В записях XVIII в. первая часть этого афоризма передается так: «При пиру, при беседе много друзей и братьей» (Петр., стр. 33; Татищев, стр. 61). Но Даль записывает художественно обработанные обе части книжного изречения, противопоставляющие поведение друзей в дни «трапез», т. е. богатства, и в дни «скърби»: «При пире, при бражке — все дружки, при горе-кручине — нет никого», «Как при пире, при беседе — много друзей, как при горе, при кручине — нет никого» (стр. 776, 777).

Можно предполагать, что в отдельных случаях бытовые уподобления, применяемые в литературных изречениях, идут от далекой устной традиции. В таких примерах сходство с русскими пословицами, возможно, объясняется тем, что у разных народов одинаковые пословицы, построенные на одних и тех же бытовых образах, возникали независимо от каких-либо «влияний». Например, Иисус Сирах так излагает свое предостережение бедному — не общаться с «сильными», «богатыми»: «С креплешиим себе и с богатеишим не приобштай ся: кое бо приобштение гърньцю с котьломь — ть бо приразиться и скрушиться» (стр. 401—402). Пословица всю эту мысль выражает одним образом, достаточно емким, чтобы вместить в себя различные подтексты на тему неравенства. Даль приводит пословицу: «Горшок котлу (вар.: чугуну) не товарищ» (стр. 773).

Даже в пределах того материала, какой дают афоризмы Изборника 1076 г. для сопоставления с устными пословицами и «пословичными изречениями», не имеющими переносного смысла, мы приходим к двум различным выводам из такого сопоставления. В одной группе устных изречений их прямая связь с литературными первоисточниками очевидна, и записи разного времени — от XVII до XIX в. — показывают то полную

сохранность старшего варианта, то его постепенное изменение, в отдельных случаях приводящее к созданию типичной для поэтики пословицы обработки. Другая группа устных пословиц-изречений дает лишь смысловые аналогии к афоризмам Изборника, сложившиеся независимо от прямого воздействия литературы. Но каков бы ни был вывод из сопоставления, оно позволяет обнаружить уже в древнейшем литературном афористическом наследии те его элементы, в которых наиболее ощутимо проявляется связь прошлого с настоящим. Вместе с тем книжные афоризмы в той их части, которая выходила за рамки узко религиозных вопросов и требований классовой морали, углубляют наше представление и о «потребителе» этой афористической литературы — читателе и писателе древней Руси, подкреплявшем свои мысли авторитетом ее изречений. Мы узнаем, как глубоко с помощью этой литературы могли древнерусские «книжные» люди заглядывать во внутренний мир человека, как они оценивали взаимоотношения людей в их личном и общественном быту. И если создание в литературе человеческого характера, в котором отдельные черты были бы слиты в цельный образ, долго еще не будет под силу русской литературе, то примеры мастерского изображения отдельных свойств характера и поведения человека дидактическая литература и в ее составе афористический жанр дали уже с XI в.

Сравнительное изучение устных пословиц и сборников афоризмов, вошедших в русскую литературу в следующие века («Пчела», «Менандр», «Исихия и Варнава» и др.), позволит значительно расширить эти предварительные выводы, основанные лишь на материале Изборника Святослава 1076 г.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом»

О митрополите Клименте Смолятиче — одном из образованнейших русских людей середины XII в. — известно мало. Сведения о нем можно найти только в летописи и в одном из его сочинений, а именно в послании Климента к некоему священнику Фоме. Изучением сочинений Климента Смолятича специально занимался Н. К. Никольский, посвятивший этой теме свою магистерскую диссертацию.¹ Н. К. Никольский сообщает следующие данные о Клименте: «Жизнь митрополита Климента Смолятича относится к половине XII в. и в истории получила известность вследствие необычных обстоятельств, сопутствовавших вступлению его на Киевскую митрополию. Родом русин, т. е. русский, из Смоленской области, он был уже зарубским схимником, когда по удалении митрополита Михаила II в Царьград (в 1145 г.) Киев достался переяславскому князю Изяславу Мстиславичу (после 13 августа 6654 г.). По воле последнего, хотя и вопреки желаниям Климента, он был выдвинут тогда кандидатом на открывшуюся кафедру. Выбор князя остановился на нем, вероятно, вследствие его богословских занятий, которым сочувствовал Изяслав. Но несмотря на княжескую поддержку, поставление Климента в сан митрополита встретилось с продолжительными церковными затруднениями, так как было связано с небывалою на Руси попыткой обойтись без благословения Константинопольского патриарха.»² В дальнейшем положение Климента на митрополичьей кафедре было шатким, что особенно выяснилось после смерти Изяслава (1154 г.). До 1164 г. Климент, очевидно, занимал еще некоторое время митрополичью кафедру, а после названного года сведений о Клименте нет.

Известны следующие сочинения Климента:

1. Несколько ответов в так называемых «Вопросах Кирика» — ответы 21, 30, 38, 43, 4-й пункт 101-го вопроса.³
2. Поучение в неделю всех святых.⁴
3. Уже упомянутое выше «Послание, написано Климентом митрополитом руским Фоме презвитеру, истолковано Афанасием мнихом».⁵

¹ Н. К. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892 (далее: Никольский О литературных трудах).

² См.: Никольский. О литературных трудах, стр. II—III

³ Вопросы Кирика, Саввы и Илии с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц. — Памятники древнерусского канонического права, ч. I. Изд. 2. СПб., 1908, стлб 21—62 (=РИБ, т. VI).

⁴ См.: Никольский. О литературных трудах, стр. II, 211—229.

⁵ См.: Никольский. О литературных трудах, стр. 103—136. — Известно два полных списка «Послания к Фоме» (ГПБ, Кир. № 134/1211, лл. 214 об.—231, и Собр. ОЛДП, F, № 91, лл. 186 об.—194; обе рукописи — начала XVI в.) и маленький фрагмент, также XVI в. (Собр. ОЛДП, F, № 191, л. 32 об.).

Именно это последнее сочинение и содержит сведения, на основании которых можно судить об образовании Климента и о причинах, по которым ему было присвоено прозвание «философа».

В начале своего послания Климент пишет следующее: «Почет писание, твоея любве, яже аще и медмено бысть, почюдихся. И в чин вспомяновения, приник зело, дивихся благоразумию твоему, возлюбленный ми о господе брате Фома. Имать писание твое наказание с любовью к нашему тщеславию, и таку с радостию прочет пред многими послухи и пред князем Изяславом, тобою преславное ко мне писание. И вину ми исповедавшу, его же ради пишеша, ты ж, любимице, не тяжко мни, мною воспсаную ти, хартию. Речеши ми, славишия пиша, философ ся творя, а первые сам ся обличаеши: егда к тебе что писах, но ни писах, ни писати имам, а речеши ми философею пишеша, а то велми криво пишеша, а да оставль аз почитаемаа писаниа. Аз писах от Омира и от Аристоля и от Платона, иже во Елинских нырех славне беша, аще и писах но не к тебе но ко князю, и к тому ж нескоро. А еже сожалил еси, оже ты есмь вменил, а бог сведетель, яко не искушаа твоего благоразумна, но яко просто писах, да аще того не моги еси разумети. То всуе приводиши на мя, учителей своего Григоря. Речеши бо, у Григоря беседовал есмь, о спасении душевнемь, а еда коли порекох, ли укорих Григоря, но еще исповедаю, яко не токмо праведен, но и преподобень, но аще дерзо рещи свят есть, но обаче того аще не учил тя, то, не веде, откуда хошеши поручившаяся тебе душа руководити, Григорю бо».

Из приведенного отрывка следует, что Климент «творил себя философом», т. е. считал и называл себя таковым, для чего одни из его современников не видели достаточных оснований и упрекали его в заносчивости, а другие именно так его называли — в Ипатьевской летописи сказано о Клименте, что он был «книжник и философ так, якоже в Руской земли не бяшетъ».⁶

Уже первый издатель сочинения Климента, Н. К. Никольский обратил внимание на то, что заключающиеся в этом отрывке сведения о прославленных писателях и мыслителях древней Греции незначительны, а потому вряд ли митрополит именно за эти сведения мог удостоиться прозвания философа; тут же Никольский высказал предположение о том, что Климент, возможно, «был знаком с подлинным или переводным текстом некоторых из сочинений греческих философов и поэтов», т. е. в какой-то мере был знаком с византийской образованностью. Мысль Никольского развил Е. Е. Голубинский в исследовании, посвященном следующему отрывку в «Послании» Климента.

«Поминаю же паки реченаго тобою учителя Григория, его же и свята рек не стыжюся, но не судя его хошу рещи, но и истиньствуа. Григорей знал алфу, якоже и ты, и виту, подобно и всю 20 и 4 словес грамоту. А слышиши ты ю, у мене мужи, им же есмь самовидець, иже может един рещи алфу, не реку на сто или двесте или триста или четыреста, а виту також».⁷

По мнению Е. Е. Голубинского, в приведенном отрывке идет речь о знакомстве Климента и некоторых людей его круга («у мене мужи, им же есмь самовидець») с одним из важнейших разделов в византийском курсе грамотности, который назывался схедеографией (σχεδογραφία).⁸

⁶ ПСРЛ, т. II, изд. 2, СПб., 1908, столб 340 (по воспроизведению — М., 1962).

⁷ Никольский. О литературных трудах, стр. 126—127.

⁸ См.: Е. Е. Голубинский. Вопрос о заимствовании домонгольскими русскими от греков так называемой схедеографии, представлявшей у последних высший курс грамотности. СПб., 1904 (отдельный оттиск из ИОРЯС, т. IX, 1904, кн. 2,

Прежде чем перейти к истолкованию этого термина, следует сказать несколько слов о византийском образовании.

История образования в Византии изучена мало.⁹ Представление об империи, как о государстве, где церковь и императорская власть душили всякую мысль, где вся умственная и духовная жизнь народа была подчинена богословию и только богословию, есть представление широко распространенное, но не вполне правильное.

Византийская империя была единственным государством средневековой Европы, где не прекращалась традиция светского образования, где не только не делалось попыток полной ликвидации светского образования, но, напротив того, это светское образование неизменно находило поддержку как у светской власти, так и у наиболее просвещенных представителей духовенства. В первые века существования империи (IV—VI вв.) еще сохранялись многие старые центры просвещения, возникшие и процветавшие в античной Греции и в эпоху эллинизма; эти старые языческие центры просвещения прекратили свое существование не столько по воле христианских императоров, сколько в силу некоторых объективных причин, изменившихся условий. Акт лишения преподавателей высшей школы в Афинах государственного обеспечения, изданный императором Юстинианом в 527 г. и обычно толкуемый как акт ликвидации этой школы, имел целью не только борьбу с язычеством, но и концентрацию умственных сил в столице империи, укрепление авторитета этой столицы. Это было тем более необходимо, что на сто лет ранее, в 425 г., указом императора Феодосия в Константинополе был создан университет.

Высшая юридическая школа в Бейруте существовала до 551 г., когда город был разрушен землетрясением.¹⁰

В городах Сирии было несколько высших школ — в Амиде была медицинская школа, в Нисибии — университет, древнейший сохранившийся статут которого относится к концу V в. Деятельность этих учебных заведений прекратилась в первой половине VII в., когда Сирия была отторгнута от империи арабами.

Александрия также продолжала оставаться одним из центров просвещения в Византии вплоть до завоевания Египта арабами в 641 г.

стр. 49—59). (Далее: Голубинский. Вопрос о заимствовании); F. Fuchs. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig—Berlin, 1926, SS. 45—46. (Byzantinisches Archiv, N. 8). (Далее: Fuchs. Die höheren Schulen); K. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Literatur, 2, Aufl. München, 1897, S. 590 след.

⁹ Об образовании в Византийской империи см.: Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII—первая половина IX в. М.—Л., 1961, (далее: Липшиц. Очерки), стр. 258—366; Н. В. Пигулевская. 1) Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 338—349; 2) Сирийская средневековая школа. — Палестинский сборник, вып. 15 (78), М.—Л., 1966, стр. 130—140; 3) История Нисибийской академии. — Там же, вып. 17 (80), Л., 1967, стр. 90—109; В. Преображенский. Восточные и западноевропейские школы во времена Карла Великого. СПб., 1881; Н. А. Скабалапович. Византийская наука и школы в XI в. — Христианское чтение, 1884, № 1, стр. 345—348; Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892; G. Buckler. Byzantine Education. — Byzantium. An Introduction to East Roman Civilisation. Ed. by Norman H. Baynes and H. St. L. B. Moss. Oxford, 1949, pp. 200—220; G. M. Hussey. Church and Learning in the Byzantine Empire. Oxford, 1937; H. J. Marrou. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. 2-me éd. Paris, 1950, pp. 448—452; M. Nilsson. Die hellenistische Schule. München, 1955; A. J. Festugière. Antioche païenne et chrétienne. Paris, 1959, pp. 181—240 (Bibliothèque des Ecoles Françaises d'Athènes et de Rome, fasc. 194; Ф. Коухουλέ. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς. I. 'Εν Ἀθήναις, 1948, σ. 35—137.

¹⁰ См.: P. Collinet. Histoire de l'école de droit de Beyrouth. Paris, 1925.

Учрежденный Феодосием в Константинополе университет существовал (с некоторыми перерывами) на всем протяжении византийской истории. Подлинный расцвет этого учебного заведения наступает, как известно, с середины IX в., когда оно было возрождено (после перерыва в его деятельности в связи с борьбой между иконоборцами и иконопочитателями) кесарем Вардой; тогда к преподаванию были привлечены известные византийские ученые — Иоанн Грамматик, Лев Математик, патриарх Фотий.¹¹ В последующие века в константинопольском университете преподавали Михаил Пселл (1018—1096/97), Феодор Метохит (конец XIII—нач. XIV в.), Димитрий Триклиний (около 1280—1340), Максим Плануд (ум. около 1308) и другие.

В высшую школу приходили юноши, уже научившиеся читать и писать, знакомые с Библией и поэмами Гомера — главными учебными пособиями в Византии. Эти тексты надо было не только уметь читать, но и заучивать их наизусть, разбирать и объяснять с точки зрения грамматики и смысла отдельных слов.

Интересующая нас схедеография представляла собой, по словам Е. Е. Голубинского, «высший курс грамотности»; к этому надо, однако, добавить, что под словами «высший курс» не следует понимать «курс, относящийся к высшему образованию»; здесь имеется в виду высший подготовительный курс грамотности, один из разделов обучения грамматике, к которому переходили ученики, уже умевшие читать и писать. После ознакомления со схедеографией переходили к изучению диалектики, риторики и грамматики, т. е. к изучению наук, составлявших «тривиум».¹²

Схедеография состояла из упражнений орфографических и словарно-грамматических, в которых разбирались грамматические формы, а редкие слова объяснялись с помощью часто употребляемых слов; сюда же входили и шарады, т. е. игра, в которой слово разделяется на части, приобретающие самостоятельное смысловое значение. Таким образом, под схедеографией понимали и метод обучения, при котором грамматику изучали чисто практически на тут же читаемом тексте, и «филологическую игру», по выражению немецкого исследователя Ф. Фукса.¹³

При занятиях схедеографией учащиеся занимались не только грамматическим разбором слов, но также записывали «руководства к надлежащему разумению книжного языка, к правильному произношению и правильному писанию слов... Были изготовлены лексиконы слов синонимических и архаических, слов сомнительных в отношении к произношению или написанию, и лексиконы эти были диктуемы учителями ученикам или были проходимы первыми со вторыми в школах грамотности».¹⁴

Широко известно описание византийской школы первой половины XII в. в сочинении принцессы Анны Комниной «Алексиада»: «В училище, — пишет Анна, — предсидит некий учитель, а дети стоят кругом

¹¹ Липшиц. Очерки, стр. 258—366; Fuchs. Die höheren Schulen, passim. — Школа эта помещалась в Магнаврском дворце, а потому в литературе нередко называется Магнаврской школой, Магнаврским университетом, императорским университетом. Существовала также патриаршая высшая школа.

¹² R. Devreesse. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954, pp. 218—248.

¹³ Fuchs. Die höheren Schulen, SS. 45—56.

¹⁴ Голубинский. Вопрос о заимствовании, стр. 3.

его, — одни, будучи приводимы в смущение вопросами грамматическими, други же записывая так наз. сxedы». ¹⁵

Схеодографические лексиконы и упражнения сохранились в рукописях. Например, в греческой рукописи Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде № 58 содержится грамматическое сочинение автора конца XIII—нач. XIV в. Мануила Мосхопула «О сxedах». Начинается это сочинение молитвой:

Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ ὁ θεὸς ἡμῶν, ὁ ἀσπύρωσ εὐδοκῆσας τεχθῆναι ἐκ τῆς ἀγίας θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας, ταῖς πρεσβείαις αὐτῆς καὶ τοῦ χρυσοῤῥήμονος Ἰωάννου, φώτισον τὸν νοῦν τοῦ νέου τοῦ νῦν ἀρξαμένου τοῦ σχεδογραφεῖν, καὶ τὴν κατάρχην ἐβλόγησον σχεδούς, т. е. «Господи Иисусе Христе, боже наш, благоволивший бессеменно родиться от святых богородицы и приснодевы Марии, молитвами ее и златословесного Иоанна, просвети ум юноши, ныне начинающего писать сxedы и благослови начаток сxeda». ¹⁶ Далее следует грамматический разбор отдельных слов, который для первых слов вышеприведенной молитвы выглядит следующим образом: «Господи Иисусе Христе, бог наш: сколько частей речи? Господи Иисусе Христе бог — имя (существительное); ὁ — артикль; наш — местоимение. Ибо два имени или много собираются в одно имя и составляют одну часть речи».

Примером древнерусского лексикона подобного рода служит «Азбука сотворена по алфе, еже есть по скоростихи, како которая буква азбука глаголется и на колико делится речъ и пословица и в колико сочетается». Вот как выглядят в этой «Азбуке» первые три буквы: А. Адам, Авраам, Ааронъ, агеос (ἀγιος — святой), афеос (ἄθεος — безбожный), алка, агав, агаряне, Аримафей, Алдав, асафатов. Б. Буди, буди, бур, бурак, болит, били, бити, битик (так!), бакан, бразда, белин, бежат. В. Варі, вări, вели, вінне, винé, вóзри, возрі, вўтре, внутрэ, вытек, ведати, все. ¹⁷

Выше мы видели, что оба исследователя сочинений Климента (Н. К. Никольский и Е. Е. Голубинский) пришли к выводу о том, что этот русский митрополит XII в. был в какой-то мере знаком с византийской образованностью.

Этот вывод, на наш взгляд, может быть в настоящее время подкреплен не только сведениями касательно византийской системы образования, но и на основании значения слова «философ» в византийской, славянской и русской письменности. ¹⁸ Слово φιλοσοφία («философия») многозначно; значение его несколько менялось с течением времени. ¹⁹ Слово это

¹⁵ Anna Comnena. Alexias. II. Ed. A. Reifferscheid. Bonn, 1878. Lib. XV. 7, pp. 342—350. — В русском переводе см.: Анна Комнина. Алексиада. Вступ. статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 418.

¹⁶ Голубинский. Вопрос о заимствовании, стр. 7. — См. также в печатном издании (по списку ГПБ): Τοῦ σοφωτάτου καὶ λογιωτάτου Μανουήλου τοῦ Μοσχοπούλου περὶ σχεδῶν. Manuclis Moschopuli de ratione examinandae orationis libellus ex bibliotheca regia. Lutetiae, 1545.

¹⁷ См. И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. СПб., 1895, стр. 781—784 (=Исследования по русскому языку, т. I) (далее: Ягич. Рассуждения).

¹⁸ Некоторые соображения о знакомстве домонгольской Руси с византийской образованностью см. также: А. И. Пономарев. Св. Кирилл епископ Туровский и его поучения. — В кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 1, IV, СПб., 1894, стр. 90—94; П. Владимиров. Критико-библиографические заметки об изданиях и исследованиях по русской словесности за 1892 год. — Унив. изв., год 33, Киев, 1893, № 1, январь, стр. 15—31 (рецензия на книгу Н. К. Никольского о Клименте Смолятиче); M. Besobrasof. Handschriftliche Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland. Leipzig, 1892.

¹⁹ См. А.-М. Malin grey. «Philosophia». Étude d'un groupe de mots dans la littérature grecque des présocratiques, au IV-e siècle après J.-C. Paris, Klincksieck, 1961.

означало любовь к мудрости, размышление, поиски знания или стремление к знанию, цивилизацию вообще, практическую мораль, а в отдельных случаях смыкалось в значении со словами «красноречие», «риторика». Слово *φιλόσοφος* («философ») означало мудреца, наставника в делах совести, образованного человека. В ранней христианской литературе оба слова сохраняют в общем свои прежние значения, но появляются и новые оттенки — философия как часть богословия, философствовать — комментировать тексты Священного писания.²⁰

Понимание выражения «жизнь философская» как «жизнь во Христе», жизнь в соответствии с нормами христианской религии, является лишь развитием языческого понимания слова «философия» как практической морали.

В сочинениях христианских писателей (Григория Богослова, Василия Великого и Иоанна Златоуста) возникает разделение христианской философии — *ἡ ἡμέτερα φιλοσοφία*, *ἡ καθ' ἡμᾶς φιλοσοφία* («наша, у нас философия») и светской, языческой философии или мудрости — *ἡ ἕξω, ἕξωθεν φιλοσοφία* («внешняя философия»)²¹.

Со временем возникает и значение слова *φιλόσοφος* — «монах», а *φιλοσοφία* нередко с эпитетом *πνευματικῆ* («духовная»), становится равнозначной понятию монашеская жизнь, духовная жизнь. Первые в христианской письменности такое понятие слова *φιλοσοφία* подробно развито в сочинениях Нила, игумена монастыря близ Анкиры, известного в русской и славянской письменности под именем Нила Синайского; Нил жил на рубеже IV и V вв., умер около 430 г. Он называет монашеский образ жизни «духовной философией» и считает обязанностью христианина «философствовать во Христе» — *φιλοσοφεῖν κατὰ Χριστόν*.²²

В византийскую эпоху (а возможно и несколько ранее) значение слова «философ» как «образованный человек» приобретает новый оттенок — философ есть человек, получивший образование, прошедший известную выучку, школу.

Лица, окончившие высшую Магнаврскую школу, получали право преподавания и звание «философа», равноценное званию учителя.²³ Во главе философского факультета высшей школы в Константинополе в XI—XII вв. стоял ипат (консул) философов — *ὑπάτος τῶν φιλοσόφων*. Однако не все эти философы становились педагогами. Многие из них поступали в придворный штат императора, где вместе с «риторами» (каковое звание также получали некоторые из кончающих высшую школу) образовывали влиятельную группу чиновников, к мнению которых не-

²⁰ Не с этим ли оттенком в значении разбираемого слова находится и появление известной поговорки: *philosophia — ancilla theologiae*?

²¹ Любопытно было бы проследить в древнерусских текстах выражения «внешняя мудрость», «внешнее знание» как отражение византийского понятия *ἡ ἕξω παιδεία* — «внешнее образование».

²² Видимо, именно по этой причине в средневековой письменности Нилу иногда усваивается эпитет «философ». О Ниле Синайском см.: J. Quasten. *Patrology*, v. III. Utrecht. Antwerp., 1960, pp. 496—504.

²³ См.: Fuchs. *Die höheren Schulen*. SS. 18, 20 и др.; H.-Q. Beck. *Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich*. München, 1959, S. 529. — Оттенок этого значения слова «философ» можно видеть у Даниила Заточника в следующих словах его: «Аз бо, княже, ни за море ходил, ни от философ научихся» (см.: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. — Памятники древнерусской литературы, вып. 3, Л., 1932, стр. 33). Напомню, что лица, оканчивающие университет в Западной Европе, и в настоящее время получают степень «доктора философии».

редко обращался император.²⁴ Этим философам и риторам свойственно было кичиться своим званием, что приводило к насмешкам над ними. Свидетельства подобного рода имеются в византийской сатирической литературе; самым ярким примером может служить басня «Рассказ о четвероногих»,²⁵ где роль философа, образованного лица, выполняет лисица, над заносчивостью которой глумятся другие животные.²⁶

В древней славянской и русской письменности слово «философ» употребляется чаще всего в значении «ученый, образованный человек»; именно в этом значении, например, назван философом князь Владимир Василькович²⁷ или не названный по имени философ — пришелец из Византии, который беседовал о вере с князем Владимиром.²⁸

Философами в «Повести о Евфросине Псковском» назван противник Евфросина некий Иов Столп и доверенное лицо этого Иова — Филипп «роздьякон» и какой-то неизвестный священник.²⁹ Философом в этом смысле слова назван и Феофан Грек.³⁰

Я полагаю, что существует другая группа лиц, получивших прозвание философа по окончании высшей школы в Константинополе; но этот оттенок интересующего нас слова в славянской и русской письменности был неизвестен, а потому эпитет «философ» в применении и к этим лицам стал восприниматься только в значении мудреца, ученого человека. Таков прежде всего первоучитель славян Кирилл Философ, о котором положительно известно, что он учился в Магнаврской школе. Но имя Кирилла Философа благодаря его подвигу — изобретению славянской азбуки — было столь чтимо, окружено таким благоговением, что чисто внешнее условие, по которому ему это прозвание было усвоено, оказалось забытым; слово «философ» было понято только в смысле мудрец, любитель мудрости, ученый человек.

Вторым к этой же группе лиц считаю возможным отнести чернеца Малахию Философа. В Троицкой летописи под 6689 (1381) г. помещено следующее известие: «Того жь лета Дионисий, епископ Суждалской, посла изо Царягорода с чернецом Малахием с Философом икону, переписав образ пречистыа божия матери, иже исходит в Одигитриа во вторник, в тот же образ в долготу и в ширину, а другую икону посла образ тое же пречистыа божия матери, юже преписавше и привезоша на Русь, и едину убо поставиша в церкви в святом Савсе в Новегороде в Нижнем, а другую поставиша в Суждали в соборной церкви». Никаких сведений об этом Малахии в источниках больше нет. В Псалтири Госу-

²⁴ Возможно, что именно в этом смысле «Повесть временных лет» употребляет слово «философы» в известном отрывке об отправке учителя в Моравскую землю: «Се слышав царь Михаил и созва философы вся и сказа им речи Словеньских князь, и реша философы» — т. е. советники при дворе византийского императора Михаила III (ПСРЛ, т. I, изд. 2, Л., 1926, стр. 26; по воспроизведению — М., 1962).

²⁵ В русском переводе см.: В. С. Шандровская. Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.), — ВВ, т. IX, М.—Л., 1956, стр. 225—227.

²⁶ См. Н.-Г. Векк. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. 58, München, 1965, SS. 11—45; Fr. Dölger. Zur Bedeutung von *φιλοσοφος* und *φιλοσοφια* in Byzantinischer Zeit. — В сб.: Fr. Dölger. Byzanz und die Europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, SS. 197—208.

²⁷ ПСРЛ, т. II, изд. 2, СПб., 1908, стр. 913 (по воспроизведению — М., 1962).

²⁸ Там же, стр. 74—101.

²⁹ См.: Повесть о Евфросине Псковском. — В сб.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 4, СПб., 1868, стр. 81—85.

³⁰ См. В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 113—114. — За это указание приношу благодарность О. А. Белобровой. Настоящая работа принимает во внимание только тех «философов», которые известны в славянской и русской письменности до второй половины XV в., т. е. до падения Византийской империи.

дарственной Публичной библиотеки под шифром греч. № 115 удалось обнаружить (с помощью специальных снимков) стертую надпись, из которой выясняется, что эта рукопись принадлежала чернецу Малахии Философу: «Псалтырь ничтожного и грешного Малахии иеромонаха и наместника Владимира Верхней России Московской. И вы, читающие, молитесь за меня господу, чтобы обрел милость в страшный день суда». Следовательно, отправляясь на Русь, Малахия взял с собой также и свои книги, а не только иконы. Его прозвище «Философ» указывает, что Малахия этот был высокообразованным человеком. На Руси Малахия жил долго — в актах Нижегородского Благовещенского и Владимирского Царево-Константиновского монастырей 1399—1446 гг. упоминается архимандрит Малахия, которого я считаю возможным сопоставить с чернецом Малахией Философом Троицкой летописи и с владельцем указанной Псалтири иеромонахом Малахией. Малахия этот прожил на Руси около 60 лет, следовательно, уехал из Царьграда молодым человеком; но уже тогда, будучи совсем юным, он имел прозвище «Философ», каковое мог заслужить лишь по окончании Константинопольского университета.³¹

Третьим из этой группы назову митрополита Климента Смолятича, который, как сказано выше, был знаком с византийской образованностью. Допустимо предположение, что Климент учился в Константинополе, там подобно другим учащимся привык именовать себя философом, гордился этим прозванием.³² На Руси же считали, что Климент незаслуженно присваивает себе столь высокое звание, которое в русской практике понималось в прямом значении данного слова, да вдобавок ассоциировалось с именем Константина — Кирилла Философа; повседневная же византийская практика употребления слова «философ» не была известна на Руси.

Известны также три лица, которым прозвание «философ» было присвоено по сходству их имен и характера их деятельности с именем и подвигом Константина-Кирилла. Лица эти следующие:

1. Епископ Преславский Константин (конец IX—нач. X в.), автор «Учительного евангелия», «Азбучной молитвы», службы Мефодию, Хронологических таблиц (так называемые Историкии); в рукописях этот Константин иногда называется философом, очевидно по вышеуказанной причине. Сведений об этом Константине сохранилось мало.³³

2. Константин Костенечский, грамматик и философ (около 1380—после 1431), автор грамматических сочинений. По мнению болгарского исследователя К. Куева, Константина называли философом за его ученые познания.³⁴

3. Стефан Пермский, просветитель зырян, создатель зырянской азбуки. Автор жития Стефана пишет, что некоторые из свидетелей

³¹ См. мою работу «Чернец Малахия Философ» (Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1962, стр. 69—70), где указана остальная библиография о Малахии.

³² К этому же взгляду, как сказано, были близки Н. К. Никольский и Е. Е. Голубинский, однако сделать окончательный вывод и тому и другому помешало современное им состояние византиноведения, когда о системе византийского образования было известно немного.

³³ См.: История на българската литература. Т. I. Старобългарска литература. Под ред. на В. Велчев, Е. Георгиев, П. Динев. София, 1962, стр. 112—126; И. Я. Порфирьев. Описание рукописей Соловецкой библиотеки, ч. 1. Казань, 1881, стр. 698—699.

³⁴ См.: К. Куев. Konstantyn Kostenecki w literaturze bulgarskiej i serbskiej. Kraków, 1950 (Biblioteka Studium Słowianskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego, Seria n° 5); см. также: История на българската литература, т. I, стр. 315—325; Ягич. Рассуждения, стр. 366—381. — Род занятий этого Константина — грамматика, вопросы языкознания — мог напоминать современникам деятельность Константина-Кирилла.

подвига Стефана спрашивали: «Како сей умееть книги Пермския до-спети, и откуду сему дана бысть премудрость?». На этот вопрос следовал ответ: «Се есть воистину философ новый», с дальнейшим рассказом об изобретении славянской азбуки Кириллом Философом. Как видим, в житии Стефана Пермского прямо указывается на сходство его деятельности с деятельностью первоучителя славян.³⁵

Остается не вполне ясным, почему прозвание философа не было присвоено болгарскому царю Симеону, о котором доподлинно известно, что он учился в высшей школе Магнаврского дворца. Скорее всего, современники и близкие к эпохе Симеона авторы не считали возможным употреблять в отношении царя слово, которое хотя и свидетельствовало о мудрости царя, но не носило характера титула. Ведь и византийского императора Льва VI Мудрого (886—911) чаще называют «мудрым» (σοφός) и реже «философом» (φιλόσοφος).³⁶

³⁵ См.: Епифаний Премудрый. Повесть о Стефане епископе Пермском. — В сб.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 4, СПб., 1862, стр. 151—156.

³⁶ См., например: G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, 2. Aufl. Berlin, 1958 SS. 400—409.

Л. И. САЗОНОВА

Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева¹

Внимание исследователей Игорева похода всегда привлекали два типа летописных рассказов: по Ипатьевской летописи и Лаврентьевской. Но, кроме летописей, особый рассказ о походе Игоря Святославича на половцев содержится в историческом труде XVIII в., в «Истории Российской» В. Н. Татищева, в обеих ее редакциях.² Рассказ «Истории» отличается от известных нам летописных характером освещения событий, иной передачей фактов, общих и для летописей, и для «Истории», а также наличием новых сюжетных подробностей. Известно, что данные рассказа Татищева использовали не только все историки и исторические сочинители XVIII в.,³ но и С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, М. Н. Тихомиров, а также автор современной научно-популярной книги, посвященной событиям 1185 г., В. Г. Федоров.⁴ Однако до сих пор не решен вопрос, является ли рассказ «Истории» отражением особого летописного рассказа и можно ли его использовать при изучении обстоятельств Игорева похода в качестве дополнительного к летописям исторического источника.

Об общих принципах работы В. Н. Татищева над «Историей Российской» писали А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров.⁵ Специальные большие исследования о деятельности Татищева как историка принадлежат С. Н. Валку и С. Л. Пештичу.⁶

Выясняя вопрос об историографическом и источниковедческом значе-

¹ Приношу глубокую благодарность сектору древнерусской литературы Пушкинского дома за внимание, которое было оказано работе при обсуждении ее на заседании сектора 5 июня 1968 г. Очень признательна В. П. Адриановой-Перетц, С. Н. Валку, Д. С. Лихачеву, прочитавшим работу в рукописи и сделавшим ценные указания. Искренне благодарна Н. С. Демковой, под непосредственным руководством которой выполнялась работа.

² В. Н. Татищев. История Российская. В семи томах. М.—Л., АН СССР, т. I—VI, 1962—1966 (далее: ИР).— I редакция рассказа помещена в т. IV ИР, на стр. 302—306, II редакция — в т. III, на стр. 134—139.

³ Об этом см.: А. Соловьев и Р. Якобсон. «Слово о полку Игореве» в переводах конца XVIII в. Leiden, 1954.

⁴ В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956.

⁵ А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева. — Дела и дни, кн. I, Пгр., 1920, стр. 80—95; М. Н. Тихомиров. 1) О русских источниках «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: ИР, т. I, стр. 39—53. 2) Новое о «Слове о полку Игореве». — В кн.: М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII вв. Изд. «Наука», М., 1968, стр. 59—63.

⁶ С. Н. Валк. 1) О рукописях первой части «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: ИР, т. I, стр. 54—75; 2) О рукописях второй редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: ИР, т. II, стр. 5—20; 3) О рукописях первой редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: ИР, т. IV, стр. 5—26; 4) О рукописях третьей части «Истории Российской» В. Н. Та-

нии труда В. Н. Татищева, С. Л. Пештич установил способ использования и самый характер правки Татищевым источников, показал «вольность автора „Истории Российской“ в обращении с летописными текстами», отметил «тенденциозность так называемых татищевских известий» и доказал недопустимость использования «Истории Российской» в качестве исторического источника.⁷

Поэтому вопрос о источниковедческой достоверности татищевского рассказа 1185 г. казалось бы можно решить, руководствуясь общими выводами, которые уже сделаны учеными. Однако осуществить это невозможно, во-первых, потому, что мнения ученых о характере правки Татищевым летописных текстов не совпадают, а во-вторых, даже если принять точку зрения С. Л. Пештича, всегда остается сомнение: а вдруг в данном конкретном случае Татищев использовал неизвестные нам теперь источники. Поэтому на необходимость специального изучения татищевских рассказов об Игоровом походе и прежде всего в связи со «Словом о полку Игореве» указывалось в исследовательской литературе, в частности в статьях Л. А. Дмитриева и А. В. Позднева.⁸

В данной работе объектом изучения является непосредственно рассказ о походе Игоря Святославича в двух редакциях «Истории» Татищева в сравнении с известными летописными текстами. Понятно, что степень вероятности выводов, предлагаемых в работе, была бы больше, если бы был осуществлен полный текстологический анализ «Истории» в целом или хотя бы больших ее отрывков в сравнении с текстами летописей. В работе я не ставила перед собой такой задачи. Однако выводы, к которым подводит изучение материалов, проверялись наблюдениями над рассказами, которые окружают интересующий нас текст, а также рассматривались и соотносились с уже выдвинутыми в науке положениями о принципах работы Татищева с летописными текстами в процессе создания «Истории Российской». Установлено, что при описании событий XII в. Татищев главным образом обращался к свидетельствам Ипатьевской летописи.

В работах С. Л. Пештича и Л. А. Дмитриева высказано мнение, что Татищев пользовался Ермолаевским списком Ипатьевской летописи.⁹ Действительно, в текстах обнаруживаются чтения, сближающие рассказ Татищева с повестью по Ермолаевскому списку. Но при дословном текстологическом сопоставлении отмечаются также чтения татищевского рассказа, расходящиеся с чтениями Ермолаевского списка.

Вместо «Токсобича» (Е)¹⁰ у Татищева читаем: «Тускобича» (Т₁, Т₂), вместо «Юргевич» (Е) — «Юрьевич» (Т₁), «биющися» (Е) видоизмени-

тищева. — В кн.: ИР, т. V, стр. 5—21; 5) О рукописях четвертой части «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: ИР, т. VI, стр. 5—18; 6) В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы. — В сб.: Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 66—73; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., Изд. ЛГУ, 1961—1965, ч. I, стр. 222—262; ч. II, стр. 124—163.

⁷ Там же, ч. I, стр. 250, 261—262.

⁸ Л. А. Дмитриев. Проблемы исследования «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XX, 1964, стр. 136—137. А. В. Позднеев. «Слово о полку Игореве» и летопись. — Тр. Моск. гос. заочного пед. инст. Проблемы истории литературы, вып. 1. М., 1961, стр. 7—32.

⁹ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. 1, стр. 258; Л. А. Дмитриев. Проблемы исследования «Слова о полку Игореве», стр. 138.

¹⁰ Здесь и далее вводятся условные обозначения:

Е — для текста рассказа по Ермолаевскому списку Ипатьевской летописи;

И — для текста рассказа по Ипатьевскому списку;

Т₁ — для рассказа «Истории Российской» в I редакции;

Т₂ — для рассказа «Истории Российской» во II редакции

лось в «биющаяся» (T_1) и т. д. Искажение имен и форм слов было, возможно, допущено в процессе переписки летописного текста писцом, снимавшим для Татищева копию, и в этом случае отклонения в тексте Татищева могут быть результатом неточного воспроизведения копиистом XVIII в. текста Ермолаевского списка.¹¹

Но уже следующее чтение вызывает затруднения при объяснении его происхождения. Речь идет об отсутствии в татищевском рассказе названия реки «Каяла», имевшегося во всех списках Ипатьевской летописи, в том числе и в Ермолаевском. Трудно допустить, что Татищев или переписчик сознательно выпустили его, не зная такого названия и приняв его за опisku писца, потому что они оставили в тексте название неизвестной реки Суурлий.¹² Можно предполагать, что название реки Каялы отсутствовало уже в списке Ипатьевской летописи, текст которого использовал Татищев. Косвенным доказательством этого может быть тот факт, что названия «Каяла» нет и в украинских летописях — Густынской и в «Кройнике» Феодосия Софоновича,¹³ воспроизводящих рассказ об Игорево походе в версии Ипатьевской летописи. Но настаивать на этом предположении, опираясь только на данный пример, нельзя, поскольку отсутствие названия реки можно объяснить и механическим пропуском переписчика.

Есть другие, более выразительные различия рассказа Татищева и рассказа по Ермолаевскому списку, которые нельзя объяснить чем-либо иным, кроме нетождественности списка, бывшего у Татищева, Ермолаевскому.

Обратимся к текстам:¹⁴

Е

И яко приближися Игорьъ к полком своим и преехаша поперек един перестрел одал полку своего. Держима же Игорьъ, виде брата Всеволода...

T_1

Егда же приезжая Игорьъ к полку своему за перестрел, переехаша его половцы поперек и взяша жива. Он же, видя Всеволода...

В данном тексте нас интересует сочетание «взяша жива». Оно отсутствует в дефектном чтении Ермолаевского списка, но есть у Татищева, а также в Ипатьевском списке и в Густынской летописи, причем в сходной лексической форме: «яша» (*И*: «И яко приближися Игорьъ к полком своим и переехаша поперек и ту яша един перестрел одале от полку своего. Держим же Игорьъ, виде брата своего Всеволода...»), «ят бысть» (Густынская летопись: «Ят же бысть и сам князь Игоръ»).

Возникает, естественно, вопрос: восходит ли чтение «взяша жива» к источнику или принадлежит перу Татищева, если предположить, что он пользовался только Ермолаевским списком. Вполне возможно допустить, что Татищев, стремясь к точности и последовательности изложения, сам мог восполнить пробел Ермолаевского списка, но лексическое родство

¹¹ О том, что Татищев пользовался в большинстве случаев не оригиналами текстов, а их копиями, см.: С. Н. Валк. О рукописях третьей части «Истории Российской» В. Н. Татищева, стр. 11—12.

¹² До сих пор на исторических картах реки Суурлий и Каяла обозначаются только условно; см.: В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла, стр. 46.

¹³ Густынская летопись: ПСРЛ, т. II, СПб., 1846, стр. 319—320. Публикацию рассказа о походе 1185 года «Кройники» Феодосия Софоновича см. в кн.: Володимир Перетц. Слово о полку Игоревім. У Києві, 1926, стр. 344.

¹⁴ Здесь и далее текст *Е* приводится по рукописи. ГПБ. Ф. IV, № 231, лл. 196—197; текст T_1 — ИР, т. IV, стр. 302—306; T_2 — ИР, т. III, стр. 134—139; *И* — ПСРЛ, т. II, М., 1962, стлб. 637—651; рассказ Густынской летописи — ПСРЛ, т. II, СПб., 1846, стр. 319—320.

выражений «взяша жива» у Татищева и «яша» в Ипатьевском списке, а также «ят бысть» в Густынской летописи все-таки заставляет думать, что данное чтение заимствовано Татищевым из какого-то другого списка Ипатьевской летописи.

Следующий пример, который не позволяет считать Ермолаевский список источником татищевского рассказа:

E

...городы посеемские... метахуся, аки возмут весть, города воставаху, и не мило бяше комуждо свое ближнее, но мнози тогда отрешахуся душ своих, жалующе по князех своих.

T₁

...городы посемские... бояхуся, да егда приидут половцы и города поемлют, не бе бо кому боронити и люди уряжати. И тако плакахуся от мала и до велика.

Сравнивая данные отрывки, замечаем, что текст *T₁* не соответствует тексту Ермолаевского списка. Различие не только в словесном оформлении, но и в содержании. В летописи говорится о том, что жители посемских городов так глубоко «жалующе» о пленении своих князей, что «отрешахуся душ своих», им даже «не мило бяше комуждо свое ближнее», в тексте «Истории» — они только боятся прихода половцев.

Вряд ли столь сильное изменение отрывка в «Истории» связано с переработкой текста Ермолаевского списка самим Татищевым. При переработке остались бы хоть какие-то следы от старого текста в этом сравнительно большом отрывке (например, могли бы сохраниться такие опорные слова, как «метахуся», «возмут города»). Кроме того, в рассказе Татищева в данном отрывке идея единства князей и народа отсутствует (в отличие от летописи). А если учесть, что Татищев ради утверждения именно этой идеи специально вводил в свой рассказ дополнительные версии (см. об этом ниже), вызывает недоумение, почему бы мог быть так изменен текст Ермолаевского списка. Очевидно, сам источник, которым пользовался Татищев, не содержал подобного текста.

Итак, те отклонения татищевского рассказа от рассказа по Ермолаевскому списку, которые не являются ошибками переписчика и не носят следов правки самого Татищева, а отражают таким образом чтения оригинального текста, и дают возможность предполагать, что в основе татищевской повести лежал список, близкий Ермолаевскому, но не идентичный ему. Условно обозначим его как список *E₂*.

В рассказе «Истории» имеются сведения об Игоре в походе, отсутствующие в Ипатьевской, но содержащиеся в Лаврентьевской и близкой к ней летописях. Например, описание затмения и известие о посланнике, которого половцы отправили к киевскому князю Святославу с повелением «прийти по свою братию», восходят к типу рассказа о походе Игоря по Лаврентьевской летописи. Л. А. Дмитриев видит зависимость татищевского рассказа непосредственно от Лаврентьевской летописи.¹⁵ Это заключение требует уточнения. Татищев, как установлено, не имел в руках Лаврентьевской летописи; но известно, что среди «манускриптов» и списков, привлеченных Татищевым к работе, были летописи, содержащие рассказ об Игоре в походе в редакции Лаврентьевской летописи.¹⁶ Это Воскресенская летопись в Воскресенском и Алатырском списках, Новгородская летопись в Голицынском, Лаптевском и Академическом XV списках, Радзивилловская, Львовская и Новгородская IV летописи. Сведениями какой из них воспользовался Татищев? Очевидно, что дополнения были заимствованы не из Львовской и не из Новгородской IV, так

¹⁵ Л. А. Дмитриев. Проблемы исследования «Слова о полку Игореве» стр. 137.

¹⁶ ИР, т. IV, стр. 47—49.

как в них нет чтений, имеющихя в тексте Татищева. В Львовской летописи отсутствует фраза: «и послав князь Святослав по все князи и по сыны своя да снудутся ко Киеву», а в Новгородской IV нет известия о посланнике. Можно предполагать, что Татищев использовал Радзивиловскую летопись, поскольку именно с ней обнаруживается большее текстуальное сходство. Причем ясен и характер заимствований Татищева: он использует отдельные новые факты — подробности в описании затмения, сведение о посланнике, пришедшем к Святославу от половцев, — для дополнительной информации.

Таким образом, Татищев дополнял чтения списка E_2 деталями и подробностями, отсутствующими в нем, по рассказу Радзивиловской летописи.

Высказывания самого Татищева могут подтвердить то, что он, создавая летописный свод, прибегал к компиляции. Поскольку, как писал сам Татищев, «неможно сыскать, чтоб два («манускрипта», — Л. С.) во всем равны были, в одном то, в другом другое сокращено или пространнее описано», то приходилось «собирать из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет».¹⁷

Итак, выделив в рассказе «Истории Российской» корпус чтений, которые восходят к определенным здесь источникам, т. е. гипотетическому списку E_2 и Радзивиловской летописи, перейдем к анализу чтений, не имеющих себе соответствия в исторических памятниках, известных в настоящее время, а содержащихся только в «Истории Российской» Татищева.

Анализируя текст татищевской «Истории» в сопоставлении с летописным, обнаруживаем систему, определенные принципы обработки и использования летописного текста.

Татищев изменяет его, пересказывая, переосмысляя, допуская сокращения или, наоборот, дополняя.

В силу нескольких причин Татищев переделывал текст. Одна из них — непонимание им очевидного для нас теперь текста. Это обнаруживается, например, в искажении смысла фрагмента летописи, в котором рассказывается об осаде половцами города Римова.

Е

Рымовцы же затворишася в городе и возлезше на табора и тако божим судом соступиста два городничя з людьми тако к ратным и прочая граждане нанде страх, да которыи же граждане выидоша из города и бияхуса крепко ходяще по Римском болоту, то тыи избегоша плена, а кто ся остал в городе и тыи взяты быша вси.

T_1

Рымовцы же затворишася во граде и возлезше на табора, а два городничя изыдоша из града и с людьми и идоша чрез болото, биюшеся, спасошася.

Сравнивая тексты, убеждаемся, что Татищев, имея под рукой испорченный текст («соступиста два городничя» вместо «летеста две городничы», как в Ипатьевском списке, где данный текст правильный), по-видимому сходный с Ермолаевским, неверно понял значение слова «городничя», отчего его текст приобрел иной смысл. «Городничя» — искаженное «городничы» от слова «городница», что означает в древнерусском языке часть городской стены.¹⁸ В Ипатьевской летописи речь идет о том, что при защите города Римова упала часть городской стены вместе с людьми, стоявшими на ней; вот почему ниже и следует: «на прочая

¹⁷ ИР, т. I, стр. 91.

¹⁸ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб., 1893, табл. 557.

граждане найде страх». О «городничии» в тексте «Истории» говорится не «летеста» (так в Ипатьевском списке), а очевидно, под влиянием неправильного текста «изыдоша». Следовательно, в понятии Татищева «два городничии» не городские стены, а какие-то должностные лица. Это предположение подкрепляется текстом II редакции, где прямо сказано не «городничии», а «городничие»: «Римовцы же, укрепяся, мужественно оборонялись, но два городничие, собрав людей, вышли из града и, бияся, перешли за болото и тако спаслися» (Т₂).

Но, чтобы на этот счет не оставалось сомнений, обратимся к «Лексикону, сочиненному господином Тайным Советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым». Там читаем: «Городничей, называны прежде обезжие и огневщики, их должность большею частию полицейская, а о запирании и отпирании городских ворот в крепостях, плац-Майорская, они были учреждены при царе Иоанне I, и ныне, в малых городах, где полицмейстеров не определено, имеются городничие».¹⁹

Поскольку значение слова «городничии», данное в «Лексиконе», совпадает со значением этого же слова, выясняющегося из контекста рассказа, и причем смысл, вложенный Татищевым, очень далек от того, который имеет древнерусский термин «городница», то есть все основания считать, что данная правка проведена Татищевым. И как следствие непонимания значения одного слова, картина осады города Римова, данная в «Истории Российской», не совпадает с той, которая известна по летописи. Перед нами попытка творческого осмысления непонятного текста, в результате которой появляется ряд новых моментов: исчезает предложение «на прочая граждане найде страх», его место занимает теперь фраза: «два городничие, собрав людей, вышли из града» (Т₂).

Неверно истолковано Татищевым и слово «пяток» (И), «пят» (Е), в древнерусском языке обозначающее «пятница». В летописи указывается на то, что в пятницу Игорь бежал из плена: «Се же сотвори Господь избавление в пят в вечер» (Е). Татищев же «в пяток», «в пят» неправильно понимает как «впятером»: Игорь «пошел к реке, оную перебрел. И седши на кони, поехали сквозь жилиста половецкие сам пят»²⁰ (Т₂).

Данные правки летописного рассказа могут быть наглядным примером того, как Татищев по своему разумению передавал смысл летописного источника.

В рассказе «Истории Российской» обнаруживается и ряд пропусков по сравнению с летописью. Их можно объяснить как чисто стилистическую правку. Татищев исключает предложения, которые в контексте рассказа не несут нового содержания. Так, например, изъято предложение «бьаше бо совещал со Лавром бежати в Русь» по той, возможно, причине, что об уговоре Игоря с Лавром «бежати в Русь» сообщалось выше, и т. д. Сокращения такого рода не влияют существенно на описание событий; они освобождают текст от повторений, хотя опять-таки подтверждают, что изложение в «Истории» ведется не в строгом соответствии с летописью.

Но в рассказе Татищева есть немало пропусков, имеющих принципиально важное значение. Например, Татищев исключает из своего повествования покаянную речь Игоря, речь, присутствующую во всех списках Ипатьевской летописи, в том числе и в Ермолаевском. Пропуск исповеди

¹⁹ Лексикон Российской, сочиненный господином Тайным Советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым, ч. II. СПб., 1793, стр. 64.

²⁰ Этот случай непонимания Татищевым текста летописи приводится в статье Д. С. Лихачева «Изучение „Слова о полку Игореве“ и вопрос о его подлинности». (В сб.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.—Л., 1962, стр. 65).

может свидетельствовать о том, что татищевское изложение отмечено вполне определенным отбором материала. Думается, это связано с теми требованиями, которые предъявлялись историкам Петровского времени. Как известно, «Петр не только лично интересовался летописями, читал их, но и стремился наладить составление новых летописных историй».²¹ Одно из его основных требований к историкам было — из летописей надо выбирать «что пристойно в историю».²² Сохранение речи Игоря, где он кается в своих грехах, в том, что взял «на щит» город Глебов у Переяславля, отлучал «отец от рождения своих, а подруга от подруги» — сохранение такой речи в официальном труде не с лучшей стороны показывало бы деяния русских князей и все происходившее в Древней Руси. Возможно, что как раз это и явилось причиной исключения исповеди Игоря из рассказа «Истории».

Вообще из рассказа Татищева исключены все покаяния, молитвы, исповеди. Последовательное их устранение тесно связано со взглядами Татищева, который считал, что «не все делается от бога, но много и от человека».²³ Такая правка летописных текстов была характерна для Татищева. Еще А. Е. Пресняков в 1905 г., сопоставляя Никоновскую летопись, которая находилась у Татищева, с «Историей Российской», отмечал, что «Татищев вытравляет из летописи Никоновской клерикальный дух».²⁴ И сам Татищев признавался, что, как писал он, «изымал» из «Истории» все, «не надлежащее к светской летописи».²⁵

Это еще один факт, свидетельствующий о неточном воспроизведении Татищевым памятника, об изменении его смысловой и художественной системы.

Сравнительный анализ текстов обнаруживает, что рассказ Ипатьевской летописи не только переосмыслен, сокращен в «Истории Российской», но и дополнен. Так, например, появляется сцена встречи Игоря с княгиней, известие о тысяцком Рагуиле и др.

Принадлежат ли дополнительные сведения В. Н. Татищеву или летописцам, нам неизвестным? Ученые дают разные ответы на вопрос. По мнению акад. М. Н. Тихомирова, «эти дополнения (в рассказе об Игоре, — Л. С.) странно считать выдумкой, так как во времена Татищева не было известно „Слово о полку Игореве“, не возникало споров, да и не могло возникнуть вокруг этого неизвестного тогда произведения. Какая же цель была Татищеву выдумывать известия о тысяцком Рагуиле».²⁶

С. Л. Пештич допускает, что при описании событий XII в. чтения Ермолаевского списка были дополнены Татищевым по «Раскольниковской летописи», которая и до сего дня остается загадкой. «Но нет оснований, — пишет С. Л. Пештич, — относить все татищевские известия к этому не дошедшему до нас источнику, тем более если учесть, что Татищев систематически ссылаясь на Раскольниковую летопись, когда хотел показать происхождение того или иного известия».²⁷

После текстологического анализа рассказа об Игоре по Ипатьевской летописи и в двух редакциях «Истории Российской» можно

²¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы. — В сб.: Проблемы источниковедения, т. IV, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 281.

²² Там же, стр. 284.

²³ А. А. Галактионов. Социально-политические и философские взгляды В. Н. Татищева. — Уч. зап. ЛГУ, вып. 7, № 190, Л., 1956, стр. 171.

²⁴ А. Е. Пресняков. ЛОИИ, собр. А. Е. Преснякова, № 55, лл. 5—6.

²⁵ В. Н. Татищев. Предъизвещение. — В кн.: ИР, т. IV, 38.

²⁶ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской» Татищева. стр. 49.

²⁷ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. I, стр. 258.

поддержать точку зрения С. Л. Пештича. Смысл ее заключается в том, что многие вставки, расширения летописного текста не восходят к летописям, до нас не дошедшим, а являются отражением исторических взглядов Татищева.²⁸ Но дополняя наблюдения С. Л. Пештича, отметим, что появление дополнительных сведений связано не только с историческими взглядами Татищева, но и с определенной системой его эстетических понятий и убеждений. Я пыталась решить вопрос следующим образом. Ввиду того что гипотетический список E_2 — источник Татищева — нам неизвестен, тексты рассматриваются не в направлении от летописи к I редакции «Истории», а затем от нее — ко II, а в обратном порядке, т. е. от II редакции к I и от нее — к предполагаемому источнику. Такой подход к материалу объясняется также и тем, что II редакция по сравнению с I располагает значительным числом дополнений. Все ученые, занимавшиеся выяснением источников «Истории Российской», в том числе А. А. Шахматов, С. Л. Пештич, сходятся на мысли, что во II редакции многое «изобретено» Татищевым.²⁹

По свидетельству самого Татищева, II редакция написана «с прибавкою многих изъяснений».³⁰ Сопоставляя рассказы в двух редакциях, пытаюсь установить характер «изъяснений» II редакции, причины появления в тексте; обнаруживаю определенную систему дополнений, и затем, перейдя к анализу I редакции «Истории», выделяю чтения, которые соответствуют установленной системе и, следовательно, не принадлежат летописному источнику.

Итак, II редакция в сопоставлении с I. Четко выделяются три группы вставок, которые условно можно обозначить как: 1) морально-поучительные (дидактические), 2) пояснительные, 3) беллетристические.

Чтобы доказать закономерность вставок, а не случайность их, можно было бы привести большое количество примеров. Укажу наиболее характерные.

Морально-поучительные вставки иногда имеют форму откровенных авторских сентенций: «...молодые князи, не слушая совета старых, желаясье честь прежде времени приобрести, не ведая, что к тому искусство многое потребно., пошли за реку к половцам». Но, кроме того, дидактическое задание получают целые эпизоды, призванные изобразить «долженствующую действительность».

В идеализированном виде представлены русские князья. Во II редакции Игорь показан как князь положительно-прекрасный. Он наделяется такой характеристикой: «Сей князь своего ради постоянства любим у всех был, он был муж твердый». Отказ Игоря бежать из плена («я не хотя чести моей потерять, с бою имея возможность уйти, не бежал и ныне безчестным путем идти не хочу») в «Истории» комментируется в маргиналии «любочестие Игоря». Для освещения рыцарского «лика» Игоря немаловажным было и упоминание (которое, кстати, тоже принадлежит II редакции) о том, что после проигранного сражения Игорем овладевает жажда мщенья и «чтоб пленных выручить, положил (Игорь) намерение, выпрося у других помощь, паки на них (половцев) идти». Итак, Игорь превозносится как князь благородный, безмерно преданный своей идее.

Как прекрасный воин изображается у Татищева и переяславский князь Владимир: «Владимир, выехав из града, напал на них (половцев) и,

²⁸ Там же, стр. 222—262.

²⁹ А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева, стр. 80—95; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. I, стр. 222—262; ч. II, стр. 124—163.

³⁰ ИР, т. VI, М.—Л., 1951, стр. 252 (письмо К. Г. Разумовскому от 24 августа 1746 г.).

многих порубя, загнался в середину полков их, но с ним людей было мало, ибо, не осмотрясь, разделились в бою натрое... Князь же их обступлен бьется крепко... Владимир же, погубя коня, биясь пешком...». В Ипатьевской летописи тоже говорится, что Владимир «бьаше же дерз и крепок к рати», но таких подробностей, которые отмечаются в «Истории» («многих порубя» половцев, «Владимир же губя коня, биясь пешком»), в ней нет.

Сила, неустранимость русских князей особенно заметны на фоне версий, компрометирующих половцев, указывающих на их неумение разгадать тактику противника, вести бой. В «Истории Российской» настойчиво подчеркивается, что битва у Путивля окончилась для половцев неудачно. Войско хана Кзы понесло большие потери:

Е

Кза у силах тяжьких и повоеваша волость их и села их пожгоша, пожгоша же и острог у Путивля и воротитишася восвоися.

Т₂

Кзя, князь половецкий, с великим войском пошел к Путимлю, и многие волости пожег, и, к Путимлю жестоко приступая, острог сжег. И потеряв много людей, а паче знатных, не взяв града, отступил.

Далее в тексте «Истории» следует обстоятельнейший рассказ (который читается только во II редакции) о том, как благодаря хитрости Олега Святославича и воеводы Тудора удалось уберечь посемские города от захвата половцами: Кзя «послал в Посемье 5000, тамо жець и разорять. Но Олег Святославич с воеводою Тудором, который во многих боях храбростью и разумом прославился, учинили со оними бой об реку. Тудор же, умысля их обмануть, хотя войска гораздо меньше имели и могли через реку не пустить, стали отступать, а половцы смело на них наступали. Тудор же, вшед меж болоты, разделился: Ольга с половиною оставил противо половцев, а сам, обошед, сзади напал». Далее подробно повествуется о потерях, понесенных половцами: «И так их смявши, порубил, что едва сто их (половцев) назад возвратилось, ибо их более 2000 побито, а с 500 знатых и подлых пленено». О неудачном походе половцев на Русь говорится с иронией, тип которой, кстати, является приметой позднего повествования: «Тако половцам обоюду равная удача была, и один перед другим (речь идет о ханах Кзе и Кончаке,— Л. С.) не мог похвастаться, разве большею потерей своих», или «И возвратились в свои жилища не столько русских пленя, сколько своих потеряли». Указывая на пороки врагов, дополнения II редакции выгодно оттеняют добродетельность русских князей. Князья прославляются как прекрасные воины, как правители, заботящиеся о своих подданных. Об отношениях князей говорится как о дружеских, отмечается их готовность с радостью помочь друг другу: «Ярослав с радостью и любовью Игоря приняв, обещал довольное войско в помощь ему дать» и т. д. В представлении Татищева — это князья мудрые, поэтому историк сознательно распространяет их речи, придает их выступлениям характер философский, вкладывая в них иногда свои собственные воззрения.

Игорь произносит проповеди, поучает, наставляет. Его речи — сплошные философы. В качестве примера можно привести значительно распространенные в Т₂ речи Игоря перед сражением:

Т₁

... рече ко братии своей и дружине: «Сего есмы искали и семо пришли, зде намо головы или честь погубити и при-

Т₂

... рече Игорь ко братии и дружине. «Мы сюда пришли, желая сыскать неприятелей, которых ныне видим

обрести. Вы избирайте себе, что вамо годно, а кто не хочет битися, той останеться, а яз вдаю мя суду божию и потягну».

перед нами, но дивлюся вельми, что вижу многих печальных и прежде времени ослабевающих. Того ради надобно разсудить, что здесь нужно вооружиться крепко на брань и, положась на бога, с честью умереть или победить. Если же кому не мило битися, то лучше оному отойти и других не смущать, на что есть время. А я не могу уже со стыдом бежать, но предаюся в волю божию».

Такого рода рассуждений в тексте II редакции много; интересно отметить, что они не несут новых сведений. Речи князей — это нравоучительные тирады, и распространения такого рода во II редакции могут быть аргументом в пользу переработки текста самим Татищевым, а не заимствования из источников, нам неизвестных. В рассуждениях иногда появляются фразы, которые выдают в сочинителе их не летописца, а ученого XVIII в. Это видно из речи Игоря по поводу затмения, которая переделана у Татищева по сравнению с летописью. Описание затмения лишается пророческого смысла, смысла грозного предзнаменования, ему находится естественнонаучное объяснение. На замечание вельмож, испугавшихся солнечного затмения: «Сие знамение не на добро есть», Игорь отвечает: «Знамения такие многократно никоего зла не приносят. И кто ведает, для нас ли или других кого сие, понеже оно видимо есть во всех землях и странах».

Итак, идеализируя русских князей, влагая в их уста мудрые пространные рассуждения, Татищев обнаруживает свой идеал правителя. Другими словами, морально-учительные вставки играли роль притч, в которых проводилась философская теория историка.

Назначение другой группы дополнений, имеющих в II редакции, — мотивировать, или, по выражению Татищева, «изъяснить» тот или иной поступок.³¹ Так, например, текст, не очень понятный в летописи: «И тако идяхуть тихо, собираючи дружину свою, бяхуть бо и у нихъ кони велми тучни», — Татищев пробует осмыслить, и медленное продвижение по степи русского войска он объясняет тем, что Игорь берег коней, «чтоб не зделать оных без ног». Некоторые «изъяснения» курьезны. В тексте «Истории» говорится, что Игорь, видя полк козюев, убегающий с поля брани, поскакал за ним, чтобы возвратить его и «скинул с себя для тягости шолом» (ср. *И*: Игорь «соимя шолом погънаше опять к полком того дея что быша познали князя». *Е*: Игорь «соимя шолом погна опят к полком»). Подобных примеров во II редакции много. Случаи комментирования летописного текста могли появиться только при желании, которое и было у Татищева, сделать рассказ возможно более доступным для читателей.

Во II редакции обнаруживается тенденция и к беллетризации повествования. Для этого привлекаются подробности романического, флигельного характера. Одна из таких: «тысяцкого сын, уведав от жены князя Туглая, с которою любовь имел, что половцы положили Игоря убить».

В рассказе появляются отдельные элементы, атрибуты сказки — пир, дары, мед: «Игорь учени пир, на котором приставников потчевал до-

³¹ Дополнительные примеры «рассуждений, долженствующих осветить ход событий и связать одни факты с другими» в «Истории Российской», отмечены также в статье А. А. Шахматова (К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева, стр. 83).

вольно медом и дарил». В I редакции сказано просто: «Половцы упилися бяху». Эти и другие, подобные им детали, были средством привлечь внимание читателей, возбудить их интерес к рассказу.

Вполне возможно, что введение беллетристических эпизодов было обусловлено представлением Татищева о том, каким должен быть исторический труд. По его мнению, «как всякое строение требует украшения, так всякое сказание красноречия».³²

Интересно, что черты занимательности и литературности присущи не только «Истории Российской» Татищева, но и другим историческим сочинениям XVIII в. М. В. Николаева, автор статьи «К вопросу о формировании стиля русской повествовательной литературы первой половины XVIII века» пишет, что многие современники Татищева — С. Медведев, Ф. Прокопович, П. Крекшин — «сознательно стремились вести историческое повествование украшенным литературным слогом... Исторические произведения в большинстве своем читались не с узко познавательными или научными целями; они удовлетворяли и собственно литературные интересы и потребности».³³ Думается, что и в «Истории Российской» должен быть отмечен элемент литературности, появившийся под влиянием общей тенденции к беллетризации исторического повествования.

Обратившись к анализу дополнений II редакции по сравнению с I, мы обнаруживаем, что те фрагменты I редакции, которые отсутствуют в летописях, известных нам, полностью соответствуют установленной системе, т. е. работа Татищева над II редакцией может рассматриваться как аналог работы над I редакцией, так как уже и в I редакции ясно прослеживается каждая из тенденций, отмеченных нами: введение дидактических рассуждений, пояснений и беллетристических моментов.

В описании Татищевым событий XII в. сказался своеобразный подход к ним историка Петровского времени, при котором, как упоминалось, отбирались факты «пристойные» для истории, ибо считалось, польза истории состоит в том, что она «учит о добре прилежать, а зла остерегаться».³⁴ Поэтому неудивительно, что все в изложении Татищева предстает с выгодной стороны: и князья, и подданные, и их взаимоотношения. Таким образом, те фрагменты рассказа II редакции, которые повествуют об идеальных князьях и идеальных отношениях, представляют собой развитие в том же идейном направлении и углубление подобных фрагментов I редакции, таких, например, как рассказ о благородстве князя Игоря, наградившего Лавра именем (в летописи отсутствует). Сходным образом строится повествование у Татищева и в I редакции «Истории». Эпизод о спасении переяславцами князя Владимира Глебовича в T₁ приобретает новые черты по сравнению с летописями, в отличие от которых здесь говорится, что горожане не только отняли от половцев своего раненого князя, но они также посадили его на коня и так увезли в город: «И едва смятоша половец и доидоша князя вельми уже истомленна, бе бо трои копиями ранен и взявше его на конь и вовезоша во град» (Ср. Е: «... тогда прочии видевше князя своего крепко биющася, выринуша из города и тако отъяша князя своего язвенна суща трети копиями, соже Володимир доблии язвен и труден въеха в город свой». Радзи-

³² Предъизвещение о истории общественной и собственно о русской. — В кн.: ИР, т. I, стр. 83.

³³ М. В. Николаева. К вопросу о формировании стиля русской повествовательной литературы первой половины XVIII в. — Уч. зап. Лен. пед. инст. им. Герцена, т. ССXLV, Л., 1963, стр. 151—152.

³⁴ ИР, т. I, стр. 80.

виловская летопись: «И видевше горожане изнемогающа своих, выринушас из города и бишас, одва изъотыша князя боденого тремя копыи».³⁵

Забота переяславцев о своем раненом князе отвечала представлениям Татищева, как сторонника идеи монархического правления, о верности и преданности подданных своему господину, и именно это обстоятельство он детализирует. Речи князей Татищев насыщает моральными сентенциями, призывами отстоять русские княжества: «Нынче же требе всем стати и ся спасти», или «И не дайте поганым в руде Переяслава». Можно сказать, что интерес к этической стороне событий, к их назидательному смыслу определял отбор материала и в I редакции «Истории».

Как и во II редакции, в I выделяются такие фрагменты, где историк пробует установить причину событий, их связь, ведь он создавал летописный свод, который должен быть понятен многим. Исходя из этого, становится ясна цель вставки: «Игорь . . . видя братию победивши половцы и честь прияша, поревновав има, собрав вои». Вставка должна сообщить читателям причину, побудившую Игоря отправиться в поход. Стремясь пояснить читателям, о каких князьях идет речь, Татищев называет их полные имена, указывает на родство, сообщает, какой землей владеют. Подобные случаи не единичны.

Но Татищев создавал не просто летописный свод, а историю для чтения. В I редакции, так же как и во II, четко выделяются подробности, способные увлечь читателей. Так, в татищевском рассказе появляется эпизод, который в маргинальной пометке I редакции «Истории» назван «Северян радость о Игоре». Из него предстает история возвращения Игоря из плена со множеством сентиментальных подробностей и пышной картиной встречи Игоря жителями Новгород-Северского: «И не доехав мене полднища, спотчеса конь, и паде Игорь, мало ногу потолче, яко не можаше на конь всести. В той час прибеже в Новгород детск един и возвести. И ач надолзе не яша веры, княгиня же, не моги часа терпети, нощию иде к нему и по ней вся люди ово на конех, ово пеши. И егда приидоша в село ко святому Михаилу, иде же Игорь обночева, объястася со князем и от радости надолзе, друг на друга зря, слезы испущаху. И едва престаха от слез, идоша рано к Новугороду, а людие, мужи и жены со чады, встречаху князя, яко во граде мало остана. И бысть радость велия во всей земли, обрадоваша бо ся ему людие вси».

Данный фрагмент татищевского рассказа не известен ни одной летописи. Однако самый факт, который так подробно описывается в «Истории», — радость жителей Новгород-Северского по поводу встречи со своим князем — излагается и в летописных источниках, но в них это сведение передано предельно кратко: Игорь «иде в свой Новгород и обрадовашася ему» (Е). В «Истории» же этот факт предстает в амплифицированном виде.

Мотив возвращения Игоря на родину является благоприятным поводом для детализированного и чрезвычайно экспрессивного описания у Татищева. Трогательная сентиментальность встречи Игоря с княгиней, патетичность сцены встречи князя с подданными, словесные украшения («от радости надолзе друг на друга зря слезы испущаху», «радость велия» и т. д.) — это орнаментальные подробности, средства, мотивированные стремлением эмоционально воздействовать на читателей. Там, где была возможность «живописания», Татищев не упускал ее. В рассматриваемом рассказе в этом отношении привлекает внимание и эпизод подготовки побега Игоря, лаконично переданный летописью и многословно — «Историей».

³⁵ Радзивилловская летопись. — ОЛДП, СХVIII, 1902, л. 234.

Е

В заход солнца и посла Игорь к Лаврови конюшого своего река ему: перееди на ону сторону с конем поводным бяше бо совещал со Лавром бежати в Русь. В то ж время Половци напилися бяше комуждо, и бысть при вечери пришел конюшни и поведи князю своему Игореве яко ждет Лавер. (Далее следует молитва Игоря). Сторожем же его играющим и веселящимся, а князя творяща спяща. Той же пришел к реце перебрел и всед на конь.

Т₂

По малом времени, разсудя Игорь за удобно и согласясь с Лавром и своими, учинил пир, на котором приставников потчевал довольно медом и дарил. И как оные довольно пьяни были, на заходе солнца послал конюшого по Лавра. И как оной пришел, сказал ему, чтоб он по заходе солнца за Донцом приготовил коней. Лавер же рад сему быв, тотчас взяв коней с седлами, стал у реки. Конюшей, пришел, сказал Игорю, что кони готовы. Он же, встав с трепетом, бояся, чтоб его не поймали, и призвав других своих служителей, велел перед шатром своим играть и пить. И вышел вон, видя, что приставники все с его служители играли и веселились, думая, что Игорь уже спит. Он же не говоря им ничего, пошел к реке, оную перебрел.

Опять налицо амплификация летописного текста. Татищев не излагает ни одного нового факта, он распространяет подробностями уже известные. Сцена пира — это расширенный вариант эпизода, который летописью передан в одном предложении: «половцы напилися бяхуть кумыза» (цитата по Ипатьевскому списку). Создание и введение подобной сцены сообщало повествованию характер некоторой игривости и развлекательности. Остальные фразы «Истории Российской», которым не находится параллелей в тексте летописей, представляют собой по содержанию психологические мотивировки поведения героев (которые, кстати, не свойственны летописанию ранней поры): Игорь «бояся, чтобы его не поймали...», «Лавер же рад сему быв, тотчас взяв коней с седлами, стал у реки...». Вместе с ними вносился в изложение элемент остроты и напряженности.

Как видим, в последних примерах новых фактов нет, поэтому можно говорить о художественной обработке Татищевым исторического материала. «Историю Российскую» Татищева, может быть, следует рассматривать не только как произведение историческое, но и как сочинение литературное. Ведь именно литературным подходом к историческому материалу и его освещению можно объяснить некоторые свидетельства, индивидуальные для татищевской «Истории».

Итак, повествование, стилистически украшенное, острое, интригующее — цель Татищева. Следуя ей, историк составляет известия, беря иногда в основу не только факты непосредственно Игорева похода. Возможно, некоторые новые сцены он создает на базе древних текстов. В этом плане обращает на себя внимание несколько мест в рассказе «Истории». Так, например, фраза «Не доехав мене полднища, спотчеса и паде Игорь, мало ногу натолче» вызывает ассоциацию с аналогичным эпизодом, описанным в летописях и в «Сказании о Борисе и Глебе»: «И пришел (Глеб) на Волгу. На поле потьчеса под ним конь в роуе и наломи ногу мало».

Такие новые элементы, появившиеся в рассказе «Истории», как известие о тысяцком Рагуле и о церкви св. Михаила, напоминают о летописном рассказе 1147 г. об убийстве Игоря Ольговича, который в «Истории» к тому же назван Игорем Святославичем.

Появление этих сведений, может быть, еще трудно ставить в прямую связь с известными летописными текстами. Относительно же эпизода о защите посемьских городов, появившегося только во II редакции

«Истории», уже трудно сомневаться. В нем явно заметны мотивы летописного рассказа 1160 г. Ипатьевской летописи. Отрывок рассказа Татищева и летописный роднит сходство ситуаций и общность персонажей. В обоих текстах описывается битва с половцами, говорится, что бой русские учинили «о реку», что во главе дружины стоял Тудор галичский, который «во многих боях храбростью и разумом прославился». Заканчиваются оба эпизода сообщением о победе русского войска.

Из приведенного примера видно, что самый механизм создания новых известий в рассказе о походе Игоря состоит в перенесении ситуаций одного событийного ряда в другой, в котором эти ситуации, если они не противоречили общему смыслу рассказа, могли восприниматься как достоверные.

Итак, пока что анализ подводит к выводу об отсутствии у Татищева какого-то особого неизвестного нам летописного источника.

Но, может быть, существовали фольклорные произведения об Игоровом походе, которые и послужили для Татищева источником дополнительных свидетельств? Известно, что в пору работы над «Историей Российской» Татищев внимательно изучал былины, исторические песни, народные предания, пословицы, поговорки.³⁶

Произведения русского народного творчества, считал Татищев, могли отразить такие факты и такие обстоятельства, о которых совсем не говорится в летописях или, если и упоминается, то очень бегло. На этом основании Татищев допускал использование устнопоэтических произведений в своих исторических описаниях. Свидетельство этому — высказывание Татищева, которое содержится в примечаниях к «Истории Российской»: «Песни древних, хотя они и не таким порядком складываны, чтоб за историю принять было можно, однако ж можно в недостатке истории из оных нечто к изъяснению и в дополнку употребить, как видим Омера, песнями нечто в память оставившего».³⁷

В рассказе «Истории», особенно во II ее редакции, есть фрагменты с элементами фольклорного повествования (они уже отмечались выше). Может быть, они являются песенными реминисценциями, а не домыслом Татищева, как считаем, предпринятым с целью «украшения текста». Но если даже они действительно принадлежат какой-то ранее, быть может, существовавшей исторической песне, которая рассказывала о походе 1185 г., то и в этом случае в достоверность сведений фольклорного происхождения трудно верить, поскольку они попадали в «Историю Российскую» не в своем «чистом» виде, а наверняка в форме пересказа. Кроме того, они соответствующим образом обрабатывались, чтобы органично войти в текст повествования, не нарушить его логическую систему. А самое главное, как считают исследователи, к сведениям исторической песни нельзя относиться как к источнику вполне достоверному и полноценному, поскольку «историческую песню как произведение искусства характеризует своеобразное и свободное отношение к фактической стороне истории. Песня — не летопись, и ей чужда установка на сколько-нибудь точное и документальное воспроизведение фактов. Напротив, чаще всего бросается

³⁶ См. об этом: Г. И. Бомштейн. Фольклорно-этнографические материалы в исторических и географических работах Татищева. — Уч. зап. Пермск. пед. инст., вып. 21, 1959, стр. 128—155; Ф. М. Головенченко. Сборник пословиц В. Н. Татищева. — Уч. зап. Моск. пед. инст. им. В. И. Ленина, № 160, М., 1961, стр. 283—290. — Приношу благодарность Г. Н. Моисеевой, любезно предоставившей мне возможность познакомиться с частью ее работы о фольклорных вставках в «Историю Российской» Татищева.

³⁷ ИР, т. I, стр. 115, примеч. 16.

в глаза несоответствие песен фактам. Песни изображают события не совсем так, а то и совсем не так, как они происходили в реальности. Иногда в них речь идет о событиях, вовсе не известных истории и в истории невозможных. Исторические лица совершают такие поступки, каких они на самом деле не совершали и не могли совершать».³⁸

По указанным причинам даже ссылка на единственный возможный источник — народную песню или былинку — не может опровергнуть основного вывода, который следует из анализа текста «Истории Российской» и летописей о том, что третьего особого летописного рассказа о походе Игоря не существовало.

Подтверждаются ли выводы фактами языка? Поскольку здесь невозможно рассмотреть всю морфологическую и лексическую систему летописи и рассказа Татищева, отметим только некоторые языковые черты и особенности рассказа «Истории», затем обратимся к глагольным формам источников, так как они, на наш взгляд, являются решающим показателем в вопросе об авторстве «вставок» («вставками» называются те фрагменты рассказа «Истории», которые не отмечаются в летописи). И, наконец, особое внимание будет уделено использованию личного местоимения «яз», так как древний руссифицированный вид этого местоимения может вызвать подозрение, что перед Татищевым лежал древний текст, рассказом которого он и воспользовался.

Нужно оговорить, что язык II редакции соответствует нормам литературного языка XVIII в. Как говорил Татищев, II редакция «переписана настоящим наречием и яснейшим слогом»,³⁹ поэтому здесь анализируются языковые особенности рассказа I редакции «Истории Российской».

Заметна последовательная славянизация текста. Летописным формам «веремя», «ворота», «середе», «утече», «хочет» соответствуют в татищевском рассказе их церковно-славянские варианты: «время», «врата», «посреде», «утещи», «хощет».

И в то же время язык рассказа по сравнению с летописью подновлен. Это проявляется в утере связки во временах плюсквамперфекта и перфекта. Вместо «Игоря бяхуть яли», «шел есть от людей» в рассказе «Истории» читаем: «Игоря взяли», «шел от людей» и т. д.

Замечается тенденция к унификации глагольных форм: при замене все множество древних глагольных форм (имперфект, перфект, плюсквамперфект) сводится главным образом к аористу. В тех текстах, которые есть основания рассматривать как принадлежащие самому Татищеву, использованы также формы аориста. Правда, в эпизоде «Северян радость о Игоре» встречаются единичные случаи употребления имперфекта. Но там они, во-первых, стилистически оправданы и необходимы, так как входят в состав устойчивых словосочетаний, этикетных формул: «не можаше на конь всесть», «испускаху слезы», «людие встречаху». Во-вторых, наличие в тексте Татищева форм имперфекта не обязательно должно указывать на использование им древнего источника. Известно, что формы имперфекта отмечаются в «Елиникионе» Феофана Прокоповича (1709 г.), а в «Гистории о Российском матросе Кариотском» зафиксирован имперфект в древней нестяженной форме «имеяше»: «А оной дворянин в великую скудость прииде и не имеяше у себя пищи».⁴⁰

³⁸ Б. Н. Путилов. Русская историческая песня. — В кн.: Народные исторические песни. Большая сер. Библ. поэта, М.—Л., 1962, стр. 9.

³⁹ ИА, т. VI, М.—Л., 1951, стр. 252 (письмо К. Г. Разумовскому от 24 августа 1746 г.).

⁴⁰ Повесть о российском матросе Василии. — В кн.: Г. Н. Моисеева. Русские повести первой трети XVIII в., М.—Л., 1965, стр. 191.

Можно, конечно, предполагать, что относительно стройная глагольная система рассказа Татищева есть отражение такой же глагольной системы какого-то позднего списка летописи. Но вряд ли это так. Письменные документы вплоть до XVII в. дают самый разнородный и противоречивый материал.

Позволим себе думать, что Татищев, желая сделать понятным и доступным свой текст, упрощает язык летописи, унифицирует глагольную систему. К аористу же обращается как ко времени, легко воспроизводимому и наиболее понятному, с тем чтобы передать колорит древнего наречия.

Что касается местоимения «яз», то оно не может быть важной приметой древности текста, использованного Татищевым, потому, что, как показывает сравнение с летописью, оно употреблялось Татищевым и на месте местоимений «аз», «я», и, наоборот, летописное «яз» заменялось у Татищева формами «аз», «яз». Кроме того, появившееся «яз» в «Истории» не обязательно ведет к тексту XII в., когда «яз» наиболее активно употреблялось. Это местоимение встречается и в XVI в. в сочинениях И. Пересветова, например в «Сказании о книгах, о Магмете-Салтане и о царе Константине»: «А яз им своя святыни не выдал на поругание: видите есть знамя мое святое небесное, иже яз всю свою святыню... к себе в небо взял, доколе будет мое милосердие святое опять во Иерусалиме и в Цареграде».⁴¹

Итак, подводя итог беглому обзору некоторых языковых черт рассказа Татищева в сравнении с летописным, можно сказать, что если приведенные здесь факты представляются неубедительными для подтверждения наших положений о характере работы Татищева с летописным текстом, то во всяком случае они и не противоречат им.

Исследовав текст «Истории Российской» таким образом, о котором здесь шла речь, приходим к выводу, что в качестве источника для рассказа «Истории» был использован список *E*₂ (который в своей сюжетной части и по характеру освещения событий не отличался от текста *E* списка), с дополнениями по Радзивиловской летописи.

Летописный рассказ получил у Татищева тенденциозную обработку, так как его главная задача была не только историческая, но и философско-нравственная.

Можно сказать, что на историческом материале Татищев создавал своеобразный этический кодекс, затрагивая вопросы о том, как должно поступать, каким правителем должно быть, примеру каких людей должно следовать.

И в этом смысле «Историю Российскую» можно рассматривать не только как произведение, отразившее «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», но и как произведение, обращенное к настоящему и будущему. Интерес «Истории» к прошлому с точки зрения задач настоящего исторического момента и составляет неопределенное достоинство «Истории Российской», благодаря которому Татищев, ученый XVIII в., предстает не просто как переписчик летописей, а как смелый создатель исторического труда с определенным политическим смыслом.

С точки зрения просветителя и моралиста Татищев судил о событиях XII в., извлекая из исторических фактов материалы для дидактических выводов. Естественно, он необходимо должен был прибегнуть к расширению текста, введению рассуждений, комментариев. В таком

⁴¹ Сказание о книгах, о Магмете-Салтане и о царе Константине. — В кн.: А. А. Зимин и др. Сочинения И. Пересветова, М.—Л., 1956, стр. 223.

случае авторство, а иногда и обработку дополнительных сведений правомерно приписывать Татищеву. Кроме того, поскольку историк писал свод, рассчитанный на самые широкие круги читателей, то он должен был не только повествовать о событиях, но и объяснять их причину, связь, смысл. Автору было важно также, чтобы его идеи были поняты и восприняты, поэтому он придает повествованию литературный характер.

По всем этим мотивам рассказ Татищева не может быть использован при изучении обстоятельств похода Игоря на половцев в качестве дополнительного к летописям исторического источника.

Влияние татищевских рассказов видно не только у всех историков и исторических сочинителей XVIII в., но и у ученых XIX в., а также у некоторых авторов современных исследований, связанных с объяснением исторической основы «Слова о полку Игореве», и даже у либретиста оперы «Князь Игорь» (например, встреча Игоря с княгиней). Исключение составляет лишь один автор — создатель «Слова о полку Игореве». Ни одно из добавлений или изменений текста летописи Татищевым не имеет аналогий в «Слове». Это показывает, что «Слово» не могло быть создано после Татищева. Невозможно представить себе сочинителя XVIII в., который не учел бы татищевских оживлений и ошибок в рассказе об Игоре.

В процессе работы над темой определились некоторые вопросы, прямо с ней связанные, но, возможно, представляющие интерес для более полной характеристики «Истории Российской».

На материале «Истории» можно поставить — пока, правда, очень осторожно — вопрос о том, не был ли гипотетический список E_2 , охарактеризованный в работе как список, близкий Ермолаевскому, той «Раскольниковой летописью», которую Татищев называет в числе манускриптов, использованных им в работе. Возможность заимствования каких-то сведений из «Раскольниковой летописи» была. В ней могли найти отражение события 1185 г., поскольку «Раскольниковья летопись», по свидетельству Татищева, кончалась изложением событий 1197 г. И, может быть, можно говорить не об Ермолаевском списке, использованном Татищевым, с дополнениями по «Раскольниковой летописи», как пишет в своей книге С. Л. Пештич,⁴² а просто о «Раскольниковой летописи», которая представляла собой список Ипатьевской летописи, очень близкий к Ермолаевскому, в своей событийной части даже равный ему. Это положение требует тщательной проверки.

При дальнейшем изучении «Истории Российской» необходимо сопоставить ее текст с миниатюрами Радзивилловской летописи. А. В. Арциховским замечено, что «кенигсбергские миниатюры оказались довольно точными иллюстрациями»⁴³ к некоторым татищевским описаниям. На основе этого наблюдения исследователь делает вывод: как миниатюры Радзивилловской летописи восходят к иконографической традиции XII в., так и описания Татищева взяты из источников, относящихся к поре раннего летописания. Этот вывод обратим. Возможно, сходство миниатюр с описаниями «Истории» обусловлено тем, что при создании своего труда Татищев обратился к миниатюрам Радзивилловской летописи как к дополнительному источнику (которым, как известно, он пользовался). Кроме миниатюр Радзивилловской летописи, миниатюры

⁴² С. Л. Пештич. Русская историография, ч. I, стр. 258.

⁴³ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 17.

Никоновского лицевого свода (который имелся у Татищева), яркие и насыщенные деталями, могли дать Татищеву материал для некоторых сюжетов, портретных изображений, интересных и подробных описаний, какие мы находим только в «Истории Российской».

И, наконец, работа Татищева над летописными текстами в процессе создания «Истории Российской» интересна для изучения самого типа воспроизведения древних текстов, существовавшего в XVIII в., что прежде всего важно в связи с пониманием и интерпретацией текста «Слова о полку Игореве» в ту эпоху. Анализ только одного рассказа «Истории» убеждает, что, стремясь полностью воссоздать тип летописного повествования, его дух, его стиль, Татищев вкладывает в текст «создаемого» им летописного свода мысли, понятия и речь человека XVIII в. Кроме того, частые случаи непонимания и искажения смысла древних текстов, появление анахронизмов даже в передаче летописных рассказов — произведений, значительно менее сложных по своей художественной структуре, чем «Слово о полку Игореве», — свидетельствует о том, насколько трудным было восприятие древних текстов даже для одного из образованнейших ученых XVIII в.

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

К литературной истории текста «Слова о Лазаревом воскресении»*

Среди дошедших до нас памятников русской литературы киевского периода особого внимания заслуживает «Слово о Лазаревом воскресении», памятник, связанный с апокрифами, с традицией древнерусской ораторской прозы и со «Словом о полку Игореве».

Впервые «Слово о Лазаревом воскресении» было опубликовано А. Н. Пыпиным в 1862 г. по рукописи неизвестного теперь Златоуста XVI в.¹ В 1891 г. И. Я. Порфирьев, изучавший апокрифические тексты в собрании Соловецкой библиотеки, опубликовал среди других апокрифов и «Слово о Лазаревом воскресении», предпослав ему небольшую заметку.² В 1899 г. Ив. Франко издал третий список памятника по рукописи XVI в. из собрания Киевской духовной академии³ и в 1900 г. повторил издание, сопроводив его обширной статьей — реконструкцией текста «Слова о Лазаревом воскресении», составленной на основе трех известных ему списков. Позднее «Слово» неоднократно было использовано в научной литературе в связи с изучением «Слова о полку Игореве» и дружинной поэзией. В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц, составитель словаря-справочника «Слова о полку Игореве» В. Л. Виноградова привлекали «Слово о Лазаревом воскресении» в качестве материала для пояснения многих слов и выражений в «Слове о полку Игореве».⁴

В наше время специальное исследование «Слова о Лазаревом воскресении» было начато И. П. Ереминым, который посвятил этому произведению особый раздел в главе об учительной литературе XI—нач. XIII в. в академической «Истории русской литературы».⁵ И. П. Еремин полагал,

* Работа выполнена в семинаре по изучению древнерусской литературы на филологическом факультете ЛГУ под руководством и при постоянной помощи и советах Н. С. Демковой.

¹ Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевым-Безбородко, вып. III, СПб., 1862, стр. 11—12.

² И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. — СОРЯС, т. 52, № 4, СПб., 1890, стр. 36—49, 228—231 (издание текста).

³ І. Франко. Апокріфі і легенди з українських рукописів. Памятки Українсько-Руської мови і літератури, т. II. У Львові, 1889, стр. 315—316.

⁴ См.: Акад. Володимир Перетц. Слово о полку Игоревим. Пам'ятка феодальної України — Руси в XII в. Вступ. текст, коментарій. У Києві, 1926; В. П. Адрианова-Перетц. 1) Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова» Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 13—127; 2) «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Изд. «Наука», Л., 1968, стр. 54 и др., Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», составитель В. Л. Виноградова, вып. 2 (Д—копье), Изд. «Наука», Л., 1967.

⁵ И. П. Еремин. Учительная литература. В гл. «Русская литература XI—нач. XIII в.» — В кн.: История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 363—364.

что «Слово» — памятник русский по происхождению и что оно «соткано из целого ряда апокрифических мотивов, комбинация которых является оригинальной и принадлежит автору».⁶ И. П. Еремин называл «Слово» загадочным памятником и указывал на полную его неизученность. Из перечисленных названий, которые носит «Слово о Лазаревом воскресении» в рукописях, видно, что И. П. Еремину, помимо уже изданных, были известны другие списки «Слова».⁷ Таким образом, хотя имеется несколько работ, посвященных «Слову о Лазаревом воскресении», этот выдающийся памятник древнего красноречия остается до сих пор не изученным в должной степени.

И. П. Еремин отмечал, что «списки „Слова“ разноречивы, почти все не совпадают между собой, текст „Слова“, очевидно, пережил длительную и сложную историю».⁸ Действительно, «Слово о Лазаревом воскресении» нуждается прежде всего в текстологическом исследовании. Реконструкцию текста «Слова», выполненную Ив. Франко, нельзя признать удачной, так как он исключил все то, что, по его мнению, не принадлежало первоначальному виду памятника, не приводя при этом убедительных доказательств.

Сейчас мы располагаем восемнадцатью списками «Слова о Лазаревом воскресении». Уже И. Я. Порфирьев писал о двух редакциях «Слова», но не характеризовал их. Действительно, сопоставление обеих разновидностей текста «Слова» по всем известным спискам обнаруживает существование двух редакций, которые условно названы нами редакцией А (краткий текст) и редакцией Б (пространный текст).

Мы можем говорить о двух редакциях «Слова», основываясь не только на внешних различиях текстов, но и имея в виду целенаправленный характер этих изменений.⁹

Различия обеих редакций «Слова о Лазаревом воскресении» выступают довольно четко, но, по-видимому, ни одну из них нельзя возвести непосредственно к архетипу памятника. Каждая из редакций в большей или меньшей степени сохраняет архетипные черты.

Вопрос, который требует разрешения, заключается в следующем: является ли текст, дошедший в редакции А, первоначальным, а текст, представленный списками редакции Б — его переработкой? Или, наоборот, текст, представленный списками редакции Б, первичен, а текст редакции А на определенном этапе выделился из редакции Б как самостоятельное произведение, и каковы причины этого выделения?

Складывается впечатление, что редакция Б явилась переработкой А. Ив. Франко прав в том, что, по-видимому, вся редакция Б в целом обработана в духе памятников церковной литературы в большей степени, чем списки редакции А. Редакция А, по наблюдениям Ив. Франко, доносит более древний текст. Однако редакцию Б характеризует целый ряд черт, которые позволяют думать об отражении в ней архетипа «Слова о Лазаревом воскресении». Прежде всего это выражается в логическом построении сюжета редакции Б, в ее приуроченности к 6-й, Лазаревой, субботе

⁶ Там же, стр. 364.

⁷ См. указания на три новых списка «Слова» в кн.: И. П. Еремин. Лекции по древней русской литературе. Изд. ЛГУ, Л., 1968, стр. 94.

⁸ И. П. Еремин. Литература Древней Руси. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 144—164.

⁹ Краткую характеристику редакций «Слова» см.: М. В. Рождественская. «Слово о Лазаревом воскресении» (характеристика редакций). — ТОДРЛ, т. XXIV, М.—Л., 1969, стр. 64—67. — В этой работе различия между редакциями выявляются на основе девяти списков. Сейчас мы располагаем большим числом списков, но за неимением места не приводим подробной характеристики обеих редакций.

великого поста, что соответствует сюжету этой редакции, в ее художественной целостности. Решить вопрос о соотношении редакций можно, лишь анализируя все чтения дошедших списков и принципы художественного построения каждой из разновидностей текста. Что же нам дают списки?

Обратимся сначала к спискам краткой редакции А. Их нам известно одиннадцать.

1. Список, изданный в книге: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Кушелевым-Безбородко, вып. III, СПб., 1862, стр. 11—12. — Текст издан А. Н. Пыпиным по рукописи неизвестного теперь Златоуста XVI в. Далее обозначаем список — *Пып.*

Название: «Слово святых апостол, иже от Адама во аде к Лазарю».

2. Список, изданный в книге: Памятки українсько-руської мови і літератури, т. II. У Львові, 1899, стр. 315—316. — Текст издан Ив. Франко по рукописи собрания Киевской духовной Академии (ч. 37, Аа, 107). Сборник по печатным описаниям разыскать не удалось.¹⁰ Далее — *К.*

Название: «Повести святых апостол о Лазареве воскресении, иже от Адама к Лазарю четверодневному».

3. ГБЛ, ф. 310, собрание В. М. Ундольского, № 1109, лл. 137 об.—139. Первая четверть XVI в.¹¹ Далее — *У₁*.

Название: «Слово святых апостол иже от Адама во аде к Лазарю».

Список *У₁* дошел до нас в рукописи, содержащей Златоуст и «соборник»,¹² писанный полууставом, в два столбца, в лист, на 350 лл. (лл. 1—256 — Златоуст, лл. 256 об.—350 — «соборник»). Водяной знак — ладонь левой руки с крестообразным цветком над средним пальцем, у Н. П. Лихачева¹³ №№ 1330—1332. Бумага датируется 1495, 1499 и 1501 гг. В печатном описании рукопись по почерку датирована XVI в.

Тексту списка *У₁* предшествует слово Иоанна Златоуста «На воскресение правоверного Лазаря», а вслед за *У₁* находится поучение Иоанна Златоуста «На вход Христа в Иерусалим».

4. ГИМ, собрание гр. А. С. Уварова, № 595, лл. 121—122 об. Нач. XVI в. Далее — *У₂*.

Название: «Повести святых апостол о Лазареве воскресении иже от Адама глаголы к Лазарю четверодневному».

Златоуст учительный и постный,¹⁴ в лист, полуустав, в два столбца, на 182 лл. Водяной знак — латинское «Р» с раздвоенным концом, у Н. П. Лихачева, водяной знак № 1394 и № 1395, датируются 1517 г.

Список *У₁* помещен между словом Иоанна Златоуста на воскресение Лазаря и его же поучением на вход Христа в Иерусалим.

5. ГБЛ, собрание В. М. Ундольского № 575, лл. 91 об.—94. Нач. XVI в. Далее — *У₂*.

Название: «Слово святых апостол иже от Адама во аде к Лазарю».

Сборник житий, слов и поучений, в 4°, на 210 лл. Полуустав. Водяной знак — змий (лл. 2, 3, 8 и др.). На 1 л. скорописью — буквы, отдельные слова — проба пера. Рядом запись: «Сия книга глаголемая соборник». На лл. 2—7 — запись о продаже рукописи: «Лета 7131 (1623) февраля 6 день сию книгу соборник продал в дом к Николе Чудотворца за Колодо озеро Андрюшка Иванов Попов Щепин. А цены на книге взял

¹⁰ См.: Н. И. Петров. 1) Описание рукописей Церковно-Археологического музея при Киевской духовной академии, вып. I—IV, Киев, 1875—1879; 2) Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, вып. I, Киев, 1891; вып. II, М., 1896; вып. III, М., 1905.

¹¹ Упоминается в книге В. Н. Перетца «Слово о полку Игоревім». Пам'ятка феодальної України — Руси в XII віку, стр. 256.

¹² См.: Печатное на машинке описание собрания В. М. Ундольского, Ф. 310, №№ 580—1422, стр. 332, в Отделе рукописей ГБЛ.

¹³ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I. Исследование и описание флиграней, с приложением семнадцати фототипических таблиц. СПб., 1899; Ч. III. Альбом снимков, СПб., 1899.

¹⁴ Рукопись описана: Описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова. Составил архимандрит Леонид, ч. I, М., 1893 (далее: Арх. Леонид), стр. 333.

у мирских людей коробью ржи да овса, алтын денег, а подписал на книге своею рукою». В начале рукописи тайнопись его же руки. На 1 л. — оглавление рукописи. На л. 206 об. — рисунок пером, изображающий страшного крылатого беса, несущего в когтях человека.

6. ГИМ, собрание гр. А. С. Уварова, № 43, лл. 128—130 об. Первая половина XVI в. Далее — У_{в2}.

Название: «Слово святых пророк иже от Адама во аде к Лазарю».

Рукопись по составу представляет соединение двух книг — учительного Златоуста и торжественника.¹⁵ Сборник в лист, 342 лл. Водяной знак — кувшинчик. У Н. П. Лихачева, водяной знак № 1574, датируется 1530 г. С л. 321 начинается тетрадь другого почерка, содержащая житие Марии Египетской. Текст «Слова» помещен между словом пророка Исаяи «о последних летех» и словом Иоанна Златоуста на праздник воскресения Лазаря.

7. ГИМ, собрание гр. А. С. Уварова, № 111, лл. 155—157. XVI в. Далее — У_{в3}.

Название: «Слово святых апостол иже от Адама во аде к Лазарю».

Сборник, в котором находится У_{в3} — учительный Златоуст, писанный полууставом XVI в., в лист, на 449 лл.¹⁶ Текст «Слова» читается после слова пророка Исаяи «О последних летех» и перед словом «На воскресение Лазаря» Иоанна Златоуста, т. е. находится в том же окружении, что и У_{в2}.

8. ГБЛ, собрание В. М. Ундольского, № 574, лл. 316—318 об. XVI в. Далее — У₃.

Название: «Повести святых апостол о Лазарево воскресении иже от Адама глаголы к Лазарю четверодневному».

Сборник, в лист, на 746 лл., полуустав. На л. 1 — оглавление на 18 статьях. С л. 43 — постный Златоуст.

Тексту «Слова о Лазарево воскресении» предшествует слово «от пророческих словес», приуроченное к пятнице 6 недели поста. После текста У₂ читаем похвалу Иоанна Златоуста о четверодневном Лазаре и его же слово на вход Иисуса Христа в Иерусалим.

9. ГБЛ, ф. 98, собрание Е. Е. Егорова № 95, лл. 126—128. 1602 г. Далее — Е.

Название: «Слово святых апостол иже от Адама во аде к Лазарю».

Рукопись — Златоуст, полуустав, в лист, на 482 лл. Интересны молитва и запись писца.

С текста «Слова» начинается в рукописи другой почерк. Перед этим текстом помещено слово Василия Кесарийского о святом посте, после него — поучение Иоанна Златоуста во вторник страстной недели.

10. ГБЛ, собрание Т. Ф. Большакова, № 304, лл. 399—402. XVII в. Далее — Би.

Название: «Слово на рождество господа нашего Иисуса Христа и на Лазарево воскресение».

Рукопись — Измарагд, скоропись XVII в., в 4°, на 416 лл., содержит 169 глав.¹⁷

Начальные листы утрачены. На л. 1 запись: «Предисловие всем притчам, поучение иж в книгах сих и утвержение верным, аще кто хочет чести». Текст списка Би помещается в окружении «Беседы святых отец о всей твари» и «Слова о блаженном Пимене и о страданиях его в Киево-Печерском монастыре».

11. БАН СССР, № 32.2.22, лл. 151 об. Конец XVII в. Далее — Ак.

Название: «Слово о том же Лазари четверодневном».

Златоуст постный, в 4°, 157 лл., полуустав двух почерков. Водяные знаки: головы шута с 5 и 7 бубенцами. Заглавие и начальные буквы киноварные. Недостаёт нескольких листов в середине. На л. 72 об. владельческая запись: «Павла Тестова книга 1830 года генваря 1-го дня». Текст списка Ак помещен между поучениями Иоанна Златоуста «О Лазаре четверодневном» и «в неделю цветную об окончании поста».

Среди списков редакции особенно интересна группа списков Би, У₃, К, имеющих общий протограф и сохранивших ряд древнейших чтений текста. Остальные списки редакции А слабо дифференцированы, но и в них можно наметить две «ветви» списков: первую составляют У₂, У_{в3}, а вторую — У_{в1}, Пып, Е, У_{в2}, У₁. Различия между ними несущественны, они в основном касаются порядка слов, лексики, грамматических форм и графики, однако эти различия настолько характерны и постоянны, что

¹⁵ См.: Арх. Леонид, стр. 360.

¹⁶ Арх. Леонид, стр. 351.

¹⁷ См.: Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова. Пгр., 1915, стр. 257.

для каждой из «ветвей» можно предположить существование самостоятельного протографа.

Списки *Уз*, *К*, *Бш* обладают прежде всего особым названием по сравнению с другими списками.

К: «Повести святых апостол о Лазареве воскресении, иже от Адама к Лазарю четверодневному».

Уз: «Повести святых апостол о Лазареве воскресении, иже от Адама глаголы к Лазарю четверодневному».

Бш: «Слово на рождество господа нашего Иисуса Христа и на Лазарево воскресение».

В названиях этих трех списков сохраняется указание на связь с сюжетом о воскресении Лазаря, чего мы не находим в названиях других списков редакции, где «Слово» названо «Слово святых апостол, иже от Адама во аде к Лазарю».

Названия этих трех списков соответствуют больше сюжету редакции *Б*, где действительно, кроме монолога Адама, есть рассказ и о том, как Лазарь воскрес и передал Христу просьбу Адама и всех праведников. «Слово» могло быть отнесено к празднику рождества, как видим это в *Бш*, очевидно, потому, что текст редакции начинается с возвещения пророком Давидом рождества Христа. Обратим внимание, что один из списков редакции *Б* (*П₂*) также приурочен к празднику рождества:

Кроме особого названия, спискам *Уз*, *Бш*, *К* присущи чтения, отличающие их от остальных списков редакции. В них часто употреблены другие, хотя и семантически близкие слова: «день приде» (*Уз*, *К*, *Бш*) вм. «день приспе» в других списках; в *Уз*, *К*, *Бш* «глас... проходит в адова врата», в других списках «глас... приходит в адова врата»; в *Уз*, *К*, *Бш* «входит» — в остальных списках «приходит»; в *Уз*, *К* «весть принести», в других — «весть донести», в *Уз*, *К* «поругает ми ся диавол», в остальных списках — «диавол ругает ми ся»; в *Уз* и *Бш* — «А вси человеци правовернии помолятся» — «А мы вси человецы благовернии поклоняемся» в других списках (в *К* это чтение отсутствует, так как в нем текст обрывается на просьбе Адама к Христу спуститься в преисподнюю).

Списки *К*, *Бш*, *Уз* иногда дают свой порядок слов.

Уз, *К*, *Бш*

Остальные списки редакции *А*

О царю небесный и великий...
 Вопиет первозданный твой Адам...
 А Ной праведный, иже тобою избавлен
 бысть от лютаго потопа...
 ...то грех ли ради наших не хочещи
 нас помиловати.

О царю великий, небесный...
 Вопиет твой первозданный Адам...
 И Ной праведный, иже избавлен бысть
 тобою от лютаго потопа...
 ...то грех ли ради наших не хочещи
 помиловати нас.

Спискам *Уз*, *К*, *Бш* присущи общие пропуски и добавления слов, причем в некоторых случаях нельзя определить, что первоначально — наличие или отсутствие этих слов в тексте. Адам просит Христа освободить пленников из ада, уповая на его доброту: «А ты еси, господи, долготерпелив и незлобив». «И незлобив» опущено в других списках. Об Иоанне Предтече узнаем из списков *Уз*, *К*, *Б*, что он «на земли от Ирода поруган бысть». В остальных списках «на земли» отсутствует. В самом начале плача Адама *Уз*, *К*, *Бш* дают следующий текст: «И нача бити ся руками... тяжко стоня и вопияше»; в остальных списках нет «стоня», а только «тяжко вопияше». И, напротив, в других случаях группа *Уз*, *К*, *Бш* сохраняет текст более короткий, чем остальные списки. «Послем весть ко владыце» — читаем в *Уз*, *К*, *Бш*; «владыце Христу» — добавлено в остальных списках. Согласно тексту списков *Уз*, *К*, *Бш*, праведники

«сдят в дне адове мучимы»; «от сатаны» — уточнено в другой части списков редакции и т. д.

Все эти различия убеждают в существовании общего прототипа для списков *У₃*, *К*, *Бш*.

Списки *У₃*, *К*, *Бш* имеют ряд общих чтений, которые не только выделяют их из остальных списков, но позволяют находить в них черты, близкие к архетипу памятника. На предложение пророка Давида послать весть о их страданиях Христу, праведники спрашивают его: «А кто может от нас тому весть принести?» (*К*, *У₃* *Бш*). Другая часть списков искажает эту фразу: «А кто может отселе тамо весть принести?». Очевидна правильность чтения *К*, *У₃* и *Бш*.

В *У₃*, *К*, *Бш* Адам, обращаясь к богу, называет весь род человеческий: «твой возлюбленный, а мои внуци» (ср. летописное выражение «Адамовы внуци»). В остальных списках редакции «а мои» пропущено, и налицо искажение текста: «твой возлюбленный внуци».

Выражение «поругает ми ся дявол» в *У₃*, *К* и *Бш* вместо «ругает» в остальных списках, по-видимому, также отражает архетипный текст памятника, так как в списках редакции *Б* сохранилась фраза о том, что «ад-со дяволом поругаються и посмехаються».

Из текстов редакции *А* создается впечатление, что Адам созывает пророков и праведников послать весть Христу: «И глагола Адам сущим в аде: „приидете пророци и вси праведнии“» (*Пып*). В *Бш*, однако, сам бог обращается к «Адаму и сущим с ним во аде», что представляет собой явную порчу текста, так как оказывается в этом случае, что бог сам и предлагает послать «весть ко владыце своему со слезами». В редакции же *Б* четко прослеживается последовательность действий всех персонажей в данном эпизоде: Давид созывает всех 17 пророков и предлагает послать весть Христу. Упоминания имени Давида нет, но весь предшествующий текст принадлежит Давиду. Поэтому можно предположить, что и пророков созывает тоже Давид, так как сохранился ответ пророков. Пророки просят Давида самого рассказать Христу о их страданиях: «Давыде, глаголи». Но Давид не может «глаголати», потому что он заключен в каменном столпе, за медными воротами с железными цепями. Но завтра воскреснет друг божий, Лазарь, он и расскажет Христу обо всем. И тогда Адам «взби ся в перси своя» и «глаголаше». Такая последовательность событий восстанавливается по текстам одной из групп редакции *Б*, которая сохранила немало интересных архетипных чтений. Отражение именно такой роли пророка Давида в тексте находим в *У₃*: «Глагола к Адаму и сущим с ним в аде: „Приидите пророцы вси и праведници (сходная конструкция фразы обнаруживается и в *Бш*: «Глагола господь (порча, — *М. Р.*)) к Адаму и сущим с ним во аде“...».

Из всего сказанного можно сделать вывод, что списки *У₃*, *К*, *Бш* выделяются в отдельную группу и сохранили следы архетипного текста «Слова о Лазаревом воскресении». Но отдельные архетипные чтения можно обнаружить и в остальных списках редакции *А*, именно в тех, которые сближаются с *Бш*, несмотря на всю его близость с *У₃* и *К*. Древняя форма глагола «жадати» сохранилась в этих списках и *Бш*: «много жадали дни». Во фразе о медных вратах и каменных замках *Бш*, как и остальные списки, кроме *У₃*, сохраняет правильный текст: «И замцы камене, твердо запечатаны» (в *У₃* — «запечатленни»). Вместе с остальными списками *Бш* дает чтение «жаль ми», вместо «жалюси» в *У₃*, «архангел Гавриил» вместо «Гавриилова» в *У₃* и «Гавриила» в *К*. Вместе с *К* и *Пып* *Бш* сохраняет полногласную форму «полоняник» вместо «пленник» в остальных списках (в том числе и в *У₃*).

Считаем целесообразным издать список У₃ в сопоставлении с *Бш* и *К*, как древнейший в этой группе списков. Вторая обширная группа представлена списком У_{в1}, самым древним в данной группе. Две подгруппы списков вошли в разночтения к списку У_{в1}. Список *Ак* издается отдельно ввиду его близости спискам редакции *Б*.

* * *

После того как была проделана эта работа, мне стали известны еще два списка «Слова о Лазаревом воскресении». Оба принадлежат собранию академика М. Н. Тихомирова. Один из них, под № 287, датируется второй половиной XVIII в. и принадлежит редакции *А*. Как было показано выше, в редакции *А* можно выделить две основные группы списков. Список Тихомировского собрания поздний, его можно отнести к более удаленной от архетипа и многочисленной группе редакции. Приведу только один пример доказательства этого. На призыв Давида рассказать Христу о мучениях пленников, Исайя и Иеремия спрашивают его: «А кто может отселе тамо весть принести?». Такое чтение дает большинство списков. Список Тихомировского собрания искажает текст. Здесь читаем: «А кто может от сего лета повесть донести?». Видимо, жанровое определение «Слова» как «повести» отразилось в названии одного из списков, который был у переписчика списка собрания М. Н. Тихомирова, поскольку название самого этого списка звучит как «Слово святых апостол иже от Адама во аде к Лазарю». О Давиде в Тихомировском списке говорится, что он «вложи персты своя на живыя струны». Это тоже порча первоначального текста. Очевидно, здесь читалось «возложи» под титлом.

Примеры, подтверждающие позднее происхождение этого списка, можно было бы увеличить.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основной текст:	ГБЛ, собр. Ундольского, № 574 — У ₃
Разночтения:	ГБЛ, собр. Большакова, № 304 — <i>Бш</i>
	Памятки украинсько-руської мови и літератури, т. II. У Львові, 1899, стр. 315—316. — <i>К</i>

В субботу 6 святого поста повести святых апостол а. 316
о Лазареве воскресении, иже от Адама глаголы к Лазарю четверодневному.^{1, 1}

²Воспоим весело, дружино, песньми днесь,³ а плачь отложивше⁴ утешимся. Удари бо⁵ Давид в гусли, въскладываа⁶ пръсты своя⁷ на живыя струны,⁸ сея в преисподнем аде⁹ и рече:¹⁰ «Се бо время весело наста, се прииде¹¹ день спасения. Уже бо¹² слышу¹³ — пастыри¹⁴ свирияють¹⁵ в вертьпе¹⁶ и глас их приходит в адова врата¹⁷ и в моя¹⁸ уши входит.¹⁹ Уже слышу²⁰ под²¹ ног²² перских²³ конь,²⁴ иже несут дары

1, 1 Слово на рожество господа нашего Иисуса Христа и на Лазарево воскресение *Бш*; Повести святых апостол о Лазареве воскресении, иже от Адама к Лазарю четверодневному. Благослови, отче *К*. ²⁻³Воспоим песньми весело, дружи, песньми днесь *Бш*. ⁴отложим *БшК*. ⁵Нет *БшК*. ⁶возложи *Бш*. ⁷⁻⁸на живыя струны накладыа *Бш*. ⁹в аде *Бш*. ¹⁰и рекуща *Бш*. ¹¹приде *Бш*. ¹²Еже бо *Бш*. ¹³Нет *Бш*; слышно *К*. ¹⁴пастыря *Бш*. ¹⁵свирияють *Бш*. ¹⁶у вертепа *Бш*; в врьтпе *К*. ¹⁷во врата адова *Бш*. ¹⁸в моя *Бш*; а в моя *К*. ¹⁹Нет *Бш*; входит *К*. ²⁰Слышу *Бш*. ²¹топот *БшК*. ²²ноги *Бш*. ²³перских *Бш*. ²⁴⁻²⁵иже

ему волсви²⁵ от своих царев²⁶ цареви²⁷ небесному,²⁸ днесь²⁹ рождь-
 шуся на земли.^{30 31} Того бо есмы много дний ждахом,³² тому бо есть небо
 престол, а земля подножие ногу его.³³ Того мати девица повивши³⁴
 в пелены,³⁵ повивающаго небо облакы,³⁶ а землю мглоу, приникше³⁷
 к нему глаголем: ^{л. 316 об.} ³⁸ „О царю небесный, великий,³⁹ что ти ся || въсхотело⁴⁰
 к нам нищим на землю снити? Сеа⁴¹ ли пещеры въсхотел⁴² еси, или
 сих яслей,⁴³ в них же⁴⁴ ныне лежиши? Се⁴⁵ коль⁴⁶ скоро Ирод безумный
 шатаеся⁴⁷ острит⁴⁸ на тя меч,^{49 50} убити тя хоцеть!“^{51 52} Глагола
 к Адаму⁵³ и сущим с ним в⁵⁴ аде: ⁵⁵ «Приидете, пророцы вси и правед-
 ници,⁵⁶ послем весть ко владыце⁵⁷ сълезамы⁵⁸ на живый он век, хоцет ли
 нас⁵⁹ от муки сеа⁶⁰ избавити?»⁶¹ А Исаия и Еремея ругающесея
 к адови и его немощней силе,⁶² рекоста и Давиду: «⁶³ Кто может⁶⁴ от
 нас⁶⁵ тому весть принести,⁶⁶ врата бо⁶⁷ медная⁶⁸, а⁶⁹ верея железная,⁷⁰
 а⁷¹ замци каменны твердо запечатлении».⁷² Тогда Давид к нима⁷³ ясно
 рече: «Се⁷⁴ заутра от нас поидет⁷⁵ Лазарь⁷⁶ четверодневный, друг⁷⁷
^{л. 317} Христов, ть⁷⁸ от нас к нему⁷⁹ || весть донесет».⁸⁰ И се⁸¹ услышав, Адам
 перевозданный человек нача⁸² бити ся руками по лицу своему,⁸³ тяжко
⁸⁴ стоня и въпияше,⁸⁵ глаголя: ⁸⁶ «Поведай о мне весть владыце,⁸⁷ свет-
 лый друже Христов, глаголы моя.⁸⁸ Се⁸⁹ ти впиет⁹⁰ перевозданный твой
 Адам.⁹¹ На се ли мя, господи, създал еси,⁹² на краткы⁹³ съ⁹⁴ век на
 земли⁹⁵ быти, и се⁹⁶ мя осудив⁹⁷ в ад⁹⁸ на⁹⁹ многа лета мучитса?¹⁰⁰
 Того ли ради наплньих^{11, 1} землю, о владыко, и се² ныне твой возлюб-
 лении,³ а мои вьуди,⁴ в⁵ тме седят, в дне⁶ адове, мучими⁷ скорбию⁸ и
 туюю сердце⁹ тешат,¹⁰ слезами своими¹¹ очи и зениця¹² омывають,¹³
 память¹⁴ желающе¹⁵ вельми унылы¹⁶ суть?»¹⁷ Се бо на земли¹⁸ сей¹⁹
 в мал час добро видехом, и²⁰ се²¹ в тузе сей многа лета в²² обиде есмы.²³
 В мал час аз бых царь всем тварем Божиим, а ныне в многы²⁴ дни²⁵ раб
 бых аду,²⁶ а бесом²⁷ полоняник. В мало²⁸ время свет твой видех,²⁹ и³⁰
 се³¹ уже солнца³² твоего пресветлаго не вижду³³ на многая³⁴ лета,

дары несут *Бш*; иже дары ему несутъ вльсви *К*. ²⁶царей *Бш*.
²⁷цари *Бш*. ²⁸Нет *Бш*. ²⁹⁻³⁰на земли же рождишися *Бш*. ³¹⁻³²а того
 есми дружино многи жадали дни *Бш*; а того есмы, дружино, много
 ждали дний *К*. ³³⁻³⁴того бо мати повившего *Бш*. ³⁵Нет *Бш*; в пеленица *К*.
³⁶облаки *Бш*. ³⁷приникши *Бш*. ³⁸глаголющи *Бш*; глаголюще *К*. ³⁹и великий
К. ⁴⁰восхотело *Бш*. ⁴¹сеа *Бш*; сия *К*. ⁴²восхотел *Бш*. ⁴³ясли *Бш*. ⁴⁴иже *Бш*.
⁴⁵А се *Бш* *К*. ⁴⁶Нет *Бш*. ⁴⁷шатаеся *Бш* *К*. ⁴⁸остритъ *К*. ⁴⁹мечь *К*.
⁵⁰⁻⁵¹и хоцет убити *Бш*. ⁵²⁻⁵³Глаголя господь к Адаму *Бш*; глаголя Адам *К*.
⁵⁴во *Бш*; въ *К*. ⁵⁵⁻⁵⁶Приидете, пророци и вси праведни *Бш*; приидете пророци
 и вси праведни *К*. ⁵⁷ко владыце своему *Бш*. ⁵⁸со слезами со слезами *Бш*; с
 слезами *К*. ⁵⁹⁻⁶⁰от муки сеа *Бш*; от муки сия *К*. ⁶¹⁻⁶²Исаия пророк,
 Иеремея ругающесея адови немощней силе *К*. ⁶³⁻⁶⁴А кто можетъ *К*. ⁶⁵отселе *Бш*.
⁶⁶Нет *Бш*. ⁶⁷Нет *Бш*. ⁶⁸меднаа *К*. ⁶⁹⁻⁷⁰верея железнаа *К*. ⁷¹⁻⁷²замци
 камене, твердо запечатаны *Бш*; замци каменны, твердо запечатано
К. ⁷³к ним *Бш*. ⁷⁴а се *К*. ⁷⁵поидет *Бш*; поидеть *К*. ⁷⁶Лазарь *Бш*. ⁷⁷и
 друг *Бш*. ⁷⁸той *Бш*. ⁷⁹Нет *Бш*. ⁸⁰донесеть *К*. ⁸¹Нет *Бш*. ⁸²⁻⁸³бити по
 лицу своему руками *Бш*. ⁸⁴⁻⁸⁵вельми вопиаше *Бш*; стоня вопиаше *К*. ⁸⁶глагола
Бш. ⁸⁷⁻⁸⁸светлый и друг Христов Лазарь *Бш*; светлый друже Христов *К*. ⁸⁹а се
Бш *К*. ⁹⁰вопиет *Бш*. ⁹¹⁻⁹²На се ли мя еси, господи, создал *Бш*; на се ли мя, господи
 създал *К*. ⁹³краткий *Бш*; краткий *К*. ⁹⁴сей *Бш*. ⁹⁵на земли сей *К*. ⁹⁶а
 се *Бш* *К*. ⁹⁷осуди *Бш*. ⁹⁸во аде *Бш*. ⁹⁹⁻¹⁰⁰мучитса многа лета быти *Бш*.
^{11, 1}наполних *Бш*. ²а се *Бш* *К*. ³возлюблены *Бш*; възлюблени *К*. ⁴вьуди *К*.
⁵во *Бш*; въ *К*. ⁶Нет *Бш*. ⁷Нет *Бш*. ⁸скорбию *Бш* *К*. ⁹серца *Бш*. ¹⁰те-
 шать *К*. ¹¹свои *Бш*; своа *К*. ¹²зеницы *Бш*; зеница *К*. ¹³омывають *К*.
¹⁴памяти *Бш*; а память *К*. ¹⁵⁻¹⁶вельми и унылы *Бш*; вельми унылы *К*. ¹⁷⁻¹⁸се бо
 на земле *Бш*; ибо на земли *К*. ¹⁹Нет *Бш*. ²⁰а *Бш* *К*. ²¹пыне *Бш*. ²²во *Бш*;
 въ *К*. ²³есми *Бш*. ²⁴многи *Бш*. ²⁵⁻²⁶бых раб аду *Бш*. ²⁷бесу *Бш*.
²⁸малое *Бш*. ²⁹видехом *Бш*. ³⁰а *Бш* *К*. ³¹⁻³²уже ныне солнца *Бш*
³³вижу *Бш*. ³⁴многа *Бш* *К*.

³⁵ ни буря ветреняя ³⁶ не слышу, ³⁷ господи, ³⁸ Аще аз съгреших ти паче ³⁹ всех ⁴⁰ человек, то по делом моим въздал ⁴¹ ми ⁴² еси ⁴³ муку сию, ⁴⁴ не жалю си. ⁴⁵ Но сего ради ⁴⁶ жалю си, ⁴⁷ господи, аз по твоему образу сотворен ⁴⁸ есмь, ⁴⁹ а ныне ⁵⁰ поругает ми ся диавол и мучит мя зле. ⁵¹ Но || жалю си, господи, ⁵³ иже ⁵⁴ в породе живя, а ⁵⁵ твою божественую заповедь ⁵⁶ преступих. ⁵⁷ Но того, господи, жалю си, еже твоим созданием ад посмежается и поругается. ⁵⁸ И ⁵⁹ се, господи, первый патриарх ⁶⁰ Авраам, ⁶¹ а твой друг, ⁶² иже ⁶³ тебе ради хоте ⁶⁴ заклати сына своего Исаака, и ты рекл ⁶⁵ ему, господи: „Тобою, Аврааме, благословятся вся колена земнаа“. ⁶⁶ Тот ⁶⁷ что съгреси? ⁶⁸ ⁶⁹ А zde же в аде сем с нами мучится и тяжко въздышетъ. ⁷⁰ А Ной праведный, иже тобою избавлен бысть, господи, от лютаго потопа, ада ⁷¹ ли не можеша ⁷² избавити? ⁷³ Аще ли будет и съ согрешил, ⁷⁵ яко же и аз? И ⁷⁶ се ⁷⁷ великий пророк Моисей, что, господи, согрешил естъ? ⁷⁸ ⁷⁹ То и ть zde седит ⁸⁰ с нами ⁸¹ в ⁸² тме адове. А ⁸³ Давида ты, ⁸⁴ господи, сам ⁸⁵ прослави ⁸⁶ на земли и дал еси ⁸⁷ ему царствовати над многими. ⁸⁸ ⁸⁹ И ть състави псалтырь с гусли. ⁹⁰ То что ⁹¹ и ⁹² ть съгрешил естъ? ⁹³ ⁹⁴ Зде же ⁹⁵ с нами мучится, ⁹⁶ в ⁹⁷ аде сем, и ⁹⁸ часто стоня въздышетъ. ⁹⁹ Аще ¹⁰⁰ будет III, ¹ и той ² тако ³ съгрешил, ⁴ яко же и аз? ⁵ И той ти, господи, с нами || во аде. ⁷ И ⁸ с великий ⁹ в ¹⁰ пророцех Иоанн ¹¹ Предтеча и ¹² креститель твой, ¹³ иже родися ¹⁴ от благовещенна Гавриилова, ¹⁵ в пустыни възпитався ¹⁶ от юности, ядый мед дивий, ¹⁷ что и ть, господи, съгрешил естъ? ¹⁸ ¹⁹ Но и ть ²⁰ на земли ²¹ от Ирода ²² поруган ²³ бысть, zde же с нами в ²⁴ аде ²⁵ мучим естъ. ²⁶ Но сего ²⁷ жалят си ²⁸ твои пророци, яко ²⁹ Илию ³⁰ и ³¹ Еноха, угодившая ³² тебе паче всех праведник на земли, ³³ помиловал еси их. ³⁴ То грех ли ради наших не хощеша ³⁵ нас помиловати, ³⁶ или своего времени ждеша. Когда, ³⁷ господи, ³⁸ сам хощеша снити ³⁹ сам ⁴⁰ ⁴¹ един свеси. ⁴² Но мы человеци ⁴³ тьцкливи, ⁴⁴ а ты, господи, ⁴⁵ дълготерпелив ⁴⁶ и ⁴⁷ незлобив. Но ⁴⁸ приди ⁴⁹ по нас, господи, въскоре ⁵⁰ и

³⁵⁻³⁶ни буюго ветра веоуща *Бш.* ³⁷слышю *К.* ³⁸⁻³⁹Нет *Бш.*; аще аз согреших ти паче *К.* ⁴⁰на всех *Бш.* ⁴¹создал еси *Бш.* ⁴²Нет *Бш.* ⁴³Нет *Бш.* ⁴⁴⁻⁴⁵но желаю си *Бш.*; не жалуюся *К.* ⁴⁶⁻⁴⁷жал ми *Бш.*; жалъ ми *К.* ⁴⁸сътворен *К.* ⁴⁹есть *Бш.* ⁵⁰⁻⁵¹диавол ругает ми ся и мучит мя зле, нумило сердися о мне, господи *Бш.*; поругает ми ся, мучит мя дьявол зле *К.* ⁵²⁻⁵³Нет *Бш.*; не жалю ми, господи *К.* ⁵⁴аз же *Бш.*; а иже *К.* ⁵⁵Нет *Бш.* ⁵⁶заповедь *Бш.* ⁵⁷⁻⁵⁸Нет *Бш.* ⁵⁹а *Бш.* ⁶⁰патриарх *Бш.* ⁶¹⁻⁶²Нет *Бш.* ⁶³⁻⁶⁴хоте тебе ради *Бш.*; тебе ради хотел *К.* ⁶⁵рече *Бш.* ⁶⁶земная *Бш.* ⁶⁷то и тот *Бш.* то и ть *К.* ⁶⁸согрешил *Бш.*; съгрешил *К.* ⁶⁹⁻⁷⁰И той zde же во аде сем мучитца с нами, тяжко въздышет *Бш.*; А zde же в аде сем мучится с нами, тяжко въздышетъ *К.* ⁷¹а ада *Бш.* ⁷²не можеша не можеша *Бш.* ⁷³избыти *К.* ⁷⁴⁻⁷⁵Аще будут сии согрешаи *Бш.*; аще будет и съ согрешил *К.* ⁷⁶а *Бш.* ⁷⁷⁻⁷⁸великий Моисей пророк, той, господи, что согрешил естъ *Бш.*; великий пророк Моисей, а ть, господи, что съгрешил естъ *К.* ⁷⁹⁻⁸⁰и той седит zde *Бш.* ⁸¹Нет *Бш.* ⁸²во *Бш.* ⁸³Нет *Бш.* ⁸⁴Нет *Бш.* ⁸⁵ты сам *Бш.* ⁸⁶прославил еси *Бш.* ⁸⁷⁻⁸⁸господи, над многими царствовати ему *Бш.* ⁸⁹⁻⁹⁰он же составил псалтырь и гусли *Бш.*; а ть съставил псалтырь и гусли *К.* ⁹¹Нет *Бш.* ⁹²⁻⁹³той, господи, что согрешил естъ *Бш.* ⁹⁴⁻⁹⁵А и ть zde же *К.* ⁹⁶мучитца *Бш.* ⁹⁷во *Бш.* ⁹⁸и *Бш.* ⁹⁹воздышетъ *Бш.*; въздышетъ *К.* ¹⁰⁰Аще ли *К.* III, ¹будеть *К.* ²тий *Бш.*; ть *К.* ³такоже *Бш.* ⁴согрешаи *Бш.* ⁵аз согрешил *Бш.* ⁶⁻⁷Нет *Бш.* ⁸А *Бш.* ⁹великий *Бш.* ¹⁰во *Бш.* ¹¹Иван *Бш.* ¹²Нет *К.* ¹³Нет *Бш.*; господень *К.* ¹⁴⁻¹⁵по благовещению архангел Гавриил *Бш.*; от благовещенна Гавриила *К.* ¹⁶воспита *Бш.* ¹⁷⁻¹⁸то что, господи, той согрешил естъ *Бш.*; то что ть, господи, съгрешил естъ *К.* ¹⁹⁻²⁰и той *Бш.*; то и ть, господи *К.* ²¹⁻²²Нет *Бш.* ²³поруганъ *Бш.* ²⁴во *Бш.* ²⁵⁻²⁶мучитца *Бш.* ²⁷⁻²⁸жалуют *Бш.*; жалуют *К.* ²⁹Нет *Бш.* ³⁰Или *Бш.*; Илию *К.* ³¹Нет *Бш.*; или *К.* ³²угодила *Бш.*; угодивша *К.* ³³⁻³⁴Нет *Бш.* ³⁵⁻³⁶помиловати нас *Бш.* ³⁷то ли *Бш.*; коли *К.* ³⁸и *К.* ³⁹внити *Бш.* ⁴⁰Нет *Бш.* ⁴¹⁻⁴²веси едине *Бш.*; веси един *К.* ⁴³человеци *Бш.* ⁴⁴есме тощеливи *Бш.*; тощеливы *К.* ⁴⁵еси господи *Бш.* ⁴⁶дълготерпелив *Бш.*; дълготерпелив *К.* ⁴⁷Нет *Бш.* На этом обрывается список *К.* ⁴⁸Нет *Бш.* ⁴⁹приде *Бш.* ⁵⁰въскоре *Бш.*

связи⁵¹ диавола,⁵² попери⁵³ ада, да ты уведят⁵⁴ буии⁵⁵ жидове, а вси
л. 318 об. человецы правовернии || помолятся⁵⁶ имени твоему святому, славяще
святуу троицу, отца и сына, святого⁵⁷ духа ныне и присно⁵⁸ и в веки ве-
ком.⁵⁹

Основной текст: ГИМ, собр. Уварова, № 595 — У_{в1}
Разночтения: Памятники старинной рус-
ской литературы, изд. Куше-
левым-Безбородко, вып. III,
СПб., 1862, стр. 11—12 — Пып
ГБЛ, собр. Егорова 98, № 95 — Е
ГИМ, собр. Уварова, № 43 — У_{в2}
ГБЛ, собр. Ундольского,
№ 1109 — У₁
ГБЛ, собр. Ундольского,
№ 575 — У₂
ГИМ, собр. Уварова, № 111 — У_{в3}

л. 121 ^{1, 1} Слово святых апостол, еже от Адама во аде к Ла-
зорю. Господи, благослови.²

Воспоем,³ дружино, песньми⁴ днесь, а плач⁵ отложим, утешимся.⁶
Удари⁷ рече⁸ Давид⁹ в гусли,¹⁰ възложи¹¹ прсты¹² своя¹³ на живыя¹⁴
струны, иныи¹⁵ накладаа,¹⁶ а седя¹⁷ в¹⁸ преисподнем аде: «Се бо время
весело наста, се¹⁹ приспе день спасения.²⁰ Уже бо слышу²¹ пастыри²²
свируют²³ у вертепа,²⁴ а глас их проходить²⁵ адова врата, а²⁶ в мои
уши приходить.²⁷ А²⁸ уже²⁹ слышу³⁰ топот³¹ ног^{32 33} перьских конь,³⁴
иже дар³⁵ несут³⁶ ему влсви³⁷ от своих³⁸ царев³⁹ небесному цареви,⁴⁰
днесь⁴¹ на земли рожьшюся.⁴² А того есми,⁴³ дружино, мнози⁴⁴ дни
жадали, тому⁴⁵ бо есть небо престол, а земля подножье⁴⁶ ногу его. Того
л. 121 об. бо⁴⁷ мати девица⁴⁸ повивши⁴⁹ в пелены || повивающа⁵⁰ небо облакы,⁵¹
а землю мглою,⁵² приникши к нему глаголаше:⁵³ „О царю великий⁵⁴
небесный! Что ти ся всхотело⁵⁵ к нам⁵⁶ снити нищим⁵⁷ на землю? Сия⁵⁸

⁵¹связаши Бш. ⁵²диавола Бш. ⁵³и попри Бш. ⁵⁴увидят Бш. ⁵⁵буи Бш.
⁵⁶помолитесь Христе Бш. ⁵⁷и святого Бш. ⁵⁸⁻⁵⁹Нет Бш.

^{1, 1-2}Слово святых апостол, иже от Адама во аде к Лазарю. Господи Пып; В той же день слово святых апостол, иже от Адама во аде к Лазарю Е; В пяток цветных недели слово святых пророк, иже от Адама в аде к Лазарю. Благослови, отче У_{в2}; Слово святых апостол, иже от Адама в аде к Лазарю У₁; В пяток цветных недели слово святых апостол, иже от Адама во аде к Лазарю. Господи, благослови, отче У₂; В пяток цветной недели слово святых апостол, иже от Адама в аде к Лазарю. Благослови отче У_{в3}. ³воспоим Е; ^ввоспоем У_{в2}У₁У₂; ^вспоим У_{в3}. ⁴песньми ПыпЕУ_{в2}У₂У_{в3}; ^песми У₁. ⁵плач ЕУ₂У_{в3}. ⁶и утешимся ЕУ_{в2}У₂У_{в3}. ⁷и удари У_{в2}; и рече У₁. ⁸Нет У₁. ⁹Давид У₁У₂. ¹⁰ударим в гусли У₁. ¹¹възложи Пып; и възложи ЕУ₂; и възложи У_{в3}; възложим У₁; и възложи У_{в3}. ¹²прсты У_{в2}; прсты У₂. ¹³своа Пып; Нет Е. ¹⁴живыа У_{в2}. ¹⁵и ныи ЕУ₁У_{в3}; и ныи У_{в2}; и на ныи У₂. ¹⁶наклада ПыпЕУ_{в2}У₂У_{в3}. ¹⁷а седей У_{в2}. ¹⁸во У₂. ¹⁹и се ЕУ_{в2}У₂У_{в3}. ²⁰веселна У_{в2}. ²¹слышу ЕУ_{в2}У₂У_{в3}. ²²пастырие У_{в2}; пастыря У₁. ²³Свируют Пып; свируют ЕУ₁У₂У_{в3}; сверяют У_{в2}. ²⁴вертепа У_{в2}. ²⁵проходит ПыпКУ_{в3}; приходит У_{в2}; проходят У₁; происходит У₂. ²⁶и ЕУ₂У_{в3}; нет У_{в2}. ²⁷приходит ПыпЕУ₁У₂У_{в3}; нет У_{в2}. ²⁸И ЕУ_{в2}У₂; нет У_{в3}. ²⁹уже бо У_{в3}. ³⁰слышу ЕУ_{в2}У₂У_{в3}. ³¹топод Е. ³²Нет ЕУ_{в2}У₂У_{в3}. ³³⁻³⁴перских коней Пып; конь перских ЕУ₂; коней прьских У_{в2}; кон прьских У₂; конь перских У_{в3} ³⁵дары ЕУ_{в2}У₁У_{в3}. ³⁶несут Пып; приносят ЕУ_{в2}У₂У_{в3}. ³⁷въльсви Пып; волсви ЕУ₁У₂У_{в3}, въльсви У_{в2}. ³⁸сынов У_{в2}. ³⁹царей ЕУ₂У_{в3}; царей прьских У_{в2}. ⁴⁰царю У₂. ⁴¹⁻⁴²на земли рожьшюся Пып У_{в2}У₁У₂; рожьшюся на земли Е; на земли рожьшюся У_{в3}. ⁴³есмя ЕУ_{в2}У₁У₂. ⁴⁴многы У_{в2}; многи У_{в3}. ⁴⁵и тому У_{в2}У₂У_{в3}. ⁴⁶подножие ПыпЕУ_{в2}У₁У₂У_{в3}. ⁴⁷Нет У₁. ⁴⁸девице У₁. ⁴⁹повивше ЕУ_{в2}У₂. ⁵⁰повивающа ЕУ_{в2}У₂У_{в3}; повивающе У₁. ⁵¹облакы ЕУ_{в3}. ⁵²мглою ПыпЕУ_{в2}У₁. ⁵³глаголаше Е. ⁵⁴великий ЕУ_{в3}. ⁵⁵всхотело ПыпУ_{в2}У₁; восхотело ЕУ₂. ⁵⁶⁻⁵⁷нищим снити ЕУ_{в2}У₂У₁У_{в3}. ⁵⁸сеа У_{в2}.

ли ⁵⁹ пещеры восхотел еси, ⁶⁰ или сих ⁶¹ яслей. ⁶² в них же ныне лежиши? А ⁶³ се скоро Ирод безумный шатаеся ⁶⁴ острит ⁶⁵ на тя ⁶⁶ мечь, ⁶⁷ и хоцеть тя убити». И ⁶⁸ глагола Адам сущим в аде: «Приидете, ⁶⁹ про-
раци ⁷⁰ вси и праведнии, ⁷¹ послем ⁷² весть ко владыце ⁷³ Христу со ⁷⁴ сле-
зами на живый он век, хоцет ли нас ⁷⁵ от муки сея избавити». ⁷⁶
А ⁷⁷ Исаия ⁷⁸ и Еремеи ⁷⁹ ругающися ⁸⁰ адови и ⁸¹ немощной силе его. ⁸² Ре-
коста ⁸³ ко ⁸⁴ Давиду: «А ⁸⁵ кто может ⁸⁶ отселе тамо ⁸⁷ от нас ⁸⁸ весть
донести?» ⁸⁹ А врата медяна и верея железныя, а замкы камяны, а твердо
запечатано. ⁹⁰ Тогда Давид к ним ясно рече: «А се заутра от нас по-
идеть ⁹¹ Лазор ⁹² четверодневный, друг Христов, тьи ⁹³ от нас к ⁹⁴ нему
⁹⁵ весть донесеть». ⁹⁶ И се услышав ⁹⁷ Адам, первозданный ⁹⁸ человек, и
нача бити ся ⁹⁹ руками ¹⁰⁰ своима II, 1 по ² лицу своему, ³ тяжко вопия ⁴
глаголаше: ⁵ «Поведай от ⁶ мене владыце, ⁷ светлый друже Христов Ла-
зарю». ⁸ А се ти вопиеть ⁹ твой первозданный ¹⁰ Адам. На се ли мя еси,
господи, создал ¹¹ на кроткий ¹² век на земли сей быти ¹³ а сей ¹⁴ мя осуди
в ¹⁵ аде многа лета быти мучитися. ¹⁶ Того ли ради наполних землю, ¹⁷
о владыко? А се ныне твои възлюбленни ¹⁸ внуци во ¹⁹ тме седят ²⁰ в ²¹
дне адове мучимы от сотоны ²² и скорбью ²³ и тугою сердце тешать ²⁴ и
слезами своими очи и зеница ²⁵ омывають ²⁶ и памяти желающе ²⁷ велми
уныли ²⁸ сущ. Се бо на земли сей ²⁹ только ³⁰ в мале час добра видихом, ³¹
и се уже ³² в тузе ³³ сей многа лета в ³⁴ обиде есме. ³⁵ В мал ³⁶ час аз царь
быти ³⁷ всем тварем Божиим, а ныне в ³⁸ многы дни раб бых аду, а бесом
его полоняник. ³⁹ В мало время свет твой видех, ⁴⁰ а се уже солнце ⁴¹ твоего
⁴² пресветлаго не вижду на многа лета, ни буря ветреня не слышу, гос-

⁵⁹⁻⁶⁰пещеры възхотел еси *Пып*; възхотел еси пещеры *Е*; пещеры възхотел еси *У₁*; пещеры възхотел еси *Ув₃*. ⁶¹их *Пып*. ⁶²яслей *У₂*. ⁶³*Нет У₁*. ⁶⁴шатаеся *ПыпЕУв₂У₂Ув₃*. ⁶⁵острит *ПыпУ₁Ув₃*; остри *У₂*. ⁶⁶*Нет У₂*. ⁶⁷меч *ЕУ₁*; ⁶⁸*Нет Е*. ⁶⁹Приидите *Ув₂*. ⁷⁰⁻⁷¹ вси праведнии *ПыпЕУ₂У₁Ув₃*; и все пра-
веднии *Ув₂*. ⁷²пошлем *Ув₃*. ⁷³владыцы *У₂*. ⁷⁴с *ПыпУв₂У₂У₁*. ⁷⁵⁻⁷⁶от муки
сея избавити *ЕУ₂У₁*; избавити от муки сея *Ув₃*. ⁷⁷*Нет Е*. ⁷⁸Исаия *Пып*; Исаа *У₁*.
⁷⁹Еремея *Е*; Иеремея *Ув₂*; Еремеа *У₁*; Еремия *У₂*; Еремия *Ув₃*. ⁸⁰ругающися
ЕУв₃; ругающейся *У₂*. ⁸¹⁻⁸²немощной силе его *Е*; немощной его силе *У₂Ув₃Ув₂*.
⁸³и рекоста *ЕУв₂У₁У₂Ув₃*. ⁸⁴*Нет Пып*; к *Ув₃*. ⁸⁵*Нет Е*. ⁸⁶может *ЕУв₂У₁У₂Ув₃*.
⁸⁷⁻⁸⁸*Нет Ув₂Ув₃*. ⁸⁹⁻⁹⁰А врата медяная и верея железныя, а замкы камен-
ныя, а твердо запечатано *Пып*; А врата медяная и верея железныя, а замкы камен-
ныя и твердо запечатано *Е*; врата медяная и верея железныя, а замкы каменныя
твердо запечатаны *Ув₂*; А врата медяная и верея железныя, а замкы каменны
и твердо запечатано *У₁*; А врата медяная и верия железная, а замкы каменны и твердо
запечатано *У₂*; А врата медяная и верея железная, а замкы каменныя и твердо за-
печатано *Ув₃*. ⁹¹пойдет *ЕУв₂У₁У₂Ув₃*. ⁹²Лазарь *ЕУв₂*; Лазорь *У₁Ув₃*. ⁹³той *ЕУ₂*; и той
Ув₂Ув₃. ⁹⁴*Нет Е*. ⁹⁵⁻⁹⁶донесет весть *ПыпЕУв₂У₁У₂Ув₃*. ⁹⁷слышав
ЕУв₂У₁У₂Ув₃. ⁹⁸прввозданный *Ув₂*. ⁹⁹*Нет ЕУв₂У₁У₂Ув₃*. ¹⁰⁰руками *ЕУ₂Ув₃*.
II, 1 своими *ЕУ₂*; *нет У₁Ув₃*. 2-3лицу своему *ПыпЕУв₂У₂Ув₃*. 4впьянше *Пып*
Ув₂, *У₂Ув₃*. 5и глаголаше *Пып*; и глаголя *Ув₃*. 6О *ЕУв₂У₁У₂Ув₃*. 7владыце Христу
ЕУв₂У₁У₂Ув₃. 8*Нет ЕУв₂Ув₃*; Лазоре *Ув₃*. 9воиет *ЕУ₂Ув₃*. 10прввозданный
Ув₂. 11сздад *ПыпУв₃*. 12Короткий *ПыпУ₂*; короткий *ЕУв₃*; краткий *Ув₂У₁*.
13благу быти *У₂*. 14се *ЕУв₂У₂*. 15во *ЕУ₂Ув₃*. 16и мучитися *ЕУв₃У₂Ув₃*; и мучитись
У₁. 17землю *Пып*. 18возлюбленнии *ПыпУ₁У₂Ув₃*. 19в *ПыпУ₁*. 20седят
Ув₂У₁. 21во *ЕУ₂*. 22сотоны *Ув₂*. 23скорбью *ПыпЕУв₂У₁У₂Ув₃*. 24тешат
ЕУв₂У₁У₂Ув₃. 25зеницы *ЕУв₂У₂*. 26омывають *ЕУв₂У₁Ув₃У₂*. 27-28вельми уныли
ПыпУ₁. 29*Нет Ув₂*. 30-31в мале часе видихом добра *Пып*; в мал час видехом добра
ЕУв₂У₁У₂Ув₃; в мал час видихом добра *У₂*. 32у муки *Е*; в муке *Ув₂*; в муки *У₂*;
в муке *Ув₃*. 33во *ЕУв₂У₁У₂*. 34есмя *ЕУ₁У₂Ув₃*; если *Ув₂*. 35в мале *Ув₃*; аз
в мал час *У₁*. 36бых *ЕУв₂У₁У₂Ув₃*. 37*Нет ЕУв₂У₂Ув₃*. 38полоняник есм *Ув₃*.
39видехом *ЕУв₂Ув₃*; видихом *У₁*. 40солнца *ПыпЕУв₂У₁У₂Ув₃*. 41-42пресветла-
го не вижду на многа лета, ни буря ветреня не слышу, господи *Пып*; не вижду прес-
ветлаго на многа лета, ни буря ветреня не слышу, господи *Е*; пресветлаго не вижду
на многа лета, ни буря ветреня не слышу, господи *У₁*; не вижду пресветлаго на

поди.⁴² Аще⁴³ аз съгреших, господи,⁴⁴ паче всех⁴⁵ человек, то по делом моим въздал⁴⁶ ми еси муку сию. Не жалуяся, господи, но сего ради жаль⁴⁷ ми, господи, аз⁴⁸ по твоему⁴⁹ образу створен есмь,⁵⁰ а ныне дьявол ругаетъ⁵¹ ми ся, ⁵² а по твоему образу створена,^{53 54} мучить мя⁵⁵ зле нудя⁵⁶ мя, господи. Аз же⁵⁷ в породе⁵⁸ живя,⁵⁹ а твою божественную заповедь⁶⁰ преступих. А се ти, господи, первый⁶¹ патриарх Аврам,⁶² а ⁶³ твой друг,⁶⁴ иже тебе ради хотя заклати сына своего⁶⁵ Исака възлюбленнаго.⁶⁶ И ты^{67 68} рече ему, господи:⁶⁹ «Тобою, Авраме,⁷⁰ благословятся⁷¹ вся колена земная». ⁷² То⁷³ тый⁷⁴ что сгрешил,⁷⁵ а кои⁷⁶ зде⁷⁷ в ⁷⁸ аде сем мучить⁷⁹ и тяжело въздышетъ.⁸⁰ И Ной праведный,⁸¹ иже избавлен бысть тобою, господи, от лютаго потопа,^{82 83} ада ли⁸⁴ не можеша избавити?⁸⁵ То аще будутъ сии согреша, яко и аз?⁸⁶ А се великий пророк Моисей, той,⁸⁷ господи, что ⁸⁸ съгрешил⁸⁹ есть? То ⁹⁰ и тый⁹¹ зде⁹² же ⁹³ седеть с нами во ⁹⁴ тме адове. А Давида, господи,⁹⁵ прославил еси на земли и дал ему еси⁹⁶ царствовати надо многими, а той съставил⁹⁷ псалтырь и гусли. То что ⁹⁸ той, господи,⁹⁹ согрешил?¹⁰⁰ А ^{III, 1} и тый² зде же ³ с нами ⁴ в аде семь ⁵ мучиться,⁶ часто ⁷ стоня ⁸ въздышетъ.⁹ Аще ли будутъ ¹⁰ такоже ¹¹ съгрешили,¹² яко и ¹³ аз? А се великий в ¹⁴ пророцех Иоан Предтече,¹⁵ || креститель¹⁶ господень, иже родися от благовещенна¹⁷ ангелива¹⁸ Гаврилова,¹⁹ в пустыни воспитанъ²⁰ от уности,²¹ ядый²² мед дивий, и той от Иродья²³ поруган бысть.²⁴ Но что той, господи, съгрешил есть?²⁵ А зде ²⁶ с нами в аде сем мучим есть.²⁷ Но и ²⁸

л. 122 об.

многа лета, ни буря ветренья не слышу, господи $У_2$; не вижу пресветлаго на многа лета, ни буря ветреня не слышу, господи $У_3$. ⁴³⁻⁴⁴господи, аз согреших $ЕУ_2У_2У_3$; аз согреших $У_1$. ⁴⁵всех $ПыЕУ_2У_1У_2У_3$. ⁴⁶воздал $ЕУ_2У_2$; възда $У_1$; възда $У_3$. ⁴⁷жалость $У_1$; *Нет* $У_2$. ⁴⁸аз бо $Е$; аз бо, господи $У_2У_2У_3$. ⁴⁹⁻⁵⁰сътворен есм $Пы$; сотворен есм $ЕУ_3$; сътворен $У_2$; сотворен есмь $У_1$; сотворен $У_2$. ⁵¹ругает $ЕУ_2У_2У_3$. ⁵²⁻⁵³*Нет* $ЕУ_2У_3$. ⁵⁴⁻⁵⁵мучить $Пы$; и мучит мя $ЕУ_2У_1У_2У_3$. ⁵⁶и нудят $Е$; и нудят $У_2$; и нудят $У_3$. ⁵⁷бо $ЕУ_2У_2У_3$. ⁵⁸поряде $Пы$; породе $У_2$. ⁵⁹живях $У_2$; живая $У_3$. ⁶⁰заповедь $ЕУ_2$. ⁶¹первый $ЕУ_2$. ⁶²Авраам $ПыЕУ_2У_1У_3У_2$. ⁶³*Нет* $У_2У_2$. ⁶⁴и друг $У_3$. ⁶⁵⁻⁶⁶возлюбленнаго Исаака $ЕУ_2$; възлюбленнаго Исаака $У_2У_3$. ⁶⁷тый $Пы$; ты же $ЕУ_2У_2У_3$. ⁶⁸⁻⁶⁹господи рек ему $ЕУ_3$; господи рече ему $У_2У_2$; рече ему $У_1$. ⁷⁰Аврааме $ЕУ_2У_1У_2У_3$. ⁷¹благословятся $ПыЕУ_1У_2У_3$; благословится $У_2$. ⁷²земнаа $У_1$. ⁷³и $Е$; *нет* $У_1$. ⁷⁴той господи $ЕУ_2У_3$; и тый господи $У_2$; тот $У_1$. ⁷⁵съгреша $ПыУ_3$; согреша $ЕУ_1У_2У_3$. ⁷⁶а той $Пы$; *нет* $ЕУ_2У_1У_2У_3$. ⁷⁷и зде $ЕУ_2У_2У_3$; *нет* $У_1$. ⁷⁸во $ЕУ_2$. ⁷⁹мучится $ПыЕУ_2У_1У_2У_3$. ⁸⁰воздышет $Е$; въздыжает $У_2$; въздышет $У_3$; вопиет въздыхая $У_2$; въздышет $У_1$. ⁸¹⁻⁸²иже избавлен бысть тобою, господи, от лютаго потопа $Е$; же тобою, господи, избавлен бысть от лютаго потопа $У_1$; иже избавлен бысть тобою от потопа $У_2$; иже избавлен бысть, господи, тобою лютаго потопа $У_3$. ⁸³⁻⁸⁴то ада ли, господи $ЕУ_3$; ты ада ли господи $У_2$; то ада ли $У_1У_2$. ⁸⁵⁻⁸⁶то аще буде сий согрешил и яко же аз $Е$; то аще сий будет согрешил, яко же аз $У_2$; то аще будут сии согрешили, яко же и аз $У_1$; то аще будет сий согрешил якоже аз $У_2У_3$. ⁸⁷а то $Пы$; а той что $Е$; а той $У_2У_2У_3$; а тый $У_1$. ⁸⁸*Нет* $У_3$. ⁸⁹согрешил $ЕУ_1У_2У_3$. ⁹⁰*Нет* $ЕУ_2У_2$; что $У_3$. ⁹¹и той $ЕУ_2У_3$. ⁹²*Нет* $ЕУ_2У_2У_3$. ⁹³седит $ЕУ_2У_2$. ⁹⁴во $ПыУ_2У_1У_3$. ⁹⁵господи пророка $У_2$. ⁹⁶*Нет* $У_2$. ⁹⁷составил $ЕУ_1У_2У_3$; состави $У_2$. ⁹⁸⁻⁹⁹господи той $ЕУ_3$; господи и тый $У_2$; господи и той $У_2$. ¹⁰⁰съгрешил $ПыУ_1$. ¹⁰¹*Нет* $ЕУ_2У_1У_2У_3$. ²*Нет* $ЕУ_2У_2У_3$; той $У_1$. ³*Нет* $ЕУ_2У_1У_2У_3$. ⁴*Нет* $ЕУ_2У_2У_3$. ⁵сем $ПыУ_1$; *нет* $ЕУ_2У_2У_3$. ⁶мучим есть $Пы$. ⁷*Нет* $Пы$; чясто $У_2$. ⁸*Нет* $Пы$. ⁹*Нет* $Пы$; въздышет $Е$; въздышет $У_2У_2У_3$; въздышет $У_1$. ¹⁰будет $ЕУ_2У_1У_2У_3$. ¹¹также $У_2У_2$. ¹²согрешил $ЕУ_1У_3У_2$. ¹³же $ЕУ_2$; *нет* $У_2$. ¹⁴во $ЕУ_2У_3$. ¹⁵Предтеча $ЕУ_2У_1У_2$; Предтеча $У_3$. ¹⁶и креститель $У_2У_2У_3$. ¹⁷благовещения $ЕУ_1У_2$. ¹⁸архангела $ЕУ_2У_1У_2У_3$. ¹⁹Гаврила $ЕУ_2У_1У_3$. ²⁰воспитанъ $ЕУ_2У_2$; възпитанъ $У_1У_3$. ²¹юности $ЕУ_2У_1У_2$. ²²яды $У_2$. ²³Ирода $ЕУ_2У_1У_2У_3$. ²⁴⁻²⁵Но что, господи, той согрешил есть $ЕУ_3$; Но что, господи, тый съгрешил есть $У_2$; Но что тый, господи, согрешил есть $У_1$; Но что, господи, и тый согрешил есть $У_2$. ²⁶⁻²⁷с нами мучится во аде сем $ЕУ_2У_2$; той с нами мучится в аде сем $У_3$. (*Весь этот отрывок в списке Пыл отсутствует*). ²⁸*Нет* $ЕУ_2У_2У_3$.

сего желают²⁹ пророци твои Илья³⁰ и Енох, угодиша тебе³¹ паче всех праведник на земли, то грех ли ради³² наших не хоцещи помиловати нас, или своего времени жидеши³³ ли,³⁴ господи,³⁵ сам хоцещи³⁶ и сам,³⁷ свеси³⁸ един. Но мы³⁹ человеци есме тощливи,⁴⁰ а ты еси,⁴¹ господи,⁴² долготерпелив. Но приди⁴³ по нас вскоре,⁴⁴ и⁴⁵ избави ада,⁴⁶ и свяжи⁴⁷ дьявола, и да тя уведять⁴⁸ буявии⁴⁹ жидове. А мы вси человеци благодарнии поклонимся⁵⁰ тебе⁵¹ Христе,⁵² имени⁵³ твоему святому, славяще святу⁵⁴ троицу, отца и сына⁵⁵ и святого духа⁵⁶ и ныне и присно⁵⁷ и в⁵⁸ веки веком.⁵⁹ Аминь.

БАН, 32.2.22 — Ак

Слово о том же Лазари четверодневнем.

л. 151 об.

Воспоим, братие, песнь веселу днесь, положим плачь и скорбь, утешимся о бозе. Рече бо Давыд царь, накладывая многочестныя персты на живыя струна^а седяй во преисподних ада, глаголаше: «Се бо время светло наста и днесь спасению приде. Уже слышу топот перских коней иже дары приносят от своих царей небесному царю, рождышему на земли, его же мати повивши,^б и преклони лице свое на земли и любовно глаголаше: „О царю высокий небесный, слепым вожь и печальным утеха, еже к нам к нищым на землю сниде, вертепа ли восхоте, или ясли вжадал еси. Уже бо Ирод без ума мятется, мышляше бо на владыку изострити меч свой, на тя хотя и тебе погубити, да сам погибнет“. Приидите ми, пророцы, придите ми, праведницы, прииде ми патриарси, да пошлем весть на живых^в . . .».

²⁹желают *ЕУв₂Ув₃*; же есть *У₂*. ³⁰Илья бо *ЕУ₂*; Илна *Ув₂*; Илья бо *Ув₃*. ³¹тебе *ЕУв₂У₂Ув₃*. ³²ради господи *Ув₃*. ³³ждеши *ЕУв₂У₂Ув₃*. ³⁴или *ЕУв₂У₁У₂Ув₃*. ³⁵Нет *ПыпЕУв₂У₁У₂Ув₃*. ³⁶хоцещи к нам снити *ЕУв₂У₁У₂Ув₃*. ³⁷Нет *Пып*; тый *У₂Ув₃*; ты *ЕУв₂*. ³⁸сведый *ЕУв₂У₂Ув₃*; веси *У₁*. ³⁹⁻⁴⁰человецы есмя тощавы *Е*; человецы есмы тощави *Ув₂Ув₃*; человецы есмя тощливы *У₁*; есмя человеци тощави *У₂*. ⁴¹Нет *У₁*. ⁴²Нет *Ув₂У₂Ув₃*. ⁴³прииди *ЕУв₂У₁Ув₃*. ⁴⁴вскоре *У₂У₁*. ⁴⁵Нет *Е*. ⁴⁶нас ада *Ув₂*; от ада *У₂*. ⁴⁷свяжи, господи *Ув₃*. ⁴⁸уведять бога истиннаго *ЕУв₂Ув₃*; увидять бога истиннаго *У₂*. ⁴⁹буявия *ЕУв₃*; буявия *Ув₂У₂*. ⁵⁰покланяемся *ЕУв₂Ув₃*; покланяемся *У₂*. ⁵¹тебе *ЕУв₂У₁У₂*. ⁵²Христосе *Пып*; Христови *Ув₂*. ⁵³и имени *ЕУв₂*. ⁵⁴святую *ПыпЕУв₂У₁У₂Ув₃*. ⁵⁵Здесь обрываются списки *Пып* и *Ув₂*. ⁵⁶Здесь обрывается список *Ув₃*. ⁵⁷Здесь обрывается список *У₁*. ⁵⁸во *Е*. ⁵⁹Нет *У₂*.

^а Далее в ркп. на живыя. ^б Испр., в ркп. поивши. ^в Далее в ркп. весть. На этом текст кончается.

Н. А. КАЗАКОВА

Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор»

Феррарско-Флорентийский собор 1438—1439 гг. вызвал ряд откликов в русской литературе. Непосредственно с участием в соборе русского посольства, возглавляемого митрополитом Исидором, связано было появление трех литературных памятников — «Повести о восьмом соборе Симеона Суздальского», содержащей изложение хода собора и развернувшихся на нем прений, «Исхождение Авраамия Суздальского», представляющего собой описание мистерии в одной из флорентийских церквей, и, наконец, памятника, известного в литературе обычно под названием «Дневника путешествия митрополита Исидора» или же просто «Путешествия митрополита Исидора».

Памятники эти, написанные участниками русского посольства, различны по своим жанрам: если «Повесть» относится к разряду полемической направленной против «латинян» литературы, то два других представляют собой произведения литературы путешествий.¹ Особенно интересно последнее произведение, включающее описание всего путешествия русского посольства от Москвы до Флоренции и от Флоренции в Суздаль. Как справедливо отмечено в новейшей литературе, оно представляет по своему жанру типичное «Хождение» со всеми присущими ему особенностями:² указанием расстояний от одного пункта до другого, протокольным описанием виденных мест, лишь иногда соединенным с выражением чувств и переживаний автора.³

«Хождение на Флорентийский собор» (мы будем употреблять это название) имеет большую ценность не только для литературоведов, как один из ярких образцов древнерусских «хождений», но и для историков и географов, как произведение, дающее первое в русской литературе описание Европы. Это описание, составленное, как полагает Ф. И. Делекторский, светским чиновником (дьяконом) суздальского епископа Авраамия, участвовавшего в посольстве на собор,⁴ поражает богатством сведений: в нем названы десятки городов и мелких населенных пунктов (путь посольства проходил через Ливонию, Германию, Италию, Венгрию, Польшу), указаны расстояния между ними, описаны достопримечатель-

¹ Сравнительный обзор названных памятников, а также некоторых других, связанных по своей тематике с Флорентийским собором, дан в работе Ф. И. Делекторского «Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии» (СПб., 1895); далее: Делекторский.

² Н. В. Водовозов. История древней русской литературы. М., 1966, стр. 184.

³ В. В. Данилов. О жанровых особенностях древнерусских «Хождений». — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 21—37.

⁴ Делекторский, стр. 4, 8—9.

ности — каналы, фонтаны, церкви, больницы, приведены данные об экономике, природе и т. д. И все это сделано в спокойном тоне, без всякой вражды к «латинству» и иноземной культуре, напротив, с уважением к ее достижениям.

О наблюдательности неизвестного автора «Хождения» свидетельствует, например, описание им царицы Адриатики Венеции. Прежде всего автор отметил необычайный облик города, связанный с его местоположением: «А той град стоит на мори, а суха пути к нему нет, а от берега 13 миль стоит в море. Среди его проходят корабли и катарги, а по всем улицам воды, ездят в барках. Но велми град той велик и полаты в нем чудны, а иные позлащены». Правильно подчеркнул он значение Венеции как крупнейшего центра международной морской торговли: «И товару в нем всякого полно, занеже корабли приходят изо всех земель, от Иерусалима, от Царяграда и от Азова, и ис Турьские земли, и ис Срачин, и из Немець». Поразил воображение автора и замечательный памятник архитектуры и главная святыня Венеции — собор св. Марка; он отметил и богатую мраморную отделку собора, и иконы, писанные греческими мастерами, и главную достопримечательность собора — знаменитую квадригу коней, украшающую вход в него: «Есть в граде том црковь камена, святыи Марко Еуангелист, и столпы в ней морованы, имущи мрамор всяк цветом; а иконы в ней чудны, Гречин писал мусиею, и до верху видети велми чудно; а внутри резаны святыя на мраморе велми хитро; а сама велика црковь. А над предними дверми изнутри поставлены 4 кони медяны, позлащены, велики, видети яко живи, и повешены два змия великы убиты».⁵ Столь же любопытны и насыщены различными сведениями и описания ряда других городов, хотя порою они сменяются сухим перечнем населенных пунктов с указанием расстояний между ними.

Несмотря на бесспорную ценность «Хождения», оно до сих пор не стало предметом специального исследования. В литературе нет ни одной работы, специально посвященной его историко-литературному анализу. Отсутствует также до настоящего времени не только полное, основанное на изучении всей рукописной традиции его издание, но даже издание текста первоначального вида памятника.

Впервые «Хождение на Флорентийский собор» было издано Н. И. Новиковым в «Древней российской вивлиофике» в 1774 г.⁶ Н. И. Новиков опубликовал «Хождение» по списку Синодальной библиотеки, в котором текст оканчивается описанием столицы Венгрии города Буды; описание последнего отрезка путешествия русского посольства — от Буды до Суздаля — отсутствует. Новое издание «Хождения» было предпринято И. Сахаровым в 1837 г. в сборнике «Путешествия русских людей в чужие земли» и повторено в 1849 г. в «Сказаниях русского народа».⁷ И. Сахаров осуществил свое издание по Черниковскому списку с учетом списка Басовского. Как правильно отметил Ф. И. Делекторский, Черниковский и Басовский списки представляют собой позднейшую компиляцию, в которой текст «Хождения» (Ф. И. Делекторский называет его «Путевыми записками неизвестного суздальца») был соединен с отрывками из «Повести о восьмом соборе Симеона Суздальского», в силу чего все произведение приобрело антилатинскую полемическую

⁵ См. ниже, стр. 69.

⁶ Древняя российская вивлиофика, ч. IV, СПб., 1774, стр. 293—321.

⁷ И. Сахаров. 1) Путешествия русских людей в чужие земли, ч. I. Изд. 2. СПб., 1837, стр. 87—112; 2) Сказания русского народа, т. II, СПб., 1849, стр. 81—88.

направленность.⁸ Последнее по времени издание «Хождения» осуществил В. Малинин, опубликовавший его в 1901 г. по Софийскому списку № 1464.⁹ Этот список принадлежит к той же группе, что и Синодальный, изданный Н. И. Новиковым, и заканчивается соответственно описанием Буды.

Ф. И. Делекторский указал неизданный список «Хождения» XVII века (Музейный № 939), в котором после описания Буды следует описание последнего отрезка пути русского посольства — от Буды до Суздаля. Этот список в силу его законченности и цельности Ф. И. Делекторский определил как «верную копию оригинала „Путевых записок неизвестного суздальца“»,¹⁰ иными словами говоря, как первоначальную редакцию «Хождения». В настоящее время известен еще один список первоначальной редакции «Хождения» — Академический (БАН, 16.8.13), датируемый второй четвертью XVI в.¹¹ Академический и Музейный списки тождественны. Незначительные варианты, которыми они отличаются, заключаются в пропусках отдельных слов.

Автор предлагаемой публикации, не ставя своей целью полное издание памятника, отражающее основные этапы его литературной истории (такое издание он надеется осуществить в дальнейшем), хочет ввести в научный оборот остающийся до сих пор неизданным текст первоначальной редакции «Хождения на Флорентийский собор». В основу издания положен Академический список как более ранний. Варианты подведены по Музейному списку. Орфографические варианты опущены.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хождение на Флорентийский собор

Первоначальная редакция

БАН, 16.8.13, сборник в 4°, вторая четверть XVI в., полуустав и скоропись, водяные знаки: 1) олень с цветком — знак, схожий с № 3319 (1522 г.) у Брикке; 2) гербовый щит с украшением, на щите три маленькие лилии, под щитом буква «р» — знак, схожий с № 234 (1523 г.) у Лихачева, Бум. мелн.; 3) змея — близка к № 1644 (1537 г.) у Лихачева, — Вод. зн.; 4) кувшинчик с одной ручкой — близок к № 1283 (1528 г.) у Брикке; 5) гербовый щит с украшением, на щите три маленькие лилии, под щитом монограмма — знак, соответствующий № 1819 (1523—1533 гг.) у Брикке (описание сборника см.: Исторические сборники XV—XVII вв. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 2. М.—Л., 1965, стр. 118—121); лл. 108 об.—134 об. Список взят за основной.

ГБЛ, Музейное собрание. № 939, сборник в 4°, середина XVII в., скоропись, водяные знаки: щит с изображением лилии, над щитом корона, у Тромонина № 640 — 1644 г., у Каманина № 639 — 1655 г. (описание сборника см.: Музейное собрание рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М., 1961, стр. 150—152); лл. 43 об.—58 об. Условное обозначение списка — М.

л. 108 об.

В лето 6945 поехал митрополит Сидор с Москвы на рождество святых богородицы. Приехал в Тверь на воздвижение честнаго креста. А с ним владыка Авраамии Суждальский. И встретил его князь Борис тверьский с своими бояры с великою честью, а владыка Илья с кресты, с всеми священники, и весь народ града того. А был во Твери 9

⁸ Делекторский, стр. 29—37.

⁹ В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 76—87.

¹⁰ Делекторский, стр. 7—8.

¹¹ Нам известно 13 списков «Хождения». Из них только два — Академический и Музейный — представляют первоначальную редакцию, содержащую описание всего пути русского посольства.

дней. А выехал в неделю и ночевал в Савине пустыне. А от Москвы до Твери 200 верст без 20. А от Твери до Торъжку 60 верст, а от Торъжку до Волочка 70 верст. А от Волочка пошел рекою Мъстою в лодье к Великому Новгороду, а кони берегом. А от Воллочка рекою до Новагорода л. 109
триста верст.

И сretoша его далече владыка новгородский Еуфимий и посадники с великою честию. И ночевал в Юрьеве монастыри. На утре же въехал в град месяца октябрия в 7 день. И сретил его владыка с кресты, с попы и диаконы, и весь народ, и тесноте велице сущи народом. И дошед врат града того, и на вратех церковь, и ту митрополит облечеса в ризы, а с ним владыка Аврамин облечесе. И ту свѣщали воду, и кропили народ. И иде к святой Софии, и розволокса ту, и того дни пировал у архиепископа Еуфимиа, и дав ему честь велию. Бысть же в Новелгороде седмь л. 109 об.
днии.

А из Новагорода поиде ко Пскову. И псковичи сretoша его на рубижи и почтиша его велми. И приеха в Псков месяца декавриа¹ на память святого отца Николы. И за градом сretoша его с кресты свѣщеници и народ мног. И того дни служил обедню у Святыя троици, а с ним владыка Аврамин, и благословил народ; и даша ему 20 рублей. А от Новагорода до Пскова два 90 верст. И ту быша пирове мнози и дары велици. А отпуская его, даша ему 100 рублей. И поеха из Пскова в Немци, месяца генваря,² на память святого апостола Тимофеа. А был во Пскове 7 || недель.

Первыи град немецкий Коспир бискупа Юрьевскаго. И ту его сретил бискуп юрьевский с великою честию, по своему праву немецкому, с своими стрыи немецкыми, с трубами и с свирельми, и дав ему честь велику, и дары многы. А от Пскова до Юриева града 100 верст. л. 110

И приехал господин к Юрьеву, и ту сretoша его посадники и ратманы далече, и свѣщеници с кресты, и множество народа града того, и даша ему честь велию. Град же бе Юриев камен,³ велик, полаты же в нем велми чудны, и нам же не видавшим, дивлящемся; церкви же бе многы и монастыри велици. И монастырь бе женский, по их праву един, велми чуден; неисходящим бо им никогда же из монастыря того, а стригущимся в манастыри том девицами суще, и того ради звашеся свѣтѣя девы; ризы же черниц тех белы яко снег, ряскы же и монаты, а на главах их венцы черн, а поперек главы крест, а на то наметкы белы, яко снег; а от мирян никако же к ним не ходят, но токмо же нам у них бывшим с господином, и видевше их житие удивихомся. Река же бе обошла с тое страны, откуда || мы приехали. Горы же бяху у них, поля, и садове л. 110 об.
красны. Церкви же христианскыя бе у них две: свѣтѣи Никола и свѣтѣи Георгии; христиаень же мало.

А от Юриева до Ригы града⁴ 200 верст и 50.⁵ А от Юриева ехал к Ризе, много градов видехом. И ехал на Володимерь град. И сretoша его паны велиции за день; и егда быша близ града, и сretoша⁶ его арцибискуп Тимофеи и архимандрит Захариа, и посадники, и ратманы, и весь град с трубами и с свирельми, и гудници, и с великою честию.

А приеха в Ригу до обеда, месяца февраля в 4,⁷ на память отца Сидора. В граде же его || сretoша с кресты попове и вси народи, и ради л. 111 об.
бывше ему велми. И ел господин у арцибискупа; и владыка Аврамин и Фома, посол тверский, седоша за едиными столом с митрополитом и арцибискупом, а нам за другим. И ту видехом честь велику, и вина различные быша. И ту был господин восемь недель.

^{1,1}Доб. в 6 день М. ²Доб. в 22 день М. ³каменной М ⁴⁻⁵пол 300 верст М.
⁶Испр. по М; в ркп. сreto. ⁷Доб. день М.

И поиде в корабль на море, и проводиша его с великою честию; и поехали к Ригы месяца мая в 5,⁸ на память⁹ мученици Ирины рекою Двиною к морю. И на брезе у моря был день. И пошел в корабли по морю в среду 4 недели по пасце, в препловление праздника. И бы¹⁰вшу ему един день ветру добре веюшу. И не по мнозех днех внезапно в полунощи нападе на нас буря не ветренным делом, ино корабль волнами покрывашеся, и градъцу верховнему в валех бывшу. Мы же вси живота своего отчаяхомся, глаголюще: увы! погибаемъ. Но не многу тому бывшу. Но не единова тацеи бури бывши, и потом тма бысть на мори велика, а ветру не веюшу. И роптанию бывшу в немцех: не нас ради сиа быша, но христиан ради. И приидоша немци господину глаголюще: видиши ли толику беду нашу — тме бывши и ветру не ве¹¹юшу; и ту бо остров Свитских камены, преборы и разбой великиа; и мы того ради приидохом к тебе: помоли бога, а мы поюще по своему. Господину призвавшу владыку Аврамя и Фому посла тверьскаго, и архимандрита Васиана, и все свои боляре, и нача глаголати: епископе, помоли бога. И нача молебен святей богородици Одигитрие по греческыи с своими грекы; а владыка Аврамя по своему, по рускыи. И нача тма расходитись, и уже бысть при вечере, и ветру добре веюшу; и оттоле зла ничто же не видевше. И по¹² многих днех || брег увидевше, и доидохом пристанища по здорову.

А ис корабля пошел в понеделник, месяца мая в 19¹⁰ на память святаго мученика Патрекия, и дошедшу ему до пристанища, и сretoша его посадники и ратманы. От славнаго града Любка морем тысяща верст, а брегом полторы тысящи. И привезоша 20 возов, и седохом на возы, и поидохом ко граду; и быхом близъ града, и сretoша весь народ много.

И видехом град велми чуден, и поля бяху, и горы невеликы, и садове красны, и полаты велми чудны, позлащены врѣхы, и монастыри в нем¹³ велми чудны и силни. И товара в нем всякого полно. А воды приведены в него, текут по всем улицам, по трубам, а иные¹¹ ис столпов студены и сладкы текут.¹² И ходящу ему на празник възнесения по божницею, и видехом съсуды священныа златыя и сребренныа, и мощи святых множество. И ту приидоша мниси и начаша звати господина, чтобы их монастыря посмотрил. Он же поиде, и показаша ему съсудов священных множество неизчетенно и риз драгих златых множество с каменiem драгым и с жемчугом. И увидехом ту мудрость недоуменну || и несказанну: просте, яко жива, стоитъ Пречистая, и Спаса дрѣжит на руке младенечным образом; и зазвеняше колоколчик, и слетит аггел с верху, и снет венецъ в руках, и положит на Пречистую; и поиде звезда, яко по небу; и на звезду зряху, идяху вѣлсви три, а пред ними человек с мечем, а за ними человек с топором; и внесоша дары Христу, злато, и ливан, и змирну, и приидоша к Христу и богородици, и поклонишася; и Христос обратяся, и благослови их, и хотяше рукама взяти дары, яко дитя, играя у богородици на руках; они же поклонишася и отидоша; и аггел же || възлетит горе, и венецъ взя. И ведоша нас, идеже лежат их книги, и видехом боле тысящи книг, и всякого добра неизреченнаго, и всякыа хитрости, и полаты чудны велми. И въведоша нас в трапезу свою, и несоша вина различная, и сахары многы разныа, и ту даша господину честь велику. И ту видехом на реце устроено колесо, около его сто сажен, воду емлет из реки и пушает на все дома. И на том же вале колесо мало, тоже мелеть и сукна точет¹³ красныа. Ту же видехом два зверя люты в полате, у окна прекова¹⁴ны железы.

⁸Доб. день М. ⁹Доб. святыа М. ¹⁰Доб. день М. ¹¹Доб. воды М. ¹²Доб. из М. ¹³Испр. по М.; в ркп. топчет.

А кони митрополичи гнали берегом от Риги к Любку на Курскую¹⁴ землю, а попереk Жемотские земли 3 дни, и оттоле на Прусскую,¹⁵ и оттоле на Баморьскую землю, и оттоле на Жунскую землю, и оттоле на Висмертскую,¹⁶ и оттоле к Любку. И в Любок приехав един день господин¹⁷ в корабли, а с конми брегом, а поехали с конми из Ригы за шесть недель до поезда до митрополича.

И поеха из Любка на конех в пяток троицины недели и ночевал за четыре мили в граде Мелне. И бе бо около града того езеро, а з другую страну приведена река боле 20 верст из ве||лика реки Елевы. А от Мелна града 4 мили до реки Елевы. А от Елевы реки Мечь река, а перевоза попереk ея три версты. А от тое реки до Луньбрега града 2 мили. л. 115 об.

От Любка до Луньбрега 8 миль. Тои убо град величеством подобен ест Любку. И среди града того суть столпы устроены, в меди и позлащены, велми чудно, трею сажень и вышше; и у тех столпов у коегождо люди приряжены около тою же медию; и истекают из тех люди изо всех воды сладкы и студены: у единого из уст, а у инаго из уха, а у другаго из ока, а у инаго из локти, а у и||наго из ноздрию, истекают же л. 116 велми прудко, яко из бочек; те бо люди видети просте, яко живи суть, и те бо люди напояют весь град тои и скот; и все приведение вод тех велми хытро, истекание и несказанно.

А от Луньберга до Бруньзвига¹⁸ града 16 миль. И тои град величеством вышши тех градовъ прежних, и полаты в нем видети чудны, верхы их устроены; а покровение их велми подобно удивлению: ест бо крыто дъсками синего камени хитро и хороше, яко и лемешем, и утверживано гвоздиемъ, яко не мощно рушится во много лет. И еше суть реки вели||кы приведены по всему граду тому, береги их и дна морованы камен- л. 116 об. ием; а иные воды в столпы приведены, якоже и в предписанных градах. И все здание града того видети твердо ест и подивитися о сем.

А от Бруньзвига до Батмера града II миль. Тои бо град величеством Любку подобен. И под весь град тои улицы морованы и полаты, а воды к нему приведены от Аламанские земли.

И от того града ест град именов Липес велми велик. А от того же града ест град именов Афрат, велик и чуден, и именованием многим и хитрым рукоделием преумножен; и такового то||вара и хитра рукоделиа ни л. 117 в коем граде в предписанных не видехом.

А от того града ест град Бемибъверег,¹⁹ велик же и чуден. И ту празновахом праздник святых апостол Петра и Павла, и ту видехом: ходили с кресты по граду триста попов.

Да того же дни господин выехал из того града милю, и облегохом во граде именов Понт, а река под ним зовома Тиск, и того ради зовется тои град именов Понтенск. И тои убо град окааннаго Пилата. В том бо граде вотчина его и рожение, и по граде зовется Понтийский Пилат.

И от того града ест град Нурбех, велми велик и кре||пок. И людии л. 117 об. в нем много, и товара; и полаты в нем деланы белым камением, велми чудны и хитры; тако же и реки приведены к граду тому великими силами хитро; а иные воды во столпы приведены хитрее всех предписанных градов, и сказати о сем убо не мощно и недомыслено отнудь. От Любка до Нурбеха 100 миль.

И тьи Нурбех град стоит среди Аламанские земли. Аламанская земля, то ест не иная вера, ни ины язык, но ест едина вера латиньская, а язык немецкий же, но разно, яко и Русь Сербы, тако и оне с немьци.

¹⁴Испр. по М.; в ркп. рускую. ¹⁵Доб. землю М. ¹⁶Доб. землю М. ¹⁷Доб. морем М. ¹⁸Испр.; в ркп. Дубруньзвинга. ¹⁹Бемирверег М.

- л. 118 И от того града 17 миль || есть град во имя Августа царя, его же из начала тѣи царь Иустиниан нача и създа на славной реце Дунаи, и того ради зоветца град той Август, а по немецки же Авспрок.²⁰ И величством превъзиде всех предписанных градов. И полаты в нем, и воды, и иная вся строения велми чудна. И божници в нем устроены, и с надвориа писано велми хитро, а внутри якоже и иные божници подписаны; и ту написан царь Иустиниан, начальный здатель града того, да и иные цари римьские писаны, то же и Угорское и Аламаньское.
- л. 118 об. А от того града до Полонинных гор 10 миль. || А от Полонинных гор до князя, зовомаго Дуку, 15 миль, и городок дръжит Жунбрюк невелик. А от того града к Полонинным горам до града Фреанды 24 мили. И оттоле в Фряжскую землю до града Павды 15 миль. И всех Полонинных гор 60 миль. Горы же те не ту суть, но от Чернаго моря пошли даждь и до Белаго моря, яко зовутся пояс земный, камены. Толико же высоци суть, облаци вполю их ходят, и облаци от них ся взимают. Снези же лежат на них от сотворения гор тех; лете же вар и зной велик в них, но снег же не тааше. || Павда же град велик велми и крепок. И оттоле до Ферары града 10 миль. И ту есме приехали по госпожине дни на 3 день.
- л. 119 И ту есмя наехали папу римьскаго Еугения, от Рима за 8 миль. Ту же и святаго царя греческаго Иоанна, и святаго патриарха Иосифа вселеньскаго, и святыи вселеньский собор. А в зборе бысть с²¹ патриархом митрополитов 22: первый — раклинский Антонеи, 2 — ефесский Марко, 3 — русский Исидор, 4 — манавасийский Досифей, 5 — трапизонский Дорофеи, 6 — кизитьский Митрофан, 7 — никеийский Висарий, 8 — никомидейский || Марко, 9 — лакедомонийский Мефодий, 10 — тръновский Игнагеи, 11 — амасийский Иасаф, 12 — мальдовский, рекше влашки, Демиан, 13 — ставропольский Исаиа, 14 — родовский Нафанайл, 15 — митулинский Дорофеи, 16 — драмасинский Дорофеи, 17 — мелетинский Матфеи, 18 — тристриасийский Калист, 19 — каланьский Генадеи, 20 — ахелоньский Генадей, 21 — иверский Иоан, 22 — сардакийский Дионисий, тѣи на том святем съборе к господу отъиде.
- л. 120 1-ый²² собор бысть месяца октября в 8 день, в граде Фераре в фрязах. На соборре же седе римьский папа Еугений, а с ним 12 гардиналов, и арцибискупы, и бискупы, и капланы, и мнихы. Православные же веры на съборе седевшу греческому царю Иоану и брату его деспоту Дмитрею, и вселенскому патриарху Иосифу, а с ним митрополитов 22 и епископов руских, Аврамии²³ суздальский, и архимандриты, и попы и диаконы, и черньцы, и послов 4,²⁴ трапизонский, иверский, и тверьский Фома, и волошьский Микула. В вопросех бывшим трем митрополитом, в ответех ефесский Марко, русский Исидор, никейский Висарий.
- л. 120 об. 2-ий²⁵ собор месяца того же²⁶ 13.²⁷ Третий събор месяца того же²⁸ 16.²⁹ Четвертый събор месяца того же³⁰ 20.³¹ Пятый собор месяца того же³² 25.³³ Шестый собор месяца ноября³⁴ 1.³⁵ Седмый собор того же месяца в 4.³⁶ Осмый собор месяца того же³⁷ 8.³⁸ Девятый събор месяца того же в 11.³⁹ Десятый събор месяца того же в 18.⁴⁰ Первый на десять собор месяца того же в 26.⁴¹ Вторый на 10 собор месяца^a декамбрия в 4.⁴²

^aДалее зачеркнуто того же 20. Четвертый на.

²⁰Испр.; в ркп. Мавспрок. ²¹Доб. из М. ²²Испр. по М.; в ркп. 1. ²³Нет М. ²⁴Испр.; в ркп. 14. ²⁵Испр. по М.; в ркп. 2. ²⁶Доб. в М. ²⁷Доб., день М. ²⁸Доб. в М. ²⁹Доб. день М. ³⁰Доб. в М. ³¹Доб. день М. ³²Доб. в М. ³³Доб. день М. ³⁴Доб. в М. ³⁵Доб. день М. ³⁶Доб. день М. ³⁷Доб. в М. ³⁸Доб. день М. ³⁹Доб. день М. ⁴⁰Доб. день М. ⁴¹Доб. день М. ⁴²Доб. день М.

Третьи на 10 собор месяца того же ⁴³ 8.⁴⁴ Четвертыи на 10 собор месяца того же ⁴⁵ 13.⁴⁶

В том же граде Фераре на папине дворе възведен столп камен высок || и велик, над торгом. И на том столпе устроены часы, ^{л. 127} колокол велик; и коли ударит, на весь град слышати; и у того столпа отведено крыльцо, и двои двери; и коли приспее час и ударит в колокол, и выдет из столпа на крыльце аггел, просте видети, яко жив, и потрубит в трубу, и възходит другими дверцами в столп; а людем, всем видящим аггела и трубу и глас его слышати; и потом в той же великий колокол възходяше на всяк час аггел и ударяше.

И в том же граде ясти купихом: яловица 20 золотых, боров пять золотых, а золотой по 30 грошей; а боран два золотых; гусь || 3 гроши, ^{л. 121 об.} курия 3 гроши, хлеба 9 проскур на грошь, сыр по золотому.

Пятыи на 10 собор месяца генваря в 10,⁴⁷ в зборной божнице во имя святаго Юриа. Папе же оболчену сушу в святительский сан и в рогате клобуце седящу ему на высоте месте, а с ним гардиналов и бискупов 44, тако же облачены в святительский сан и в рогатых клобуцех. А патриарху и митрополитом седящу в монатиах. И тогда четшим им грамоты по латынским и по греческим, и что им ити ис Ферары к Флоренску граду.

И поеха папа месяца генваря ⁴⁸ 16.⁴⁹ И поеха патриарх ис Ферары месяца || того же в 26⁵⁰ рекою Повою, в судех на низ; а митрополит ^{л. 122} руским поиде месяца того же в 27⁵¹ рекою тою же в судех. От Ферары до града Рженти 25 миль. От Рженти до града Обатши 7 миль. А от Обатши до града Селжи 7 же миль. И ту поиде господин из судна на кони. А от града Селжи до града Алугы 7 миль. А от Лугы до града Фензы 10 миль. От Фензы до града Бряги 28 миль. От Бряги до града Берена 13 миль; а река под ним Ирнець быстра велми, чрез ее мост камен; и садов множество масличных, и место красно меж гор. И от Берена до града славнаго и прекраснаго || Флорензы 50 миль. ^{л. 122 об.} А все горы камены высоты, а путь тесен и тяжек велми, зань же возы не ходят, но на вьюках возять. И вино родится в горах тех велми добро и сладко и красно. И приеха господин в славный град Флорензу месяца февраля в 4.⁵² А патриарх въехал месяца того же ⁵³ 17,⁵⁴ а царь того же дни.

Тои же славный град Флоренза велик зело, и такова не обретохом во предписаных градах: божнице в нем красны зело и велици, и полаты в нем устроены белым каменем, велми высоки и хитры. И посреди града того течет река велика и быстра велми, || именем Рна; и устроен на реце ^{л. 123} той мост камен, широк велми, и с обе страны моста устроены полаты. Есть же во граде том божница велика и ⁵⁵ в ней за тысящу кроватей, а и на последней кровати перины чюдны, и одеяла драгы; то ж устроено хасрад маломощным прищелцем и странным и иных земель; тех же боле кормят и одевают, и обувают, и омывают, и дръжат честно; а кто ся оможет, той ударя челом граду, и поидет хваля бога; и по среди постель тех устроена служба, и поют на всяк день. Есть ины монастырь, устроен белым каменем || хитро и велми твердо, а врата железны; а божница ^{л. 123 об.} велми чюдна, и есть в ней служеб 40; и мощей святых множество, и риз драгих множество с каменем,⁵⁶ златом и с жемчугом. Старцев же в нем 40, житие же их неисходно из монастыря никогда же, ни миряне к ним не ходят николи же; рукоделие же их таково: шнют златом и шолком

⁴³Доб. в М. ⁴⁴Доб. день М. ⁴⁵Доб. в М. ⁴⁶Доб. день М. ⁴⁷Доб. день М.
⁴⁸Доб. в М. ⁴⁹Доб. день М. ⁵⁰Доб. день М. ⁵¹Доб. день М. ⁵²Доб. день М. ⁵³Доб. в М. ⁵⁴Доб. день М. ⁵⁵Доб. есть М. ⁵⁶Доб. и с М.

на плащаницах святые. В том же монастыре был господин, и нам ту же бывшим, и та вся видехом. А погребение же умерших тех старцев в устроенных тех монастырех, и гробы их, новоумершаго старца вькладают, а ветхыя || кости вынимают, и кладут в костер, и на них смотрят, поминают час смертныи. В том же граде делают камки и аксамиты с златом. Товара же всякого множество и садов масличных, и тех маслиц древяное масло. И есть в граде том икона чюдотворна, образ пречистыя божия матере; и есть пред иконою тою в божнице исцелевших людей за 6 тысячч доспети воцаны, в образ людей тех, аще кто застрелен, или слеп, или хром, или без рук, или велик человек на коне приехав, тако устроени, яко живи стоят, или стар, или ун, или жена, или девица, или отроця, || или какого портище на нем было, или недуг каков в нем был, и како его простило, или какова язва, тако то и стоит доспет. И ту же сукна скорлатные делают. Ту же видехом дровие кедры и кипарисы; кедр как руская сосна, много походило, и кипарис корою яко липа, а хвоею яко ель, но мало хвоею кудрява и мягка, а шишки походили на сосновую. И есть во граде том божница устроена велика, камень морьмор бел, да черн; и у божницы той устроен столп и колоколница, тако же белы камень морьмор, а хитрости ея не||доуметь ум наш; и ходихом в столп той по лествице, и сочтохом степеней 400 и 50. В том же граде видехом лютых зверии 22. А около града того стена 6 миль.

Шесты на 10 собор⁵⁷ в граде Флорензе месяца февраля⁵⁸ 26.⁵⁹ Седмыи на 10 собор месяца марта в 2.⁶⁰ Осмыи на 10 собор месяца того же в 5.⁶¹⁻⁶² Девяты на 10 собор месяца того же в 10.⁶³ Двадесятый собор месяца того же в 7.⁶⁴ 21 собор месяца того же в 14.⁶⁵ 22 собор месяца того же в 17. 23 собор месяца того же в 21.⁶⁶ 24 собор месяца того же в 24.⁶⁷ 25 собор месяца маиа в 2.⁶⁸ Деспот царев брат || поиде от собора к Царюграду из Флорензы месяца июня⁶⁹ 25.⁷⁰

Месяца иулиа в 5⁷¹ собору бывшу велику, и тогда написаша грамоты събора их, како веровати⁷² в Святую Троицу и подписа папа Еугении, и царь греческыи Иоан, и вси гардиналове, и митрополиты подписаша на грамотех коиждо своею рукою.

В том же граде видехом черви шолковыя, да и то видехом, как шолк той емлют с них.

Месяца того же в 6⁷³ служил обедню папа Еугении опресноком в соборной божнице в имя пречистыя богоматере, а с ним гардиналов 12, а бискупов || 93, опричь каплонов и диаконов. Царю же греческому Иоану, сидящу ему на уготованном месте, зрящу службы их, и вси бояре его с ним; и митрополитом ту же сидящим на уготованных местех в всем святительском сану, тако же и анрхимандриты, и хартофилакове, и попове, и диаconi, оболчени кождо в свои сан, и калугерове ту же сидяще на уготованных местех, зряще еже служат; тако же и от грек и от руси миряне сидяще; места же те высоци чрез люди зряще. Народу же толику ту сущи, чтобы их пуцали, то бы много задушенных || людей было;⁷⁴ но подвоиские папины хожашу в пансырех сребряных, и палици в руках дръжаще, и не дадуше наступати; а иные свещи виты дръжаще в руках зажъжены, и теми к народом махаху, чтобы не наступали. И по службе нача молебен пети со своими, и по молебен седе папа посреде собора того на уготованном ему высоце престоле возлащене, и близ его поставиша

⁵⁷Доб. бысть М. ⁵⁸Доб. в М. ⁵⁹Доб. день М. ⁶⁰Доб. день М. ⁶¹⁻⁶²Доб. день М. ⁶³Доб. день М. ⁶⁴Доб. день М. ⁶⁵Доб. день М. ⁶⁶Доб. день М. ⁶⁷Доб. день М. ⁶⁸Доб. день М. ⁶⁹Доб. в М. ⁷⁰Доб. день М. ⁷¹Доб. день М. ⁷²Испр. по М.; в ркп. вероти. ⁷³Доб. день М. ⁷⁴Доб. из М.

амбон. И взыде от латин гардинал именем Иулиан, а митрополит никейский Висарийон, и възнесоша грамоты съборныя; и нача чести Иулиан датиинскую грамо||ту велегласно, и по том нача чести митрополит гра-
мату греческую. И по чтении грамот благословил папа народ. И потом
начаша папины диаки пети хвалу папе, и по том начаша царевы диаки
пети хвалу царю. И потом начаша пети весь собор латинский и весь
народ, и начаша радоватися, зане баше прощение приали от грек. л. 127

И поеха царь от збора из Флорензы месяца августа⁷⁵ 26.⁷⁶ И прово-
диша его с честию гардиналове вси и бискупы, и весь народ града того,
с трубами и свирельми; и несоша над ним небо наряжено 12 человек;
а коня под ним ведоша пеши два ратмана болшие || града того. л. 127 об.

Месяца септевря⁷⁷ 24⁷⁸ папа служил в церкви святого Иоанна Пред-
течи. И по службе гардиналове и арцыбискупы и бискупы изволоклися
в ризы, множество их. И ту седяше руский Исидор, да греческих 12
в тех же манатиах, а папа седяше на престоле злате в святительском
сану. И взыде на высоко место бискуп, именем Андреи, и нача чести
грамоту неблагословеную, и прокля събор базмеиский Аламанские земли,
занеже не пришли на собор к папе, а учинили себе собор, не хотя пови-
нутися папе; и того дея их прокля.

И того же || дни Исидор и Аврамии, владыка руский, благословилися л. 128
у папы на Русь, и поиде из Флорензы на Русь месяца септября в 6.⁷⁹

От Флорензы до града Корпия⁸⁰ 13 миль. От Корпия⁸¹ до града
Флоренца 12 миль. От Флоренца до града Кравениа 17 миль. А от
Кравена до града Болоньи 23 мили; той же град велик. От того града
поиде господин рекою Фарою, а кони берегом. К Фаре от Болоньи
40 миль. От Фары поиде рекою Повою,⁸² да и кони провадили тою же
рекою в судех. От Фары до града Кезы 80 миль; той град у Белого моря
на брезе, ту родится соль крупна.

От Кезы до града Венеции 25 миль; || а шли морем. А той град стоит л. 128 об.
на мори, а суха пути к нему нет, а от берега 13 миль стоит в море. Среди
его проходят корабли и катарги, а по всем улицам воды, ездят в барках.
Но велми град той велик, и полаты в нем чудны, а иные позлачены.
И товару в нем всякого полно, занеже корабли приходят изо всех земель,
от Иерусалима и от Царяграда, и от Азова, и ис Турьские земли, и ис
Срачин, и из Немець. Есть в граде том црковь камена святой Марко
Еуангелист, и столпы в ней морованы, имущи мрамор всяк цветом;
а иконы в ней чудны, Гречин писал мусиею, и до верху видети || велми л. 129
чудно; а внутри резаны святые на мраморе велми хитро; а сама велика
церковь. А над предними дверми изнутри поставлены 4 кони медяны, по-
злащены, велики, видети яко живи, и повешены два змия великы убиты.
Ту и сам святыи Марко лежит; а мощей святых много, иманы из Царя-
града. И монастырей много около града того по островом на море близь,
и иных церквей много в граде том.

Въеха господин в град той месяца септевря⁸³ 15.⁸⁴ Видехом в том же
граде, в монастыре святого пророка Захарии за престолом в раце камене
отца Иоанова Предтечи || и святого Григория и Федора во единой раце, л. 129 об.
и ту черныцев 63. В том же граде, в монастыре святые Варвары, мощи
ее в теле лежать, труп без главы.

И поиде господин из Венеции в корабле месяца декамбря⁸⁵ 22.⁸⁶
И приста корабль к острову. И ту монастырь святого Николы, и ту сам

⁷⁵Доб. в М. ⁷⁶Доб. день М. ⁷⁷Доб. в М. ⁷⁸Доб. день М. ⁷⁹Доб. день М.
⁸⁰Испр. по М.; в ркп. Иорпия. ⁸¹Испр. по М.; в ркп. Иорпия. ⁸²Испр.;
в ркп. Говою. ⁸³Доб. в М. ⁸⁴Доб. день М. ⁸⁵Доб. в М. ⁸⁶Доб. день М.

святый Никола лежит. И видехом гроб его в церкви на четырех столпех, учинено по лествице 6 степени, и знаменахомся у гроба святого, самого не видехом, замурован бе лежит; с ним дядя его, да Федор в едином гробе. И въпрошахом игумена монастыря того, откуда мощи святого Николы взяты; они же поведаша: от Бара града слали венетяне 100 катарг, да 3 корабли с житом, и взяли мощи. И стоя корабль наш два дни, зане ветр противен. И поидехом на море в корабли на рожество Христово.

И поидехом от Венети до града Печери 110 миль. От Печери до града Полю 30 миль; ту бо родится соль на море месяца июля и августа. И ту стоя наш корабль 10 дни, зане ветр противен. Ис того града поиде господин на конех сам-третей, а 15 человек пеших с ним, а владыка кораблем, а господиновы боеере с ним. А от Поля до града Осоры 8 миль. И ту стоа корабль 10 дни, зане ветр противен;⁸⁷ и ту родится соль тако же. До града Сеи 60 миль; той град стоит у Белово моря меж гор; ту бо выидехом ис корабля месяца генваря⁸⁸ 17.⁸⁹

От Сеи до града Брыни 15 миль, а путь лесом на горы; и в тех градах живут хавратяне, язык с Руси, а вера латынская.

От Мудруши до града Возоля 20 миль; той град древян, а река под ним Колен. А от Возоля до града Ястреболска 15 миль. От Стреболска до града Окичи 5 миль. От Окичи до града Грева 20 миль; той град велик и красен, а дръжава угорьскаго царя. В сем граде видехом серпскаго цесаря Деспода с царицею его и с детми, запленено бысть црство его серпское от турьскаго царя Амурата. И в том же граде видехом во церкви на престоле в раце младенец⁹⁰ в теле⁹¹ весь цел, от Ирода⁹² избивенных во Христово рожество, то же видехом месяца февраль в 7 день.

От Загеба до Раковца 4 мили. А от Раковица до Крижца 3 мили. От Крижица до Копрыницы 3 мили. От Копрыницы до реки Даравы миля. Та убо река у рубежа Словеньской земли с Угорескою землею.

От реки Дъравы до града Закона миля. А от Закона до града Чергу 2 мили. А от града Чиргу до града Сегистя 3 мили. А на тех трех милях ехати до Шегездя лесом все. И ту есть разбой велик велми, без переима и человек доспешных едва мочи проехати, иже бог поможет; ту и шубу разбили в Федорову субботу; а выежьжают на тот разбой ис Чиргова от Шегезяда и от всех сторон. А от Шегезяда до Иляши миля. А от Иляши⁹³ до Дюд 5 миль великих; и на тых милях есть же разбой велик. А от Дюд до Корешеди до Вепшина 4 мили. А от Вепшина до Белогорода 3 мили. А от Белогорода до Мартомвашеря 4 мили, А от Мартомвашеря до Будина 4 мили. И той есть град столный и угорескаго крльвства, || и стоит на славной реце Дунаи. А из Будина за Дунаи перевезлись есмы и поехали месяца марта⁹⁴ 14 день.

От Будина до Орьсесика 3 мили. А от Орьсесисика до Хатвана 4 мили. А от Хатвана до Начежюта 5 миль, а от Начежюта до Куvezдя⁹⁵ 4.⁹⁶ А от Куvezде⁹⁷ до Моги⁹⁸ 5 миль. А от Моги⁹⁹ до Форы 6 миль. А от Форы до Кошици 6 миль. А Кошеца есть град велик и тверд, а ставили его немци и дръжат а в Угорьском королевстве. А от Кошици до Априяша града 4 мили. А от Априяша¹⁰⁰ до Любльва 300 и 36 миль.

⁸⁷Доб. из М.
М.; в ркп. Рода.
М. ⁹⁷Кузвезде М.

⁸⁸Доб. в М.
⁹³Доб. миль М.
⁹⁸Мозги М.

⁸⁹Доб. день М.
⁹⁴Доб. в М.
⁹⁹Мозги М.

⁹⁰⁻⁹¹Нет М.
⁹⁵Кузвезда М.
¹⁰⁰Доб. града М.

⁹²Испр. по
⁹⁶Доб. мили

И той Люблевь останочный есть ^{11, 1} городок угореский, стоит на лядской граници. И есть в нем дело ² вугореские пенязи, новци зовутся, по 3 на золотой.

А от Люблева в Лядскую || землю до Судеча 6 миль; и той есть град л. 132 об.
 велми добр. И ту быхом в пресветлыи и в превеликийи праздник Христова воскресения. А от Судоча до Липници 4 мили. А от Липници до Вохны 2 мили. А в той Вохне соле копают, а град есть. А от Вохны до Кракова 5 миль. Ту убо видехом корья Володислава и брата его Казимира. Под Краковым река Висла; та убо река впала в море. А от Кракова до Бохны 25 врьст. От Бохны града до места Воинича 4 мили. А от Воинича до реки Дунаица миля. А от Дунаица до града Терьнова миля. А от Терьнова до Пильзны 3 мили. А от Пилизны до Торопчици 4 мили. От Торопчици до Решева || 4 мили. От Решева до Ланцюха 3 мили. л. 133
 От Ланцаха до Пригорьска 3. От Пригорьска до Ярославля 2 мили. От Ярославля до Радемны 2 мили. От Радемны да Перемышляя города 2 мили. А под городом Перемышляемь река Сян, другая Ярев, третиа Ярют. От Перемышляя до Мостица 4 мили. От Мостица до Вишене 2 мили. От Вишене до Городка ³ 3 мили. А от Городка до Львова ⁴ 4 мили, а врьст 134. А от Фролензы до Лвова 600 миль без трех, а верст 2000 и 200.

А от Лвова до Галича 14 миль. И приидохом в Галич месяца мая ⁵ 21. ⁶ А оттоле опять приидохом в Лвов по Петрове дни на завтрее. И поехали есмя из Лвова июня ⁷ 10. А от Лвова до Батятичина 6 миль. || А от реки до Белза града 3 мили. От Белза до Видкова, где вишни, л. 133 об.
 3 мили. От Виткова до Хрубешева 4 мили. А от Хрубешева ⁸ до Лещан 5 миль. А от Лещан до Хольму 3 мили. А приехали есмя в Холм в Ильин день. В Пантелеимонов же день в среде месяца июля ⁹ 26 ¹⁰ бысть буря велика з дождем, и храмы потрясаше. На утрия же в четверток в 20 ¹¹ того же месяца выехахом ис Холму и ночевахом у пана у Ондрюшка в Вугрушкех на реце на Бузе, 4 мили. А от Угровеска до Ганое пять миль. От Ганое до Володавы 6 миль. От Володавы до Берестиа 3 мили. Поидохом же из Берестиа месяца августа в 4 ¹² и приидохом в Каменец. А от Берестиа до Каменца 5 миль. А дръжить князь Сендушено, а река Илцена, а смотрит. ¹³ || От Каменца до Новаго двора л. 134
 10 миль. А оттоле до ¹⁴ Порозова 2 мили. А от Порозова до Волковыйска 4 мили. От Волковыйска до Немна 5 миль. От Немна до Василинска 5 миль. От Василинска до Радуни 5 миль. От Радуни до Рудников 7 миль. От Рудников до Троков ¹⁵ 5 миль. А от Лва до Троков ¹⁶ 100 миль великих, врьст 500. И приехали есма в Троки августа ¹⁷ 11 ¹⁸ в четверток. А ис Троков поехали есми в субботу ¹⁹ 13. ²⁰ От Троков до Вилны 4 мили. И поехали есми от Вилны в Торнок августа ²¹ 16. ²² А от Вилны до Медников 4 мили. От Медников до Шмены 3 мили. От Шьмены до Крева 5 миль. От Крева до Маркова 3 мили. А от Малодешня до Каменца Краснаго, села Дока, ²³ 3 мили. От Каменца до Анны 5 миль. От Танны до Логожска || 2 мили. От Логошьяска до Борисова до реки л. 134 об.
 до Березыни 8 миль. От Борисова до Дрютска 18 миль. От Дрютска до

^{11, 1} Нет М. ² Испр. по М.; в ркп. де. ³⁴ М. ⁴ Испр.; в ркп. Вольвова. ⁵ Доб. в М. ⁶ Доб. день М. ⁷ Июля М. ⁸ Испр.; в ркп. Рубешева. ⁹ Доб. в М. ¹⁰ Доб. день М. ¹¹ Доб. день М. ¹² Доб. день М. ¹³ Испр. по М.; в ркп. смотрич. ¹⁴ Доб. из М. ¹⁵⁻¹⁶ Нет М. ¹⁷ Доб. в М. ¹⁸ Доб. день М. ¹⁹ Доб. августа в М. ²⁰ Доб. день М. ²¹ Доб. в М. ²² Доб. день М. ²³ Нет М.

Орши 8 миль. От Орши до Дубровны 4 мили. От Дубровны до Климентиа святого 8 миль. От Катаны до Смоленска 4 мили. От Смоленска до Дорогобужа 18 миль. От Дорогобужа до Мстисловца 16 миль. От Мстисловца до Кореи²⁴ 4 мили. От Кореи²⁵ до Вязмы 8 миль. От Вязмы до Можанска 26²⁶ миль. А приехали есмя в Можанск сентября²⁷ 14²⁸ в среде, а на Сторожи²⁹ 18³⁰ в неделю сентября же. А приехали есми на Москву³¹ 19 день того же месяца. А поехали есмя с Москвы в Суждаль месяца того же³² 24³³ в субботу. А в Суждаль месяца того же³⁴ 29³⁵ в четверток.

²⁴Кореди М. ²⁵Кореди М. ²⁶36 М. ²⁷Доб. в М. ²⁸Доб. день М.
²⁹Доб. в М. ³⁰Доб. день М. ³¹Доб. в М. ³²Доб. в М. ³³Доб. день М.
³⁴Доб. в М. ³⁵Доб. день М.

О. Ф. КОНОВАЛОВА

Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского

Амплификация¹ как ораторский и стилистический прием, проявляющийся в нагнетании синонимов, метафорических эпитетов и сравнений для усиления действия речи на слушателя или читателя, использовалась неоднократно во многих произведениях древнерусской житийной литературы.

Митрополит Иларион широко применял амплификацию в «Слове о законе и благодати».² И. П. Еремин считает риторическую амплификацию основой стилистического строя «Слов» Кирилла Туровского.³

Особый интерес представляет использование амплификации у Епифания Премудрого. В поисках яркой, эмоциональной формы художественного выражения Епифаний обращается к произведениям русских риторов и именно в использовании риторической амплификации более всего продолжает традиции ораторской прозы.

Амплификация оказалась тем приемом, который дал писателю возможность наиболее полно воплотить важнейший стилистический принцип «плетения словес», сформулированный самим Епифанием: «от словес похваление събираа, и приобретаа и приплетаа...».⁴

В Житии Стефана Пермского Епифаний Премудрый использует различные виды амплификации. Это и присоединение, нанизывание эпитетов, нагнетание сравнений, метафор, это и особая ритмическая амплификация, выражающаяся в анафорическом единоначатии, чередовании однокоренных слов, в распространении при помощи звуковых повторов, в использовании созвучных окончаний, симметрии в расстановке тропов и т. д.

Ведущую роль в стилистической системе Епифания играет амплификация, состоящая в нанизывании цитат Ветхого и Нового Заветов, в искусной комбинации библейских текстов. Разностороннее использование библейской фразеологии объясняется тем, что средневековый художник-писатель выражал в своих произведениях ту связь между явлениями реальной жизни и христианской мифологией, которая существовала в его сознании. Тексты Священного писания обладали непререкаемым авторитетом. Библейские символы заменяли многие понятия реального мира.⁵ Поэтому так велико значение библейских образов в творчестве авторов житий.

¹ *Amplificatio* — лат. распространение, расширение.

² См.: Памятники древнерусской церковноучительной литературы, вып. I. СПб., 1894, стр. 66—67.

³ См.: И. П. Еремин. Литература Древней Руси. Л., 1966, стр. 132.

⁴ Житие Стефана Пермского. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897, стр. 106.

⁵ См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 159.

Епифаний Премудрый подходит к использованию цитат по-разному в зависимости от тех задач, которые он ставит перед собой. Писатель то прямо прилагает цитаты к изображаемым событиям, то ищет в них символический смысл, то использует их для создания эмоциональной атмосферы в произведении: обещает, угрожает, обвиняет.

В данной работе рассмотрен один из видов использования библейских текстов — цитатная амплификация, суть которой состоит в распространении одной мысли цепью цитат.

Следует заметить, что умение Епифания Премудрого организовать, правильно расположить языковой материал обуславливает единство стиля, тесное сплетение не только «словес», но и сплетение стилистических приемов.

Проанализируем с точки зрения использования стилистической амплификации эпизод решения Стефана идти в Пермскую землю, который занимает важное место в идейном развитии повествования.

Писатель рассуждает о том, что апостолы миновали пермян, и вот теперь обращение язычников в христианскую веру должен осуществить Стефан. Язычники окружили Стефана, стремятся его уничтожить, он произносит молитву, которая состоит из библейских цитат. Сам автор жития как бы отходит в сторону, говорит только Стефан и говорит только «святыми» словами. Эта тема распространена чрезвычайно. Тирада подвижника состоит более чем из 25 цитат, которые переплетены в такой сложный и искусный орнамент, что не всегда удается точно установить их источник. В речи Стефана Епифаний чаще всего использует Псалтырь, до конца исчерпывая всевозможные варианты распространения темы. Он создает громоздкое сооружение из цитат, однако сооружение продуманное, скорее построение особого типа, а не произвольное нагромождение.

Выбор источника обусловлен несколькими причинами: Стефан — проповедник, учитель, он должен знать божественное слово, он должен воздействовать на пермян своей ученостью, силой убеждения, красотой речи.

Вместе с тем Епифаний все время имеет в виду то, что Псалтырь как наиболее распространенная часть Ветхого Завета должна быть хорошо известна читателю, а поэтому молитва Стефана, хотя и сложна по композиции и по идейной насыщенности, все же должна быстро находить отклик, так как в основе ее лежит материал, близкий и понятный читателю или слушателю жития.⁶

Существенным является и то обстоятельство, что история Стефана имеет аналогии в церковных книгах, поэтому внимание читателя концентрируется на псалмах Давида.

Для выяснения особенностей исследуемого типа амплификации важно установить закономерность композиционного построения данного отрывка, который представляет собой законченный период, написанный по правилам эпидектического красноречия — обязательного соблюдения симметрии частей: вступления, повествования, заключения.⁷

Во вступлении Стефан, видя приближающихся в гнев язычников, произносит речь, в которой слова Давида являются как бы эпиграфом, заставкой, кратким изложением всего дальнейшего повествования: «Все языци обшедше, обидоша мя, яко пчелы сот, и разгорешася, яко огонь

⁶ См.: В. Мошин О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРА, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 87.

⁷ См.: И. П. Еремин Лекции по древней русской литературе Изд. ЛГУ, 1968, стр. 80.

в тернии, именем господним противляхся им».⁸ Писатель приводит почти без изменений стихи 11 и 12 из 117-го псалма.⁹ В повествовательной части Стефан говорит о своем бесстрашии и передает свое душевное состояние двадцатью двумя стихами из Псалтыри.¹⁰ В заключении Стефан выражает уверенность в том, что пермяне перейдут в истинную веру и просят помощи у бога.¹¹

Четкая композиция обусловила и специальное расположение стилистического материала. Проследим, как распространяется, амплифицируется мысль о решимости и бесстрашии подвижника. Во фразе: «Десница господня сотвори силу, не умру, но жив буду, исповем дела господня, показуя, наказа мя господь и смерти не предаст мене, отверзете мне врата правды и вшед в ня исповемся государеву»¹² стихи 15, 16, 17, 18, 19 из 117-го псалма приведены полностью и в том порядке, в котором они расположены в Библии. Способ амплификации — простое присоединение.

Далее писатель использует стих 6 из 117-го псалма и продолжает мысль псалмом 3-м, пересказывая стих 7-й: «Господь мне помощник и не убоюсь, что сотворит мне человек, не убоюсь от тем людий, нападающих на мя окрест и враждующих мне всуе. Елма же в печали моеи призвах господа и услыша мя в пространьстве».¹³

Прежде чем начать изложение молитвы Стефана, Елифаній рисует сцену нападения на него пермян: «...иногда же пакы собращася на нь множество крамолюющих и снесоша множество бремени сухиа соломы и огню принесену бывшу и соломе вокругу около его обнесене бывши, восхотеша хотением сотворити запаление рабу божию и сим умыслиша огнем немилостивно в смерть вогнати его».¹⁴ В дальнейшем эти слова распространяются, подтверждаются пс. 69, ст. 12, который Елифаній приводит в молитве Стефана: «В печали ж таковеи яко в тузе огненей и акы посреди нестерпимого пламени стоя, бога призываа и глаголя: ускори, щедрый, и потщися яко милостлив на помощь мою яко можеша хотяи. Боже, в помощь мою вонми. Господи, на помощь мою потщися».¹⁵ Манера изложения более торжественная, что видно при сопоставлении этих двух фрагментов и авторского описания. Один и тот же рассказ о нападении на Стефана язычников и их намерении сжечь его изложен трижды.

Последующее описание поведения пермян составлено целиком из цитат и как бы иллюстрирует главную мысль, переданную 117-м псалмом Давида: «Мнози вьсташа на мя (пс. 3, ст. 1), мнози борющиеся съ мною (пс. 128, ст. 15), зубы их оружие и стрелы, язык их меч остр. (пс. 56, ст. 5), сеть уготоваша ногама мойма, смириша душу мою, ископаша пред лицем моим яму (пс. 56, ст. 7), помыслиша запяти стопы моя, скршыша сет мне, ужи препяша сет ногама мойма, при стези соблазн положиша мне (пс. 139, ст. 4). Весь день словеса моя мерзяхут им, ... весь день боряхуся служими, весь день сетуя хождах» (пс. 37, ст. 7). Затем идут слова автора, заканчивающиеся снова цитатой: «Желание же мое се есть, еже обратити язык сеи пермьскый от прелести идольския, понеж угле-

⁸ Житие Стефана Пермского, стр. 20.

⁹ Ссылки на Псалтырь, сделанные В. Г. Дружининым в издании «Жития Стефана Пермского» (СПб., 1897), проверены, исправлены и дополнены по Псалтыри около 1656 г. (ГПБ, XVII, 11.6) и 1625 г. (ГПБ, I.6.9).

¹⁰ Житие Стефана Пермского, стр. 20—21.

¹¹ Там же, стр. 21—22.

¹² Там же, стр. 20.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

боша языцы в пагубе, юже сотвориша в сети сеи, юже скрыша, увязе нога их» (пс. 9, ст. 16).¹⁶

Вся дальнейшая часть речи Стефана состоит из псалмов, использующихся, за исключением 55 и 56, почти без изменений.

Писатель подбирает те стихи, которые могут так или иначе характеризовать состояние Стефана и язычников-пермян. Например: «... в делех руку своею увязе грешник (пс. 9, ст. 17), делом руку своею поклонишася кумиrom, ни увидеша ни разумеша во тме ходяще» (пс. 81, ст. 5, 6).¹⁷ Для того чтобы теснее связать псалмы со своим произведением, Елифанний вставляет свои слова «поклонишася кумирам» и продолжает изложение опять цитатами: «... помянутся и обратятся к господу вси концы земля и да поклонятся пред ним, вся отечествна язык, ако господне есть царствие и тои обладает языки, вси бо языцы елико сотворил еси, господи, придут и поклонятся пред тобою, господи, и прославят имя твое во век и жива будут сердца их в век века. Ты, господи, заступник мой еси, слава моя превознося главу мою» (пс. 21, ст. 28, пс. 85, ст. 9—10, пс. 21, ст. 27, пс. 3, ст. 4).¹⁸ Цитат становится все больше, ими передается душевное волнение Стефана, из них состоят призывы Стефана о помощи, писатель нагнетает цитаты казалось бы без меры, но в какой-то определенный момент Елифанний снова прерывает цитирование и Стефан произносит молитву своими словами: «Помози ми, господи, боже мой, и спаси мя милости твоея ради. Господи, спаси же, господи, поспеши в благовествовании, помози ми, господи и пособи обратити люди сиа и привести ся к тебе...».¹⁹ Просьба Стефана распространена до того, что не остается никаких вариантов, и тогда автор произведения вводит в текст снова цитату, которой Стефан убеждает господа, ссылаясь на его же слова: «... сам бо рекл еси, господи; и ины овца имам, я же не сут от двора сего и тех ми подобает привести и глас мой услышат и будет едино стадо един пастух».²⁰ Писатель использует в данном случае цитату из Евангелия от Иоанна (10, ст. 16), более торжественную, чем цитаты из Псалтыри, подводящую итог всей молитве подвижника.

Так же как начиналась тирада с прямой цитаты, так и закончилась она традиционным для житийной литературы изречением о пастухе и стаде христовом.

Обращает на себя внимание чередование близких по значению цитат. Так, в житии читаем: «Господь мне помощник и не убоюся, что сотворит мне человек», «Не убоюся от тем людий, нападающих на мя окрест и враждующих мне всеу», «Елма же в печали моеи призвах господа», «В печали же такоуе яко в тузе огненеи и акы посреди нестерпимаго пламени стоя»; «Господи, пред тобою все желание мое», «Желание мое есгь»²¹ и т. д.

Все цитаты в сущности выражают одно и то же и вместе с тем разное. Можно сказать, что основная мысль писателя как бы конкретизируется различными цитатами. Такого рода чередование близких по смыслу цитат перекликается с явлением стилистической симметрии²² и представляет безусловно вид стилистической амплификации.

¹⁶ Там же, стр. 21.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 20—22.

²² См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 168.

Чередование и нагнетание цитат из Библии концентрирует внимание, помогает создать нужное впечатление; наложения цитат уже в силу своего объема кажутся выразительнее других изобразительных средств.

Анализ употребления цитат показывает, что в тираде-молитве распространяется, варьируется главная мысль фрагмента о душевном подъеме подвижника, о его решимости, об опасностях, которым он подвергается, мысль, переданная во вступлении к молитве 117-м псалмом Давида: «... вси языци обшедше, обидоша мя яко пчелы сот и разгорешася яко огнь в тернии». Подобное присоединение цитат для раскрытия определенной мысли представляется приемом стилистическим и риторическим, логически оправданным, свидетельствующим о стремлении писателя как можно сильнее, эмоциональнее воздействовать на читателя, приемом, который можно определить как цитатную амплификацию.

* * *

Амплификация из псалмов в житии Стефана Пермского тесно связана с ритмической организацией речи. При подборе цитат писатель учитывал и их звуковую окраску, создающую особое звуковое впечатление, повышенную эмоциональную выразительность.

В этом отношении значительную роль играет синтаксический параллелизм, представляющий собой сочетание нескольких соседних фраз, которые имеют одинаковое грамматическое построение, например:

Сеть уготоваша ногама моима,
смириша душу мою,
ископаша пред лицем моим яму,
помыслиша запяты стопы моя,
скрыша сеть мне,
ужи препяша сеть ногама моима,
при стези соблази положиша мне.²³
(пс. 56, ст. 5, 6, 7, пс. 139, ст. 4).

Предложения подобраны по одному типу, сказуемое дано в форме аориста, что создает созвучия в окончаниях глаголов. Кроме того, необходимо отметить, что все цитаты в данном случае образуют эпифору. Повторяемым словом в конце предложения является притяжательное местоимение «мой» и падежная форма личного местоимения первого лица «мне». Использование этой риторической фигуры придает речи ритмический характер, подчеркивает возбуждение чувств героя и самого автора.

В том же фрагменте жития интересен подбор цитат с анафорическим началом:

Весь день словеса моя мерзяхут им,
весь день словес моих гнушахуся,
весь день ополчахуся брани,
весь день боряхуся стужими,
весь день сетуя хождах.²⁴
(пс. 55, ст. 6, пс. 37, ст. 7, 10).

Ритмичность создается не только единоначатием, но и повторением возвратной формы глагола: «гнушахуся», «ополчахуся», «боряхуся».

Епифаний Премудрый, составляя тексты из цитат, располагает их таким образом, чтобы как можно больше усилить эмоциональное звучание

²³ Житие Стефана Пермского, стр. 20.

²⁴ Там же, стр. 20—21.

речи: «ни увидиша ни разумеша во тме ходяще», «да помянутся и обратятся... да поклонятся», «придут и поклонятся и прославят имя твое в век».²⁵ Возникает стилистическая градация, значение которой проявляется в данном случае в том, что этот прием позволяет нарисовать более детальную картину, подчеркивая главное качество изображаемого события, и произвести одновременно определенное звуковое впечатление.

Писатель постоянно учитывает как смысловую, так и звуковую сторону стиля. В части жития, озаглавленной «О призвании и веровании многих язык», имеющей большое значение для раскрытия идеи произведения, он продельывает особенно тщательную работу по отбору необходимых цитат и находит нечто поражающее слушателя, действующее и на ум и на чувства, — создает период, состоящий преимущественно из псалмов, которые содержат в текстах слово «языци»: «О сем и апостоли свидетельствуют, еже о обращении стран, и о призвании язык, яко подобает во всех языцех проповедатися слову божию и яко подобает иноязычником обращати к богу... о сем и пророцы согласуютъ. Исаиа бо рече: се языкци иже не ведают тебе призовут тя и людие иже не знают тебе, прибежат к тебе. И пророк Давид рече: хвалите бога вси языкци, воспещите руками (пс. 46, ст. 2), вси языкци поработают ему (пс. 71, ст. 11). Вси языкци ублажают его (пс. 71, ст. 17), вси языкци приидуть и поклонятся пред тобою, господи, и прославят имя твое в век (пс. 75, ст. 9). Убоятся языкци имени господня (пс. 101, ст. 8) убоятся его вси конци земля (пс. 66, ст. 8) услышите сия вси языкци, внушите вси живущии по вселенней земнии же сынове человечестей вкупе богат и убог (пс. 48, ст. 2, 3), яко высок над всеми языки господь и над небесы слава его (пс. 112, ст. 4). Очи его на языки призираета (пс. 65, ст. 7). Сказа господа спасение свое пред языки открь правду свою, видеша вси конци земля спасение бога нашего (пс. 47, ст. 2, 3). Благословите языкци бога нашего, слышан сотворите глас хвалы его (пс. 65, ст. 8). Возвестите в языцех дела его, возвестите в языцех славу его...» (пс. 66, ст. 3) и т. д.²⁶

Данная тирада представляет собой амплификацию, связанную с темой «языци». Стремясь к возможно большему распространению, писатель отбирает все имеющиеся псалмы с образом «народов, которых нужно обратить в христианскую веру».

Амплификация содержит «внутри себя» повторение, еще один прием, используемый писателем довольно часто. В данном примере повторение слова «языци» усиливает и идейное и интонационное значение фрагмента. Сначала псалом с «языци» произносится спокойно, без видимого напряжения. Однако следующая фраза настораживает, заставляет прислушаться: «Исайя бо рече... пророк Давид рече...». Словосочетание «вси языкци» повторяется трижды и звучит почти как заклинание. Далее происходит фонетическое чередование «языки»—«языци», писатель понимает, что внимание слушателя утомлено повторением одного и того же слова, и он сначала заменяет его фонетически близким, затем снова возвращается к прежнему варианту, а исчерпав все возможности амплификации этого образа, подбирает псалмы с синонимическим «земли». Заканчивается период псалмом, в котором присутствуют оба синонима: «Воскресни, Боже, суди земли яко ты наследиси во всех языцех» (пс. 81, ст. 8).

²⁵ Там же, стр. 21.

²⁶ Там же, стр. 64.

Синонимические повторения, варьирование одной и той же темы, стремление наиболее искусно расположить словесный материал, создание ритмичности — вот особенности поэтической манеры писателя, отражившиеся в рассмотренном фрагменте жития.

Однако несмотря на усложненность, ученость, насыщенность цитатами текста жития Стефана Пермского, писатель явно заботится о доступности своего произведения. Так, цитатные потоки в нужный автору момент прерываются, он как бы дает отдых слушателю, переключает его внимание на другую тему. Скопление цитат всегда предполагает упрощенный синтаксис, наконец, этой же цели служит и особая ритмичность прозы Епифания Премудрого.

Ритм речи облегчает восприятие мыслей автора, выраженных нагнетанием огромного количества библейских цитат, сохраняя при этом авторскую задачу. Ритмическое звучание облегчает слушание, вместе с тем создает особое расположение духа, некую поэтичность, лиричность, задушевность.

* * *

Итак, совершенно особое, наиболее значительное место в творчестве писателя занимает привлечение к работе текстов Священного писания. В рассмотренных выше примерах нагнетание псалмов, распространение мысли автора присоединением различных библейских цитат представляют собой явление стилистической цитатной амплификации.

Повторение тех или иных тропов, распространение, варьирование одной и той же темы, не связано ли это с другим, сходным по изобразительным приемам явлением в древнерусском изобразительном искусстве, с древним представлением о необходимости для полноты выражения мысли повторять один и тот же образ несколько раз?

Ф. Буслаев отмечает, что «по древнейшему стилю византийского искусства на одной и той же иконе для полного выражения идеи изображается одно и то же лицо дважды, трижды и более».²⁷ В качестве примера Ф. Буслаев дает такое описание иконы св. Софии: «...посреди иконы снизу вверх, одно над другим, помещены три изображения одной и той же идеи — Премудрости божией. Внизу на престоле Спаситель в образе крылатого ангела, над ангелом опять Спаситель, но уже по своему подобию, а над ним тоже Премудрость божия в символическом образе бога Слова, под видом Евангелия, лежащего на престоле».²⁸ Рассуждение Ф. Буслаева подсказывает нам возможное объяснение столь распространенного в Древней Руси явления амплификации. Как в иконописном искусстве способы изображения служат отражением художественных идей, так и стилистическая система писателя говорит о стремлении как можно полнее и точнее донести до читателя или слушателя идею произведения.²⁹

Епифаний Премудрый применяет все богатство изобразительных приемов, накопленных древнерусской литературой. Он использует его твор-

²⁷ Ф. Буслаев. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861, стр. 295.

²⁸ Там же, стр. 296.

²⁹ Интересно отметить, что средневековые художники, давая условный портрет Епифания Премудрого, изображали его на одной и той же миниатюре дважды. См.: О. А. Белоброва. О некоторых изображениях Епифания Премудрого. — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 92.

чески, отбирает именно то, что наилучшим образом помогает решить писательскую задачу. Старые стилистические комбинации, фразеологические штампы, библейские образы приобретают у Елифания новый смысл. Словосочетания традиционные воспринимаются как оригинальные, «епифаниевские». Во всем — мастерство, вкус, «премудрость».

М. М. Сперанский в «Правилах высшего красноречия» приводит слова Горация «Плачь сам, ежели хочешь, чтоб я плакал», и добавляет: «читай, размышляй, дробь, отсекай на части лучшие места, изучи все правила, но если страсть в тебе не дышит, никогда твое слово не воодушевится и никогда не воспламенишь воображения своих слушателей».³⁰

Для понимания стиля Елифания Премудрого важно помнить, что какую бы позицию ни занимал автор по отношению к своему произведению и к своему герою, он всегда увлечен, всегда страстен, стремится вызвать восторг у слушателя и полон восторга сам.

³⁰ М. М. Сперанский. Правила высшего красноречия СПб., 1844, стр. 23.

**«Слово о житии и о преставлении великого князя
Дмитрия Ивановича, царя Русьского»**

«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», дошедшее до нас в составе летописных сводов, состоит из пространной некрологической похвалы и предшествующей ей исторической части, повествующей о жизни князя, его победах над татарами и особенно подробно о наставлениях, данных им перед смертью сыновьям, княгине и боярам, о завещании и разделе «своея вотчины». Исторические факты из жизни князя сопровождаются панегирическими тирадами о его христианских добродетелях, его выдающихся полководческих достоинствах и т. д. Прославлению князя служит и интимно-лирический «плач княгини Евдокии».

Старейшие тексты «Слова о житии» содержатся в Новгородской IV и Софийской I летописях под 6897 (1389) г. Тексты «Слова о житии» в обеих летописях идентичны, за исключением отдельных чтений и отрывка — средней части похвалы («Пчелы ни чимь же хужьше... луча испущая и вся съгрея»), читающегося только в Новгородской IV летописи. Наблюдения над текстом «Слова о житии» показывают, что эта средняя часть похвалы должна была находиться в первоначальном варианте памятника: в Софийской I летописи в одной фразе объединены выражения, одно из которых в Новгородской IV летописи предшествовало похвале, а другое являлось концом похвалы.¹ Очевидно, вариант «Слова о житии» Новгородской IV летописи содержался во всяком случае и в так называемом «своде 1448 года», к которому восходили Новгородская IV и Софийская I летописи.²

Переходя из свода в свод, текст «Слова о житии» претерпевал постоянные изменения: в одних летописях его сокращали, в других, сокращая, дополняли по другим источникам.³

Обе редакции Новгородской IV и Софийской I летописей содержат полный текст «Слова о житии».⁴ В целом ряде летописных сводов

¹ В Софийской I летописи: «...един же благочьстен родися, многим прародителем славу прорости елико найдеть» (ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 110). — В Новгородской IV летописи выражением «елико найде» заканчивается средняя часть похвалы: «...яко солнца луча испущая и вся съгрея, елико найде» (ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, Л., 1925, стр. 365). Слова, предшествующие этому выражению в Софийской I летописи, в Новгородской IV предваряют среднюю часть похвалы.

² См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 153 и сл.; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 448—449.

³ Эволюция текстов «Слова о житии» рассматривается в тесной связи с историей летописных сводов, его заключающих.

⁴ Исключение составляет Воронцовский список Софийской I летописи (БАН, 34.2.31), где «Слово о житии» отсутствует; вместо «Слова о житии» в списке нахо-

XV—XVI вв., связанных с новгородским летописанием, «Слово о житии» отсутствует, здесь содержатся лишь краткие записи о смерти великого князя Дмитрия. Так, например, в Новгородской V летописи чи-

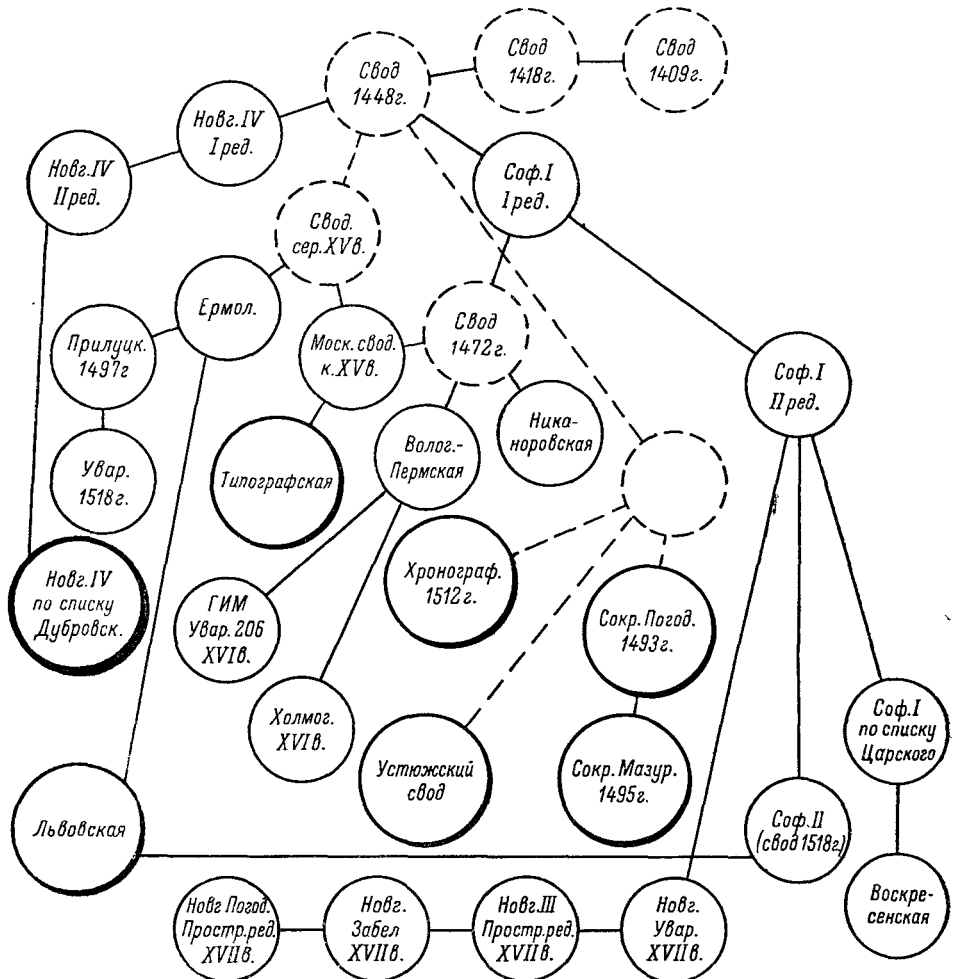

Схема взаимоотношений списков «Слова о житии о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьского»

таем: «Преставился князь великий Дмитрей Иванович на Москве месяца мая в 19 на память святого пророка Исаия».⁵ Подробную же краткую

дится текст в некотором сокращении и с некоторыми перефразировками, передающий запись «О преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» Симеоновской и Рогожской летописей.

⁵ См.: ПСРЛ, т. IV, СПб., 1948, стр. 139 (Хронографический список Новгородской V летописи — ГИМ, собр. Синод. библ. № 280 — издан в вариантах). По А. А. Шахматову одним из источников Новгородской V летописи, помимо второй редакции Новгородской IV, была Новгородская I летопись (Комиссионный список) — см.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 196, примеч. 1, 202. — Известие Новгородской V летописи о смерти князя Дмитрия повторяет текст известия Комиссионного списка, где читаем: «Преставился князь великий Дмитрии Иванович на Москве, месяца мая в 9, на память святого пророка Исаия» (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 383).

запись находим и в летописях, источником которых послужила Новгородская V летопись: Летописи Авраамки⁶ и Новгородско-Псковской летописи XVI в.⁷

Предельно краткую запись под 6896 г. дает Новгородская II летопись: «Преставися князь Дмитрей Ивановичь»,⁸ и тесно примыкающий к новгородскому летописанию Летописец епископа Павла: «В лето 6897 преставился князь Дмитрей».⁹ Исключение составляет Новгородский свод XVI в. — список Дубровского, где уже содержится самое «Слово о житии», восходящее к тексту Новгородской IV летописи.¹⁰ Но текст «Слова о житии» списка Дубровского имеет следующую вставку, помещенную после слов «...князю Петру, дал есть город Дмитров с всеми волостями и с всеми пошлинами»: «Избрав от благороднейших от бояр своих первых своея палаты, иже баше ему достойнии и вернейша, паче всех Дмитрия Михайловича, Тимофея Васильевича, Ивана Родионовича, Дмитрия Костянтиновича, Семена Ивановича, Ивана Феодоровича, Никиту Феодоровича, Феодора Андреевича, Ивана Феодоровича Квашнина. Тако рече бояром своим: „Се ведаю вас известнейша паче всех человек и се предаю вам княгиню свою и дети своя и будите им в тверде разуме в мое место, яко же им аз сам был“. И отходя сего света написав духовную грамоту». Далее вновь следует фраза самого «Слова о житии»: «И утвердив златопечатную грамоту и целовав княгиню свою и дети своя...». Интересно отметить, что имена бояр, перечисленные в приведенном отрывке, за исключением имен Дмитрия Константиновича и Никиты Феодоровича, упоминаются в числе послухов в Духовной грамоте Дмитрия Донского.¹¹

Другая картина вырисовывается при рассмотрении «Слова о житии» в сводах, восходящих к Софийской I летописи. В сводах этой линии содержится уже самый текст памятника.

⁶ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 252. — В сходствующих с Летописью Авраамки летописных текстах — Супрасльском, Толстовском I № 189 (ГПБ, F.IV.156) и Синаодальном № 154 (Кирилло-Белозерском) — текст под 1389 г. вообще отсутствует (см.: Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836).

⁷ См.: Псковские летописи, вып. I. Подготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, стр. XLVII. — В приведенных кратких записях в отличие от Новгородской IV и Софийской I летописей, где князь Дмитрий умирает 19 мая «на память святого мученика Патрекея», смерть Дмитрия отнесена ко дню памяти святого пророка Исаяи. Такая замена памятей произошла, очевидно, потому, что число «19» ошибочно заменили «9», а 9 мая — действительно день памяти пророка Исаяи (см. Комиссионный список Новгородской I летописи). Заметим сразу, что в Псковских I и III летописях известие о смерти князя Дмитрия отсутствует, а Псковская II летопись содержит еще более краткую запись: «Преставися на Москве князь великий Дмитрей» (см. Псковские летописи, вып. II. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955, стр. 29).

⁸ ПСРЛ, т. XXX, М., 1965, стр. 168.

⁹ См.: БАН, собр. Доброхотова, № 18. — А. А. Шахматов считает, что Летописец епископа Павла восходит к краткому извлечению из «свода 1448 года» (А. А. Шахматов Обзорение летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 303—304).

¹⁰ Список Дубровского — ГПБ, F.IV.238 (см.: С. Н. Азбелев. Две редакции новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, стр. 220). В тексте «Слова о житии» списка Дубровского имеется примесь чтений Софийской I летописи.

¹¹ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950, стр. 37. — В летописи Дубровского, в отличие от Духовной грамоты, боярин Семен, кроме того, имеет отчество «Иванович» (вм «Васильевич»), и Иван Феодорович назван Квашниным. См. также: А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI, М., 1958, стр. 272.

В списке Царского Софийской I летописи,¹² Софийской II, Воскресенской летописях,¹³ а также в новгородских летописных сводах XVII в. — Новгородской Уваровской, пространной редакции Новгородской III и Новгородской Забелинской летописях сохранился полный текст «Слова о житии».¹⁴

Никаноровская летопись несколько сокращает текст памятника. Автор «Слова о житии» Никаноровской летописи, используя текст Софийской I летописи старшей редакции,¹⁵ подверг сокращению главным образом его историческую часть. Он сократил рассказ о битве на Воже, но в еще большей степени рассказ о побоище на Дону (опустил молитву Дмитрия, его обращение «к князем и велможам», ответ последних великому князю, описание битвы). В «Слове о житии» Никаноровской летописи опущены число, день, час смерти Дмитрия, а также день его положения «во гроб». Отсутствуют в рассказе и другие мелкие чтения.

Аналогичный Никаноровской летописи текст «Слова о житии», с теми же сокращениями, находим в Вологодско-Пермской летописи XVI в.¹⁶

¹² ПСРЛ, т. VI. — Список Царского Софийской I летописи, по наблюдениям А. А. Шахматова, основан на Софийской I младшей редакции, а также на сокращенном своде 1493 г. (ГПБ, собр. Погод. № 1409).

¹³ ПСРЛ, т. VII, СПб., 1859. — В некоторых чтениях «Слова о житии» в Воскресенской летописи повторяет чтения списка Царского Софийской летописи. Список Царского, по мнению А. А. Шахматова, был одним из источников Воскресенской летописи (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 370; см. также: С. А. Левина. Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение). — В кн.: Труды Московского государственного историко-архивного института, т. 10, М., 1957, стр. 403).

¹⁴ Большую часть ядра Новгородской Уваровской летописи составляет Софийская I летопись младшей редакции (см.: С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, стр. 14). «Слово о житии» восходит ко второй редакции Софийской I летописи — ГПБ, собр. Погод. № 1403 и издание: Российская летопись по списку Софийскому великого Новаграда, ч. I, СПб., 1795 (по списку БАН, 34.4.1). Аналогичный текст «Слова о житии» содержится в пространной редакции Новгородской III и Новгородской Забелинской летописях. Новгородская Уваровская летопись лежит в основе пространной редакции Новгородской III летописи, а последняя составляет ядро Новгородской Забелинской летописи (см.: С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века, стр. 43, 74). В краткой редакции Новгородской III летописи известие о смерти князя Дмитрия Ивановича отсутствует вообще.

В восходящей к Новгородской Забелинской летописи — пространной редакции Новгородской Погодинской летописи XVII в. (см.: С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века, стр. 77—87) содержится летописная запись о смерти князя Дмитрия, положении его в гроб «у архангела Михаила», кратко сообщается о наделении им уделами своих сыновей. Новостью этой записи является уточнение, сделанное по поводу удела князя Петра: «Князю Петру Дмитров на рече Яхроме» (разрядка наша, — М. С.). В сокращенной редакции Новгородской Погодинской летописи находится лишь краткая летописная запись о смерти Дмитрия и захоронении его в церкви архангела Михаила. В краткой редакции Новгородской Погодинской летописи и запись о смерти Дмитрия отсутствуют.

¹⁵ ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962. — В основе Никаноровской летописи до 1418 года лежит сокращенная первая редакция Софийской I летописи (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 354, 357). «Слово о житии» помещено в летописи под 6895 (1387) годом.

¹⁶ ПСРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1959. — Сходство текстов «Слова о житии» в обеих летописях объясняется тем, что одним из источников Вологодско-Пермской летописи была летопись, сходная с Никаноровской (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 372; см. также: М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. III, М.—Л., 1940, стр. 231, 240, 243). Текст «Слова о житии» в Вологодско-Пермской летописи, так же как в Никаноровской, помещен под 6895 (1387) годом. Похвала великому князю в Чертковском списке Вологодско-Пермской летописи несколько короче остальных ее списков.

В восходящей к нескольким сводам XV—XVI вв. (в том числе к Холмогорской летописи¹⁷ и летописи под шифром ГИМ, собр. Уварова № 206 (1776), XVI в.¹⁸ также содержится текст «Слова о житии», но уже в значительно сокращенном варианте. Заглавие иное: «О преставлении великого князя Дмитрия». Действительно, текст сообщает лишь о последних днях жизни великого князя (начиная со слов «И по малех днех разболелся князь великий Дмитрий Иванович...»), его наставлениях княгине, детям, боярам, о разделе «вотчины» между сыновьями, приводит плач княгини над телом умершего князя, говорит о погребении князя, присутствии на его похоронах духовных особ. В рассказе обеих летописей приводится в сокращении и заключительный плач-похвала, но исходит он здесь из уст княгини. В обоих текстах встречается ряд выражений, отсутствующих в других известных нам летописных текстах: увидев, что князь умер, княгиня «ударилася о землю и едва подымоша», она восклицает: «Ох, ох, смерть злодею, вначале государя моего взяла еси. Ох, животе мой милый...». Присутствующий на похоронах игумен Сергей именуется «Радонежским». Текст в летописи Уварова № 206 более последователен в использовании своего источника, в «Слове о житии» Холмогорской летописи наблюдаются некоторые текстовые нарушения (перестановки), а самый рассказ еще более краток. Интересно отметить, что в заглавии «Слова о житии» Уваровской летописи князь Дмитрий Иванович назван «Задонским».

Полный текст «Слова о житии», восходивший к Софийской I летописи, сокращен и в московском своде 1479 г.,¹⁹ причем в значительно большей степени, чем в Никаноровской летописи. Здесь опущены не только отдельные выражения, но и большие по объему отрывки. Так, опущенной оказалась вся историческая часть «Слова о житии»: полностью отсутствуют рассказы о битве на Воже и на Дону, а также рассуждения о «славе» великого князя, предшествующие этим рассказам, начиная со слов: «И умножися слава имени его... якоже святаго и великаго князя Владимира». Опустив историческую часть «Слова о житии», составитель свода 1479 г. вставил лишь фразу: «... с погаными быяса за святыя церкви и за все православное христианство». Отсутствует в своде 1479 г. и характеристика великого князя, идущая в Софийской I летописи вслед за сообщением о его победе на Куликовом поле. Некоторые следы этой характеристики обнаруживаются в конечной части «Слова о житии», в «плаче народа». Полностью опущена и похвала Дмитрию во второй части «Слова о житии» со слов: «... солнце помрачается, луна облаком закрывается». Текст частично перекомпанован: известие о браке Дмитрия с дочерью князя Дмитрия Суздальского вставлено в среднюю

¹⁷ Холмогорская летопись под шифром ГПБ, собр. Погод. № 1405, XVII в. пока не издана; о ней см.: Я. С. Лурье. О неизданной холмогорской летописи. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964, стр. 449—455. — Я. С. Лурье относит летопись к XVI в., отмечает ее общерусский характер и одним из ее источников называет протограф Вологодско-Пермской летописи (см. также статью Я. С. Лурье «Холмогорская летопись» в настоящем томе, стр. 135—149).

¹⁸ Текст «Слова о житии» этой летописи любезно предоставлен нам Н. Ф. Дробленковой. В своих чтениях он часто сближается с чтениями Академического списка Вологодско-Пермской летописи, иногда списка Лондонского; см. статью Н. Ф. Дробленковой «Летописные заметки о событиях 1378—1395 гг. в сборнике ГИМ, Увар. № 206 (1776)», в настоящем томе, стр. 309—319.

¹⁹ Свод 1479 г. сокращал свой основной источник; см. об этом: А. А. Шахматов. Обозрение летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 264—266. — Так как текст «Слова о житии» в Эрмитажном списке (№ 416-б) свода содержит искажения, приводим примеры по списку ГИМ, собр. Уварова № 1366 (издан в ПСРА, т. XXV, М.—Л., 1949), представляющему более позднюю редакцию свода 1479 г.

часть первой половины «Слова о житии», само «Слово о житии» заканчивается сообщением о присутствии на похоронах Дмитрия духовных владык и судьбе его сыновей — Иоанна, Константина и Даниила — известиями, находящимися в «Слове о житии» по Софийской I летописи в его первой части.

Составитель свода 1479 г., сокращая текст «Слова о житии», частично перефразировал отдельные его места, добавляя иногда новые выражения. Так, например, фраза Софийской I летописи «... царский убо сан держаше, ангелскы живяше, постом и молитвою, и по вся нощи стояше, сна же токмо мало принимаше, и паки по мале часе на молитву вставаше, и подобу благу творяше всегда...» в своде 1479 г. читается так: «... аще бо царский сан держаше, а посту и молитве прилежаше, и по вся нощи бдяи сна мало приемля, и паки на молитву вставаше, и всегда благу подобу творяше...»; или вм. «... но все творите с повелением родитель своих» Софийской I летописи, в своде 1479 г.: «... все же творите с разсуждением, яко же достоин, и со вопрошением матери вашей»; вм. «огненные слезы изо очию испущаше» Софийской I летописи в своде 1479 г.: «... и слезы от очию яко быстрины речныя испущающе». Известие Софийской I летописи о том, что князь «... призва к себе княгиню свою...», составитель свода пополнил выражением «... бе бо и та в болезни...», а к сообщению о перенесении тела князя Дмитрия в церковь добавил: «... егда же бысть день четверток».

В Типографской летописи, восходящей к своду 1479 г.²⁰ и сокращавшей его, «Слово о житии» представлено также в сокращении. Это по существу краткая летописная запись, восходящая к рассказу свода 1479 г. В ней названы лишь день смерти великого князя, количество лет его царствования, сказано, в каком возрасте князь женился, сколько лет прожил с княгиней, какими уделами наделил своих сыновей. В отличие от рассмотренных выше текстов в «Слове о житии» Типографской летописи содержится запись о наделении великим князем только что родившегося князя Константина землями из уделов его братьев и передаче княгине «града Верии». По-видимому, эта запись основана на использовании ее составителем (уже вторично) Духовной грамоты Дмитрия Ивановича, которая, как скажем ниже, была одним из основных источников «Слова о житии».

В виде краткой летописной записи «Слово о житии» предстает и в Ермолинской летописи. Здесь перечисляются лишь наделы, оставляемые великим князем сыновьям (в несколько отличной от ранее рассмотренных текстов редакции) и говорится о «преставлении» сыновей Дмитрия — Ивана и Даниила.²¹

²⁰ См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 367; Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 457—458 — Типографская летопись издана в ПСРЛ, т. XXIV (Пгр., 1921). См также А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 235 и сл.

²¹ См. ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910. — О Ермолинской летописи см. А. А. Шахматов. 1) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод — ИОРЯС т. VIII, СПб., 1903, стр. 4 и т. IX. СПб., 1904, стр. 1; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 146—149, 368; Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 468—469; Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 157 и сл.; А. Н. Насонов. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 264 и сл.; 2) Московский свод 1479 г и Ермолинская летопись. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 218—222. — А. Н. Насонов в последней работе на основании сличения текстов Ермолинской летописи и свода 1479 г. приходит к выводу, что в части до 1425 г. в основании обоих сводов лежит общий источник, который Ермолинская летопись сократила.

Аналогичный Ермолинской летописи текст «Слова о житии» находится в Прилуцкой (свод 1497 г.) и Уваровской (свод 1518 г.) летописях.²² Сходство рассматриваемых текстов Прилуцкой и Уваровской летописей с Ермолинской объясняется тем, что эти летописи в пределах до 1417 г. передают текст, сходный с Ермолинской летописью.²³

Тот же самый краткий текст «Слова о житии» заключает в себе и летопись Львовская.²⁴ Однако после этой краткой записи отдельно, под заглавием «Плачь великия княгини Овдотии по великому князем Дмитрее Ивановича», в тексте Львовской летописи (Эттеровом списке) помещен отрывок (начинается словами: «Видевши же княгини его Овдотия. . .»), излагающий в некотором сокращении и с некоторыми перефразировками текст плача Евдокии и плача-похвалы автора, в редакции, восходящей к Софийской I летописи.²⁵ Вслед за словами, которыми обычно оканчивается произведение («. . . и благим и животворящим ти духом, ныне и присно и в веки веков, амин»), в этом тексте читается отрывок, взятый из первой части «Слова о житии», где дается характеристика великому князю: «Сей же князь велики Дмитрей Ивановичь неповинные любляше. . . многиа труды и победы по правоверной вере показа, якоже инь никтоже».²⁶ В плачь-похвалу автора Львовской летописи введено несколько выражений, заимствованных из Жития Александра Невского (плача автора по Александре): «Горе тебе, бедный человеки, како можеша написати кончину своего государя великого князя Дмитрея Ивановича? Како не испаде веници ти вкупе со слезами, како ли не разседя сердце твое от многие туги? Отца бо человек забудеть, а добра государя не можеть забыти, аще бы с ним во гроб влезл».²⁷

Сокращенную редакцию «Слова о житии» содержат в себе и так называемые Сокращенные летописные своды 1493 г. — Сокращенная Погодинская и 1495 г. — Сокращенная Мазуринская летописи.²⁸ Текст «Слова о житии» в обеих летописях сходен и содержит под 1389 г. следующие

²² Текст обеих летописей издан: ПСРЛ, т. XXVIII, М.—Л., 1963. Именован свод 1497 г. «Прилуцкой летописью» предложил Я. С. Лурье (Новые памятники русского летописания конца XV в. — История СССР, 1964, № 6, стр. 119).

²³ См.: А. Н. Насонов. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — Проблемы источниковедения, т. IV, М., 1955, стр. 251—252; 2) Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 252—255; К. Н. Сербина. 1) Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.). — Проблемы источниковедения, т. XI, М., 1963, стр. 391—428; 2) Летописный свод 1518 г. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР, вып. 5. М.—Л., 1963, стр. 587—608; Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в., стр. 125—131.

²⁴ ПСРЛ, т. XX, первая половина, СПб., 1910. Сходство кратких текстов «Слова о житии» в Львовской и Ермолинской летописях объясняется тем, что эти летописи имеют в основе общий оригинал (А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — ИОРЯС, 1904, кн. 1, стр. 379 и сл., 423).

²⁵ В печатном издании Н. А. Львова этот отрывок опущен (см.: ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. III—IV, 206—207). Отрывок мог попасть в текст Львовской летописи из Софийской II, так как по А. А. Шахматову (Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.; стр. 370) основным источником Львовской летописи был «свод, доведенный до 1518 г. и использовавший Софийскую II-ю л.».

²⁶ Этот текст содержится в печатном издании Н. А. Львова (см.: ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 209).

²⁷ ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 207; ср.: Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». М.—Л., 1965, стр. 177—178.

²⁸ ПСРЛ, т. XXVII. — Названия летописей предложены Я. С. Лурье в статье «Новые памятники русского летописания конца XV в.» (стр. 119). Сокращенные Погодинская и Мазуринская летописи представляют собой различные редакции одной летописи. Происхождение свода, лежащего в основе этих летописей, еще не выяснено (там же, стр. 119, 121; в статье Я. С. Лурье приведена и литература вопроса).

известия: разболевшийся князь великий Дмитрий созывает «свои руския князи и бояре» и «раздели детем своим городы»; он призывает сына своего Василия и дает ему княжение «на всей Московьской земли» раздает уделы и другим своим сыновьям. В отличие от рассмотренных выше вариантов сокращенных текстов «Слова о житии» здесь названы города Руза и Вышгород, переданные великим князем сыну Юрию (это соответствует и Духовной грамоте Дмитрия Ивановича). «Утвердив златопечатныя грамоты» и попросившись со всеми, князь умирает. Сообщаются день и час его смерти, число лет княжения и совместной жизни с княгиней; затем указывается, где князь был похоронен — в церкви архангела Михаила и что на погребении его был «гречин Феогност, митрополит трапизонской».

Подобный сокращенный текст «Слова о житии», за исключением нескольких разночтений, содержится в Архангелогородской летописи, что объясняется использованием составителем этой летописи в числе своих источников, как предполагается, свода, лежащего также в основе Сокращенных Погодинской и Мазуринской летописей.²⁹ Главное отличие его от Погодинской и Мазуринской летописей состоит в упоминании в нем двух городов на Белоозере — Каргополе и Карголоме, данных Дмитрием сыну Андрею; зато Руза, отданная Юрию, в нем не названа.

Находящийся в Хронографе 1512 г. текст «Слова о житии» также близок тексту Сокращенной Погодинской и Сокращенной Мазуринской летописей,³⁰ хотя он несколько сокращен и перефразирован; в то же время в нем имеются дополнения. Так, в тексте отсутствует фраза о том, что великий князь созывает князей и бояр и раздает «детем своим городы». Самые города названы, названы и Руза и Вышгород, однако то, что эти города давались с «волостями и с пошлинами», не сказано. Опушена и запись о том, что князь перед смертью прощался с князьями и своими близкими. В текст введены следующие дополнения — к сообщению о рождении князя Константина добавлено: «... и тому повеле дати Ръжеву, толко буде жив», а о городе Димитрове, данном Петру, сказано: «...его же създа князь велики Юрьи Владимеровичь на реце на Яхроме во имя сына своего Всеволода, ему же имя во святом крещении Димитрие в лето 6662».³¹

«Слово о житии» содержится также в Никоновской летописи и Степенной книге.

В Никоновской летописи «Слово о житии» значительно сокращено и носит заглавие: «Преставление великаго князя Дмитрея Ивановичя Московьскаго».³² В тексте отсутствует плач княгини и похвала с философскими размышлениями автора, опущена историческая часть — описания битв на Воже и Куликовом поле. Рассказ содержит лишь житийную характеристику князя, приводятся также последние наставления князя сыновьям, боярам, княгине. Составитель «Слова о житии» Никоновской

²⁹ См.: Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 3; Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в., стр. 119.

³⁰ Откуда попали эти известия в Хронограф 1512 г., пока не выяснено. Еще М. Д. Приселков предполагал, что русские известия Пахомиевой редакции Хронографа в пределах 1425—1441 гг. могли быть заменены в редакции Хронографа 1512 г. известиями более позднего летописного свода, чем Полихрон Фотия. (М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 148—149). Возможно, это относится и к известиям конца XIV в.

³¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, СПб., 1911, стр. 416. — В некоторых чтениях текст «Слова о житии» Хронографа 1512 г. сходен с записью под 1389 г. пространной редакции Новгородской Погодинской летописи.

³² ПСРЛ, т. 11, М., 1965, стр. 108.

летописи особое внимание уделит моменту раздела имения великого князя: рассказ Новгородской IV и Софийской I летописей о разделе имения между сыновьями Дмитрия он расширил вставкой из Духовной грамоты Дмитрия.³³

Текст «Слова о житии» в Остермановском томе Лицевого свода («Древнем летописце») ³⁴ также расширен по Духовной грамоте в части, где идет речь о разделе имения великого князя. Но в отличие от списков Никоновской летописи текст в «Древнем летописце» полный, он восходит к редакции Софийской I летописи.

В Степенной книге «Слово о житии» восходит к редакции Софийской I летописи, но представлено оно здесь не в виде отдельной статьи, а рассредоточено по отдельным главам Степенной книги.³⁵ Вводная часть «Слова о житии», где сообщается о рождении великого князя, его родителей, занимает в Степенной книге главу первую двенадцатой степени; историческая часть — главы шестую и седьмую, причем текст «Слова о житии» расширен здесь вставками из «Летописной повести о Куликовской битве». Остальная часть «Слова о житии» занимает в Степенной книге главы 10—13. Текст «Слова о житии» в ней изобилует риторическими добавлениями.³⁶

Итак, обзор списков «Слова о житии», дошедшего до нас в составе летописных сводов, показал, что «Слово о житии», переходя из летописи в летопись, постоянно претерпевало изменения. Эти изменения шли обычно по линии сокращения его первоначального текста в тесной связи с изменениями, которые претерпевали включавшие в себя «Слово о житии» летописные своды (например, Никоновская летопись, свод 1479 г., Типографская летопись сокращали свои источники). Из текста «Слова о житии» устранялись различные части: то опускалась часть историческая с описанием битв на Куликовом поле и Воже, то изымался плач Евдокии или плач-похвала автора или отбрасывались риторические распространения. Но составители сводов оставляли обычно нетронутым текст, повествующий о последних наставлениях великого князя и разделе имения между сыновьями (иногда только последний). Если в «Слове о житии» начиная с конца XV в. и делались какие-то добавления, то, как правило, они вносились (обычно из Духовной грамоты Дмитрия Донского) только в текст, относящийся к разделу княжеской «вотчины», уточняя или распространяя его (Типографская, Никоновская, Сокращенная Погодинская и Сокращенная Мазуринская летописи).

Рассмотренные нами поздние тексты «Слова о житии», давая представление о литературной жизни памятника во второй половине XV в.—XVII в., не включают в себе, однако, особых данных для выяс-

³³ Там же, стр. 114—116

³⁴ Там же, стр. 108—121 (БАН, 31.7.30). — В чтениях «Слово о житии» «Древнего летописца» иногда близко списку Царского Софийской I летописи, встречаются в нем также чтения свода 1479 г.

³⁵ ПСРЛ, т. XXI, вторая половина, СПб., 1913.

³⁶ В Московско-академическом списке Суздальской летописи XV в. (ПСРЛ, т. I, вып. 3, Л., 1928) во Владимирском летописце (ПСРЛ, т. XXX) и Тверском сборнике (ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863) — памятниках XVI в. — «Слово о житии» дошло лишь в кратких записях. В Московско-академическом списке Суздальской летописи сообщены лишь год, день и час смерти Дмитрия Донского. Во Владимирском летописце, происхождение которого еще не вполне выяснено (М. Н. Тихомиров. Летописные памятники 6. Синодального (Патриаршего) собрания. — Исторические записки, т. 13, М., 1942, стр. 261) под 1389 г. сообщается день смерти великого князя, число лет, им прожитых, и число лет его княжения; названы также имена его четырех сыновей. Тверской сборник под 1389 г. сообщает о смерти великого князя и благословении им на княжение сына Василия.

нения его происхождения. Вопросы определения источников «Слова о житии» и его датировки мы будем решать, основываясь на старейших его текстах, сохранившихся в Новгородской IV и Софийской I летописях.

* * *

Когда же было создано «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»?

Верхняя граница времени сложения памятника определена. «Слово о житии» уже входило в так называемый «свод 1448 года»: его заключают в себе все редакции Новгородской IV и Софийской I летописей. Какова же нижняя граница времени создания «Слова о житии»?

А. А. Шахматов относил «Слово о житии» к концу XIV в., полагая, что оно было составлено вскоре после кончины великого князя Дмитрия Ивановича лицом, присутствовавшим на его погребении.³⁷

К концу XIV в. относил «Слово о житии» и С. К. Шамбинаго, никак, впрочем, не объясняя мотивов своей датировки.³⁸

Взгляд на более позднее происхождение памятника впервые обоснованно был высказан В. П. Адриановой-Перетц в статье, специально посвященной «Слову о житии».³⁹ Исследуя стиль памятника, В. П. Адрианова-Перетц пришла к заключению, что литературные приемы его автора говорят «не о 1390-х годах, а уже о XV веке». Сходство литературных приемов автора «Слова о житии» с панегирическим стилем Епифания Премудрого позволило В. П. Адриановой-Перетц поставить вопрос о знакомстве автора «Слова о житии» с произведениями Епифания и отнести в связи с этим время создания «Слова о житии» не ранее чем к 1417—1418 гг. и даже к еще более позднему времени.⁴⁰ Внимание В. П. Адриановой-Перетц привлекла также прощальная речь Дмитрия Донского к сыновьям и боярам — имеющая в ней место политическая тенденция, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, могла быть отголоском обострившейся в 1432—1453 гг. борьбы «объединительных тенденций московских великих князей с притязаниями старой феодальной знати».⁴¹

Взгляд В. П. Адриановой-Перетц на датировку памятника XV в. был, однако, пересмотрен в последние годы А. В. Соловьевым.⁴² Полностью соглашаясь с В. П. Адриановой-Перетц в вопросе о стилистическом сходстве «Слова о житии» с произведениями Епифания Премудрого — житиями Стефана Пермского и Сергия Радонежского и похвальными

³⁷ Об этом, по мнению А. А. Шахматова, говорят подробности в описании последних моментов жизни князя и его погребения: автор «Слова о житии» пишет, что он «слышах, как мног народ глаголющ: „о горе нам, братье!“» (А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910 (отдельный оттиск из «Отчета о 12-м присуждении премий митрополита Макария»), стр. 119).

³⁸ С. К. Шамбинаго. Исторические повести. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 208.

³⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 91—92. — Датировка В. П. Адриановой-Перетц была принята Н. К. Гудзием (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 231).

⁴⁰ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 91.

⁴¹ Там же, стр. 91—92.

⁴² А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского». — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 85—106.

словами Сергию, А. В. Соловьев вместе с тем вернулся к старой точке зрения, утверждая, что «Слово о житии» было создано вскоре после смерти Дмитрия Донского лицом, присутствовавшим при его кончине.⁴³

Основанием для датировки «Слова о житии» концом XIV в. А. В. Соловьеву послужили слова памятника: «но токмо слышах мног народ глаголющ: о горе, нам, братье, князь княземь успе» и «предобрый господин», упоминание точных дат погребения, наличие в «Слове о житии» цитат из завещания Дмитрия Донского.⁴⁴ Все это, по мнению А. В. Соловьева, могло быть произнесено и записано только современником. В прощальной речи Дмитрия к боярам и сыновьям А. В. Соловьев увидел отражение реальной обстановки княжения Дмитрия Донского: смысл прощальной речи Дмитрия состоял в том, что, сказав несколько комплиментов боярам, поддерживавшим его правление, он требовал от них лишь верной службы детям. Такая речь, пришел к заключению А. В. Соловьев, могла быть сказана в 1389 г., но не выдумана в 1432—1453 гг. Стилистическое сходство «Слова о житии» с произведениями Епифания Премудрого, с одной стороны, и уверенность в том, что оно было сложено в 1393—1394 гг. — с другой, привело А. В. Соловьева к утверждению, что «Слово о житии» написано самим Епифанием Премудрым еще до создания им Жития Стефана Пермского.⁴⁵

Позволим себе высказать свои соображения по поводу создания «Слова о житии».

Как показало исследование летописных памятников XV в., нами еще не рассматривавшихся, «Слова о житии» не существовало ни в конце XIV, ни в начале XV в. В ряде летописей XV в., в частности, в Симеоновской летописи и в восходящем к ней Рогожском летописце,⁴⁶ под 1389 г. вместо «Слова о житии» находится текст, носящий название «О преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». Текст этот сообщает, что «В лето 6897, месяца майа в 19, на память святого мученика Патрекиа, на 5 недели по велице дни, в среду долго вечера, в час ноши, преставися благоверный и христоробивый и благородный князь великий Дмитрий Иванович Московский, в гроб положен бысть майа в 20, на память святого мученика Фалелеа, и певше над ним обычныя песни, положиша его в церкви святого архааггела Михаила, идеже есть гроб отца его и деда его и прадеда его, и плакаша над ним князи и бояре, и велможи, епископи, архимандриты и игумени, и попове, диаconi, и черноризци, и весь народ от мала и до велика, и несть такова, кто бы не плакал, и пения не слышати в мнозе плачи. Бе же ту гость, митрополит Тряпизонский Феогнаст гречин, и Данило владыка, и Сава, епископ Сарайский, и Сергей

⁴³ Там же, стр. 85—90. — А. В. Соловьев считает, что произведение было закончено в 1393 или 1394 г., вскоре после смерти Ивана (умер в 1393 г.). Князь Иван, сын Дмитрия Донского, в «Слове о житии» упомянут как уже умерший.

⁴⁴ А. В. Соловьев считает, что автор «Слова о житии» воспользовался записью завещания Дмитрия Донского, сделанной им при оглашении того завещания якобы во дворце, после смерти Дмитрия, и что завещание это могло быть интересно только пока сыновья Дмитрия были живы. «Трудно себе представить, — пишет А. В. Соловьев — чтобы через сорок или пятьдесят лет после 1432 г. автор стал бы разыскивать в великокняжеском архиве это завещание: вероятнее всего его бы не допустили в ризницу» (А. В. Соловьев, Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии...», стр. 90).

⁴⁵ Житие Стефана Пермского создано Епифанием Премудрым вскоре после его смерти (умер в 1396 г.); см.: С. А. Бугославский, Жития. — В кн.: История русской литературы, т II, ч. 1, стр. 236 — А. В. Соловьев прав, возражая В. П. Адриановой-Перетц, когда считает, что отсутствие в произведении имени Епифания Премудрого и ссылака на Дионисия Ареопажита еще не снимают вопроса авторства Епифания.

⁴⁶ Симеонская летопись или ее протограф была одним из источников Рогожского летописца (А. А. Шахматов, Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 312).

игумен, преподобный старецъ, инии мнози; разидошася вси, многа плача наполнившеся. Быше же князь великий был на княжении лет 27, а жил от рожества своего лет 40». ⁴⁷

Текст «О преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», по предположению А. А. Шахматова, попал в Симеоновскую летопись из Троицкой или тождественной с ней летописи (свода 1409 г.), в пределах с 1177 по 1390 г. являвшейся источником Симеоновской. ⁴⁸ Каково отношение «Слова о житии» к рассматриваемому тексту?

Как мы только что видели, текст Симеоновской летописи представляет собой сравнительно краткую запись, последовательно излагающую данные о времени кончины великого князя Дмитрия Ивановича, месте его погребения, его возрасте к моменту кончины и количестве лет его княжения. Называются лица духовного звания, присутствующие на погребении, сообщается о горе его приближенных и всего народа. Интересно отметить, что эта запись, за исключением, может быть, нескольких слов, полностью повторена в «Слове о житии» в различных местах первой исторической части его текста. В тех же выражениях, что и в Симеоновской летописи, в «Слове о житии» сообщается о кончине великого князя: «преставися благоверный и христоробивый благородный великий князь Дмитрий Ивановичъ всея Руси (в Симеоновской летописи «Московский»), мая в 19, на память святого мученика Патрика за 5 недиль по велице дни, в среду, долго вечера в 2-й (в Симеоновской летописи «в час») час ноши». Сходно описываются и похороны князя: «и принесеше его в церковь святого арггела Михаила, идеже есть гроб отца его и деда его и прадеда», «и певше над ним обычное надгробное пение» (в Симеоновской летописи «обычные песни»), «и положиша его в гроб месяца майа в 20-й день на память святого мученика Фалелея», «и плакаша над ним князи, бояре, велможе, епископы, архимадриты, игумены, попове, дьякони, чернорисци и всь народ (в списках Г, Т Новгородской IV летописи) от мала и до велика, и несть такова, кто бы не плакася и пения не слышитъся в мнозе плаче. Бе же ту гость, митрополит Тряпизонской Феогнаст Гречин и Данило владыка Смоленской, и Сава епископ Сараский, Сергей игумен преподобный старецъ, инии мнози; разидошася, многа плача наполнившеся». ⁴⁹ Известие же Симеоновской летописи о том, что на княжении великий князь был 27 лет, а от рождения ему 40 лет, находим в «Слове о житии» в тексте речи князя к боярам: «... землю рускую дръжах 20 лет и 7, а от рожения ми 40 лет». ⁵⁰

Может быть, приведенную запись Симеоновской летописи следует рассматривать как сокращение пространного рассказа о житии Дмитрия Новгородской IV и Софийской I летописей? Однако этому противоречит следующее. Сообщение Симеоновской летописи представляет собой не только композиционно стройную, как уже говорилось, запись о «преставлении» великого князя Дмитрия Ивановича. Сообщение это написано в той же стилистической манере, которая характерна для других частей Симеоновской (и Троицкой) летописи. Так, под 1340 г. читаем: «В лето 6848 преставися князь великий Московский Иван Даниловичъ... месяца марта 31, на память святого отца Стефана чудотворца, а в гроб положен

⁴⁷ ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 138. — В Рогожском летописце вм. «в час ноши» — «два часа ноши», вм. «обычные песни» — «обычные надгробные пения», вм. «московский» — «всяя Руси» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, М., 1965, стлб. 156).

⁴⁸ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. — ИОРЯС, т. V, СПб., 1900, стр. 553.

⁴⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 358, 360.

⁵⁰ Там же, стр. 357.

бысть месяца апреля в 1, на память преподобных Марии Египетския, в церкви святого Михаила... и плакашася над ним князи, бояре, велможи... игумени, попове, дьякони, черньци и черници, и вси народи... поюще над ним надгробныя песни, и разидошася плачуще, наполнишася великия печали и плача...».⁵¹ Под 1354 г.: «В лето 6862 преставися преосвященный Феогност, митрополит всеа Русии... месяца марта в 11, на память святого отца Софрония, а в гробе положен бысть марта в 13, на память святого отца Никифора, и бысть на провожании его владыка володимерский, епископ Алексей, и епископ волынский Афанасий, и епископ коломенский Афанасий, и вси игумени, и попове, и диаконы, и черньци, и весь народ московский; и положиша и в церкви святых Богородица на Москве, близ гроба Петра митрополита».⁵² Под 1355 г. «В лето 6863... преставися князь Костянтин Васильевич Суздальский месяца ноября в 21 на Введение святых богородица... и положен бысть в церкви святого Спаса... а княжил лет 15...».⁵³ Под 1359 г.: «В лето 6867, месяца ноября в 13, на память святого отца Иоанна Златоустаго, преставися благоверный князь великий Иван Иванович Московский... и положен бысть... в церкви святого Михаила, а княжил лет 6».⁵⁴ Под 1383 г.: «В лето 6891... месяца июля в 5 день в неделю, на память святого отца Еуламъпада, в 6 час дни преставися... князь великий Дмитрий Костянтинович... и положен бысть... в церкви каменной в святом Спасе, на правой стороне подле отца своего... и подле брата своего, ... быв на великом княжении два лета, а в своей отчине также на великом княжении 19 лет, а жив от рожества своего всех 61».⁵⁵

На основании приведенных примеров, свидетельствующих о том, что известия о смерти великих князей или духовных лиц и в других местах Симеоновской (и Троицкой) летописи повторяются в тех же формулировках и в той же последовательности, что и в нашей записи, можно сделать заключение, что эта запись сложилась внутри свода 1409 г.

В то же время в записи Симеоновской летописи нет никаких посторонних включений, идущих как от самого пространного рассказа о житии, так и от его источников. Трудно вообразить себе такой процесс сокращения первоначального пространного текста, при котором не осталось бы и следа использованных в нем литературных источников, а выделенный текст был бы переделан в стиле записей «о преставлении» лиц княжеского и духовного звания. Естественнее представить себе обратный процесс творчества: составляя пространный рассказ о житии великого князя Дмитрия Ивановича, автор его использовал летописно-документальные данные о «преставлении» князя, которые легли в основу повествования. Но цель составителя жития была рассказать не столько о смерти, сколько о жизни великого князя, которого он стремился прославить.

Поэтому он обратился к целому ряду литературных источников, одни из которых дали ему дополнительные факты, другие послужили образцом для создания «украшенного рассказа». Краткие данные Троицкой летописи существенно пополнились новыми сведениями о детских годах великого князя, его бракосочетании, его воинских подвигах и т. п., а некоторые выражения этой летописной записи были несколько изменены, подчиняясь включившему их в себя тексту. Так, сухое, документальное выражение Троицкой летописи «положиша его в церкви» в «Слове о жи-

⁵¹ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 93.

⁵² Там же, стр. 98.

⁵³ Там же, стр. 99.

⁵⁴ Там же, стр. 100.

⁵⁵ Там же, стр. 134—135.

тии», где события — смерть, похороны князя — не только констатировались, но главным образом описывались, было заменено выражением «и принесше его в церковь». Краткое заглавие Троицкой летописи «О преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» получило новое оформление и теперь звучало: «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго».

Таким образом, запись Симеоновской летописи мы признаем записью летописи Троицкой и считаем, что эта запись была той основой, на которой впоследствии возникло «Слово о житии».

Установленная связь «Слова о житии» со сводом 1409 г. в отрывке «о преставлении» князя Дмитрия Ивановича наводит на мысль, не явилась ли и другая запись этого же свода под 1378 г. — о битве на Воже — также источником «Слова о житии». В обоих памятниках в этом эпизоде имеются совпадения:

Рассказ о битве на Воже
свода 1409 г.

Мамай, събрав воя многы,
и посла Бегича...

Се же слышав князь
... Дмитрий... събрав воя
многы и поиде... и срето-
шася с Татары у реки у
Вожи... Татарове тако
и побегоша

Дмитрей възвратися... на
Москву с победою великою...

... и поможе бог князю...
Дмитрею... и посрамлены
быша окаянии половци...

«Слово о житии»

И посла... Мамай
... Бегича с великою силою...

Се же слышав князь
Дмитрий поиде... с
многою силою... и сътупися
с погаными... на реце Вожи...
инья же побегоша...

... и возвратися Дмитрий
с великою победою...

... и поможе бог... князю
Дмитрию, а поганыя Агаряны
посрамлены быша...

Сравнение обоих текстов позволяет считать наше предположение достаточно вероятным.

Итак, до 1409 г. «Слова о житии» в летописании еще не существовало. Имелась всего лишь краткая летописная запись «о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», носящая информационный характер. Такой вывод делает точку зрения А. В. Соловьева на время возникновения памятника маловероятной, точка зрения В. П. Адриановой-Перетц, считающей, что «Слово о житии» создано под влиянием произведений Епифания Премудрого и, следовательно, не ранее 1418 г.,⁵⁶ представляется более правильной. И текстологические, и стилистические наблюдения, таким образом, позволяют отнести памятник к концу первой четверти XV в. Но существуют еще обстоятельства, которые позволяют отодвинуть «Слово о житии» еще к более позднему времени.

⁵⁶ В этом году или несколько позже Епифанием Премудрым было написано отра-
зившееся в «Слове о житии» Житие Сергия Радонежского (см.: В. П. Зубов Епифа-
ний Премудрый и Пахомий Серб. (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонеж-
ского». — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 145). К 1418 г. приурочивает А. С. Бо-
рисевич и «Похвальное слово Сергию» (см. канд. дисс. А. С. Борисевича «Памятники
Московской литературы XIV—нач. XV в. (1326—1418), 1951 г. в ГБЛ, шифр

ДК $\frac{52-10}{108}$). За сообщенные сведения благодарю О. Ф. Коновалову. Епифаний Пре-
мудрый умер около 1420 г. (см.: О. А. Белоброва. О некоторых изображениях
Епифания Премудрого и их литературных источниках. — ТОДРА, т. XXII, М.—Л.,
1966, стр. 95).

* * *

Если С. К. Шамбинаго полагал, что на «Слово о житии» в значительной степени повлияла Повесть об Александре Невском⁵⁷ и «никоим образом» не «Летописная повесть» о Куликовской битве,⁵⁸ то А. А. Шахматов, напротив, считал, что последняя была единственным источником исторической части памятника.⁵⁹

Далеко не все приводимые А. А. Шахматовым параллели в настоящий момент могут быть приняты. Исследование текстов «Летописной повести» о Куликовской битве показало, что ряд перекликающихся со «Словом о житии» выражений, которые А. А. Шахматов считал принадлежащими первоначальному варианту «Летописной повести», на самом деле оказались позднейшими заимствованиями из «Слова о житии»: ⁶⁰ они появились на поздних этапах истории текста «Летописной повести» и отсутствовали в ее старших текстах. Приведем лишь бесспорные параллели, которые, по мнению А. А. Шахматова, говорят о влиянии «Летописной повести» на «Слово о житии»: и в том и в другом произведении великий князь, узнав, что на него идет Мамай, обращается с молитвой к богородице (в «Летописной повести» и к богу), прося заступничества. В этой молитве в «Слове о житии» использован тот же псалом (LXXVIII, 10), который в «Летописной повести» содержится в молитве великого князя, произносимой им несколько позже.⁶¹ И в том и в другом памятнике Мамай сравнивается со Святополком, а Дмитрий с Ярославом. Влиянием «Летописной повести» объяснял А. А. Шахматов и появление в «Слове о житии» выражения «И въсприим Аврамлю доблесть» (в «Летописной повести»: «... и въсприим Аврамлю доблесть») паремийного чтения о Борисе и Глебе⁶² произведения, которое было одним из источников «Летописной повести».

В. П. Адрианова-Перетц пришла к заключению, что «Слово о житии» пользовалось и самостоятельно источниками «Летописной повести» — паремийным чтением о Борисе и Глебе и Повестью об Александре.⁶³ Помимо упоминавшегося выше чтения «И въсприим Аврамлю доблесть», имеющегося и в «Летописной повести», к паремийному чтению о Борисе и Глебе⁶⁴ восходят в «Слове о житии» следующие выражения и детали в картине Куликовской битвы: Дмитрий «пойде... на ... Святополка... и съступишася» (в паремийном чтении: «Ярослав... пойде на Святопълка... и съступишася»); воины «сечахуся, за руки емлющеся; по

⁵⁷ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 66.

⁵⁸ С. К. Шамбинаго. Исторические повести, стр. 210.

⁵⁹ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище», стр. 119—120.

⁶⁰ Например, выражения: «Дон река потече кровью», «главы татарьскы аки камене валяшеся» (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 351, 354; ср.: А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго, «Повести о Мамаевом побоище», стр. 120—121.

⁶¹ В «Слове о житии»: «... да... ни ркутъ поганин: где есть бог их, на него же уповаша?» (ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 353—354); в «Летописной повести»: «... да не ркутъ невернии: где есть бог их?» (ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, Пгр., 1915, стр. 315).

⁶² Имеющиеся в «Слове о житии» сходные с паремийным чтением о Борисе и Глебе выражения объяснялись А. А. Шахматовым как попавшие в «Слово о житии» из предположенного им (ошибочно) первоначального варианта «Летописной повести» (А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище», стр. 119—120).

⁶³ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 75 и сл.

⁶⁴ Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. — Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Пгр., 1916, стр. 117—120.

удольям кров течаху» (в паремийном чтении: «... за руки ся емлюще сецаху, и по удолием кровь тѣчаше»); «мнози... достовернии видяху аггелы... помогающа» (в паремийном чтении: «мнози вернии видяху ангелы помогающа...»); «блеснушася оружия» (в паремийном чтении: блистахуся оружия»); упоминание дождя и молнии в виде сравнения (в паремийном чтении: упоминание дождя и молнии как действительной непогоды, ссылака на бегство Мамая — Святополка).⁶⁵ Эти детали, совпадающие в «Слове о житии» и паремийном чтении о Борисе и Глебе, в «Летописной повести» о Куликовской битве отсутствуют.

К Повести об Александре, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, восходят в «Слове о житии» места, где рассказывается о том, как прославился великий князь за пределами своего государства: «... от восток и до запад хвално имя его; от моря и до моря, от рек до конца вселенныя превознесся честь его...» (ср. в Повести об Александре: «И нача слыти имя Александрово по всем странам, и до моря Хуожьскаго, и до гор Аравитьских, и об ону страну моря Варяжьскаго, и до самого Рима»); «И умножися слава имени его...» (ср. в Повести об Александре: об Александре говорят, что нет такого «ни в царех цесаря, ни в князех князя»); «многы страны ужасошася» при имени Дмитрия (в Повести об Александре: Александр — «грозный князь», «грозен... приход его»)⁶⁶.

В исторической части «Слова о житии» совпадающими с Повестью об Александре оказываются следующие выражения: «... лепо есть нам, братие, положити главы своя за правоверную веру крестьяньскую...», — обращается Дмитрий к своим князьям и вельможам; «... ныне приспе время положити главы своя за тя», — говорят «мужи» Александру перед битвой. Выражение «Слова о житии» «якоже прежде Моисии Амалика победив», по-видимому, также возникло под влиянием соответствующего места Повести об Александре. Александр обращается к богу и произносит: «Помози ми, господи, якоже древле Моисиеви на Амалика».

Переключку отдельных выражений «Слова о житии» с Повестью об Александре В. П. Адрианова-Перетц видит и в его последней части при изображении скорби по умершем князе: «солнце помрачается» (в Повести об Александре: «заиде солнце земли суждальской»); «земля трясащеся» (в Повести об Александре: «бысть же плач велии... якоже несть бывало, токмо земли трястися»); то был «день погибели» (в Повести об Александре: «... мнозии вопиаху... уже погыбаем»)⁶⁷.

К несомненным отголоскам «Летописной повести» в «Слове о житии» В. П. Адрианова-Перетц отнесла эпизод в начале похвалы Дмитрию Донскому, представляющий сокращение плача побежденного Мамая из

⁶⁵ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 77—78. — Чтение «Дон река... главы аки камене...» ошибочно считалось А. А. Шахматовым (Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго..., стр. 120—121) принадлежащим старшему тексту «Летописной повести» о Куликовской битве (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 350—351).

⁶⁶ Цитаты из «Слова о житии» приводятся по Новгородской IV летописи, цитаты из Повести об Александре Невском — по изданию «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», где, по мнению Ю. К. Бегунова, сохранился текст, к которому была наиболее близка Повесть об Александре «свода 1448 года» (об этом Ю. К. Бегунов пишет в подготавливаемой им для печати статье «Житие Александра Невского в Новгородской литературе XV в.»). Напомним, что «Слово о житии» уже находилось в «своде 1448 года» и потому влияния редакции Повести об Александре Софийской I летописи (откуда приводятся цитаты в статье из ТОДРЛ, т. V), отличавшейся от редакции «свода 1448 года», на «Слово о житии» быть не могло: первая редакция Софийской I летописи датируется временем после 1448 и до 1462 г. (см.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов, стр. 213).

⁶⁷ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 77—78.

«Летописной повести», восходившей в свою очередь к апокрифическому «Слову на Рождество Христово о пришествии волхвов». ⁶⁸ Но А. В. Соловьев справедливо заметил, что этот эпизод «Слова о житии» в некоторых чтениях текстуально ближе к тексту самого «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов», чем к «Летописной повести», и что, по-видимому, автор «Слова о житии» непосредственно обращался к «Слову на Рождество Христово». ⁶⁹

Итак, «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Слово о житии» имеют целый ряд параллелей. И «Летописная повесть», и «Слово о житии» пользовались одними и теми же источниками — Летописным сводом 1409 г. (Троицкой летописью), Повестью об Александре Невском, паремийным чтением о Борисе и Глебе, «Словом на Рождество Христово о пришествии волхвов». ⁷⁰ Такое совпадение в выборе источников не могло быть случайным, о связи обоих произведений говорит особенно такой, казалось бы не имеющий непосредственного отношения к описанным событиям их источник, как «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов». Есть основания предполагать, что «Летописная повесть» о Куликовской битве действительно предшествовала «Слову о житии» и оказала на него влияние. Так, например, извлечение в «Слове о житии» из «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов» столь незначительно и к тому же настолько растворено в риторическом пассаже самого памятника, что узнать этот источник без указания «Летописной повести» практически невозможно. В то же время «Летописная повесть» о Куликовской битве извлекла из «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов», помимо интересующего нас отрывка, еще целый ряд значительных фрагментов, по которым этот источник узнается без труда. ⁷¹ И «Слово о житии», воспользовавшись указанием «Летописной повести», могло самостоятельно к нему обратиться. Кроме того, в «Летописной повести» несколько раз упоминается выражение «съветники». ⁷² В «Слове о житии», где речь идет о «наваживании» Мамаю на князя Дмитрия, наговорщиками также называются некие «лукавые съветники», «иже крестьяньскую веру дръжаху, а поганых дела творяху». Кто они такие — из контекста не ясно. Между тем в «Летописной повести» «съветники» Мамай — лица вполне определенные. Это князь литовский Ягайло, князь Олег Рязанский, которого за обманные действия по отношению к Дмитрию Донскому автор именует «лукавым сыном», «поборником бесерменским». Таким

⁶⁸ Там же, стр. 87—88. — Отголоски «Летописной повести» в «Слове о житии» В. П. Адрианова-Перетц находила и в описании Куликовской битвы. Однако, как уже говорилось выше (стр. 95), некоторые сходные чтения в рассказе о Куликовской битве появляются в «Летописной повести» лишь на поздних этапах ее истории.

⁶⁹ А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии...», стр. 101—102. Может быть, к «Слову на Рождество Христово о пришествии волхвов» восходит и чтение «Слова о житии»: «слыши небо, внуши земли! Како въспвшу ти...»; ср. «слыши небо и внуши земле! О земле, воспившая древяле за кровь Авеля» (И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, стр. 163).

⁷⁰ Об источниках «Летописной повести» см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 364—369.

⁷¹ Сопоставление «Летописной повести» со «Словом на Рождество Христово о пришествии волхвов» сделано В. П. Адриановой-Перетц (см.: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 87—88).

⁷² См.: 1) «...также с Мамаем вкупе... литовский Ягайло... с ними же в одиначестве Олег Иванович, князь Рязанский; с всеми сими светники поиде на великого князя Дмитрия Ивановича...»; 2) Мамай «ожидаше своего нечестивого съветника (список А) литовскаго»; 3) «...рече Мамай: ... станемь у Дону противу князя Дмитрия, доколе приспее к нам съветник наш Ягайло...» (разрядка наша, — М. С.) (ПСРА, т. IV, ч. I, вып. 1, стр. 311, 314, 316—317).

образом, и этот пример, на наш взгляд, говорит за то, что к моменту сложения «Слова о житии» «Летописная повесть», по-видимому, уже существовала.

Итак, в результате сказанного с определенностью можно говорить об одном: связь между обоими памятниками несомненна. Поразительное сходство между целым рядом мест в «Слове о житии» и «Летописной повести» о Куликовской битве, описывающих одно и то же событие и имеющих героем одно и то же лицо, заимствования, сделанные авторами обоих произведений из одних и тех же источников и, что особенно важно, их одинаковая миграция в системе летописания — все это свидетельствует о том, что «Слово о житии» вышло из той же писательской «лаборатории», что и «Летописная повесть» о Куликовской битве. При этом мысль А. А. Шахматова о том, что «Летописная повесть» все же предшествовала «Слову о житии», кажется нам очень вероятной.

Но, если это так, то следует считать, что «Слово о житии» было сложено не ранее конца 40-х годов XV в., так как «Летописная повесть» о Куликовской битве, как показало исследование памятника, была создана в эти годы.⁷³ Заключает ли в себе «Слово о житии» данные такого рода, которые бы позволили отнести этот памятник, так же как и «Летописную повесть» о Куликовской битве, именно к 40-м годам XV в.? Напомним, какова была историческая обстановка на Руси в это время.

40-е годы XVI в. — это годы разразившейся в северо-восточной Руси феодальной войны, начавшейся еще в конце 30-х годов XV в. За великокняжеский престол боролись внук и сын Дмитрия Донского — Василий II и Юрий Дмитриевич. Свои притязания на престол последний основывал, опираясь главным образом на текст духовного завещания Дмитрия Донского, истолковывая его в свою пользу.⁷⁴ Спор был решен в пользу Василия II, но суд в Орде не прекратил усобицы. Столкновения продолжались. Василий II дважды терял Москву, дважды в ней водворялся Юрий. С 1434 г., со смертью Юрия, борьбу за великое княжение продолжил сын Юрия — Василий Косой, а затем его брат — Дмитрий Шемяка. Борьба с Шемякой, падающая в основном на вторую половину 40-х годов, носила особо острый и напряженный характер. Распри с Шемякой ослабляли силы для борьбы с внешней опасностью. Крайне сложна была международная обстановка. В борьбу вмешались татарские князья. Их участвовавшие набеги приводили к разграблению и опустошению русских земель. С Запада надвигалась литовская опасность. Папская курия сделала попытку подчинить русскую церковь своему влиянию, но натолкнулась на решительное сопротивление московского правительства: подписавший во Флоренции соборное решение о соединении церквей митрополит Исидор был низложен. Сторонники Василия II обвиняли Шемяку в том, что он во время пленения великого князя в 1445 г. вел переговоры с татарами о передаче ему великого княжения.⁷⁵ В 1446 г. Шемяка овладел Москвой. Захваченный им великий князь Василий II был ослеплен и вместе с женой сослан в Углич. Сюда же отправил Дмитрий Шемяка и малолетних сыновей Василия II, которых обманом он сумел вывезти из Муромы. Только в начале 1447 г. Василий II, поддерживаемый своими многочисленными сторонниками, вновь возвратился в Москву и сел на

⁷³ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 372—376.

⁷⁴ В Духовной грамоте Дмитрия Донского говорится следующее: «А по грехом отъимет бог сына моего, князя Василья (Дмитриевича), а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел...» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., стр. 35). Василий I во время написания завещания еще не был женат и не имел наследников.

⁷⁵ ПСРЛ, т. XXV, стр. 263.

великокняжеский стол. Шемяка некоторое время еще продолжал заводить крамолы, пытаясь возбудить нерасположение к Василию II, но его действия уже не могли поколебать крепнущую московскую великокняжескую власть.⁷⁶

Такова была обстановка в стране в 40-х годах XV в. Обратимся к памятнику.

В центре внимания «Слова о житии» — князь Дмитрий Донской. Если отвлечься от житийно-панегирической характеристики великого князя Дмитрия, тесно переплетающейся в «Слове о житии» с характеристикой его как правителя, перед нами предстает человек мужественный в бранях и умеющий разумно и с любовью управлять своими подданными. Дмитрий — внук князя Ивана Даниловича, «сѣбрателя Руской земли», после смерти брата Ивана остался «един в области великого княжения». Взяв «скипетр дрѣжавный земли Руския» в свои руки, Дмитрий «мужеством держаше» «стражбу земли Руской» «ратным... всегда в бранех страшен бываше». На борьбу с Мамаем он призывает всех «вельмож» своих и «вся князя Руския земля, суца под властию его», которые готовы жизнь свою положить и кровь свою пролить ради великого князя. Многие страны, прослышав о победах Дмитрия, «под ногу его поклонишася». «В области своей» великий князь Дмитрий «князя руския... крепляше», он «к свету правя подвластныя» и «всяко смятение мирское исправляше» и «раскольници... и мятежници царства его погибоша». Великий князь «отчину свою дѣржаше лет 29 и 6 месяц, и многыя труды показа и победы по правоверной вере, яко никто же ин». К «вельможам своим» он был всегда «тих и уветлив в наряде», «никого не оскорбляше, но всех равно любляше».

В исторической части произведения привлекают к себе внимание отрывки, в одном из которых описывается раздел умирающим князем своей вотчины между сыновьями, в другом повествуется о последних наставлениях великого князя сыновьям и боярам. Эти места «Слова о житии», по-видимому, имели значение для современников, так как при сокращении памятника с переходом его из свода в свод они, как уже говорилось, обычно оставались нетронутыми переписчиками.⁷⁷

Первый отрывок безусловно имеет своим источником Духовное завещание Дмитрия Донского:

Духовная грамота
Дмитрия Донского⁷⁸

«Слово о житии»⁷⁹

А сына своего, князя Василья благословляю на старший путь... в городе и в стане моего удела двою жеребьев половина, а трем сыном моим половина, и в пошлинах городских половина.

А се даю сыну своему князю Василью... со всеми пошлинами... А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем.

А се даю сыну своему, князю Юрью, Звенигород со всеми волостми... и со всеми пошлинами... А сына своего

И призвав сына своего... князя Василья, старейшии путь предать в руке его, великое княжение, я же есть стол отца его и деда и прадеда с всеми пошлинами, и дал есть ему отчину свою Рускую землю. И раздавал же есть комуждо сыном своим, и города свои в отчину им предать по чясти, на чем им княжити и жити по жребью раздели им землю.

Второму сыну своему, князю Юрью, дал есть Звенигород с всеми волостьми и с всеми пошлинами, также и Галич,

⁷⁶ Там же, стр. 263—267. — Завершение феодальной войны наступило в 1453 г., со смертью Дмитрия Шемяки.

⁷⁷ Первый отрывок иногда распространялся за счет добавлений из Духовной грамоты Дмитрия Донского.

⁷⁸ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., стр. 33—34 (№ 12).

⁷⁹ Новгородская IV летопись: ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 357—358.

благословляю, князя Юрья, своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми... и со всеми пошлинами.

А се даю сыну своему, князю Андрею, Можаск... А сына своего, князя Андрея, благословляю куплею же деда своего, Белым озером, со всеми волостми.

А се даю сыну своему, князю Петру, Дмитров, со всеми волостми... и со всеми пошлинами... А сына своего, князя Петра, благословляю куплею же своего деда, Угличем полем...

я же николи же бывало княжение Галичское с всеми волостми и с всеми пошлинами.

Третьему же сыну своему, князю Андрею, дал есть город Можаск, да другой город Белоозеро и с всеми пошлинами, се же Белоозеро неколи бывало княжение Белоозерское (в списке Н: белоозерское не бывало княжение николи же).

Четвертому же сыну своему, князю Петру, дал есть город Дмитров, с всеми волостми и с всеми пошлинами.

«Слово о житии», как видно из приведенных отрывков, довольно точно передает текст своего источника, поэтому обращает на себя внимание фраза «яже есть стол отца его и деда и прадеда» (выделена в тексте разрядкой), отсутствующая в Духовной грамоте. Так ли она случайна в произведении? Ведь именно ссылкой как на наследство, полученное отца и деда, отстоял в Орде Василий II свое право на великое княжение.⁸⁰

«Мир и любов межи собою имейте», — обращается великий князь Дмитрий к своим сыновьям. «Обяжите себе заповеди моя на шию свою и въскладите словеса моя в сердца ваше, аще ли не послушаете родителей своих, помяните писаное: клятва отча дом раздруть и матерне въздыхание до конца искоренить. Аще ли послушаете, долголетни будете на земли, ... и умножится слава дому вашего, врази ваши падуть под ногами вашими, иноплеменици побегнуть от лица вашего и обличится земли вашей тягота, и умножатся нивы ваша обильем... Все творите повеленьем родителя своего».⁸¹ Случайно ли автор «Слова о житии» вложил в уста своего героя такие слова?

В действительности, умирая, Дмитрий, конечно, мог дать напутствие своим сыновьям, но вряд ли сделал он это в такой форме, в какой предлагает нам его автор «Слова о житии». В словах, произносимых князем, чувствуется подтекст, как-будто какие-то распри должны были произойти.

И не потому ли автору «Слова о житии» понадобилось приписывать эти слова о необходимости мира и любви Дмитрию Донскому, чтобы напомнить о том, что «клятва отча» была-таки нарушена, «дом» разрушен, «нивы» опустошены, а «иноплеменици» и «врази» по-прежнему беспокоили Русь.

Все только что сказанное и дальнейшие наблюдения над текстом «Слова о житии» убеждают нас, что «Слово о житии» и «Летописная повесть» о Куликовской битве — произведения одного и того же времени. Оба произведения укладываются в одно русло, поднимая круг одних и тех же вопросов и тем — о борьбе с внешними врагами Русской земли

⁸⁰ Московский летописный свод под 1432 г.: «Князь великий по отечеству и по дедьству (разрядка наша, — М. С.) искаше стола своего, князь же Юрьи летописци старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрея. — ПСРЛ, т. XXV, стр. 249. Интересы Василия II в Орде, за малолетством великого князя, отстаивал его боярин Иван Всеволожский (см.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, М.—Л., 1948, стр. 104).

⁸¹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 357.

и о борьбе с опасностью изнутри. Но если «Летописная повесть» выступала в защиту объединения русских сил главным образом против опасности внешней — против нашествия татар и Литвы, «Слово о житии» должно было обратить внимание читателей на угрозу бедствия внутри страны.

В «Слове о житии», в напутствии Дмитрия Донского сыновьям, имеется такая фраза: «... бояре своя любите, честь им достойную въздавающеи противу служения их, без воля их ничто же творите». С длинной речью обращается князь Дмитрий к своим боярам: Вы «ведаете обычай мой и нрав, пред вами родихся и при вас възрастох, с вами царствовал и землю Русскую держал ... и мужествовах с вами на многы страны, и противным страшен бых в бранех, и поганья низложих божиею помощью, враги покорих, княжение укрепих и мир и тишину земли створих, отчину свою с вами съблюдох еже ми предал бог и родители мои; к вам чест и любовь имех, под вами град дръжах и волости великиа, и чада ваша любих, и никому же не сътворих зла, ни силно что отъях, ни досадих, ни укорих, ни разграбих, ни бециньствовах, но всех любих и всех в чести дръжах, и веселихся с вами, с вами же и оскорбих, вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей; ныне же помяните словеса своя, еже рекосте ко мне в время свое: длъжни есми тебе служа и детем твоим главы своя положити. Укрепите истинною, послужите княгини моей и чадом моим от всего сердца своего; в время радости повеселитесь с ними, в время скорби не оставите их. Бог же мира да будет с вами».⁸²

По поводу этой речи князя Дмитрия к боярам В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Подчеркивание уважительного отношения к боярам-князьям великого князя является, быть может, отголоском обострившейся борьбу объединительных тенденций московских великих князей с притязаниями старой феодальной знати», которая «усилилась в 1432 г. и закончилась в 1453 г.». В слова Дмитрия, обращенные к наследникам, «без воли» бояр «ничто же творите» «вложена защита старых феодальных прав», «авторитетом победителя Мамаю прикрывается здесь защита старого порядка».⁸³

А. В. Соловьев, возражая В. П. Адриановой-Перетц, заметил, что идеология «Слова о житии» не может рассматриваться как выражение феодальных притязаний боярства в усобице 1432—1453 гг. по той причине, что позиция московского боярства в феодальной войне 30—40-х годов «не была однородной: верхушка его примкнула к удельно-княжескому блоку, но часть служилого боярства... поддерживала великого князя Василия II».⁸⁴

Нам представляется, что В. П. Адрианова-Перетц была права, отмечая в данном отрывке «пробоярскую» направленность, но и прав возражающий ей А. В. Соловьев, отмечающий возможность рассматривать идеологию «Слова о житии» как выражение феодальных притязаний боярства. Раздробленность среди московского боярства во время феодальной войны второй четверти XV в. в большой степени влияла на ее ход. Верхушка боярства вступала в связь с удельнокняжеской оппозицией. Так, изменил Василию II и бежал в Тверь, к сопернику великого князя, его боярин Иван Всеволожский, совсем недавно еще с блеском отстоявший в Орде для Василия II великокняжеский титул. Несколько позже видим его уже у врага Василия II — Юрия Дмитриевича, подгова-

⁸² ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 357.

⁸³ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 91—92.

⁸⁴ А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии...», стр. 87.

ривающего последнего «на великое княжение».⁸⁵ После битвы 1445 г. под Суздалем многие московские феодалы, в том числе бояре, недовольные протатарской, по их мнению, политикой Василия II, переходили на сторону Дмитрия Шемяки.⁸⁶ И в то же время для Василия II явилась неоценимой та помощь, которую оказали ему его приверженцы, в том числе и бояре, в период его заточения в Угличе, а потом при освобождении Москвы. Так, боярин Василия II Федор Басенок, отказавшись от служения Шемяке, бежал в Литву и оттуда развернул усиленную борьбу против Дмитрия Шемяки.⁸⁷ Известны имена бояр Ивана Ощеры, Юшко Драницы, Семена Филимонова, Русалки, Руно и «иных детей боярских», участвовавших в заговоре с целью освобождения Василия II из заточения. Верным слугой великого князя оказался и боярин Михаил Плещеев, помогший Василию II в 1446 г. в овладении Москвой.

«Пробоярскую» направленность разбираемого отрывка «Слова о житии», как нам представляется, надо воспринимать не как «политическую тенденцию, состоящую в защите притязаний старой феодальной знати», а скорее всего как обращение в трудные минуты жизни за поддержкой. В критическом положении, в котором находился во второй половине 40-х годов Василий II, желание привлечь к себе боярскую группировку было естественно. Именно потому в речи Дмитрия так подчеркивается любовное отношение его к боярам: «Вы же не нарекоетесь у меня бояре, но князи земли моей». И в надежде получить за свою постоянную доброту к ним отплату, он просит своих бояр «послужить» его «княгине и чадом» и, что как нельзя более соответствовало моменту, когда писалось произведение, просит «во время скорби» не оставить их. «Ныне, — напоминает он им, — помяните словеса своя, еже рекосте ко мне во время свое: дѣлжи есми тебе служа и детям твоим главы своя положити». Детей же своих он просит бояр «любить, честь им достойную воздавать», «противу служения их, без воли их ничего не творить».

«Ты же столп нечестья раздрушил еси в Руской земли и не примеси себе к безумным странам на христианскую погибель», — обращается к князю Дмитрию в конце похвалы автор «Слова о житии». Что имел он в виду, говоря о «столпе нечестья», якобы разрушенном Дмитрием, не вполне ясно,⁸⁸ но к Василию II это обращение имело отношение самое

⁸⁵ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 103—104.

⁸⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма, ч. II, стр. 263.

⁸⁷ ПСРЛ, т. XXV, стр. 266; см.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в., стр. 162.

⁸⁸ В конце XIV в. вопрос об унии между греческой и римской церковью поднимался. Правда, это было уже не при Дмитрии Донском, а в 90-х годах XIV в., вскоре после его смерти. Великий князь литовский Ягайло, став в 1386 г. польским королем и мечтавший соединить православное население Литвы с католическим населением Литвы и Польши в церковный союз посредством унии с папой, обратился к константинопольскому патриарху о созвании собора для устройства соединения церквей (Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, М., 1900, стр. 338). В этом его поддерживал московский митрополит (с 1390 г.) Киприан, ранее поставленный на митрополию в Киеве (бывшем под властью Литвы) (там же). Известно отношение к Киприану Дмитрия Донского, который после смерти митрополита Алексея не хотел принимать этого ставленника греческой церкви и несколько раз отказывался от его кандидатуры. Может быть, в своем желании упомянуть о событиях, несомненно важных в политической и церковной жизни Руси 40-х годов — действиях Василия II и русской церкви по отношению к подписавшему флорентийскую унию митрополиту Исидору, — автор «Слова о житии», подразумевая под «столпом нечестья» тот стговор, который существовал в конце XIV в. об унии с римской церковью, сознательно, за давностью лет, приписал его «раздрушение» Дмитрию Донскому: тот, с чьим именем в 90-х годах XIV в. был связан этот стговор — митрополит Киприан — был в 80-х годах выдворен Дмитрием Донским из пределов Московской Руси.

прямое. Отказ Василия II и русской церкви признать Флорентийскую унию означал провал политики западноевропейских католических государств — включить Русское государство в сферу своего влияния.

Как нам представляется, отголосок событий 40-х годов XV в. прослеживается и на ряде других деталей «Слова о житии». Так, не случайно, думается, только в двух случаях из трех в нем упомянуты города, названные Дмитрием Донским в «духовной» «куплями деда». Своего сына Юрия Дмитрий в Духовной грамоте благословляет Галичем, Галич имеется и в «Слове о житии»; сына Андрея — Белым озером, городом, который в «Слове о житии» также упомянут. Но Угличе поле (т. е. Углич), которым Дмитрий Донской благословил сына своего Петра, в «Слове о житии» отсутствует. Петр, согласно «духовной», получает лишь московский удел Дмитров. Между тем в 30-е и особенно в 40-е годы XV в. в политической жизни страны Углич сыграл свою роль. Пожалованный в 1434 г. Василием II Дмитрию Шемяке,⁸⁹ он с той поры становится местом, с которым у великого князя Василия II было связано немало черных дней. Враждая с Шемякой, Василий II не раз прибирал Углич к рукам, но Шемяка опять возвращался сюда. Особо трагичные дни, связанные для Василия II с Угличем, падают на годы после проигранной им в 1445 г. битвы с татарами. В Угличе договаривался Дмитрий Шемяка с татарами о передаче ему великого княжения.⁹⁰ Боясь отщепенца возвратившегося в Москву великого князя, Шемяка в Угличе собрал своих вооруженных сторонников, и тогда, по выражению историка г. Углича, «Углич сделался как бы второй столицей России».⁹¹ Сюда, в Углич, в 1446 г. был сослан ослепленный Шемякой великий князь Василий II вместе с женой и детьми.

Может быть, сложная судьба Углича в 30—40-х годах привела к тому, что автор «Слова о житии» не воспринимал его как часть владений Дмитровского князя Петра. Возможно и другое: Углич не был назван как удел Петра, так как Василий II сам передал его Шемяке.⁹²

Итак, в «Слове о житии», как это было и в «Летописной повести» о Куликовской битве, мы можем предполагать некий подтекст: Дмитрий Донской, видимо, и в «Слове о житии» ассоциировался в глазах современников с Василием II.⁹³ В ситуации, возникшей в 40-х годах XV в., обращенные к Дмитрию Донскому слова «Умоли убо, святе, непрестанно о роде своем и за вся люди, сущая в области царства твоего», думается, звучали достаточно выразительно.

⁸⁹ См.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, стр. 117.

⁹⁰ ПСРЛ, т. VIII, стр. 113.

⁹¹ Ф. Киссель. История города Углича. Ярославль, 1844, стр. 160.

⁹² В «Слове о житии» упоминание о наделении Дмитрием Донским сына Юрия Галичем — «князю Юрию дал также и Галич» — сопровождается авторским замечанием «яже николи же бывало княжение Галичское» (Новгородская IV летопись; в списке *Н* первой редакции этой летописи «яже николи не бывало княжение Галичское»). При упоминании о наделении Андрея Дмитриевича городом Белоозеро замечено: «се же Белоозеро неколи бывало княжение Белоозерское» (Новгородская IV летопись; в списке *Н* первой редакции этой летописи: «белоозерское не бывало княжение николи же»). Это подчеркивание роли Галича и Белоозера имело, по-видимому, определенное значение в обстановке междоусобной борьбы середины XV в. Особенно это относится к Галичу — удельному княжеству, на которое опирался главный противник Василия II — Дмитрий Шемяка.

⁹³ Можно было бы предположить, что «Слово о житии» отражает борьбу 40-х годов не с точки зрения Василия II, а с точки зрения Дмитрия Шемяки (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 376), но в этом случае в «Слове о житии» вряд ли была бы употреблена формула «стол отца его и деда и прадеда».

«Летописная повесть» о Куликовской битве возникла, как представляется, после 1445 г., в наиболее напряженный момент борьбы Василия II с Дмитрием Шемякой.⁹⁴ «Слово о житии» было создано в то же время или, как предполагалось выше, в годы, непосредственно следующие за временем создания «Летописной повести».

Автор «Слова о житии» ставил перед собой определенную публицистическую задачу — в форме рассказа о деде Василия II прославить его внука, своего современника.

Для того чтобы осуществить порядок в стране и быть готовым к борьбе с внешними врагами, со стороны великокняжеской власти необходимы были разумные и смелые действия. Потому-то автор «Слова о житии» и изобразил Дмитрия Донского «мужеством» держащего «стражбу Русской земли», крепившего «князя руския в области своей», «всяко смятение мирское» исправлявшего. Только поэтому великий князь Дмитрий мог сказать, что он свое «княжение укрепих и мир и тишину земли створих» и все «расколници и мятежници» в его «царстве» «погибоша». «Цари и князи — научитесь тако творити» — ставит в пример Дмитрия автор «Слова о житии». В произведении Дмитрий Донской именуется «великим царем», «господарем всей земли Руской».

Так «Слово о житии» подобно «Летописной повести» становится понятным в обстановке исторических событий 40-х годов XV в. Дед обоих соперников — Василия II и Дмитрия Шемяки — был той политической фигурой, к которой естественно было обратиться в ходе ожесточенной борьбы за великокняжеский стол.

⁹⁴ М. А. Салмина, «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 375.

Ю. К. БЕГУНОВ

Повесть о втором браке Василия III

В середине 20-х годов XVI в. русское общество взволновал развод царя Василия III с Соломонией Юрьевной Сабуровой, ее насильственное пострижение, скоропалительная (через два месяца) женитьба царя на княжне Елене Васильевне Глинской. «Развод и вторичный брак великого князя, — говорится в «Очерках по истории СССР», — сразу же подняли множество острых политических и нравственных вопросов. Прежде всего поступок Василия III был вызовом традициям и церковным установлениям. Вставал, следовательно, вопрос о пределах власти „государя всея Руси“, о том, что сильнее — эта власть или вековой обычай, утвержденный церковью».¹ Среди произведений, посвященных этим событиям, хорошо известна «Выпись из государевой грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу, о сочетании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради» старца Ксиропотамского монастыря Паисия.² Существует мнение, разделяемое большинством исследователей, что «Выпись» составлена в 1546—1547 гг.³ из трех разновременных произведений — «Послания четырех патриархов», «Писания» серба Паисия, «Послания Святые горы инока» прота Гавриила. Другой памятник — «Повесть о втором браке Василия III», открытый М. Н. Сперанским и опубликованный М. Н. Тихомировым около 40 лет тому назад,⁴ мало изучался специально: кроме М. Н. Тихомирова, ее содержания касались А. Н. Насонов и А. А. Зимин в связи с исследованием московского лето-

¹ Очерки по истории СССР. Период феодализма. Конец XV—начало XVI в. М., 1955, стр. 110—111.

² Изд. текста: ЧОИДР, 1847, № 8 (заседание 29 марта 1847 г.), «Смесь», стр. 1—8 (Публикация О. М. Бодянского). Исследования: М. Н. Тихомиров. 1) К вопросу о Выписи о втором браке царя Василия III. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. СОЛЯС АН СССР, т. 101, № 3, Л., 1928, стр. 91—94; 2) Иван Грозный и Сербия. — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, 1945, вып. 1, стр. 4—6; 3) Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVI в. — В кн.: Славянский сборник. М., 1947, стр. 192—193.

³ С. О. Шмидт. О времени составления Выписки о втором браке Василия III. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967, стр. 110—122. — Имеются и другие мнения. Так, Н. А. Казакова датирует «Выпись» 60-ми годами XVI в. (Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 68—71). А. А. Зимин считает, что этот памятник написан в 90-е годы XVI в., однако в нем использованы материалы, современные событиям.

⁴ М. Н. Тихомиров. Новый памятник Московской политической литературы XVI в. — В кн.: Московский край в его прошлом, ч. 2. М., 1930, стр. 112—114. — В публикации было выпущено более 1/5 текста, при передаче текста наблюдаются неточности.

писания 20-х годов XVI в.,⁵ а также Н. А. Казакова в связи с исследованием взглядов «нестяжателей» и Вассиана Патрикеева.⁶

«Повесть о втором браке Василия III» не упоминается в академических и общих курсах по древнерусской литературе, ее текст отсутствует и в хрестоматиях по древнерусской литературе Н. К. Гудзия и А. Стендер-Петерсена. Между тем повесть заслуживает изучения не только как исторический источник, но и как литературный памятник.

Многое до сих пор остается неясным: не выяснена история текста повести, обстоятельства ее возникновения, неизвестно имя ее автора, отсутствует полное и критическое издание текста повести по всем спискам. В настоящем исследовании используются три списка «Повести»: 1) полный текст — в составе летописных записей 1518—1526 гг. под 1526 г. (ГБЛ, Музейное собрание, № 3841, лл. 284—288, в условном обозначении — *М*); 2) начальная часть (менее $\frac{1}{2}$ всего текста) под заглавием «О пострижении благоверных великия княгини Соломаниды» — в составе Синодального списка Типографской летописи (ГИМ, собрание Синодальной библиотеки, № 789, лл. 316 об.—317, в условном обозначении — *Т*); 3) заключительная часть (около $\frac{1}{2}$ всего текста) под заглавием «Совокупление второго брака» в сборнике последней четверти XVII в. (Ярославский Государственный историко-художественный музей — заповедник, собр. рукописей, № 526/157, лл. 258—261, в условном обозначении — *Я*). Каждый из этих списков мы называем видом «Повести».

Список *М* сохранился в составе помещенного после доведенной до 1380 г. Софийской I летописи небольшого летописца Пафнутиева Боровского монастыря 1518—1526 гг.⁷

М. Н. Тихомиров даже предположительно назвал имя его составителя — монах Иннокентий, ученик Пафнутия Боровского.⁸ А. Н. Насонов считал, что составитель рассказа «О пострижении великия княгини Соломаниды» (первая часть повести) работал в митрополичьей канцелярии и что митрополит Даниил передал этот рассказ новгородскому архиепископу Макарию, чтобы тот включил этот рассказ в летопись.⁹ А. А. Зимин высказывает предположение, не был ли автором рассказа сам архиепископ Макарий, который в марте 1526 г. был призван Даниилом и имел с ним беседу.¹⁰

А. Н. Насонов и А. А. Зимин имеют здесь в виду не всю «Повесть о втором браке Василия III», а только первую ее часть — рассказ о пострижении Соломаниды, и совершенно не касаются второй. А. Н. Насонов воспроизвел текст первого рассказа по списку *М* и параллельно при-

⁵ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — Проблемы источниковедения, т. VI, М., 1958, стр. 248—249; А. А. Зимин. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI в. М., 1960, стр. 13.

⁶ Н. Н. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 72.

⁷ М. Н. Тихомиров. 1) Новый памятник Московской политической литературы XVI в., стр. 107—108; 2) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 136; А. Н. Насонов. Летописный свод XV века (по двум спискам). — В кн.: Материалы по истории СССР, вып. 2, М., 1955, стр. 277—279;

⁸ М. Н. Тихомиров. Новый памятник Московской политической литературы XVI в., стр. 107.

⁹ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 248—249. — Если Макарию действительно было поручено вставить этот рассказ в летопись, то он этого не сделал: в новгородском своде, составленном по повелению Макария около 1533 г., повести о втором браке нет. Ср.: А. А. Зимин. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI в., стр. 13, издание текста: Русский временник, ч. I—II. СПб., 1820; ср.: ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1403 (Летопись Дубровского).

¹⁰ А. А. Зимин. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI в., стр. 17.

вел тот же текст из Типографской летописи.¹¹ М. Н. Тихомиров не рассматривал две части повести как единое целое и не отделил повесть от других известных летописца 1518—1526 гг.

Мнение о том, что «Повесть о втором браке Василия III» не составляет единого целого, казалось бы, подтверждается нахождением пространного рассказа о пострижении Соломонида (под 1526 г.) в Синодальном списке Типографской летописи (Т).¹² А. Н. Насонов назвал этот рассказ «в летописной литературе уникальным» и полагал, что он был включен в протограф Типографской летописи из другой летописи, чьи черновые записи сохранены в списке М.¹³ Синодальный список Типографской летописи, несомненно близко стоящий к протографу, составлялся, по мнению А. А. Шахматова, после 1536 г.,¹⁴ а по мнению А. Н. Насонова — в 1528—1536 гг., причем интересующая нас часть летописи под 1526 г., вероятно, была написана не ранее 1528 г. и не позднее 1530 г., так как после рассказа «О пострижении благоверных великия княгини Соломонида» следуют известия 1526, 1527 и 1528 гг., написанные одной и той же рукой, далее известия 1530 и 1534 гг. дописаны позднее второй и третьей рукой.¹⁵ Не закончив переписывать первую часть повести, троицкий монах (летопись переписывалась и дополнялась в Троице-Сергиевом монастыре)¹⁶ оставил чистое место, чтобы продолжить рассказ, однако вместо этого он позднее записал следующее краткое известие: «В лето 7034. Съвокупися князь велики Василей Ивановичь всея Руси второму браку, месяца февраля 21, в неделю Фарисееву, и поня дщерь князю Васильева Львовичя князю Елену».¹⁷

Мы полагаем, что составитель протографа Типографской летописи имел в своих руках полный текст повести (как в списке М), но включил в летопись только начальную ее часть, так как вторая часть повести, безоговорочно оправдывающая поступки самодержца, не устраивала его своей направленностью: так краткое, сдержанное известие встало на место пространного рассказа о женитьбе царя на Елене Глинской.

В ростовском по происхождению сборнике последней четверти XVII в. (Я) нам удалось найти заключительную часть повести в окружении выписок из известий Софийской II летописи второй редакции, содержащих повесть об Александре Невском (под 1240 г.) и повесть о «побоище на Скарнице с рязаньцы» (под 1371 г.).¹⁸ Весьма вероятно, что и рассказ, озаглавленный «В лето 7034. Совокупление второго брака», был списан ростовчанином из какого-то летописного свода XVI в.

Итак, все три вида — Пафнутиев Боровский или Волоколамский, Троицкий или Угличский и Ростовский — казалось бы, позволяют предположить, что «Повесть о втором браке Василия III» первоначально нахо-

¹¹ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 249—250, примеч. 28.

¹² Ср.: Типографская летопись. — ПСРЛ, т. XXIV, Пгр., 1921, стр. 222—223.

¹³ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 248.

¹⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 299—300.

¹⁵ См.: ПСРЛ, т. XXIV, стр. 223—224.

¹⁶ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 249. — А. А. Шахматов полагал, что летопись составлялась в Угличе (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 299).

¹⁷ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 223.

¹⁸ Описание этой рукописи см.: В. В. Лукьянов. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1958, стр. 125—126.

дилась в полном виде в составе какого-то летописного свода 20—30-х годов XVI в. Однако мы, во-первых, не склонны считать эту повесть специально написанной для летописи, во-вторых, не думаем, что летописные записи монаха Пафнутиева Боровского монастыря 1518—1526 гг. — это как раз те самые «черновые записи», которые вышли из митрополичьей канцелярии и были непосредственно использованы составителем протографа Типографской летописи. Приведем наши аргументы.

Повесть отсутствует в больших летописных сводах XVI в. — Софийской II, Воскресенской, Вологодско-Пермской, Львовской, Холмогорской, Никоновской, Псковской I летописях, в Степенной книге и др.¹⁹

В повести преобладают обычные для повествовательной прозы пространные ссылки на тексты Священного писания и библейские параллели. Стиль повести заметно отличается и от стиля кратких погодных записей летописца Пафнутиева Боровского монастыря и Типографской летописи. Словосочетания «В лето 7034» и «Того же лета», так же как и второй заголовок, искусственно разбивающий повесть на две части, принадлежат не автору повести, а тому книжнику, который приспособлял текст повести для летописи.

Вероятно, повесть вообще не была написана для летописи и не имела деления на две части. Рукописи сохранили нам два подзаголовка двух частей повести. Так как деление повести на две части, по нашему убеждению, является позднейшим и искусственным, мы предполагаем, что первоначально эти два подзаголовка составляли заголовок всей повести. Последний, может быть, читался так: «О пострижении великия княгини Соломаниды и о совокуплении второго брака великого князя Василия Ивановича всея Руси».

В пользу исконного единства двух частей свидетельствует и единство их темы и единый стиль повествования.

Переписчика списка *М* нельзя отождествить с автором повести, так как в *М* содержится далеко не авторский текст повести, а текст, имеющий опiski и искажения смысла. В этом отношении интересны некоторые разночтения списка *Я*, дающие старшие чтения. Например, «рачителя закону» (*Я*) вм. «разителя закону» (*М*); «о разлучении подружия своего» (*Я*) вм. «о разлучении подруга си» (*М*), — здесь речь идет о Соломониде, в *Я* «подружия» — женский род, а в *М* «подруг» — мужской род; во фразе «Пресвященный же Данил митрополит и благоверныа князи Георгий и Андрей с великим предлежанием начат молити государя» (*М*) — слово «предлежанием», т. е. «расположением», «настроением»,²⁰ здесь находится не на месте: первоначальным было чтение «прилежанием» (*Я*), т. е. «вниманием», «усердием»,²¹ что соответствует контексту; «божественным писанием» (*Я*) вм. «божественома писанием» (*М*) — присутствие двойственной формы здесь ничем не оправдано; во фразе «одивство всячески государя доброзрачно зрети, когда в браде» (*М*) опущено последнее слово «безчестие» (имеющееся в *Я*), без которого смысл фразы не ясен; в *М* усечена цитата из книги Иисуса Навина (V, 14) — без усеченной части смысл фразы недостаточно ясен: «Наш ли еси или от супостат наших?» (*Я*); в *М* пропущено слово «дарования» (имеется в *Я*) во фразе «понеже обоа дарования дарова ей бог: благообразна и

¹⁹ См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 346—354, 370—371; ср.: А. А. Зимин. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI в., стр. 14, 18, 20.

²⁰ Срезневский, Материалы, т. II, столб. 1635.

²¹ Там же, столб. 1420—1421.

разумична»; «великою княгинею Оленою» (*Я*) вм. «великою княгинею Еленою» (*М*); «жене моей Олене» — так писал Василий III в своих письмах к ней.²² Мы предполагаем, что чтение «Оленою» было первоначальным.

В ряде случаев список *Я* содержит искажения и пропуски, которые не позволяют допустить, что список *Я* близко стоит к авторскому тексту. Например, «потребления вечнаго» (*Я*) вм. «потребления венецнаго» (*М*) — речь здесь идет о разводе Василия III с первой супругой; в *М* содержится более первоначальное чтение «аще ведят хитросно, еже плавати», соответствующее чтению из 13-го «слова» Аввы Дорофея — «аще ведят хитрость, еже плавати» — ср. «аще умеют плавать» (*Я*); во фразе «Георгий и Андрей Ивановичи часто посещение имеа к нему, и о сем понемало въспоминаху ему» (*М*) первоначальное «понемало» заменено «помалу» (*Я*), что находится в противоречии с контекстом; во фразе «и житию святых отецъ в конецъ и известно доктор» (*М*) последнее сложное слово, кстати отсутствующее у Срезневского и соответствующее, вероятно, по значению словам «глубокий знаток», читается так: «и звездотоктур» (*Я*), что не находится в соответствии с контекстом; в *Я* опущены две фразы, в которых приводилось мнение «поселян» и «невеглас», осуждающих Василия III за то, что он остриг волосы и сбрил бороду в знак своей скорби, и вместе с тем сохранены следующие фразы, опровергающие это мнение.

В обоих списках неверно названа дата 28 января; на самом деле обряд торжественного бракосочетания царя с Еленой Глинской совершился 21 января 1526 г.²³

Такое расхождение в датах могло явиться либо результатом «порчи текста» при переписке, либо повторением ошибки, которая уже находилась в авторском тексте; если последнее предположение верно, то тогда остается только удивляться неосведомленности автора, столь непростительной для представителя митрополичьей канцелярии.

Список *Т* не был простой копией списка *М*: его разночтения нельзя объяснить только исходя из индивидуальной манеры писца (см. Приложение, варианты к изданному тексту №№ 2, 3, 18—19, 24, 25). Очевидно, протограф списка *Т* вместе со списком *М* восходили к какому-то общему тексту, близкому, но не тождественному архетипу. А этот «общий текст» вместе с протографом списка *Я* уже восходили к архетипу непосредственно.

Взаимоотношение списков повести графически можно было бы представить в виде схемы (см. стр. 110).

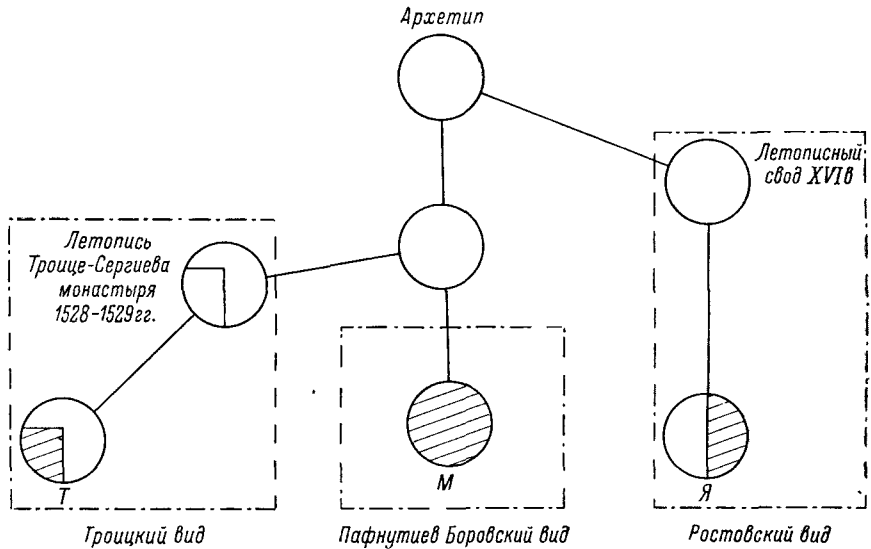
Повесть, вероятно, написана вскоре после известных событий конца 1525—начала 1526 гг., но до 1528—1530 гг. В пользу этого предположения свидетельствуют даты списков *Т* и *М*, в которых авторский текст уже претерпел некоторые изменения в процессе переписки. Возникновение самой повести предположительно следует отнести к 1526—1528 гг., когда в русском обществе между сторонниками и противниками второго брака царя шли страстные споры, о которых знали в Молдавии и Валахии, на Афоне и в Константинополе, в Антиохии и Иерусалиме, на Синае и

²² Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 753—754.

²³ АИ, т. I, № 173; Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. XIII, первая половина, СПб., 1904, стр. 45; Воскресенская летопись. — ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 271; Кирилло-белозерский летописец 80-х годов XVI в. — А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. ИА, т. V, М., 1950, стр. 29. — Разрядная книга сохранила запись о лицах, присутствовавших при бракосочетании царя с Еленой Глинской 21 января 1526 г. (см.: БАН, 21.10.25, л. 2).

в Александрии. Повесть, несомненно, написал убежденный сторонник второго брака Василия III, поставивший перед собой задачу обелить все поступки царя.

Во-первых, автор повести хотел доказать, что Соломония приняла постриг добровольно, что Василий Иванович, как истинный христианин, долго не соглашался на развод и не хотел слышать просьб Соломонии,

что царь в конце концов вынужден был уступить многократным уговорам самого митрополита и вельмож. На самом деле Соломония Сабурова всячески сопротивлялась разводу и постригу. По преданию, дворецкий царя И. Ю. Шигона-Поджогин, чтобы принудить царицу принять постриг, ударил ее плетью во время торжественной церемонии пострижения в церкви девичьего Рождественского монастыря, «что за пушечными избами».²⁴

Вряд ли повесть написана в среде, близкой к князьям Глинским, так как в Летописце 1527 г., вышедшем из окружения Глинских, повести о втором браке не содержится (ЦГАДА, ф. 201, № 46).

По поводу первой части повести («О пострижении...») Н. А. Казакова замечает, что «иосифляне отнюдь не оправдывали, а скорее стыдились поступка митрополита и великого князя».²⁵ Однако из текста повести этого не следует: отнюдь не из-за стыдливости иосифляне фальсифицировали известные всем исторические факты, ими руководил политический расчет.

Во-вторых, автор повести хотел доказать, что после развода царь находился в унынии и скорби, не помышлял жениться во второй раз, что Василий Иванович долго не хотел слушать своих братьев, поместных князей, бояр, митрополита Даниила, советовавших государю жениться во второй раз, но в конце концов уступил уговорам приближенных, взявших его грех на себя и доказавших царю, что второй брак не противен Священному писанию.

²⁴ См.: Записки о Московии барона Герберштейна. С латинского базельского изд. 1566 г. перевел И. Анонимов. СПб., 1866, стр. 42; ср.: Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные. — РИБ, т. XXXI, СПб., 1914, столб. 162—163.

²⁵ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 22.

Из других источников известно, что «государь учинил отъезд в Александровское село свое для кручины своей, а мысляще день и ночь; и велел быти у себя государь во Александровой слободе Досифею, епископу Сарскому и Подонскому, да с ним архимариту Ионе Михайлова чюда на согласие».²⁶ Тем самым подтверждается известие повести о том, что Василий III болезненно пережил пострижение Соломонии 28 ноября 1526 г.²⁷ Правда, «Выпись» связывает начало кручины государя с получением им послания четырех вселенских патриархов, в котором резко осуждается развод царя с первой женой и его намерение вступить во второй брак, «чадородия ради». В повести ничего об этом не говорится, более того, дело представлено так, будто бы у царя не было и в помине желания вступить в брак и что оно появилось значительно позже, под влиянием настоячивых уговоров митрополита и приближенных. Однако на самом деле мысль развестись с Соломонией и жениться на другой, вероятно, зародилась задолго до ноября, уже осенью 1525 г.²⁸

Согласно автору «Повести», братья царя — великие князья Юрий Дмитриевский и Андрей Старицкий, исполненные благородных побуждений, много раз с «великим предлежанием» молили царя оставить свои сетования и жениться во второй раз, «да не запустеет царство».

Однако на самом деле, несмотря на договор о вечной дружбе, заключенный по воле отца, между братьями установились явно враждебные отношения. Юрий Дмитриевский с нетерпением ждал смерти своего бездетного старшего брата, чтобы занять российский престол. Василий Иванович явно не хотел мириться с таким положением вещей: «Кому по мне царьствовати на Руской земли и во всех градах моих и пределех? — вопрошал царь своих бояр. — Братья ли дам? Ино братья своих уделов не умеють устраивати».²⁹ В конце 20-х годов XVI в. оба брата открыто выступили против Василия Ивановича, причем Юрий захватил Рязань, а Андрей — Белоозеро.³⁰ Позднее, в 1536 и 1539 гг. Юрий и Андрей погибли в заточении после неудачных попыток захватить власть.³¹

Что же касается встреч между митрополитом Даниилом и царем, то они действительно имели место, но до отъезда Василия Ивановича в Александрову слободу: «И о сем многожды схожение было государю с митрополитом о таком превеликом деле и предивном», — говорится в «Выписи».³² Митрополит Даниил безоговорочно поддерживал царя и по «Выписи» соглашался взять его грех на себя «и со всем вселенским собором благословили творити ему».³³

В-третьих, автор повести хотел доказать, что выбор знатной невесты — княжны Елены Васильевны Глинской — был сделан не царем, а боярами и одобрен священным собором во главе с митрополитом Даниилом. Однако на самом деле у царя уже была на примете невеста из

²⁶ ЧОИДР, 1847, № 8, отд. IV, стр. 5.

²⁷ Софийская II летопись. — ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 264.

²⁸ «И начаша бояре говорити: „Князь де великий государь, неплодную смоковницу посекають и измешут из винограда“. И повеле ю постричи в черницы». (А. Н. Насонов. Псковские летописи, вып. I, М.—Л., 1941, стр. 103; ПСРЛ, т. VI, стр. 30).

²⁹ А. Н. Насонов. Псковские летописи, вып. I, стр. 102—103.

³⁰ См.: Акты Литовско-Русского государства, изданные М. Довнар-Запольским, вып. I (1390—1529 гг.). М., 1899, стр. 240.

³¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 286, 292, 294—295; ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 114—115, 117—118; ПСРЛ, т. VI, стр. 301—302.

³² ЧОИДР, 1847, № 8, стр. 5. — Позднее (до 1539 г.), видимо, оправдываясь перед своей паствой, митрополит Даниил публично осудил вторые браки в специальном поучении, озаглавленном «О втором браке совокупления» (см.: В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 261, 529—533).

³³ Там же.

знатного рода Глинских, им руководил далекий и трезвый политический расчет.³⁴

В-четвертых, автор повести хотел опровергнуть ряд частных слухов и толков, распространяемых «невегласами и от поселян», о том, что государю не подобает сбривать бороду и остригать все волосы на голове. Это известие повести уникально. М. Н. Тихомиров полагал, что здесь «речь шла о каком-нибудь сочинении, направленном против великого князя».

Первоначальная совокупность событий, положенных в основу повести (развод царя, отъезд в Александрову слободу, вторичная женитьба), преобразована в ней под углом вполне определенной авторской «концепции действительности», и эта концепция, как видим, значительно отличается от реальной действительности. Автор этого законченного художественного произведения отбирает и распределяет отдельные факты таким образом, чтобы у читателя не осталось никаких сомнений в правоте великого князя, а торжество героя в финале (бракосочетание с Еленой Глинской!) — окончательно доказывало бы его правоту. Однако к искомой цели автор подводит читателя не сразу, а постепенно, используя элементы описания не только для наглядности и убеждения читателя, но и для художественного обоснования авторского отношения к предмету рассказа, т. е. его «концепции действительности». Острота и напряженность в развитии действия нарастают постепенно: кроткая и самоотверженная Соломонида, понимая что не может преодолеть свое бесплодие и подарить наследника российского престола, напрасно умоляет верного супруга постричь ее в монахини, напрасны и моления митрополита и вельмож. Верный муж, знаток законов и Священного писания, сторонник нерасторжимости браков, все же уступает уговорам и соглашается на развод. Казалось бы, здесь читателя повести поджидает развязка. Однако напряженность обстановки отнюдь не спадает, развязки не происходит, напротив, напряженность достигает кульминации в сцене скорби и уныния, которые охватывают вдовствующего Василия III, разлученного с любимой женой. Опять бесконечные уговоры вельмож, братьев, митрополита... Однако читатель уже не смеет надеяться на близкую развязку, ожидая нового поворота событий. И тут случается неожиданное: Василий Иванович с помощью текстов Священного писания сам убеждает себя вступить во второй брак. Мудрые изречения Аввы Дорофея, апостола Павла и Евангелия сыграли свою роль. Поиски невесты увенчались успехом, и вот уже самодержец венчается с новой избранницей с согласия всего священного собора и митрополита Даниила.

Повесть несомненно сыграла свою роль в оправдании поступков Василия III в глазах тех, кто был способен понять необходимость выступления против канонических установлений церкви с целью укрепления самодержавия в противовес удельной знати. Повесть написана человеком, начитанным в Священном писании, в патристической и юридической литературе того времени, который умел подбирать нужные цитаты, например из библейских книг, из Апостола, из Книги поучений Аввы Дорофея (пересказ «слова» «О еже без смущения и благодарне терпети искушение, поучение третье на десять»), из Новелл императора Юстиниана и Кормчей книги (статья «О острижении брады и о растящих власы и красящихся ими»). Автор повести принадлежит к числу приближенных к царю и мирополиту людей. Возможно, он был вместе с великим князем в Александровой слободе, так как сообщает немало подробностей о том, что сделал и как выглядел Василий Иванович в то время. В таком случае

³⁴ Записки о Московии барона Герберштейна, стр. 43, 164.

им мог бы быть и Досифей Забило, епископ Сарский и Подонский (1508—1544 гг.) и Иона Собина архимандрит Чудовского монастыря (1510-ые—1544 гг.). Им мог быть и кто-нибудь из братьев Топорковых, «братанчей» Иосифа Волоцкого, — Досифей, известный изограф и писатель³⁵ или Вассиан, епископ Коломенский, (1525—1542 гг.), составивший письмо к вселенским патриархам «о разлучении первого брака и второго совокупления заради чадородия»,³⁶ в последние годы жизни Василия III Вассиан Топорков играл видную роль в управлении государством.³⁷

С «Повестью о втором браке Василия III» перекликается сочинение неизвестного автора «Слово похвальное великому князю Василию».³⁸

Последнее представляет собою придворно-политический панегирик великому князю и его новорожденному наследнику Ивану-Смарагду, будущему государю Ивану IV. Рассказав о рождении и крещении венценосного младенца, «Слово похвальное» отмечает всеобщую радость и ликование по поводу этого события, лелеет успокоительную мысль о продолжении царского рода. Коснувшись династического вопроса, автор называет Василия III «царем царь», «истовый всему народу о благочестии твердый поборник», с благоговением упоминает его многие пышные титулы и прозвания (напр.: «русский белый царь» и др.).

В «Слове похвальном», так же как в «Повести о втором браке», Василий III безмерно возвеличивается, а все его поступки оправдываются. В этой многосумной похвале Василий III сравнивается с Авраамом, подобно тому, как в повести Соломонида сравнивается с женой Авраама Саррой. Елена Глинская, как и в повести, прославляется за мудрость и знатное происхождение.

Что же касается стиля «Слова похвального», то он носит более искусственный и риторический характер, значительно отличаясь от сказового с элементами риторизма стиля повести.

Торжественность, риторизм стали господствующими в большинстве жанров литературы XVI в. В «Повести о втором браке Василия III» элементы риторики и этикетные штампы еще не преобладают, они не затрудняют понимание смысла и не уведят в сторону от описываемых событий.

Прямой речи персонажей принадлежит чисто литературная функция — для оживления действия, для характеристики действующих лиц и рас-

³⁵ Перу Досифея Топоркова принадлежат «Надгробное слово Иосифу Волоцкому», дополнительные статьи к Хронографу 1512 г., поправки к тексту Синайского патерика (1528—29 г.), а также, возможно, «Сказание о гибели городов Шимборнии и Солоникки от землетрясения в 1542 г.»; он составил и редактировал Волоколамский патерик, редактировал книгу Бытия и Хронику Георгия Амартола, переписывал богослужебные рукописи, сочинения Нила Сорского и др. (см.: Филарет, архиеп. Харьковский. Обзор русской духовной литературы 862—1720. Харьков, 1859, стр. 181; П. Строев. Библиографический словарь и черновые материалы к нему. СПб., 1882, стр. 94—96, 157; И. У. Будовнич. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962, стр. 65; И. М. Смирнов. Материалы для характеристики книжной деятельности всероссийского митрополита Макария. — Богословский вестник, 1916, май, стр. 163—189, стр. 275—291; А. Д. Седелников. Досифей Топорков и Хронограф. — Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, № 9, Л., 1929, стр. 775—773 и мн. др.).

³⁶ ЦОИДР, 1847, № 8, стр. 5.

³⁷ См., например, Никоновскую летопись под 1525—1533 г. (ПСРЛ, т. XIII, первая половина).

³⁸ Н. Н. Розов. Похвальное слово великому князю Василию III. — Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965, стр. 278—289; Н. К. Никольский. Студенческие записи лекций по гомилетике, читанных студентам V—VI курсов СПб. Духовной академии в 1896/7 гг. СПб., 1897.

крытия их намерений; таковы «речи» Соломонида, Василия Ивановича. Ситуация, описанная в повести, — своеобразный «треугольник» (муж — отвергнутая жена — новая избранница) — далеко не этикетна, она реалистична. Однако все повествование ведется в этикетном плане, соответствующем господствующей морали того времени: жена сама страстно желает уйти из мира в монахини, муж придерживается мысли о нерасторжимости церковного брака, новая избранница появляется лишь тогда, когда читатель окончательно убежден в том, что «царем лепо есть жениться чадородия ради». Этикетность проявляется и в обрисовке персонажей, и в описании переживаний и раздумий главного героя, и в использовании традиционных монологов из Священного писания, вкладываемых автором повести в уста Василия Ивановича.

Повесть о втором браке — любопытный памятник русской литературы. Василий III, Соломонида, Елена изображаются в повести эмоционально, но без аффектации, само повествование отличается сдержанностью, действующие лица лишены экспрессии, фон и обстановка отсутствуют. Василий Иванович внешне тих и спокоен, хотя его обуревают страсти. Он скорбит о «неплодстве чрева» Соломонида, но как верный супруг готов смириться с горькой участью, со злобой прогоняя прочь непрощенных советчиков и даже самую великую княгиню. Он сидит в унынии, в глубокой печали, скорбя «о разлучении подружия си». В знак траура верный хранитель законов даже остриг волосы на голове и сбрил бороду. Подражая святым, он готов к самоотречению, т. е. к отказу от личной жизни. Однако Василий Иванович понимает, что ради продолжения царского рода надо жениться во второй раз. И сам увещевает себя текстами Священного писания, «и к сим приплете апостольское слово: Лутчи женитися, нежели раждизатися».

Так царь дал свое согласие на второй брак, смирив страсти и уступив место разуму.

Также тихи и исполнены внутреннего благородства другие персонажи повести. Такова кроткая и самоотверженная Соломонида. Она уподобляется жене Авраама Сарре, а также Анне, которая постом и молитвой преодолела свое бесплодие, родив деву Марию. Теплоте веры новой «невесты Христовой» удивляется сам государь.

Такова и отроковица — княжна Елена Васильевна Глинская — юница «лепа», благообразна, целомудренна, умеющая мудро вести беседу с самим царем.

По иному ведут себя те, кто много раз приходят к великому князю, — митрополит Даниил, братья царя — Юрий и Андрей, помещные князья, бояре, епископы, игумены. Они беспокоят его своими просьбами, вначале — постричь Соломону, потом — не сетовать, не печалиться, а затем — жениться во второй раз. Напоминая царю о земных делах, они отвлекают его от неземной скорби и размышлений, вносят шум жизни в царство тишины и умиротворения. «Идеализирующий биографизм» коснулся и личности Василия III, например в таких произведениях, как «Слово похвальное», Степенная книга, повесть о болезни и смерти Василия III. В повести образ идеального самодержца еще только намечен: Василий Иванович «благочестив», «христолюбив», «правдив», «человеколюбив», «свършителъ заповедем господним и законному повелению», «рачитель закону», «от бога даннаго ему разума исполнен», «божественно писанием ритор и философ превзыде» и «житию святых отецъ в конецъ изведодоктор». Похвала царю достигает апогея, когда он сравнивается со стратигом силы небесной, явившимся, согласно Библии,

Иисусу Навину под Иерихоном:³⁹ «Такожде царь и государь всеа Русии страшен явися иноплемеником взора ради стратигскаго, любим же всем православным, благочестия ради». Это сравнение продолжает древнюю традицию, согласно которой князья изображались страшными для врагов и милостивыми к соплеменникам: таковы Владимир Мономах, его сын Мстислав, Всеволод Большое Гнездо, Александр Невский, Дмитрий Донской и мн. др.⁴⁰

Автор XVI в. несколько углубляет эту традицию, сравнивая царя с ангелом, а такое уподобление было вполне в духе нарождающегося абсолютизма. Такое же прославление Василия Ивановича встречается в Повести о походе воевод Василия III на казанского хана Саад-Гирея (под 1524 г. в том же Летописце Пафнутиева Боровского монастыря): «Вси зломыслени православию цари и князи зле погибоша от своих единовѣрных. Царь же и государь князь великий Василей Иванович всеа Русии благодатию спаса нашего Исус Христа и пречистыа его матере богородица и молитвами великих чудотворец и паки всех святых, яко финикс процветает в дому божию, и яко кедр, иже в Ливане умножися в своем государстве, и яко инорог в всеи поднебесней словет. Царии ему покаряются, короли грозы его трепещут, и всяко племя безсерменьское хоругви его крестносноного боятся, и велик ужас одержит латыньстии языци, ляхи, и литву и немедь».⁴¹ Общая тенденция к прославлению идеального самодержца — вот, что роднит обе эти повести, стоящие в преддверии целой галереи идеальных образов Степенной книги и Никоновской летописи.

В приложении воспроизводится текст повести по Музейному списку с разночтениями по Синодальному списку Типографской летописи и Ярославскому списку XVII в.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Повесть о втором браке Василия III

Основной текст: ГБЛ, Музейное собр., № 3841, лл. 284—288 М.
 Разночтения: ГИМ, собр. Синодальной библиотеки, № 789, лл. 316 об.—
 317 Т.
 Ярославский Государственный историко-художественный
 музей-заповедник, собр. рукописей, № 526/157,
 лл. 258—261 Я.

О пострижении ^{1,1} **великия княгини Соломаниды.** л. 284

В лето 7034 благоверная великая княгиня Соломанида, видя неплодство² чрева своего, яко же и древняя она Сарра, начат молити государя великого князя,³ да повелит ей || обещися в иноческий образ. Царь же л. 284 об.

³⁹ Когда Иисус Навин с израильским войском подошел к Иерихону, первой крепости ханаанской, «и воззрев очима своими, виде человека стояща пред ним, и мечь его обнажен в руке его, и приступив Иисус, рече ему: „Наш ли еси, или от сопостат наших?“. Он же рече ему: „Аз архистратиг силы господнии..“» (Иисус Навин, V, 13—14).

⁴⁰ М. Н. Тихомиров указал, что и в других известиях летописца 1518—1526 гг. «все враги Московского государства авторами награждаются самыми бранными эпитетами и постоянно обвиняются в изменах и вероломстве, и наоборот, личность великого князя Василия Ивановича неумеренно восхваляется» (М. Н. Тихомиров. Новый памятник Московской политической литературы XVI в., стр. 105).

⁴¹ Там же, стр. 110.

1, ¹пострижении благоверных Т. 1—27 Нем Я. 2 Доб. из Т. 3 Доб. Василья Ивановича всея Руси Т.

и⁴ государь всеа Русии не въсхоте сътворити воли еа, начат⁵ глаголати сице: «Как⁶ могу брак разорити?»⁷ Аще ли сиа съворю,⁸ и второму⁹ несть ми лепо¹⁰ съвкупитися», поне же государь благочестив,¹¹ правдив¹² и съвршитель заповедем господним и законному повелению. Христолюбиваа же великаа княгини¹³ с прилежанием и с слезами начат молити государя, да повелит ей сътворити,¹⁴ яко же хошет. Царь же и государь всеа Русии ни слышати сего не въсхоте и приходящих от неа велмож¹⁵ з злобою отрваа.¹⁶ Великая же княгини,¹⁷ видя непреклонна государя на моление еа, начат молити святейшаго архиепископа богом спасенаго града Москвы Данила, митрополита всеа Русии, да умолит о сем государя¹⁸ и сътворит¹⁹ волю еа быти, поне же бо²⁰ дух святой всеа пшеницу в сердце еа, и да възрастит плод добродетели. Святейший же Данил, митрополит всеа Русии, моления слез еа не презри, много много²¹ моля²² о сем государя²³ с всем священным сънмом, да повелит воле еа быти. Царь же и государь всеа Русии, видя непреклонну веру еа и моления отца своего Данила митрополита не презре, повеле сътворити²⁴ волю²⁵ еа.²⁶

- Благодарная же великаа княгини, аки от пчел сота от царьских уст
- а. 285 насладився, с радо||стию отходит в обител господа бога спаса нашего рожества в Дивич монастырь, еже есть зовом на рве, и ту остризае власы главы своеа от отца своего духовнаго Николского игумена Давида. И нареченно бысть имя ей в мнишеский чин Софиа. Благовернаа же великаа княгини инока Софиа, видя богу не угодно ту пребыти ей: мнози от велмож и от сродник ей, и княгини, и болярыни нача приходити к ней, посещения ради, и мнози слезы проливаху, зряще на ню. Боголюбивую же великую княгиню иноку Софию о сем скорбь обят зелна, и начат глаголати: «Аще бых желала славы мира сего, то бых царствовала вкупе с царем и государем всеа Руси, днес же желаю наедине безмолствовати и о государьском здравии молити всещедраго бога, и да некли бых господ бог подал великим моим прегрешением понемал отпуст, цили не моих великих ради грех не даде бог государю плода и все православие обезчадил государством моим неплодием?». И начат молити государя, да повелит ей отити в обител пречистыа владычица богородица честнаго еа Покрова в богом спасаемый град Суждаль. Князь же великий о сем господу богу благодарение възсла, даровавшему ей толико усердьство и
- а. 285 об. удивися теплоте || веры еа, и повеле вскоре тому быти. Боголюбивая же великаа княгини инока Софиа не токмо сугубе, но и сторицею радости исполнися и благодати, възблагодать въздаеа господу богу о государьском здравии. И прирек сице: слышах некогда в святом Евангалии чтому «несть без чести пророк, токмо в сродстве и в отечествии своем»,* и отиде в пут свой радуяси. Сия бо христолюбиваа не Сарре уподобися, но Анне, супругу Иакима богоотца: Сарра бо неплодствиа ради повеле приати Аврааму Агарь, робу свою, Анна же постом и молитвою неплодствие разреши, и зачат в чреве богородицу Марию и роди им свет невещественный, царицу. Сия же благовернаа и христолюбиваа великаа княгини инока Софиа неплодствиа чресла не разреши, но верою Христа жениха себе обручи.²⁷

*Ев. Матф. 13, 57; Ев. Марк. 6, 4.

⁴Нет Т. ⁵начаша Т. ⁶како Т. ⁷⁻⁸Нет Т. ⁹вторем Т. ⁹⁻¹⁰Нет Т. ¹¹богочтив Т. ¹²Нет Т. ¹³княгиня Т. ¹⁴Доб. тако Т. ¹⁵⁻¹⁶отрваая з злобою Т. ¹⁷княгиня Т. ¹⁸⁻¹⁹дабы сотворил Т. ²⁰Нет Т. ²¹Нет Т. ²²моли Т. ²³Доб. и Т. ²⁴съвршити Т. ²⁵желание Т. ^{1, 27-11, 31}Нет Т. ²⁷Доб. В лето 7034 Я.

Съвъкупление второго брака

28 Того же лета 29 княз великий Василей Иванович всеа Русии бысть в велице уныние и сетование о незгодстве потребления венечнаго 30 и о разлучении подруга 31 си, 32 о сем печалу на 33 мног час. 34 Святейший же архиепископ 35 богом спасенаго 36 града Москвы Данил, митрополит всеа Русии, и благоверныя князи Георгий и Андрей Ивановичи часто посещения имеа к нему, и о сем || понемало 37 въспоминаху ему, дабы утолил а. 286 сетование свое и печал преминил в радость 38 второму браку 39 съвъкупился 40. Княз же великий ни мало преклонься 41 прошению их, 42 токмо в унынии пребывал, 43 яко «разителя 44 закону» себе нарицаа. Пресвященный же Данил митрополит и благоверныя князи Георгий и Андрей с великим предлежанием 45 начат 46 молити государя, дабы 47 съкратил сетование свое и 48 браку съвъкупился, да не запустеетъ царство его 49 в безплоду и государьства. Поместныя же князи и боляре о сем с слезами молиша государя, дабы 50 преклонился на 51 моление митрополиче 52 и братне. Царь же и государь всеа Русии в разум истинный прииде, поне же благочестив и христоролюбив, и человеколюбив, и от бога даннаго ему разума исполнен, и божественнаго 53 писанием ритор и философ превзыде, и житию 54 святых отецъ 55 в конецъ изведодоктор 56. Въспомянул 57 писание великаго Аввы Дорофеа, еже писах в 15-м слове о унынии и образе писанию сице: 58 «Бе суть неции, плавающи 59 потребы ради в мори 60 и приходить волна на них. И аще ведят 61 хитросно, 62 еже плавати преводятся ей. 63 Инии спущают 64 себе под нею, донде же || преидет, а. 286 об. и тако прочее время пребывают без вреда. Аще ли въсхотятъ противитися волне, 65 паки отрываетъ их и изметаетъ вне. Аще ли же преклонятся волне, 66 преходят, ничто же пакости творяще им. Сице и в унынии: аще кто носит уныние с тръпением и смирением, мимо идетъ его 67 невредно, аще ли пребудет печалу и смущаяся, 68 кождо умучаетъ себе, наводя на ся печал и 69 отинуд не ползуется, но вредится. Зело бо ползует 70 уныние, иже без смущения тръпящаго 71 и, 72 не лепо есть 73 смущатися нам, ни унывати в искушениях, 74 но тръпети и 75 благодарити в скорбех и молитися богу с смирением всегда, да сътворит с немощию нашею милость и покрываетъ нас от всякия 76 напасти». * И сим писанием увещався 77 и к сим приплете 78 апостольское слово: «Лутчи 79 женитися, нежели раждизатися», ** и паки: «дух бодр, а плоть немощна», *** и ответ дал 80 пресвященному Данилу митрополиту и благоверным князем Георгию и Андрею, и всем поместным князем и боляром: 81 «Воля ваша буди». 82 Они же вси радостно и велегласно възъпиша: «Грех твой, царю, буди на нас». Княз же великий посла боляре своя и вел||рныя велможа 83 в вся а. 287 грады и веси 84 самодержавнаго ему государьства, 85 да изберутъ ему девицу лепу и доброзрачну, и разумну.

*Книга поучений Аввы Дорофея, гл. 13. **I Коринф. 7, 9. ***Ев. Матф. 26, 41; Ев. Марк. 14, 38.

28-29 Нет Я. 30 вечнаго Я. 31 подружия Я. 32 своего и Я. 33-34 многи дни Я. 35-36 богоспасаемаго Я. 37 помалу Я. 38-39 вторым браком Я. 40 совокупиться Я. 41 послуша Я. 41-42 их прошения Я. 43 пребывая Я. 44 рачителя Я. 45 прилежанием Я. 46 нача Я. 47-48 Нет Я. 49 твое Я. 50-51 не презрел Я. 51-52 моления митрополича Я. 53 божественным Я. 54 жития Я. 55 Нет Я. 56 и звездодоктур Я. 57 воспоминав Я. 58 Нет Я. 59-60 в мори потребы ради Я. 61 умеют плавать Я. 62-63 преплавают ея Я. 64 испущают Я. 65 волнам Я. 66 Доб. и Я. 67 то Я. 68-69 кждо о себе скорбь и печаль наводит Я. 70 Доб. ся Я. 71 терпящаго Я. 72 им. Я. 73 Нет Я. 74-75 о терпении Я. 76 Доб. скорби и Я. 77 увещав себе Я. 78 приложи Я. 79 Доб. есть Я. 80 дая Я. 81-82 Буди воля ваша Я. 83 велможы Я. 84-85 во все свое государьство Я.

А сам государь власы главныя и браду обнажи, одивство всячески государя доброзрочно зрети, когда в браде,⁸⁶ яко же и Вастиян царь «Новых заповедей» святолепно зрети его, и како обнаженою главою и брадою явися страшен и любим, яко же стратиг силы небесныя⁸⁷ Иисусу Науггину под Ерихоном в образе воина явися. Иисус же узрев,⁸⁸ пад ниць на земли,⁸⁹ и рече: «Господи», — сие глагола трепеща⁹⁰ его, и пакы:⁹¹ «Наш ли еси?»⁹² * а сие-любя его.* Такожде царь и государь всеа Русии⁹³ страшен явися иноплемеником взора ради стратижскаго, любим же всем православным благочестия ради.⁹⁴ Нецци же от невеглас и от поселян глагола сия: «Не подобает царем глав и брад обнажати».* Сии убо неразумнии человеци скоте приложися и уподобися им, божественных писании ни следа незнаа так глаголють:⁹⁵ «В Царствах бо пишет: царем подобает обновлятися и украшатися всячески, паче же светлее сего».* Божественнаа правила повелевают:⁹⁶ «Правило 44 о власех⁹⁷ же. Не ци-ли⁹⁸ бог заповеда пророком: „влас главы твоеа⁹⁹ не питай, рече, рекше,¹⁰⁰ || л. 287 об. не обрасти, паче же устригай^{11,1} их и очищай». Сему бо осужению царь и государь несть повинен.

И снидошася² вся вкупе послании³ от государя на обретеніе девиче, и начат⁴ глаголати сице: «Царю, нигде же таковыа⁵ отроковица⁶ не обретохом⁷ никогда же⁸ от рожении⁹ видехом,¹⁰ ниже ума¹¹ наши¹² осязати могут,¹³ якова же¹⁴ дщерь князя Василя Лвовича Глинского Елена». Князь же великий повелеша¹⁵ ю ввести в светлаа полаты, да узреть ю. Послании же сътвориша¹⁶ по повелению¹⁷ его. И прииде царь в полату,¹⁸ узре юницу¹⁹ благообразну²⁰ и въпроси ю о жителстве. Она же мудре отвещаша ему. Князь же великий zelo възлюби ю лепоты ради лица еа и благообрази възраста, наипаче же²¹ целомудрия ради, поне же обоа²² дарова ей бог:²³ благообразна и разумична. И повеле ю нарещи царицу и государыню всеа Русии. Сам же посла г Данилу митрополиту, да съберет священный съм.²⁴ Вскоре же снидошася к митрополиту епископи и архимандрити, и честнейшиа²⁵ игумени. Царь же и государь всеа Русии прииде и благословися от священнаго собора. Данил же митрополит всеа Русии и преосвященный съм²⁶ — вси единогласно радостне государя благословляют браку совокупитися и прощают в сий век и в будущий. Царь же и государь²⁷ князь великий²⁸ Василей Иванович || всеа Русии съвъкупися²⁹ браку з благоверною и христороубивою великою княгинею Еленею³⁰ месяца генуаря 28³¹.

*Кн. Иисуса Наввина 5, 13—14. **Кн. Левит 14, 8.

⁸⁶Доб. безчестие Я. ⁸⁷Доб. и Я. ⁸⁸Навгин возре Я. ⁸⁹землю Я.
⁹⁰⁻⁹¹Нет Я. ⁹²Доб. или от супостат наших Я. ⁹³Доб. и Я. ⁹⁴⁻⁹⁵Нет Я.
⁹⁶Нет Я. ⁹⁷⁻⁹⁸Нет Я. ⁹⁹⁻¹⁰⁰Нет Я.
 II, 1 остригай Я. 2-3 послании вси вкупе Я. 4 нача Я. 5 таковы Я.
⁶отроковицы Я. 7 видахом Я. 8 Доб. и Я. 9 рожения Я. 10 своего Я. 11 ум Я.
¹²наш Я. 13 может Я. 14 Нет Я. 15 повеле Я. 16-17 повеление Я. 18-19 узрев
 девицу Я. 20 Доб. сущу Я. 21 Нет. Я. 22-23 дарования бог дарова Я.
²⁴собор Я. 25 Нет Я. 26 собор Я. 27-28 великий князь Я. 29 Доб. второму Я.
³⁰Оленею Я. 31 Доб. день Я.

В. И. КОРЕЦКИЙ

Новые послания Зиновия Отенского

До последнего времени Зиновий Отенский был известен как автор противоеретических произведений, направленных на обличение «нового учения» Феодосия Косого. Исследователи полагали, что писать он начал довольно поздно, уже на склоне лет, в самом конце 50-х годов XVI в.¹ Недавно удалось обнаружить послание Зиновия Отенского к дьяку Я. В. Шишкину по вопросам суда и судопроизводства, написанное в 30-х годах XVI в.² В начале 50-х годов им было создано Слово об Ипатии Гангрском.³

Публикуемые неизвестные сочинения Зиновия Отенского проливают новый свет на первый период его творчества, когда он еще не был целиком поглощен борьбой с еретиками. Это — «утешительное» послание в Соловецкий монастырь заключенным там Гурию Заболоцкому, Касиану и Гурию Коровиным и послание к «неким, воспросившим о питии». Они известны лишь в одном списке в сборнике посланий ГИМ, Музейское № 1209 последней четверти XVII в., в 4°, писанном скорописью на 254 лл. Водяной знак — герб Амстердама, 80-е годы XVII в., типа Тромонин № 1592 (1686 г.) и Гераклитов № 54 (1687 г.) и № 55 (1688 г.).⁴ Этот сборник настолько интересен по своему составу, что на его содержание необходимо остановиться подробнее. Сборник открывается легендарной перепиской Христа с царем Авгарем и Понтия Пилата с Тиберием (лл. 6—15 об.). Далее помещена большая группа посланий, связанных с именем Иоанна Златоуста (лл. 16—66 об.). Лл. 67—70 об. занимает духовное завещание Иосифа Волоцкого, за которым следуют публикуемые послания Зиновия Отенского (лл. 70 об.—101 об.), три послания старца Елеазарова монастыря Филофея: великому князю Василию III (лл. 101 об.—106 об.), дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю, «в нем же на звездочетцы и на латыны» (лл. 106—120) и ему же «на противищахся божьей воле в смертоносное время» (лл. 120—124 об.) и послание Дмитрия Герасимова к дьяку М. Г. Мисюрю «о образы господни, что написан подобно Давыду царю», ошибочно приписанное в заглавии Филофею (лл. 124 об.—126 об.). Группа русских посланий прерывается посланием Илариона Великого и даром («велением») Констан-

¹ Ф. Калугин. Зиновий, инок отенский, и его богословско-полюемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, стр. 87.

² А. И. Клибанов и В. И. Корецкий. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 201—224.

³ В. И. Корецкий. Вновь найденное противоеретическое произведение Зиновия Отенского. — ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 166—185.

⁴ А. А. Гераклитов. Флириганы XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов. М., 1963.

тина римской церкви (лл. 126 об.—178 об.). Возобновляются русские послания посланием Ф. И. Карпова к Максиму Греку: «Возлюбленому о Христе пречестнейшему господину иноку Максиму, иже от Ватопеда Федор Иванович сын Карпов челом бьет. Мнит ми ся отче, еже не подобает недомыслящему стыдешься...» (лл. 178—182). Переписка Ивана Грозного с кн. А. М. Курбским представлена первым посланием Курбского царю 1564 г. (лл. 182—186, 188—188 об.), которое прерывается посланием Тимохи Тетерина боярину М. Я. Морозову (лл. 186—188) и ответным первым посланием Ивана Грозного Курбскому 5 июля 1564 г. (лл. 188 об.—210). Лл. 211—213 об. занимает послание Ивана Грозного патриарху александрийскому Иоакиму, а лл. 214—216 об. — грамота от воеводы киевского князя Василия Острожского патриарху Иову. Далее следует группа посланий XV в., связанных с поставлением Григория Цамблака митрополитом киевским и литовским (лл. 216 об.—236), представляющих варианты к известным. За посланием Василия Великого к Григорию Богослову (лл. 236—245) следуют два послания Максима Грека к Сильвестру попу (лл. 245—247) и к Григорию дьякону (лл. 247 об.—248 об.). На лл. 248 об.—250 помещено Лаодикийское послание ап. Павла. Л. 250 об. — порошний с записями карандашом позднейшего времени. Сборник завершают два безымянных послания в виршах о чтении книг Максима Грека и о ниспослании чадородия (лл. 251—253 об.) и с просьбой о заступничестве перед самодержцем (лл. 253 об.—254 об.).

Даже из простого перечня включенных в сборник материалов можно составить определенное представление о богатстве и разнообразии его содержания. Здесь и послания таких признанных богословско-литературных светил, как Иоанн Златоуст и Василий Великий, и сочинения целого ряда церковных и светских авторов XV—XVI вв., навсегда вошедших в историю древнерусской общественной мысли и литературы. Помещение в этом специальном сборнике посланий сочинений Зиновия Отенского — свидетельство того, что они рассматривались его составителем как образцовые.

Кому же адресовано «утешительное» послание? Гурий Заболоцкий — лицо в XVI в. известное. Это видный «иосифлянин», архимандрит Симоновский и игумен Песношский, а затем епископ Смоленский. Он выбирал Макария на митрополию и участвовал в работе Стоглавого собора.⁵ Н. М. Карамзин в своих примечаниях привел относительно Гурия Заболоцкого следующее летописное известие: «Марта 17 (1555 г., — В. К.) поставлен в Смоленск владыка, кирилловской игумен Симеон, а Гурий оставил епископство за немощью (курсив мой, — В. К.) и сниде в монастырь...».⁶ Теперь мы знаем, что уход Гурия Заболоцкого был отнюдь не добровольным, вызванным его болезнью или старостью («за немощью»), а вынужденным. Местом его заключения оказался Соловецкий монастырь.

В Никоновской летописи под 1555 г. сказано в довольно общей форме, что в этом году повелением Ивана IV «сыдошася вси Рустии архиепис-

⁵ А. А. Зимин. И. И. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 72—74.

⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII М., 1819, стр. 125, примеч. 193. — Похоронен Гурий Заболоцкий был, однако, в Песношском монастыре — см. в кн.: Историческое и топографическое описание мужского общежительного монастыря св. чудотворца Николая, что на Песноше, М., 1837, стр. 35—36. — Дата смерти Гурия Заболоцкого, к сожалению, неизвестна. Согласно вкладной Иосифо-Волоколамского монастыря, корм по нем производился 15 ноября (ГИМ, Епарх. собр. № 419, л. 97).

копи и епископы и архимандриты и игумены о многообразных чинех церковных и о многих делах ко утвержению вере христианьской». ⁷ Это сообщение любопытно сопоставить с известием Новгородской II летописи о возвращении 22 апреля 1555 г. из Москвы в Новгород новгородского архиепископа Пимина после 24-недельного пребывания в столице («а жил на Москве 20 недель и 4 недели»). Вместе с ним приехали игумен Спаского-Хутынского монастыря Маркелл и Пафнутьева монастыря Вениамин. ⁸ Отсюда можно заключить, что церковный собор, о котором говорится в Никоновской летописи, заседал зимой и весной 1555 г. Еще 3 февраля 1555 г. новгородский архиепископ Пимин, смоленский епископ Гурий и Феодосий коломенский, игумены хутынский Маркелл и пафнутьевский Вениамин в числе других высших церковных иерархов присутствовали на торжественном поставлении архиепископа Гурия на Казань. Однако затем обсуждение на этом соборе церковных вопросов, очевидно, не обошлось без острых разногласий, жертвой которых и стал Гурий Заболоцкий. По-видимому, тогда же был «свержен» и коломенский владыка Феодосий. ⁹ Если о низложении Феодосия Иван Грозный как будто сожалел, обвиняя в этом Адашева и Сильвестра, ¹⁰ то его отрицательное отношение к роду Заболоцких вполне проявилось в 60-х годах, когда трое из его представителей были казнены, а двое вынуждены были бежать за границу. ¹¹

Как видно из заглавия к посланию, вместе с Гурием Заболоцким «в заточении» в Соловецком монастыре находились два брата Коровины — Кассиан и Гурий. О Коровиных, как сторонниках «нестяжателя» бывшего митрополита Иоасафа, недоброжелательно отзывался Иван Грозный в своем известном послании в Кирилло-Белозерский монастырь. ¹² Гурий Коровин упоминается в Новгородской III летописи под 1551 г. О нем говорится как об игумене Хутынского монастыря, при котором три года строилась церковь в честь Варлаама Хутынского, освященная в этом году. ¹³ Однако в момент освящения, 6 ноября 1551 г., как явствует из записи, Гурий Коровин пост игумена уже не занимал. Под 2 декабря 1551 г. игуменом Хутынского монастыря назван Паисий Козлятев. ¹⁴ Неизвестно, однако, тогда же Гурий Коровин попал в Соловецкий монастырь или позднее.

В отличие от Гурия Заболоцкого в Коровиных следует видеть деятелей нестяжательского толка. Послание Зиновия интересно в том плане, что конкретизирует наши представления об отношении правительства Ивана IV к внутрицерковной борьбе середины XVI в. Разгромив в начале 50-х годов совместно с «иосифлянами» еретиков и «нестяжателей», оно затем наносит удар и по оказавшимся почему-либо неугодными высшим «иосифлянам» вроде Гурия Заболоцкого.

В своем послании Зиновий Отенский выступает как церковный писатель-моралист и аскет, проповедующий стоическое отношение к выпад

⁷ ПСРЛ, т. XII, М., 1965, стр. 249.

⁸ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 87—88.

⁹ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, табл. 1031.

¹⁰ См.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 52.

¹¹ С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана Грозного, как исторический источник. — В. кн.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 383—384; А. А. Зимин. Опричина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 116—117.

¹² Послания Ивана Грозного, стр. 175.

¹³ Новгородские летописи, стр. 330.

¹⁴ Там же, стр. 83.

дающим на долю человека бедствиям и страданиям. Утешительные послания писал учитель Зиновия Максим Грек, и, возможно, кое-какими положениями оттуда мог воспользоваться Зиновий, создавая свое послание,¹⁵ но общий строй рассуждений у него другой. Согласно Зиновию, все в мире — и природа и люди — подвержено страданиям, стражам, изменчивости. «Естеству вещей» присуще богом установленное «нестояние». Человеческая жизнь уподобляется этому постоянному коловращению в природе. Она также подчинена божьему промыслу (л. 75). Свои размышления о переменчивости человеческих судеб Зиновий подкрепляет ссылкой на книгу Экклезиаста (1, 4). В таком взгляде на жизнь Зиновий перекликается с безымянным автором статьи о книжной премудрости и суетности этого мира, известной в первой половине XVI в.: «... в житии сем ничтоже утверждено, горняя бо несутся долу, дольная же несутся горе».¹⁶

Стремящийся сохранить неизменяемыми честь и положение в обществе, заявляет Зиновий, обращаясь к своим адресатам, губит себя: «Не воззрит ли таковой к старейшему родов солнцу и благороднейшей луне, иже в толицей силе и светлости не без страсти суть» (л. 75 об.). Любопытно отметить, что к той же ссылке на книгу Экклезиаста (1, 4)¹⁷ и к тому же примеру из астрономии прибегает Зиновий Отенский и в «Истине показании», обосновывая свое космологическое доказательство бытия бога: «Безначальна бо точию единому богу бысть и не пострадати ни единому страстию. Аще же стражат что коли, что не есть безначально; роженому пострадати свойственно, понеже бытию своему началу имать... Небеса же, и земля, и вода, и воздух, и солнце, и звезды разумеваются, яко несть безначальны посему, понеже стражут».¹⁸

В этих своих религиозно-философских построениях Зиновий Отенский следовал Иоанну Дамаскину.¹⁹ По-видимому, его имел он в виду, когда, намекая на солнечное затмение, писал: «ибо и пресветлейшее солнце от луны страсть приемлет, яко же нещии рекоша» (лл. 71—71 об.).

Страдание выступает у Зиновия могучим двигателем: «Добро быти напасти и лучши ослабы, и самая бо земля, оставленная — тернию и волчюу мати бывает, прилежима же и мучима — плодоносит, и лоза режема многоплодна, но и вода стоящая согнивает и смердит, нуждодвижная же и текущая — сладка и потребна суща» (лл. 79—79 об.).

Путь к святости лежит через страдание: «Отсюда мужи боголюбцы, мудрии же и разумнии, находящыя скорби доблественне терпят, ови же и самоволне в скорби внидоша, нищету и злострадание избравше паче отчаго благородия, и могутства, и наслаждения...» (л. 78 об.). В этой апологии страдания сказала, очевидно, личная жизненная трагедия Зиновия. Как предположил еще Ф. Калугин, Зиновий подвергся опале и ссылке после второго осуждения в 1531 г. Максима Грека церковным

¹⁵ Так, например, следующим местом из послания утешительного Максима Грека о терпении в скорбях князю Димитрию: «Не возможно бо всякому человеку, пришедшему в сей мир, аще и в самый верх благоденствию въздет, без скорби всякия изыти от многоболезненного жития сего. И свидетель неложен глаголай песнопевец: кое житейское наслаждение пребывает печали непричастно? Кая слава стоит на земли непременна? Вся степени немощнейша, вся соний прелестнейша, нашедши бо смерть, сия вся разорила естъ». — Максим Грек. Сочинения, т. II, Казань, 1860, стр. 392.

¹⁶ Н. К. Никольский. Описание рукописей, хранящихся в архиве св. правительствующего Синода, т. II, вып. 2. СПб., 1910, стр. 824.

¹⁷ Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, стр. 56—57.

¹⁸ Там же, стр. 63—64.

¹⁹ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Перевод с греческого А. Бронзова. СПб., 1894, стр. 48, 62—63.

собором.²⁰ Но если в 30-х годах, вспоминая о постигшей его несправедливости, он не мог удержаться, чтобы не воскликнуть в сердцах: «Кто бывал избобжен, тот знает, какова беда и какова горесть обиды!»,²¹ то спустя 20 лет, умудренный жизненным опытом, Зиновий счел возможным лишь утешительно-ироническим тоном укорить тех, кто, как Гурий Заболоцкий, совсем недавно осуждал инакомыслящих, а теперь сам нуждался в утешении и сострадании.

В своем послании Зиновий Отенский использовал не только книгу Экклезиаста и другие библейские книги, послания апостолов, сочинения Иоанна Дамаскина и Иоанна Златоуста, на которого ссылается (л. 80), но и Житие Варлаама и Иоасафа (л. 78). Этим Житием, представляющим собой обработку, приписываемую Иоанну Дамаскину, восточной легенды из жизни Будды, воспевающим аскезу и суровый иноческий подвиг,²² зачитывались в различных слоях русского общества XVI в. На него ссылался в послании в Кирилло-Белозерский монастырь Иван Грозный,²³ его переводил в Литве князь А. М. Курбский.²⁴ Причем каждый из них вкладывал в Житие свой смысл.²⁵ Для образованных монахов, таких как Зиновий и его адресаты, это Житие было настольной книгой. Идеи, содержащиеся в нем, полностью соответствовали аскетическим идеалам Зиновия Отенского.

Философский подход к разработке темы, обращение к лицам, недавно занимавшим высокие посты в церковной иерархии и хорошо церковно образованным, определили литературный стиль «утешительного» послания. Зиновий неоднократно высказывал предпочтение церковно-славянскому литературному языку — «грамотическим словесам», «книжным речам» перед русским простонародным языком — «народным грамотам», «общим народным речам».²⁶ Эта его приверженность к книжности нашла в «утешительном» послании свое полное выражение. Фразы его нарочито утяжелены, синтаксис запутан, ради образности подчас затемняется смысл.²⁷ Однако стоит Зиновию перейти к изложению фактов повседневной жизни — и стиль его упрощается. Так происходит, например, когда Зиновий вслед за митрополитом Даниилом²⁸ обвиняет русских знатных женщин в пренебрежении материнскими обязанностями: воспитание своих детей они, оказывается, передают «работным», т. е. кормилицам, нянькам и мамкам из дворовых людей (л. 73 об.). В этом упрощении стиля, даже у такого убежденного поборника «книжных речей», каким был Зиновий Отенский, нельзя не видеть властного воздействия живого, разговорного народного языка на литературный язык того времени.

²⁰ Ф. Калугин. Зиновий, инок отенский... стр. 84.

²¹ А. И. Клибанов и В. И. Корецкий. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину, стр. 221.

²² История русской словесности А. Галахова, т. I. СПб., 1880, стр. 422—426 (раздел о Житии Варлаама и Иоасафа написан А. Веселовским); А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVI вв. СПб., 1903, стр. 4, примеч. 3; Н. П. Попов. Афанасиевский извод «Повести о Варлааме и Иоасафе». — ИОРЯС за 1926, т. XXXI, л., 1926, стр. 190—191.

²³ Послания Ивана Грозного, стр. 174.

²⁴ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVI вв., стр. 280.

²⁵ В. И. Корецкий. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — ВИ, 1967, № 5, стр. 38—39.

²⁶ В. И. Корецкий. Вновь найденное противоречивое произведение Зиновия Отенского, стр. 175—176; Зиновий Отенский. Истины показание... стр. 964—965.

²⁷ Приношу глубокую благодарность Н. Б. Тихомирову за помощь при подготовке текста послания Зиновия Отенского к печати.

²⁸ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 544.

Послание Зиновия «к неким, вопросившим его о питии» появилось скорее всего в связи с теми спорами, которые возникли в русском обществе, особенно в монашеской среде, после известных постановлений Стоглава о «пьянственном питии» монахов (гл. 49 и 52).²⁹ Выступления церковных писателей на Руси против пьянства имели к середине XVI в., когда писал свое послание Зиновий Отенский, длительную историю.³⁰ Из его современников о пьянстве писали Максим Грек,³¹ Ермолай-Еразм³² и митрополит Даниил. Позиция Зиновия, занятая им по вопросу о «винном питии», близка к последнему. Митрополит рекомендует есть и пить «мерно и разумно во славу божию», «... во всем меру уставим в пици и в питии: в пице — яже к животу точию довлеет, сице ж и в питии — в скорбех, в болезнех и от трудов покой в меру и в старости полезно есть, точию не пьянством, но в мале прохложении же и к животней силе естество окрепити».³³ В полном согласии с ним Зиновий заявляет, что тот, кто «неисцелною печалию снедаем бывает... и той, упився, забудет убожество свое, от силы вина преклоняся в сон, его же ради и поспит в сладость» (л. 94 об.).

В этом послании Зиновий возвращается в основном в круг ветхозаветных и евангельских сюжетов и образов. Помимо Библии, привлечены им только сочинения Василия Великого (л. 81 об.) и Иоанна Златоуста (л. 89). Стиль его живее и проще предыдущего послания. Повествуя о мучениях, которые претерпевают укушенные змеей, Зиновий ссылается на очевидцев — «деревенстних людей», сельских жителей (л. 96 об.). Здесь опять проявляется отмеченное нами на примере «Слова об Ипатии Гангрском»³⁴ присущее ему стремление пояснять непонятные термины: «Точила же убо, идеже вино изжимают, топчющи. По нашей же стране речь сия: на множайшая русла и тшаны потечещи, рече» (л. 96); «мню, кераста гада глаголет, его же у нас именуют уж» (л. 96 об.).

К вопросу о «винном питии» Зиновий вернулся позднее в «Истины показании». Опровергая утверждения Феодосия Косого о том, что «хмель от беса», делавшиеся им со ссылкой на игумена Серапиона,³⁵ Зиновий подробно останавливается на критике Стоглава, запретившего монахам употреблять напитки «с хмелем» и предложившего им пить виноградные вина и мед. Эти постановления Зиновий связывал с «нестяжателями» — князем Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком, которые, получая еду и заморские вина от великокняжеского стола, естественно, не могли понять «убогих мнихов». «От сего познавается, — едко замечал он, — яко уставляющий сия не от рассмотрения произвещишася на сие, но мнихов неубогих от хотения своего умышление есть сие установление... яко не-

²⁹ Стоглав, изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 166—167, 174—178.

³⁰ В. Жмакин. Митрополит Даниил..., стр. 550—551.

³¹ Максим Грек, Сочинения, ч. II, стр. 149—151, 268—269.

³² ЛЗАК, т. 33, Л., 1926, стр. 198.

³³ ГБЛ, собр. МДА, № 197, лл. 278 об., 454.

³⁴ В. И. Корецкий. Вновь найденное противоречивое произведение Зиновия Отенского, стр. 170.

³⁵ Зиновий Отенский. Истины показание..., стр. 901—902. — Запретить разведение хмеля и корчмство предлагал Ермолай-Еразм, полагая, что по искоренении на Руси пьянства там «не будет и душегубства» (ЛЗАК, т. 33, стр. 198). В древнерусской литературе известны многочисленные сказания против пьянства: «Повесть о высокоумном хмелю», «Слово Василия Великого о хмельном питии», «Слово о хмелю Кирилла философа» и др., но какого-либо сочинения игумена Серапиона на эту тему не зафиксировано; см.: В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, вып. I. М.—Л., 1940, стр. 251—255; История русской литературы, т. II, ч. 2, М.—Л., 1948, стр. 287—292; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, стр. 136—143.

убоги сущи могут куповати на потребу мед и вино гроздово; убогим же мнихом ниже во сне мечтатися когда есть вину гроздову или меду».³⁶

Вновь публикуемые произведения Зиновия Отенского в сочетании с ранее опубликованными нами дают возможность изучать его творчество в развитии. Оказывается, «Истины показанию» предшествовал целый ряд сочинений Зиновия, которые так или иначе отразились в этом его главном труде.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГИМ, Музейск. № 1209, XVII в., 4°, лл. 70 об.—100 об.

Послание Зиновия, старца Отни пустыни, ко мнихом, бывшим в заточении в Соловецком острове, Гурию Заболоцкому, и Касияну и брату его Гурию Коровинным. л. 70 об.

«Кто ли боголюбец в скорбех малодушства, и кто когда от другов божиих и рабов в напастех опечалися? Многими бо скорбьми владыка и зиждитель в царство его внити || своеименным повелел есть. Иде убо и небесем со землею мимоходящем, Иисусову же словеси мимо ити никакже. Сия убо тверда и известна и никакже когда мимоходяща доволна сущи всяку слабу и немощну душу стягнути и на терпение помазати непреложным вешей збытия, еже убо, хотящем нам и не хотящем быти, им есть. Во что кому малодушие, во что же и тщетныи печали пронизают кому душу, неизбежных избыти нудящися, еже есть неудобно и невозможно, в веще бо сем текуща вся, разве превечных, ибо и пресветлейшее || солнце от луны страсть приемлет, яко же нецый рекоша, а и на толице высоте висяще есть, ему же и ночь противитися не может, его же светом всяка доброта своего лица лепоту покажет. Кая диадима хошет того светлости сообразитися, аще и тмами злата льщание и бисер сияние имать и безценных камык. И еже и царем величие мнитися, не хошу же глаголати, яже последуют величию их, скорее бо злака изменуются высими и низлагаема, како же и самая та луна сице славою преимушия и тмоу владущия тридесяти || точию дньми изменяема присно, еи же никакая сана светлость уподобитися может, юже выну кто от славных мира иногда бывый зря, како утешитися не хошет: от века образи творцем поставлени им же человеке житие сообразуется, род бо приходит и род минует, и власть востает и исчезает, учителя же и подобие, на толицей высоте стояще, нужно присно движими, своих устав преступити не могуще, по всечасным пременением изменяеми. И от долу паки ини образи ближше — цвеве трав — изменяемому нашему житию, яже кийждо || зря человек утешение печальным находением имать, аще убог или богат, безславен же и славен — общаго бо естества суще, обще и вешем измену приемлют, неостоятелна вся зряще и применяема, выну учение и утешение готово к безпечалию и благодушию имуще. Кое же когда человек малодушен — печалем разрешение утешением примет, унынием сплетая в сердцы си печали сам, ни яко человек есть помышляя себе быти, ниже яко есть бог разумей, ниже ко иже удобственному изменению прилежа, ни ко иже по естеству сущим взирая, но едино || нашедшее ему токмо зря и сему чюдится и истаявает умиленный немудро и смышляет нестойкая сединному разуму. Наипаче же кто лета ради учитель должен л. 71 об.

л. 71

л. 71 об.

л. 72

л. 72 об.

л. 73

³⁶ Зиновий Отенский. Истины показание. . . , стр. 903—904.

^a Написано на полях киноварью. Глава 32.

быти научитися не хоцет, како, егда един на земли таковая приемля, не тмами ли множайшии высоцию низлагаеми и потребляеми, но и отец своих сия навькати, древле тая ж или большая страдавших. Аще и не сие, но и един от всех в сия впаде. И не тако мужу ослабети лепо, ниже ужасатися, кое ли бо коли мужа мудролюбца от славы в безславие низпадение опечалити воз||может. Видим начала по нас самех, коими славами светяся и коею честию обстоим в скверных местех утробы, и се нощю и тайно за срама многое зачинаяся младенчищ сушь и отуду происходя безобразными и колико немощными праходы, аще не и многи помощи улучит от воды, от теплоты, от иерейских молитв и в воспитании. И еще своя матере, иже честию обжеими, своеобразных гнушаются, тем же и работными воспитоватися сим хотят. Сия зачала славы бесславие. Кои же концы славе сей,⁶ егда уже нечувственна и недвижима мертва на одре,

а. 73 об. **в**ся||кыя чести неведуща прияти, ниже воздати, елико же и смрадом одержется гнусен и неприступен, гнои и червми движим, елико не обоняти, толико же и отбегати, прочее ничто же ино, разве кала и мало костей. Како и кое приобретение мира сего слава, ей же зачало студ и конец мерзок.

О нужи льстящих нас помышлении!

Но ниже благородием разумен кто вземлется или отпадая скорбит, аще и царск внук или ипата сын есть, ведушу единого родоначалника Адама, иже благородиа бывша и безродна, после же славна и безчестна

а. 74 об. **Н**е от иного родоначалника || цари, иного же ипаты и воеводы и начальники, и другаго безславнии и нищии, но вси от того же и из единого Адама. Что же по преспянию или славе быти дадим единому от другаго разума же ради и храбрости предвестися кому, никто же о сих предрекует, но и сия ко производимому единому токмо зрят. Сице от злородных светлы честию мнози явишася, тако же и от благородных безчислены уничижены и посрамлены быша. Не естества бо сия вся, но случая суща. Тем же и изменяема обаче и от злородных, взыскающе, мнозех узрим прадеды и

а. 75 **п**раотцы им горды и славны быша иногда, || благородных же праотцы и прадеды обрящем земледелцы, и кузнецы, и просители древле бывших. Тем же мудролюбцу и разумному несть опечалитися на безсловие сшедшу, ниже оскорблятися, аще и благородие уничижаемо в нем будет, ведушу начало бытия и знающу бываемая и проразумеющу конечная. Когда же како печали избавитися хоцет кто, иже ни естеству вещей нестояния повинуюся, ниже божим судбам праведным возвещенным веруя, единою неначаянне ножем неразмышления себе погубив, во глубине пещали самохотне погрузився неизменяему || честь и непревратно благородие хотяще имети.

О безместия обычая, о льщения нрава! Не возрит ли таковой к старейшему родов солнцу и благороднейшей луне, иже в толицей силе и светлости не без страсти суть. Острейше слово происходя покажется: аще есть мир сей, да ходят по нем любящии его. Аще ли есть бог, да последуют по нем. Еда есть мир или может и яже хоцет творит, аще не господь, но и не вся ли любящая его, мир обругав и подсмеятелны отсюдтих отпусти. Откуда нам печали, аще не от любви мира? Тем же прочее || требующии мира сего, яко не требующе по апостолу: повсюду бо везде губитель печаль имущим ю, христианин ли кто, аще славен, аще не славен, богомудрие да лобызает и возвещенныя вся судьбы божия да оправдает. Да возведется кто, иже мирскими печален, богодухновенными словесы, глаголющими: господь смиряет и высит, — и, вспоминая, да

а. 76

⁶ Испр.: в рукописи словесей.

утешается, яко богатии обнищаша и взалкаша, взыскающии же господа не лишатся всякаго блага. Несть бо, несть что сильнее благочестия, и ничто же есть державнее помысла благочестива. Мудрости же злоба не соодолеет нико||гда же. Что же к сим слава, что благородие? Не цари ли и к нищим иногда бывшим прибегают, неже ипате, но и ко образом их припадаху. Несть бо ничто же лучше страха господня и несть ино что, разве еже бояться господа. Кто бо когда упова на господа и постыдесе коли, или кто возва и не услышан бысть? Кто же возуповает ко господу достойно не иже ли, иже вся поперет и оплюет, иже мира сего славная и добродородная? Кто же ли воззовет и не услышится? Не той ли, иже выше земли мыслию и в самое небо смирением влезый за кротким и смиренным || сердцем Исусом? Кто коли будет благороден, да помышляет истинное благородие Исуса^о сына божия, иже смирися и безчестися сущая слава, в кротости всесильный не воздая и бием не воспрещаше. Обезумихся, во священная благодействия приникая, не вед, како слово доведе, зане добре скорбящих, но сократив рещи, ²«благо же⁴ им же скорби — многи бо скорби праведным и боголюбом напасти. Тако бо велик бысть божий друг благословенни обеты божия в земля. Сице благороден Исаак, Ияков чуден, наследницы обетования, и прочии светли вси, иже лишаеми выну и оскорбляеми, || им же не бе достоин весь мир. Отсюда научается непорочный, ибо по оных напастех глаголаше: слухом преже слышах тя, ныне же око мое виде тя. Тако же по скорбех Ияков взываше: «Видех бога лицом к лицу и спасе ми ся душа». Сице по гонениях царственнейший отрок пояше: «Благо мне, яко смирил мя еси яко да научюся оправданием твоим». Како же нецыи от лица собора, радующеся, идяху почто, яко сподобишася, рече, прияти безчестие о имени господа Исуса^с? И кои и колицы, их же слава над небесными, их же глаголы на концах вселенных, им же подножие царския главы, по темницах и юзах || мучими, яже им венцы, им же порфира и светлая одежи — раны! Почто ревноваше мнишеским напастем царственнейший Константин, еже не получив, скорбяше, а и в радости уже коими ят, Иоасаф царствия светлости совлекся, Варлаама в пустынях взыскуя, и Елисвиянови же на гору текущу, самоволне и иноческия страсти добызая како?

О разума и мудрости боголюбцев мужей! О похотителей истинныя славы и живота безсмертнаго и превысокия чести и неприимныя, ибо забыти подлежит человеце естество, наипаче же яко самовластие имать. Праведно убо яже от напа||стей скорбми возбужатися и в свою честь востаяти и к богу восходити, да на забытием от человек скот неразумен будет: призови бо мя, рече, в день печали твоея и избавлю тя и прославиши мя. Отсюда мужи боголюбцы, мудрии же и разумнии, находящыя скорби доблественне терпят, ови же и самоволне в скорби внидоша, нищету и злострадание избравше, паче отчаго благородия, и могущества, и наслаждения, ведуще, яко человек в чести сый неразумен, не токмо приложится скотом несмысленным, но и уподобится им. И той путь соблазн им. Тем же разумнии || усердно страдаху и не стужаху си в напастех, лучшая предизбирающе. В немощи бо есть воля силе божии совершится. Сие же и само естество рода нашего просит. Сими бо помощи наслаждается человечество. Видим бо родоначалника без скорби в раи бывша, вскоре по естеству сущих испадша, абие и на бога возмечтася, израильтяне же по томлениях, идеже ослабу восприяша, ту и на идолослужение

^о Слово Исуса исправлено подчисткой первых двух букв на Исуса.

²⁻⁴ Повторено дважды

^с Слово Исуса исправлено подчисткой первых двух букв на Исуса.

- совратишася, забыша все преславное чудес величество. Что же и Соломона от боголюбства отверже, повсюду препираясь? Добро быти напасти и лучши ослабы, и самая бо || земля, оставленная, — тернию и волчцу мати бывает, прилежима же и мучима, — плодоносит, и лоза режема многоплодна, но и вода стоящая согнивает и смердит, нуждодвижная же и текущая, — сладка и потребна суши. Сия вся притчи и образи жизни нашея поставишася господом, утоляя несмысленное дмение человеческое, яко полезну лечбу забыти и неразумию напасти обяза. *Аще* бо за ны себе даде благий наш владыка и господь, кую ползу ину не бы дал нам, иже преже от сложения мира царство проуготовавый? *Нужда* апостольское слово восприяти: долго || терпите, рече, братие, до пришествия господня, есть бо бог, тем же, *аще* хошем, *аще* не хошем, подобает нам лицу божию явитися. Кацем же убо тогда подобает быти? Точию напастным путем безбедно гордому оному часу приблизитися, яко же апостол научает, ибо искушение вашей веры содевает терпение, терпение же упование, упование же не посрамит. Тем же по божественному Златоусту не сие помышляем, яко да не постраждем что от кого, по сие точно едино помышляем, да на содеем кому что зло, ибо *аще* не подвижи, ниже венцы, *аще* же не труд, ниже почести были быша, || *аще* кто рачительством ят есть прославитися Иисусу и совоцаритися с ним, той без при и без всякого ответа да спостраждет ему и претерпит с ним, вне врат пострада, его же держава, его же владычество, того веление, того честь, тому поклонание, тому слава, ему же сила, ему же величество, ему же царствовати во веки веков. Аминь.

Послание Зиновия, старца Отни пустыни, к неким, вопросившим его о питии.

- * Заповедание вашего братолюбия зело тяжко, и бремя любовь ваша возложи на нашу плещу неудобь носимо, его же подъяти худости ради || своя не могий стыжу бо ся просвещенным мужем беседовати, ни бо и подобно се. Дерзо бо есть, еже и осуждение не мало, преслушание же мучимо всяко и глаголати же, *аще* нам на ся глаголати есть. Нам бо от вас просвещатися есть божественнаго устава веление в недоумении же, еже о сем, что сотворити. Сего ради и долгомедление ответа нашего к вам, обаче своя ми убогия души или о моем погрешении и вам помыслих явлено сотворити.
- Богодухновенное убо писание ветхое и новое весте известно, понеже аз вспомянути же многаши и ветхому || священному писанию, яже от пьянства беду, и в первых принесе праотца нашего Ноя. Той бо вторый родоначальник бысть до потопа. И потом Лота упоена повесть, иже всяку душу в трепет и ужас вложити могущу и не оставляющи нимало поползнутися, еже непщевати вины о гресе, рекше изветы творити согрешению, аки беду принужден или неведение непщевати или неразумия вину прилагати. И о Лоте убо оставляю плач, паче бо мя обаче о сем великаго Василия беседование хотяй да прочтет. О втором же родоначальнице Нои все отцы отвещают праведне, яко первые пит вино и сего ради упися Ной, яко меры питию *еще* не навиче познати. Сего ради и не вмняшеся в грех праведному. Пит бо вино Ной не за еже упитися ему, но вкус познати, и разумев вкушением, яко подобны питию и блажайши естеству, неже вода, яве же от сего, яко пит Ной за еже утолити жажду. И поне вино пит, бысть упитися Ноеви неволею, не ведущу пьянства сущаго в вине. *Аще* же и без греха бысть пьянство праведному, яко же слово

яви, но обаче колику беду пьянство пороуди. || Пишет Моисей в книзе Бытейстей: Пит бо Ной от винограда и опися и спаше наг. Яве же, яко отверже ризы своя, пьянству праведнаго смысл и память погрузившу. л. 82 об.

Виждь же беду величества! Видев его нага Хам, — сын его, и шед поведа братама своима. И истрезве Ной от вина и разуме, еже сотвори ему сын его среднейший, и отвеща на него, еже отвеща, от сего известно, яко елицы сынове его или по естеству, или по духу, или по словеси, иже порождени словом благочестия или добродетелей, аще своим родителем плотским || или духовным, или иже по слову в недостатках их, рекше в со- л. 83 блажнениих, посмеются и иным поклеветут, под ту же клятву Хамову подлагают себе и будут в клятве в век. Дерзну бо разверсти очи свои и простре безстыдно видети наготу отца своего и не покры, но, подивився, зазре и, отшед, не утай срамоты родителя, но поведа и братама своима.

Виждь же и добродетели благих сынов противу злодеянию лукаваго сына. Рече бо писание, яко взяша Сим и Афет ризу, возложиста на обе раме свои, и идоста вспять, и покрыста наготу отца || своего, и лица ею л. 83 об. зряще вспять, наготы же отца своего не видеста. Истрезве же Ной от вина и уразуме, елико сотвори ему сын его средний, и рече: «Проклят будет Хам и да будет раб братама своима». И рече: «Благословен бог Симов, и да будет Хам раб его, и да распространит бог Афета, и вселится в села Симова, и да будет Хам раб има».

Зде разумеем, яко тако же благословени будут, — елицы недостатков не зрят и от иных покрывают отец своих или плотских или духовных или по слову. В толику убо беду конец пьянства || изыде. Тако же и л. 84 Логово же питие в конец колики беды достиже. И вспомяну же и еще писание пьянства, иже при телчи сотворени. Седоша, рече, людие ясти и пити и восташа играти, и конец в беду постиже: падоша бо мечем двадесят тысяч и три тысячи. А в Левитстей книзе заповедь лежит и глагола господь ко Аарону рекий: «Вина и олута не пей ты и сыны твоя с тобою, егда входите в храм свидания, приступающим вам к требнику, да не умрете». Закон вечный врожения их отлучите между святыми и между сквернавыми, показа заповедь питию винному плод умершвление, л. 84 об. яко приступающий к святому жертвеннику, пьюще вино, смерти достойни суть.

Пишет же во Иеремии пророце слово ко Иеремию от господя, глаголя: «Иди в дом Рахавль, и ззови я, и веди я в дом господень, во един от дворов, и напоиши я вина». И приведох Иезекию, сына Иеремиина сына Ховякия, и братию его, и весь дом Рахавин. И введох я в дом господень в храм имения сынов Анании, сына Годолина, человека божия, иже есть близ дому княжа, выше дому Маасекова, сына Селомля, стрегущаго двор || и поставих пред ними корчаги вина и чаши и рекох: л. 85 «Пийте». И рекоша: «Не пьем вина, яко Ианадав, сын Рахавль, отец наш, заоведа нам, рекий: «Не пийте вина вы и сынове ваши до века». И послушахом словесе Ианадавле отца нашего, яко же не пити вина вся дни живота нашего, мы и жены наша, и сынове, и дщери наши». Того ради сице рече господь: Елма же послушавше сынове Ианадавли заповедь отца своего творити, елико им заоведа отец их, не оскуде муж сынов Ианадавл сына Рахавля, стоя перед лицем моим вся дни || земля. л. 85 об.

Сей Иеремия пророк иереи сый и по глаголу божию приведе напоити вина дом Рахивль рода иерейскаго. И есть разумети зде, колико угодно пред господем, еже не упиватися, понеже дом Рохавль не послуша пророка, повелевающа словом господним пити им вино. В толиде же прслушании словесе господня Рахавль дом не токмо не пострада ни единого зла, ниже клятвы коея, но наипаче благословение божие прия, яко быти

- мужу сынов Ианадавов Рахавля предстояти пред лицом господним вся дни земля. || Иудеи же не послушаху повеления господня и оправдания его не храняху, еще же и нечествоваху к богу и укланяющеся от бога ко идолам. И того ради предаст господь Иерусалима в плен, и всего Израиля Новходоносору. И глагола господь на Иерусалима пророки своими и на святая святых предати в плен, и в пожжение, и в вечную смерть царя, и священники, и всего Израиля в расхищение и в преселение. Токмо сынов Ианадавов дом Рахавль снабдети обещася господь, за еже им предстояти пред лицом его, рекше священствовати и молитвовати к богу, мужу дому || Рахавля от сынов Ианадавль, понеже послушаша заповеди отца своего Ианадава, еже не пити вина. И сего ради бог не предаст их в плен, ни в посечение, ни в приселение в Вавилон, но благоволити им предстояти им пред лицом своим вся дни земля. И zde убо преслушание словесе господня сынов Ианадавль толико ползова, за еже не пити им вина по заповеданию отца своего Ианадава, яко быти им без оскудения в службах пред господем богом во вся дни земля.
- Колико же убо зло преслушати словесе господня, навикнуем || не токмо во Исходе, и в Числах, и в Ливитицы, и в Судиях, но и в Царствах. Саул преслуша слово господне и принесе всеозжжение, не пождав Самуила пророка. Сего ради предан бысть на убиение иноплеменником и царство его отъят бог от него и от семени его. Иеровоам, сын Наваш, раб Соломонов, повнегда воцаритися ему над десятью колени сынов Израилев, отступи от бога и сотвори две телице злате, во еже жрети им израильтяном вместо бога. И послан бысть пророк от бога обличити беззаконие цареве, и прият пророк заповедь от бога ни ясти, ни пити || тамо. Повнегда же пророку обличити царя и прорекшу на жертвенник телич, и на жреца их, и на лживых пророк, во еже потребитися им от Иосия царя, и костем их сожещися, и пепелу развеятися, жертвеннику же разседшуся, и руже Еровоамли усуши, простершиися яти пророка. Молитвою же пророка руже цареве исцелевши. Тогда моли пророка Еровоам царь снести хлеб, и не послушав пророк царя снести хлеб, по заповеди господни. Сынове же лжяго пророка, сущаго ту в Вефиле, слышаша пророчество и чудеса видоша, пришедше, поведаша || лжепророку, отцу своему. Той же, всед на осля, постиже пророка господня и моли его возвратитися и снести хлеб у него. Пророк же господень, отрицаюся снеди, поведает ему заповедь от господа не снести тамо. И глагола лжий пророк ко господню пророку: «И аз пророк же есмь, и рече ми господь возвратити тя днесь ясти». И возвратися господень пророк и яст и пит у лжепророка. Провожая же лжепророк господня пророка, рече ему: «Заповедати господь не ясти zde, и ты яде и пит и преступи слово господне. Сего ради на пути поразит тя лев и умреши». И порази пророка лев || и умре пророк господень, осла же пророка не вреди и телесе пророка не коснуся лев, и погребоша его тамо. Колико убо страшен суд на преслушание словесе господня! Пророк, бывый дом духу святому, чудеса сотворивый и от лва удавлен бысть и умре не в дому своем, на земли погребешя, кроме наследия отец своих. Се убо тяжко и поносно во Израили, еже кому погребену быти не в причастии своем. И се вид есть мучения тогда.

Во дни же Ахава, царя Израилева, внегда ят Ахав царя Дамаскова на рати и, почтив, отпусти его, и послан бысть пророк || от господа обличити о сем Ахава. И пришед пророк к человеку, рече ему: «Бий мя». И усумнися человек бити пророка и не бив его. И рече ему пророк: «Понеже не бит мя, се отходиши ты, и снести ты лев». И по отшествии человек той бысть изъяден лвом. И пришед пророк к другому человеку и рече: «Бий мя». И той его бит и сокруши ему лице. О сем Златоуст

в Маргарите повествуя и удивляя же ся, глаголаше: Чюдо, како бивый пророка спасеся, пощадевый же пророка погиле!

Отсюдо навькнуем, яко да повинуемся воли божи во всем. Не просто бо рече пророк: «Бий мя», || но словесем господнем «бий мя». Толика убо суда зельсть на непокаряющихся словеси господню. Пророк прелщен лжим пророком по словеси господню и муж, почитывый пророка паче словеси господня, без мучения не быша оставлени, им же не послушаша словесе господня. Зде же дом Рахавль преслушаша слово господне, повелевшее им пити вино, они же не пиша вина, не токмо не пострадаша ни что же, но и благословение велико и благодать уллучиша.

От сего готово разумети волю божию о питии, яко любит не упивающихся и отвращается зело упивающихся. || Смотрите же зде и се, яко несть просто, еже о дому Рахавли, сынов Ианадавов, писа пророк, но слово господне о сем ему бысть. Сего же ради не яко прилучися ему глаголати, повелесе дому Рахавлю, но введши в дом господень и во двор, ту напоити их рече господь.

Тем же и Иеремия пророк со многим опасением велико свидетелство надстави, яко бы невозможни утаитися сему и повсюду ведому быти, яко введе в дом господен весь дом Рахавль и яко в храм имения приведе, представи же и сынов Ананиин и Годолею, человека божи, воспоминаи и место предначерта || со всяким свидетельством, яко близ есть дому княжа, яко выше дому Маасекова и Селоаома, рече, и стражи двора.

Сего ради великое опасение и многа свидетельства пророк надстави, понеже сыновом Ианадавовым дому Рахавля о питии вина преслушавшем словесе господня быти благословенным, а не мученным, яко же и праведным о нем, иже при Иеровааме пророку господню и при Ахаве пощадевшу пророка и не бившему, зверми умученным бывшем преслушавше слово господне. Толико убо неупивание приятно благому богowi. Яве же || от сего и пьянство, колико ему ненавистно, удобно разумети есть.

Но и вышши всех премудростию Соломон лютое пьянства ведый, написа сице: лутче есть внити в дом плача, паче нежели, глаголя, внити в дом пира. Сия во Еклизиясте, в Притчах же много потязая безумство невоздержания и долгим словом обличая бедное сокрушение, яже от пьянства бываемая, и глаголет: «Сыне, аще премудро будет сердце твое, возвеселиши мое сердце, да не ревнует сердце твое грешником, но во страхе господни будет весь день. Слыши, сыне мой, и премудр бу|деши, исправи мысль твоего сердца, не буди винопийца». Всяк бо пьяница и блудник обнищает и облечется в раздранная, и всяк законопреступник потребится. Кому люте, кому молва, кому судове, кому скаредия и пря, кому сокрушение вотще, кому сини очи? Не прибывающим ли в вине и назирающим, где пирове бывают? Не упивайтесь вином, но беседуйте человеком приятном и беседуйте во искажении их. Аще бо на чаши и на сткляницы даси очи свои, последи же пойдеси на множайшия точила. В последняя же, яко от змия секновен || прострется и, яко от кераста, расходится его яд. Очи твои, егда узрят чюжая, уста твоя тогда рекут стропотная и истаеши, яко же в сердцы моря и яко же кормчи во мнози волнении, та же речеши: «Биша мя и не поболех; поругаша ми ся, аз же не разумех, когда утро будет, да, пришед, взыщу с ними же и снидуся. Сыне, не ревнуй мужем злым, не желай быти с ними».

Зде нещии рекут, оправдающе себе, яко не на худьшее снидохомся испивати, но беседы ради, ибо и Соломон, внегда рече: «Не упивайтесь вином», прирече же абие: «Но беседуйте человеком || приятном». Отъемля

убо Соломон всем таковое лицемерие, не дая ни мала непщевания вины коему лукавству. Сего ради глаголет, повелевая: «Не упиватися вином, но беседовати человеком приятном», — и абие наведе: «Но беседуйте во исхождении», понеже глагола Соломон: «Дай вино мужу, сушу в печали, да упився, забудет убожества». Да не по сему его словеси сластолюбцы пиянство поженут, еже виною печалей упиватися возлюбят. Сего ради zde таковому безумию запрещает Соломон, глаголя: «Не упивайтесь вином, но беседуйте человеком приятном», сиречь нашедшую ти печаль

л. 93 не ви||нным упиванием разсыповай, но беседу приятельскою разсыпи печаль. Могут бо дружняя доброувещательная глаголы разсыпати мужу печаль. Тако Соломон мужу во время печали его не вином, но беседою приятельскою дружнею утешитися повелевает, и понеже беседою приятелей разгнати повеле и веселие призвати, да не на беседе сидящим им удобь приложится к ним вино, его же ради вместо рассмотрения о печали и приятия разума възвнействуются пиянством и забудут премудрость.

Сего ради како повелевает от пиянства свободну быти и избыти

л. 93 об. неи||стования? Рече: «И беседуйте во исхождении», рекше, не на месте сидяще, беседуйте, ниже в дому, но проходяще, во исхождении беседуйте, идеже несть где вину к ним приближиться, ходящим им в происхождении, а не сидящим. Сими показа и она словеса своя, глаголющая еже: «Дай вино мужу в печали сушу, да, упився, забудет убожества». Не о всякой печали прилучшейся глаголет се, яже иже будет, но о оной печали, ей же еще от словес утешения приложити не будет возможно,

л. 94 якова же печаль изжившим в велице богатстве испадшим же || от него во многу нищету. Сия бо печаль словесы исцелеватися не может. Ни едино бо гобзование или имения, кую часть словеса придадут и утешат нищетную болезнь. По словесех бо и в словесех нищета таяжде обстоит единаче впадшаго в ню. И сего ради повелевает сущему в таковой печали дати вино упитися ему, за еже забыти ему обубожение свое. Нищета бо не тако опечалает нищаго, понеже воспитавшуся ему в ней и рождшуся. Сего ради несть тяжка нищему нищета, сродница бо ему и совозрастница суши. Болезненно же убо и тяжко, иже от великого бога||тства впадшему в ню, не обыкшу ко озлоблению нищетному, понеже богатство совозрастно ему и разблажение совоспитательница ему. И сего ради не имать общения в нищете, тем же неисцелною печалию снедаем бывает таковой, и той, упився, забудет убожество свое, от силы вина преклонся в сон, его же ради и поспит в сладость. Иныя же печали, елики от вражды и от суперников, словесы приятелей возмогут утешение прияти. Удобно бо словесы тако взя печали исцелевати, понеже от словес печаль, тем же от словес и исцеление. Сирах же прирече подати болному ||

л. 95 пиянство к печальному подаянию винному.

Мню сего ради, яко же Соломон печальному вино сице и Сирах болному пиянство повелевает, понеже едино страждут убозии и болнии сердечное утеснение и телесное истощание, отнюду же и сну от очию их отходящу. Упивше же ся и уснувшие, оубо однохнутие на толице ов от болезни, ов же от печали приемлют. Показав же убо Соломон, елика злая приобретают пребывающии в вине и назирающии, где пирове бывають, глаголя: «Кому лоте, кому молва, кому судове, кому скаредие и пря, кому

л. 95 об. сокрушение вотще, кому сини очи?», — наказав же || не упиватися вином и како с приятели беседовати, яко ни на беседе, ни в дому, ни в храмине, но наясне во исхождении, заеже не приблизитися к ним вину, да не упиются, — научает же прочее, в колику беду впаднути есть не внимающим себе и не хранящим воздержания, глаголя еще, рече: «На чаши и

на стяницы даси очи твои³ последи же пойдеси на множайшая точила, последняя же, яко от змии секновен, простресея и, яко от кераста расходится его яд», вегда, рече, погубиши хранение и отвержеши от себе воздержание, || и не отвратиши очес твоих от чашиц и ока твоего не возбраниша собирати стяниц, не угасиши пьянственного недуга, но множайший тем воспалиши пламень, не удержав бо себе от чаши, прострешися и до сткляницы, не станеши же и на сткляницы, но пойдеси и на вся точила. Точила же убо, идеже вино изжимают, топчущии. По нашей же стране речь сия: на множайшая русла и тцаны потечеши, рече.

Виждь же убо беды неударжимое стремление. Последи же, рече, яко от змия секновен, простресея и яко яд кераста расходится, яко змию, рече, уяден зле простресея, рекше умрет, не воз||может же ни от обавания обрести злу облегчения, толико бо скоро смерти предаст, елико скоро яд кераста расходится. Мню, кераста гада глаголет, его же у нас именууют уж. Глаголют бо деревенстии людие, видевше уяденых змию, яко в велице болезни многою нуждою умирают, обаче же не вскоре, пребывают бо уядении змию и до полудне зле страждуще, бывает же иному и весь день страдати, есть же иногда и день и ночь в не же время, обретше врача, множицею помогают страждущему. Гаду же, рекше уж, аще уяст, не пребывают уядении четверти || часа живы, яду вскоре разлиявшуся по всему телу, его же, надмнувше, абие умервляет. Ему же по всему подобна пьянственная беда, тако же умершвляющая душу и тело вкупе. Толику убо беду пьянства конец приводится. Глаголет Соломон прочее, жалеет иже по сих суетно раскаявшася, сказав преже страсти лютость, глаголя: «Очи твои, егда узрят чюжая, уста твоя тогда рекут стропотная». Обличая же ему недоумение многая, глаголет: «И истаяши, яко же в сердцы моря и яко же кормчий во мнозе волнении. Та же речеши: Биша мя, и не поболех, поругаша ми ся, и не разумех». Многая || нечувствия и безумия укоряет пьяниц.

Сия убо в Ветхом. Вегда же и в Новом воспомянуты господни глаголы, множае первых пьянство умучаемо обрящем. Рече бо господь: «Горе вам, насыщеннии, яко взалчете». Кое взалкание глаголет господь? Яве, яко оно взалкание, еже при Лазари богатаго от насыщения взалкавшесея показа, вегда возопити богатому в муках: «Отче Аврааме, помилуй мя. Посла Лазаря да омочит край перста своего в воде и накапит мне язык, да проглаголю, яко зле стражду в пламени сем». И еже глагола господь: И начнет злый раб той ясти и упива||тися, и придет господин его в день, во нь же не чает, и в час, во нь же не весть, и распластает его наполю и часть его положит с неверными.

Пишет же апостол: Писах к вам в послании не примешатися к любодейцем, неточию любодейцем мира сего, или лихоимцем, или хищником, или идолослужителем, понеже должни есте убо от мира сего избыти. Ныне же писах вам: Не примешайтесе, аще некий, брат именуем, или блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или ругатель, или пьяница, или хищник, с таковыми ниже ясти. Что бо ми и внешним судите, не внутренним ли вы || судите? Внешним же бог судит. И измете злаго от вас самех. Смет ли кто вас, вещь имея ко иному, судитесь от неправедных, а не от святых? Не весте ли, яко святии мирови судят, и, аще вами судится мир, недостойно есте судищем худым? Не весте ли, яко аггелом судим, не точию житейским? Житейская бо убо судища, аще имате уничиженныя во църкви, сия посаждаете. К сраму вам глаголю: «Тако ли несть ни един в вас премудр, иже может рассудити между брата

³ Над словом твои тем же почерком написано свои.

своего? Но брат со братом судится, и се от неверных. Се бо отнюд срам
 л. 99 вам есть, яко тяжбы имате с собою. Почто не па||че обидими есте, почто
 не паче лишени бываете? Но вы обидите и лишаете, и се братие? Или
 не весте, яко неправедницы царствия божия не наследят? Не льстите
 себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни сквернители,
 ни малакия, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни
 досадители, ни хищницы царствия божия не наследят».

О сих убо аз глаголати не могу, оставляю единой совести та размот-
 ряти. Плачу же себе помногу зело, егда убо буду, никого ни убив, ни
 л. 99 об. заклав, и ни единого обидев, ниже прелюбодеяв, || едино точию пьяница
 быв, со всеми теми царствия небеснаго лишен буду, и вложен буду с ними
 тамо, идеже огонь их не угаснет и червь их не умирает. Что убо мя тогда
 возможет ползовати, еже бога-отца познание и едиnorodнаго его сына
 господа нашего Исуса Христа и пресвятаго его духа святою верою, иже
 в тройцы единого бога? Что же ли буду приобрет, написан быв в жизнь
 вечную царствия небеснаго, вегда во адových темницах заключен буду
 с прелюбодеи и с разбойники и с хищники? Како убо достоин здрогнуся
 л. 100 и вострепешу и убоюся величества страха, по||всегда бывшу ми святым
 крещением и вкушением тела и крове Христовы, сотелесну⁴ и сопричастну
 Христу, абие за пьянство едино услышати грознаго и трепетнаго оногo
 ответа: «Отъидите от мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный
 дяволу с аггелом его?». Нестерпим убо гнев на грешники прещения
 господня, его же воздержанием и вниманием буди убежати нам и хране-
 нием заповедей господних сподобитися блаженнаго и вселюбезнаго слад-
 каго оногo гласа, еже «Приидете, благословении отца моего, последуйте
 уготованное вам царствие от сложения мира». Невозможно убо ни еди-
 н. 100 об. ности страсти греховныя сво||бодитися, аще не до крови противу греха
 стати, яко же научает божественный апостол во еврейстей епистолии.
 В грех же хотением привлачатся человек, сего ради заповедь глаголет:
 Не походи. И аще немужественне крепость в себе основати имамы, во еже
 отринуты от души хотение, чaste попалзающеся в него обрящемся, упив-
 шия же ся душа любовию к богу никако же не походит ни малых не-
 угодных богу. Тако же и убоавыйся господа бога своего, рекше стяжа-
 вый страх господень в сердцы, вскоре премудр будет убежати всякого
 л. 101 греха, взыскав бо греховныя вины и яже в ней обрет жилы || и корения,
 сия пресечет, абие греха умертвит и вскоре избудет страсти, яко же
 Соломон учит, како от пьянства свободну быти, вегда кто преже очи
 свои удержит от чаши, не прострутся ему и руце, еже прияти ю. И аще
 возмужествова на чашу сице, сткляницу же обрящется преже победив.
 Возмогий бо око свое отвратити от чаши, сткляница же и не будет сту-
 жати ему. Точила же будут далече от него до толика, елико ни памяти им
 будет. Забывшему же точила, невозможно в последняя, аки от змия,
 л. 101 об. уядену быти. Где же ли в нем и разытися будет || пьянственному яду
 по керасту? Мню убо, яко лепо послушати Соломона, добро бо учит.

Здрави же будите и молитесь за ны, боголюбцы, яко и братолюбцы
 воистинну, молю вы. О прочих же глаголет апостол: Верен бог, иже не
 оставит нас искуситися, еже мощи претерпети.

⁴ Испр. в рукописи стелесну.

Я. С. ЛУРЬЕ

Холмогорская летопись

Холмогорской летописью мы будем именовать летопись, сохранившуюся в единственном списке в сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1405, и имеющую в рукописи заголовок: «Книга летописец Киевский и Володимирский и Московский всех русских князей от лета 360-го и о родстве литовских князей...». Рукопись Погод. 1405 по почерку и водяным знакам¹ относится ко второй половине XVII в., формат 4°, на 454 лл. Текст Холмогорской летописи занимает основную часть сборника, начиная с л. 13; более сложно определить ее конец. Это определение затрудняется тем, что конечная часть летописи уделяет много места событиям в Двинской земле и в Холмогорах (чем и объясняется предложенное название), а начиная с л. 446 в сборнике читается краткий летописец двинских воевод за 7061 (1553)—7167 (1659) гг. Следует ли считать этот краткий летописец окончанием Холмогорской летописи или же отдельным памятником? Нам представляется правильным второе решение. Как мы увидим из дальнейшего изложения, Холмогорская летопись доведена по крайней мере до 1558 г.; на всем своем протяжении она остается общерусской летописью; двинские известия в последней части перемежаются с общерусскими. Между тем краткий летописец начинается с 1553 г. и таким образом дублирует хронологию Холмогорской летописи, в нескольких случаях сообщая о событиях, о которых уже рассказывалось в Холмогорской летописи (приход английских кораблей в 1554 и 1555 г.), но при этом он остается на всем своем протяжении чисто местным летописцем. Составитель сборника Погод. 1405 в середине XVII в. поместил Холмогорскую летопись и краткий летописец в едином сборнике, но он явно не мог быть составителем Холмогорской летописи, никак не связанной с хронографией XVII в. и построенной на источниках, не переходящих середины XVI в. О самостоятельности летописи и летописца свидетельствуют и чисто палеографические данные. Краткий летописец написан с нового листа (л. 446), на иной бумаге² и иным, более крупным почерком, чем Холмогорская летопись. В последней части Холмогорской летописи (с л. 340) не проставлены даты (для них были оставлены пробелы, но они остались незаполненными), их нет вплоть до конца летописи. Между тем в кратком летописце двинских воевод даты

¹ Подробное описание водяных знаков будет дано в предисловии к изданию Холмогорской летописи. Преобладает водяной знак: голова шута с различными вариантами контрмарок; кроме того, в начале рукописи пасхальный агнец в гербовом щите, медведь в гербовом щите (герб г. Берна). Все эти знаки датируются второй половиной XVII в.

² Водяной знак: буква «В» под короной (без щита), непохожая на те, которые приведены у Лихачева, Вод. зн. (ч. II, стр. 8—11) и у Гераклитова (№ 1029).

проставлены, что еще раз свидетельствует о самостоятельности памятника. Итак, текст Холмогорской летописи помещен в сборнике на лл. 13—445 об.; кроме нее, здесь помещены: хронографический рассказ о городе Словенске, Словене и Русе, известный по ряду списков XVII в.³ (лл. 1—12 об.), уже упомянутый летописец двинских воевод (лл. 446—453) и краткий рассказ о страшных знаменях «за Сербьскою землею» (лл. 454—454 об.).⁴

До недавнего времени Холмогорская летопись не была известна в научной литературе. Мы можем, правда, предполагать, что этой летописью пользовался С. М. Соловьев, приведший из нее цитату. Но С. М. Соловьев ограничился указанием, что приведенная им цитата относится к «одной летописи рукоп. импер. Публ. Библ. XVII века» (без указания фонда и шифра).⁵ В 1947 г. автор этой статьи, просматривая неизданные летописные тексты в ГПБ в поисках известий о новгородско-московской ереси, впервые познакомился с летописью из сборника Погод. 1405 и в 1948 г. опубликовал одно известие из этой летописи.⁶ В 1964 г. в сборнике, посвященном 75-летию С. Н. Валка, мною было опубликовано первичное описание этой летописи и предложено ее наименование — Холмогорская летопись.⁷ В настоящее время Холмогорская летопись подготовлена к печати для «Полного собрания русских летописей под редакцией автора этой статьи совместно с Ю. А. Лимоновым и Э. Н. Савельевой.

Первым шагом на пути текстологического исследования новонайденной летописи является ее сопоставление с другими памятниками. В статье 1964 г. были указаны только две летописи, сходные с Холмогорской в пределах известий XV—XVI вв., — Вологодско-Пермская летопись и Двинский летописец. Сейчас мы знаем пять памятников, совпадающих с Холмогорской летописью (далее: X) в разных частях ее текста. С начала до 6649 (1141) г. X сходна с Типографской (далее: T);⁸ с 6654 (1146) г. до 6898 (1390) г. — со Львовской летописью (далее: Л);⁹ с 6905 (1397) г. до 7002—7007 (1494—1499) гг. — с Вологодско-Пермской летописью (далее: В);¹⁰ с 7008 (1500) г. по 7034 (1526) г. наблюдаются отдельные совпадения с В и с другими общерусскими летописями; с 7038 (1530) г. до конца северно-русские известия частично совпадают с Двинским летописцем (далее:

³ Ср.: ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 137—147 (текст по списку БАН 16.17.I, содержащему Никаноровскую летопись).

⁴ Рассказ этот совпадает с текстом повести «О знаменях бывших в Цареграде», опубликованной А. И. Соболевским (А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси. СПб., 1903, стр. 387—388); в напечатанном тексте говорится только о знаменях за «Перскою», а не за «Сербьскою» землею. Пользуюсь случаем поблагодарить молодого американского ученого, практиканта Ленинградского университета Д. Уо, установившего идентичность этого рассказа с текстом, изданным А. И. Соболевским, и определившего ряд водяных знаков рукописи.

⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. IV. М., 1854, стр. VIII, примеч. 83; ср. последнее издание: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II (тт. 3—4). М., 1960, стр. 606. См. ниже, стр. 149.

⁶ Я. С. Лурье. Первые идеологи московского самодержавия (София Палеолог и ее противники). — Уч. зап. ЛГПИ им. А. М. Герцена, т. 78, 1948, стр. 105.

⁷ Я. С. Лурье. О неизданной Холмогорской летописи. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. — Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. (Труды ЛОИИ, вып. 7). М.—Л., 1964, стр. 449—455.

⁸ ПСРЛ, т. XXIV, Пгр., 1921. — Сходство X с T было обнаружено М. Б. Свердловым.

⁹ ПСРЛ, т. XX, СПб., 1910.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1959.

Д),¹¹ а общерусские не находят определенных соответствий. В различных частях *X* обнаруживаются совпадения с легендарно-публицистическим «Сказанием о князьях владимирских».

Сопоставление *X* с другими памятниками позволяет поставить вопрос об ее происхождении и источниках. Источники эти не могут быть просто отождествлены с известными нам теперь летописями — *T*, *Л* и другими. Хотя *X* в целом, судя по ее заключительным известиям, была составлена не ранее середины XVI в., когда *T*, *Л* и *B* уже существовали, у нас не может быть уверенности, что она пользовалась именно этими летописями в тех редакциях и изводах, которыми мы сейчас располагаем, а не их протографами. Детальное рассмотрение отдельных известий *X* позволяет восстановить довольно сложную систему источников, к которым восходил этот памятник; среди ее источников обнаруживаются и особые версии известных нам сводов, и совершенно неизвестные памятники.

Сходство с *T* обнаруживается, как мы уже отметили, в начальной части *X* — до 6649 г. Во второй части, в основном сходной с *Л*, совпадения с *T* обнаруживаются в следующих известиях: 6720 г. (разделение владими́ро-ростовской епископии — *T*, 6721 г.), отдельные чтения рассказа 6731 г. («О Калском бою»), начало рассказа 6737 г. (мученичество Авраамия Болгарского), заключительная фраза рассказа 6745 г. («О Батыеве рати»), отдельные чтения рассказа 6773 г. («О князе Доманте»), начало известия 6786 г., известие 6788 г. о князе Федоре Ростиславиче Черном, дублирующее предшествующее известие из *Л*,¹² и последующие известия того же года (столкновение митрополита Кирилла с епископом Игнатием), отдельные чтения 6825 г. (убиение Михаила Ярославича), 6832 г. (поход Юрия Даниловича на Неву — в *Л* он именуется «Дмитрий Юрью»), 6860 г. («рукописание Магнуша»), 6865 г. (дата прихода митрополита Алексея в Орду), 6873 г. (женитьба Дмитрия Ивановича «на Коломне») и 6890 г. (известие о «недобрых человеках», грабивших винные погреба во время нападения Тохтамыша, — сходно с *T* или с *B*), начало рассказа 6900 г. о Темир-Аксаке.

Но на этом следы сходства с *T* в *X*, по-видимому, кончаются. В тексте после 6905 (1397) г., сходном с *B*, мы не находим ни одного известия, которое было бы специфично для *T*.¹³ А между тем текст *T* за XV—нач. XVI в. достаточно ярок и своеобразен (особенно в своей конечной части); странно, что составитель *X*, если он располагал полным текстом *T*, его не использовал. Можно поэтому высказать догадку, что в руках составителя *X* была не *T* в нынешнем виде, а только ее начальная часть. Иссле-

¹¹ Древняя Российская вивлиофика Н. И. Новикова, ч. XVIII. М., 1791, стр. 9—14; А. А. Ти то в. Летопись Двинская. М., 1889, стр. 8—13.

¹² В *Л* под 6788 г. сообщается, что «Феодор Ярославич шед, седе во своей отчине во Смоленсте»; это несомненное искажение известия Ермолинской: «Феодор Ярославский, шед, седе...» (ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910, стр. 91). *X* приводит (одно за другим) и известие *Л* (с искажением отчества), и известие *T* с правильным указанием отчества и прозвища Федора.

¹³ Те немногие известия этой части *X*, которые сходны с *T*, встречаются и в других летописях. Так, рассказывая о строительстве кремлевских стен (в 1490 г.), *X* упоминает, что архитектор Петр Фрязин «стену свершил от Свибловские стрельницы до Боровицких ворот»; этого известия нет в *B*, а в *T* оно читается под 6998 г. Но точно так же читается этот текст и в *Л* (ПСРЛ, т. XX, стр. 355; ПСРЛ, т. XXIV, стр. 207). Более своеобразно известие о том, что после пожара (в 1493—1494 гг.) Иван III стоял «у Николы у Подкопаева под конюшнею во христианских дворех» (л. 406 об.; дат в этой части *X* нет). В *Л* сходное известие («у Николы у Подкопаева у Явузы в христианских дворех») помещено в конце 7001 г., до известий следующего года о пожаре в Рязани и смерти Андрея Углицкого; в *T*, как и в *X*, — после этих известий (под 7002 г.), но слов «под конюшнею» нет в обеих летописях.

дую *T*, А. А. Шахматов отметил, что она довольно определенно делится на две части. Первая часть *T* от начала до 6931 (1423) г. представляет собой, по мнению А. А. Шахматова, довольно позднюю компиляцию древних летописных текстов, основанную на Московском своде 1479 г. с большими дополнениями по источнику этого свода — своду 1305 г. (протографу Лаврентьевской летописи).¹⁴ Встречались в этой компиляции и своеобразные известия, неизвестные по другим летописям, например предположение (под 6411 г.) о родстве княгини Ольги с вещим Олегом: «нецыи же глаголют, яко Олгова дчи бе Ольга». Не опиралась ли *X*, передающая эти своеобразные известия *T*, на ее источник — летописную компиляцию, доведенную до 1423 г.? В пользу этой догадки может говорить то обстоятельство, что *X*, обычно систематически сокращающая свой оригинал, в нескольких местах оказывается полнее *T* и содержит отсутствующие в ней известия. Так, под 6574 г. в *X* читается несколько известий о нахождении уродов «при Маврикии цари» во Фракии и т. д.; известия эти соответствуют Лаврентьевской летописи (6573 г.), но в дошедшем до нас тексте *T* (также как в *Л* и *В*) их нет. Более исправно передано в *X* известие 6745 г. о судьбе князя Ярослава и его сыновей после нашествия Батыя («избегоша от поганных», а не «избиша», как в *T*). Но принять предположение о непосредственном отражении в *X* компиляции, составляющей первую часть *T*, мешает то обстоятельство, что у нас нет данных о существовании этой компиляции в виде самостоятельного памятника, — в отдельных списках она не сохранилась и ни в какие другие летописи не вошла. Вопрос о том, что представлял собой источник, сближающий *X* с *T*, приходится поэтому оставить открытым.

Не менее сложен вопрос о соотношении *X* с *Л*. Отдельные известия, сходные с *Л*, появляются в *X* еще в первой части, близкой к *T*. К *Л*, по-видимому, восходит окончание рассказа 6496 г. о изгнании идола Перуна: «Плови света в окошную». Под 6613 г. в *X*, как и в *Л*, сообщается о пострижении в чернецы князя Святоши;¹⁵ в *T* известие о пострижении Святоши читается под 6614 г. в иной формулировке («пострижесе Святослав, рекше Святоша, сын Давидов, внук Святославль...»), и *X* вновь дает его под этим годом (в той же форме, что и *T*), явно обнаруживая наличие двух источников. Совпадает с *Л* и окончание текста 6643 г. в *X* — о бегстве Всеволода Мстиславича в Новгород, его двухмесячном заточении и о приглашении в Новгород его сына Владимира (в *Л* — 6644 г.). Систематическая близость к *Л* характерна для второй части *X*, начиная с 6654 г. и кончая известиями 6898 г. о нападении Тохтамыша на Вятку и походе новгородских ушкуйников на Жукотин. Далее под 6900 г. следует рассказ о нашествии Тохтамыша на Москву, сходный то с *T*, то с *Л* (в *ТЛ* он под 6903/04 гг.), а затем под 6904 г. — совершенно своеобразные известия, отсутствующие в *ТЛ*; с 6905 г. начинается совпадение с *В*. И уже самая эта граница сходства *X* с *Л* заслуживает внимания. С 6901 (1393) г. начинается сплошное сходство (почти тождество) *Л* с Софийской II летописью, простирающееся до 7026 (1518) г. Если считать, что в основе *Л* лежал текст Софийской II летописи (свода 1518 г.), в котором первая часть — до 6900 г. — была затем заменена другим текстом,¹⁶

¹⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 285—293, 367. — Часть исследования А. А. Шахматова, посвященная тексту «Повести временных лет» в *T*, была опущена в печатном издании; см. ее в рукописи: Архив АН, ф. 134, оп. 1, № 110/1—IV, стр. 416—422.

¹⁵ В *X* — «... и бысть имя ему Никон»; в *Л* правильно — «Никола».

¹⁶ К такому заключению пришел А. А. Шахматов в своей последней статье (из «Нового энциклопедического словаря»); ср. его «Обзорение русских летописных сво-

то не следует ли предположить, что и текст *X*, совпадающий с *Л* и доходящий до того же года, заимствован не из *Л*, а из ее источника? Основной источник *Л* в этой части нам известен: это летописный свод, сохранившийся в составе Ермолинской летописи.¹⁷ Предположение о непосредственном влиянии источника *Л* на *X* как будто согласуется с тем, что в нескольких местах *X* дает чтения более исправные (или во всяком случае более близкие к Ермолинской), чем *Л*. Так, под 6858 г. в *X* читается: «Преставился князь Василей Александрович Рязански»; это соответствует Ермолинской летописи (6895 г.; так же и в Московском своде 1470 г.); в *Л* (6859 г.) — «Василий Ярославич Александрович». Под 6875 г. *X* рассказывает, как Ольгерд, «уведав про великого князя (Дмитрия Ивановича, — Я. Л.), яко не совокупися силою своею на Москве», решил напасть на Москву; так же читается и в Ермолинской (6876 г.); в *Л* явно ошибочно — «яко совокупися» (6876 г.).

Но как ни заманчиво предположение о независимости *X* от *Л*, от него все же приходится отказаться. Тесная связь *X* с *Л* на протяжении 6654—6898 гг. обнаруживается во всех существенных отличиях последней от Ермолинской и других летописей. Под 6845 (1337) г. в *Л* читается своеобразное и совершенно фантастическое известие: «Того же лета Батый воева Русь»; это же известие сообщает и *X*, передвинув его только (с нередким для нее нарушением хронологии источника) на 6843 г.¹⁸ Столь же своеобразной особенностью *Л* (отличавшей ее от всех до сих пор известных летописей) является коллекция ханских ярлыков русским митрополитам, помещенная здесь под 6865 г. после рассказа об исцелении царицы Тайдулы митрополитом Алексеем. В *X* под тем же годом помещен тот же рассказ и после него ярлык Тайдулы и начало следующего ярлыка (Бердебека) — ясно, что в протографе *X* коллекция ярлыков была, как в *Л*, в более полном виде. Отличается *Л* от Ермолинской и ряда других летописей и известиями 6871 г. — здесь рассказывается о походе Дмитрия Ивановича с братьями на Дмитрия Галицкого и о борьбе между ростовскими князьями; в Ермолинской всех этих известий нет.¹⁹ *X* и в этом

дов XIV—XVI вв.» (стр. 370). В более ранних работах он склонен был считать, напротив, первичным текст *Л*, думая, что Софийская II заменила в общем протографе текст до 6901 г. текстом Софийской I летописи (А. А. Шахматов: 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1889, стр. 41—45; 2) Общерусские летописные своды XIV—XV вв. — ЖМНП, 1900, № 11, стр. 143—144). Новая точка зрения А. А. Шахматова (основанная на ознакомлении с рукописью *Л*, вновь найденной в начале XX в., — до этого исследователь был вынужден пользоваться печатным изданием XVIII в.) хорошо согласуется с фактами прямого влияния древнейшего (Архивского) списка Софийской II на *Л* (ср.: Хожение за три моря Афанасия Никитина. М.—Л., 1958, стр. 174—176).

¹⁷ Текст *Л* особенно близок к Ермолинской в пределах 6714 (1206)—6926 (1418) гг.; между 6901 и 6926 гг. более или менее сходны и *Л*, и Ермолинская, и Софийская II летописи (ср.: А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904, стр. 26—48).

¹⁸ Аналогичное анахронистическое сообщение о походе Батыя содержится и в Кратком Погодинском летописце (ГПБ, Погод. 1612, л. 127 об.), имеющем (в известиях XV в.) общие черты с *X* (см. ниже, стр. 142—143). Но это известие помещено в Кратком Погодинском летописце под 6880 (1372) г. и по тексту не имеет ничего общего с *X* и *Л*.

¹⁹ Происхождение этих известий *Л* заслуживало бы специального исследования: их нет в Софийской I—Новгородской IV летописях, в Никаноровской летописи и Московском своде конца XV в., в Московско-Академическом списке Суздальской летописи (о «нелюбви межю князьми Ростовскими Костянгином и Андреем» сообщается там иначе и под 6870 г.). Краткое известие об изгнании Дмитрия Галицкого из Галича содержалось в Троицкой летописи (М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 379; ср. ПСРЛ, XV, вып. I, Пгр., 1922, стлб. 74); под 6870 г. об этом сообщают «Сокращенные своды» (ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, стр. 243 и 327).

случае следует *Л*. Читается в *Х* и известие о смерти епископа Ростовского Игнатия, приведенное в *Л* под следующим 6872 г. и отсутствующее в Ермолинской. Как и в *Л*, в *Х* приводится под 6884 г. разговор умирающего Алексея с Сергием о митрополичьем престоле; в Ермолинской этого разговора нет.²⁰

Еще более существенно другое обстоятельство: зависимость *Х* от *Л*, по-видимому, не заканчивается после 6900 г., когда прекращается систематическая близость между обеими летописями. Среди известий *Х* за середину XV в., восходящих в основном к *В*, мы читаем рассказ об обретении мощей ярославских князей Федора Ростиславича и его детей Давида и Константина, лежавших «наверх земли» — «сам же великий князь Федор велик бысть возрастом человек, и те у него сынове Давид и Константин под пазухами лежали, зане ж меньши его возрастом, лежаху же во едином гробе» (л. 376 об.).²¹ Этих подробностей обретения мощей ростовских князей нет в *В*, и они читаются только в двух летописях — *Л* и Софийской II (под 6971 г.);²² поскольку *Х* не обнаруживает больше никаких прямых случаев совпадения с Софийской II, мы должны, очевидно, видеть здесь доказательство продолжавшегося влияния *Л*. А если связь с *Л* не заканчивается в *Х* на 6900 г., то можно предполагать, что к тому же источнику восходят и другие общерусские известия, которые отсутствуют в *В*. Начиная с 7002 г. известия, сходные с *В*, соединяются в *Х* с иными известиями из общерусского летописания; с 7007 г. эти общерусские известия начинают преобладать над известиями из *В*. Откуда же их заимствует *Х*? После 6997 (1489) г. текст *Л* (как и текст Софийской II) уже не отличается таким своеобразием, как до этого года (здесь, по-видимому, заканчивался оппозиционный свод 1489 г., связанный с митрополитом Геронтием и отразившийся — через свод 1518 г. — в *Л* и Софийской II). Общерусские известия *Х* после 7002 г., отсутствующие в *В*, почти все отыскиваются в *Л* и могут быть возведены к этой летописи. Таковы известия об ограблении русских послов при возвращении из Волошской земли «ордынскими казаками», о приходе литовских послов «о миру и о любве», об оставлении митрополии Зосимой за то, что он «непомрено питья держашеся» (*Л*, 7002 г.), об аресте колыванских купцов и ходатайстве литовского князя (*Л*, 7003 г.), о войне за Казань, приезде старцев со Святой горы, взятии шведами Иван-города, поставлении митрополита Симона (*Л*, 7004 г.), о посольстве в Крым и Царьград, поставлении новых епископов, походе польского короля (на Молдавскую землю)²³ (*Л*, 7005 г.), об опале на Василия и Софию Палеолог «по диаволу действу» (*Л*, 7006 г.), о пожаловании Василия «21 марта» Новгородом и Псковом, о нападении на казанского царя князей Агмака (Агалака) и Урака (*Л*, 7007 г.), и т. д.

²⁰ К числу своеобразных известий *Л*, переданных в *Х*, принадлежит известие под 6728 г. о взятии Святославом болгарского города Ошела (в *Л* — Отшел), «иже бе создан Александром Макидонским царем» (в Ермолинской и других летописях нет упоминания об Александре Македонском). В статье 1964 г. происхождение этого известия из *Л* еще не было установлено автором настоящей работы, и известие рассматривалось как уникальное (Я. С. Лурье. О неизданной Холмогорской летописи, стр. 450—451, 455).

²¹ С л. 340 (после 1446 г.) в *Х*, как мы уже отметили, не проставлены даты; для известий этого раздела указываем листы рукописи или даты, устанавливаемые по параллельным текстам.

²² В *Л* и Софийской II упоминается сын Федора Константин, «да внук его Давид»; в *Х* они оба именуются детьми; выражение *Х* «лежаху же во едином гробе» ближе к *Л* («одном гробе»), чем к Софийской II («новом гробе»).

²³ В *Х* здесь опущен конец известия о цели похода: «на Степана воеводу Волосского».

Мы можем, таким образом, предположить, что *X* восходит не к одному из источников *Л*, а к самой этой летописи. Какой именно редакцией *Л* пользовался составитель *X*? В своем нынешнем виде *Л* доходит до 1559 г. и завершается «Летописцем начала царства» (дошедшем также отдельно и в составе Никоновской летописи), но ее основной текст доведен до 1533 г. Никаких следов влияния «Летописца начала царства» в *X* не обнаруживается; последнее известие, совпадающее с *Л*, — известие о приходе казанских послов Аппая улана и Бахты Киядея в 7033 (1525) г. Очевидно, у составителя *X* была *Л* в редакции 1533 (7041) г. — этим может объясняться и наличие в *X* некоторых чтений, первичных по сравнению с дошедшей до нас редакцией 1559 г.

Наиболее существенна для характеристики *X* ее связь с *B*. Отдельные совпадения с *B* встречаются уже среди летописного рассказа за XII—XIV вв. Так, под 6614 г. в *X* читается сходный с *B* рассказ о походе на половцев Яна Вышатича (в *X* его имя пропущено, но оставлен пробел) и его брата Путяты. Под 6643 среди известий, сходных с *T*, в *X* читается сообщение о взятии половцами и Ольговичами городов Нежатины и Варсуча, совпадающее с *B* (и отсутствующее в *T* и *Л*). К *B* могут быть возведены некоторые места в рассказе 6749 г. «О князи Александре Невском», в целом сходном с *Л*, например слова Александра: «Бог не в силе, но в правде...». С *B* совпадает также рассказ 6755 г. (убиение Михаила Черниговского) и конец известия 6786 г. («седоста Борисовичи в Ростове...»). В рассказе *X* за 6851 г., соответствующем в начале тексту *Л* за 6849 г., далее сообщается о трех браках князя Семена Ивановича — такое же сообщение читается в *B* (6849 г.). В известии 6850 г. (следующем в *X* за 6851 г.) к основному тексту, сходному с *Л*, прибавлено загадочное сообщение о походе в Орду Семена Ивановича, «иже сел на царство уби два братии своих», — слова эти отыскиваются в *B*, где они относятся к «поганому царю Занибеку» (6850 г.). Совпадают с *B* отдельные известия 6873 г. (о походе новгородских «молодых людей» на Волгу — *B*, 6874 г.), 6883 (известие о приходе и отходе силы «от Литвы», дублирующее помещенное выше известие *Л*), 6894 (пребывание в Новгороде Патрикея Наримановича и Романа Юрьевича) и 6896 (мор в Смоленске — *B*, 6895 г.) гг. С 6905 г. начинаются, как мы уже знаем, систематические совпадения с *B*, характерные для третьей части *X* (за XV—нач. XVI в.).

Вологодско-Пермская летопись, с которой *X* особенно тесно связана своим происхождением, стала известна ученым относительно недавно — благодаря А. А. Шахматову;²⁴ лишь в 1959 г. она была издана в ПСРЛ под редакцией М. Н. Тихомирова. Уже А. А. Шахматов обратил внимание на существование двух редакций *B* — 1528 г. (Академический список) и 1538 г. (Кирилло-Белозерский и Синодальный списки; позднее был найден еще один список этой редакции — Чертковский).²⁵ Выводы А. А. Шахматова были приняты М. Н. Тихомировым, высказавшим предположение, что в основе дошедших до нас списков *B* лежит свод конца XV—нач. XVI в., составленный при дворе пермского епископа (на 1499 г. кончаются северные известия свода).²⁶ Предположение М. Н. Тихомирова получило подтверждение благодаря находке (уже во

²⁴ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV вв., ЖМНП, 1900, № 9, стр. 141—144.

²⁵ А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв., стр. 346—354 и 372 (статья «Летопись»).

²⁶ М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. — Проблемы источниковедения, сб. III, М.—Л., 1940, стр. 238—241.

время издания Вологодско-Пермской летописи) Лондонского списка *В*. Лондонский список доводит изложение до 7007 (1499) г. и представляет собой, по мнению его исследователя В. И. Буганова, первоначальную редакцию *В*.²⁷

С ранней традицией *В* связан, по-видимому, и обнаруженный И. М. Кудрявцевым летописный текст (доведенный до 1480 г.) в составе сборника ГБЛ, Муз. 3271. О раннем происхождении текста Муз. 3271 говорит уже время написания самой рукописи — конец XV или самое начало XVI в.²⁸

М. Н. Тихомиров и другие исследователи *В* не обратили, к сожалению, внимания на обстоятельство, отмеченное уже А. А. Шахматовым, — зависимость *В* от свода 1471—1472 гг., отразившегося в составе Никаноровской летописи.²⁹ А между тем сопоставление различных редакций *В* с Никаноровской, подтверждая эту зависимость, подкрепляет вместе с тем тезис о существовании трех редакций *В* — первой редакции конца XV в., представленной Лондонским списком, второй — 20-х годов XVI в. (Академический список) и третьей редакции (остальные списки).³⁰

Все эти факты истории текста *В* приобретают особое значение при изучении недавно найденных летописных текстов, так или иначе связанных с традицией *В*. К их числу, помимо текста, обнаруженного И. М. Кудрявцевым (Муз. 3271), относятся Краткий Погодинский летописец, частично опубликованный нами в 1962 г.³¹ и летописные заметки 1378—1395 гг. из сборника ГИМ, Увар. собр. 206 (1776), публикуемые Н. Ф. Дробленковой в настоящем сборнике;³² относится к ним и исследуемая нами Холмогорская летопись. В Кратком Погодинском летописце читается целый ряд известий за XV в., сходных с *В*, и общерусского и местного (северо-восточного) характера; близость к *В* простирается как раз до 7007 г. (на котором заканчивается Лондонский список *В*). С Лондонским списком (и сборником Муз. 3271) совпадают и отдельные чтения Краткого Погодинского летописца, например под 6902,³³ 6991³⁴ и 7006 гг.³⁵ Черты сходства с Лондонским списком обнаруживают и лето-

²⁷ В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV—нач. XVI в. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова, М., 1963, стр. 158—165.

²⁸ И. М. Кудрявцев. Сборник последней четверти XV—нач. XVI в. из Музейного собрания. — Зап. Отд. рукописей ГБЛ, вып. 25, М., 1962, стр. 225—233.

²⁹ Вопрос о взаимоотношениях Никаноровской и *В* и о том, насколько точно Никаноровская летопись передает текст свода 1471 г., будет разобран нами в специальном исследовании.

³⁰ Не разбирая здесь этого вопроса подробнее, отметим, что в основных отличиях Лондонского списка от более поздних списков (В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV—нач. XVI в., стр. 162) он совпадает с Никаноровской летописью.

³¹ Я. С. Лурье. Краткий летописец Погодинского собрания. — Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1962, стр. 436—444.

³² См. в этом томе, стр. 309—319.

³³ В Никаноровской и в Лондонском списке *В* (под 6901 г.) говорится о поездке Василия Дмитриевича «к отцу (или „ко тцу“) своему» Витовту (так же читается в Погодинском Кратком летописце и Муз. 3271 (л. 182) под 6902 г.; в остальных списках *В* — «тестю», «тстю», «тцтю»).

³⁴ В Погодинском к имени Ивана Салтыкова прибавлено «воеводу»; такое же дополнение читается в Лондонском, Академическом и Синаодальном списках; в остальных его нет (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 275, примеч. 85 и 365, вар. к стр. 275).

³⁵ В Погод. (под 7007 г.) говорится, что Иван III повелел казнить С. И. Ряполового (Ряполовского) «смер(т)ною казнию и повеле ему главу отсеци»; так же чи-

писные заметки Уваровского сборника — здесь читается, например, рассказ о Темир-Аксаке, содержащийся только в Лондонском списке *B*.³⁶

Какое же место занимает *X* в этой традиции *B*? Детальное сопоставление отдельных чтений говорит о близости *X* к ранней редакции *B* конца XV в. и ее отличиях от поздних редакций, в особенности от третьей. Так, под 6873 г. в *X* читается, что новгородские «молодые люди» пошли на Волгу «без новгородского слова»; так же (вслед за Никаноровской) читается в Лондонском списке и сборнике Муз. 3271 (л. 134 об.); в остальных списках *B* (включая Академический) — «без новгородского ведома». Совпадает в *X* с Никаноровской и обеими старшими редакциями *B* (Лондонский и Академический списки) именование князя «Дьбрянскаго» (например, под 6906 г.) и города «Дебрянска» (например, под 6954 г.); в младшей редакции — «Брянский», «Брянск»; совпадает *X* с Никаноровской и со списками старшей редакции *B* и расходится с младшей и при пересказе грамоты Фотия против литовского митрополита Цамблака (6925 г.).³⁷ Рассказывая о новгородском восстании 6926 г., *X* сообщает, что новгородцы волочили боярина Божи́на на вече, «текучи мало не до смерти»; это — несомненно искажение текста Никаноровской и старших редакций *B* — «тепучи мало не до смерти»; в младшей редакции — «бьючи». ³⁸ Первичные чтения, сходные со старшими редакциями *B*, содержит и рассказ о событиях 6954 г. — здесь говорится, что ослепленного Василия II сослали в «Угличе поле» (в младшей редакции *B* — «Углич»), что сподвижник Василия Федор Басенок, «лежа» (пребывая) под своим «приселием» (приселком, поселком),³⁹ вербовал сторонников (в младшей редакции — бессмысленное «под своим приятелем»), и т. д.⁴⁰ Совпадает *X* со старшими редакциями *B* и в известиях конца XV в., отсутствующих в Никаноровской (заканчивавшейся 1471 г.). Сообщая о походе крымского хана на Киев в 1483 (6990/90) г., *X* повествует: «безбожный царь Ачирево приде...»; та же форма встречается в Погодинском кратком летописце и в Академическом списке *B* («взят бысть Киев город от царя Ачиреева сына», «пропустил бог царя со многими силами Ачиреева»); в младшей редакции *B* — «Ачи Гиреева сына». ⁴¹ Рассказывая далее о нападении на Киев, *X* сообщает: «а воеводу ж, и жену, и две дочери (наместника Хоткевича, — Я. Л.) с собою поведоша». Это сообщение полностью отсутствует и во второй (Академический список) и в третьей редакции *B* и читается только в Лондонском списке.⁴² Сходство

тается в Лондонском и Академическом списках *B*; в остальных списках нет вторичного «повеле» — «казню, головы отсеци» (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 291, примеч. 50—51; стр. 368, вар. к стр. 291).

³⁶ См. в этом томе, стр. 310.

³⁷ Ср., например, фразу о сторонниках Цамблака: «спешаше гусни и мерскаго онаго поставляют»; далее Фотий призывает литовских православных: «во всем никакже приобщаемы будете, гнужающеся его»; в младшей редакции — «гнусни», «слушающе его» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 98, примеч. 99; т. XXVI, стр. 180, примеч. 62, 181, 359, вар. к стр. 181; ГБЛ, Муз. 3271, л. 198).

³⁸ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 99; т. XXVI, стр. 182, примеч. 15, 359, вар. к стр. 182; ср.: Срезневский. Материалы, т. III, стлб. 1050 и 1085.

³⁹ Ср.: Срезневский. Материалы, т. II, стлб. 15 и 1454.

⁴⁰ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 214, примеч. 36, 202, примеч. 74, 203, примеч. 1, 360, вар. к стр. 201—202; в Муз. 3271, л. 228 об. — «лежа под своим прителем». В Никаноровской летописи (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 110—111) сохранилось только начало рассказа об ослеплении Василия, совпадающее по чтениям со старшими редакциями *B* («убежати никако бяше»; в *X* этому соответствует особый вариант — «ни один не утече»).

⁴¹ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 275, примеч. 1 (список С здесь сходен со старшей редакцией). В Лондонском списке здесь, судя по Румянцевскому списку (ГБЛ, ф. 256, № 246.2, л. 133 об.), какой-то дефект.

⁴² ПСРЛ, т. XXVI, стр. 367, вар. к стр. 275.

X со старшей редакцией *B* в отдельных чтениях мы наблюдаем и в известиях о походе на вогульского царя (6991 г.),⁴³ и о посылке на Печеру (6999 г.).⁴⁴

Текст *X* таким образом связан с ранней традицией *B*. Однако непосредственно возвести его к первой редакции *B*, представленной Лондонским списком и отразившейся в Кратком Погодинском летописце, мы не можем. Сходство *X* с *B* не заканчивается 7007 г., до которого доведена первая редакция; некоторые (хотя и единичные) совпадения с *B* обнаруживаются и после этого года. Сходно с *B* начало известия об отложении Махмед-Аминя Казанского (7013 г.). начало известия о попытке бегства Семена Ивановича в Литву (7019 г.), известия о приезде Мстиславского «бить челом великому князю в службу», о падении «яблока под крестом» с Архангельской церкви и о голоде в Москве и в Вологде (7034 г.). Близость отдельных чтений в рассказе 7034 г. с Академическим списком *B*,⁴⁵ как и совпадения их в предшествующем материале, могли бы свидетельствовать о зависимости *X* от редакции 20-х годов XVI в., но против такого вывода говорят те случаи, когда *X* совпадает с Лондонским списком и расходится с Академическим (например, известие о пленении жены и дочерей Хоткевича в 1483 г.). *X*, очевидно, восходила к особой версии *B*, основанной на редакции 1499 г. и продолженной до 20-х годов XVI в., но не идентичной с Академическим списком. О своеобразии этой версии говорят и некоторые черты ее близости с летописными заметками 1378—1395 гг. в сборнике Увар. № 206 (1776), по-видимому, основанными на первой редакции *B*. С летописными заметками совпадает в *X* рядом чтений рассказ 6897 г. «О преставлении вел. кн. Дмитрея Ивановича»,⁴⁶ как и эти заметки, *X* именуется Дмитрия (при изложении спора в Орде в 6940 г.) «Дмитрием Ивановичем Задонским». ⁴⁷ Особая версия *B* могла быть источником и некоторых уникальных известий *X*. Весьма возможно, в частности, что своеобразный рассказ *X* о разрыве казанского хана Магмет-Аминя с новоназначенным соправителем Ивана III Василием Ивановичем из-за того, что Василий «изменил братаничу своему князю Дмитрею, поимал его через крестное целование» (л. 423 об.—424) восходил к этой версии *B* — об этом говорит начало рассказа (непосредственно предшествующее заявлению Махмед-Аминя), где упоминается, что Махмед Аминь «людей торговых грабил и секл, а иных розослал в Асторокан и в Нагаи». Точно такой же текст читается в *B* под 7013 (1505) г.⁴⁸ К особой версии *B* могло восходить и сообщение о строительстве града в Вологде, помещенное в *X* (л. 437 об.) среди известий, читающихся в *B* под 7034 г.

⁴³ Чтение «Салтыка воеводу» (л. 393) ср. выше, стр. 142, примеч. 34.

⁴⁴ В *X* (л. 404 об.), как в старших редакциях *B* (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 288, примеч. 25, 368, вар. к стр. 288) — «ужина провадити» или «ужи напровадити» (до-ставлять канаты — ср.: Срезневский. Материалы, т. II, столб. 1511; т. III, столб. 1163, 1167); в младшей редакции (кроме Синодального списка) — «корм провадити».

⁴⁵ В *X* говорится, что Мстиславский (так в Академическом, в других списках *B* — «Ижеславской») приехал «бить челом к великому государю в службу»; в Академическом: «бил челом служить»; в других списках нет «бил челом»; в *X*, как в *T*, упоминается, что «людей мерло много з голоду» (так в Академическом, в других списках нет); в списках третьей редакции сын боярский, убитый свалившимся яблоком, именуется «стародубцем»; в *X*, как и в *A*, этого нет (*X*, л. 437 об.; ПСРЛ, т. XXVI, стр. 313, примеч. * и **).

⁴⁶ На эти совпадения обратила внимание М. А. Салмина — см. статью «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» в настоящем томе, стр. 85.

⁴⁷ Ср. в этом томе, стр. 313—315.

⁴⁸ В *L* (под тем же годом) читается сходный рассказ, но слова «грабил» и упоминания об Астрахани здесь нет.

Эти известия, восходящие, возможно, к традиции *B*, но не имеющие соответствий в других источниках, подводят нас к последнему и наиболее важному вопросу данной статьи — об оригинальных чертах *X* как памятника летописания, связанного с определенным временем и местом. Едва ли можно сомневаться в том, что исследуемая летопись, как и *B*, сложилась в северных областях Русского государства, но известия, относящиеся к русскому северу, не заканчиваются в ней на 1499 (7007) г., как в *B*, а продолжают до конца изложения — до середины XVI столетия. Летописец, трудившийся в середине XVI в. в Двинской земле (очевидно, в ее центре — Холмогорах) или в Вологде, наряду с особой версией *B* и двумя другими летописями *T* и *L* привлек еще четвертый источник, близкий к известному нам Двинскому летописцу. Первое совпадение *X* с *D* — это сообщение 6939 г. (но помещенное между известиями 6942 и 6944 гг. на л. 309—309 об.) о походе Ивана Лошинского из Новгорода «на Каяне з двиняны»; под 6999 г. читается известие о походе на Печеру, сходное с *B* и частично с *D*.⁴⁹ Но систематическая близость между *X* и *D* начинается с известия о пожаре в Холмогорах в 1530 (7038) г. и длится до 1555—1556 гг.⁵⁰ Эта близость никак не может быть объяснена зависимостью *X* от *D*, составленного в своем нынешнем виде в XVIII в., ни зависимостью *D* от *X* (каждый из этих памятников включает такие известия, которых нет в другом). Несомненно, что составитель *X* использовал местное летописание, отразившееся и в *D*, и в кратком летописце двинских воевод, помещенном в конце сборника Погод. № 1405. К четырем летописным источникам — *T*, *L*, *B* и Двинской летописи (см. схему на стр. 146) составитель *X* присоединил еще ряд внелетописных. Это уже упомянутые «Сказание о князьях Владимирских», «Повесть» Симеона Суздальца («О собрании патриарх к папе римскому»),⁵¹ «повесть» Нестора Искандера в хронографической редакции («О взятии Царьграда»)⁵² и «Просветитель» (вступительное «Сказание о новоявившейся ереси») Иосифа Волоцкого.⁵³ Ю. А. Лимонов обнаружил вставной характер (и независимость от известных нам летописей) еще одного рассказа *X*: своеобразного жития князя Федора Ростиславича Ярославского, помещенного под 6785 г.⁵⁴

⁴⁹ Две части этого известия помещены в *B* раздельно: о посылке на Печеру Ивана, Виктора, Ондрича Петрова и Семена Болтина — под 6999 г. (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 286), а об отправке на Цильму Мануила Ларева — после известий 7000 г. (но с новой датой 6999 г. — там же, стр. 288); в *D* отправление Ларева упоминается, но дальнейшего текста нет. В статье 1964 г. вторая часть этого известия неверно определена как уникальная в *X* (Я. С. Лурье. О неизданной Холмогорской летописи, стр. 454).

⁵⁰ Эти сведения перечислены нами в статье 1964 г. (там же, стр. 454).

⁵¹ *X*, лл. 311 об.—326. Текст «Повести» Симеона наиболее близок к тексту, изданному в книге: А. С. Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 198—207. (Архивский список, использованный в разночтениях в издании: В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 89—98).

⁵² *X*, лл. 344—370 об.; ср.: ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, СПб., 1911, стр. 445—460.

⁵³ *X*, л. 395 об.—404 об. Текст *X* представляет собой сокращение Лроицкого извода I редакции «Сказания о новоявившейся ереси» (ср.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—нач. XVI в. М.—Л., 1955, стр. 468—475, Разночтения).

⁵⁴ Этому вопросу будет посвящена специальная статья Ю. А. Лимонова. Отметим еще один текст *X*, не имеющий соответствия в перечисленных выше источниках — известие 6596 г. о перенесении мощей «св. Николы от Мир в Баргард при цари Алексее...» (аналогичный текст есть в Степенной книге. — ПСРЛ, т. XXI, перв. половина. СПб., 1908, стр. 147). Кроме того, внутри текста *X* (л. 428 об.—437), после неоконченного известия 1511 г. и перед текстом 1525 г. (не имеющим начала), помещен текст (без начала и конца) послания Филофея Мисрюю Мунехину (ср.: В. Ма-

Как и большинство летописцев, составитель *X* был сводчиком, компилятором. Свод, составленный им на окраине Русского государства, опирался, очевидно, на довольно случайные, доступные холмогорскому

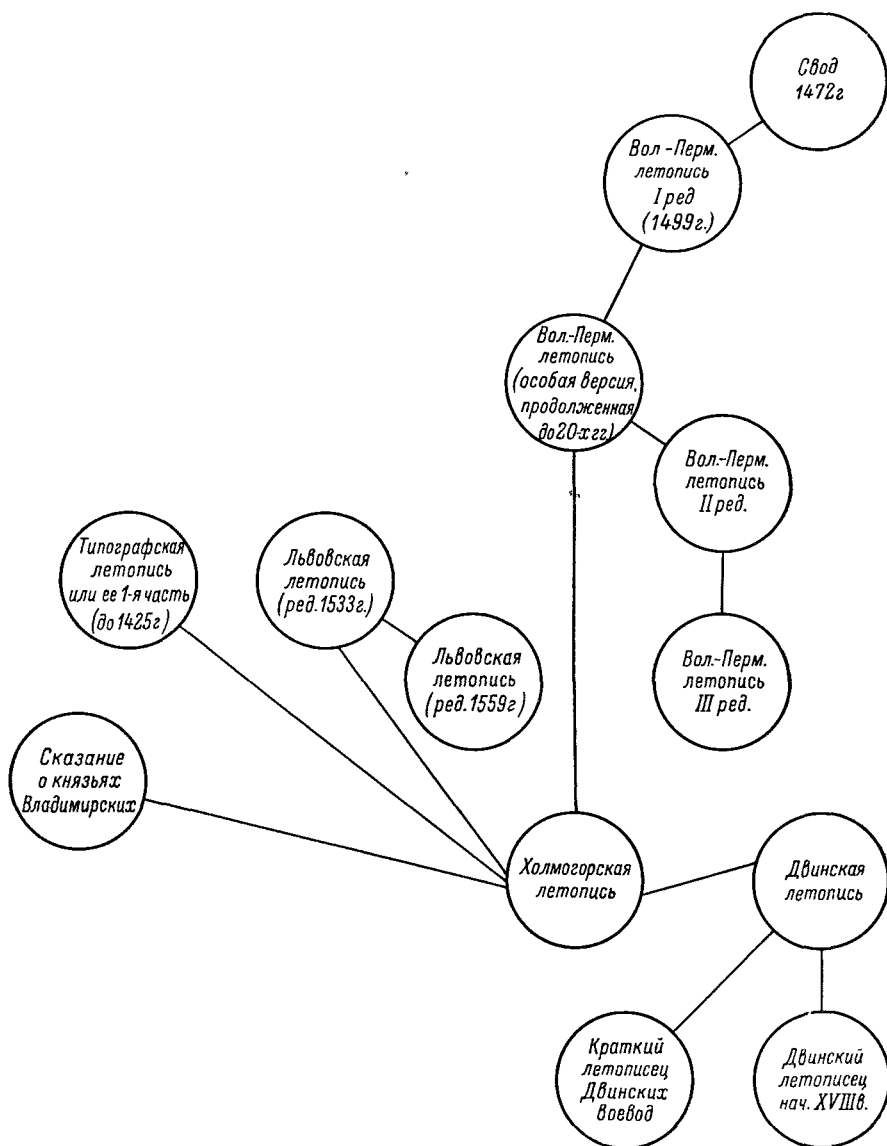

Схема происхождения Холмогорской летописи

летописцу источники, и не мог (да и не должен) был быть особенно полным и всеобъемлющим. *X* — сокращенная летопись; сопоставление ее с ее основными летописными источниками — *T*, *L* и *B* — обнаруживает систематические пропуски годовых дат, в результате чего ряд событий

линии. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Приложение, стр. 38—47); неизвестно, входил ли этот текст в состав *X* или был по ошибке включен в нее в XVII в. составителем рукописи Погод. № 1405.

соседних годов постоянно оказывается в пределах одного года. Иногда сокращения текста приводили к ляпсусам вроде того, с которым мы уже встретились, когда летописец перенес на князя Семена Гордого обвинение в братоубийстве, относящееся к татарскому хану. Но составитель *X* отнюдь не был простым компилятором, бездумно обрубавшим свои тексты, как это делал, например, в XVII в. составитель Краткого Погодинского летописца, восходившего к той же Вологодско-Пермской традиции.⁵⁵ Если мы сравним *X* даже с такими относительно ранними и богатыми по материалу компиляциями конца XV—нач. XVI в., как Прилуцкая (свод 1497 г.) и Уваровская (Свод 1518 г.) летописи, то убедимся в значительном ее отличии от них: в упомянутых летописях их источники совершенно не смешиваются, следуя один за другим (как в сборниках),⁵⁶ а составитель *X* обдуманно соединял их, включая известия из одних источников в разделы, основанные на других источниках. Как ни случаен был с нашей точки зрения выбор его трех основных источников, он явно стремился осмыслить этот выбор, определяя в заголовке свой свод как «Киевский и Володимирский и Московский», и считая, очевидно, *T* (ее первую часть) — «Киевским», *L* — «Володимирским» и *B* — «Московским» летописцем; к этому он прибавлял еще (в том же заголовке) «родство литовских князей», под которым имел в виду легенды о литовских князьях из «Сказания о князьях Владимирских». Характер использования «Сказания» в *X* особенно выразительно обнаруживает метод составителя: он очень тщательно распределял сведения из этого памятника по всему своему своду, поместив рассказ о получении Владимиром Мономахом царских регалий (под заголовком «О великом князе Владимире. В лето 6626») после статьи 6628 (1120) г.,⁵⁷ взятой из *T*, начало рассказа о «роде литовских князей» — среди известий 6801 г. и его продолжение — среди известий 6826, 6848 и 6885 гг. (сходных с *L*).⁵⁸

Творческое отношение холмогорского летописца XVI в. к своему материалу, его стремление осмыслить этот материал обнаруживается на всем протяжении свода. Систематически и последовательно составитель *X* вставляет в свой свод генеалогические данные об упоминаемых князьях, указывая, что данный князь — сын, внук или брат другого (очевидно, более известного); он любит приводить такие прозвища, как «Донской» (или упомянутый выше «Задонский»), «Невский» и др. Произведя зачем-то перестановку материала (из *B*) и поместив рассказ о пребывании Василия II у Витовта в Троках в 1430 (6938) г. после рассказа о его ослеплении в 1447 г., холмогорский летописец предварил эту вставку пояснением: «Прежде сего, как бысть князь великий здрав очима...» (л. 343). «То же обратимся на прежнее», — указал он, переходя от вставного рассказа о взятии Царьграда к летописному повествованию (л. 370 об.).

Собственными построениями составителя *X*, его заключениями на основе прочитанного материала мы можем считать и некоторые известия

⁵⁵ Я. С. Лурье. Краткий летописец Погодинского собрания, стр. 433.

⁵⁶ Ср. К. Н. Сербина. Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.). — Проблемы источниковедения, т. XI. М., 1963, стр. 397—398; Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в. — История СССР, 1964, № 6, стр. 128.

⁵⁷ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, стр. 176—178.

⁵⁸ Там же, стр. 179—181. Включение в *X* рассказа о регалиях Мономаха доказывает, что источником известий о литовских князьях в *X* было не отдельное «Родство великих князей Литовских» (подобное текстам, помещенным в ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907, столб. 589—592 и 601—612), а именно «Сказание о князьях Владимирских».

Х, не обнаруживающиеся в других источниках. Так, под 6822 г. Х воспроизводит известия Л за 6822—6823 гг. о борьбе между тверским князем Михаилом Ярославичем и московскими князьями Юрием и Афанасием Даниловичами за Новгород, но заимствует одну фразу из В («Он же иде в Новгород со братом Афонасем и седе на столе») и заканчивает словами (о Михаиле): «...и приде в Новгород, и сотвори мир лествю. Афонасей Данилович убежа и посади наместник князь Михайло Тверски». Такой фразы нет ни в Л, ни в В, ни в Т, но она приблизительно излагает исход событий 1314—1315 гг. Таким же кратким изложением последующих событий было в Х и добавление к известию об убийстве великого князя Юрия тверским князем Дмитрием Михайловичем в 6833 г.: «Не по мнозе и сам Дмитрей и брат его Александр убиени быста в Орде от царя» (в Л в этом месте о Дмитрие сказано только: «недобро бысть и самому»; о казни Дмитрия рассказывается под 6834 г., а о казни Александра — под 6847 г.). Могут быть приписаны составителю Х также комментарии к известию (из Л) о явлении «звезды хвостатой» в 6875 г. («но глаголят, яко не на добро се знамение является») и дополнение к рассказу о Едигее 6916 г. (сходному с В) — «хотя плени, яко же и Тохтамыш».

Но составитель Х не только переставлял и комментировал данные своих источников. Он позволял себе иногда и заключения от одних фактов к другим — своего рода научные гипотезы. «Сед на великом княжении Иван Данилович, внук Невского, брат Юрьев...», — начал он свое изложение 6834 г. Ни в Л, ни в Т такого сообщения не было (здесь говорится только о рождении у Калиты сына Ивана), да и не могло быть — все они знали, что Иван Калита занял великокняжеский престол в 6836 (1328) г., после тверского восстания против Щелкана. Но все эти летописи начинали именовать Калиту великим князем до 6836 г., и составитель Х, по-видимому, решил, что он должен был уже в это время занимать престол «великого княжения». Еще более интересна была теория холмогорского летописца относительно роли литовских князей в Куликовской битве. Свои сведения о Литве он черпал, как мы знаем, из «Сказания о князьях Владимирских», откуда, в частности, заимствовал рассказ о смерти Ольгерда и разделении его владений между потомками под 6885 (1377) г. Но известие о смерти Ольгерда в 1377 г. противоречило другим сведениям, которые составитель Х мог, очевидно, получить из «Сказания о Мамаевом побоище». В первоначальной редакции В (Лондонском списке) наряду с летописной повестью о Куликовской битве читалось как раз «Сказание» той редакции, где литовский князь, помогавший Мамаю в 1380 г., именовался Ольгердом.⁵⁹ Как же согласовать столь противоречивые известия об Ольгерде? Холмогорский летописец выставил гипотезу, которой, во всяком случае, нельзя было отказать в смелости и оригинальности: он предположил, что «Ольгерд», сражавшийся на стороне Мамаю, — это не собственное имя человека, а почетное наименование, которое Ягайло дал своему полку: «той же Ягайло князь бысть советник и друг безбожному Мамаю, князю Ордынскому, своим полком, его же имяноваше Олгердом» (л. 271 об.).⁶⁰

⁵⁹ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 328—341; ср.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 388—389.

⁶⁰ Можно предположить и другое объяснение этого текста Х; возможно, что слова «его же имяноваше Олгердом» относятся не к полку, а к Ягайло, и таким образом летописец считает, что Ягайло носил второе имя, совпадавшее с именем его отца.

Составитель *X* располагал не только *T*, *Л*, *В* и другими более или менее известными нам памятниками. Наряду с ними он обращался и к другим недоступным нам теперь источникам; из них он черпал и новые факты. Так, уже под 6885 г. в *X* содержатся известия о строительстве Симоновского и Андронниковского монастырей; в дальнейшем известия о церковном строительстве в *X* появляются неоднократно. Под 6904 г., на «стыке» известий *Л* и *В*, *X* сообщает, неизвестно по каким источникам, о походе Витовта на Рязанскую землю и о том, что «в Новеграде владыка Иоан позлати верх святыя Софеи». Под 6937 г. *X* сообщает о смерти Павла Обнорского,⁶¹ под 6934 г. (но после 6949 г. — с резким нарушением хронологии) — о создании Пельшемского монастыря. Повестью о борьбе Шемяки с Василием в 1446—1447 гг., *X* приводит подробности, неизвестные по *Л* и другим летописям. «Ты, государь мой, князь Дмитрий Юрьевич, показал еси на мне любление свое и милосердие, и на моей матки Софьи, и на моей княгине Марини, и на чадах моих», — заявляет в *X* Василий Темный (л. 338 об.), и этот вариант его покаянной речи отличается от до сих пор известных; неизвестно, из какого источника заимствует составитель *X* и сообщение о том, что будущий князь Андрей Углицкий «родися у великаго князя на Углечи в нужи в тюрьме» (л. 339).⁶² К числу известий, взятых из неизвестной нам (возможно, устной) традиции относится и сообщение о прозвище Ивана III, данном ему слепым отцом — «Иван Горбатый», на которое обратил внимание уже С. М. Соловьев. О том, что прозвище это было введено в свод самим составителем *X*, свидетельствует то обстоятельство, что оно упоминается им в трех разных местах летописи — в рассказе об обручении Ивана III в 1447 г., близком к *В*, и в известиях о смерти Ивана III («Иван Васильевич Горбатый всея Руси» — л. 424 об.) в 1506 г. и его внука Дмитрия Ивановича в 1509 г. (л. 427 об.), в остальном сходных с большинством летописей начала XVI в.

С конца XV—начала XVI в. уникальные известия в *X* становятся все более обильными. К числу таких известий относится сообщение внутри рассказа 1483 г. (л. 392 об.) о том, что сын Ивана III «князь великий Иван Иванович пошел на свою отчину в Суздаль» (судя по актовым материалам, Иван Иванович как раз в 80-х годах действительно управлял Суздалем),⁶³ известие 1501 г. о закладке «древяной стены» в Новгороде (л. 422 об.) и другие. В другой статье мы уже приводили ряд оригинальных известий *X* за первую половину XVI в.⁶⁴ — время, о котором холмогорский летописец имел сведения уже не как историк, а как современник. Здесь нет необходимости вновь перечислять эти известия. Наличие в *X* целого ряда новых сведений по истории конца XV—первой половины XVI в., отражение в ней не дошедших до нас редакций и вариантов предшествующего летописания — все это делает недавно обнаруженную Холмогорскую летопись ценным памятником истории и литературы Древней Руси.

⁶¹ Этот текст имеет некоторое сходство с известием о смерти Павла Обнорского в конечной части Кирилло-Белозерского списка Ермолинской летописи (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 189), но там указывается не возраст Павла при пострижении («22 лет»), как в *X*, а время пребывания его в иночестве.

⁶² Известие о рождении Андрея в Углече читается и в *В*, но в другом контексте, без упоминания о тюрьме (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 204).

⁶³ С. М. Каштанов, Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967, стр. 24—25.

⁶⁴ Я. С. Лурье. О неизданной Холмогорской летописи, стр. 452—453 и 455.

О. А. БЕЛОБРОВА

К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия

«Повесть о некоей брани» имеет достаточно длительную и солидную историю изучения. Уже в 1825 г. это произведение было отмечено в печати при описании рукописей собрания Ф. А. Толстого.¹ Исследовавший эту повесть С. Ф. Платонов² неоднократно публиковал ее текст, сначала по одному списку толстовского собрания (ГПБ.Ф.IV. № 222, конца XVII в.),³ затем по другому, середины XVII в., найденному им в сборнике Архива Выдубецкого монастыря, из поступлений Соломки — А. Н. Попова.⁴ С. Ф. Платонов провел некоторые текстологические сравнения между обоими известными ему списками⁵ и отметил, что в толстовском сборнике отсутствует обращение автора к читателям и его имя, переданное тайнописью. Выступившие затем в печати Н. К. Никольский⁶ и А. А. Назаревский⁷ ввели в круг исследования текста повести новые материалы, ранее не привлекавшиеся. В частности, А. А. Назаревским было справедливо указано, что еще в конце XIX в. в печатных трудах сообщалось о списке «Повести о некоей брани» из собрания Флорищевой пустыни.⁸ Это известие не было учтено ни С. Ф. Платоновым, ни Н. К. Никольским. Между тем привлеченный последним сборник со списком повести из Владимирского епархиального братства св. Александра Невского, XVII в., по мнению А. А. Назаревского, мог происходить из Флорищевой пустыни, т. е. быть не четвертым, а все тем же третьим списком. Таким образом, впервые был поставлен вопрос о необходимости более тщательно разобраться в списках повести «путем непосред-

¹ К. Калайдович и П. Строев. обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф. А. Толстова. М., 1825, стр. 172.

² С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1888, стр. 116—120.

³ РИБ, т. XIII. СПб., 1892, стлб. 249—260; РИБ, т. XIII, изд. 2; СПб., 1909, стлб. 249—260. Ср. РИБ, т. XIII, вып. 1, изд. 3, Л., 1925, стлб. 249—260.

⁴ С. Ф. Платонов. Повесть о некоей брани. — Старина и новизна. Исторический сборник, кн. 15, СПб., 1911, стр. 20—33.

⁵ С. Ф. Платонов. 1) Повесть о некоей брани, стр. 21—22; 2) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. Изд. 2, СПб., 1913, стр. 446—447.

⁶ Н. Никольский. К истории текста «Повести о некоей брани, принадлежащей на благочестивую Россию». — Библиографическая летопись. Изд. ОЛДП, вып. II, СПб., 1915, стр. 73—77.

⁷ А. Назаревский. Заметка об имени автора и списках «Повести о некоей брани». — Русский филологический вестник. М., 1916, № 3, стр. 162—165.

⁸ А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 273—274; В. Георгиевский. Флорищева пустынь. Визники, 1896, стр. 239—240.

ственного обращения к рукописям».⁹ Эта задача вновь была сформулирована в одном из последних томов ТОДРЛ.¹⁰

Наряду с текстологическим и археографическим интересом к повести по мере ее изучения привлекал значительное внимание и ее автор, от лица которого ведется рассказ. С. Ф. Платонов полагал, что это был подьячий или дьяк Посольского приказа в начале царствования Михаила Федоровича.¹¹ Когда в распоряжении С. Ф. Платонова оказался список Выдубецкого монастыря с концовкой, содержащей переданное тайнописью имя автора — Евстратий (Стефанов), он высказал предположение, что это было духовное лицо. С. Ф. Платонов отметил, что «по документам конца XVI и первой половины XVII в., когда жил автор повести, не удалось обнаружить какого-либо приметного деятеля, приказного или церковного», который «открыл читателям свое „прямое“ церковное имя и отчество, а в жизни действовал под иным, житейским прозвищем».¹² Н. К. Никольский и А. А. Назаревский держались того же мнения об авторе повести. А. А. Назаревский не только в своей ранней работе, но и в настоящее время видит в нем сторонника и благожелателя Василия Шуйского из служилых кругов Посольского приказа, который «постригся в монахи, заменив свое прежнее „мирское“ имя — новым».¹³

Определенный интерес к Евстрацию проявился также в трудах А. Е. Викторова,¹⁴ В. Т. Георгиевского,¹⁵ М. Н. Сперанского,¹⁶ И. У. Будовнича,¹⁷ где ему уделялось внимание не как автору повести, а как писцу рукописи, владевшему тайнописью, — простой литурской азбукой.

Выборочная публикация концовки повести — тайнописи с именем Евстратия, предпринятая А. Е. Викторовым и В. Т. Георгиевским по списку Флорищевой пустыни, а М. Н. Сперанским — по Выдубецкому списку, уже давно дала возможность сопоставить хотя бы частично оба списка и заметить их близость.¹⁸

⁹ А. Назаревский. Заметка об имени автора и списках «Повести о некоей брани», стр. 165.

¹⁰ Н. С. Демкова, Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина. Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 174—175.

¹¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в., 1888, стр. 116—120.

¹² С. Ф. Платонов. Повесть о некоей брани, стр. 21—22, 23—34. — Вывод о принадлежности Евстратия к духовенству, сделанный С. Ф. Платоновым на основании имени (и отчества) автора повести, далеко не бесспорен. С. Ф. Платонов отмечал: «как форма отчества „Стефанов“ вместо обычного „Степанов“, так и самое имя „Евстратий“ чрезвычайно мало употребительное в московском мирском быту» (там же, стр. 23). Между тем легко можно привести примеры светского употребления тех же имен. Так, в подмосковном селе Клементьеве жил в конце XVI в. крестьянин Евстратий (Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. М., 1880, стр. 37, № 402). Во второй половине XV в. московский дьяк Стефан Бородатый был казачником богатого резного белокаменного креста (И. А. Шляпкина. Древние русские кресты, ч. I, СПб., 1906, стр. 18).

¹³ А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958, стр. 149—150.

¹⁴ А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России, стр. 273.

¹⁵ В. Георгиевский. Флорищева пустынь, стр. 240.

¹⁶ М. Н. Сперанский. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 4, 3, Л., 1929, стр. 115.

¹⁷ И. У. Будовнича. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962, стр. 68. — Здесь (стр. 147, 225) автором «Повести о некоей брани» ошибочно назван не Евстратий, а Григорий Кропольский, очевидец чудесного «видения» и спутник Евстратия.

¹⁸ Н. К. Никольский (К истории текста «Повести о некоей брани...», стр. 75—77) опубликовал значительно больший отрывок — весь конец повести, недостающий в тол-

Назревшая необходимость полного сличения всех сохранившихся списков в настоящее время значительно осложнена: Выдубецкий сборник, хранившийся в Киеве, по всей вероятности, утрачен.¹⁹ К счастью, повесть по этому списку полностью опубликована С. Ф. Платоновым.²⁰ Однако сообщенное последним важное известие, что «приложенная тут же к концу текста замысловатая криптограмма дает сверх того отчество (Евстратия, — О. Б.): Стефанов», в публикации не отражено. Кроме того, публикация дана без специально оговоренных правил передачи текста.

В настоящей работе для изучения текста повести были привлечены три списка: 1) Флорищевой пустыни (обозначим его *Ф*), ныне хранящийся в Владимиро-Суздальском историко-художественном и архитектурном музее-заповеднике;²¹ 2) Выдубецкого монастыря (*В*), по публикации С. Ф. Платонова, и 3) б. собрания Ф. А. Толстого, ГПБ.Ф.IV.222, лл. 118—124 (обозначим его *Т*).

Учитывая наибольшую полноту и раннюю дату—начало XVII в., лучшим, основным списком признается список *Ф*. Он не авторский, хотя, по-видимому, близок к первоначальному тексту. Публикация текста дана по правилам ТОДРЛ. Разночтения по списку *В* отмечены почти все, так как за отсутствием рукописи трудно решить, чья перед нами погрешность: средневекового переписчика, публикатора списка или типографского наборщика.

В результате сличения трех списков устанавливается с определенностью, что все они принадлежат одной редакции. Хронологические рамки распространения повести, судя по этим трем спискам, достаточно широки: здесь и начало, и середина, и конец XVII столетия. В списке *Ф* несколько случаев московского «аканья», например «данъских» вм. «донских», «Расийскому» вм. «Росийскому» и др.

До сих пор не привлекал внимания исследователей состав сборников, включавших повесть. Между тем для сборников со списками *Ф* и *В* характерна известная общность. В их составе находятся грамматические статьи и словари. Выдубецкая рукопись, например, содержала не озаглавленные отрывки: «Всякая ли буква равну силу имать...» (лл. 4—5), «Вкратце от многих малейшая, выписано из книги глаголемыя Алфавит, перевод премудраго философа преподобнаго отца нашего Максима Грека» (лл. 5—6).²² Флорищевская рукопись включает Лаодикийское послание о грамоте (лл. 105 об.—108 об.), сказание о восьми частях слова из грамматики Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха (лл. 108 об.—116), Семь толковых азбук (лл. 117—130 об.), а в числе других отрывков — тот же, что и в Выдубецком сборнике: «Вкратце от многих малейшая, выписано из книги глаголемыя Алфавит, перевод... Максима Грека» (л. 113).²³ Эта особенность литературного «конвоя» «Повести о некоей брани» позволяет искать ее автора, составителя и переписчика не в деловых и не в церковных кругах, — как это делал С. Ф. Платонов, — а среди образованных книжников рубежа XVI—XVII столетий.

стовском списке, — по списку сборника Владимирского епархиального братства св. Александра Невского (возможно, тому же самому, который А. Е. Викторов и В. Т. Георгиевский застали во Флорищевой пустыни).

¹⁹ Ср. А. И. Рогов. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962, стр. 115, № 194.

²⁰ С. Ф. Платонов. Повесть о некоей брани, стр. 20—33.

²¹ Инв. № 5636/396. Сборник начала XVII в., лл. 212 об.—225.

²² С. Ф. Платонов. Повесть о некоей брани, стр. 20—21.

²³ В. Георгиевский. Флорищева пустынь, стр. 239—240. — Отрывок из Алфавита, связываемый с переводческой деятельностью Максима Грека, здесь не указан

И вот перед нами Азбуковник начала XVII в., поступивший в 1883 в Публичную библиотеку из коллекции Т. В. Кибальчича (ГПБ. Q. XVI. 21). Этот Алфавит целиком переписан одной рукой, что отмечено в следующей записи на л. 1 об. «Сия книга глаголемая Алфавит писана рукою многогрешнаго в чловецах неключимаго раба Евстратия (далее две строки почти стерты, — О. Б.). А совершена в лето от создания Адамля 7121 (1613)-го месяца аввгуста в 9 день, а еже по плоти от рожества господа бога и спаса нашего Иисуса Христа лета 1700 двадесять перваго (так!)».²⁴ В рукописи широко применяется киноварь, имеется несколько перовых заставок, восходящих к типу «старопечатного орнамента», имеется на л. 21 об. превосходная миниатюра (перовой рисунок в пышном черно-белом обрамлении) с изображением Максима Грека.²⁵ Не тот ли Евстратий, который писал «Повесть о некоей брани», переписывал Алфавит?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует учесть несколько обстоятельств. Во-первых, составление «Повести о некоей брани» и переписка Алфавита, очевидно, одинаково относятся к концу Смутного времени. Во-вторых, и в тексте повести и в записи писца Алфавита Евстратий называет себя «неключимым рабом» (хотя это и не столь уж редко встречающийся эпитет). В-третьих, для переписчика Алфавита и для переписчиков повести (или сборников с нею) далеко небезразличной фигурой был Максим Грек, в частности в связи с грамматическими сочинениями. В-четвертых, Евстратий применял литорскую азбуку — тайнопись, в повести — для шифровки своего имени (ЕУЛКМАКЕЙ=ЕУСТРАТЕИ), а в Алфавите — для подписи под миниатюрой с изображением Максима Грека (РАТЛИРЬ ЧМЕТЬ=МАКСИМ ГРЕК). В настоящей работе не будем касаться характеристики этой миниатюры, а также причин шифровки имени Максима Грека. Обратим лишь внимание, что его изображение относится к редкому типу писца, ученого, писателя, а не местно чтимого святого: он без нимба.²⁶

Как видим, имеется немало оснований полагать, что давно известный Азбуковник ГПБ²⁷ является автографом Евстратия — писателя, создавшего «Повесть о некоей брани». О том, что Евстратий — переписчик Алфавита — был не чужд литературного творчества, позволяет судить следующее стихотворение, написанное его рукою на первом листе Алфавита и, к сожалению, позднее почти вымаранное:

Сей стих римляне нарицают серпентику версус с греческаго языка.
 ёртов ёто

		Едино		Богу в Трои		
			му		цы	
	Славимо		в едини			
Безначаль	от		без	без	не	
	ному	цу	отца	матери	рожденну	
Сыну сначала	. . . а	от	без	по		

²⁴ По-видимому, писец не умел высчитывать летоисчисление по-новому.

²⁵ Благодарю за указание на это изображение М. П. Алексева (ср.: М. П. Алексеев. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Исследование, тексты и комментарии. Л., 1968, стр. 33, примеч. 110).

²⁶ Ср. О. А. Белоброва. К вопросу об иконографии Максима Грека. — ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 301—309.

²⁷ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1883 год. СПб., 1885, стр. 199—201; А. В. Пруссаков. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной библиотеки. — ПДПИ, вып. 186. Пгр., 1915, стр. 15—16; М. П. Алексеев. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века, стр. 38, примеч. 110. Л. С. Ковтунов. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. (в печати).

^a Зачеркнуто.

Отцю же и сынови		духу животворя	
	ну		шу
Богу равноапостоль		святому всясвяты	
Богу . . . ^a бо		свет от св	
	зе		ета
В простом сло		а в в . . . ^a л	
Воспева	и сла	честь поклоне	
	ние	ва	ние
Велича	держа	благодаре	
Благословив	на	сей Алфо	
	шему	чати	вит ²⁸
И способив	скои	и сосло	

Индивидуальными литературными достоинствами, на наш взгляд, обладает и концовка «Повести о некоей брани», обычно цитируемая только в качестве образца «описательной цифровой системы», — своего рода загадки или шарады, как определял его М. Н. Сперанский.²⁹ Дело в том, что перед нами не только зашифрованное имя автора, но и литературный образ крепкого воинства: «Пятерица полководцов и под ними четыреста пешец, и двесте конник, и оруженосцов триста, крепких же воин со единым сильным, и паки триста, и пятнадцать оружников». Это своего рода военный парад, боевой смотр. Читая эту концовку, невольно вспоминаешь, что автор участвовал в сборе патриотических сил — в ком-плектовании народного ополчения: ведь он был направлен «во многие грады с царскими епистолиями на собрание чина воинского, в супротивъ-ление тех окаянных предиреченных врагов и разорителей».

Таким образом, сложившееся представление об авторе «Повести о некоей брани» как о писателе без литературного дарования,³⁰ может быть, заслуживает пересмотра. Жизненный путь и облик Евстратия все еще мало известны, недаром мы находим в повести такие строки: «вси бо забвенью и неведению подлежим: овы убо меньше, овы же больше, вси же друг друга требуем и совета и помощи». Однако кем бы ни был Евстратий — подъячим или дьяком Посольского приказа, сменившим светское платье на иноческое облачение, — нельзя не видеть в нем участника патриотического движения в борьбе против польско-литовских ин-тервентов; нельзя не учитывать его незаурядной образованности и начи-танности в сочинениях философского и грамматического характера; нельзя забывать, что он был не чужд стихотворных штудий, свидетельст-вующих о его самостоятельных литературных поисках, в то же время основанных на традициях средневековой поэтики; нельзя, наконец, отка-зать Евстратию в тонком художественном вкусе каллиграфа. Его изящ-ный почерк, выбор орнаментальных обрамлений, восходящих к книжному старопечатному орнаменту западноевропейского характера, тактичное пользование киноварью — все выдает в нем артистичную натуру. Для ха-рактеристики идейных позиций Евстратия немаловажное значение может иметь также его приверженность к роду князей Шуйских, уже отмечав-

^a *Зачеркнуто.*

²⁸ Далее следует приписка на польском языке, по мнению А. М. Панченко, вы-ражающая резко отрицательное отношение к этим стихам, довольно основательно за-черкнутым (см. фотоотпечаток). По-видимому, в результате этого вмешательства в судьбу стихотворения на него не обратили внимания ни при публикации Отчета Публичной библиотеки (1885 г.), ни при подготовке работы А. В. Пруссак (1915 г.). В настоящее время стихотворение включено в издание: А. М. Панченко. Силла-бическая поэзия XVII—начала XVIII в. (в серии «Библиотека поэта»). Л., 1970.

²⁹ М. Н. Сперанский. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. . . , стр. 113—114.

³⁰ С. Ф. Платонов. Повесть о некоей брани, стр. 21—22.

шаяся исследователями.³¹ Возможно, что Евстратий выразил в своей повести настроения и идеи, представленные, в частности, и в Пискаревском летописце, где Шуйские также прославлялись.³²

Как видим, новые данные о Евстратии — авторе «Повести о некоей брани» — все еще недостаточны. Но и они все же позволят по-новому взглянуть на этот литературный памятник, до сих пор рассматриваемый главным образом как не особенно богатый фактами исторический источник о событиях Смутного времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Счинена повесть сия о некоей^{1, 1} брани, належашей л. 212 об. на благочестивую Росию грех ради наших, и о видении некоего знамения² в нынешнем последнем роде нашем, о нем же предислова беседа изъяснит.

Великаго господа бога отца страшнаго и всеильнаго и вся содер- л. 213 жашаго, пребывающаго во свете неприступнем, в преве||лицей и в превысочайшей велелепней святей славе величества своего, сидящаго на престоле херувимстем, в недрах отчих и на земнородных нас призирая милостивным³ си оком, и⁴ промышляя неизреченными и пребожественными всепремудростными⁵ судбами своими о новонасажденнем⁶ винограде своем, сиречь о сей нашей благочестивой и превелицей России, новопросвященной святым крещением от святаго и равноапостольнаго самодержца великаго князя Владимира⁷ Святославича киевскаго и всеа Русии,⁸ благочестиваго же во святом крещении Василия втораго Коньстяньтина, праведных⁹ бо господь любя¹⁰ грешных же милуя, хотя убо всех спасти и в разум истинный привести, за благо милуя и храня, || за нечестие же л. 213 об. милостивно наказуя, приводя ко спасению всяко свое создание, не хочет бо грешнику до конца погибнути, но еже¹¹ обратися и живу быти ему. Сам бо рече¹² господь: «Е(г)да^а падая не встанет ли? Или отвращаяся не обратится?» И паки: «Обратитесь ко мне и обращуся к вам», — глаголет господь, наказуя нас овогда глaдом, овогда огненными запалениями, иногда¹³ же безбожных нахоженьми¹⁴ и межеусобною бранию, и прочими¹⁵ таковыми, понеже бо согрешиша от главы и до ногу, сиречь от великих и до нижайших¹⁶ и таковой грех не может очиститися ничем¹⁷ же, точию огнем и мечем и прочими таковыми, яко же содеяся во дни наша. В лето от создания все||роднаго Адама 7116-го¹⁸ в царство благо- л. 214 чествивыя державы богом венчаннаго и богом помазаннаго и богом почтеннаго и христолюбиваго поборьника святых православных христианския веры, добляго миротворца, державнаго самодержца и прекроткаго скифетродержителя¹⁹ благочестивыя великия Росии царя и великаго князя Василия Ивановича, всеа Русии²⁰ самодержца, содержащаго скипетры²¹ великих гоподарств,²² на востоце и на севере сущих, Владимирскаго²³ и

³¹ А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия, стр. 149—150.

³² М. Н. Тихомиров. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI—начала XVII в. — История СССР, 1957, № 3, стр. 119—120.

^a В рукописи Едa. ^б На полях тем же почерком доб. чим ^в На полях тем же почерком доб. скипетры.

^{1, 1} некой В. ² знамения В. ³ милостивым В. ⁴ Нет Т. ⁵ Нет ВТ. ⁶ новонасажденном Т. ⁷ Владимира Т. ⁸ Росии ВТ. ⁹⁻¹⁰ бо лю Т. ¹¹ еще В. ¹² речеть В. ¹³ овогда Т. ¹⁴ нахождением В. ¹⁵ прочими В. ¹⁶ нижайших В. ¹⁷ ничим ВТ. ¹⁸ Доб. году Т. ¹⁹ скифетродержателя В; скипетродержателя Т. ²⁰ Росии Т. ²¹ скипетры В; скипетръ Т. ²² гсударств ВТ. ²³ Владимирскаго В.

Московского и Новгородскаго,²⁴ царя Казанскаго, царя Астараханскаго,²⁵ государя Псковскаго, великаго князя Смоленскаго, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятскаго,²⁶ Болгарскаго и иных, государя и великаго князя Новгородскаго²⁷ || Низовския земли, Черниговскаго,²⁸ Рязанскаго, Ростовскаго,²⁹ Ярославскаго, Белоозерскаго,³⁰ Ливонскаго,³¹ Удурскаго,³² Обдорскаго, Кондинскаго и всея Сибирския земли и северныя страны повелителя и государя Иверския земли Грузинских царей и Кабардинския земли Черкасских и Горских князей и иных многих государств государя и обладателя,³³ от³⁴ корене святаго благовернаго великаго князя Алексанѣра³⁵ Ярославича Невскаго чудотворца. Изначала же повлечеса того благочестиваго семени корень росийских наших³⁶ царей, от царей и³⁷ августов римских и греческих Анория и Аркадия, иже бещынове Феодосия³⁸ великаго царя, содержащаго скифетродержательство богом спасаемаго царствующаго || града греческаго царствия Константинаополя Новаго Рима.³⁹ О сем же да прекратим. Но на подлежащее возвратимся.⁴⁰

В 3-ее⁴¹ же⁴² лето царства его прежде воспоминаутаго благочестиваго самодержца Василия, иже прежде бысть до царствия своего при прежде его бывших⁴³ росийских самодержцах сигклита⁴⁴ царскаго величества боярин великий именованнем князь Василей Иванович Шуйский,⁴⁵ еже быша древле сии Шуйские удельные великие князи государи Суждальские, и при его царского величества и благородия отце и богомолце, и крайнем⁴⁶ святителе⁴⁶ святейшем кир Ермогене, третьем патриархе московском и всеа Русии,⁴⁷ правящем престол⁴⁸ святыя великия соборныя и апостольския церкви божия матере, пресвятыя и преблагословенныя || владычицы наша богородицы и приснодевы Марии честнаго и славнаго ея успения, сияющия⁴⁹ во всей велицей Русии, тогда убо в царство его на росийскую державу велией брани належащи, върагу действующу, а богу попускающу грех ради наших, от проклятых боготступник⁵⁰ и врагов креста Христова, от польских и литовских людей и от казаков данских;⁵¹ из своих же они казацы етера нарекоша царским именованнем,⁵² росийским царевичем Димитрием⁵³ Ивановичем⁵⁴ всея Русии,⁵⁵ умысля своим злохитрством, хотя Росийское государство расхитити и себе многое богатство⁵⁶ тлеемое века сего приобрести и восхитити, небеснаго же богатства⁵⁷ отнюд очюждени бы.⁵⁸ И совокупа мно- жество⁵⁹ вой, Поляков || и Литвы и Угрян и Черкасов заповорожских и прочих язык, пришедше под царствующий град Москву и сташа от Москвы дванадесять⁶⁰ верст по Можайской дорозе,⁶⁰ именуемо весь Тушино, понеже бо⁶¹ то место вельми крепостно, и учиниша тамо с таковым злохитростным своим царем, лживым царевичем⁶² Дмитреем.⁶³ Свои литовские табары. И разлишася, яко вода, и разсыпашася, яко прах, по Росийскому⁶⁴ царствию, и устремишася яко неутолимая ехидна, и яко змии прелютны, яко злий волцы и кровопивцы, христианскому

¹ На полях тем же почерком неи л В рукописи множества; над буквой а сверху написано теми же чернилами о.

²⁴Новгородскаго В. ²⁵Астраханскаго В. ²⁶Вятскаго В. ²⁷Новгорода В. ²⁸Чернеговскаго В. ²⁹⁻³⁰Нет ВТ. ³¹Ливонскаго ВТ. ³²Удорскаго ВТ. ³³обладателя ВТ. ³⁴ис В. ³⁵Александра ВТ. ³⁶⁻³⁷Нет Т Доб. от Т. ³⁷Нет В. ³⁸Феодосия В. ³⁹Доб. го В. ⁴⁰возвратим В. ⁴¹третье Т. ⁴²еж Т. ⁴³бывших В. ⁴⁴сигклита В. ⁴⁵Шуйской Т. ⁴⁶святителем Т. ⁴⁷Русии Т. ⁴⁸престоле Т. ⁴⁹сияющий Т. ⁵⁰боготступников Т. ⁵¹донских ВТ. ⁵²именинованнем Т. ⁵³Димитрием В. ⁵⁴Нет Т. ⁵⁵Русии Т. ⁵⁶богатство ВТ. ⁵⁷богатства ВТ. ⁵⁸быша ВТ. ⁵⁹12 ВТ. ⁶⁰дороге Т. ⁶¹убо В; нет Т. ⁶²царем Т. ⁶³Димитрием Т. ⁶⁴Росийскому ВТ.

роду губителие по градом и по честным обителем и по весем||. Тогда убо л. 216 об.
от толиких и таковых окаянных прелютаго их стремления, наша благо-
честивая православная христианская вера попирашеса,⁶⁵ и святыя божи
церкви оскверняхуся и сожизахуся.⁶⁶ Грады же и веси разоряхуся и
огневи предахуся^{67с} и многая кровь христианьская проливахуся.
И жены и девицы и юноши в плен ведени быша, и збышася евангельское
⁶⁸ слово Христово,⁶⁹ яко же речеся: «Встанет⁷⁰ царство на царство и
язык на язык, и будут труси и пагубы и страхования по местом», и мнози
падут от меча; крови же человечестей⁷¹ яко водныя⁷² источницы течаше,
и земля трупием мертвых, яко древием и листвием покрывашеса⁷³ и
главы, яко класие, || по земли⁷⁴ валяхуся. О солнце и земле! и множе- л. 217
ство⁷⁵ всяческаго⁷⁶ благочестия в поправление положи! Увы, о⁷⁷ равно-
апостольный самодержче,⁷⁸ благочестивый великий княже Владимире,⁷⁹
како не подвиже святую богородицу и прочих своя благочестивыя
отрасли святых ветвей и всех святых умолити всещедраго владыку о людех
согрешших и умолити таковой праведный гнев божия суда? Но понеже
еще они и молят, но не противятся судьбам Божиим, понеже убо мы⁸⁰
согреша от главы и до ногу, еще не огнем и мечем, инем ничим⁸¹ же
не могут⁸² таковыя греси;⁸³ и⁸⁴ пророческое глаголение в дело прииде,
еже рече: «Боже, приидоша языцы в достояние твое,⁸⁵ оскверниша цер-
ковь святую твою» и прочая.⁸⁶ И о сем дозде.⁸⁷ || И паки⁸⁸ на предлежа- л. 217 об.
щая⁸⁹ возвратимся.

В то же время московское государство до конца утесняемо быша.
Мне же грешному, тогда бывшу в царствующем граде Москве, и
посланну ми бывшу от царския благочестивыя державы, от таго⁹⁰ хри-
столубиваго царя и самодержьца Василия ис⁹¹ пресветлыя его полаты,
рекомыя посольскаго приказу его царския тайныя думы от дьяка, зово-
мага именованием Василья, по реклом же нарицашеса⁹² Телепенев, с его
царския⁹³ полаты толмачем немецкаго языка, зовомага Григорьем,⁹⁴ по
реклму же Крокольский⁹⁵ нарицашеса,⁹⁶ во многы грады с царскими
епистолиями на собрание чина воинскаго в супротивление тех окаянных
предиреченных врагов и разорителей христианския веры, в Переславль
Залеский⁹⁷ ||, в Ростов, в Ярославль Повольский, на Кострому, в Галичь. л. 218
А царьствующему граду Москве тогда в осаде бывшу, и дороги многыя
окаянные они от Москвы отьяша, а приснопамятному⁹⁸ самодержьцу,
благочестивому царю Василию по праведному Иеву терпяше и вся напа-
стная со благодарением восприимаше⁹⁹ и з боготцем¹⁰⁰ и пророком
Давидом, поя: «Благо мне, яко смирил мя еси, да научюся оправданием
твоим» и гонение от своих подручных ему и от иноверных по Давиду
приимаше; понеже бо мнози тогда его благочестивыя державы москов-
стии людие ко иноверцем присовокупишася грех ради наших. Он же, бла-
гочестивый самодержец, поминаше аспостольское слово небесныя трубы,
Христова ученика ||, божественаго апостола^{11, 1} Павла, сице² еще рече:³ л. 218 об.

^с На полях тем же почерком: шешя.

⁶⁵попирашеса ВТ. ⁶⁶сожизахуся Т. ⁶⁷предашеса В; предашеса Т.
⁶⁸⁻⁶⁹Христово слово Т. ⁷⁰Встанет ВТ. ⁷¹человеческия Т. ⁷²водная В. ⁷³по-
крывашеса В; покрываша Т. ⁷⁴земле В. ⁷⁵множе В. ⁷⁶Нет Т. ⁷⁷Нет Т.
⁷⁸самодержче В. ⁷⁹Владимере В. ⁸⁰Нет ВТ. ⁸¹ничем В. ⁸²Доб. очистися
ВТ. ⁸³грехи Т. ⁸⁴Нет Т. ⁸⁵Доб. и Т. ⁸⁶⁻⁸⁷Нет Т. ⁸⁷Доб. Прочее же
ВТ. ⁸⁷⁻⁸⁸Нет ВТ. ⁸⁹подлежащее В; предлежащее Т. ⁹⁰того ВТ. ⁹¹и В.
⁹²нарицашеса В. ⁹³царевы В; государевы Т. ⁹⁴Григорьевым В. ⁹⁵Крополь-
ским Т. ⁹⁶нарицашеса В. ⁹⁷Залеской Т. ⁹⁸приснопамятному Т. ⁹⁹вос-
приимаша В. ¹⁰⁰богом отцем Т.

11, 1 Нет ВТ. 2-3 рече еще Т.

«без наказания убо преблудодеичища есте, а не сынове». «Его же любит господь, наказует» и прочая.

Нам же посланным бывшем⁴ из Москвы⁵ окольными дорогами, Владимерскою⁶ на Киржацкий ям и где возможно от них пройти, на Благовещинской⁷ монастырь, рекомый на Киржаче, на Александрову⁸ слободу, на Переславль Залеский,⁹ и от Александровы слободы к Переславлью, совершающим¹⁰ нам путное шествие по царскому повелению, и¹¹ тогда¹² самовидцу¹³ ми бывшу некоему пречюдну¹⁴ знамению, и зело ужаса исполнену, о нем же речется. Той предиреченный¹⁵ толмачь немецкий Григорий Крокольский¹⁶ рече ми на пути, о полудни, в пост верховных а. 219 апостол Петра и Павла: «Зриши ли что || на облацех небесных прямо нас?» Аз же по¹⁷ речению¹⁸ его возрех¹⁹ на облака и узрех²⁰ велие чудное и ужасное знамение, и рече ему: «Зрю, господине мой». Он же рече ми: «Чесо²¹ зриши, рцы ми!». Аз же глагола ему: «Страшно, господине,²² знамение вельми. Зрю лва, зверя зело превелика и пречюдна, одесную страну стояща, а ошуюю²³ страну прямо его, невдалече²⁴ от него²⁵ змия²⁶ прелюта и прегорда, зело²⁷ стоящих неподвижно, а хошет яко един единого восхитити и растерзати, а окрест лва великаго множество зверей, различными образы, змия же прелютаго окрест множество змии²⁸ малых. И по тонку²⁹ времени нача видение то миноватися:³⁰ змий опружишася³¹ выпры ногами³² и нача помалу исчезати. Лев же припаде на чрево свое³³ и нача помалу убывати, || и потом ни един невидим бысть; и прочие зверие и змии такоже невидими быша; и облака³⁴ паки устроишася во своем естестве». Предиреченный³⁵ же Григорей рече ми: «Разумеши ли сего видения знамение?». Аз же рече ему:³⁶ «Ни, господине мой, отнюд недоумеюся, но токмо ужасаюся». Он же нача глаголати³⁷ ми и разсуждати: «Разумей, рече, сие есть знамение: лев превеликий — то есть нашь благочестивые³⁸ христианския веры поборьник, царь и великий князь Василей;³⁹ окрест же его зверие — его подручнии,⁴⁰ православнии народи, сынове рустии,⁴¹ побора⁴² с ним по правоверию; змий же прелютый и⁴³ прегордый — Тушинский царь коварьственный, лживый царевичь а. 220 Дмитрий,⁴⁴ а окрест его множество змий, || — то есть⁴⁵ поборатели⁴⁶ с ним⁴⁷ окаяннии,⁴⁸ они богоотметнии языцы. А⁴⁹ что⁵⁰ оба изгибше, лев и змий, и прочии окрест их зверие и змии такоже, то есть показывает: вскоре обоим царем будет изменение и прекращение, а ни един каждого⁵¹ не одолеет». По его же речению⁵² и по оном видении сего знамения, не в долзе времени вся сия збышася, еже рече он: «У Тушинскаго лживаго и коварьственаго царя во граде нарицаемем Колузе внезапной напрасной смерти предаша, зовомый князь Петр Урусов, главу ему отсекоша,⁵³ а сам⁵⁴ по убении его⁵⁵ убогу ся ят⁵⁶ во Орду Нагайскую, понеже бо он сродствие тоя Нагайския орды. А приснопамятнаго самодержца московскаго, благочестиваго царя Василия⁵⁷ свои ему подручнии⁵⁸ с царства свергнуша и насилем в черныцы⁵⁹ постригоша, || и к Польскому и

⁴бывшим Т. ⁵Москве В. ⁶Владимерскую В. ⁷Благовещенской ВТ. ⁸Олександрову В. ⁹Залеской Т. ¹⁰совершающе Т. ¹¹Нет Т. ¹²Доб. же Т. ¹³самовидцу В. ¹⁴пречюдному Т. ¹⁵предреченный ВТ. ¹⁶Крапольский Т. ¹⁷Доб. по Т. ¹⁸речению В. ¹⁹⁻²⁰Нет Т. ²¹Чего В. ²²господне В. ²³ошую В. ²⁴невдалече Т. ²⁴⁻²⁵Нет Т. ²⁶змий В. ²⁷Нет Т. ²⁸змей В. ²⁹конку Т. ³⁰миновалось В. ³¹опружися В. ³²ногами В. ³³Нет Т. ³⁴облаки В. ³⁵Предиреченный В; предренный Т. ³⁶Нет Т. ³⁷глаголет В. ³⁸благочестивый ВТ. ³⁹Василий Т. ⁴⁰подручники ВТ. ⁴¹росийстии Т. ⁴²побара В. ⁴³Нет В. ⁴⁴Дмитрий Т. ⁴⁵Нет Т. ⁴⁶споборатели Т. ⁴⁷ними ВТ. ⁴⁸окаяннии Т. ⁴⁹Нет ВТ. ⁵⁰Нет Т. ⁵¹каждого В. ⁵²Нет ВТ. ⁵³отсекша Т. ⁵³⁻⁵⁴Нет В. ⁵⁵⁻⁵⁶убег Т. ⁵⁷⁻⁵⁸своему подручнику В. ⁵⁸подручники Т. ⁵⁹черныцы В.

к Литовскому и Жигимонъту королю отдаша и со единокровными его братьями, со князем Дмитрием и со князем Иваном, тамо же и скончашеся⁶⁰ нужною смертию. И⁶¹ сиде ся⁶² имуще, сия убо дозде.

Поведавше⁶³ же ми сия етеру некоторыя⁶⁴ честныя⁶⁵ обители содержащему паству, пасяше⁶⁶ словесное стадо Христово, ему же услышавшу⁶⁷ сия у мене и понудившу мя писанию сие⁶⁸ предати, начертати на хартиице.⁶⁹ Аз же не хотя преслушати благословения и повеления его, елико могох, толико и написах. Прочее же воздадим хвалу и благословение⁷⁰ превечному царю, на херувиме⁷¹ седящему, со славою^{72ж} вправду судити хотящему, ^{73а} Христу богу нашему, дабы отвратил от нас гнев своего праведнаго прещения, негли умилиосердится всещедрая и человеколюбная утроба его, возможна⁷⁴ вся суть ему всещедрому содетелю, || аще изволит, а. 227
яко по довольнем наказании нашего согрешения, и паки может всесильный господь погребеную яко в пепеле искру благочестия во тме злочестивых разорителей, возжещи⁷⁵ зело и попалиги нечестивых и⁷⁶ зловерных,⁷⁷ яко же терьние и паки просветити свет благочестия.

Молитва^ч

Боже великий и чудный, даруй⁷⁸ милость свою любящим тя⁷⁹ и хранящим заповеди твоя. Согрешихом пред тобою и беззаконовахом, преступихом заповеди твоя. И⁸⁰ не послушахом писмен раб твоих пророк, иже глаголаше⁸¹ именем твоим святым, владыко. И⁸² царем и князем и отцем нашим и нам. Тебе, господи, правьда твоя, а нам стыдения⁸³ лица, и не ходихом в законе твоём, и того⁸⁴ ради прииде на ны клятва, писанная в законе Моисея, раба твоего. И ныне, господи, боже нашъ, призри с небесе || и виждь от горы святыя своя и посети⁸⁵ винограда своего,⁸⁶ а. 221 об.
этоврати от нас праведное свое прещение, одожди тучю милости твоя, излей на ны^к благодать пресвятаго твоего духа, покрый нас кровом крилу невещественныя твояя пребогатыя милостивныя⁸⁷ славы, огради нас непобедимую и божественую силою честнаго и животворящего креста твоего и способствуй верному слуге своему, православному царю нашему и христоролюбивому его воинству, храбрость и помощь и одоление подаждь, на видимыя и невидимыя враги наша, яко же древле Давиду^а на Голияфа^к и яко на Аммалика⁸⁸ в пустыни и правоверному Коньстянтину, да не рекут сидевии⁸⁹ врази креста твоего: «Где есть бог их и кто им поможет и измет от руку нашу?» || Ты бо еси бог наш, и мы людие а. 222
твои, разве тебе инаго не вемы, можеш бо, владыко, аще восхоцеш, вмале накажи, а много ущедри, яко же благоволит пребогатая твоя и человеколюбная пребожественая утроба. И дай, солнце праведное, всякому верующему в тя прежде конца покаяние, и избави, владыко, адских пропастей, и геоны⁹⁰ огненыя и прочих многоразличных мучений,⁹¹ пречистыя ради твояя богоматере, пренепорочныя и преблагословенныя владычицы нашея богородица и приснодевы Марииа, заступницы нашея христианския, непостыдныя и непреложныя ходатаицы к тебе, творцу

ж-з приписано тем же почерком на полях. *и* Слово Молитва написано на полях тем же почерком, теми же чернилами. *к* В рукописи ны приписано той же рукой сверху, над мя. *л-м* На полях тем же почерком на Голияфа.

⁶⁰скончашася ВТ. ⁶¹⁻⁶²сидевая Т. ⁶³Поведавшу Т. ⁶⁴некие Т. ⁶⁵чистыя В. ⁶⁶пасяще В. ⁶⁷слышавшу Т. ⁶⁸Нет Т. ⁶⁹харатьице Т. ⁷⁰благодарение ВТ. ⁷¹херувимех ВТ. ⁷²⁻⁷³Нет ВТ. ⁷⁴возможно Т. ⁷⁵возможеш В. ⁷⁶Нет В. ⁷⁷злочестивых В. ⁷⁸даруй ВТ. ⁷⁹тебе ВТ. ⁸⁰Нет В. ⁸¹глаголюще В. ⁸²К ВТ. ⁸³стыдения ВТ. ⁸⁴кого В. ⁸⁵⁻⁸⁶виноград свой Т. ⁸⁷милостивыя В. ⁸⁸Амалика ВТ. ⁸⁹сиде ВТ. ⁹⁰гегены Т. ⁹¹мук Т.

всеа твари, содетелю нашему и богу ⁹² и честнаго ⁹³ и славнаго пророка и
 л. 222 об. проповедника и предотеча ⁹⁴ твоего ради || Крестителя Иоанна и великаго
 ради ⁹⁵ угодника твоего, скорого ⁹⁶ в помощи ⁹⁷ и теплаго в заступлении ⁹⁸
 славнаго во святителях и многочисудснаго в чудотворениих, быстро пред-
 варяющаго во всяцех ⁹⁹ напастных обстояниих одержимым, великаго свя-
 тителя и чудотворца Николы и великих ради страсотерпиц ¹⁰⁰ угод-
 ниц ^{III. 1} твоих, великия мученицы Парасковии, ² нарицаемыя Пятницы, и
 великия мученицы Екатерины, яко же им обещася, и всех ради угодивших
 тебе святых. Паче же мене, убогаго и многогрешнаго, грубаго и неключи-
 маго, и окаяннейшаго паче всякаго человека, непотребнаго раба твоего,
 а л. 223 так же да не презрит твоя всещедрая ³ и человеколюбная пребогатая
 утроба. Именованія же своего, || владыко, не возмогу и стыждуся ⁴ объ-
 явить за премножество грубости моея и превеликих и безчисленных зло-
 смрадных и злогнусных пребеззаконий моих. Ты, владыко, веси грубое
⁵ имя мое, ⁶ ничто же бо забьвенно ⁷ или утаено ⁸ от всевидящаго ⁹ ока тво-
 его, понеже убо ¹⁰ и не соделанная наша видесте очи твои. Не дай, содетелю
 наш, владыко, свое создание общему врагу нашему дияволу ¹¹ в попроание
 до конца погибнути, не хоцещи бо, владыко, свое создание видети в по-
 гибели, но ¹² веси, господи, ¹³ творче наш, елико убо онога на нас навет
 и враж[да], ¹⁴ елико же и ¹⁵ наше страсование ¹⁶ и ¹⁶ слабость и небреже-
 ние, да не погуби мене, владыко, со беззаконий моими, ниже в век враж-
 додав соблюдеши зол моих. Всяк же надеяся ¹⁷ на тя, господи, аще ¹⁸
 л. 223 об. искушении будет || — венчається аще ¹⁹ в скорьби — избавится ²⁰ и по сле-
 зах и плачи радость и веселие изливаеши. И будет имя твое, боже Израил-
 ев, благословено во веки, яко ты еси царь царствующим ²¹ и господь
 господствующим, и тебе подобает всяка слава, честь и поклонание, со
 отцем и со святым духом, ныне и присно и во веки веком, аминь.

Прочее же о сем да умолчу, но токмо молю вы, господине мои любо-
 мудрецы, иже от юности во благочестии воспитаннии ²² и в наказании
 божественных ²³ догмат со возрастъшии, всякого чина, возраста же и сана
 православнии народи, святых книг читателие, любяще и проходити
 божественная писания, и желающий истинно и непрелестно та навикнути.
 Будите ми милостиви и не зазориви, в чем недостаточнумие мое в сем
 л. 224 писаниине, но покрыйте человеколюбием и острою разуму || своего,
 понеже ²⁴ подобострастен есме и немощною плотию обложен суть, и не
 во Офинех ²⁵ ростох, ни у философ учихся, но невежда сый. Прощению
 сподобляйте мене, убогаго, яко же сами требуете от вседержителя бога
 милости и прощения. Аще же негде нечто, ли по забьвенно, ли по недо-
 умению, или по иному которому обстоянию, невежественно и недобре
 написано бывшее мною, многа бо суть случающася на всяк час несо-
 вершенному уму человеческому, и бо и забытию омрачает его и скорьбь
 смущает. Есть же егда и ярость и гнев и пьянство отемняет его. Толи-
 кими убо треволнении обуреваему уму человеческому. Аще что негде
 л. 224 об. презрено бысть ему, || не подобает сему дивитися, не смущатися, ниже
 осуждати его, но паче ущедряти, и праведно есть, и яже христоподоб-

¹⁴ В рукописи враж.

⁹²⁻⁹³ истиннаго В. ⁹⁴ предтеча ВТ. ⁹⁵ Нет Т. ⁹⁶⁻⁹⁷ помощника Т. ⁹⁸ Доб.
 и В. ⁹⁹ всяких Т. ¹⁰⁰ страсотерпец В.
 III, 1 Нет Т. ² Парасковей В. ³ всещедрая В. ⁴ стыжуся ВТ. ⁵⁻⁶ мое имя Т.
 7-8 Нет Т. ⁹ всего видящаго В. ¹⁰ бо Т. ¹¹ дьяволу В. ¹² не В. ¹³ господа В.
 14 Нет В. ¹⁵ странствование В. ¹⁶ Нет Т. ¹⁷ надеяся В. ¹⁸ Доб. и Т.
 19 Доб. и Т. ²⁰ избавляется Т. ²¹ На этом список Т обрывается. ²² воспитанию В.
 23 божественный В. ²⁴ Нет В. ²⁵ Афинех В.

ная²⁶ любве показати²⁷ к нему, и яже от него презренная, ли по забвению, и в недоумении или по иному некоторому обстоянию правити с ним вкупе, понеже бо никто²⁸ же когда в человецех совершенство получил есть, вси бо забвению и неведению подлежим: овы убо меньше, овы же больше, вси же друг друга требуем и совета и помощи. Сим убо сице ся имуще. Прочее же мир вам, по апостолу, аминь и мир нам возпослите и о нас да воспомянет ваше благоутробие ко всеильному богу, елико пресвятый || параклит научит вы и вселит на ваших сердечных скрыжалех и л. 225
навершит²⁹ недостаточное моего худаго разума. Един убо господь наш Иисус Христос не точию наша, но и всего мира недостаточное навсрьшая.

Слава богу действующему в нас, еже хотети и еже деяти о благоволении вся творити во спасение верных, ему же честь и благодарение со едиnorodным его сыном и пресвятым³⁰ и животворящим духом, ныне и присно и вовеки веком. Аминь.

Достоит же убо дозде корабль разума управити к безмольвию пристанища и словес весла || свесити и трости начертание сократити и чер- л. 225 об.
нило до подобна времени во уреченное место отлажити.

Аще восхощеша имя уведати писавшаго сия, се ти поведаю: пятерица полководцов и под ними четыреста пещу, и двесте конник и³¹ оруженосцов триста, крепких же воин сто со единым сильным, и паки триста и пятнадесять оруженников, и всего в сем имени девять письмен. ЕУЛКМАКЕЙ³² EУSTRATEI.³³

(Владими́ро-Сузда́льский музей, № 5636/396, лл. 212 об.—225).

²⁶кто подобная В. ²⁷показа В. ²⁸и кто В. ²⁹навержит В. ³⁰Доб. и
благим В. ³¹Нет В. ³²Доб. Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей В.
³³Нет В.

Автограф Евстратия — писца Алфавита. ГПБ, Q.XVI.21, л. 1 об.

Миниатюра с изображением Максима Грека. ГПБ. Q.XVI.21,
л. 21 об.

Слѣдѣти и прѣстѣна терпѣнїе во
 крастїи. И тернило до подобна
 времени воу ре[?]енное емѣт[?]сто
 блажїи ;
 Още вохощеши и мау вѣдати
 пїсавшато иа . Сети повѣдаю .
 пїатерїца полхошовѣ , и пїони
 мїсѣтї рѣстїа пещѣ , и авѣ
 сѣтѣ хонїкѣ . Коружено цовѣ
 прїста . Крѣпїи хужевонї стїо
 соединїи силнїи , и пїа сїи прї
 стїа , и пїа на дѣсїа тѣ
 оружниковѣ , и
 сего вѣ и мени
 дѣсїа пїсѣ
 мени ;
 Еу и маицей ; еи стїа тїеї

Концовка «Повести о некоей брани». Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. Сборник начала XVII в. Инв. № 5636/396, л. 225.

О. В. ТВОРОГОВ

О Хронографе редакции 1617 г.

Труд А. Н. Попова, содержащий подробные описания хронографа в редакциях 1512, 1617 и 1620 гг. и их разновидностях, положил начало текстологическому изучению этого памятника.¹

Однако как само описание, так и выводы о взаимоотношении редакций и их происхождении впоследствии подверглись существенному пересмотру и дополнениям. Особое значение имеют исследования А. А. Шахматова и С. П. Розанова.² Так, было установлено, что ошибочен взгляд А. Н. Попова на южнославянское происхождение хронографа, иначе представляется и взаимоотношение его отдельных редакций. Серьезным препятствием на пути изучения этого памятника является недостаточная изученность его списков. Уже после работы А. Н. Попова были обнаружены новые редакции (1599 и 1601 гг.), отражающие, как полагали, более древний этап истории текста хронографа, чем редакция 1512 г. (по новым данным, редакции 1599 г. и 1601 г. восходят к Хр. 1512). Итак, более определенные данные о истории текста хронографа, его источниках и происхождении могут быть получены лишь после того, как будет просмотрено и классифицировано возможно большее количество списков. С. П. Розанов справедливо указывал, что «хронографический материал наших книгохранилищ далеко не исчерпан, даже мало этого, после Попова его и не трогали, а следовательно, можно ожидать, что новые поиски дадут и нечто новое или во всяком случае выяснят многие вопросы, для решения которых теперь недостает данных».³

Вторая первоочередная задача — описание состава хронографов различных редакций. Описания эти необходимы для дальнейшего сопоставления их и выяснения взаимоотношений между ними. Редакция 1512 г. довольно подробно описана Поповым.⁴ Но А. А. Шахматов и С. П. Розанов указали на ряд неточностей в описании, которые в свою очередь привели А. Н. Попова к ошибочным выводам. Причина этого — как в недостаточной тщательности наблюдений, так и в том, что в поле зрения исследователя постоянно находились отдельные списки, не всегда представляющие типичный вид данной редакции. С. П. Розанов уточнил описание Хро-

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1—2. М., 1866—1869.

² А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. — Сб. ОРЯС, т. LXVI, № 8, СПб., 1900; С. П. Розанов. 1) Заметки по вопросу о русских хронографах. — ЖМНП, 1904, ч. CCCLI, № 1, стр. 92—136; 2) Хронограф редакции 1512 г. К вопросу об издании Хронографа. — ЛЗАК, вып. 18, СПб., 1907; 3) Время составления первоначальной редакции русского Хронографа. — ИОРЯС, т. XXX, 1926, стр. 311—322.

³ С. П. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах, стр. 136.

⁴ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, стр. 99—215.

нографа редакции 1512 г., установил существование двух видов этой редакции и издал Хронограф редакции 1512 г. и Хронограф западнорусской редакции в ПСРА.⁵

С изучением редакции 1617 г. дело обстоит много хуже. А. Н. Попов ограничился лишь общей характеристикой отношений редакции 1617 г. к редакции 1512 г., которую он считал ее основным и непосредственным источником, и дал перечень других источников этой редакции.⁶

После А. Н. Попова к текстологическому изучению редакции 1617 г. фактически не обращались. Сам А. Н. Попов издал русские и славянские статьи по некоторым спискам этой редакции.⁷ В 1892 г. был издан архимандритом Амфилохием полный текст Хронографа 1617 г.,⁸ но издание это совершенно ненаучное: Амфилохия интересовал текст лишь постольку, поскольку издаваемый им список был переписан рукой Дмитрия Ростовского, известного проповедника, церковного писателя, составителя Четьих-миней. Оригиналом для Дмитрия послужил поздний и неисправный список, не представляющий интереса для истории редакции. Амфилохий не произвел над текстом никакой текстологической работы, не оговорив даже явные дефекты рукописи. Характерно, например, что глоссы, встречающиеся в большинстве списков хронографа, Амфилохий принял за заметки, принадлежащие самому Дмитрию Ростовскому.

Частные замечания о Хронографе редакции 1617 г. содержатся в работе С. П. Розанова. «Оговариваемся, — предупреждает автор, — что вообще то мы этими редакциями (т. е. 1617 и 1620 гг. — О. Т.) не занимались и делаем здесь свои заметки на основании только тех случайных наблюдений, какие приходилось делать по некоторым вопросам предшествующих редакций».⁹ Тем не менее два наблюдения С. П. Розанова для нас чрезвычайно важны. Первое из них касается так называемой Распространенной редакции 1617 г. С. П. Розанов показывает ошибочность представлений об истории этой редакции, которая будто бы «все библейские статьи и югославянские (сокращенные во второй редакции) приводит по первой редакции, удерживая и заглавия их, а рассказы из византийской истории дополняет по 1-й редакции»,¹⁰ и приходит к выводу, что Распространенная редакция 1617 г. восходит не к редакции 1512 г. и целому ряду иных, указанных А. Н. Поповым источников, а к редакциям 1617 г. и 1601 г.¹¹ Так возникает новая задача исследования хронографа: выяснить место редакции 1601 г. среди других редакций и связь с ней Распространенной редакцией 1617 г., переработавшей свой текст совершенно в ином направлении, чем Основная редакция 1617 г. Крайне важно разыскать новые списки редакции 1601 г., что поможет с большей уверенностью установить историю ее текста и характер ее как источника последующих видоизменений хронографа.

⁵ Русский хронограф. Часть первая. Хронограф редакции 1512 года. — ПСРА, т. XXII, СПб., 1911; Русский хронограф. Часть вторая. Хронограф западнорусской редакции. Пгр., 1914.

⁶ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, стр. 70—121.

⁷ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 131—213.

⁸ Летописец, списанный св. Дмитрием в Украйне с готового 2-й редакции до 1617 г. с его примечаниями по полям, изображением его и 25-ю нумерами снимков его почерка из 30 рукописей и печатных книг, ему принадлежащих и диплома ему поднесенного Московскою духовною академиею. Издание Амфилохия епископа Угличского. М., 1892. — Отметим, что снимки почерка и диплома в издании отсутствуют.

⁹ С. П. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах, стр. 129.

¹⁰ Там же, стр. 130.

¹¹ Там же, стр. 130—131.

нографа редакции 1512 г., установил существование двух видов этой редакции и издал Хронограф редакции 1512 г. и Хронограф западнорусской редакции в ПСРЛ.⁵

С изучением редакции 1617 г. дело обстоит много хуже. А. Н. Попов ограничился лишь общей характеристикой отношений редакции 1617 г. к редакции 1512 г., которую он считал ее основным и непосредственным источником, и дал перечень других источников этой редакции.⁶

После А. Н. Попова к текстологическому изучению редакции 1617 г. фактически не обращались. Сам А. Н. Попов издал русские и славянские статьи по некоторым спискам этой редакции.⁷ В 1892 г. был издан архимандритом Амфилохием полный текст Хронографа 1617 г.,⁸ но издание это совершенно ненаучное: Амфилохия интересовал текст лишь постольку, поскольку издаваемый им список был переписан рукой Дмитрия Ростовского, известного проповедника, церковного писателя, составителя Четьих-миней. Оригиналом для Дмитрия послужил поздний и неисправный список, не представляющий интереса для истории редакции. Амфилохий не произвел над текстом никакой текстологической работы, не оговорив даже явные дефекты рукописи. Характерно, например, что глоссы, встречающиеся в большинстве списков хронографа, Амфилохий принял за заметки, принадлежащие самому Дмитрию Ростовскому.

Частные замечания о Хронографе редакции 1617 г. содержатся в работе С. П. Розанова. «Оговариваемся, — предупреждает автор, — что вообще то мы этими редакциями (т. е. 1617 и 1620 гг. — О. Т.) не занимались и делаем здесь свои заметки на основании только тех случайных наблюдений, какие приходилось делать по некоторым вопросам предшествующих редакций».⁹ Тем не менее два наблюдения С. П. Розанова для нас чрезвычайно важны. Первое из них касается так называемой Распространенной редакции 1617 г. С. П. Розанов показывает ошибочность представлений об истории этой редакции, которая будто бы «все библейские статьи и югославянские (сокращенные во второй редакции) приводит по первой редакции, удерживая и заглавия их, а рассказы из византийской истории дополняет по 1-й редакции»,¹⁰ и приходит к выводу, что Распространенная редакция 1617 г. восходит не к редакции 1512 г. и целому ряду иных, указанных А. Н. Поповым источников, а к редакциям 1617 г. и 1601 г.¹¹ Так возникает новая задача исследования хронографа: выяснить место редакции 1601 г. среди других редакций и связь с ней Распространенной редакции 1617 г., переработавшей свой текст совершенно в ином направлении, чем Основная редакция 1617 г. Крайне важно разыскать новые списки редакции 1601 г., что поможет с большей уверенностью установить историю ее текста и характер ее как источника последующих видоизменений хронографа.

⁵ Русский хронограф. Часть первая. Хронограф редакции 1512 года. — ПСРЛ, т. XXII, С116., 1911; Русский хронограф. Часть вторая. Хронограф западнорусской редакции. Пгр., 1914.

⁶ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, стр. 70—121.

⁷ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции М., 1869, стр. 131—213.

⁸ Летоисец, списанный св. Дмитрием в Украине с готового 2-й редакции до 1617 г. с его примечаниями по полям, изображением его и 25-ю номерами снимков его почерка из 30 рукописей и печатных книг, ему принадлежащих и диплома ему поднесенного Московскою духовною академиею. Издание Амфилохия епископа Угличского. М., 1892. — Отметим, что снимки почерка и диплома в издании отсутствуют.

⁹ С. П. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах, стр. 129.

¹⁰ Там же, стр. 130.

¹¹ Там же, стр. 130—131.

Другое замечание С. П. Розанова посетит, казалось бы, совсем частный характер: в примечании на стр. 130 исследователь отмечает: «Состава статей 2-й редакции нам не приходилось касаться, но случайно мы заметили, что, например, статья „От жития предтечи“ во 2-й редакции не опущена, как говорит Попов (II, 75), а только сокращена сравнительно с редакцией 1512 г.»¹² Подобного рода неточности подтверждаются и нашими наблюдениями, и это указывает на необходимость нового тщательного исследования состава редакции 1617 г. во всех ее разновидностях.

В третьем замечании С. П. Розанов ставит под сомнение указание А. Н. Попова на список русского перевода Хроники Мартина Бельского (ГПБ, Ф. IV, № 162) как на тождественный вставкам из этой хроники в хронограф.¹³ По работе А. Н. Попова действительно создается впечатление о тождественности указанных текстов, тогда как фактически составитель хронографа обращался с этим своим источником столь же свободно, как и с основным — Хронографом редакции 1512 г., сокращая, пересказывая, а порой и дополняя текст. Тем не менее, как будет показано ниже, ряд данных позволяет допускать, что составитель пользовался именно тем переводом хроники, который известен нам в отдельных списках (помимо указанного списка ГПБ, также в списках БАН: Арханг. Д. 422 и Арханг. С. 135 и др.).

* * *

Хронограф 1617 года (далее Хр. 1617) существует в двух редакциях — Основной и Распространенной. Краткая редакция, на существование которой указывал А. Н. Попов, едва ли заслуживает специального выделения: скорее это разновидность хронографических сборников, составленных путем выборки отдельных статей из полных редакций.

В данной работе мы остановились лишь на Основной редакции. Материалом для наблюдений послужили 33 списка этой редакции (из которых А. Н. Попову было известно только девять¹⁴) из рукописных собраний БАН и ГПБ; так как в круг наблюдений вошли еще не все хронографы, находящиеся в других архивах Ленинграда, а также богатейших рукописных фондах Москвы и других городов, результаты наблюдений, естественно, имеют пока предварительный характер.

Хронограф Основной редакции 1617 г. (дата устанавливается по расчету, содержащемуся в статье «Об отложении мяса иноком»), насчитывает 169 глав. В списках основному тексту предшествует оглавление («Сказание главам, иже суть в книзе сей») и предисловие («Предисловие книги сея»). Пространный заголовок хронографа встречается в четырех основных вариантах.

Первый вариант: «Книга глаголемая хронограф, рекше начало писменом царских родов, от многих летописец, преже от Бытии о сотворении мира, от книг Моисеевых, и от Исуса Наввина, и от Судей иудейских, и от Четырех царств; та же и от асирийских царех, и от Македонии, и от римских царех, еллин же и благочестивых, и от русских летописец, и от сербских, и болгарских. Первые с богом починаем о шести днех, в них же сотворил бог всю тварь, яко же рече Давид: словом господним небеса утвердишася и духом уст его вся сила их. Написася от премудраго

¹² Там же, стр. 130.

¹³ Там же, стр. 129—130.

¹⁴ Списки ГПБ, IV раздела Основного собрания в лист: №№ 85, 139, 167, 182, 245, 246, 300, 305 и список Погодинского собрания № 1445

Монасия и от Сивирия епископа Гевальскаго».¹⁵ Второй вариант заглавия отличается вставкой — после слов «глаголема гранограф» добавлено «иже суть в книзе сей». В третьем варианте в отличие от первого опущены слова «и от Македонии, и от римских царех». В четвертом варианте начало сходно со вторым, но, как и в третьем варианте, опущены слова «и от Македонии, и от римских царех».

Хронограф Распространенной редакции 1617 г. имеет заглавие, сходное со вторым вариантом, однако вместо «от Македонии... еллин же и благочестивых» читается «от Александрии, и от римских царей (царех), еллин же (и) благочестивых».¹⁶

Сам текст хронографа имеет как бы четыре компонента, на которых стоит остановиться подробнее: собственно текст, заголовки в тексте, заголовки на полях и глоссы. Написание значительной части заголовков на поле — отнюдь не результат сверки рукописи с более исправной или дополнений самого переписчика. Как можно судить из наблюдений над списками, определенный круг заголовков, как правило, в подавляющем большинстве рукописей встречается только на полях. Различия в заголовках (для списков XVII в. в особенности) выражаются по преимуществу в том, что в тех или иных списках те или иные заголовки пишутся либо на поле, либо в тексте. Опущение заголовков или, напротив, появление новых, «индивидуальных» заголовков — явление исключительно редкое. Так, при сопоставлении пяти списков старшего (из дошедших до нас) вида Основной редакции хронографа установлено, что из 224 заголовков (в первых 30 главах) 16 были в том или ином списке перенесены на поле, пропущено лишь 3 и вставлено 2.

Этой устойчивости структуры хронографа соответствует и устойчивость самого текста, резко отличающегося по ничтожному количеству разночтений от текстов повествовательных произведений, читающихся в отдельных сборниках.

Так, если на текст рассказа о событиях троянской войны (гл. 24 хронографа), занимающего 10—12 листов, даже при сравнении списков разных видов оказывается не более двух десятков разночтений, то в тексте, повествующем о тех же событиях, в «Троянской истории» Гвидо де Колумна, распространенной в отдельных списках, почти каждая фраза содержит то или иное индивидуальное или групповое отличие. Аналогичное явление можно наблюдать, сравнивая тексты хронографической Александрии и читающейся в отдельных списках Сербской Александрии. Все это говорит о особом отношении к тексту хронографа, о стремлении переписчиков сохранить его структуру даже в таких, казалось бы, внешних деталях, как место заголовка.

Характерной чертой Основной редакции Хр. 1617 является наличие в большинстве его списков нескольких десятков глосс. Состав глосс в списках постоянный (хотя в некоторых списках часть глосс опущена, но крайне редки «индивидуальные» глоссы), что говорит о принадлежности их архетипному тексту.

Глоссы придают тексту хронографа еще одну функцию: помимо энциклопедической задачи — сообщения основных исторических (в понимании своего времени), географических и историко-культурных сведений, он отвечает в какой-то мере и задаче богословской, комментируя события

¹⁵ Все цитаты из Хр. 1617 (кроме оговоренных случаев) делаются по списку БАН. Арханг. С. 139.

¹⁶ См., например, заглавия хронографов Распространенной редакции в кн.: Описание рукописного отдела БАН СССР, т. 3, вып. 1, М.—Л., 1959, стр. 190, 207.

библейской истории как систему символических предопределений будущих событий христианства или основ мироздания.

Так, тексту гл. 9 «О потопе» сопутствует глосса: «Ковчег есть церковь господня, а Ное — верныя люди, а голубица есть образ святаго духа, а сучеѣ масличный, его же носяи, — источник милости осенением благодати всеродныя. Собрание ж от всех животных в ковчег — то есть от всех язык научити вере, яже по Христа бога» (л. 29).¹⁷ Текст статьи «О Аврааме»: «Рече же господь к нему: „Возми юницу трилетну и козу трилетну и овен трилетен, горлицу и голубь“ (для жертвоприношения, — О. Т.)» — сопровождается глоссами: «Юница за послушание ига Христова», «Коза за млеко питающихся учением веры во Христа», «Овен за смиренне жретися за Христа», «Трилетие же пречистую Троицу прознаменуя», «Горлица за целомудрие, а голубь за незлобие приятных то» (л. 40 об.). Аналогично глоссами сопровождается текст в статье «О пасце», причем глоссы либо вносятся в текст непосредственно за толкуемым словом (киноварью, как в списке F. IV, № 139) или соотносятся с толкуемыми словами с помощью особых значков. «Тако ядите: чресла ваша препоясана (глосса: «Чресла препоясани, рекше душа мыслню вперяищесея от земных на небесная») и сапозы на ногах ваших (глосса: «Сапозы на ногах путника образ и блюдения пяты от хапающаго змя»), и жезлы в руках ваших (глосса: «Жезлы в руках знаменует утверждение крестом веры во Христа»), и спесте со тцаннем (глосса: «Спесте со тцаннем; сиречь со страхом и любовию»)» и т. д. (л. 76 об.).

Помимо глосс-толкований, существуют глоссы справочного характера. Например: «День той трети, сиречь третий, мы же обыкоша нарицати его вторник. Писание же поведает, яко в той днь на Содоме и Гомора пламы одождал бог и на вселенную потопление за прегрешение отверзе. И Моисе воду раздели, ему же тогда поющу славно бо прославися» (л. 15 об.); «Рай убо ныне ни совершенно нетленен, ниже паки всячески (т)ленен, посреди бо тли и нетления есть. Быти же ему приспо исполнену плоды, от него же низтекши Фисон, купно и Гион износит персть до нив индиян» (л. 19); «По счету всех лет до потопа 2262, а пишет во всех греческих летописцах 2242» (л. 28 об.); «Неврот и Мерсем первые на земли быста в человецех цари и начаста владети странами» (л. 31 об.); «Сего Крона Непрота именовашу, иже делатель столпа бысть, и ту движение звездам виде» (л. 34 об.); «Сей убо не философ, но кумир, иже ответы дая жерцу своему» (л. 170 об.);¹⁸ «Исус Сирахов не бляне убо иудей, но еллин. Сего ради речесе в царство Димитрия Селевкова и бысть рачитель премудрости Соломони и книги многи от еврейска преведе, много учим бо бе и язык еврейский известно разуме» (л. 224 об.) и т. п.

Есть и глоссы — морализирующие сентенции. Так, на полях статьи о римлянке Лукреции помещается глосса: «Аще и zelo похвалению достойно действо жены сея, яко же и Сусаны, но поне от (не)верных, и сего ради не славимо есть верными» (л. 141 об.); или: «Виждь гордый прав! От каковы высоты человечества отторзает, еже во зверство и скотство претворяет» (л. 146 об.) — о Валтасаре.

Приведем несколько наиболее любопытных глосс. Текст главы «О родословии», повествующий о «гигантах», погибших от божественного огня (извлечение из Еллинского и Римского летописца), сопровождается глоссой: «От сего имамы разумети, яко и до потопного времени бысть

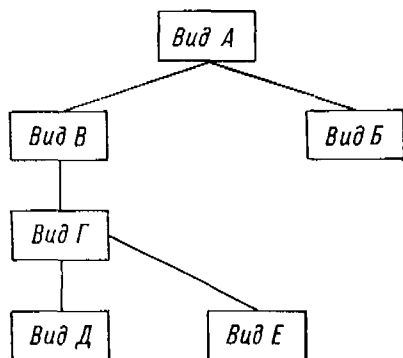
¹⁷ Здесь и далее указываются листы списка ГПБ, F. IV, № 139.

¹⁸ Эта глосса относится к статье о «философе» Дионисии в главе «О еллинских философах»

потребление огнем, но не уцеломудришася, и тако грех водою потопи. Сия повесть о огненном потреблении, и о человецех змиеножных выписано из летописныя книги Максима Грека, инока Святыя горы Ватопедския обители» (л. 28). А. Н. Попов по поводу этой глоссы высказывает следующее предположение: «Вероятно, под этим разумеется список Еллинского летописца, принадлежащий Максиму Греку».¹⁹ С именем Максима Грека связана и другая глосса: «Максим Грек, инок Святыя горы, сказал, что во Антиохии Велицей патриарх Петр Парамон сей первый нача миро пред всеми людьми свещати в церкви и прочее, а не Мартирин в Царс Граде, ни Белилик» (л. 303об.). Тут же уместно привести и другую полемическую глоссу: «Мне мнится тут Симон богоприимец не был, а обещано ему духом святым не видети смерти преже, да же не видит Христа господня. Не злопитием дерновения, но по благодати, данней ему от бога свыше за благоговеньство и чистоту жития его» (л. 218). Принадлежат ли эти глоссы самому редактору хронографа, счешшему необходимым внести таким образом поправки в текст источника, или кому-либо из первых читателей — сказать трудно, но их наличие в большинстве списков говорит за то, что они читались уже на ранних стадиях истории текста.

* * *

Основная редакция Хр. 1617 распадается на несколько видов, взаимоотношения которых представлены в нижеследующей стемме:

Каждая из групп списков, выделяемая нами в особый вид, имеет свои специфические черты в составе, расположении материала, а также отличия в наименовании отдельных глав или статей.

Последний признак самый неустойчивый: списки хронографа нередко сверялись не только с оригиналом переписки (протографом), но и с другими, оказавшимися в распоряжении переписчика или читателя списками, в результате чего в текст, заголовки, нумерацию статей и т. д. вносились поправки (такого рода исправления чернилами киноварных заголовков встретились нам во многих списках), что значительно усложняло определение собственных признаков данного вида. Несколько примеров.

Глава 12 имеет два варианта заглавия: «О Евере и о еврейских письменех» и ошибочный «О евреи и о еврейских письменех». Правильный

¹⁹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, стр. 9.

вариант читается во всех списках вида *A* и *D*, а в списках остальных видов встречаются оба варианта. В списках видов *A* и *B* 20-я гл. начинается со статьи «О родословии Моисееве», в списках вида *D* со статьи «О рожении Моисееве», в остальных видах встречаются оба варианта. Статья гл. 21 «О Ахаре иже украде» в отдельных списках видов *B* и *G* носит ошибочное название «О Ахаре иже не (!) украде». Гл. 22 в отдельных списках видов *G* и *D* озаглавлена «О Еутропии и о Тире граде и Сидоне» вместо «О Европии...» или «О Еуропии...» (через исилон).

Разнобой наблюдается также в нумерации глав. В большинстве списков вида *A*, а также во многих списках других видов ошибочно повторен номер главы 125 (главы «Царство 47 Константина Багрянороднаго, сына Лва Премудраго» и «Царство 48 Романа Лакашиа и о соборе соединения»), в других списках вторая глава имеет № 126. В этом случае далее нумерация глав отличается от обычной на один номер, но затем пропускается номер какой-либо из глав и нумерация вновь выравнивается с традиционной.

Все эти примеры говорят о том, что возникающие на том или ином этапе истории текста ошибочные чтения затем исправляются либо интуитивно, либо на основании списков, с которыми производилась сверка. Иногда ошибочное чтение содержалось уже в древнейшем тексте. Так, например, повторение № 125 в двух соседних главах, естественно, не могло произойти независимо друг от друга в списках разных видов, в то время как пропуск второго повторяющегося номера или исправление его на № 126 могли происходить в списках не только в результате сверки, но и в результате самостоятельного осмысления ошибки.

При выделении видов Основной редакции принимались во внимание иные, более устойчивые текстологические приметы.

Вид *A*

Этот вид, по нашему мнению, лучше других сохранил древнейший (архетипный) текст Основной редакции. Списки этого вида характеризуются следующими признаками:

1. Статьи в гл. 19 («О Иосифе»), как и в Хронографе 1512 г., расположены в следующем порядке: «О Иосифе», «О Иуде и родословие до Давида царя», «О Иосифе, что ему бысть во Египте», «Како изведе бог Иосифа из темницы», «О купли пшеницы, яже во Египте», «О шествии Израиля во Египет», «О смерти Израилеве и о благословении чад» и т. д.

2. Заголовок гл. 20 — «О родословии Моисееве».

3. Шестая статья той же главы носит название «О Иракле, еже есть Юпитере, сыне Зевесове».²⁰

4. В гл. 24 в статье «О брани Трояном со греки и о разорении ея» и в статье той же главы «О царе Приаме троянском и о сыне его Александре Парисе» содержится несколько архетипных чтений, утраченных в списках видов *B*, *G*, *D* и *E*.

Обратимся к рассмотрению этих признаков вида. Первый из них не требует особых оговорок: последовательность и состав статей совпадает с Хр. 1512, тогда как в видах *G*, *D* и *E* меняется порядок статей и их состав. Принадлежность второго признака архетипному виду может подтверждаться лишь косвенно: гл. 17 Хр. 1512 носит название: «Избранно

²⁰ Здесь и далее мы называем статьями отрезки текста главы, заключенные между киноварными заголовками. При этом первой статьёй главы считается текст, читающийся в начале главы до следующего киноварного заголовка.

от вторых книги, от исхода о родословии Моисеове и о рождении его». Следующая статья той же главы Хр. 1512 озаглавлена «О рождении Моисеове». Можно предположить, что и в архетипном виде Хр. 1617 рассказ о Моисее открывался статьей «О родословии Моисеове», а перенесение этой статьи в предыдущую, 19, гл. — результат вторичного изменения текста.

В обоих этих случаях мы молчаливо предполагаем зависимость текста Хр. 1617 от текста Хр. 1512. Как будет показано в специальной работе, такая зависимость действительно существует. Здесь укажем лишь, что текстуальное сходство, а также состав не восходящей к иным источникам, т. е. собственно хронографической, части Хр. 1617 и несомненное сходство большинства заголовков статей Хр. 1617 и Хр. 1512 позволяют видеть в Хр. 1512 основной источник Хр. 1617.

Третий признак, возможно, не является чертой архетипа. Но во всяком случае выделение последней фразы предшествующего рассказа — «Сей же Дионис начальник бе пианству» в качестве киноварного заголовка для последующего текста, где о Дионисе нет и речи, бесспорно говорит о том, что этот заголовок, читающийся в видах *Д* и *Е*, а также в большинстве списков видов *В* и *Г* (в некоторых списках заголовки вообще опускается), — результат ошибки, появившейся в архетипном списке этих видов основной редакции.

Наиболее существенный признак — это чтения в гл. 24 «О златом руне волшебного овна». Глава эта, хотя и в значительно измененном виде, заимствована составителем Хр. 1617 из хроники Мартина Бельского. Анализ соотношения хронографа и хроники как его источника — предмет особой работы; приводимые далее сопоставления лишь дают для нее некоторый предварительный материал; во всяком случае тот факт, что и текст хронографа, и текст перевода хроники, известного по списку ГПБ.Ф.ІV.162 и другим, имеют общие отличия от польского оригинала, свидетельствует о вероятной связи.

Приведем наиболее характерные примеры близости к этому переводу списков вида *А*.

В списках этого вида в статье «О брани трояном со греки и о разорении ея» читается: «Аще дадут от царских детей на снадение змию, то укротится Нефтунов гнев», ср. в русском переводе хроники Бельского: «И так долго будет, яже дадут дитя, на которое жребий падет» (л. 125).²¹ Ср. в польском тексте: «a tak będzie długo pokimu nie dadza ktorego dzyecię cia królewskiego ku rozarciu na ktore los przypadnie» (л. 54).²²

Текст в Хр. 1617 отличается от текста перевода, почти дословно передающего польский оригинал, но все же хронограф в видах *А* и *Б* сохраняет глагол «дадут», тогда как в остальных видах читается «аще идут от царских детей».

В той же главе в статье «О царе Приаме троянском и о сыне его Александре Парисе» читается: «И в то время Пантил, Приямов племянник, говорил...». В переводе хроники так же: «А в те поры Пантус племянник Приямов сказал» (л. 129 об.). В польском тексте: «A w tym czasie Panthus przyrodzony Priamusom powiedał» (л. 55 об.). Как видим, и в хронографе, и в переводе хроники польское «przyrodzony» передано как «племянник». Но в списках видов *В*, *Г*, *Д* и *Е* Основной редакции вместо «племянник» читается «внук».

²¹ Цитируем по списку перевода Хроники Мартина Бельского, ГПБ, Ф.ІV, № 162.

²² Цитируем по изданию: Kronika, tlo iest historia świata. Krakow, 1564.

В той же статье в редакции *А* и *Б* читается: «И превращься (Юпитер, — *О. Т.*) в лебедя прилете на озеро и учал кликати», в остальных редакциях «в лебедя при езере на лето и учал кликати». Порча текста достаточно явная (пропущен глагол; «на лето», — видимо, искаженное «палете» из «прилете»). И в этом случае чтение видов *А* и *Б* соответствует хронике Бельского; ее текст не совсем точно, но близко к приведенному чтению хронографа передает русский переводчик: «И он опрокинулся лебедем и прилетал к ней на пруд и учал кликати лебедем» (л. 52 об.); ср. в польском оригинале: «przemienił się w labędzia począł spiewać» (л. 21об.). Буквальный перевод: «Обратился в лебедя, начал кликать», упоминание об озере и пруде, отсутствующее в польском тексте, сближает хронограф именно с данным переводом.

Обратимся к последнему столь же показательному примеру из той же статьи: «Протозелиус вышед ис кораблей и побил многих троян. И вышед из Трои Ектор, Приямов сын, и многих еллин побил». Этот текст читается лишь в видах *А* и *Б*. В остальных видах — пропуск, и фраза преобрела следующий вид: «Протозелиус вышед из Трои, Ектор приямов сын и многих еллин побил». Ошибка бесспорна, но любопытно сходство исправного текста видов *А* и *Б* с переводом хроники и общие отличия Хр. 1617 и перевода от польского оригинала: ср. в переводе 1584 г.: «Протозилаус вышед ис корабля и побил людей, которые у берегу билися. И Ектор крикнул на своих и выскоца на берег ис кораблей и побил Троянов. И Протозелаус убит на том бою» (л. 134). Ср. в польском тексте: Protezylaus wyskoczył na ziemię z wody, potkał się z nimi pirzchnęli (piera) Troiani. Przyskoczył Hektor krzyknał na swoje, rozprossył (rozposzył) zasię Greci iako żaby do wody, u Protezylausa zabił» (л. 57). В переводе Бельского и хронографе «wyskoczył na ziemię z wody» передано как «вышед ис кораблей»; о Гекторе в польском тексте говорится лишь, что он «przyskoczył», переводчик ошибочно добавляет «на берег ис кораблей и побил троянов». «Троянов» (вместо «еллин», как должно быть по смыслу) — либо ошибка перевода, либо дефект, появившийся уже в списках. Впрочем, именно так читается в обоих известных нам списках перевода — ГПБ.Ф.И.V.162 и БАН. Арханг. Д. 422 и копии этого списка — БАН Арханг. С.135. Хронограф исправляет эту несообразность, а заодно и другое ошибочное указание, что Гектор вышел из кораблей, заменяя ее словами «вышед из Трои»; но в обоих случаях сохранено указание, откуда вышел Гектор, отсутствующее в польском оригинале.

Кроме названных примет в списках вида *А* устойчиво сохраняются названия гл. 12 «О Евере и о еврейских писъмепах», гл. 14 «О Египетской и Сирской земле», гл. 21 «О Ахаре, иже украде», гл. 22 «О Еуроппи и о Тире граде и Сидоне»; статья в гл. 79 озаглавлена «О создании града Константина», статья «Царство 38 Ставрикнево, сына Никифорова» в гл. 116 не имеет особого номера и т. д. В большинстве из приведенных заголовков списки остальных видов содержат различные вторичные чтения.

Любопытной чертой Основной редакции является пропуск статьи, повествующей о византийских императорах Алексее Мурдзуфле и Алексее Ангеле. Гл. 146 в списках всех видов (за единичными исключениями, о которых ниже) носит заглавие «Царство греческое 71 Алексия Ангела», но текст этому заглавию не соответствует, там говорится: «По Алексие Ангеле царствова во Царьграде Феодор Ласкаръ 18 лет, а патриарх тогда Герман. При сем Алексии царе приде во Царьград святыи Сава...» и т. д. Но в следующем абзаце той же статьи упоминается уже Феодор Ласкаръ («При сем царе Феодоре Ласкаре взят был от латин Царь-

град...»). Эта ошибка могла возникнуть уже в архетипном тексте, когда вслед за заглавием «Царство ... Алексея Ангела» был переписан текст следующей статьи, в которой речь шла о Феодоре Ласкаре. В отдельных списках эта ошибка была замечена и устранялась. Так, в списке вида А собр. БАН 45.10.16 первой четверти XVIII в., а также в списке вида Г (собр. ГПБ. F.IV.843) имеется статья о Дуке и Алексее Ангеле, в других списках заглавие главы 146 изменено («Царство ... Феодора Ласкаря»), в третьих, помимо изменения заглавия, изменена и первая фраза: «По Алексее Скимнине царствова ... Феодор Ласкарь...». Однако, повторяем, в подавляющем большинстве списков сохраняется ошибочный текст, присущий уже виду А.²³

Вид Б

Списки этого вида, во всем совпадая со списками вида А, имеют лишь две специфические черты. Во-первых, в них опущена статья «О Навуходносоре» в гл. 32; во-вторых, начиная с гл. 157 изменены многие заголовки глав и статей. Несколько примеров:

Вид А²⁴

Вид Б

гл. 157

Сказание Ивана Пересветова о царе турецком Магмисте, како хотел сожести книги греческие.

О совете турецкого царя с пашами своими о законе. Сказание Ивана Пересветова.

гл. 161

И по нем бысть последник державе русского государства сын его царь и великий князь Иван Василиевич всеа Русии.

Царство царя государя и великого князя Ивана Василиевича всеа Русии, и о взятии града Казани и о граде Иерусалиме.

О взятии града Казани и всея земли по Волге реке и по Каме яже и болгары поволжские нарицахуся.

О взятии града Казани и о пропуске.

гл. 166

О поставлении Гермогена патриарха.

О возведении на престол Гермогена патриарха Московского.

О злом развратнице Петрушке и о прочих мятежниках.

О поволявшемся развратнице Петрушки.

Вид В

Вид В, по нашему мнению, восходит к одному из списков вида А. Общей чертой данного вида является сохранение того же, что и в виде А, порядка следования статей в гл. 19. В большинстве списков данного вида отсутствует заголовок статьи, которая в списках видов А и Б была озаглавлена «О Иракле, еже есть Юпитере, сыне Зевесове», а в некоторых списках уже появляется ошибочный заголовок «Сей же Дионисий бе начальник пиянству», который встречается также в большинстве списков вида Г.

В отдельных списках появляются и другие ошибочные заголовки: «О Ахаре, иже не (!) украде», «О Еутропии и о Тире граде...», во всех списках статья гл. 79 носит название «О создании Царя-града Константины», где смешивается типично русское (Царьград) и европейское название столицы Византии.

²³ Перечень списков каждого вида см. ниже, стр. 177.

²⁴ В остальных видах так же.

Но наиболее существенным признаком, отличающим вид *B* от видов *A* и *B* и, напротив, объединяющим его со всеми остальными видами, является наличие вторичных чтений в рассмотренных выше фразах и из гл. 24:

Виды *A* и *B*

... аще дадут от царских детей...
 ... Пантил Приямов племянник...
 ... прилете на озеро...

Протозелнус вышел из кораблей и побил многих троян. И вышел ис Трои Ектор...

Виды *B*, *Г*, *Д* и *Е*

... аще идут от царских детей...
 ... Пантил Приямов внук...
 ... при езере... (*B*)
 ... при езере на лето... (*B*, *Г* и *Е*)
 ... при езере налетс... (*Д*)

Протозелнус вышел из Трои Ектор Приямов сын...

Для всех без исключения списков вида *B* характерны, как говорилось, заголовок статьи в гл. 79: «О создании Царяграда Константина» (в списках видов *A* и *B* — «града Константина»), заголовок главы 165 «Царство Ростригино...» (в списках вида *A* «Царство розстриги Григория Отрепьева...»).

Списки этого вида в свою очередь распадаются на группы, характеризующиеся некоторыми общими вторичными чтениями: так, в списках F.IV.85, F.IV.274, ОЛДП F.183, БАН 34.2.29 в статье главы 21 вместо «О Ахаре иже украде» (так в видах *A* и *B* и списках F.IV.182, Погод. 1445 вида *B*) читается ошибочное «О Ахаре иже не (в списке ОЛДП — «же не») украде». Испорченное чтение в заголовке гл. 22 «О Еутропии...» (вместо «О Европии и о Тире граде и Сидоне») встречается в тех же четырех списках F.IV.85, F.IV.274, ОЛДП F.183, БАН 34.2.29; там же мы встречаем и ряд общих вторичных чтений в тексте гл. 24 «О златом руне волшебного овна» («возлюбил Лиду Питер» — в списке ОЛДП и остальных — «Юпитер»; «Ахиллес же виде» — в остальных списках вида, а также видах *A* и *B* — «слышав», и т. д.). С другой стороны, ряд общих чтений объединяет списки Погод. 1445, Софийский № 1411, БАН 19.1.4. Особенно сложна история списка F.IV.85, который, совпадая в большинстве чтений с указанной группой списков вида *A*, тем не менее имеет общую ошибку со списком F.IV.139 (вид *A*) — в гл. 156 вместо «Царство греческое 80 иже бысть в лето 6933» (что достоверно и исторически), в обоих этих списках читается «в лето 6911».

Вид *Г*

Вид *Г* восходит к одному из списков вида *B*, с которым его сближают одинаковые вторичные чтения в гл. 24, наличие во всех списках заголовка «Сей же Дионисий началник бе пианству» (в гл. 20), сходство заголовка в гл. 79, и ряд других общих вторичных чтений.

Однако решающей приметой вида является перестановка в главе 19: статья «О Иуде и родословие до Давида царя» помещена во всех списках этого вида после статьи «О шествии Израиля в Египет».

Можно допустить также, что вид *Г* восходит к списку вида *B*, относящемуся к группе, в которую входят списки F.IV.85, F.IV.274, ОЛДП F.183 и БАН 34.2.29, причем в особенности сходному с последним — списком БАН. В списках вида *Г* заголовок гл. 14, как и в списках БАН и ОЛДП — «О Сирской и Египетской земле» (в остальных списках вида *B*, а также в видах *A* и *B* — «О Египетской и Сирской земле»), в гл. 24 статья озаглавлена «О брани трояном со греки и о разорении его»

(так же в списках БАН и ОЛДП), в других списках вида В — «О разорении ея» или даже «Трой». В виде Г, как в списках БАН, ОЛДП и Софийск. № 1411, в гл. 115 статья озаглавлена «О полском короле Леске»; в других списках вида В — «О полском королевстве». В то же время отдельные черты роднят некоторые списки вида со списками другой группы вида В или даже других видов. Так, если для всех списков вида В характерно заглавие 146 гл. «Царство греческое 71 Алексея Ангела», то в одном (правда, позднем — XVIII в.) списке вида Г мы встречаем заголовки «Царство греческое 71 Феодора Ласкаря», но в этом случае в тексте статьи о Савве сохраняется упоминание Алексея Ангела («При сем царе Алксее приходил...»). Не объясняется ли это изменение заглавия столь же механически, как и сама ошибка, ее исправлением на основании первой же фразы, где говорится о царствовании именно Феодора Ласкаря?

Вид Д

Вид этот восходит, как можно думать, к одному из списков вида Г. Но если в списках вида Г статья «О Иуде» была лишь перенесена на новое место, между статьями «О шествии Израиля в Египет» и «О смерти Израилеве и о благословении чад», то в списках вида Д этот процесс продвинулся еще далее: все статьи гл. 19, предшествующие находящейся на новом месте статье «О Иуде», опускаются, а следующая за ней статья получает новое название: «О Иосифа и о смерти Израилеве и о благословении чад». Эта статья становится теперь первой в гл. 19 (статья «О Иуде» оказывается последней статьей предыдущей, 18-й главы), видимо, новое заглавие — внесение туда упоминания Иосифа — как-то соотносилось с начальной статьей бывшей гл. 19 «О Иосифе», что и повлияло на перенесение номера главы на новое место.²⁵

Для вида Д характерна большая устойчивость ряда других признаков: во всех списках гл. 12 названа правильно: «О Евере и о еврейских письменах», статья гл. 14 всюду носит ошибочное название «О Асирской и Египетской земле» (вместо «О Египетской и Сирской земле»), гл. 20 начинается со статьи «О рождении Моисеове», статья той же главы «Сей же Дионис бе начальник пьянству» названа так во всех без исключения списках. Во всех списках механический пропуск в гл. 7: вместо «сими же убо звездами счиниша еллини строитися сже в нас, по не от нас. Сие бо еллини глаголют» читается «сими же убо звездами счиняюще еллини глаголют» и т. д.

Вид Д, вероятно, восходит к какому-либо списку вида Г, который обладал всеми названными чертами; в то же время списки вида Д наиболее едины в своей текстологической близости, что говорит о их близости к общему архетипу и обособленности от других видов. Обратимся вновь к гл. 146. В списках F.IV.246 и F.IV.680 эта глава (№ 148) озаглавлена: «Царство греческое 71 Феодора Ласкаря». Начало главы: «По Алексее Скимнине царствовал по Цареграде Феодор Ласкарь 18 лет, а патриарх тогда был Герман. При сем Феодоре цари прииде в Царьград святой Сава...» (F.IV.680, л. 293 об.). Упоминанием Алексея Скимнина эти списки сближаются со списком F.IV.300 (вида В), но в этом последнем в тексте: «При сем Алксее царе прииде...». Отметим

²⁵ Предположение, что вид Д не зависит от вида Г, а восходит непосредственно к его протографу, кажется нам менее вероятным: в этом случае оказалось бы, что опущено несколько статей — одна, предшествующая статье «О Иуде», и четыре следующие за ней. Естественнее предположить пропуск пяти рядом стоящих статей.

также, что из просмотренных списков лишь в двух (F.IV.246 и F.IV.680) следующая глава является статьей гл. 148 и называется «О болгарском царстве» (в остальных списках — «Царство Асана Ивана царя болгарского 72»). В то же время в большинстве списков вида Г гл. 146 озаглавлена «Царство греческое 71 Алексея Ангела», а в списке F.IV.823, где она также называется «Царство греческое 71 Феодора Ласкаря» есть глава о Алексее Дуке и Алексее Ангеле, и в гл. 146 упоминается Алексей Ангел, а не Алексей Скимнин.

В и д Е

По структуре гл. 19 вид Е сходен с видом Г и по всей вероятности восходит к этому виду. Но списки вида Е объединяют следующие наиболее существенные отличия.

1. Заглавие сходно с первым вариантом, но после слов «...вся сила их» следует: «От книги Иосифа Ламскаго вкратце» и далее — статья, читающаяся в Хр. 1620 (начало: «Прежде бо всего подобает истинному христианину ведати на спасение, что есть бог...»); затем статья: «И сие ж напишю чтущим разумения ради, где стояше сам прежде, неже мир сотворен» (начало: «Тогда не бе ино, кроме тмы...»); затем обычное окончание заглавия хронографа («Написание от премудраго Монасия и от Сибирии, епископа Гевалскаго»²⁶) и статья «Зачало 1-го дни».

2. После статьи гл. 1 «Начало четвертаго дни» следует дополнительная статья «О отпадении ангелстем и в бесы претворившихся».²⁷

3. Значительно распространены статьи «Зачало пятаго дни» и «Начало шестаго дни»; причем в списке Q.IV.360 к вставке в статье «О дни шестом» добавлен еще один абзац.

4. В гл. 19 немного пространнее рассказ о поступке братьев с Иосифом и о пребывании его в Египте; за особым заголовком выделена статья: «О целомудрии Иосифове во Египте и о приключившемся ему злых от диавола, добрых же от бога», в которой текст вставки слит с текстом статьи «О Иосифе, что ему бысть в Египте». В конце статьи «О благословении чад» добавление о годах жизни детей Иосифа.

5. В гл. 20 в середину статьи «О Горгонеи» вставлена статья «Пишет же в виной истории о Гордиции (!) девице тако», затем после заголовка «О Персии же» окончание статьи «О Горгонеи».

6. В той же главе, в статье «О разделении моря Чернаго еже железом» вставка (из «Сказания о крестном древе») и дополнительный заголовок «О услаждении воды горкия».

7. В гл. 79 после статьи «О хождении во Иерусалим святая царицы Елены и како взыска честный крест Христов» добавлена статья: «О отвержении звездочетия и о преименовании дней седмичных всея недели».

8. В гл. 106 пропущена статья «О Крое короле полском, иже от племени чехова».

9. Гл. 146 озаглавлена «Царство греческое 71 Феодора Ласкаря», рассказ о Савве выделен особым заголовком «О Саве Сербском» и начинается словами «При сем царе Феодоре прииде во Царьград светый Савва...»; в списке Q.IV.360: «При сем царе прииде...».

²⁶ В списке Q.IV.360 эти слова читаются также и в конце заглавия (перед словами «От книги Иосифа Ламскаго вкратце»).

²⁷ А. Н. Попов указал, что «во второй редакции Хронографа... приводится обширная выписка из Палей под заглавием: «О отпадении аггелстем и в бесы претворившихся» (А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, стр. 100—101). Как видим, статья эта читается лишь в одном позднем виде Хр. 1617.

Что это могло быть так, косвенно подтверждается следующим обстоятельством. Из известных нам списков с новым расчетом лет все связаны другой, «вневидовой» общностью — особенностями в оформлении гл. 146. Даты 1647 и 1651 гг. имеет список БАН 45.10.16 (тот, где читается статья о Дуке Мурдзуфле), даты 1547 и 1617 гг. имеют списки: F.IV.843, F.IV.562 и F.IV.24. В двух последних, как указывалось, в начале статьи о Савве читается «При сем царе Феодоре...». Список F.IV.843 ср. со списком БАН 45.10.16, где гл. 146 озаглавлена «Царство... Феодора Ласкаря» и где также есть статья о Мурдзуфле. Есть даты 1547 и 1617 гг. и в списках F.IV.167 и F.IV.300, двух представителей вида B.³²

Итак, связи списков с измененным расчетом лет оказываются вполне вероятными. И думается, что изменение его шло так: 1617 и 1617 → 1577 и 1617 → 1647 и 1647 → 1647 и 1651.³³ Иная последовательность (например: 1617 и 1617 → 1647 и 1651 → 1577 и 1617), кажется маловероятной: в этом случае трудно объяснить, почему вновь был восстановлен верный расчет лет от Никона при сохранении первого, ошибочного компонента расчета от Федора Студита (т. е. 6302 сохранилось, вместо 853 стало, как и в списках с верным расчетом, 783, и сумма дала ошибочный общий счет 7085, т. е. 1577 год). Проверить гипотезу поможет обращение к большему числу списков Основной редакции. Если она окажется верной, или во всяком случае вероятной, то поможет объяснить появление статьи о Мурдзуфле в списке БАН 45.10.16. Это список, который сам или через свой протограф испытал влияние списка, сходного со списком ГПБ. F.IV.843.

* * *

Приведенные описания шести видов Основной редакции, помимо чисто археографических задач, помогут, во-первых, установить структуру архетипного вида редакции, отграничить все, что появляется на поздних этапах развития текста хронографа, а, во-вторых, установить источник Распространенной редакции.

Выясняется, что Распространенная редакция основана на списке Хр. 1617 вида B: статья «О Иуде» помещена после текста, соответствующего статье «О Иосифе» (статей «О Иосифе, сыне Иаковли», «О спех Иосифлих»). Это был список, сходный со списками БАН 34.2.29 и ОЛДП F.183; в нем имелся заголовок «Сей же Дионисий начальник бе пиянству», глава 14 носила название «О Сирской и Египетской земли», статья гл. 115 называется «О полском короле Леске», и т. д. Примечательно, что в списках Распространенной редакции есть глава 155 «Царство греческое 71 Алексея Дуки» (начало: «По Алексею Скимнине царствования Алексей Дука Мирциуфль...»), с упоминанием и Алексея Ангела. Глава 156 — «Царство греческое Феодора Ласкаря» — начинается со слов: «По Алексею Ангеле царствования во Цареграде Феодор Ласкарь»..., но рассказ о Савве в иной версии, чем в списках Основной редакции (совпадающей с Хр. 1512).

В то же время в известных нам списках вида B нет ни статьи о Дуке Мурдзуфле, ни статьи, озаглавленной «Царство... Феодора Ласкаря». Наличие этих черт в списках Распространенной редакции еще не свидетельствует о том, что они были в каких-либо списках вида B: судя по

³² Последний из известных нам списков с той же ошибкой — ГПБ, Вяземск. F.V. обрывается на гл. 121, и нет возможности проверить нашу гипотезу.

³³ Первая цифра — расчет лет от Федора Студита, вторая — от Никона.

тексту статьи «О Савве сербском», могла сказаться коррекция по другому источнику редакции — Хронографу 1601 г., откуда, в частности, взята статья «О Савве Сербском».

Все эти вопросы могут быть разрешены, когда в поле зрения исследователей окажется большее количество списков, чем исследовано в данной работе, начальном этапе текстологического изучения Основной редакции Хр. 1617.

В настоящее время просмотрены и классифицированы следующие списки Основной редакции Хр. 1617:

В и д А

БАН: Архаш. С. 139; 45.10.16. ГБЛ: собр. Егорова № 220, собр. Егорова № 231, Музейн. собр. № 3358, Музейн. собр. № 3697, собр. Пискарева № 165, собр. Попова № 7. ГПБ: F.IV.139, F.IV.273, собр. Вяземского Q 9, Эрмитажное собр. № 566.

В и д Б

ГПБ: F.IV.167, F.IV.300.

В и д В

БАН: 19.1.4, 34.2.29. ГПБ: F.IV.85, F.IV.182, F.IV.274, собр. Вяземского F 5, собр. ОЛДП F 183, собр. Погодина № 1445, собр. Софийское № 1411. ЛОИИ: колл. 115 № 82 и № 607, собр. Археогр. № 144.

В и д Г

БАН: 19.2.1. ГБЛ: собр. Пискарева № 164, собр. Пискарева № 166. ГПБ: F.IV.244 (гл. 1—52), F.IV. 245, F.IV. 843, собр. Вяземского F 24, собр. Титова № 259, собр. Титова № 4238. ЛОИИ: колл. 115 № 78, собр. Археогр. № 141, собр. Лихачева № 493.

В и д Д

БАН: 31.6.28. ГПБ: F.IV.246, F.IV.680, собр. Софийское № 1380, собр. Титова № 3634.

В и д Е

ГПБ: F.IV.24, F.IV.562, Q.IV.360, собр. Софийское № 1381.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Повесть о житии Варлаама Керетского

Житие Варлаама Керетского по своему содержанию, литературным особенностям и языку заслуживает большего внимания, чем уделено этому памятнику в литературе по истории древнерусской агиографии. В. О. Ключевский в своем известном исследовании¹ отводит Житию Варлаама Керетского несколько строк. Он говорит, что это житие представляет интерес «для истории нравственной жизни древнерусского общества»² и высказывает свои соображения о времени и месте создания Жития (составлено в Керети в 60-е годы XVII в.). Ив. Яхонтов в книге, посвященной севернорусским житиям,³ более подробно передает содержание Жития и, так же как и Ключевский, кратко останавливается на вопросе о возможном времени создания памятника, его авторе, составе текста произведения (Ив. Яхонтов полагает, что чудеса записывались различными лицами в разное время, а само Житие «по всей вероятности» было написано в конце XVI столетия). На этом по существу и ограничивается исследование Жития Варлаама Керетского.

В. О. Ключевскому и Ив. Яхонтову был известен список Жития из Соловецкого собрания № 182 (в настоящее время в ГПБ, в составе Соловецкого собрания). Сборник скорописью второй половины XVIII в. разных почерков на 241 листе.⁴ Часть до л. 83об., писанная одной рукой, в конце имеет запись, что написана она в Кожеозерском монастыре 21 декабря 1741 г. Сборник преимущественно содержит жития севернорусских святых (Германа Соловецкого, Нифонта и Серапиона Кожеозерских, Никодима Кожеозерского, Трифона Печенгского, Ивана и Логгина Яренгских, Селиверста Обнорского и др.). Житие Варлаама Керетского помещено после Жития Иоанна и Логгина Яренгских, занимает лл. 155—160 об. Вслед за Житием идут тропарь, кондак и молитва Варлааму. Житие по этому списку, тропарь, кондак и молитва были изданы П. В. Знаменским⁵ (в дальнейшем условное обозначение этого списка Жития — А).

В краткой вступительной заметке к публикации списка А П. В. Знаменский указал еще один список Жития Варлаама Керетского, отметив, что это «список краткой повести о преподобном Варлааме Керетском,

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 341—342. (Далее: Ключевский).

² Ключевский, стр. 341.

³ Ив. Яхонтов. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, стр. 154—157.

⁴ Описание рукописи см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885, ч. II, стр. 281—284. (По Описанию — № 551).

⁵ П. В. Знаменский. Повесть о преподобном Варлааме Керетском. — СОРЯС, т. 55, СПб., 1893, стр. XV—XXI. (Далее: Знаменский).

без чудес».⁶ Внимательное рассмотрение списка приводит к заключению, что это не какой-то особый вид Жития («краткая повесть»), а дефектный список — без окончания. Этот список Жития входит в состав сборника из собрания П. Д. Богданова — ГПБ, Q, XVII.187. Сборник — конволют, составленный из различных списков, писанных разными почерками XVII столетия на 272 лл. Житие Варлаама Керетского входит в тетрадь, занимающую листы со 189 по 196. Перед этой тетрадью заканчивается часть сборника, представлявшая когда-то какую-то самостоятельную рукопись: оборот л. 188 пустой, затертый, с владельческими подписями типа «пробы пера», что обычно характерно для последних листов рукописей. Почерк тетради лл. 189—196 резко отличается от почерков предшествующих ей и следующих после нее текстов: она писана четкой, красивой мелкой скорописью середины, второй половины XVII в. Отличается от предшествующей и последующей бумаги лл. 189—196 и по внешнему виду, и по водяному знаку. Водяной знак рассматриваемых листов — герб Глаубица, совпадающий с №№ 141 и 142 по Гераклитову, датированными 1650 и 1651 гг.⁷ Тетрадь эта начинается с продолжения текста о Иерусалиме, за этим текстом следуют статьи о кресте и крестном знамени, вслед за которыми и читается Житие Варлаама Керетского, с л. 195об. по л. 196об. Текст Жития явно обрывается: после последнего слова на нижней строке, занимающей все поле страницы, нет никаких знаков окончания (отметим, что предыдущий текст завершается «воронкой» и во всех текстах в этой тетради заголовки написаны кинноварью, прописные буквы также кинноварью, окончания текстов, разделов внутри текста отмечаются). Таким образом, отсутствие чудес в этом списке Жития скорее всего — механический дефект. Сборник был приобретен близ Архангельска⁸ (условное обозначение — Б).

Третий список Жития — ИРЛИ, Карельское собрание № 136. Сборник нач. XX в., поморский полуустав, 46 лл. Кроме Жития Варлаама Керетского (лл. 38 об.—46), в сборнике находится Житие Трифона Печенгского.⁹ Перед житием читаются тропарь и кондак Варлааму. На книге имеется владельческая запись с указанием места нахождения книги — Шверецкое (село на берегу Онежской губы Белого моря между Кемью и Беломорском). (Условное обозначение — В).

Четвертый список — ИРЛИ, Мезенское собрание № 86. Тетрадь из 16 лл., скорописью конца XIX в.¹⁰ На первом листе отрывок из службы Зосиме и Савватию Соловецким, со 2-го листа по 4-й кондак и тропарь Варлааму Керетскому, с л. 4об. до конца тетради его Житие. (Условное обозначение — Г).

Пятый список — текст чудес Варлаама Керетского. без жития. Этот список был найден археографической экспедицией Пушкинского дома 1969 г. в Карельской АССР (руководитель экспедиции М. В. Рождественская). Включен в Карельское собрание ИРЛИ, № 492. Сборная рукопись XVII в., в 8°, на 219 листах: полуустав и скоропись нескольких почерков. Состав сборника — статьи из Требника и чудеса Варлаама Керетского. Текст с чудесами Варлаама находится в двух последних тетра-

⁶ Там же, стр. XV, примеч. 1.

⁷ А. А. Гераклитов. Филигрны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, стр. 57.

⁸ Описание сборника см.: И. А. Бычков. Каталог собрания славянорусских рукописей П. Д. Богданова, вып. I. СПб., 1891, стр. 191—193.

⁹ См. В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 45.

¹⁰ См. там же, стр. 60.

дах сборника (лл. 203—216; лл. 217—219 — отдельные листки, не входящие в состав какой-либо тетради). На л. 203, чистом, владельческая запись 1804 г. крестьянина Кандалакшской волости, на обороте этого листа также владельческие записи. Л. 204 — отрывок «Устава обручения», писанный полууставом (либо текст этот был вписан позже, на оставшийся незаполненным лист, либо начат и брошен). Л. 204 об. — чистый с записями типа «пробы пера». С л. 205 по 215 об. (с пропуском двух страниц в середине текста: они остались чистыми и заполнены поздними записями типа «пробы пера») читаются чудеса Варлаама Керетского. По бумаге и по почерку охарактеризованные тетради резко отличаются от предшествующей части сборника: по-видимому, текст чудес писался как отдельная самостоятельная рукопись и уже позже эта рукопись была включена в состав данного сборника. Чистые листы перед текстом чудес, то, что текст чудес не имеет графического выделения заголовка и расположен на листе как продолжение текста (следует без отступа с верхней строки листа), — свидетельствует вероятнее всего о наличии в тексте, с которого делался этот список, и Жития Варлаама. По-видимому, чистые листы оставались для собственно житийной части произведения, но по каким-то причинам так и остались незаполненными. (Условное обозначение — *Д*).¹¹

Списки *В* и *Г* по ряду общих признаков отличаются от списков *А* и *Б*. В *В* и *Г* тропарь и кондак святому помещены перед житием, молитвы святому нет. В *А* имеется молитва Варлааму, и тропарь, кондак и молитва здесь читаются после жития (в *Б* окончания нет). Рассказ о жизни святого в списках *А* и *Б* заканчивается своеобразным заключением: бог, говорит автор, решив «явити труды своего угодника» перед всеми людьми, спас заступничеством Варлаама от потопления каргопольца Евфимия — кратко, общими фразами передается содержание этого чуда (см. в тексте разночтение I, 85—96). В списках *В* и *Г* этого заключения нет; в *Д* — только чудеса святого, и определить по составу, к какой группе списков ближе список *Д*, мы не можем.

Из разночтений не трудно убедиться, что во многих случаях одинаковые для *ВГ* чтения отличаются от чтений *АБ*. Отдельные примеры свидетельствуют, что в архетипе *ВГ* имелись искажения первоначального текста, точнее переданного списками *АБ*. В третьем чуде, о купцах каргопольцах, в *А* говорится: «Идущим нам на лодии весною от Онежского устья в куплю». В *ВГ* в этом месте читаем: «Идущим нам на лодии до Онежского устья в куплю». Если бы каргопольские купцы ехали по реке Онеге из Каргополя и все невзгоды происходили бы с ними на реке, то чтение *ВГ* не вызывало бы сомнений. Но в чуде описываются несчастья на море. Чтение *ВГ* имело бы смысл и в том случае, если бы каргопольцы плыли откуда-то по морю к Каргополю, т. е. в сторону устья реки Онеги. Но каргопольские купцы не могли идти «в куплю» к собственному городу, и все дальнейшее течение рассказа, читающееся и в *ВГ*, говорит о пути от устья Онеги в глубину Белого моря: «И егда пробежавшим Соловецкой остров и бывшим на болшом море... Идем в Поморие торговати... поедите в Кереть и бог даст вам путь чист». Ошибочное чтение в *ВГ* встречается в тексте чуда о Никифоре. Движанин Никифор, спасенный от потопления Варлаамом, о котором он ранее ничего не знал и не слышал о нем и которого он считает живым, приходит в Кереть, чтобы

¹¹ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить М. В. Рождественскую и В. И. Малышева, указавших мне этот список и предоставивших возможность ознакомиться с ним до составления отчета об экспедиции и описания приобретенных экспедицией рукописей.

найти там Варлаама. Мы читаем: «Во второе лето по явлении том прииде муж той Никифор в Кереть, вопрошая: „Кто есть и где таков муж, нарицаемый Варлаам?“». Это чтение *А*. Оно дословно повторяется и в *ВГ*, но здесь после слова «вопрашая» вставлено местоимение «его» (см. разночтение IV, 83). Вставка бессмысленна: Никифору отвечают «живущи ту», т. е. вопрошает он жителей, и жители Керети отвечают. Таким образом, списки *В* и *Г* восходят к общему источнику, в котором имелись частично искаженные по сравнению с первоначальным текстом чтения (см. также разночтения I, 30; III, 55—56; III, 60). Вместе с тем отдельные чтения *ВГ*, по-видимому, точнее чем *А* передают первоначальный текст (см. разночтения I, 19—20; I, 23; I, 49; III, 88). Между собой списки *ВГ* близки, но *Г* дает меньше разночтений с *АБ*, чем *В*, при этом в *В* должны быть отмечены индивидуальные чтения, искажающие текст, подчас носящие характер чисто механических пропусков, описок (см. чтения *В* I, 45; II, 3; II, 8; II, 66—67; II, 75; III, 8—9; IV, 18—19).

Списки *А* и *Б* близки друг другу. Но наряду с этой близостью между ними имеется и ряд отличий. (Считая в *Б* отсутствие чудес механической порчей текста, мы не относим этот признак к отличительным особенностям текста *Б*). В *Б* есть несколько индивидуальных чтений, отличающих этот список как от *А*, так и от *В* и *Г* (см. разночтения I, 4; I, 8—9; I, 10; I, 16; I, 24—25; I, 44; I, 56; I, 58; I, 61; I, 68—69; I, 72—73). В некоторых чтениях *Б*, отличаясь от *А*, совпадает со списками *В* и *Г* (разночтения I, 7; I, 19—20; I, 23; I, 48; I, 49; I, 53—54; I, 82). В двух случаях *Б*, отличаясь от *А*, совпадает с *Г*, а в одном, отличаясь от *А*, совпадает с *В*. Общие чтения *БВГ*, отличающиеся от *А*, так же как и общие чтения *АВГ*, отличающиеся от *Б*, вероятнее всего можно объяснить тем, что в этих случаях три списка, непосредственно друг с другом не связанные, сохраняют первоначальные, близкие к авторскому тексту чтения, изменения которых в одиочных списках — индивидуальная черта этих списков. Парные же совпадения списков из различных групп такого характера, что считать их отражением непосредственной связи между этими списками нет оснований.

Список *Д*, в целом ряде чтений отличаясь от *ВГ*, совпадает с *А* (напомним, что с *Б* он не сопоставим, так как в *Д* — только раздел чудес, а в *Б* — только рассказ о жизни святого). Но вместе с тем некоторые чтения бесспорно сблизжают *Д* с особенностями *ВГ*, отличающими эти списки от *А*. В *Д* каждое чудо имеет заголовок, варьирующий словосочетание «иное чудо». В *Д*, как и в *ВГ*, чудеса последовательно озаглавлены: «Чудо 1-е», «Чудо 2-е» и т. д. Чтение *ВГ* IV, 83, искажающее текст (подробнее об этом чтении см. выше), характерно и для *Д* (см. также разночтения II, 24; II, 65; II, 92; III, 18; III, 23; III, 25; III, 72; IV, 24—25; IV, 46; IV, 47; IV, 83). Есть несколько чтений, когда *Д*, отличаясь от *А* и *Г*, совпадает с *В* (II, 6; II, 7; II, 82; III, 32—35; IV, 4; IV, 17). В трех случаях (IV, 36; IV, 60; IV, 64) *Д*, совпадая с *Г*, отличается от *А* и *В*. Все эти чтения, за исключением одного (III, 32—35), такого характера, что о непосредственной связи *Д* только с *В* или только с *Г* они не свидетельствуют. Чтение III, 32—35 (отсутствие одного и того же предложения в *ДВ*) может объясняться только либо непосредственной связью этих списков, либо вторичным влиянием на список *Г* текста типа *АБ*. Характер отношения *Д* с *В* и с остальными списками таков, что особенность чтения III, 32—35 может объясняться только вторичным влиянием на список *Г*. Есть в *Д* несколько индивидуальных чтений, которые, возможно, донесли более верные чтения оригинала, чем все остальные списки. Только в этом списке читаем фразу, что

в 7172 (1664) г. «списашася сия чюдеса» (I, 99—100). Во втором чуде только в списке *Д* понятен смысл фразы о Литовской войне: «правя... при ... Михаиле Феодоровиче всея Руси, после Литовския войны» (ср. чтения II, 78, 79—80). (Ср. также чтения II, 64; III, 51; III, 89; IV, 22—23; IV, 34). Итак, текст, к которому восходит список *Д*, отличался рядом черт, характерных для группы *ВГ*, но текст этот был ближе к тексту типа *АБ*, чем протограф *ВГ*.

Чтобы решить вопрос о характере отношения дошедших списков произведения к первоначальному, авторскому, тексту, необходимо разобраться в том, что представляет из себя заключение к житийной части произведения в *А* и *Б* и чем объясняется наличие его в этих списках и отсутствие в *В* и *Г*.

Заключение в *А* и *Б* кратко излагает содержание чуда с каргопольцем Евфимием и его спутниками, которое в подробном изложении помещено в разделе чудес Жития. «Заключение» передает лишь самую суть события, а не рассказ о нем. Сравнивая «заключение» с чудом, мы приходим к выводу, что источником «заключения» был не тот текст, который мы читаем в третьем чуде в Житии: если бы «заключение» пересказывало непосредственно этот текст, то между ними должны были быть текстуальные совпадения, чего нет, большая близость по содержанию, чем это имеет место. В чуде ладью каргопольцев затерло льдами. В «заключении» «лодия» Евфимия «потопаючи» «от зелнаго обуревания». В «заключении» говорится, что святой «себе поведал, кто бе явивыйся». В чуде подразумевается, что Евфимию, которому явился Варлаам, святой этот неизвестен («абие явися ему на лодии старец», «старцу же рекшу»), но о том, что святой этот объявил или назвал себя, ничего не сказано. Видимо, здесь была допущена какая-то ошибка уже в протографе дошедших текстов Жития: хотя в чуде ничего не говорится о том, как каргопольцы узнали имя святого, в конце чуда сообщается, что прийдя в Кереть, они «поведаша» керетчанам «явление святаго Варлаама, како их бог избавил от тоя погибели молитвами его».

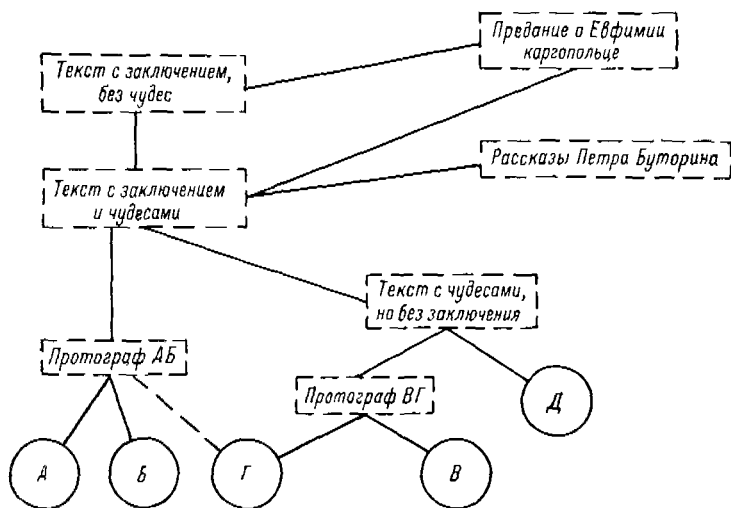
Первоначальная история Жития Варлаама Керетского представляется такой. Рассказ о случае с Евфимием каргопольцем, которому в несчастье якобы помог святой Варлаам Керетский, — устное предание, существовавшее самостоятельно, независимо от рассказов об остальных чудесах святого. Сначала было написано Житие Варлаама Керетского без чудес, и заключался этот текст кратким изложением легенды о спасении Евфимия каргопольца. Позже к этому тексту были присоединены чудеса. В таком виде Житие Варлаама Керетского сохранилось в списке *А*. (Такой же состав Жития был, вероятно, и в списке *Б* до утраты окончания этого списка). На каком-то этапе литературной истории произведения заключение к рассказу о жизни святого было опущено, так как об этом событии более подробно рассказывалось в третьем чуде. Этому способствовало и то, что первым рассказом в разделе чудес, когда Варлаам впервые объявился как святой, была история, случившаяся в юности с Петром Буториным, а не происшествие с Евфимием каргопольцем.

Житие Варлаама Керетского состоит из краткого рассказа о жизни святого и четырех чудес, совершенных святым после смерти. Первое чудо начинается так: «В лета 7172 году, июня в 1 день поведана нам некий муж именем Петр Васильев, пореклом Буторин». Буторин рассказывает о случае, происшедшем с ним самим, когда он был еще мальчиком. Весь рассказ выдержан от начала и до конца как рассказ от первого лица, как запись рассказа героя повествования. Второе чудо начинается со слов «той же муж поведана нам», т. е. это тоже рассказ Петра Буторина, но уже

рассказ о третьем лице — Бутории повествует об исцелении воеводы Колы Гурия Вольщцова. Третье чудо — рассказ о каргопольских купцах. Здесь начало иное, и из него можно заключить, что повествование идет от лица каргопольца Евфимия, но потом такой характер рассказа сбивается и в чуде повествуется о происшедшем не от имени участника события, а то ли от лица автора Жития, то ли от какого-то третьего, не названного рассказчика. Сначала Евфимий «рече» — «идушим нам на лодии... и обыдоша лодью нашу отовсуду лду... и много нам трудившимся...», и после этого безо всякого перехода читаем: «Преждереченному же оному мужу Евфимию стоящу в корме...». Т. е. в основе рассказа лежал какой-то письменный или устный текст, переданный от лица Евфимия каргопольца, и сначала автор Жития начал излагать его как рассказ этого Евфимия, но потом стал пересказывать его. Четвертое чудо, рассказ о спасении двинянина Никифора, как и второе, начинается со слов «той же муж поведа нам». Очевидно, что фраза эта относится не к Евфимию, после рассказа о котором следует рассказ о Никифоре, а все к тому же Петру Буторину. Чудо о Евфимии, таким образом, как бы вставлено в рассказы Петра Буторина.

Такой характер взаимоотношения этих текстов дает основание считать, что, когда создавался первоначальный вид Жития, рассказов Петра Буторина еще не было, но предание о Евфимии каргопольце уже существовало. Предание это было кратко пересказано в виде заключения к рассказу о жизни святого. В 60-х годах XVII в. какой-то керетчанин Петр Буторин был заинтересован в прославлении Варлаама, в том, чтобы связать свое имя с этим местно чтимым святым. Видимо, по его заказу была составлена новая редакция Жития, повторившая старый текст с добавлением раздела чудес, где в первом чуде фигурировал уже сам Петр Буторин, а остальные чудеса передавались как его рассказы. В число этих чудес был включен и ранее существовавший рассказ о Евфимии каргопольце, но уже не как первое чудо, а в ряду других.

История текста Жития Варлаама Керетского может быть представлена в виде такой схемы:

Останавливаясь на вопросе о степени распространенности местных житий среди местного читающего общества, В. О. Ключевский пришел к заключению, что малое число списков таких житий в монастырских

библиотеках свидетельствует о непопулярности их в среде местных книжников. В числе таких житий он называет и Житие Варлаама Керетского.¹² Приведенная выше схема взаимоотношений текстов Жития Варлаама свидетельствует о довольно сложной литературной истории произведения, о существовании целого ряда не дошедших до нас списков его. В. О. Ключевскому был известен один список Жития, мы располагаем уже пятью. Все это опровергает вывод В. О. Ключевского. О широкой распространенности списков Жития Варлаама Керетского на русском Севере свидетельствуют и сведения об этом местных жителей. Во время археографической экспедиции в Беломорье летом 1959 г. в селе Кереть нам сообщили, что здесь когда-то бытовали списки этого Жития.¹³ Итак, мы имеем все основания считать, что как популярен был образ Варлаама Керетского в устной традиции Поморья, о чем более подробно мы будем говорить ниже, так же популярно было здесь и его письменное Житие. Происхождение известных нам в настоящее время списков Жития свидетельствует о распространенности этого Жития по всему Поморью — от Мезени до Керети.

* * *

Время, когда жил Варлаам, обозначается в Житии так: «В лета бже царя и великаго князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца». Никаких материалов, которые давали бы возможность проверить это сообщение Жития, нет. По характеру этой фразы можно утверждать, что Житие было составлено во всяком случае после царствования Ивана Грозного (т. е. после 1584 г.). Петр Буторин «поведал» автору Жития о происшедшем с ним в детстве случае в 1664 г. Во втором чуде рассказывается о воеводе Кольского острога¹⁴ Гурии Ивановиче Волинцове, который «правил» «воеводскую власть» «при благоверном царе Михаиле Федоровиче», т. е. в период времени между 1613—1645 гг. Слова в этом отрывке о Литовской войне (в списке Д — «после Литовския войны») еще более уточняют возможное время воеводства Гурия Волинцова в Кольском остроге: периодом с 1634 г. (Поляновский мирный договор) по 1645 г. Гурий Волинцов — действительное историческое лицо. В известном труде А. Барсукова¹⁵ в перечне воевод Кольского острога Гурия Волинцова нет, но А. Барсуков фиксирует сведения, собранные им из опубликованных материалов, и данные его далеко не исчерпывающи. А между тем государственный деятель с таким именем известен, и именно во времена Михаила Федоровича он воеводствовал на русском Севере и в Сибири: Гур Иванович Волинцов в 1625 г. был на воеводстве в Пустозерском остроге,¹⁶ а в 1631 г. в Туринском остроге.¹⁷ Таким образом, где-то в 30—40-х годах он мог воеводствовать и в Коле (У А. Барсукова нет сведений о воеводах в Коле с 1631 по 1640 г., с 1647 по 1664 и за ряд других лет). Второе чудо, следовательно, под-

¹² Ключевский, стр. 398.

¹³ Отчет об этой экспедиции см.: Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев. Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 531—544. — Находка в 1969 г. пятого списка подтверждает справедливость устных сведений о распространенности списков Жития в Беломорье.

¹⁴ Кола называлась «острогом» с 1550 по 1701 г.: в 1701 г. Кольский острог был переименован в Кольскую крепость.

¹⁵ А. Барсуков. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, СПб., 1902.

¹⁶ Там же, стр. 187.

¹⁷ Там же, стр. 251.

тверждает достоверность даты, указанной в первом чуде: рассказы Петра Буторина были записаны в 60-е годы XVII в., а приурочивались они к событиям 20—30-летней давности. Ко времени записи рассказов Петра Буторина уже существовал первоначальный вид Жития. Мы можем думать, что оно бытовало и в то время, к которому Буторин приурочивает чудо, совершившееся с ним в юношеские годы, и чудо с воеводой Колы. Это позволяет датировать время написания Жития Варлаама Керетского периодом между концом XVI—первой четвертью XVII в.

Как предполагает В. О. Ключевский, автором Жития «был монах, живший в Керети в качестве сельского священника и приказчика Соловецкого монастыря».¹⁸ По мнению И. Яхонтова, характер Жития свидетельствует о том, что автором его скорее должен был быть мирянин. Текстологический анализ дошедших списков Жития убедил нас в существовании двух редакций произведения. Поэтому мы должны говорить о двух авторах — авторе первоначального вида Жития и авторе Жития с чудесами.

Первоначальное Житие написано в книжно-риторических традициях. В нем много общих фраз («Научен же бысть книгам, и божим судом поставлен бысть презвитером», «люди закону божию, яко истинный пастырь поучаше, и бысть ходатай богу и человеком», и т. п.), книжных оборотов и сравнений («подвизаяся на невидимаго врага козни», «немощную силу, яко паучину раздираему», «простре сеть во уловление праведнаго, яко же древле на Адама», «псалмы Давидовы пояше, то бо ему пища бяше», и т. д.), совершенно отсутствует прямая речь.

Иной характер Жития с чудесами. Рассказы о чудесах полны действия, в них много прямой речи, диалогов. События не описываются, а показаны в развитии, в действии. Язык этой части Жития близок живой, разговорной речи, в нем много терминов местного характера, местных оборотов.

Петр Буторин «упражняется» «в рыбных ловитвах в Соностровах». Варлаам явился перед ним, когда он с отцом плыл в карбасе «против Шарапова Наволока». Все это и так мог написать только человек, хорошо знающий Кереть, ее окрестности, отлично, воочию представляющий себе побережье Белого моря в этом месте. Соностров — небольшой остров в 30—40 километрах на юго-восток от Керети по побережью Кандалакшского залива, куда керетчане до сих пор ходят на тони ловить рыбу. Шарапов Наволок — Шарапов мыс, мимо которого проходит водный путь из Керети в Соностров. Наволок — характерное поморское наименование; наволоком здесь называется коса, мыс. Когда вторая волна чуть не потопила ладью, в которой находился Петр Буторин, и в ладье появился никому не ведомый старец, то, как рассказывает Буторин, «абие внезапно обретеса судно наше во отишии за коргою». О стихнувшем ветре в Поморье говорят, что он «отих», «отишел». «Коргами» называются в Беломорье небольшие скалистые островки, гряды камней в море. Во время неожиданного изменения погоды, когда уже не успеть дойти до берега, мелкие суда, лодки прячутся за корги и отстаиваются там с подветренной стороны. В рассказе о Евфимии каргопольце читаем: «И егда пробежавшим Соловецкой остров...». Выражения «бсжать на веслах», «бежать парусом» типичны для языка поморов. В чуде о двиняине Никифоре буря сломала у мореходцев «древо парусное» — мачта в поморской терминологии называется «деревом». Явившийся к потерпевшим крушение Вар-

¹⁸ Ключевский, стр. 342. — Уже в XVI в. Соловецкий монастырь имел в Керети свои угодья, в 1607 г. Соловецкому монастырю по царскому указу была отписана четверть Керетской волости, а в 1635 г. — остальные три четверти.

лаам, ободряя их и призывая к действию, говорит: «Парус ваш под лодьею, а древо и с ногами тут же под лодьею». «Ногами» моряки-поморы называют ванты.¹⁹

Особенности рассказов о чудесах Варлаама Керетского и дали основание Яхонтову считать автором Жития мирского человека. Однако более прав в этом вопросе все же В. О. Ключевский. Не только первоначальное Житие, но и Житие с чудесами вполне могло быть написано соловецким монахом. Предположение Ключевского основано на засвидетельствованном факте из истории создания севернорусских житий: первоначальные записки, послужившие основой Жития Иоанна и Логгина Яренгских, были составлены в конце XVI в. соловецким монахом Варлаамом — приказчиком Соловецкого монастыря и приходским священником села Яренги.²⁰

Отличное знание местной топографии, точное и естественное употребление мореходной терминологии (диалектического характера)²¹ заставляют видеть в авторе чудес местного жителя, помора, не с чужих слов, а на собственном опыте хорошо знающего морской промысел, испытавшего на себе все капризы Белого моря. Но ведь и повседневная жизнь соловецких монахов была тесно связана с морем, с морскими промыслами, а, кроме того, среди братии монастыря было немало поморов, жителей Русского Севера (напомним, что основатель монастыря Зосима был родом из села Толвуй в Заонежье). В Житии Савватия и Зосимы Соловецких, например, есть немало рассказов о «чудесах» с мореходами. Большинство из них — яркие, насыщенные жизненными деталями повествования о морских происшествиях. В разделе чудес, составленном в начале XVI в. игуменом Вассианом, выделяются рассказы инока Савватия, в которых рассказчик выступает как опытный мореход, испытавший не мало приключений на море.²² В одном из чудес этого же Жития в начале рассказа говорится, что монах, поведавший об этом чуде, в миру был помором: «Брат Протасий поведа нам рече: „Пребывающу ми в мире еще... плавахом некогда в мори на весновании“». ²³ Таким образом, автором и второй редакции Жития Варлаама Керетского — Жития с чудесами — вполне мог быть монах Соловецкого монастыря, житель Беломорья, до пострижения занимавшийся морским делом.

* * *

По форме Житие Варлаама Керетского первоначального вида близко к обычным книжно-риторическим житиям проложного типа. Но уже и этот вид Жития отличается рядом специфических особенностей. Герой произведения совершил тяжкое преступление — убил свою жену. Правда,

¹⁹ Ванты — снасти, входящие в состав стоячего такелажа парусного судна и служащие для поддержки мачты и ее отдельных частей. Данные о поморской терминологии см.: Л. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885; А. А. Жилинский. Промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря. Петрозаводск, 1957.

²⁰ Ключевский, стр. 326.

²¹ Кроме специфически поморских мореходных терминов, автор Жития с чудесами широко употребляет морскую терминологию вообще. Герои его рассказов ходят на море в карбасах, ладьях, судах. В тексте встречаем слова: зыбь, корма, палуба, стир (руль), парус, весла.

²² «Чудо преподобных отец Зосимы и Савватия о двух человецех, страждующих на Шужмой острове», «Чудо преподобного отца нашего Зосимы о иноце Елисее», «О пожаре и созидании новья трапезы в монастыре».

²³ Чудо «О страждущих человецех в седми судах».

это послужило причиной к совершению им страдальческого подвига. Раскаившись в своем преступлении, Варлаам добровольно наложил на себя тяжкий иску́с: с трупом убитой жены он без усталости плывет вдоль берега Кольского полуострова «дондеже оно мертвое тело тлению предастся». Автор Жития говорит, что во время своих морских скитаний святой поет псалмы, и «труждаяся» днем, «в пощи же без сна пребываше, моля бога со слезами о отпущении греха». Однако эти фразы не меняют сущности подвига Варлаама. Это подвиг отважного мореплавателя: путь, по которому он плывет в карбасе на веслах, не ожидая «поносного» (попутного) ветра, чтобы идти на парусах, это путь всех поморов, идущих с южного побережья Белого моря на север на рыбные промыслы, за морским зверем, в торговлю с северными соседями. И Варлаам не только бесстрашно ходит по этому пути, показывая тем самым пример всем поморам, но и делает этот путь «даже и до ныне» чистым для всех мореплавателей: по его молитве бог в знак прощения грешника уничтожает морских червей, протачивающих ладьи мореходов около Святого Носа.²⁴ Необычный для агиографии характер Жития Варлаама может объясняться только тем, что в основе его лежали беломорские предания, поморские легенды о трагической судьбе отважного мореходца.

Автор Жития объясняет преступление Варлаама дьявольским наущением, что по существу противоречит сказанному им же самим ранее о добродетелях героя, который «добре подвизаяся на невидимого врага козни». Устные предания о Варлааме Керетском сохранились до наших дней, и в них тяжкий грех Варлаама находит жизненно убедительное объяснение — Варлаам убил жену из-за ревности. В слышанном нами в 1959 г. от жительницы Керети рассказе о Варлааме это объясняется так. Однажды, когда Варлаам был в церкви, в его дом пришла нищая старушка. Когда Варлаам возвращался из церкви домой, эта старушка попала к нему навстречу. Она сказала ему, что его жена подала ей милостыню и просила за это не проговориться, что она застала у нее любовника. Разгневанный Варлаам бросился домой и убил жену.

Писатель Борис Шергин передает содержание «Старины о Варлааме Керетском», которую он «в дни юности» «слышал от своих семейных в Архангельске». Красавица жена Варлаама изменяла мужу — у нее был любовник скандинав Олаф (или Фарлаф). Варлаам убил жену, пришел с ее трупом на корабль Фарлафа, перебил всех и стал на этой ладье ездить по морю.²⁵ Не беремся судить, что в этом рассказе Б. Шергина восходит к устным преданиям и что является плодом творчества самого писателя. Однако бесспорно одно: и слышанный нами рассказ, и сообщаемый Б. Шергиным сюжет свидетельствуют о том, что в устном предании мотив убийства Варлаамом жены носил эпически-романический характер.

Среди населения поморских сел широко бытовало представление о Варлааме как о святом, который приходит в трудную минуту на помощь терпящим бедствие в море. Об этом писал С. Максимов в 60-е годы XIX в., объездивший все Поморье. Перед отъездом автора из Кеми морем хозяин, у которого он жил, так напутствовал его в дорогу: «Прости, крещеная душа, гостенек дорогой! Пошли тебе Никола

²⁴ О предполагаемой реальной основе легенды о морских червях и о значении Жития с точки зрения отражения в нем морских познаний той эпохи см.: М. Белов. Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 239.

²⁵ Борис Шергин. Запечатленная слава. Поморские были и сказания. М., 1967. стр. 230—232. (Далее: Шергин).

Угодник да Варлаамий Керетский счастливое плаванье!.. Смотри — неладное что выйдет тебе: поветерья что ли долго не будет, в бурю ли страх обуяет тебя, в великое ли сомнение впадешь и соскучишься крепко — молитву свою Варлаамию Керетскому посылай. Затем он батюшко — в наших странах и обитель себе земную восприял. Молись ты ему — пособляет». ²⁶ О преклонении поморов перед Варлаамом пишет в своей вступительной заметке к изданию текста Жития и П. В. Знаменский: «Преподобный Варлаам Керетский — один из самых уважаемых угодников на Севере среди поморских промышленников Терского и Мурманского берега студеного моря. К нему обращаются с молитвою при всех опасностях, особенно при плавании вдоль Терского берега и среди страшных сувоев у Святого Носа». ²⁷ Такое отношение поморов к Варлааму определило и характер чудес в его Житии. Только в одном чуде перед нами типичный житийный мотив — исцеление больного. Три остальных чуда — рассказы о приключениях на море. В рассказах этих Варлаам появляется действительно как святой: «святолепный старец» вдруг возникает перед пораженным взором потерявших надежду на спасение мореходов и помогает им в их беде. Такой поэтический образ в известной мере — штамп для целого ряда житий, в которых есть чудеса, где рассказывается о терпящих бедствие на воде. В самую последнюю минуту святой либо незримо, либо въяве поддерживает тонущего до прихода его спасителей, выносит утопающего из воды на берег, появляется на корабле или перед кораблем и умиряет разбушевавшуюся стихию. Но в Житии Варлаама Керетского это не статичные, схематические картины, в которых сначала сообщается о терпящих беду, затем говорится о чудесном появлении святого и чудесном избавлении от гибели, а, хотя и краткие, но яркие, живые зарисовки событий. За рассказами о чудесах Варлаама читатель ярко ощущает живую действительность.

Вот как, например, описывается чудо с терпящими кораблекрушение в Житии Стефана Комельского, Гавриил вологодец при жизни святого часто бывал у него и немало пожертвовал в обитель преподобного Стефана. Однажды, уже после смерти святого, когда Гавриил плыл по морю, «внезапу бысть буря ветренняя велика зело, яко и лодии его сокрушится от волн великих. Людем же всем отчаявшимся живота». Гавриил призывает на помощь бога, Богородицу и всех святых, но «не бысть ему помощи». Тогда, вспомнив Стефана Комельского, он обращается с мольбой к нему: «... помолися, святе, ко господу, яко да избудем от сея страшныя смерти». После этого появляется Стефан и говорит Гавриилу: «Господь услыша моление твое и посла мя избавити тя от потопления». После того как Гавриил спросил явившегося, кто он, и святой поведал себя, ²⁸ то «абие невидим бысть. И тако буря преста и волны пременишася на тихость и бысть ему плавание благополучно ко пристанищу брега, и ко брегу преста». ²⁹ И это описание не лишено драматичности.

²⁶ С. Максимов. Год на Севере. Т. I, СПб., 1859, стр. 250 (Далее — Максимов).

²⁷ Знаменский, стр. XV.

²⁸ Диалог Гавриила со святым должен быть отмечен как яркая деталь чуда, придающая живость этому эпизоду чуда: Гавриил не узнает Стефана «бе бо от страха морскаго усумнеся» и поэтому спрашивает у него, кто он такой. А Стефан с некоторым недоумением отвечает ему: «То не веси ли, Гаврииле, колико подал в монастырь святого Николы и мне смирсному?». Но в целом рассказ носит характер типичного житийного чуда.

²⁹ См.: Житие преподобного Стефана Комельского. Сообщение Хрисафа Лопарева. Изд. ОЛДП, 1892, стр. 20—21 (Серия «Памятники древней письменности» № 85).

определенного действия, но оно схематично, отвлеченно, не наполнено живыми коллизиями, в нем нет ярких, впечатляющих деталей. Иное мы видим в рассказах о чудесах Варлаама Керетского: здесь немало ярких деталей, события изображаются в развитии их перипетий. Перед читателем встает изображение реальной борьбы мореходов за свою жизнь.

Рассказ о беде, случившейся с Петром Буториным в детстве, точно обозначен и по месту, где это произошло, конкретно сказано, когда это было (на рыбной ловле) и что именно угрожало рыбакам (сильной волной карбас наполнило водой). Рассказчик повествует не о каком-то общем «зельном обуревании», грозящем рыбакам, и неожиданном чудесном спасении, а показывает конкретную картину бедствия. Поэтому-то он сообщает, что когда во второй раз волны снова залили ладью рыбаков, то, очутившись «за коргою у берега», они, прежде чем плыть дальше, «выливши воду из карбаса». Такая же конкретность во всех деталях присуща и для двух других чудес: и в рассказе о каргопольцах, и в рассказе о двинянце Никифоре говорится, куда, как и в какое время плыли мореходы, какая беда постигла их.

Каргопольцев затерли льды, и они борются за свое спасение: «И много нам трудившимся и ничто же нам успевшим». Евфимию в сонном видении является Варлаам, и Евфимий видит, что старец распахивает льды перед их ладьей. Но дальнейшее изображение того, как Евфимий со своими товарищами освобождается из ледяного плена, ничем необычайным не отличается, это вполне реалистическая картина: «И внезапно бысть яко дорога сквозе льда. Они же возрадовашася. И начаша просятися, и абие повеявшу ветру поносному, и выехаша на море ничим же вредими». В самом начале этого эпизода сказано, что каргопольцы ушли в плавание весною: «Идушим нам на лодии весною от Онежскаго устья в куплю». В весенние месяцы из-за перемены ветров на Белом море суда часто попадают в ледяной плен, и в таком случае для мореходов, идущих на небольших парусных судах, оставалась лишь одна надежда — терпеливо ждать изменения погоды. С переменой ветра либо в том случае, если затертое судно отдрейфует с ледяным полем в такое место, где имеются теплые подводные течения, подводные рифы, во льдах образуется проход, и потерпевшим бедствие удастся вырваться на открытую воду.

Двинянин Никифор идет «со своими клеветы» «с мурманского рыбнаго промыслу». Буря сорвала у них мачту, в море унесло парус, волны заливают ладью: перед нами не общие слова о буре, а изображение ее в конкретных деталях. Появление святого в такой ситуации — это чудо, но с его появлением не происходит мгновенной чудесной неожиданной развязки. Автор рисует перипетии борьбы рыбаков с разбушевавшимся морем и после появления святого. Варлаам не останавливает бурю, как это, например, изображается в приведенном выше рассказе о чуде из Жития Стефана Комельского («И тако буря преста и волны пременишася на тихость»), а упрекает впавших в отчаяние рыбаков за их бездействие: «Что вы впадосте во отчаяние и не промышляете о себе?», — спрашивает он Никифора, и, подказав, как им следует поступить, восклицает: «Промышляйте, не плошится, бог вас вынесет!». После этого рыбаки начинают искать парус, и находят под ладьей и парус, и весла, и руль. Измученные, они засыпают, тогда опять является Варлаам, чтобы снова подбодрить их, призвать к действию. Мореходы «начаша обычная на лодье уготовляти и промышляти о путнем шествии своем». Подул «поносный» ветер, и на третий день они достигли устья Двины.

Перед нами бесхитростные, но яркие, впечатляющие своей жизненной правдивостью рассказы. Подобного рода рассказы — отличительная черта многих чудес в житиях, созданных в Поморье. Столь же живо и ярко, со знанием дела, с любовью к точности в сведениях о времени, месте, всех обстоятельствах события, с профессионально умелым употреблением мореходной поморской терминологии рассказывается о приключениях на Белом море в таких севернорусских житиях, как Житие Савватия и Зосимы Соловецких, Житие Иоанна и Логгина Яренгских, Житие Елеазара Анзерского.

В Житии Варлаама Керетского отразилась лишь часть бытовавших в устной традиции рассказов о нем. Преданий о Варлааме, по-видимому, было значительно больше, и носили они самый разнообразный характер. В том варианте баллады о Варлааме Керетском, которую когда-то слышал Б. Шергин, говорилось, что «Варлаамию, во искупление убийства, определено вечно плавать во льдах Северного океана».³⁰ Б. Шергин сообщает, что «когда весною к тому или другому берегу Белого моря наносило туман, старики говорили: „Варлаамьева лодья подошла“». По словам писателя, его отец, «бывавший в Северной Норвегии, говорил, что, когда с Мурманского берега повалит туман к Варде и Вадзе, рыбаки-норвежцы шутят: „Русский поп жену привез“».³¹

С. Максимов, описывая посещение Керети, в основном согласно Житию рассказывает о Варлааме, но, опираясь на какие-то местные рассказы, говорит и о том, чего в Житии нет. Варлаам, пишет он, «остановился выше Керети в лесу на озере. Часто приходившие сюда ягодницы, с мирскими песнями, заставляли его уйти дальше в глубь карельских болот, верст за 20. Там он и умер. Тело его принесено в Кереть неизвестным человеком».³² Сходные мотивы с сообщением С. Максимова о том, что тело Варлаама было принесено каким-то доброхотом в Кереть, обнаруживаются и в тех рассказах об этом святом, которые нам пришлось услышать в Керети во время археографической экспедиции летом 1959 г. Вот содержание этого рассказа. Варлаам жил в келье, в лесах около Чупской губы.³³ Когда он умер, то к его келье пришел бедный мужик из Керети. Увидав отшельника мертвым, он вернулся в село и стал просить богатого мужика, чтобы тот привез тело святого в Кереть. Но богатч не захотел гонять свою лошадь. Тогда бедняк перевез тело Варлаама из его пустыньки в Кереть на кережке³⁴ и похоронил его около церкви. Вскоре после этого с богатым мужиком стали случаться различные несчастия и он совсем обеднел, а бедный мужик начал выправляться и разбогател.

В том же, слышанном нами в Керети рассказе о Варлааме, сообщалось и о таком чуде святого. Однажды загорелась церковь, в которой лежали мощи Варлаама. Мощи святого перетащили из церкви на болото, по этому пути из болота потек ручей и затушил пожар. Эта легенда связана с протекавшим около церкви ручьем, носившим название «Варлаамовский».³⁵

³⁰ Шергин, стр. 230

³¹ Там же, стр. 232.

³² С. Максимов, стр. 276.

³³ Чупская губа находится недалеко от Керети

³⁴ Кережкой (или кережей) называются у местного населения небольшие санки, выдолбленные из цельного куска дерева (по форме похожи на корыто). Обычно в них катаются дети зимой с ледяных горок, но по малому снегу и по бездорожью в кережке волоком перевозят небольшие грузы.

³⁵ В настоящее время этой церкви нет — она сгорела в 1949 г.

* * *

Житие Варлаама Керетского интересно для нас прежде всего как произведение местной литературы, как свидетельство высокоразвитой книжной культуры Русского Севера. Не меньший интерес, однако, оно представляет и как отражение определенного этапа в развитии житийного жанра вообще. Первоначальный вид Жития создан автором, сведущим в агнографии, начитанным книжником. Это нашло отражение и в общих фразах, которыми он характеризует Варлаама, и в книжно-риторических сравнениях, и в том, как он объясняет причину, побудившую Варлаама совершить тяжкий грех. Но материалом для автора служат устные народные предания о святом. Характерно, что героем жития, и это отличительная черта не только рассматриваемого произведения, но и многих других севернорусских житий, становится не аскет или монастырский подвижник, не создатель монастыря, не государственный деятель, а человек с необычной, яркой, чем-то поразившей народное воображение судьбой. Образы каких-то реальных людей, реальные, но необычные события, связанные с именами этих людей, обрастали легендами, преданиями, что вызывало преклонение перед ними местных жителей. Церковь, заинтересованная в душах своей паствы, ревностно следившая за кумирами народа, в тех случаях, когда не могла искоренить это почитание, это преклонение перед «стихийно» создававшимися святыми, облекала эти предания в форму житий, иногда даже официально и не канонизируя этих святых (Варлаам Керетский, в частности, канонизирован не был). Со временем этот образ, уже как признанный святой, обрастал рассказами о якобы проявленных им чудесах, создававшимися как церковниками, так и возникавшими в народе. Бытовавшие в среде, где была сильно развита эпическая, песенная, сказочная традиция, рассказы эти отличались живой непосредственностью, сюжетностью повествования. Такой представляется литературная история Жития Варлаама Керетского, такой она была и для целого ряда других севернорусских житий.

Тексты Жития публикуются согласно правилам, принятым в ТОДРА. За основной взят список А, к которому подводятся разночтения четырех других списков памятника (БВГД). Разночтения, не имеющие смыслового или стилистического значения, так же как и разночтения, отражающие фонетические нормы разных писцов (типа «Керетский» — «Керецкий», «рожение» — «рождение», и т. п.), не даются.

^{1,1} Повесть о преподобнем Варлааме Керецком. л. 755 Вкратце изложено.²

Преподобный отец³ Варлаам в лета⁴ бы⁵ царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца. Рождение⁶ и воспитание име⁷ в Керецкой волости,⁸ на море окияне.⁹ Научен же бысть¹⁰ книгам, и божиим судом поставлен бысть презвитером в Колском граде в¹¹ церкви Николы¹² чудотворца, и тамо¹³ пребываше добре подвизаяся¹⁴ на неви-

^{1, 1-2} Житие и жизнь и отчасти чудес сказание преподобнаго Варлаама Керетскаго чудотворца В; Жизнь и чудеса преподобнаго Варлаама Керетскаго чудотворца Г.
³ Доб. наш Б. ⁴ лето Б. ⁵ Нет В. ⁶ И рождение В. ⁷ имея БВГ. ⁸⁻⁹ близь моря окияна Б. ¹⁰ быв В; доб. святым Б; доб. божественным В. ¹¹ к БГ.
¹² Николая ВГ. ¹³⁻¹⁴ пребольше подвизаяся В. ¹⁴ подвизашеся Г.

димаго врага козни,¹⁵ и люди закону божию, яко истинный¹⁶ пастырь поучаше,¹⁷ и бысть ходатай богу и человеком.

Видев убо¹⁸ его диавол всяческими добродетelmi украшена, свою же¹⁹ окаянную и²⁰ немощную силу, яко научину раздираему от него, простреть во уловление²¹ праведнаго, яко же²² древле на²³ Адама, ²⁴ вложив бо²⁵ его во убийство супружницы его.²⁶ Он же || по сотворении греха разумев, яко завидев²⁷ ему²⁸ враг, плакався велми и недостойна себе судив еже священная действовати, но паче изволил страдати за грех, — еже²⁹ с мертвым телом по морской пучине с места на место плавати, дондеже оно мертвое тело тлению предастся. И бе видети праведнаго труды единаго³⁰ по морю в карбасе ездяща³¹ с мертвым телом³² от Колы³³ около Святаго Носа даже и³⁴ до Керети. ³⁵И не яко же протчии³⁶ человецы ожидаху паруснаго плавания, ³⁷но он ³⁸плаваше против зелаго обуревания и весла³⁹ из рук своих⁴⁰ не выпускаше,⁴¹ по труждашеся велми и псалмы Давидовы пояше,⁴² то бо⁴³ ему⁴⁴ пища⁴⁵ бяше. ⁴⁶И во дни убо⁴⁷ труждася⁴⁸ по морю, в пощи же без⁴⁹ сна пребываше,⁵⁰ моля бога⁵¹ со слезами о отпущении греха. И ⁵²понеже довольно⁵³ время потрудився⁵⁴ хотя извещение прияти. Доиде⁵⁵ прежереченнаго места Святаго Носа, ту бе,⁵⁶ глаголют,⁵⁷ прежде⁵⁸ того⁵⁹ непроходну месту ⁶⁰тому || быти || ради множеств червей морских, иже творяху многи пакости над лодиями мореходцем. Еще⁶¹ бо⁶² и он без вреда пребываше от них, но⁶³ восхоте и протчим человеком путь без вреда сотворити.⁶⁴ Став на молитву и руже воздев на небо⁶⁵ услышан бысть. И ⁶⁶абие черви без вести сотворишася⁶⁷ и путь мореходцем около Святаго Носа сотворил ⁶⁸даже и до ныне.⁶⁹

И⁷⁰ понеже преподобный⁷¹ извещение прием⁷² от бога,⁷³ вскоре ⁷⁴оставляет мир и бывает иннок, и в пустыню вселився⁷⁵ и, божию помощию бесовския полки⁷⁶ победив,⁷⁷ с миром ко господу отиде⁷⁸ в Чюпской губе. Оттоле же⁷⁹ пренесено бысть святое⁸⁰ тело его⁸¹ в Кереть и погребено⁸² близ церкви святаго великомученика Георгия⁸³ с восточной стране за алтарем.⁸⁴

По некоем же времени восхоте бог явити труды своего угодника преподобнаго Варлаама. Некоему убо купцу, именем Евфимию, каргополу, пловущу || по морю в лодии и от зелаго обуревания⁸⁶ потопяущи лодия⁸⁷ его, и всем ненадежно плачущим погибели своя. Тогда представ им святой и от потопления избавил, и себе поведал,⁸⁸ кто бе явивыйся. Евфимий же и сущии с ним, видевше преславную помощь от преподобнаго⁸⁹ ко всем, и⁹⁰ приеха в Кереть и⁹¹ поведа всем, яко молит-

¹⁵Нет ВГ. ¹⁶и святой Б. ¹⁷уча В; учи Г. ¹⁸и бо Г. ¹⁹⁻²⁰окаянный БВГ. ²¹Доб. на В; доб. человеком на Г. ²²Нет ВГ. ²³Так БВГ; и А. ²⁴⁻²⁵вложил Б. ²⁶своей В. ²⁷позавиде БГ; запы В. ²⁸Нет В. ²⁹священная В; иже священная Г. ³⁰и едимаго ВГ. ³¹Нет ВГ. ³²⁻³³Нет ВГ. ³⁴Нет Г. ³⁵⁻³⁶не тако, иже прочие В; Не тако, яко же прочии Г. ³⁷⁻³⁸но убо он Б; един убо В; и он убо Г. ³⁹весел БВГ. ⁴⁰Нет ВВ. ⁴¹выпуская В. ⁴²Доб. и ВГ. ⁴³убо В. ⁴⁴его Б. ⁴⁵пищу В. ⁴⁶⁻⁴⁷В день же ВГ. ⁴⁸труждашася БВГ. ⁴⁹Так БВГ; бе А. ⁵⁰пребывая В. ⁵¹господа Г. ⁵²Нет ВГ. ⁵³⁻⁵⁴трудився Б. ⁵⁴трудися В; потрудися Г. ⁵⁵Доб. же ВГ. ⁵⁶бо Б. ⁵⁷глаголющ Г. ⁵⁸прежде же Б. ⁵⁹тому ВГ. ⁶⁰Нет ВГ. ⁶¹Аще Б; то ВГ. ⁶²⁻⁶³пребывает он В; он пребывает от них Г. ⁶⁴сотвори ВГ. ⁶⁵Доб. и ВГ. ⁶⁶Нет В. ⁶⁷скршыся В. ⁶⁸⁻⁶⁹даже до днесь Б; чист до ныне В; чист и до ныне Г. ⁷⁰И достиг Керетской волости, и вселися недалече Керетской волости в Чубскую (Чупскую Г) губу, и бысть иннок (доб. но Г) ВГ. ⁷¹праведный Б. ⁷²⁻⁷³Нет Б.; ⁷⁴⁻⁷⁵оставлением мира, в пустыни живый ВГ. ⁷⁶ополчения В. ⁷⁷победи, и ВГ. ⁷⁸⁻⁷⁹И оттоле ВГ. ⁸⁰честное В; честное и святое Г. ⁸¹Доб. святое В. ⁸²положено БВГ. ⁸³⁻⁸⁴Нет БВГ. ⁸⁵⁻⁹⁰Нет ВГ. ⁸⁶⁻⁸⁷утопяущи лодии Б. ⁸⁸поведав Б. ⁸⁹⁻⁹⁰Нет Б. ⁹¹Нет Б.

вами преподобнаго Варлаама Керецкаго избавил бог от потопления морскаго,⁹² и повеле от имени своего поставити сень над гробом святаго и свещу пред святителевым⁹³ образом вжигати.⁹⁴ И отиде⁹⁵ в путь свой радуясь, благодаря бога и угодника его, преподобнаго отца нашего Варлаама Керецкаго.⁹⁶

⁹⁷ Поведание от чудес преподобнаго⁹⁸ Варлаама Керецкаго чудотворца.

⁹⁹ В лета 7172¹⁰⁰ II.¹ году, июня в 1 день² понеда нам некий муж именем Петр Васильев, пореклом³ Буторин. Юну ми сушу, в⁴ первое || на а. 157
десять лето возраста моего, упражняющеся⁵ со отцем⁶ в рыбных ловитвах⁷ в Соностровах.⁸ Видение таковое во сне⁹ виде, яко¹⁰ пловущу нам со отцем моим в карбасе, против Шарапова наволока, напрасно¹¹ възъярися море волнами, и наполнися¹² судно наше воды, и¹³ аз бых яко во иступлении.¹⁴ И паки видех ину волну идущу и хотящу покрыти судно наше. И озрехся и видех в судни нашем старца седа брадоу, защищающе¹⁵ нас от волны той. И абие внезапно обретесе судно наше во отишии¹⁶ за коргою. И егда избави нас от потопления, и рече нам:¹⁷ «Потонути было бы¹⁸ вам, аще не бы аз, Варлаам ис Керети»,¹⁹ и повеле ми поведати²⁰ людем. ²¹ Аз же возбнув и²² начат поведати²³ отцу моему бывшее видение. Он же, яко младенцу мне, и²⁴ не внимаше²⁵ себе во ум.

Наутрие²⁶ же узрехом²⁷ лодию в море идущу, и егда близ нас²⁸ ||
бывшей,²⁹ ³⁰ ин сосед прииде³¹ к нам³² ³³ з другие тони³⁴ и ³⁵ поведа: а. 157 об
«Наша³⁶ де,³⁷ керецкая,³⁸ прошла³⁹ лодья.⁴⁰ Но аз не смеяше⁴¹ ехати к ней, понеже зыби на море много».

Отец же мой внезапно начат глаголати: «Поедем мы⁴² в волость⁴³ хлеба ради». И поехаша,⁴⁴ и ветру сушу велику. И⁴⁵ егда бывшим⁴⁶ нам у Шарапова наволока, напрасно пришед волна и наполни⁴⁷ карбас наш воды. ⁴⁸ Нам же⁴⁹ в недоумении велицем бывшим⁵⁰ и ужасшимся.⁵¹ И паки видехом вторую волну, люте⁵² той ярящуся и⁵³ покрыти нас хотящу. Нам же до конца отчаявшимся живота своего. И абие внезапно судно наше, никим же⁵⁴ направляемо, обретесе за коргою у берега. Мы⁵⁵ же возрадовахомся велии и⁵⁶ выливше воду из карбаса и доидохом⁵⁷ в волость. По⁵⁸ пяти же⁵⁹ днех яви ми⁶⁰ ся паки той же старец⁶¹ во сне⁶² в трапезе, поношая мя⁶³ мне⁶⁴ и ужасая, и⁶⁵ хотяше мя бити⁶⁶ дубцы и глаголаше: «Что⁶⁷ ты⁶⁸ мною бывшее вам⁶⁹ не поведа всем⁷⁰ человеком деяния моего?» И повелс поведати людем.⁷¹ ||

⁹²Нет Б. ⁹³Спасовым Б. ⁹⁴⁻⁹⁵Поиде Б. ⁹⁶Нет Б; здесь список Б оканчивается. ⁹⁷ ⁹⁸Повесть о чудесах святаго В; сказание о чудесах святаго преподобнаго Г; Поведание о чудесах святаго Д. ⁹⁹⁻¹⁰⁰списашася сия чудеса в лето 7172 Д. ¹⁰⁰Доб. е В.

^{11, 1-2}чудо первое ВГ. ²Доб. чюдо 1-е Д. ³рекомый прореклом В; нет Г. ⁴Нет ВГ. ⁵упражняющагося В. ⁶Доб. моим ВД. ⁷ловлях ВД. ⁸Сеностровах В. ⁹Доб. яко Д. ¹⁰Нет ВД. ¹¹внезапно Г. ¹²наполни В. ¹³Нет ВГ. ¹⁴Доб. ума В; изумлении душа Г. ¹⁵защищающаго В; защищающу Д. ¹⁶стишии В. ¹⁷Доб. старец В; нет Д. ¹⁸Нет Д. ¹⁹Доб. помог вам В. ²⁰Доб. сие В. ²¹⁻²²И аз возбнув, вся В. ²³Доб. подробно В. ²⁴Нет ВГД. ²⁵Доб. и В. ²⁶⁻²⁷виде Д. ²⁸Нет Г. ²⁹бывшу ВГ; бывших ей Д. ³⁰⁻³¹ино судно В; ино судно прииде Г. ³²ним Д. ³³⁻³⁴Нет Д. ³⁵Нет В. ³⁶нам Г. ³⁷е Г. ³⁸Нет В. ³⁹пришла ВГ. ⁴⁰лодья В. ⁴¹смеял Д. ⁴²⁻⁴³Нет Д. ⁴⁴поехати Г. ⁴⁵Нет ВГ. ⁴⁶бывшу В. ⁴⁷наполнися Д. ⁴⁸⁻⁴⁹И нам В. ⁵⁰бывши В. ⁵¹ужаснулся В.; ужаснися Г; ужасшимся Д. ⁵²люте В. ⁵³Нет ВГ. ⁵⁴Нет В. ⁵⁵И мы В. ⁵⁶Нет ВГ. ⁵⁷идохом В. ⁵⁸⁻⁵⁹пятих Д. ⁶⁰Нет ВГ. ⁶¹⁻⁶²Нет В. ⁶³Нет ВГ. ⁶⁴Нет Д. ⁶⁵Нет ВГД. ⁶⁶⁻⁶⁷Нет В. ⁶⁸вы Д. ⁶⁹Нет В. ⁷⁰Нет ВГ. ⁷¹родем Г.

л. 158 72 Ино чюдо.⁷³

Той же муж поведат нам. Бысть некто⁷⁴ от велмож царевых правя в Колском остроге⁷⁵ воеводскую власть⁷⁶ при благоверном царе Михаиле Феодоровиче всея России,⁷⁸ Литовския войны.⁷⁹ Ему же имя Гурий Иванов,⁸¹ сын Волынцов. Бысть же⁸² ему⁸³ черная болезнь.⁸¹ И⁸⁵ недоумеюшася,⁸⁶ како бы ему болезни тоя избыти. И⁸⁷ явися ему⁸⁸ святой⁸⁹ Варлаам в той болезни, во образе иноческом, глаголя: ⁹⁰ «Не скорби, человеце, избавит тя бог от тоя⁹¹ болезни». Той же муж начат глаголати ему: «Кто еси ты, господине⁹² мой,⁹³ и откуда?» Он же отвеща ему: ⁹⁴ «Аз есмь⁹⁵ Варлаам⁹⁶ ис Керети».⁹⁷ Той же велможа⁹⁸ возбнув от⁹⁹ болезни своя,¹⁰⁰ ^{101.1} яко от сна,² и начат поведати еже виде и вопрошати, кто есть той Варлаам. И поведаша ему во граде³ живущи: «Той⁴ в древняя⁵ лета⁶ таков муж священствовал⁷ в⁸ Колском остроге⁹ и¹⁰ после жил в Керети иноком, тамо || и¹¹ преставися».¹⁵ Той же велможа посла на взыскание, кто¹² есть¹³ тоя веси¹⁴ живущи¹⁵ в том¹⁶ граде. И¹⁷ обрете пришедца, керецкие волости жилаца Василия именем, пореклом Мухина, и¹⁸ вопрошая его о святем Варлааме, како и где положено честное тело его. Он же Василий поведат ему подробну вся, яже о святем,¹⁹ и яко в небрежении ему²⁰ на месте,²¹ на нем²² же положен, тамо и²³ почивает.²⁴ Той же предреченный²⁵ велможа Гурий начат с тем Василием совещати,²⁶ дабы сотворити²⁸ сень над гробом святаго Варлаама и²⁹ крест поставити.³⁰ И даст³¹ ему сребро³² на устроение. Василий же той³³ взем³⁴ сребро³⁵ и прииде в Кереть, и по повелению онаго воеводы содела гробницу над гробом святаго. Велможа же³⁶ той избавлен бысть от духа нечистаго молитвами преподобнаго³⁷ Варлаама.

л. 158 об.

38 Ино чюдо преподобнаго.³⁹

л. 159 Бывшаго⁴⁰ нецыи мужии купцы града Каргополя, имя единому Иаков, пореклом⁴¹ Поснов,⁴² другому⁴³ же имя⁴⁴ Евфимий Болнищев,⁴⁵ || ⁴⁶ поведаша сице⁴⁷ рече. Идущим нам на лодии⁴⁸ весною от⁴⁹ Онежскаго устья в куплю. И егда пробужавшим Соловецкой остров и бывшим на болшем море, и наехаша ледове⁵⁰ много,⁵¹ и обыдоша лодью нашу оттовсуду⁵² лду,⁵³ ⁵⁴ яко⁵⁵ ни протиснутися⁵⁶ могущим нам⁵⁷ сквозе ниха.⁵⁸ И ледовом⁵⁹ идущим на лодью⁶⁰ и погубити нас хотящим, и⁶¹ много нам трудившимся⁶² и⁶³ ничто же нам⁶⁴ успевшим, всем⁶⁵ живота своего отчаявшимся.⁶⁶ Пржедреченному⁶⁷ же оному⁶⁸ мужу Евфимию стоящу

72-73 Чюдо второе ВГД. 74 у Д. 75 острове В. 76-77 воеводскую властью Д. 78 Русии, после Д. 79-80 Воин В; Литовский воин Г. 81 Иванович В. 82 Нет ВД. 83-84 черною болезнию Д. 85 Нет Д. 86 недоумеваюшася ВГ. 87 Нет ВГ. 88 Нет ВД. 89 святаго Г. 90 Доб. ему В. 91 сея В. 92 господи ВГД. 93-94 Нет В. 95 же есть В. 96 Нет В. 97 Доб. И наки Д. 98 муж Д. 99 в Д. 100 тоя Д.

III, 1-2 Нет Д. 3 Доб. том Д. 4 То В; нет Д. 5 приидущия Д. 6 Доб. был Д. 7 священствовал Д. 8-9 острове В. 10 Нет ВГ. 11 Нет Г. 12 том Г. 13-14 той В. 14 всею Г. 15 живущих Д. 16 Нет В. 17 Нет ВГ. 18 Нет ВГД. 19-20 Нет Д. 21-22 иде Д. 23 Нет ВГД. 24 пребывает Г. 25 прежде реченный ВГД. 26 совершати В; совещавати Д. 27-28 сотворил Д. 29 сотворил ему В; доб. ему Г. 29 Нет Г. 30 поставил В. 31 дав В; дать Г. 32-35 Нет ВД. 33 то Г. 34 взяв Г. 36 Нет Д. 37 Доб. отца нашего В. 38-39 Чюдо третье ВГД. 40 Поведаша сице В; нет Г. 41 Нет Г. 42 Носков, а В; Нояков и Г; Носков Д. 43-44 Нет ВГ; имя Д. 45 Нет ВГ. 46-47 Нет В; поведая сице Д. 48-49 до ВГ. 50 льдов В; льдом Г. 51 множество, еще бо морю не очистяшуся Д. 52 всюду Д. 53 льдом много В. 51-50 И обыдоша лодью нашу отвсюду льдом В. 55-50 напротивнутися Г. 57-50 сквозение льдов Г. 58 ня Д. 60 Доб. нашу, яко и опротянутися могущим нам сквозе льдов, идущим на лодию В. 61 Нет Г. 62 трудившим Г. 63 по В; нет Г. 64 Нет В. 65 и всем нам В 66 отчаяватися Г.; доб. и Д. 67-68 Нет Д.

в⁶⁹ корме и⁷⁰ опершуся о палубы,⁷¹ от великия печали воздремавшу.⁷² Абие явился ему⁷³ на лодии⁷⁴ старец, вопрошая бо:⁷⁵ «Далече ли путь ваш,⁷⁶ братие?»⁷⁷ Он же глагола: «Идем⁷⁸ в Поморие торговати, и ныне ледом нас затерло и вси погибнути хошем». Старцу⁷⁹ же рекшу:⁸¹ «Не скорби,⁸¹ брате, но посдите вы⁸² в Кереть и бог даст вам путь чист». ⁸³ Сам же⁸⁴ иде на нос и начат лды роспихвати. Евфимию⁸⁵ же возбнувшуся⁸⁶ и не виде никого же,⁸⁷ токмо дружину свою сухую с ними || на лодьи. И нача им поведати, еже виде во сне. И внезапно бысть л. 159 об. яко дорога сквозе льда.⁸⁸ Они же возрадовашася. И начаша просноятися,⁸⁹ и абие повеявшу⁹⁰ ветру поносному⁹¹ и выхаша⁹² на море ничим же⁹³ вредими. ⁹⁴ И приидоша⁹⁵ в Кереть и ⁹⁶ поведаша им в ⁹⁷ слух живущим ту⁹⁸ явление святого⁹⁹ Варлаама, како их бог¹⁰⁰ избавил от тоя погибели молитвами его.^{IV.1} И того² ради чудесе муж той Евфимий содела над гробом преподобнаго³ часовню,⁴ оттоле⁵ веру держа ко святому велию.⁶

Чю до⁷ ино преподобнаго.⁸

Той же муж поведат нам. Движенину некоему, именем Никифору со своими клеветы идушу⁹ с мурманского¹⁰ рыбнаго промыслу.¹¹ И¹² егда бывшу¹³ ему против Святаго¹⁴ Носа, начат труждати их ветренная буря, и древо сломило парусное у них, и парус унесло в море,¹⁵ волны же¹⁶ вливахуся на лодью. И снесло¹⁷ у них с лодье¹⁸ все волнами || и отнесло л. 160 их на лодье¹⁹ в морскую пучину, и²⁰ уже им всем отчаявшимся живота своего, и занесло их²¹ в ²² плавании их²³ в пучину морскую.

²⁴ И многим²⁵ днем минувшим, явился тому²⁶ Никифору во сне²⁷ и ²⁸ начат ему²⁹ глаголати:³⁰ «Что вы впадосте³¹ во отчаяние и не промышляете³² о себе? Парус³³ ваш под лодьею,³⁴ ³⁵ а древо и ³⁶ с ногами тут же под³⁷ лодьею,³⁸ и вы того древа не ставте.³⁹ Промышляйте,⁴⁰ не плошится⁴¹ — бог вас вынесет!».

Никифору же тому в недоумении бывшу⁴² о видении,⁴³ начат поведати дружине,⁴⁴ глаголаху:⁴⁵ «Где, братие, парус?». «Мы⁴⁶ не видехом». ⁴⁷ И начаша напрасно⁴⁸ семо и овамо искати, и абие обретоша парус⁴⁹ и сдва⁵⁰ извлекоша на лодью, тамо же⁵¹ ⁵² весла и ⁵³ стир.⁵⁴ Они же, много трудившеся, изнемогоша и сон объят их.⁵⁵ Паки явился им⁵⁶ той же муж,⁵⁷ глаголя: «Промышляйте,⁵⁸ призывайте еще⁵⁹ бога на помощь, и вынесет господь⁶⁰ бог». Никифору же оному вопрошающу его: «Кто ты, госпо-

⁶⁰на В. ⁷⁰Нет ВГ. ⁷¹палубу ВГ. ⁷²воздремавшуся. И ВГ; воздремався. И Д. ⁷³⁻⁷⁴Нет В. ⁷⁴лодью Г. ⁷⁵его В; нет Д. ⁷⁶вам Г. ⁷⁷Нет Д. ⁷⁸едем В. ⁷⁹старец В. ⁸⁰рече В. ⁸¹скорбите В. ⁸²Нет ВГ. ⁸³⁻⁸¹И сам В. ⁸⁵Евфимий В. ⁸⁶возбнуся В. ⁸⁷Нет В. ⁸⁸Так В; лодьи А; льдей Г; льда Д. ⁸⁹прославляти В; присно ялися пути Д. ⁹⁰повеяху В. ⁹¹поносную ВГ. ⁹²высхавшим В. ⁹³це В. ⁹⁴⁻⁹⁵прииде Г. ⁹⁶Нет ВГ. ⁹⁷Нет В. ⁹⁸то В. ⁹⁹св. Г. ¹⁰⁰Нет В.

^{1V.1}того В. ²его В. ³Доб. отца нашего Варлаама В. ⁴Доб. и ВД. ⁵оттого Д. ⁶Нет ВГ. ⁷⁻⁸четвертое ВГД. ⁹Доб. ему Д. ¹⁰⁻¹¹Нет Д. ¹²берега В; нет Г. ¹³бысть Д. ¹⁴св. Г. ¹⁵Доб. и Д. ¹⁶Нет Д. ¹⁷унесло ВД. ¹⁸⁻¹⁹Нет В. ¹⁹Доб. все волнами Г. ²⁰Нет ВГ. ²¹Нет ВГ. ²²⁻²³плаванник Д. ²⁴⁻²⁵Многим же ВГД. ²⁶Доб. мужу В. ²⁷Доб. преподобный отец Варлаам В. ²⁸Нет Д. ²⁹Нет Г. ³⁰поведати Д. ³¹впадаете Д. ³²промышляйте В. ³³Нет В. ³⁴Доб. весь цел, да три весла Д. ³⁵⁻³⁸Нет В. ³⁶Нет ГД. ³⁷подле Д. ³⁸лодья Д. ³⁹Доб. и плошите, а В; ставите Д. ⁴⁰⁻⁴¹Нет В. ⁴²⁻⁴³от видения ВГ. ⁴⁴Доб. своей ВГ; доб. своей видение свое, еже Д. ⁴⁵глагола Д. ⁴⁶Доб. его ВГД. ⁴⁷видим ВГД. ⁴⁸Нет В. ⁴⁹Доб. под лодьею ВГ. ⁵⁰Доб. его Д. ⁵¹Доб. и Г. ⁵²⁻⁵³иде же Д. ⁵⁴древо ВГ. ⁵⁵Доб. и Д. ⁵⁶⁻⁵⁷то же Д. ⁵⁸Доб. и В; помышляйте и Г. ⁵⁹Нет В. ⁶⁰вас В; нет ГД.

дине⁶¹ мой, сице⁶² в промышленности⁶³ нашем твориши и⁶⁴ о нас печешися?»⁶⁵ Той же отвеща: «Аз есмь || из Керети Варлаам». Никифору же оному неведяшу⁶⁶ его, и начат⁶⁷ вопрошати у⁶⁸ дружине своей. Онем такожде⁶⁹ неведущим им⁷⁰ всем его.⁷¹

Начаша⁷² обычная на лодье уготовляти и промышляти о путнем⁷³ шествии своем.⁷⁴ И видеша яко дорогу расплывающуюся⁷⁵ пред ними⁷⁶ лед⁷⁷ той. И⁷⁸ абие ветру возвевашу⁷⁹ поноспому им,⁸⁰ в третий день достигоша до⁸¹ Двинскаго устья.

Во⁸² второе лето по явлении том прииде муж той Никифор в Кереть, вопрошая,⁸³ — «Кто есть и где таков муж, нарицаемый Варлаам?», — чая бо еще⁸⁴ жива его суща. Живущии ту поведаша ему, яко — «той святой во успении явися, избавил⁸⁵ тя бог молитвами его от потопления». И показаша ему гроб святаго. Той же Никифор принесе свещи многи и положиша на гроб его, моля преподобнаго⁸⁶ о избавлении своем.⁸⁷

⁶¹господи Г. ⁶²аще Г; нет Д. ⁶³помышлении ВГ. ⁶⁴Нет ГД. ⁶⁵попечение Д. ⁶⁶невидушу Г. ⁶⁷не смея В; не смел Г. ⁶⁸и ВГ; в Д. ⁶⁹же Д. ⁷⁰⁻⁷¹Нет Д. ⁷²И начаша Д. ⁷³быгнем В; бышнем Г. ⁷⁴Нет Д. ⁷⁵⁻⁷⁶Нет Д. ⁷⁷Так Г; лес АД; лет В. ⁷⁸Нет ВГ. ⁷⁹развевашу В. ⁸⁰и Д. ⁸¹Нет ВГ. ⁸²И во Д. ⁸³Доб. его ВГД. ⁸⁴Нет Д. ⁸⁵избавляя Д. ⁸⁶Доб. отца нашего (нет Г) Варлаама ВГ. ⁸⁷Доб. ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь В.

Н. С. ДЕМКОВА

Творческая история Жития протопопа Аввакума *

Житие протопопа Аввакума долгое время было известно в трех редакциях (вслед за изданием Я. Л. Барскова в Русской исторической библиотеке называем их *А*, *Б* и *В*¹), а около 20 лет назад В. И. Малышевым была найдена еще одна, четвертая по счету, особая редакция Жития, сохранившаяся в так называемом Прянишниковском списке.²

Различия всех четырех редакций между собой иногда очень существенны. Однако до сих пор эти различия не были предметом особого исследования, не были проанализированы ни в связи с изменением художественного замысла Жития, ни в связи с эволюцией приемов повествования Аввакума.

Первая попытка соотнесения текста редакции Жития была предпринята Я. Л. Барсковым.

Кратко характеризуя при издании три редакции Жития — *А*, *Б*, *В* — и отмечая изменения в них текста, Я. Л. Барсков делал вывод о первоначальности текста *А*, сохранившегося в автографе, и названного им первой редакцией памятника; впоследствии этот текст был «сильно сокращен» и заново переработан — так возникла вторая редакция *Б*, третья редакция *В* характеризуется большими дополнениями и распространениями текста.

Время создания всех редакций Жития Я. Л. Барсков определял одним и тем же промежутком времени — между 27 июля 1672 и 19 апреля 1673 г. (даты патриаршества Питирима); возникновение редакций объяснялось «любовью» Аввакума к «русскому природному языку», а также тем обстоятельством, что Аввакум рассылал свои сочинения разным адресатам.³

* Основные положения статьи были изложены в докладе «К вопросу о первоначальной редакции Жития Аввакума» на заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР 15 мая 1968 г., подробно рассмотрены в кандидатской диссертации «Житие протопопа Аввакума. Творческая история текста», защищенной 12 июня 1969 г. (см.: Автореферат. Л., 1969, 20 стр.) и в подготовленной к печати монографии на ту же тему.

¹ Памятники старообрядчества XVII в., кн. I, вып. I, Л., 1927. Русская историческая библиотека, т. 39 (далее: РИБ).

² См.: В. И. Малышев. 1) Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума. — ТОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, (далее: Малышев, Заметка), стр. 381—382; 2) издание текста в кн.: Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. Под редакцией Н. К. Гудзия. ГИХЛ, М.—Л., 1960 (далее: Житие, ГИХЛ), стр. 305—343.

³ РИБ, стр. VII—XI.

Точка зрения Я. Л. Барскова была принята всеми последующими исследователями Жития; П. Паскаль,⁴ В. Е. Гусев,⁵ А. Н. Робинсон⁶ те же редакции Жития называют первой, второй и третьей и высказывают мысль о постепенном совершенствовании Жития от редакции к редакции.

Объяснение движения текста его «совершенствованием» вызывает целый ряд недоуменных вопросов. Если в редакции Б Аввакум стремится улучшить повествование, сделать его более сжатым, быстрым (как считает Паскаль), то почему он вместе с тем и распространяет его в ряде случаев, причём за счет эпизодов, второстепенных в художественном и смысловом отношении: в редакции появляется «дополнительное» описание борьбы с «бесами» больной жены мезенского воеводы Цехановицкого, и нет важнейшего эпизода — благословения Настасьей Марковной Аввакума на подвиг — на борьбу с «никонианами». Почему в этой «второй» редакции исчезает «приступ» к Житию — молитва к троице, с просьбой «управить ум» и «утвердить сердце» писателя? Как объяснить появление в этой редакции «плача» Аввакума о сыне Морозовой, если он отсутствовал в предшествующей редакции — А, где о смерти Ивана Глебовича уже упоминалось?

Спорным является и утверждение о более «совершенном» виде редакции В, последней из трех авторских редакций Жития; нам представляется, что она во многом уступает редакции А; не ясно, какое место занимает среди других редакций памятника редакция Прянишниковского списка, и т. д.

Совершенно очевидно, что вопрос о соотношении редакций Жития нуждается в тщательном исследовании, и, объяснив движение текста Жития, мы разберемся в самом механизме его творческой композиции.⁷

Оставляя пока в стороне характеристику Прянишниковского списка и редакции Б, датировка которых и временное соотношение с текстами А и В пока совсем не ясны, остановимся на выяснении соотношения довольно строго датированных текстов — автографов А и В. Редакции А и В, несомненно, представляют собой два особых этапа творческой работы Аввакума над текстом своей автобиографии.

Редакция А сохранилась в автографе в составе знаменитого Пустозерского Дружининского сборника (БАН, собр. В. Г. Дружинина № 746 (790), лл. 188 об.—285 об.)⁸ и в многочисленных списках (известно еще 20 полных списков редакции и два фрагмента).⁹

⁴ P. Pascal. Avvakum et les débuts du rascol. Paris, 1938 (далее: P. Pascal, Avvakum), pp. 487—488; см. также: La vie de l'archiprêtre Avvakum, traduites du vieux russe avec une introduction et des notes par Pierre Pascal. Paris, 1960 (далее: Pascal. La vie), pp. 30—38.

⁵ В. Е. Гусев: 1) Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII в. — В кн.: Житие, ГИХЛ, стр. 32; 2) Заметки о стиле Жития протопопа Аввакума. — ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 274—275.

⁶ А. Н. Робинсон. Жизнеописание Аввакума и Елифаша. М., 1963 (далее: Робинсон. Жизнеописание), стр. 56, 134.

⁷ Целью данной статьи является рассмотрение только основных моментов взаимоотношения редакций Жития; более полная аргументация, которая не могла быть здесь изложена из-за ограниченного объема статьи, подробно рассматривается в специальном исследовании на ту же тему.

⁸ Подробное описание рукописи см.: В. Г. Дружинин. Пустозерский сборник. — В кн.: Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1914 (ЛЗЛК, т. XXVI).

⁹ См. об этих списках: РИБ, стр. VII—VIII; В. И. Малышев: 1) Заметка, стр. 382—383. — Местонахождение одного из списков (списка из собр. А. С. Мар-

А. Н. Робинсон, изучив и издав разночтения 10 списков редакции *А*, не изданных в РИБ, пришел к выводу, что эти списки в конечном счете восходят к тексту Дружининского сборника: они воспроизводят все редакторские поправки Епифания, внесенные им в автограф Жития.¹⁰ Изучение списков редакции, предпринятое мной, в том числе и трех новых списков, тогда еще не найденных,¹¹ подтверждает вывод А. Н. Робинсона. Среди известных текстов редакции *А* не обнаружено переходных форм — новых авторских вариантов редакции. Все тексты почти идентичны, разночтений немного: писцы старались точно копировать текст Жития (можно отметить только три своеобразных списка редакции: ГБЛ, собр. Е. В. Барсова № 970 (подновляющий текст), ИРЛИ, Усть-Цилемское собр. № 48 (переработка начала Жития) и БАН, собр. В. Г. Дружинина № 59(83), где текст редакции *А* был частично дополнен по какому-то списку редакции *В*).

Редакция *В*, так же как *А*, сохранилась в автографе в недавно найденной И. Н. Заволоко рукописи — в новом Пустозерском сборнике (ИРЛИ, ОП, опись 24, № 43, лл. 1—115 об.).¹² Все остальные списки редакции *В* (их известно еще 6),¹³ как показывает сравнение текстов, также восходят к этому автографу (правда, с некоторыми композиционными перестановками), следовательно, для характеристики редакции в целом также можно использовать только текст автографа.¹⁴

Когда была написана редакция *А*?

Наиболее основательный анализ данных, датирующих текст Жития, был сделан П. Паскалем.¹⁵ Приведем его соображения полностью, так как до сих пор они еще не были рассмотрены в специальной литературе.

Дату редакции *А*, пишет Паскаль, установить легко:

1) *terminus a quo* — в тексте автографа сообщается (л. 262 об.), что у Лазаря вырос язык через «два года» после пустозерской казни 14 апреля 1670 г.; это значит, что отрывок этот написан после 16 (так, — Н. Д.) апреля 1672 г.

кова) в настоящее время неизвестно; 2) Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. — ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957 (далее: Малышев, ТОДРА, т. XIII), стр. 584—585; 3) Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 101—102; 4) Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. — ТОДРА, т. XXIII, М.—Л., 1968, стр. 323; Робинсон. Жизнеописание, стр. 111.

¹⁰ Робинсон. Жизнеописание, стр. 115.

¹¹ Это списки из собр. Ярославского краеведческого музея № 798, ИРЛИ АН СССР, Текущие поступления № 81 и № 96; все они указаны мной, как и многие другие списки Жития, В. И. Малышевым, их нашедшим, за что я приношу ему самую глубокую благодарность.

¹² Об открытии И. Н. Заволоко, о характеристике сборника и автографа Аввакума см.: Н. С. Демкова. Уникальный автограф Жития Аввакума. — Вопросы языковедения, 1969, № 1, стр. 127—130.

¹³ О списках редакции см.: РИБ, стр. VIII; Малышев. Заметка, стр. 380, 384—385.

¹⁴ Сопоставление списков с автографом обнаруживает существование двух рукописных традиций воспроизведения текста Аввакума: одна восходит непосредственно к сборнику Заволоко, дословно копируя его текст (это рукописи ГБЛ, собр. Е. В. Барсова № 200, ГПБ, собр. ОЛДП, Q.730, ГПБ, собр. А. А. Титова № 4218), другая отражает следы осторожной, но последовательной правки (это рукописи БАН, собр. В. Г. Дружинина № 245 (291), БАН, собр. А. Е. Бурцева № 10, утерянная рукопись Казанской духовной академии № 1679). Именно этот, слегка измененный текст редакции *В* и был известен науке по изданиям А. К. Бороздина и Я. Л. Барскова.

¹⁵ Pascal. La vie, pp. 36—38.

2) Аввакум писал (л. 197 об.), что он «двадцать лет» уже имеет сан протопопа; если к марту или апрелю 1652 г.¹⁶ прибавить 20 лет, получим март (или апрель) 1672 г.

3) Аввакум писал (л. 218 об.), что его дочери Аграфене уже 27 лет. Так как известен год рождения Аграфены (1645), и, вероятно, день — 16 июня (так как память святой Агриппины празднуется 23 июня), то 27 лет ей исполнилось 16 июня 1672 г.

Эта последняя дата — *terminus ad quem*. Другие датирующие элементы текста не столь существенны, полагает П. Паскаль. Его вывод: «создание редакции А относится ко второй половине 1672 года».

Заметим, что П. Паскаль недостаточно строг в выборе датирующих элементов: его первый и второй аргументы имеются в текстах и двух других редакций и поэтому имеют отношение и к ним; они входят в общий для всех трех редакций первоначальный слой повествования. В то же время Паскаль чересчур категоричен: указания на время, которые делает сам Аввакум, — не точно календарные, а приблизительные; он с легкостью мог употребить выражение «два года» для обозначения времени, скажем, зимы 1671/72 г. (к этому времени прошло около двух лет) и др. Но Паскаль прав в том, что событие с Лазарем действительно является нижней границей создания этих редакций Жития. При анализе датирующих текст сообщений, повторяющихся, однако, в других редакциях, естественно, нужно выбрать только такие, которые являются индивидуальными указаниями данной редакции.

Таким сообщением в редакции А является известие о возрасте дочери Аввакума: оно ограничивает время создания этой редакции временем до 16 июня 1673 г., когда Аграфене исполнилось уже 28 лет. Недоказанным остался конечный вывод Паскаля: дата редакции А — вторая половина 1672 г. А может быть, первая половина 1673 г., до 16 июня? С этим предположением как раз согласуется еще одно датирующее сообщение редакции А, причем сообщение индивидуальное, присущее только ей, которое Паскаль считал ошибкой: на л. 234 Аввакум заметил, что страдает от «никониан» 20 лет. Так как Аввакум был взят под стражу в августе 1653 г., а преследование и споры начались несколько раньше, то можно предположить, что Аввакум писал эти строки в первой половине 1673 г.

Таким образом, на основании рассмотренных сообщений Аввакума редакции А его Жития можно датировать первой половиной 1673 г.

Точно известно и время создания редакции В по отношению к А: она была написана позже, через несколько лет. В «предисловии» к Житию этой редакции — в обращении к «питомникам церковным» — Аввакум сообщает: «... предлагаю житие свое от юности и до лет пятьдесят пяти годов» (153—154).¹⁷ Это значит, что «предисловие», как посчитал уже П. С. Смирнов, было написано в 1675—1676 гг. (за год рождения Аввакума он принимал — 1620 или 1621 г.). Однако эту дату Смирнов не считал возможным распространить на весь текст редакции в целом, так как в ее тексте есть выражения, противоречащие такой датировке (например, сообщение Аввакума о получении им сана протопопа «двадцать лет» назад, что датирует этот текст 1672 годом, и др.), и полагал, что редакция

¹⁶ Аввакум получил сан протопопа не ранее как в начале 1652 г., см.: П. С. Смирнов. [Рецензия на кн. А. К. Бороздина «Протопоп Аввакум», СПб., 1898]. — ЖМНП, 1899, январь, ч. 321 (далее: Смирнов, Рецензия), стр. 255.

¹⁷ Цифры в скобках означают столбцы издания Жития в РИБ; при цитировании рукописных текстов или других изданий источник указывается особо.

была составлена около того же 1672—1673 г., а дата 1675—1676 гг. может относиться только к «предисловию».¹⁸

Датировка П. С. Смирнова была поддержана Я. Л. Барсковым («По всей вероятности, протопоп, посылая один из списков Жития, в предисловии выставил новейшую дату, а в тексте оставил старые без изменения»),¹⁹ П. Паскалем²⁰ и А. Робинсоном («... это редакция, составленная в основной своей части ранее, вскоре вслед за первой, была обработана в качестве послания „чаду“ в 1675—1676 гг. ... до того, как в Пустозерске стало известно о смерти царя (30 января 1676 г.)»).²¹

Мне кажется неправомерным отделять время написания предисловия от написания основного текста редакции. Во-первых, как будет рассмотрено ниже, «предисловие» тесно связано с замыслом редакции в целом, а, во-вторых, никак не может быть оспорен тот факт, что Аввакум сам переписал весь текст редакции, и если он при переписке ставил старые даты, не соотнося их с настоящим моментом, то на то была его авторская воля. Ко времени написания «предисловия» следует отнести и окончательную редакторскую работу Аввакума над всем текстом.

Факт, на который следует обратить внимание при датировке В, это отсутствие в тексте редакции упоминания о смерти боярыни Морозовой. Как и в двух других редакциях (А и Б), Аввакум писал здесь: «... А дочь-ту мою духовную, Федосью Морозову, и совсем разорили, и сына ея Ивана Глебовича уморили» (200).

Известно, какое сильное впечатление произвела на Аввакума смерть Ф. П. Морозовой (2 ноября 1675 г.), им было написано специальное «Слово плачевное», выразившее всю глубину горя и душевного смятения, и поэтому невозможно предположить, чтобы Аввакум по «недосмотру» оставил в тексте такие старые факты, не соотнеся их с настоящим моментом. На это обратил внимание уже П. Паскаль, и это наблюдение позволяет считать, что редакция была создана в 1675 г., до начала зимы.

Редакция В несомненно является «распространенной» редакцией Жития. Даже благословение Епифания, его «понуждение», становится в этой редакции много пространнее и торжественнее.²²

Много объемнее и больше по сравнению с А (и Б) становится здесь вступление к Житию: оно начинается с пересказа «Поучения о любви» аввы Дорофея, обращенного к «питомникам церковным», и сопровождается рисунком Аввакума,²³ а затем продолжается обращением Аввакума к «чаду возлюбленному Алексею», непосредственному адресату этой редакции.²⁴

Вслед за этим вступлением идет текст Жития, известный в начальной своей части по редакции А.

Но текст близок редакции А только в самом начале. Повествование Жития в редакции В все время обрастает новыми подробностями, эпизодами, припоминаниями. Воспоминания о братьях, о «бесноватом» из Ха-

¹⁸ См.: Смирнов, Рецензия, стр. 264—265.

¹⁹ Я. Л. Барсков. Предисловие к Житию протопопа Аввакума. — РИБ, стр. X.

²⁰ Pascal. La vie, pp. 37—38.

²¹ Робинсон. Жизнеописание, стр. 128.

²² Ср. РИБ, 152.

²³ Подробнее о рисунке Аввакума и его воспроизведении см.: П. Черников. Книжница старой Руси. — Неделя № 21 (429) от 19 мая 1968 г., стр. 20.

²⁴ Рукопись Заволоки показывает, что обращение Аввакума к читателям и его похвала русскому «природному» языку — не начало Жития, как принято было считать раньше в соответствии с текстом одного из поздних списков — казанского, а самостоятельный фрагмент его сочинений, находящийся вне Жития (Подробнее см.: Н. С. Демков а. Уникальный автограф Жития Аввакума, стр. 129).

мовников, о княгине Хилковой в Тобольске, дополнительные повести в конце Жития о «чудесах» и другие эпизоды делают текст этой редакции самым пространством и подробным.

Сопоставление редакции *В* с *А* обнаруживает в Аввакуме все того же мастера словесного изображения, некоторые новые сцены в Житии достигают необычайной выразительности (эпизоды на озере Шакше, например). Но одновременно в редакции усиливается дидактическое начало.²⁵

Редакция *В* становится строже в отборе фактов: не все эпизоды, написанные ранее, попадают теперь в Житие: в редакции отсутствует рассказ о сомнениях Аввакума в возможности дальнейшего обличения «никониан», возникающих у него при возвращении из сибирской ссылки (диалог с Настасьей Марковной), нет рассказа о «замотае», которого обманым путем Аввакум вывез на Русь. Хотя уже в редакции *А* сослался Аввакум на аналогичный библейский пример обмана и получил прощение духовного отца инока Епифания, но в редакцию *В* этот рассказ не попал. Полностью переделывается в редакции *В* рассказ Аввакума о встрече с иноземцами на Оби, с которыми Аввакум начал «лицемеритца».

Новые тексты в редакции *В* заметно усиливают агиографическую стилизацию произведения. Не только специальные богословские статьи («О причастии»,²⁶ «О сложении перст», «О жертве никонианской») вводятся в текст Жития, текст его расширяется за счет увеличения библейских цитат и соответствующих сентенций. Так, например, рассказывая о возвращении из Даур, когда он один, без войска Пашкова, безоружный, вынужден был ехать среди «иноземцев», Аввакум приводит соответствующие цитаты из посланий апостола Павла и псалмов, долженствующие показать суетность человеческих помыслов о смерти, в то время как всю надежду следует возложить на бога, и т. д.

В редакции *В* можно уловить определенную агиографическую стилизацию и в изображении главного героя Жития. Если в редакции *А*, рассказывая о своем уходе из Лопатиц, Аввакум кратко сообщал: «Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле» (11), то в редакции *В* это описание превращено в изображение ухода подвижника: «Аз же, взяв клюку, а мати — некрещенова младенца, пошли з братьею и з домочадцы, амо же бог наставит, а сами, пошел, запели божественныя песни, евангельскую стихеру большим роспевом: „На гору учеником идущим, за земное вознесение предста господь, и поклонися ему“, всю до конца, а пред нами образ несли. Певцов в дому моем было много, поюще со слезами, на небо взираем, а провождающих жителей того места, мужи и жены, и отрочата, множество народа, с рыданием плачуще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном месте став, и хвалу богу воздав, поучение прочет, и, благословя, насилу в дом их возвратил, а з домашними впредь побрели, и на пути Прокопья крестили, яко каженика Филипп древле» (164—165).

Таким образом, рассматривая текст *В*, можно обнаружить определенную сознательную систему переработки предшествующего текста, явное стремление Аввакума к «житийному» колориту. В эту систему «ложится» и дополнительное богословское вступление к Житию, и включение в текст Жития статей, ранее существовавших отдельно, вне Жития

²⁵ Краткая характеристика этой редакции как «дидактической» есть у П. Паскаля (P. Pascal. Avvakum, p. 487) и А. Н. Робинсона (A. Robinson. Avvakum et Dorothee. — Revue des études slaves, t. 38. Paris, 1961 (Mélanges Pierre Pascal), p. 167).

²⁶ Основной текст статьи «О причастии» частично имелся уже в редакции *А*, но в ином месте — не в конце Жития, а в ряду сибирских воспоминаний Аввакума.

(«О сложении перст», «О жертве никоианской»), обильное уснащение текста библейскими цитатами и их истолкованием. Вспомним, что между созданием редакций *A* и *B* лежали годы заключения Аввакума в темнице и его усиленная работа над богословскими сочинениями: в 1673—1674 гг. создается его «Книга бесед», в 1673—1675 гг. — основная часть «Книги толкований». Аввакум пишет этот текст Жития в то время, когда сам ощущает себя «святым»: Христос «избра нас и вас, — пишет он боровским узникам в 1675 г.,²⁷ — быти нам святым» (405—406). Поэтому и называет он здесь, во вступлении, свое Житие «книгой живота вечнаго». На его Житие падает отблеск того ореола мученичества и святости, который уже мерцает над самим Аввакумом. В том же послании Аввакум пишет далее: «Бог... возлюби нас с вами и призва на дело свое стояти... твердо и непоколебимо за упование вечных жизни... Тем же к тому несть странну и пришельцы, но сжитиелы святым русским, и приснии богу, создани есте на сие дело, сже есть по Христе страдати...» (407).

Аскетические настроения Аввакума все усиливались с годами, и после 1675 г. он уже не обратится к теме Жития.²⁸

Параллельно в редакции *B* заметно усиливаются бунтарские чувства Аввакума, растет его злоба на мучителей-«никоиан» (иначе описывается его заключение в Братском остроге, в Пафнютьевом монастыре, усиливается натурализм описаний в сцене пустозерских казней — текст даже был впоследствии заклеен Епифанием и заменен сценой «чудесного» «забвения» во время казни и др.), часто вырываются гневные реплики. Здесь в полную меру начинают проявляться те настроения Аввакума, которые характерны для сочинений последних лет его жизни — отказ от христианского прощения «властей», угроза «безумному царшке» адскими муками (ср. челобитную царю Федору Алексеевичу, «Беседу о кресте» и др.). Таким образом, текст *B* — определенный этап идейной и литературной эволюции Аввакума.

Что же представляет собой текст редакции *B*, когда он создается и каково его место в ряду других редакций Жития?

Автограф редакции *B* нам неизвестен, текст редакции существует только в списках (вместе с отрывками их известно 17).²⁹

Полное изучение рукописной традиции редакции позволило впервые установить наличие двух видов ее текста, условно названных *B*₀ и *B*₁ (его вариант — текст *B*₂). Большинство списков редакции (12 списков) содержит текст, известный по изданию РИБ, назовем его основным видом редакции (*B*₀).

Изучение текста этих 12 списков *B*₀ обнаружило существование четырех групп списков, каждая из которых самостоятельно восходит к протографу. Лучше всего текст *B*₀ передает список ГБЛ, собр. Н. С. Тихомирова № 724, но и каждая из групп списков, восходя непосредственно

²⁷ О датировке послания см. L. Radouč, комментарий в кн.: *Vita dell'arciprete Avvakum*, Torino, 1962, p. 284.

²⁸ До нас дошло много произведений последнего периода жизни Аввакума, и это — в основном сочинения, посвященные вероисповедным вопросам («Книга обличений», «Беседа о кресте» и др.). В конце 70-х годов резко меняется тон даже писем и посланий Аввакума: он все больше замыкается в кругу аскетических настроений и богословских проблем. Даже само воспоминание о «старом», мирском «житии» воспринимается им в эти годы как «бсда», грех. См. вновь найденный И. М. Кудряцевым текст послания Аввакума старице Каптелине: «А как... маленько оплошися, так беда тогда случается. Мирщины захочю или ризами себя украсить, да старое-то житие на ум набредет, как с друзьями важиванось, пито, да едено, да плясывано» (публикация подготовлена к печати В. И. Малышевым и Н. С. Демковой).

²⁹ О списках редакции см.: РИБ, стр. VIII—IX; В. И. Малышев: 1) Заметка, стр. 384—385; 2) ТОДРА, т. XIII, стр. 584.

к протографу основного вида редакции, сохранила отдельные архетипные чтения.

Другой, особый вид редакции сохранился очень плохо; он известен в единственном дефектном списке, представляющем собой к тому же переделку Жития позднейшим редактором (ЦГАДА, собр. библиотеки бывшего Главного архива Министерства иностранных дел (ф. 181) № 899/1539, лл. 1—128, далее — *Ар*, список конца XVII—начала XVIII в.);³⁰ в отрывках из начальной части Жития в трех списках сохранился его стилистический вариант *Б*₂ (списки Ярославского краеведческого музея № 15 106 (965), лл. 70—87 об. (конец XVII в.), № 15 367 (121), лл. 159—167 (60-е годы XVIII в.), ИРЛИ АН СССР, ОП, оп. 24, № 16, лл. 120—129 (XX в., так называемый Великановский список). Сопоставление текстов этих фрагментов с *Ар* убеждает в их близости к *Ар*, но вместе с тем эти три списка имеют ряд специфических для них чтений, что и позволяет рассматривать их как стилистический вариант того же текста.

Основное направление переделки текста Жития в списке *Ар* заключалось в замене автобиографического, личного повествования повествованием от 3-го лица. Иногда замена первого лица третьим сочеталась с агиографической стилизацией текста (например, в Житии: «И я рек: востани!», в *Ар*: «Блаженный же рече: востани!», и др.). Строго следил неизвестный редактор за просторечными, грубонатными оборотами стиля Аввакума, исключая из текста или заменяя в нем все то, что смущало его редакторское ухо (например, в Житии: «Аз же, треокаянний врач, сам разболеся», в *Ар*: «Он же сам разболеся», и т. д.). По-видимому, редактором текста *Б*₁ в списке *Ар* был сам переписчик, так как список сохранил следы правки, предпринятой непосредственно в этой рукописи (непоследовательно проведена замена первого лица третьим, иногда формы первого лица исправлялись здесь же, в тексте). Эта близость списка *Ар* к исходному тексту — к *Б*₁, и делает данный *Ар*, несмотря на ряд стилистических исправлений в нем текста Жития, весьма важными для суждения о тексте *Б*₁.

Главное отличие *Б*₁ (и *Б*₂) от *Б*₀ заключается в большем объеме вступления к Житию: в тексте вступления здесь читается не только молитва Аввакума троице, отсутствие которой в текстах редакции *Б* обычно рассматривается как особая текстологическая примета редакции, но и «Гимна о пресвятей богородице», специальное богословское сочинение Аввакума, известное и в отдельных списках.³¹ В сюжетном отношении *Б*₁ весьма близок *Б*₀, однако много короче его: список кончается вместе с концом «сюжета» Жития — узники, заключенные в земляную тюрьму, поют «хвалу церкви»; в списке нет ни дополнительных рассказов о «чудесах» Аввакума, ни обличения «никоннан», ни обращения к «правовверным» и Епифанию. Отсутствует в *Б*₁ и еще ряд фрагментов: например, здесь нет заголовков «О рождении», «О Николе», имеющих в *Б*₀, нет рассказа о черной «курочке», кормившей в Сибири семью Аввакума, и др.

Сопоставление текстов *Б*₀ с *Б*₁ (и *Б*₂) показало, что оба вида не зависят друг от друга, а самостоятельно восходят к архетипу редакции *Б*. Так, список *Ар* исправляет чтения текста *Б*₀, испорченные во всех спис-

³⁰ Текст *Ар* — кое-где испорчен, имеет явные дефекты, пропуски: «Приади к богородице-свету, исновеждь славише || дники (так! — Н. Д.) пред образом пречистия...» (л. 5 — место «[праз]дники»; «...выписано, || вийся всегда в землю...» (л. 6) — вместо «[кля]нийся всегда в землю», «золотая шуба» вместо «золотная» и др.

³¹ См. РИБ, табл. 685—688.

ках B_0 (чтения A_p в этом случае соответствуют тексту редакций A , B и Прянишниковскому списку). Сравним тексты.

B_0

По переносе меня стригли и бороду
обрезали. Дети, чему быть? Волки то
есть... (123).

...рапенова от муглинских людей
увел (116).

А власти, яко пестрыя козы, раз-
ширя хвост, прыскать на меня
стали (121).

A_p

По переносе меня стригли и бороду
отрезали, вражии дети! Чему быть?
Волки то есть...

...рапенова от муггалеских людей
увел

А власти, яко пестрыя козлы, раз-
ширя хвост, прыскать на меня
стали.

Существенной особенностью текста B_1 , по сравнению с B_0 , является наличие в нем ряда таких чтений, общих с редакциями A и B (в тексте B_2 , несмотря на его незначительный объем, этих чтений еще больше), которые не восходят, однако, к архетипу редакции B , а являются специфическими особенностями именно данного текста.

Сравним следующие чтения.

A (так же B): «Придоша в село мое плясовые медведи з бубнами и з домрами» (11, 165);

B_0 : «Придоша в село мое скоморохи с медведьми и з бубнами и з домрами» (93; сходно в остальных списках);

B_1 , в списке A_p : «Придоша в село его плясовые медведи и з бубнами и з домрами»; B_2 в ЯКМ 965: «Придоша в село мое плясовые с медведи и бубнами и з домрами»

Текст B_1 сближает с A и B также и отсутствие в нем пояснения, сохранившегося только в B_0 : «Ссрдитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо, так ему было досадно» (92). Одинаков с A сокращенный тип заимствования из Псалтыри в молитве троице и др.

Характер этих отступлений от архетипных чтений редакции позволяет определить текст B_1 (и его разновидность B_2) как стилистический вариант редакции B .

Принято думать, что B — вторая после A редакция Жития. Сопоставляя факты редакции B , которые могут рассматриваться как датирующие, П. Паскаль приходил к выводу, что они полностью, без изменений соответствуют A . Но в то же время Паскаль полагал, что редакция «была написана некоторое время спустя после первой, в конце 1672 или начале 1673 г.»³²

Действительно, индивидуальных хронологических приурочиваний редакция B не имеет, но в ней есть слой известий, общий для всех трех редакций, а он не выводит редакцию B за пределы 1672 г. (упоминание о Лазаре, у которого «вырос язык» через два года после пустозерской казни, и о том, что Аввакум уже «двадцать лет» имеет сан протопопа). Более того, в редакции B отсутствует известие A , указывающее на 1673 г. (известие о мучениях Аввакума от «никониан» в течение «20 лет»), известие о казни инока Авраамия, совершившейся в Москве летом 1672 г., и др.

Для определения времени написания B обратим также внимание на изменение текста Жития, повествующего о боярыне Ф. П. Морозовой, ее сестре Е. П. Урусовой и о смерти ее сына — И. Г. Морозова. Редакцион-

³² Pascal. La vie, p. 37.

ные изменения коснулись и подробностей, сообщаемых о них Аввакумом, и самого тона повествования.

В редакции *Б* говорится о том, что Ф. П. Морозову «совсем разорили и сына у нея уморили, а она в монастыре под началом» (одинаково в *Б*₀ и в *Б*₁). О Е. П. Урусовой сообщается, что ее «от мужа и от детей отлучили». Специальный текст в *Б* выражает сожаление Аввакума о смерти сына Морозовой — юного Ивана Глебовича, и одновременно утешает всех сокрушающихся о нем: «Пускай Христос своих собирает к себе! Умер же бы Иванушко всяко, а то мученик Христов, Морозовых бояр. Исповедал ево, света, в темнице, на Москве бывше, и причастил тела Христова, яко непорочнаго агнца. Добро, полцо тово. Любо мне, что за Христа умирают, я их тому и учил. Что по них и тужить?» (124—125).

В редакции *А* читаем одинаковое с *Б* известие о разорении Морозовой и о смерти ее сына, но здесь нет упоминания о том, что боярыня находится в «монастыре под началом», а кратко сообщается: «и ея мучат». Зато в *А* имеется новая подробность о Евдокии Урусовой: ее «бывше батогами», «с мужем развели, а ево, князь Петра Урусова, на другой, де, женили». Никаких рассуждений о смерти Ивана Глебовича Морозова в *А* нет.

Кажется, что подробности, сообщаемые *А*, — это подробности текста, написанного позже, чем *Б*: если подробности *Б* сюжетно связаны с начальным этапом мучения Морозовой и Урусовой (известно, что после их ареста 16 ноября 1671 г. «вскоре» умирает сын Морозовой — в конце 1671 г. или в самом начале 1672 г., а дом и все хозяйство Морозовой разоряются), то в *А* нарастают детали следующего периода их испытания: Евдокию «бывше батогами», до Аввакума дошли слухи не только о разлучении Е. П. Урусовой с семьей, но и о женитьбе П. С. Урусова, что, по-видимому, не могло быть сразу же после ареста сестер 16 ноября 1671 г., так как еще патриарх Питирим, ставший патриархом только 7 июня 1672 г., просил царя вернуть Е. П. Урусову мужу,³³ что было бы невозможно, если князь Урусов уже был женат вторично.³⁴

Особыми в каждой редакции являются и отступления Аввакума от изложения этих событий, его чувства и оценки.

В редакции *Б* лирическое отступление Аввакума выражает его восхищение подвигом сестер во имя веры («Красные и светлые боярони в Руской земли явились, не токмо славы, но и плоти своей в деток не пощадели, до Христа приобряжут»), и мысль о необходимости терпения («Пускай их, светов моих, мучатся Христа ради!»).

В *А* — нет восхищения тем, что они «явились», здесь имеется только вторая часть рассуждения Аввакума о необходимости терпения, значительно более разработанная (тема мучения раскрывается здесь как тема ниспосланного богом испытания), и рассуждение о дальнейшей судьбе сестер переходит в экзальтированную хвалу Христу (ср. 53).

Несомненна разница не только в фактических подробностях, но и в самом тоне повествования.

Общий эмоциональный тон и содержание лирического отступления в редакции *Б* позволяют видеть в этом фрагменте непосредственный от-

³³ Материалы для истории раскола за первое время их существования, изд. под редакцией Н. И. Субботина, т. VIII. М., 1887, стр. 177.

³⁴ Редакция *В* в целом передает известие о Морозовой и Урусовой так же, как и *А*, причем с подробностями именно этой редакции (Урусову «с мужем и з детьми бывше развели»), но *В* располагает и целым рядом чтений, присущих только редакции *Б*: Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова называются здесь Аввакумом его «духовными дочерьми», сын Ф. П. Морозовой назван по имени — «Иван Глебович». Текст *В* как будто объединил данные *А* и *Б*.

клик Аввакума на события конца 1671—начала 1672 г. — на известие о заключении Морозовой и Урусовой под стражу и о смерти сына Морозовой Ивана Глебовича.³⁵

Таким образом, есть все основания полагать, что редакция *Б* создавалась Аввакумом в первой половине 1672 г., и что, следовательно, она предшествовала редакции *А*.

Это признание первоначальности редакции *Б* по отношению *А* подерживается и общим направлением работы Аввакума над Житием, самим характером творческих изменений в его тексте, которые удалось обнаружить при сопоставлении редакций *А* и *В*.

Главное отличие *Б* от *А* — это отсутствие в ней ряда эпизодов, что и позволяет исследователям характеризовать ее как «краткий вид» Жития. В редакции *Б* значительно менее подробно описаны некоторые «сибирские беды» Аввакума (ср. 28 и 108—109), нет рассказа о том, как Аввакум спрятал «замотая», и соответственно нет приписки-«прощения» Елифания, нет подробного описания доброты безымянного приказчика Афанасия Пашкова, снабдившего семью Аввакума едой при возвращении их на Русь, нет сцены с Настасьей Марковной, где она благословляет Аввакума «проповедовать слово божие по-прежнему», нет описания встречи с «иноземцами» в Сибири, нет длинного воспоминания о его уединенных молитвах, нет рассказа о «чуде», свершившемся с дочерью Аввакума Аграфей (она онемела, а потом стала порицать Аввакума за небрежное выполнение службы); нет в редакции *Б* рассказов о «духовных детях» Аввакума — юродивом Федоре и кожевнике Луке, казненных на Мезени, о казнях в Москве, нет обличения «никониан» в конце Жития, и др.

Можно ли объяснить, как это делает П. Паскаль, отсутствие этих эпизодов в редакции *Б* сокращением текста *А*? Почему, с какой целью Аввакум убирает из текста яркие, выразительные отрывки, не противоречащие общим принципам его повествования в этой редакции? Почему стремление Аввакума к сокращению текста Жития никак не проявилось на следующем этапе его работы — при создании редакции *В*, в которой Аввакум, напротив, очень сильно распространил текст? Позволю себе утверждать обратное: эпизоды Жития, отсутствующие в *Б*, просто еще не были написаны Аввакумом. Именно так шла работа Аввакума над Житием от редакции *А* к *В*: большое количество фрагментов и отдельных эпизодов, появившихся в *В*, были заново написаны Аввакумом уже после завершения его работы над *А*.

Если проанализировать характер новых эпизодов и многочисленных авторских отступлений от основного текста повествования, имеющих в редакции *А* и отсутствующих в *Б*, то окажется, что и в этом отношении работа Аввакума над редакциями *А—В* может рассматриваться как аналог его работы над *Б—А*.

³⁵ Весьма близко к тексту редакции *Б* послание Аввакума Морозовой и Урусовой (РИБ, 923—928), где читается «плач» Аввакума об Иване Глебовиче. Послание это по традиции относят к 1674 г., однако продланный анализ его содержания убеждает в его непосредственной связи с событиями конца 1671—начала 1672 г.: Аввакум еще ничего не знает о судьбе Морозовой; подробно, как будто о событиях недавнего прошлого, вспоминает он о ссоре Морозовой в Москве с юродивым Федором, казненным в марте 1670 г.; обращает на себя внимание отсутствие в этом послании обычного для Аввакума обращения к М. Г. Даниловой, третьей «соузнице» сестер в Боровском заключении.

Фраза Аввакума («20 лет и единое лето мучат мя»... 926), являющаяся основанием для обычной датировки послания 1674 годом, не может рассматриваться как бесспорно указующая на 1674 г., так как в разных текстах Аввакум начинал отсчет своих мучений с разных событий (например, в «первой» челобитной Алексею Михайловичу — с событий 1647 г., см. РИБ, 725).

Действительно, все «дополнения» редакции *А* выражают различные аспекты богословских воззрений Аввакума, его комментарии истолковательного характера, наконец, примеры личной церковнослужебной практики. В редакции *А* появляются подробные описания исповеди и причащения, уединенных молитв Аввакума, рассказы о крещении им своих собственных детей и т. п., т. е. эпизоды, явно рассчитанные на практическое восприятие их читательской средой «правоверных». Не только новые эпизоды, но и те изменения, которые Аввакум вносит в текст редакции *А* по сравнению с *Б*, свидетельствуют о характере и направлении его редакционной работы. Сравним тексты.

В редакции *Б*, как и в других редакциях Жития, есть рассказ о «черненькой курочке», спасавшей в Сибири семью Аввакума от голодной смерти и доставшейся Аввакуму после исцеления им больных кур боярыни Пашковой. Рассказ о «курочке» кончается в *Б* так: «От тово племяни и нам курочка досталась» (111). В редакции *А* конец повествования о курочке «усилен» комментарием: «Да полно тово говорить. У Христа не сегодня так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодествовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его» (32). Не только в эрудиции проповедника убеждается читатель редакции *А* Жития: явственно выступает и тот ряд героев, к которому тяготеет герой «Жития» — это ряд «святых», действовавших «о Христе».

Рассказ об исцелении Аввакумом внука Пашкова (Аввакум смог его исцелить после покаяния его матери) в редакции *А* почти соответствует *Б*, но завершается частым в этой редакции обращением Аввакума: «Вижь, слышателью, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила, чему быть! Не сегодня кающихся есть бог!» и т. д. Повествование в редакции *Б* более «событийное» и в меньшей степени, чем в *А*, связано с явно выраженным дидактическим заданием (т. е. редакция *А* была началом того пути, который привел Аввакума к созданию редакции *В*).

Существует и ряд чисто текстологических следов вторичности текста *А*: следы «раздвинутого» вставкой текста в описании возвращения из Сибири (43—44; ср. 119—120), двусмысленность изложения, возникающая вследствие несогласованности текстов, — эпизод ссоры с царем из-за вручения челобитной юродивым Федором (49—50, ср. 121) и др.³⁶

Приметой первоначального текста в редакции *Б* может считаться и сохранение остатка евангельской цитаты в сцене суда над Аввакумом: «Возми, возми, распни его», — кричат «власти» на Аввакума, не собираясь его распинать на самом деле; так текст читается и в тексте *Б*₁ и в Прянишниковском списке, но в редакциях *А* и *В* цитата «подчищена» и осталось только необходимое: «Возми, возми!».

Таким образом, анализ хронологических и текстологических данных Жития полностью перестраивает традиционную схему последовательности возникновения редакций, согласно которой редакция *А* предшествует *Б*, и вносит существенные изменения в их характеристику.

Созданные вскоре одна за другой (1672—1673 гг.), редакции *А* и *Б* очень близки друг другу по настроениям Аввакума, отразившимся в них. Описывая историю своей жизни, Аввакум стремится найти вечный, вне-временной смысл в ее событиях: равномерность чередования добра и зла

³⁶ Примеров несвязанности текста, его несогласованности, противоречий, служащих в качестве обычных текстологических «примет», в Житии Аввакума весьма мало, так как мы имеем здесь дело с авторскими редакциями текста.

в судьбе героя (идея, реализованная в самой композиции повествования), обязательность воздания за добро и зло здесь, в земной жизни; Аввакум еще полон задора борьбы, и, чувствуя свою силу, охотно прощает врагов. Время создания этих редакций — это время надежд пустозерских узников: пять лет борется с царскими войсками и не сдается Соловецкий монастырь, ширится движение раскола, интенсивная литературная деятельность Аввакума рождает сознание собственного реального участия в продолжающейся борьбе — «А нынешнюю зиму потерпите толко маленько», — пишет Аввакум семье на Мезень в 1673 г. (922). «Мне, веть, неколи плакать, — обращается он к своим единомышленникам в Поморье в эти же годы, — всегда играю со человеки... В нощи что пособеру, а в день и рассыплю...» (950).

Однако разница между этими редакциями существует, и она заключается не только в разном объеме их текста и большей «дидактичности» *А*: новые по сравнению с *Б* эпизоды редакции *А* создают и новое литературное качество этого текста. Текст *А* не просто подробнее — он много глубже в смысле художественного воссоздания жизни. Диалог с Настасьей Марковной, например, возникающий при возвращении Аввакума из Сибири и воспроизведенный им в редакции *А*, отражает всю сложность психологического бытия героя автобиографического повествования, его сомнения, муки долга и чувства («Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе! Говорить мне или молчать? — связали вы меня!»). В редакции *А* Аввакум в полной мере ощутил свободу от литературных условностей, он как бы играет с подвластной ему формой повествования, сам созидая и разрушая ее, превращая подчас свое Житие в реальную беседу с читателями (так, в тексте Жития он оставляет чистое место, чтобы получить немедленный отклик Епифания на свой рассказ).

Как же создавались следующие за *Б* редакции Жития?

Выше, рассуждая о времени создания *В*, мы отмечали, что Аввакум иногда оставляет в новом тексте без изменения и старые эпизоды, и старые даты («30 лет как имею священство», — пишет он в 1675 г., переписывая текст 1672—1673 гг.). Этот факт очень важен. Какой бы точки зрения на механизм создания редакции *В* ни придерживаться: полагать, что основная ее часть создана в 1672—1673 гг. и лишь дополнена вступлением в 1675 г. (что кажется невероятным, учитывая общую направленность изменений), или признавать единую обработку и создание нового текста редакции в 1675 г. — несомненно одно: весь этот текст был переработан и переписан самим Аввакумом, который, переписывая его, не внес в хронологию некоторых отрывков никаких изменений, не позаботился о приурочивании своего повествования к 1675 г.

Из установления этого факта вырастает несколько наблюдений.

1. Перед нами очень своеобразное явление: в собственном авторском повествовании сохраняется принцип летописного свода, тексты соединяются без перевода из одной системы времени в другую, они прочно хранят связь с тем именно моментом, когда они были созданы, и связь со средневековым типом повествования.

2. Некоторые факты, сообщаемые Аввакумом, не могут рассматриваться как датирующие для всего произведения в целом, так как он мог брать их из ранее написанных сочинений и переносить, «пересаживать» в новый текст в составе отдельных заимствованных фрагментов.

3. Сохранение в тексте несогласованных с настоящим временем «устаревших» фактов (анахронизмов) свидетельствует о письменной зависимости текстов один от другого, ибо устная композиция произведения, различ-

ных его версий, создаваемых и воссоздаваемых каждый раз заново, по памяти, способствует полной соотнесенности момента повествования и момента говорения.

Это значит, что редакции Жития могут быть рассмотрены как тексты, связанные между собой общностью письменного источника, а не только единством авторского сознания, их породившего.

Сопоставление текстов убеждает в том, что таким источником для создания Аввакумом редакции *А* послужил текст особого вида редакции *Б*, ее стилистический вариант *Б₁* (или *Б₂*): целый ряд общих чтений, как уже отмечалось выше, связывает эти два текста.

Текст редакции *В* в тех местах, где нет распространений, свойственных только *В*, близок и *А*, и *Б*. Текст *В* как будто бы объединяет редакции *А* и *Б*. В редакции *В* есть целый ряд эпизодов, имеющих только в *А*: рассказ о встрече с иноземцами на Иртыше, подробное описание «московского бытия» протопопа после сибирской ссылки, обещание дать ему место на Печатном дворе, богатые подарки бояр, рассказ о приходе в Пафнутьев монастырь юродивого Федора и др. В редакции *Б* эти тексты отсутствуют. Но с редакцией *Б* ее объединяет одинаковая композиция заключительной части Жития: в редакции *В*, так же как и в *Б*, нет «эпилога», свойственного *А*, — рассказа о казнях на Мезени и Москве, нет обличения «никониан», заключающего описание казней (сразу вслед за описанием пустозерской казни 14 апреля 1670 г. Аввакум обращается ко всякому «правоверному» с просьбой о прощении за свое повествование).

Аналогичная картина наблюдается и в мелких чтениях текста.

Анализ общих чтений редакций *В*, *А* и *Б* показывает, что с текстом *Б* редакция *В* была связана генетически (обратим внимание на то, что многие эпизоды, отсутствующие в редакции *В*, никак не «мешают» идейной направленности редакции и их нет потому, что ими не располагала редакция *Б*), влияние же текста *А* на редакцию *В*, по-видимому, не было непосредственным, оно не было обусловлено влиянием письменного источника (напомним кстати, что текст редакции *А* Аввакум отослал из Пустозерска в составе Пустозерского сборника). Сходство текстов *В* и *А* объясняется единством творческого сознания автора Жития: все, казавшееся ему существенным, Аввакум включил в редакцию *В* из редакции *А* по памяти.

Этому объяснению как будто противоречит наличие ряда общих для *А* и *В* мелких чтений, иногда дословно совпадающих (например, если в *Б₀* читаем: «Приидоша в село мое скоморохи с медведьми», то в *А* и *В*: «Приидоша в село мое плясовые медведи», и др.). Объяснить эту связь *В* и *А* можно текстом общего источника, использованного и той, и другой редакцией. Для редакции *А* таким источником был текст *Б₁*, обладающий отдельными чтениями *А*. Он же послужил источником для редакции *В*.

Что же представляет собой Прянишниковский список Жития? Прянишниковский список Жития дошел в составе керженского по происхождению сборника сочинений Аввакума начала XIX в., найденного В. И. Малышевым (ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова (ф. 242) № 61). Состав сборника необычен. Кроме Жития Аввакума особой редакции в нем находятся две челобитных Аввакума царю («первая» и «пятая»), и ряд неизвестных ранее сочинений Аввакума самых последних лет его жизни, причем все эти тексты слиты в рукописи воедино, так что даже трудно иногда провести границу между ними: они производят впечатление переписанных вместе черновых бумаг.

Как показал В. И. Малышев, нашедший и опубликовавший этот текст, Прянишниковский список восходит к автографу Аввакума, содержащему целый ряд новых эпизодов, неизвестных по другим редакциям Жития.³⁷ По мнению В. И. Малышева, текст Жития подвергся «значительной переработке и сокращению» в конце XVIII в. в Поволжье, причем при переработке были использованы сочинения Аввакума и его единомышленников. В. И. Малышев установил тексты Аввакума и других старообрядческих писателей, параллельные, а иногда дословно совпадающие с текстами Прянишниковского списка.³⁸ «Значительно сократив „Житие“ и включив в него целые отрывки из других сочинений, редактор оставил в неприкосновенности язык и стиль Аввакума... Вся работа редактора в общем свелась к механическому соединению разрозненных частей из различных сочинений Аввакума и других авторов».³⁹ Эта точка зрения на Прянишниковский список была повторена мной в заметке, комментирующей текст списка в книге «Житие протопопа Аввакума» (ГИХЛ, 1960), причем здесь список был более определенно назван «переработкой не дошедшей до нас редакции».⁴⁰ Эти выводы принял и А. Н. Робинсон.⁴¹

Дальнейшее изучение Прянишниковского списка Жития показало, что он не только содержит новые факты и эпизоды из жизни Аввакума (его рассказы о спорах с Симеоном Полоцким и Епифанием Спавинцевым и др.), но и действительно является отражением особой редакции Жития, которая имела иное, особое повествование почти обо всех эпизодах Жития.

Как и другие редакции Жития, Прянишниковский список начинается с молитвы троице и вступления, известного по редакции А (и В), но в конце его полностью отсутствуют дополнительные «повести» о «чудесах», случавшихся с Аввакумом.

Основной принцип повествования в Прянишниковском списке — это изложение самих событий Аввакумовой жизни, и тон описания здесь более суховатый, деловой, чем в других редакциях. Эпизодов-новелл здесь значительно меньше: нет рассказов о «Евфимии Стефановиче», о Петре Бекетове, о Настасье Марковне (ни одного), о курочке, об исцелении младенца — внука Пашкова и т. д. Автора как будто больше интересует само течение событий, чем картинность изображения, и характерными чертами Прянишниковского списка являются логическая связь повествования, своеобразный историзм и документальность.

В каком же отношении находится основное повествование Прянишниковского списка к рассказам других редакций?

В Прянишниковском списке есть такие отрывки, текст которых кажется безусловно первичным по сравнению с текстом других редакций.

Так, например, во всех редакциях Жития рассказывается о присылке Никоном в Казанскую церковь его знаменитой «памяти» — патриаршего указа об изменении некоторых церковных обрядов, что явилось началом реформы церкви, начальным толчком, который развязал ожесточенную борьбу. И во всех редакциях Жития это сообщение о «памяти» прерывается отступлением Аввакума: он как бы сбивается с последовательного

³⁷ Малышев. Заметка, стр. 381.

³⁸ См.: Комментарий к изданию Жития протопопа Аввакума по Прянишниковскому списку в кн.: Житие, ГИХЛ, стр. 447 - 453.

³⁹ Малышев. Заметка, стр. 381.

⁴⁰ [Н. С. Сарафанова]. Житие протопопа Аввакума. Прянишниковский список. (Заметка к тексту) — В кн.: Житие, ГИХЛ, стр. 445.

⁴¹ Робинсон. Жизнеописание, стр. 92.

рассказа и начинает вспоминать о своей собственной деятельности в Казанской церкви в это время («... и жил во церкви», «поучение чол безпрестанно» (Б) или «чол народу книги» (А)). Анализируя эти вставки в редакции А, я старалась показать,⁴² что они не результат случайного «вяканья», а особый композиционный прием, цель которого противопоставить Никону фигуру его идейного противника — Аввакума, популярного проповедника, «книгочия» и весьма значительного в московской церкви деятеля.

Но независимо от его художественного назначения текст этого отступления производит впечатление вставки, разрывающей некогда единый текст.

Сравним тексты (для сравнения избираем текст редакции Б, как более близкий Прянишниковскому списку).

В редакции Б: «А се и яд отрыгнул. В пост великой прислал память х Казанской к Неронову Ивану, протопопу. А мне был отец духовной, я у него и жил все во церкви... Поучение чол безпрестанно. — В памяти Никон пишет: Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает метания в церкви творить на колену...» (96).

В редакциях А и В текст почти такой же, с незначительными лексическими заменами и перестановками. Но в Прянишниковском списке этой вставки, разрывающей текст, нет: «Во 162-м году, в великий пост, прислал память к Казанской, к Ивану Неронову, протопопу. В памяти Никон пишет: год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает метание в церкви на колену творити...» (314—315).⁴³

Аналогичный случай в одном из рассказов о сибирской ссылке. «А се бегут человек с 50: взяли дощаник мой и помчали к нему, — версты с три от него стоял. Я казакам каши наварил, да кормлю их, а оне, бедные, и ядят и дрожат, а иные плачут, глядя на меня, жалеют по мне. Привели дощаник; взяли меня полачи, и поставили пред нево» (Б, 104).

Здесь связанное повествование опять прервано отступлением, цель которого — создать более сложную, объемную картину. В событийную канву не только введены новые дополнительные сведения о том, где был и что делал Аввакум в это время, но, главное, введен новый фактор оценки деятельности Аввакума — отношение к нему казаков, которые «плачут» и «жалеют» его. Это не только «идеологическое» дополнение автора-публициста, но очень важный художественный прием, впервые возникающий под пером Аввакума, — одно и то же событие изображается у него в связи с разными субъектами действия. Так и здесь действие не однолинейно, в него оказываются втянутыми и Аввакум, и Пашков, и казаки; изображение жизненного факта пытается отразить саму сложность жизненных связей персонажей. Но и здесь это «боковое» действие, создающее объемность изображения, — отступление от основного повествования. В Прянишниковском списке этого отступления нет: «... А се бегут человек с пятьдесят: взяли дощаник мой и помчали к нему, — версты с три от него стоял. Привели дощаник; взяли меня палачи, и поставили пред него» (318).

Но в Житии есть и такие тексты, которые совсем не имеют следов вставки, разрывающей текст, напротив, текст здесь органичен и создает весьма сложную картину «бытия» Аввакума в один из напряженных моментов. Таков отрывок, описывающий заключение Аввакума в «темной полатке» Андроньева монастыря: «... и тут на чепи кинули в темную

⁴² См.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 461—462 (в разделе, посвященном анализу Жития).

⁴³ Текст Прянишниковского списка здесь и далее цитируется по изданию: Житие, ГИХЛ.

полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен, — сиречь есть захотел, — и после вечерии ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлеба немношко и штец дал похлебать, — зело прикусны, хороши! — рекл мне: „полно, довлет ти ко укреплению!“ Да и не стало ево» (А, ср. Б, 97—98).

Однако сравнение этого отрывка с Прянишниковским списком явственно обнаруживает основной сюжетный «каркас» эпизода: «... и потом кинули во Андроньев монастырь, в пустую полатку в земляную; и три дни в той темнице сидел не ядше. Во исходе третияго дне, не вем — человек, не вем — ангел, меня накормил в темнице, и рекл мне: „полно, довлет ти ко укреплению“. И не стало ево» (316).

Самое важное в отрывке Прянишниковского списка — это его почти полное совпадение с текстом первой челобитной Аввакума царю Алексею Михайловичу 1664 г.: «И потом во Андроньеве монастыре посадил под полату пустую в землю, и три дня и три нощи на чепи держал без пищи. И о сих всех благодарю, государь бога. Прости, государь, тут мне пищу принесе ангел за молитв святаго отца протопопа Стефана...» (725).

Если в редакции Б (как и в А, и в В) эта сцена заключения Аввакума — отражение целого мира чувств и размышлений героя, то в Прянишниковском списке, как и в первой челобитной, это лишь описание «чуда».

Событийный принцип повествования преобладает в Прянишниковском списке. В нем нет тех эпизодов вершинного мастерства Аввакума, которые делают его Житие произведением, сумевшим раскрыть душу человеческую. Знаменитой сцене с Настасьей Марковной («Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под ребят и под рухлишко дал две клячи, а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! В иную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: „матушка-государыня, прости!“ А протопопица кричит: „что ты, батько, меня задавил?“ Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: „долго ли муки сея, протопоп, будет?“. И я говорю: „Марковна, до самыя до смерти!“ Она же вздохня, отвещала: „добро, Петрович, ино еще побредем“» (31—32, ср. 110—111) в Прянишниковском списке соответствует текст: «... Пять недель мы с женою рекою брели по го[ло]му льду, убивающесе о лед, гладни и наги. Везли на нартах пужную пищу и робят малых. Я же с детьми зимами промышляя нужную рыбенку и на всяк день долбил пролубей по десятку. Лед же тамо толст намерзает, в человека вышиною. И от тое работы не могу раскорчитца и ныне, да уже так будет и до смерти» (323).

Иногда, наоборот, текст Прянишниковского списка — даже более подробный, чем текст других редакций Жития, но эти «подробности» преследуют отнюдь не художественные, а информационные цели. Например, только в Прянишниковском списке читается подробное описание жизни Аввакума в мезенской ссылке: «... Да и повезли паки с Москвы в Пустозерской острожек с женою, и с детьми, и с домочадцы. А я по городам людей божиих учил, а их обличал, пестрообразных зверей. И бог остановил нас своим промыслом у окяна моря, на Мезени, от Москвы 1700-сот

верст будет. И жил тут полтора года на море с детьми, промышлял рыбу и кормился, благодаря бога. И иные добрые люди, светы, с голоду не уморили, Божиим мановением» (327—378).

Этот текст вполне соответствует историческим фактам: Аввакума в 1664 г. действительно сослали в Пустозерск, а в Мезени он оказался случайно, в силу того, что до Пустозерска было не добраться.

В других редакциях Жития этому отрывку соответствует весьма краткое сообщение: «Да и повезли на Мезень. Надавали были во имя Христово, добрые люди кос-чево много, — все тут осталось; токмо з женою и детьми и домочадцы потащили. А и по городам людей Божиих учил, а их обличал, пестрообразных зверей. И привезли на Мезень. Полтора года держав...» (121—122).

Здесь нет «не работающих» на художественное задание деталей, оставлено лишь самое главное из событийной канвы. И в этом случае, хотя он кажется противоположным рассмотренным выше, мы наблюдаем осуществление того же самого принципа художественного воссоздания действительности, который в Прянишниковском списке не является основным и последовательно выдержанным.

Текст Прянишниковского списка иногда более «откровенный», как будто еще недостаточно обработанный автором, написанный сгоряча и отражающий его действительные мысли и чувства.

Сравним описание заключения Аввакума в Братском остроге. В Прянишниковском списке: «Таже привезли в Братской острог, кинули больнова в студеную башню. И сидел до рожества Христова, мерзнул на морозе семь недель. Только и одежды кровавое кафтанничко, да бог грел: в сололке лежал; да после шубенко дали, утомя гораздо. Гной по всему и вши, и мыши, и стужа, и ясти хочется. В щелку гляжу, а у Пашковатаво прыгут да жарят и носят на блюдах, и пьют, и веселятся. А ко мне никто не заглянет, ничево не дадут — дураки! Я бы хотя блюдо то полизал или помоев-тех испил, — льют на землю, а мне не дадут. Всяко бродит на уме-том...» (320).

В других редакциях Жития этот эпизод включен в систему христианского мировоззрения Аввакума; вслед за «бунтом» его — ропотом на бога за несправедливое наказание — возникает чувство раскаяния, и кротость героя становится искуплением его вины. В них сцена заключения Аввакума — благодатная: «Посем привезли в Братской острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка, в сололке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батюшка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» — да сила божия возбранила, — велено терпеть» (А, 24—25, ср. Б, 106).

Эта «откровенность» Аввакума проявляется во многих местах Прянишниковского списка. Только здесь Аввакум сообщает, что он сам подписал в 1652 г. челобитную царю о Никоне, «чтобы ему быть в патриархах» («И я, окаянный, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку», 313).

Только в Прянишниковском списке Аввакум называет себя «убийцей» за то, что «молил» бога послать гибель войску Еремея Пашкова («Я им, убийца, молил о том бога», 325). Только в Прянишниковском списке Аввакум «проговорился» о помощи Пашкова при возвращении его из «Даурской земли». Во всех других редакциях Жития читаем: «Перемена пришла, и мне грамота пришла, и он [от] меня утаил, на Русь не отпустил, чаял, меня прикончатъ. Таже он поехал на Русь, меня не

взял, умышляя во уме: „Хотя, де, един после меня и поедет, ин, де, ево иноземцы убьют“. Он в дощениках плыл с ружьями и с людьми, а я, месяц после ево спуста, набрал болных и старых и раненых, кои там негодны, человек с десятков, да я з женою и детьми — 17 нас человек, в лодку седши, уповая на Христа, и крест поставили на носу, поехал, ничево не боясь. Кормчию книгу прикащику дал, и он мне мужика вожа кормщика дал здорова... Прикащик мучки дал на дорогу гривенок с тритцеть, да коровку, да овечек с 5, 6, мяско иссуша; тем лето питалися пловучи» (Б, 117—118).

Пашков выступает в этом повествовании как законченный злодей, давно помышлявший о смерти Аввакума. И одновременно Аввакум использует этот рассказ для создания атмосферы особого покровительства «божия», которым он, безоружный и беспомощный, пользовался во время этого путешествия. И снова — общественная поддержка: Пашков замышлял зло, а приказчик помог.

Из текста Прянишниковского списка выясняется, что именно Пашков, а не приказчик, снабдил Аввакума и его семью продовольствием: «Перемена ему пришла, и мне грамота пришла, а преже тово грамота пришла, и он от меня утаил, на Русь меня не отпустил, чаял меня прикончать. И злобящися на меня, оставил в Даурской земли, а сам поехал в Рускую землю, умышляя во уме: „Хотя, де, он после меня и поедет, инь, де, ево иноземцы убьют“. Но божим промыслом, на поезде с сердца дал мне с молоком корову, да овец, да коз стадо оставил. И жена моя корову доила с дочерью, а я с меньшим сыном, что мученик Мамаит козы дояще, и накопили на дорогу сыров, и насушили мяса коровья, и овечья, и козья. Он, Пашков, в дощаниках плыл с людьми и с ружьем. А я, спустя недель с десятков, ... набрав больных и старых и раненых...» и т. д. (325).

Этот рассказ, по-видимому, больше соответствует действительности и характеру воеводы Пашкова, и таким образом, непоследовательность Прянишниковского списка в изображении Пашкова — «документального» происхождения.

Для точно датированных редакций Жития Аввакума — А и В — можно отметить явную тенденцию усиления черт злодейства в облике Пашкова, его все более сильную «агиографическую» стилизацию. Так, в редакции В по сравнению с А, которая в общем совпадает с текстом Б, приведенным выше, есть новая подробность: Пашков не только «умышлял в уме», но, оказывается, и вслух говорил «на поезде»: «„здесь, де, земля не взяла, на дороге, де, вода, у меня приберет“. Среди моря бы велел с судна пехнуть, а сказал бы, бытто сам ввалился; того ради и сам я с ним не порадел» (В, 191). Аввакум, таким образом, в новой редакции (В) прямо инкриминировал Афанасию Пашкову угрозу убийства, о которой раньше в редакции А (и Б) ничего не писал. Здесь уже были неуместны воспоминания о том, что Пашков перед отъездом дал ему «с молоком корову, да овец, да коз стадо оставил». И фигура Пашкова — «доброхота», на долю которого теперь осталась только черная краска, была заменена приказчиком. Первоначальность Прянишниковского списка здесь налицо.

Но самые примечательные и важные отрывки Прянишниковского списка, которые, безусловно, отражают первоначальный текст Жития — это такие отрывки, где есть пояснения событиям, отсутствующие в других редакциях.

Так, во всех редакциях Жития Аввакум сообщал о своей отправке из Тобольска на Лену следующее: «... Посем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь

Никонову» (Б, сходно А и В). Но в рассказе о жизни в Тобольске он ничего не сообщал о своем обличении «Никоновой ереси». В Прянишниковском же списке сохранилась и начальная часть этих рассуждений Аввакума: «... В Тобольске жил полтора годы, у церкви проповедавая слово божие и ево Никонову обличая ересь... Егда же услышал Никон мое обличение о нем в Тобольске, что браню от писания и укоряю ересь ево, и посем пришел указ от Никона в Тобольск, велено меня вести на Лену» (317).

Еще более убедительный пример первоначальности Прянишниковского списка — описание в нем бунта горожан в Юрьевце-Повольском против протопопы, отличающееся от описания в трех других редакциях Жития. В редакции Б (сходно в А и В) читаем: «... государь меня велел поставить в Юрьевец в протопопы. И тут пожил немного, — только осмь недель: диявол научил попов и мужиков и баб, — пришли к патриархову приказу, где я духовныя дела делаю, и, вытаща меня ис приказу собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батошьем и топтали; и бабы были с рычагами... Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят...» (95).

Действительная мотивировка бунта в рассказе почти утрачена, только в конце появляется намек на причины возмущения: «Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят...». Но, может быть, те, которых он унимал от «блудни», только «вопят» сильнее других («наипаче же ... вопят»)? А основная причина — «диявол», который «научил мужиков и баб»?

Прянишниковский список сохранил объяснения истинных причин бунта: «... государь меня велел поставить в Юрьевец Повольской в протопопы. И по государеву указу велели духовныя патриарховы дела ведать, живучи у церкви. Аз же внимаю о исправлении людском; людие же одержими пьянством зело и исполнени блудных дел и убийства. Аз же, окаянный, учих словом божим, а не покаряющихся истинне и от блудных дел престати не хотящих воспящая смирением на дворе патриархове. Оне же рассвирепев, на мя собравшися, человек тысящи с полторы и больши, вытащили меня из патриарховы избы и били ослопьем и кинули замертво под избным углом. И помале приехал воевода, оттащил меня в дом мой, поставил и сторожу, — аз же отдохнув. Людие же ко двору приступают и по граду молва велика, наипаче же попы и жены, которых унимал от блудни, вопят...» (312—313).

Иногда Прянишниковский список сохранил лучший текст, испорченный в последующих редакциях Жития (даже в автографах!).⁴⁴

И в редакции А, и в В, и в Б содержится текст с явным пропуском: описывая обращение с челобитной к царю по поводу избрания патриарха в 1652 г. после смерти патриарха Иосифа, Аввакум сообщил: «Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита. А прежде сего приезде Стефан духовник моля бога и постясь седмицу з братьею, — и я с ними тут же, — о патриархе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице, — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам, и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал...» (А, 14). Так читается и в В, и в Б.

Заметна несогласованность текста: Стефан Волифатиев «молит бога» о патриархе, он же «з братьею» подает челобитную «о духовнике Стефане», и «он же не восхотел сам». Очевидно, что челобитная царю была

⁴⁴ Можно указать целый ряд пропусков и описок Аввакума и в автографе А, и в автографе В.

написана не им, и не от его имени, а кем-то вместе с митрополитом Корнилием. Разъясняет текст Прянишниковский список: «И во 160-м году изволением божим преставися Иосиф патриарх, и бысть на его место избрание. И духовник Стефан протопоп моля бога и постясь седмицу с братьею, — и аз с ними тут же, — о патриархе, да же даст бог доброму пастыря ко спасению душ наших на место Иосифа патриарха. Потом мы с митрополитом Казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали челобитну царю и царице о духовнике Стефане, чтобы ему быть в патриархах. Он же не восхоте сам, указал на Никона, Новгородскаго митрополита, понеже он обольстил святую душу ево, являясь ему яко ангел, а внутрь сый диявол. Протопоп же Стефан увеща царя и царицу да поставят Никона на Иосифово место. Царь же и послушал...» (313).

Этот текст не только обособляет Стефана Вонифатьева от писавших челобитную, сохраняя выпущенное впоследствии уточнение («Потом мы...»), но и объясняет причины, почему протопоп Стефан «указал на Никона». Как мы видели выше, стремление объяснить как раз сопутствует первоначальному тексту. Отметим к тому же, что Прянишниковский список сохраняет хронологическую последовательность сообщений: смерть патриарха Иосифа, молитвы о новом патриархе, сообщение о том, что Никон, на которого пал выбор, находится в это время на Соловках. Композиция этого отрывка в других редакциях иная: сначала сообщается о возвращении Никона, а уже потом, возвращаясь к предшествующему времени, Аввакум сообщает о молитвах, спорах и выборе кандидатуры нового патриарха. Следует обратить внимание на использование здесь своеобразных летописных формул в начальных фразах — указания точных дат: «И во 160-м году...», «Во 162-м году, в великий пост» и др. Эта летописная хроникальность не только соответствует общему принципу повествования в Прянишниковском списке — по событиям в их временной последовательности, но близка к первоначальному варианту Жития инока Епифания — его автобиографической записке (там читаем: «Во 153-м году...», «И во 162-м году...», «Во 173-м году»).⁴⁵

Кроме этого, основного слоя повествования, близкого, как отмечал уже В. И. Малышев, редакции Б,⁴⁶ Житие по Прянишниковскому списку обладает большим количеством новых «включений» в текст из других сочинений Аввакума. Главной особенностью Прянишниковского списка является использование автобиографических записок Аввакума и эпизодов из его биографии, известных по его письмам и посланиям. Однако можно ли считать эти записки чуждым Житию элементом повествования, позднее наслоившимся на основной текст Жития? Анализ текста и композиционной структуры повествования убеждает в том, что текст Прянишниковского списка — это попытка ввести автобиографические рассказы Аввакума, отдельно существующие, в общую систему повествования о жизни Аввакума. Иногда это удавалось (записка о возвращении с Мезени, или рассказ о видении, известный по пятой челобитной царю), а иногда текст попадал не на место (записка о последних увещаниях попала в текст, повествующий о событиях 1666 г., в то время как она описывает события июля 1667 г., непосредственно перед ссылкой Аввакума, и др.). Автобиографические записки писались Аввакумом сразу после важнейших событий его жизни,⁴⁷ включались иногда в его послания, не

⁴⁵ См.: Материалы для истории раскола, т. VII, стр. 53, 54, 58.

⁴⁶ Малышев. Заметка, стр. 384.

⁴⁷ См. об этом специальную статью: Н. С. Демкова. К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума. — ТОДРА, т. XXIV. Л., 1969, стр. 228—232.

дошедшие до нас, писались задолго до Жития (первые автобиографические записки Аввакума о событиях 1667 г. были использованы уже инок Авраамием в «Христоаноопасном щите веры», составленном в конце 1669 г.). Аввакум осознавал эти «записки» как особый жанр и не вводил их впоследствии в текст Жития, так как описания событий своей жизни в Житии он подчинил принципам не мемуарного, а сюжетного повествования. Но здесь, в Прянишниковском списке, замысел сюжетного контура Жития у Аввакума только намечался, и записки были включены в текст.

Житие в Прянишниковском списке было слегка обработано поздним редактором — ему принадлежит переделанное заглавие («Собрано вкратце...») и эпилог — сообщение о казни Аввакума в 1682 г. Высказывавшееся предположение об участии этого редактора в композиции самого текста — в использовании им текстов других старообрядческих писателей — Епифания, Федора, Авраамия — трудно доказать, так как хотя такие включения в тексте Прянишниковского списка и есть, но сделаны они настолько искусно, что нет оснований видеть в них следы позднейшей редакции XVIII в. «Составителем» мог вполне быть сам Аввакум (известны случаи использования Аввакумом в собственном тексте чужих сочинений).

К тому же ряд текстов сейчас еще и нельзя атрибутировать с несомненностью, так как другие писатели-старообрядцы сами могли использовать текст Аввакума.

При датировке редакции обратим внимание и на то, что хотя в Прянишниковском списке также упоминаются события 1672 г. (чудо с Лазарем, которому «по дву летех» всемилостивый господь паки дал язык совершенной»), но здесь же встречается и самая ранняя для Жития дата — 1669 г.: «Отселе стану сказывать верхи своим бедам, а о всех недостанет ми лета повествовати, колико случилось в 22 лета от буйх человек» (311). Известно, что конфликты Аввакума с «начальными людьми» и прихожанами начались в 1647 г., с событий 1647 г. Аввакум вел счет своим «бедам» и в первой челобитной Алексею Михайловичу.

Предположение о первоначальности текста редакции в Прянишниковском списке хорошо поддерживается текстологическими данными. Текст его наиболее близок редакции *Б* — первой из трех последующих редакций: в особом варианте редакции, в тексте *Б*₁, сохранилось даже начало, присущее только Прянишниковскому списку («Начало книги сея бытия...»). Это же заглавие Жития читается еще в одном тексте — в списке ГПБ, собр. А. А. Титова № 2670. Небольшой отрывок из вступления к Житию, сохранившийся в дефектном виде в списке конца XVII — начала XVIII в., оказался началом первоначальной редакции Жития: его текст соответствует источнику Прянишниковского списка и очень близок тексту архетипа редакции *Б*.

Сопоставление Прянишниковского списка с редакцией *Б* показывает, что текст редакции *Б* был качественно новым этапом в творческой истории Жития: весь материал жизнеописания Аввакума, раскрывающегося теперь в серии эпизодов-новелл, был подчинен не документально-историческим задачам, а задачам художественного повествования. Дополнительные рассказы — воспоминания Аввакума, организованные в цикле повестей о «бесноватых», теперь композиционно завершали его Житие. Однако уже первоначальная редакция Жития предполагала существование Жития Епифания: Прянишниковский список сохранил обращение к нему в конце Жития.

Все эти факты, вместе взятые, позволяют предположить в Прянишниковском списке начальный этап работы Аввакума над Житием.

Таким образом, в творческой истории Жития было несколько этапов: 1. Автобиографическое повествование в письмах, посланиях, записках (1664—1669 гг.).

2. Создание первоначальной редакции Жития, протографа Прянишниковского списка (1669—1672 гг.).

3. Создание качественно нового типа повествования Жития, где преобладают эпизоды-новеллы, — создание протографа редакции Б (1672 г.).

4. Стилистические варианты этого текста — сохранились в Б₁ и Б₂.

5. Создание текста Жития, помещенного в Дружининском Пустозерском сборнике, — создание редакции А (первая половина 1673 г.).

6. Создание текста Жития, помещенного в другом Пустозерском сборнике (сборник Заволоко), — создание редакции В (1675 г.).

Сопоставление всех четырех редакций Жития обнаруживает некоторую подвижность и изменчивость сюжетного контура памятника, который несколько менялся в связи с эволюцией автобиографического повествования Аввакума: он был лишь намечен в первоначальной редакции, представляющей собой переход от мемуарного повествования к сюжетному, в основном сформировался в редакции Б, наиболее законченный вид получил в редакции А и начал разрушаться в тексте В в связи с автобиографическим заданием редакции. Однако во всех редакциях есть общий слой эпизодов, составляющих основу построения сюжета Жития.

Рассказ Жития строится таким образом, что в центре повествования оказывается несколько узловых эпизодов-новелл (описание заключения в Андроньевом монастыре, спор с Афанасием Пашковым, диалог с Настасьей Марковной, сцена собора 1667 г. и др.), именно они несут основную смысловую и художественную нагрузку, являясь не только законченными повестями в составе Жития, но и существенными элементами единой идейно-художественной системы произведения, этапами в нравственном формировании личности героя Жития. Именно их совокупность создает определенную, Аввакумову «концепцию действительности».

Автобиографические фрагменты в письмах и посланиях
Автобиографические записки

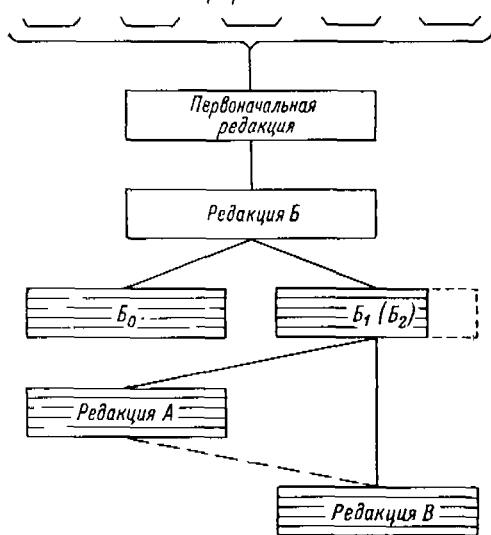

Схема взаимоотношений редакции «Жития» протопопа Аввакума

А. С. ДЕМИН

Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в.

Нет никаких сомнений, насколько велико было влияние так называемой деловой письменности на литературное творчество протопопа Аввакума. У этого крупнейшего писателя Древней Руси нет, пожалуй, ни одного произведения, так или иначе не связанного с традициями деловой письменности. Многообразие этих менявшихся традиций и их связей с литературой мы знаем еще очень плохо. Поэтому неудивительно, что большая тема — Аввакум и деловая письменность — до сих пор остается почти совершенно не изученной.

В данной статье речь пойдет лишь об одной традиции деловой письменности XVII в., использованной Аввакумом. Интереснейший материал для наблюдений содержится в его первой челобитной царю Алексею Михайловичу.

Первую челобитную, которая дошла до нас в автографе автора, протопоп Аввакум написал, как известно, весной 1664 г., вернувшись в Москву из сибирской ссылки. Патриарх Никон к этому времени уже отказался от патриаршества, и протопоп в челобитной пытался убедить царя отменить никоновские реформы. Кроме того, Аввакум ввел в челобитную большой рассказ о своих мучениях за веру, которые он терпел в течение двадцати лет от бывшего патриарха Никона, а в сибирской ссылке — от бесчеловечного воеводы Пашкова.

К первой челобитной приложен другой документ Аввакума, написанный его же рукой, — записка о мучениях и надругательствах Пашкова над другими людьми, кроме ссыльного протопопа. Если последовательно проследить, что говорится о Пашкове в челобитной и записке, то создается впечатление, словно о Пашкове рассказывает не один Аввакум, а несколько разных авторов, каждый со своей точки зрения. Разберем подробнее это явление и его истоки.

В челобитной Аввакум повествует царю о своих муках, «обливаясь многими слезами»;¹ восклицания, эмоциональные эпитеты, уменьшительные существительные, повторы и прочий арсенал средств, выражающий взволнованность и возмущение челобитчика, употребляется почти непрерывно. «Увы, души моей бедной!.. во одиннатцеть лет на хрепте моем делаща язв незаконнии за имя Христово... на пути постигоша мя вся злая. По лицу грешному воевода бил своими руками... везено с собою в запас хлепча, и тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял... У меня же,

¹ Памятники истории старообрядчества XVII в., вып. 1. — РИБ, т. 39, Л., 1927, столб. 725. Далее столбцы указываются в скобках.

грешника, в той нужде умерли два сына...» (724—727). Это один облик Аввакума в челобитной.

Но в конце челобитной вслед за просьбой наказать Пашкова («А время ему и постричься, даже вперед не губит, на воеводствах живучи, христианства») следует «слезная», теперь уже защитительная речь Аввакума к царю о снисхождении к тяжко провинившемуся воеводе: «Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мьстити. И паки тебе, государю, глаголюю, слезы от очию моею испущая: не вели ему мьстити!... Аще стропотное, но мое он чадо, Афонасей Пашков, — и чадо мое, и брат мне по благодати... Аще и досаждают, но любовью их нам примати. Помилуй, государь царь православной, не оскорби бедную мою душу: не вели, государь, ему, Афонасью, мьстити своим праведным гневом царьским; но възыщи ево, яко Христос, заблуждшее овча, Адама. Твое бо, света, миловати и спасати всегда, и ныше, и присно, и до копчины» (730). Это уже иной облик протопopa.

Далее в записке, приложенной к челобитной, рассказ о Пашкове продолжается, но таким канцелярским языком, выделяющимся на фоне предыдущего повествования, словно о Пашкове пишет не страдавший от него человек, а некое «третье», приказное лицо, которое прежде всего печется о государственной казне и с необходимыми подробностями и цифрами сообщает царю об установленных фактах ее «протори»: «Да он же, Афонасей, увез из Острошков от Лариона Толбозина троих аманатов: Гаврилка, Алешку, Андрюшку. Да он же увез 19 человек ясырю у казаков: Бакулайко, да две ево дочери — имен их не помню — Марица, Анютка, две Овдотицы, четыре Маринки, две Палашки, и третья Овдотица ж, три Анютки ж, Офроска з братом с Ывашком. И те все люди у него. А та земляца без аманатав и досталь запустела, государевым людям быть не у чево, лише государеве казне напрасная проторь» (701—702). Таков третий облик автора.

После канцелярского донесения Аввакум во второй половине записки вновь возвращается к более эмоциональному тону изложения; но теперь перед царем предстает не страдалец за веру, а лишь свидетель злодеяний Пашкова, очевидец, с умеренной жалостью к жертвам рассказывающий о тех надругательствах над людьми, которые сам видел, но сам им не подвергался: «И он, Афонасей, ево, Иякова, за то, бив кнутом, жжег до смерти. И к моему, протопопову, зимовью мертвого кинул под окошко... А иных двух человек повесил, ей, безвинно... А иные ево, Афонасьевы, ругательства сказат странно и страшно: при смерти их и причащат мне не давал...» (702—704).

В целом получается, что Аввакум показывает деяния одного и того же преступника с четырех дополняющих друг друга точек зрения: жертвы, защитника, канцеляриста и свидетеля.

Тексты с разными точками зрения одного автора на одного и того же человека оказываются в соседстве в основном благодаря тому, что Аввакум к своей челобитной приложил записку о Пашкове. Действительно, без добавления записки не произошло бы изменения стилистического облика автора, рассказывающего о безжалостном воеводе то как бывший ссыльный, то как посторонний канцелярист. Но записка была добавлена совсем не для того, чтобы так сказать «рельефно» обрисовать фигуру злодея. Предположить это можно было бы, например, если бы челобитная с запиской ясно выражали стремление протопopa инсценировать воображаемый судебный процесс над Пашковым, где судьей мыслится царь, а функции истца, защитника, официального докладчика и привлеченного по делу свидетеля одновременно выполнял Аввакум.

Но такого намерения у Аввакума совершенно не заметно. Факты, приведенные в записке, помогали лишь полнее обосновать виновность воеводы.

То, что, добавляя записку, Аввакум не ставил перед собой цели создать литературный, «многоплановый» рассказ о жестоком начальнике, видно по тому, как разрозненные сведения о Пашкове, как, встречаясь в трех разных местах, они отделены друг от друга текстом иного содержания и занимают подчиненное место в общем ходе изложения. Так, свидетельства о жестокостях воеводы являются частью относительно цельного и самостоятельного рассказа Аввакума «о своих бедах и напастьях», четко выделяющегося в составе челобитной, или служат дополнением к нему. К иной теме отнесется просьба протопопа к царю о разрешении постричь воеводу Пашкова, не наказывая его более жестоко. Она примыкает — также лишь в качестве добавочной — к основной просьбе Аввакума в челобитной: «... а время отложит служебники новые и все его, Никоновы, затейки дурные!» (729).

Кроме того, тексты челобитной и записки, характеризующие даурского воеводу, стилистически различаются не настолько резко и последовательно, чтобы Аввакуму в данном случае можно было приписать сознательную «игру стилями». Этого здесь не ценили ни сам Аввакум, ни его читатели. Недаром в следующих редакциях первой челобитной записка о Пашкове была без жалости отброшена и пропал весь возможный эффект «многоплановости».²

Но почему Аввакум не осознавал того, что казалось бы было перед его глазами? Почему он ставил целью добавление лишь голых фактов там, где мы склонны связать все в единое повествование? Объяснение этому надо искать в одной неизученной традиции деловой письменности XVII в., которую Аввакум в данном случае использовал.

До сих пор записка о Пашкове рассматривалась исследователями как документ, в известной мере случайно присоединенный Аввакумом к первой челобитной. В изданиях сочинений Аввакума записку то издают отдельно от первой челобитной, то вместе, то вообще опускают. Отношение к записке как к «случайному» документу при первой челобитной осо-

² В записке в тесном соседстве находятся тексты, рассказывающие о Пашкове то с точки зрения служилого человека, производящего ревизию, то с точки зрения частного свидетеля. Но и это соседство не отражает стремления Аввакума связать в изложении разные точки зрения на человека. Можно заметить, что первая половина записки напоминает в сущности пересказ Аввакумом «чужой» челобитной. Перечисляя несправедливости Пашкова по отношению к «иноземцам», Аввакум как бы пересказывает челобитную «иноземцев», сохраняя некоторые специфически челобитные формулы и выражения: «... и оне и по се время, плачючи живут, мучася у него во дворе, пособи себе не могут. А бьют челом великому государю, чтобы их свободил от порабощения и пожаловал в свой чин государев» (701). В деловой письменности «чужие» документы пересказываются другим автором обычно «холоднее», чем они написаны. Нетрудно убедиться в этом на множестве примеров, в том числе на примере пересказа первой челобитной Аввакума в челобитной царю Ивана Геронова в том же 1664 г. (Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. I. М., 1875, стр. 200—201. Далее: Материалы раскола), или на примере пересказа записки Аввакума о том, как постились пустозерские узники (719; пересказ предшествует самой записке). Отсюда понятно, почему, рассказывая о мытарствах «иноземцев», Аввакум в записке меняет тон повествования на более сухой, канцелярский.

В некоторой степени аналогичное изменение тона встречается во второй челобитной Аввакума царю 1664 г. Протопоп сообщает о «содомском» преступлении архимандрита «греченина» Дионисия и требует разбора этого преступления. В обычном эмоциональном тоне протопоп называет Дионисия «заворным человеком» и возмущенно вопрошает царя: «Мала ли беда, содомская сия скверна, во святыхиши содеяна?» (751). Но непосредственно о самом преступлении Аввакум упоминает сухо, потому что, по-видимому, пересказывает факты из письма некоего отрока: «... прилучися ему (Дионисию) и во алтари скверну деяти со отроком, облекши детище во святительския ризы и во амфор. И те вины детищ написаны дал...» (751).

бенно ясно отразилось в наиболее полном издании сочинений Аввакума — в 39-м томе Русской исторической библиотеки. Обычно послания и письма издаются здесь в составе тех произведений Аввакума, к которым они были приложены или с которыми были посланы. Например, ряд писем и посланий к боярыне Морозовой, кн. Урусовой и Даниловой, а также послание «ко всем горемыкам» и поучительные «ответы» протопопа по церковнослужебным вопросам, — все эти произведения, столь отличные от «Книги бесед», издаются вместе с «Книгой бесед», с которой они в свое время были посланы в качестве приложения (393—424). Что же касается первой челобитной, то, вопреки принятому в РИБ правилу, записка, подклеенная Аввакумом к первой челобитной, издается отдельно, в другом разделе книги, как самостоятельное произведение.³

В том, что такое разъединение неправильно и что первая челобитная и записка о Пашкове объединены Аввакумом не по случайной прихоти, убеждает широко распространенная в деловой письменности XVII в. традиция приложений.

Прежде всего необходимо различать разные традиции приложений и дополнений, существовавшие в разных жанрах древнерусской деловой письменности. Например, в частных письмах и посланиях второй половины XVI—XVII в. повсеместно была распространена непринужденная манера добавлять к уже законченному письму забытые ранее краткие замечания, поручения, сведения и пр., так и оставляя их вне основного текста. Аввакум тоже следует этой удобной традиции почти во всех своих многочисленных письмах, начиная с самого раннего известного нам письма 1653 г. к И. Неронову: «... со всеми нами во веки аминь. А пишущие, сказывают, от тебя ко мне пришло, да ко мне не дошло. А дом твой ни то, ни сё, без меня и пуши пропал: сказывают, пьянствуют да бранятся. А жена моя потерпела, да и з двора збежала. А братья разбрелся вся. А подголовок и ныне в церкви, неведомо цел, неведомо нет, а ключ у мня лежит».⁴

К иной традиции у протопопа Аввакума восходят добавления в посланиях церковно-поучительного содержания. Здесь основной, резюмирующий совет или наставление для большей выразительности иногда может переноситься за концовку послания. Например, в послании «рабом Христовым» 1660-х годов, в котором протопоп учит братию, как подбает бороться против никонианского учения и соблюдать в чистоте правую веру, заключительное, обобщающее наставление следует не перед, а после концовки послания: «Посем прости. Мир ти и благословение, и всем верным о Христе любовное целование и поклон от всех. Аминь. Не могу много говорить; одно говорю: не можешь ли явно воинствовати Христу и последовати по нем, яко апостол Петр и прочии мученицы: и ты буди яко тайный ученик Никодим жидовский, — в день со архиереи в соборе жидовском, а в нощи прииде ко Иисусу научитися истинне...» (828—830). Перенос завершающего совета или нравоучения за концовку относится к традициям поучительных посланий от духовных лиц и нередко встречается, например, в писаниях патриарха Никона.⁵

³ Отношение к записке как к «случайному» документу отразилось и в издании сочинений Аввакума Н. К. Гудзисом, который издал первую челобитную вообще без записки о Пашкове. См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарий Н. К. Гудзия. Academia, [М., 1934], стр. 279—287.

⁴ Материалы раскола, т. 1, стр. 26.

⁵ Ср., например, челобитную Никона царю 1663 г. (Н. Гиббенет. Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. 2. СПб., 1884, стр. 591 Далее Гиббенет. Историческое исследование).

Но записка о Пашкове, приложенная к первой челобитной Аввакума, ведет к традициям официальной деловой письменности, а именно к традиции приложения цельного документа к документу. Приложение документа к документу казалось бы существовало «вечно», с тех пор как возникла деловая письменность. Однако традиция приложения документа к документу в русской деловой письменности появилась лишь со Смутного времени, с самого конца XVI—начала XVII в., а ранее ее у нас не было. Проследим историю ее развития вплоть до Аввакума.

С начала 1600-х годов разнообразные документы в качестве приложений часто стали добавляться, подклеиваться к отпискам — этому новому документальному жанру, сформировавшемуся в Смутное время. Пишут ли устюжане вычегодцам, или нижегородцы вологжанам, или вологодский воевода пермскому воеводе, — постоянно к их отпискам — для пояснения и дополнения сообщений о ходе событий, для обоснования призывов бороться с иноземными оккупантами — подклеиваются прилагаемые отписки, челобитные, письма, распросные речи, грамоты, крестоцеловальные записи, воззвания, списки переговоров и т. д. и т. п.

Прилагасмый документ не являлся повествовательным продолжением главного документа. Роль приложения заключалась в том, чтобы добавить факты и сведения, степень авторитетности которых подчеркивалась формой прилагаемого документа. В отличие от «дела», где многочисленные самостоятельные документы, подклеенные в один столбец, тоже не составляют единого повествования, приложение документа к документу имело свои особенности: обычно прилагается один, редко два документа (и очень редко несколько приложений) и о прилагаемом документе обязательно предупреждается в конце главного документа.

Например, архангелогородский воевода Юрий Буйносов сообщает царю в своей отписке 1647 г. о том, по каким причинам, по чьему велению и как построили в Архангельске каменную палатку для пороховой казны. К отписке приложена «роспись» этой палатки, о чем воевода и предупреждает в конце отписки: «А какова, государь, ныне в Архангельском городе под твою государеву зеленую казну полата сделана совсем наготово, и что каких заводов и снастей в остатке и тому, государь, роспись под сею отпискою послали к тебе, государю. . .»⁶

Приведенное сочетание документов отличается от того, что приложено к челобитной Аввакума. Но мы не случайно привели в пример отписку 1640-х годов с «росписью». По нашим наблюдениям, с 1640-х годов наиболее частым приложением к воеводским отпискам становятся «росписи» хозяйственного содержания, т. е. перечни необходимых или имеющихся в наличии вещей, материалов, людей и т. п.

Однако если в конце XVI—начале XVII в. документы прилагались в основном к отпискам и в единичных случаях к царским и патриаршим грамотам,⁷ то затем традиция приложений (в той же функции: не для продолжения изложения, а для добавления фактов) распространяется и на иные виды публичных актов — наказания, памяти, справки и др.,⁸ а со второй половины—конца 1640-х годов документальные приложения появляются и у челобитных и сопровождаются такими же обязательными предупреждениями, какое было нормой для отписок. Приложения к челобитным в данном случае интересуют нас больше всего.

⁶ ДАИ, т. 3, СПб., 1848, № 31, стр. 112—113.

⁷ См., например, ААЭ, т. 2, СПб., 1836, №№ 1, 48, 67, 81; РИБ, т. 2, СПб., 1875, № 60.

⁸ Например, ДАИ, т. 3, №№ 65, 74; РИБ, т. 29, СПб., 1913, стр. 127.

Так, к челобитной 1651 г. ленских служилых людей царю прилагается послушной список, о чем и указывается в конце челобитной: «... и кто тебе, государю, на тех приступех служили...», а иных испереранили... и в которые места, и тому имена в послужном списке под сею челобитною за нашими руками». ⁹ К челобитной бывшего патриарха Никона царю 1666 г. прилагаются распросные речи. Сообщая о приложении, Никон — и это примечательно — называет свою челобитную отпиской: «... и с того ево письма и с роспросных речей списав список, послал я, богомолец твой, к тебе, великому государю, под сею отпискою». ¹⁰ Примечательно также, что к челобитным, как и к отпискам, особенно часто прилагаются «росписи». ¹¹ Теперь мы подходим к примерам, близким записке, приложенной к аввакумовской челобитной.

К воеводским отпискам и царским грамотам мог быть приложен практически любой официальный документ, в том числе грамоты и отписки. К челобитным же, а тем более к посланиям и письмам, грамоты и отписки, как правило, не прилагались. Круг официальных документов, которые могли быть приложены к челобитным, был явно сужен. Для писем же правилом было вообще отсутствие документальных приложений. ¹²

В соответствии с этой иерархией приложений, к челобитным в отличие от отписок могли прилагаться документы менее официального характера, отличавшиеся большей субъективностью повествования и меньшей установленностью жанровых признаков: «росписи вин» или «росписи улик», не имеющие какой-либо строго установленной формы изложения. Примером челобитной, к которой приложена большая «роспись улик», может служить челобитная царю соловецкого архимандрита Варфоломея 1666 года. Архимандрит прилагает к челобитной список неблаговидных и уголовно наказуемых поступков семи соловецких старцев. Например, «Улики на старца Герасима Фирсова», раскольничьего публициста: «Он же, старец Герасим, у старца своего Исаяи украл денег сто двадцать рублей... Он же, Герасим Фирсов, украл у брата своего келейного, у старца Нектарья, денег семдесят рублей... Он же, Герасим, ... рыбу продавал без монастырского указу... Да он же... дважды обманул болничного старца Меркурья слепово», и т. д. и т. п. ¹³

Записка Аввакума, приложенная к первой челобитной, отчасти напоминает «роспись вин» специфической «перечневатостью» изложения: «... Да он же, Афонасей, увез из Острошков от Лариона Толбозина троих аманатов... Да он же увез 19 человек ясырю у казаков... Да он же, Офонасей, государевых служилых двух человек взял во двор к себе силою... Да он жо, Афонасей... переморил болши пяти сот человек го-

⁹ ДАИ, т. 3, № 87, стр. 321.

¹⁰ Гиббенет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 971.

¹¹ Один из ранних примеров: челобитная царю старосты московской суконной сотни 1649 г. — ДАИ, т. 3, № 47, стр. 156.

¹² Если возникала нужда добавить к письму, например, челобитную, то добавлялась не сама челобитная, а лишь ее изложение. Так, Иван Неронов, закончив письмо к Стефану Вонифатьеву 1654 г. («Прочее же кождо вас обымая, целуя»), добавляет послание или челобитную, которую он хотел бы подать царю через Стефана; но не непосредственно ее текст, а ее изложение: «Болезнь же сердца моего возвести государю-царю, что верую в господа Исуса Христа, и во истину равноапостолу. Рцы ему, государю: Иоанн протопоп скорби на тя не имать, но церковь. Внимай, государь, полно спать! Аще и аз милости не получих: поне братия; ако да долголетен будещи на земли. Прости, молюся, Христа ради... Прочее же воля господня да будет» (Материалы раскола, т. 1, стр. 104). Характерно, как Неронов переходит к прямым обращениям к царю, хотя пишет к Стефану.

¹³ Материалы раскола, т. 3. М., 1878, стр. 85 и сл.

лодную смертью... Да он же, Афонасей Пашков, двух человек... бил кнутом» и т. д. (701—702). Но на этом аналогии не кончаются.

К челобитным в отличие от отписок могли прилагать и документы явно не официальные — так называемые записки. Трудно выделить четкие жанровые признаки записок, которые как самостоятельный вид документов начали употребляться поздно, по-видимому со второй трети XVII в., и жанрово не успели оформиться. Можно лишь заметить, что записка — это не нормативная, а повествовательная запись «для памяти» или «для вестей», нередко от имени частного лица или же безымянная, рассказывающая о событиях в приблизительном хронологическом порядке и обычно начинающаяся с обозначения даты («В таком-то году, месяца такого-то, в такой-то день...»). Записки обычно не имеют особого заглавия, одиночные их названия неустойчивы (иногда «список со списка», иногда «записка», иногда, если писано с Украины, — «вестовое письмо»), но, пожалуй, чаще записку называют «росписью».¹⁴

Записки, прилагаемые к документам, также не продолжают изложения главного документа, а предназначаются для добавления фактов. От жанра прилагаемого документа зависит степень авторитетности, официальной подтвержденности добавляемых фактов, и записка в этом отношении наименее официальна.

Один из ранних примеров использования записки в качестве приложения находим в послании протопопа Ивана Неронова царю 1653 г. Оправдываясь перед царем, сосланный Неронов подробно вспоминает, о чем у него был разговор с патриархом Никоном, и свою записку об этих «речах» прилагает к посланию. Предупреждая в конце послания о приложенной записке («А что моих словес с ним, государем святителем, было, написах вкратце и послал к тебе, государю царю благочестивому»), Неронов называет ее «росписью», хотя на «роспись» эта записка совершенно не похожа, повествуя об участии Неронова в споре между Никоном и протопопом Логгином: «Бысть, государь, собрание нынешняго времени, июля месяца у отцначальника в крестовой первой...». И далее следует рассказ о том, что сказал Логгин, что ему отвечали в крестовой палате, что отвечал Логгин, что сделал Никон и т. д.¹⁵

Аналогичный случай встречаем в первой челобитной протопопа Аввакума. Приложение к первой челобитной удачно назвал запиской Н. Субботин, в 1879 г. впервые издавший собрание сочинений Аввакума.¹⁶ И действительно, как обычно для записок, записка о Пашкове не имеет особого заглавия, начинается с даты («В 169 году Афонасей Пашков увез из Даур Никанск земли два иноземца...») и повествует в относительно хронологическом порядке о злоупотреблениях Пашкова сначала на пути в Даурию, затем в самой Даурии.

Итак, приложение записки к первой челобитной Аввакума — явление не единичное; протопоп следовал традиции приложений, уже более по-

¹⁴ «Списком со списка» названа записка 1654 г. некоего Акима Недовескова о том, «отчево на Городецке почался мор» (Гиббснет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 484—485); «запиской» и «запиской о встях» называются записки дьяков 1648—1649 гг. о казацкой войне в Польше (АЮЗР, т. 3, СПб, 1861, № 243, стр. 278; № 301, стр. 392); «вестовым письмом» названа записка подьячего о виденном и слышанном на Украине в 1651 г. (АЮЗР, т. 3, № 328, стр. 465); «росписью» названа записка конца 1665—начала 1666 г. подьяка Федора Трофимова: «Роспись, за что я, Фетка, Никона патриарха и учеников его еретиками и отступниками называл и называю». Но это типичная записка, что видно по ее началу. «В 165-м году был, я Фетка, у нево, Никона... И в то время пришло к нему дьяк ево Иван Кокошилов, и он с ними говорил от книг многия речи» (Материалы раскола, т. 4. М., 1848, стр. 285).

¹⁵ Материалы раскола, т. 1, стр. 40 и сл.

¹⁶ Материалы раскола, т. 5. М., 1879, стр. 133.

лувека бытовавшей в русской деловой письменности и предназначавшейся не для продолжения изложения одного документа другим, а для добавления документально засвидетельствованных фактов и сведений, которых по каким-либо соображениям нельзя было включить в основной документ. Отсюда понятно, почему Аввакум рассматривал свою записку не как повествовательное продолжение челобитной, а как фактографическое дополнение к ней.¹⁷

Традиция приложений явно наталкивала авторов на «многоплановое» изображение человека или событий, но одновременно мешала этому тем, что приложение и основной документ не мыслились как единый повествовательный комплекс. Так получилось, например, задолго до Аввакума, в «Сказании известном» 1619 г. о поставлении русского патриарха Филарета Никитича.

К «Сказанию» — с соответствующим предупреждением — приложена благословенная грамота иерусалимского патриарха Феофана, рассказывающая частично о тех же фактах, что и «Сказание». Но если о возвращении Филарета из польского плена и о его избрании патриархом «Сказание» повествует в торжественном, официально-безличном тоне (Филарета «царь Михаил срет далече от царствующего града... течаху вси, на лицо сего зряше с радостию...», Феофан собирает митрополитов, чтобы уговорить Филарета согласиться быть избранным в патриархи: «И сих ради святейший патриарх Иеросалима града совет составляет с преосвященными митрополиты...» и т. д.¹⁸), то о том же Феофан в своей грамоте вспоминает в торжественном, но более живом тоне очевидца и непосредственного участника событий, который шел в толпе встречавших и беседовал с Филаретом лицом к лицу («Ему же в сретение изыде благочестивый и святопомазанный царь, того сын, и вси людие... с толикою радостию, якоже слышах и зрех... Его же и очима моима видех, и видев и возрадовахся, к нему же и беседовах и пржебывших тому скорбий; также помалу разсмотрех мужа... начах молити оного к восприятию патриаршества...»)¹⁹.

Но совершенно ясно, что составители «Сказания» не стремились разносторонне, под разными «углами зрения» показать избрание русского патриарха. Соответствующие места в «Сказании» и грамоте никак не связаны. Грамота Феофана нужна была составителям не как продолжение или дополнение повествования «Сказания», а скорее лишь как торжественное, официальное заверение или подтверждение всего изложенного

¹⁷ В первой челобитной Аввакума нет обычного предупреждения о приложении. Это отступление от нормы вполне согласуется с состоянием традиции приложений в деловой письменности 1660-х годов. В челобитных и посланиях этого времени предупреждают о приложениях далеко не всегда; особенно часто не предупреждают в тех случаях, когда прилагаются «росписи вин» или «записки», писанные лицами, не имеющими официального положения, опальными, заключенными, ссыльными. Например, отсутствует предупреждение о «Росписи уликама на черного дьякона на Агафатгела грека», которая приложена заключенным в тюрьму дьяконом Моисеем к его челобитной царю 1666 г. по поводу пересмотра наказания (Гиббенет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 787—792). Нет предупреждения о приложении в челобитной Ивана Неронова 1667 г. вселенским патриархам, которая вместе с запиской о Никоне была послана Нероновым из заключения, из Спасокаменного монастыря (Материалы раскола, т. 1, стр. 233 и сл.). Нет предупреждения о приложенных «речах» Никона и в челобитной царю бывшего строителя Воскресенского монастыря Аарона, посланной в 1663 г. вместе с запиской из Боявленского монастыря, куда был заточен Аарон (Гиббенет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 640). Неудивительно, что и у Аввакума, только что вернувшегося из ссылки и не занимавшего никакого официального положения, тоже нет предупреждения о приложении записки к первой челобитной.

¹⁸ ДАИ, т. 2, СПб., 1846, № 76; стр. 199—200.

¹⁹ ДАИ, т. 2, стр. 204.

в «Сказании» об избрании Филарета. Недаром, предупреждая о приложении, составители «Сказания» подчеркнули роскошный внешний вид грамоты Феофана — «на хартии написану златом и червлеными шарми...».²⁰ Получившийся же элемент «многоплановости» остался совершенно неосознанным.

Отношение к приложениям только как к справочно-обосновательному материалу до конца XVII в. мешало авторам заметить возникающую у них «многоплановость» изложения, какие бы разные авторские точки зрения на события и как бы тесно ни соседствовали. Это хорошо видно в некоторых житиях второй половины XVII в., на которые распространилась традиция документальных приложений. Например, в одном из соловецких сборников житий к повествованию о чудесах Ивана и Логгина Яренгских приложено много крестьянских распросных речей 1624 г., не только пополняющих сведения о чудесах святых, но вносящих в житийный тон рассказа о чудесах деловой стиль приложенных записей высказываний очевидцев и свидетелей.²¹ Однако подобный эффект в то время не был осознан.

В том же сборнике помещено житие Германа Соловецкого с приложением разных документов, в том числе копии грамоты 1690 г. холмогорского архиепископа Афанасия, отражающей более сдержанный, чем в житии, даже несколько скептический взгляд Афанасия на степень святости Германа, которого соловецкие монахи просили канонизировать как святого.²² Приложенные документы используются лишь для того, чтобы показать ход рассмотрения дела о полагающихся Герману церковных службах — и только.

Но в рассматриваемой традиции довольно рано, хотя и медленно, стали развиваться тенденции к повествовательной связи приложения с основным произведением, к объединению их в единое повествование. Заметный шаг к этому был сделан примерно в 1640-х годах, когда в качестве приложений особенно часто стали добавлять «росписи», а затем и «росписи вин» и записки, т. е. документы, составленные обычно в одно и то же время и одним и тем же автором, что и основной документ, а своей неопределенной документальной формой (особенно записки) не так резко отличавшиеся от формы повествования основного документа. С отражением этого явления мы как раз и встречаемся в первой челобитной Аввакума и приложенной к ней записке о Пашкове.

Почему же Аввакум, несмотря на сравнительно тесное соседство текстов с разным обликом авторов, рассказывающих о Пашкове, и несмотря на начавшееся преодоление оторванности приложения от основного повествования, так и не заметил получившейся у него «многоплановости» изложения в целом? Несомненно потому, что тенденция к повествовательному объединению проявилась еще слишком слабо и формально.

В дальнейшем тенденция к более тесной связи приложения с основным текстом усиливается.²³ Однако только лишь в конце XVII в. в не-

²⁰ ДАИ, т. 2, стр. 202—203.

²¹ ГПБ, Соловецкое собрание, № 182, лл. 126—141 об.

²² ГПБ, Соловецкое собрание, № 182, лл. 14—16. — Ср., например, как в 1648—середине 1650-х годов, составляя житие троице-сергиева архимандрита Дионисия, Симон Азарьин лишь для полноты сведений о преподобном прибавил несколько документов в качестве приложения: послание-записку Ивана Наседки, речи Дионисия, послания восточных патриархов и пр., которые с разных точек зрения касаются личности Дионисия. — См. в кн.: В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 352—353.

²³ Например, в пятой челобитной Аввакума, написанной через несколько лет после первой, в 1669 г., отражается процесс формального превращения самостоятельного документа — приложения в обычное эпистолярное добавление, естественно продолжающее

которых документально-исторических и летописных сочинениях и компиляциях можно отметить слабые литературные результаты развития данной тенденции, выражающиеся в том, что прилагаемые документы могут получать особые смысловые оттенки благодаря тесной связи с текстом основного произведения.²⁴ Этим отличаются, кстати, самые «сухие» документы среди приложений — «росписи».

Существует, например, записка о польском походе Алексея Михайловича в 1655 г. с приложенной росписью покоренных царем городов.²⁵ В одном из более поздних списков этой записки, относящемся к 1680-м годам и до сих пор не опубликованном,²⁶ прилагаемая роспись городов звучит более торжественно, так как настраивающие на торжественное восприятие слова специально добавлены в этом списке в заглавие

повествование основного документа. К основному тексту пятой челобитной, разбирающей вопросы веры и отношение царя к раскольникам, добавлено три больших рассказа о видениях Аввакума — для подтверждения его правоты перед Алексеем Михайловичем. Если два рассказа являются добавлениями эпистолярного характера, то один рассказ (о видении Аввакума, будто его тело распространилось и охватило весь мир) имеет стертые черты как бы отдельного документального приложения. У него особое вступление — заглавие («царь-государь Алексей Михайлович, — начинает рассказ Аввакум, — хочу тебе сказать, яко мнит ми ся, не коснит господь о кончине моей... Послушай, державне, побеседую ти яко, лицом к лицу», — 763); рассказ начинается с даты, напоминая о начальной формуле записок («Нынешняя 177 году в великий пост, на первой неделе по обычаю моему хлеба не ядох в понеделник...»), в то время как рассказ о другом видении начинается в более обычной манере («Некогда мне молящуся...», — 761). Соответственно различается и дальнейшее повествование в обоих рассказах. Если в одном Аввакум говорит о своем состоянии перед видением в высоком стиле («... и от труда своего аз многогрешный падох на лица своем, плакахся и рыдая горко, и туги великия забыхся»), то о том же в интересующем нас рассказе сообщается в конкретно-документальном плане («в пяток же... прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы мои розбило з дрожи... прости, царю, за невежество мое, от дрожи тоя нападе на мя мыт», т. е. понос, и т. д., — 763). В остальном же рассказ ничем не отличается от эпистолярного добавления.

²⁴ Литературные черты в самих прилагаемых документах, вне связи их с основным произведением, встречаются, конечно, раньше, в особенности примерно со второй четверти XVII в., когда приложения стали добавлять иногда не столько со справочно-обосновательной целью, сколько ради интересных для читателя сведений или выразительных деталей. Например, к известной Повести кн. Катырева-Ростовского 1626 г. автор приложил нечто вроде любопытной «росписи» русских царей под названием «Написание вкратце о царех московских, о образех их, и о возрасте, и о нравех» (РИБ, т. 13, СПб., 1909, стлб. 619—622). Примечательно, что Катырев-Ростовский, в свое время служивший тобольским воеводой, по-видимому, хорошо знал традицию документальных приложений к воеводским отпискам. (За указание сведений о тобольском воеводстве Катырева приношу благодарность Е. К. Ромодановской). Другие примеры: к «Повести о писании известном» 1647 г. о сватовстве датского королевича Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича Ирине приложен «Летописец и родословец вкратце. Почему блаженный памяти царь и государь и великий князь Михаил Феодорович всяя Руссии самодержецу имался внук царю Иоанну Василиевичу всяя Русии» (А. Голубцов. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. — ЧОИДР, 1892, кн. 2, отд. II, № 1, стр. 21—22). К Посланию 1652 г. царя Алексея Михайловича Никону приложен статейный список Алексея о смерти патриарха Иосифа, изобилующий чрезвычайно выразительными, иногда даже натуралистическими наблюдениями царя над тем, как болен и умер Иосиф (ААЭ, т. 4, СПб., 1836, № 57, стр. 77—87). В Хронографе 1679 г. к статье о моровом поветрии в Москве в 7162 г. приложена отписка царю о несчастье, добавляющая наглядные детали: «... мертвых телеса во граде и за градом лежат псы влачимаы... и ямы копать некому... А приказы, государь, все заперты...» и т. п. (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 282). К некоторым спискам конца XVII—нач. XVIII в. Повести о зачале Москвы прибавлены сообщения о надписях на Спасских воротах Кремля (Повести о начале Москвы. Исследования и подготовка текстов М. А. Салминой. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 180, сноска V, 2; стр. 187).

²⁵ Издана по списку из архива Ф. Волконского в ААЭ, т. 4, № 89, стр. 129.

²⁶ ГПБ, Погод. собр., № 1403, л. 655.

росписи: «Роспись городом которые имал ... Алексей Михайлович... своим походом и царским величеством и счастьем и грозюю».

Иногда авторы добиваются особой значительности росписи за счет контекста произведения, к которому роспись приложена. Например, в летописи Двинской в списке конца XVII—начала XVIII в. к статье под 1691 г. об освящении соборной Преображенской церкви на Холмогорах приложена хозяйственная «смета» — «Сколько же к тому строению принято... припасов и что куплено... и по какой цене...».²⁷ Но это не простая, а, так сказать, торжественная роспись, рассчитанная на то, чтобы произвести впечатление на читателя сведениями о количестве затраченных средств. Пусть этих средств затрачено относительно и не так много, но в тексте перед «сметой» летописец постоянно подчеркивает исключительность мероприятия: подробно говорит о ходе строительства, высчитывает с точностью вплоть до одного дня, сколько времени строили церковь, перечисляет ее особые признаки («...каменная, первая, самим создателем преосвященным Афанасием архиепископом» освященная), указывает подробно ценности, в ней хранящиеся. На этом фоне «смета» — очень подробный перечень количества железа, кирпичей, извести и пр. — приобретает особую значительность.

Сходный эффект находим в одном из списков «поэтической» Повести об Азовском осадном сидении (БАН.32.11.7), в котором после слов, заканчивающих повесть, — «Будет во веки славна лавра Предтечева» — добавлена роспись: «И после тех же атаманов и казаков, что им надобно в Азов для осадного сидения: 10 000 людей, 50 000 всякого запаса, 20 000 пуд зелья, 10 000 мушкетов, а денег на то на все надобно 221 000 рублей».²⁸ Но на фоне фантастических цифр повести и эта роспись выглядит фантастической.

Своеобразное осмысление получает роспись в одной летописной записке конца XVII в. о стрельцком бунте.²⁹ К статье под 19 мая 1682 г., рассказывающей о судьбе К. П. Нарышкина, приложена «Роспись, которые по стрельцкому приговору розсланы были по розным городам». Речь идет о сосланных боярах и боярских детях, но роспись имеет не просто справочное значение, так как перечисляет сосланных в сибирские города бывших «сильных мира сего» в контексте общего рассказа о том, как неожиданно круто повернулась судьба богатых и знатных: дьяка пытаются стрельцы («Дьяка Михайла Вешнякова по доводу людей ево пытали стрельцы»), боярин земно кланяется стрельцам («боярин Кирила Полуехтович трожди стрельцам в землю челом»), боярское имущество ценится самой дешевой ценою («А которых баяр и думных стрельцы порубили и животы их... переписаны и оценены самую дешевой ценою»), отрубленные боярские головы носят со всякими гадинами («И голову...нося, на копые взоткнули на долгой жа шест, где висели не знама какие гадины, иные называли морския рыбы о семи хвостах и о пяти»³⁰). Роспись наравне с основным текстом продолжает тему поворота в судьбе знатных людей.

Итак, литературным итогом углубления связей прилагаемого документа с основным произведением было то, что в конце XVII в. на приложение иногда стал как бы падать повествовательно-стилистический ответ основного произведения. Такой литературный результат, несомненно, менее зна-

²⁷ Л. П. Титов. Летопись Двинская. М., 1889, стр. 58—61.

²⁸ Русские повести XVII в. ГИХЛ, 1954, стр. 73.

²⁹ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 448—456.

³⁰ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в., стр. 451, 453.

чителен, чем «многоплановое» изображение человека или событий, к которому, казалось бы, вела традиция документальных приложений. Но для того чтобы при использовании рассмотренной традиции деловой письменности была открыта «многоплановость» как литературное средство, вероятно, требовалось большее: не только преодоление чисто делового, фактографического характера традиции, но и какие-то изменения во взглядах на произведение и на автора. Литературная история традиции приложений началась лишь с конца XVII в. Все, что было до этого, в том числе и то, что сделал Аввакум, относится к литературной предыстории традиции, как ни парадоксально, более яркой, чем история ее последующего литературного использования.

Заметим в заключение, что нельзя рассматривать односторонне процесс взаимодействия литературы и деловой письменности только как влияние первой на вторую, только как постепенное превращение делопроизводственных традиций в литературные. Нельзя исходить из предпосылки, будто литературные тенденции всегда или в конечном счете преобладали над деловыми. Так, еще предстоит выяснить, какое из встречных движений во второй половине XVII в. стало преобладающим: литература осваивала деловую письменность, но и деловая письменность проникала во многие жанры литературы, не поддаваясь или очень туго поддаваясь последней. Один из примеров этого показан в данной статье. Думается, что накопление подобных явлений к Петровскому времени способствовало своеобразному «отливу» литературы в сторону канцелярско-деловую.

А. М. ПАНЧЕНКО

Слово и Знание в эстетике Симеона Полоцкого (на материале «Вертограда многоцветного»)

История русской силлабической поэзии XVII в. безусловно распадается на два больших отрезка. Рубеж, их разделяющий, может быть означен годом переезда Симеона Полоцкого в Москву на постоянное жительство. Первый отрезок — это период начал, когда московская литературная среда усваивала мысль об идеологической и эстетической правомочности книжного стихотворства. За образец были взяты польские вирши и опыты украинских версификаторов — преимущественно второе, как доказывают наблюдения над метрикой, которую часто и неточно называют «досиллабической». Отсутствие равносложности («относительный силлабизм», по терминологии М. Длуской¹) вообще характерно для ранних стадий развития силлабики — польской и европейской, а также восточной.² Польская версификация шла к изосиллабизму примерно 150 лет, и только во второй половине XVI в. Ян Кохановский утвердил его как канон.

Украино-белорусская поэзия с самого начала культивировала и неравносложный, и равносложный стих.³ Первым пользовался Герасим Смотрицкий в Острожской библии, вторым — Андрей Рымша в острожской же «Хронологии»; оба издания вышли в 1581 г. В Москве утвердилась традиция, которую представляла Острожская библия. Неравносложным стихом писали И. А. Хворостинин, И. М. Катырев-Ростовский, С. И. Шаховской, справщики Печатного двора⁴ и самый известный из них — поп Иван Наседка. Изосиллабизма не находим и в стихотворении 1613 г., принадлежащем, по-видимому, перу Евстратия, автора «Повести о некоей брани».⁵ Это тем более замечательно, что Евстратий дал здесь один из видов курьезного стиха, «симфонический», о котором мог знать только из латинских или польско-латинских поэтик (украинских в то время не существовало).

Усвоение приемов украинской неравносложной версификации облегчалось и в известной мере обуславливалось тем, что она была сходна с на-

¹ M. Dłuska. Studia z historii i teorii wersyfikacji polskiej, I. Kraków, 1948.

² См.: В. Е. Холшевников. Русская и польская силлабика и силлаботоника. — В кн.: Теория стиха. М.—Л., 1968, стр. 28.

³ Ср.: В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I. Из истории русской песни. СПб., 1900.

⁴ См.: Л. С. Шептаев. Стихи справщика Савватия. — В кн. Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы (ТОДРА, т. XXI). М.—Л., 1965, стр. 5—28.

⁵ Этот текст открыт О. А. Белобровой и публикуется ею в настоящем томе ТОДРА.

циональной метрической системой — раешным стихом, древность которого несомненна. Мои подсчеты показывают, что удельный вес различных клаузул — мужских, дактилических и гипердактилических — в раешных памятниках и памятниках «досиллабических» примерно одинаков,⁶ в отличие от поздней классической силлабики. В авторском и читательском художественном сознании «досиллабическая» поэзия существовала как явление, сопоставимое с поэзией райка. Другая словесная конструкция, которая шла в расчет, — современные прозаические тексты, обильно использовавшие суффиксально-флексивные рифмы и коренные рифмоды (Авраамий Палицын, «Иное сказание», «Новая повесть» и др.).⁷ Обращаясь к жанровой характеристике «досиллабического» стихотворства, мы замечаем влияние элементов системы раешник—рифмованная проза—южнорусская и польская поэзия, в которую оно входило.

Самый представительный жанр этого периода — послание, эпистолия. В этом жанре подвизаются С. И. Шаховской,⁸ Савватий и другие авторы. Сохранились сборники, почти сплошь составленные из стихотворных эпистолий (ЦГАДА, собр. Оболенского, № 250/455). Они сразу и прочно вошли в письмовники и титулярники, соседствуя с произведениями старшей традиции — прозаическими и пародийными раешными посланиями.⁹ Замечу впрочем, что раздел о стихотворных посланиях включался и в поэтики, хотя с оговорками, так как обычно о них говорилось в курсе риторики.¹⁰

Другой заметный жанр поэзии досимеонова периода — обличительный, антиеретический (И. А. Хворостинин и Иван Наседка). Судя по традиционным формам обработки и подачи материала, авторы стихотворных обличений католиков и протестантов ориентировались на русскую (и украинскую, особенно острожской школы) прозаическую богословскую полемику (стихи Наседки вкраплены в прозаический текст). Стоит упомянуть, что их польские и южнорусские предшественники и современники хорошо освоили полемическое стихотворство,¹¹ хотя полемика есть область риторики. Впрочем, как утверждала тогдашняя схоластическая теория, нет ничего такого в поэтике, что не могло бы рассматриваться в элоквиции.

⁶ А. М. Панченко. О рифме и декламационных нормах силлабической поэзии XVII в. — В кн.: Теория стиха, стр. 285—286.

⁷ В предлагаемой статье я не могу заняться критикой теории о «самозарождении» русского стиха в прозе начала XVII в. (ср.: А. М. Панченко. Книжная поэзия Древней Руси. — В кн.: История русской поэзии, т. 1, М.—Л., 1968). Открытие О. А. Белобровой стихотворение Евстратия еще раз доказывает полную несостоятельность этой теории. Вообще эволюционистские концепции в применении к поэзии XVII в. только вредят делу.

⁸ Ср., например: И. Ф. Голубев. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 361—413.

⁹ А. С. Шептаев. Стихи справщика Савватия, стр. 5; А. С. Демин. Демократическая поэзия в письмовниках и сборниках виршевых посланий. — В кн.: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы (ТОДРА, т. XXI), М.—Л., 1965, стр. 74—75.

¹⁰ Вот подходящие к случаю цитаты из киево-могилянских поэтик конца XVII в.: «Хотя по своему источнику письмо относится к риторам (ибо в нем должно быть выражение ораторское), однако по школам возымел силу обычай..., чтобы ... о нем преподавалось в поэзии»; «Ничто почти так не занимает души смертных, особенно в этот век, как письмо, хотя оно постоянно было и находится в употреблении. Тот особенно и почитается за ученого, кто хорошо умеет написать письмо» (Н. И. Петров. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году. — Труды Киевской духовной академии, 1868, № 3, стр. 497—498).

¹¹ См.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. М.—Л., 1962, стр. 139—141.

«Давление прозы» — характерный признак ранней московской поэзии. Поскольку, однако, стихотворцам этой поры приходилось считаться с естественно возникавшей инерцией раешника (не только метрическая сопоставимость, но и жанровая — в эпистолии) и поскольку они хотели эту инерцию преодолеть, чтобы утвердить стихотворство как высокий род словесного искусства, они обратились к «слову», проповеди, изложив неравносложным стихом тексты самых популярных в России писателей, например Василия Великого.¹² Преодоление инерции осуществлялось и с помощью других элементов, которые должны были подчеркнуть своеобразие и нетрадиционность нового литературного рода. Это — курьезный стих, «симфонический» у Евстратия и акrostих у И. А. Хворостина, Савватия и др. (в курсах поэтики сведения об акrostихе могли также читаться в разделе об эпиграмме, искусственной ее разновидности, основной признак которой — рисунок). Прежде русская литература знала только азбучный акrostих; ныне ей был представлен акrostих смысловой.

Таковы в общих чертах особенности «досиллабической» школы. Она не эволюционировала в классическую силлабику и продолжала существовать и в симонову эпоху, получив признание у пизовой интеллигенции и вырождаясь иногда в любопытные гибриды, какова, например, стихотворная версия «Кура и лисица», где использована и раешная, и «досиллабическая» техника. Импульс столь неожиданной метаморфозе дала безусловная автономность поэзии, которую ввел у нас Симеон Полоцкий. Изосиллабическое стихотворство утвердилось сразу и прочно, и продолжателям поэтических тенденций первой половины века не приходилось думать о преодолении инерции поэзии райка. Напротив, полезно было взять ее в союзники, чтобы в новых условиях сохранить место под солнцем.

Изосиллабизм проник в русскую поэзию еще до Симеона. Как установил А. В. Позднеев, его культивировали авторы, связанные с Новым Иерусалимом на Истре — любимым монастырем Никона, основанным им в 1656 г.¹³ Георгий Конисский писал в своем курсе поэтики: «Лирическая поэзия ведет название свое от лиры... и есть искусство составлять краткие стихотворения, которые первоначально пелись в честь богов, героев и знаменитых людей, потом прилагаемы были ко всякой материи. Лирики имеют предметом своим радость, торжество, обеты, увещания, похвалы и порицания... Песни эти называются по-гречески *óðai*, из коих одни прямо называются одами, другие гимнами, иные — дифирамбами. Гимны суть те, которые содержат хвалы богу и святым; оды, которые служат и другой материи; дифирамбы теперь могут петься на всякий радостный случай, в древности же они пелись в честь Бахуса».¹⁴ Песни, которые по польским и украинским образцам сочиняли в Новом Иерусалиме, — это духовная лирика, именно гимны. Если говорить о национальных традициях, то здесь, разумеется, использовалась литургическая гимнография (например, пасхальный канон в песне Германа «Ангельскую днесь вси радость»). В Новом Иерусалиме знали еще одну разновидность духовной

¹² См.: Х. Н. Лопарев. Описание рукописи Московского Чудова монастыря № 57—359. — ЧОИДР, 1886, кн. III, стр. 1—20 (в оглавлении статья названа: «Описание сборника Чудовской библиотеки XVII века»). Ни одно из стихотворных «слов» не публиковалось.

¹³ А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII вв. (Из истории песенной силлабической поэзии). — Уч. зап. Моск. заочн. пед. инст., 1958, т. I, стр. 5—112.

¹⁴ Цитирую по статье: Н. И. Петрова О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии... — Труды Киевской духовной академии, 1867, № 1, стр. 83.

лирики — переложение псалмов, инспирированное Яном Кохановским. С именем Никона связано проникновение в Россию эпиграмм «на герб»: их образец находим в книге «Рай мысленный», выпущенной в 1659 г. иждивением патриарха в типографии основанного им Иверского Валдайского монастыря.¹⁵ Это также заведено на польский и украинский манер, где уже в начале XVII в., по выражению В. Н. Перетца, «возрастает своего рода „гербомания“».¹⁶

Продукция двух школ, предшествовавших школе Симеона Полоцкого, может быть сопоставлена с поэзией классического периода силлабики. Введение стихов в историческую прозу (И. М. Катырев-Ростовский) находит аналогию во многих памятниках, например в «Созерцании кратком» Медведева-Истомина. Не угасает жанр стихотворной эпистолии, хотя он и отходит на второй план; мода на эпиграммы к гербам распространяется столь же широко, как и на Украине. Псалмическая поэзия нашла блестящее выражение в творчестве Симеона Полоцкого. Гимны и эпитафии (две эпитафии оставил Герман, самый крупный поэт Нового Иерусалима) стали любимым жанром Симеона Полоцкого и его учеников. Курьезный стих, вообще мало привившийся в Москве,¹⁷ все же представлен в «Рифмологоне» и «Вертограде многоцветном». Не был забыт и акростих, хотя употребляется он редко и в простых формах, а не в изощренных, какие находим в песнях Германа.

Однако все это — лишь аналогии. Искать в данном случае генетическую связь было бы неблагоприятной задачей. Различие двух эпох в русской поэзии XVII в. состоит в следующем: если стихотворство первой половины столетия развивалось робко и стихийно, не порывая связей с национальными литературными традициями, если новоиерусалимская школа культивировала всего один-два лирических жанра, то Симеон Полоцкий ввел в русскую литературу поэтическую систему автономную, продуманную, осмысленную философски, этически и эстетически.

Почему она была автономной? Эстетика XVIII в., следуя за Горацием, усматривала в поэзии два начала, природный дар и науку.

Чтоб вечности в бессмертный храм войти,
Талант единый слаб к свершению пути,
Когда не озарен пространном просвещеньем, —

писал Княжнин. За безыскусственной поэзией признавалось лишь одно достоинство — искренность чувства. Симеон Полоцкий вообще исключал из эстетики понятие таланта или во всяком случае отводил ему ничтож-

¹⁵ Ср. А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII вв., стр. 13.

¹⁶ В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв., стр. 145.

¹⁷ Исключение составляют леонинские стихи, которые, как известно, сыграли роль в процессе тонизации русского стиха, хотя не этот процесс определил реформы Тредиаковского и Ломоносова. Хочу объяснить, почему леонинские стихи, при несомненной нелюбви к курьезным, так часто встречаются у московских поэтов. «Еще худший признак безобразия, — говорил в лекциях по поэтике Феофан Прокопович, — когда конец стиха соответствует ... цезуре и по созвучию, и по схожему окончанию слогов или если два стиха имеют одно и то же окончание. Такие стихи обычно называются „львиными“» (Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина, М—Л., 1961, стр. 393). На первый взгляд, этот текст противоречит поэтической практике Феофана: ведь здесь он выступает против рифмы, в то время как белым стихом не пользовался. Однако Феофан говорит о латинской версификации, а не польской и «славянской». На практике леонинские стихи — украинские и московские — выглядят как обычные силлабические, только коротких размеров, в которых и происходило естественное упорядочение акцентов. Таким образом, русские леонинские стихи в принципе вообще не имеют отношения к курьезному стиху.

ную роль, перенося центр тяжести на «премудрость». Поскольку автор «Горя-Злочастия» не учился в Киево-Могилянской академии и не читал Доната и Скалигера, ему не было места в той словесной культуре, которую хотел создать Симеон Полоцкий. Этот аристократизм — не словесный, а интеллектуальный, — бросается в глаза при чтении «Вертограда многоцветного». Проиллюстрирую его характерным текстом:

Г л а с н а р о д а

Что найпаче от правды далеко бывает,
 гласу народа мудрый муж то причтает.
 Яко что либо народ обыче хвалити,
 то конечно достойно есть хулимо быти,
 И что мыслит, суетно; а что поведает,
 то никоея правды в себе заключает.
 Еже гаждает дело, то весма благое,
 а ежс ублажаст, то бохма есть злое.
 Вкратце, — что либо хвалит, то неправо в чести,
 мир сей непостоянный весь лежит в прелести.
 Не веруй убо гласу общему народа
 ищи в деле правды человека рода.
 Слово ветр развеваает, а кто тому верит
 безрассудно, срамоты мзду себе возмерит.¹⁸

Следует, конечно, оговориться, что презрительное отношение к народу, к его «подлому» искусству, суждениям и образу жизни прямо предусматривалось тогдашней эстетикой. Поэтический курс, читанный в Киево-Могилянской академии в 1696/97 учебном году, содержит такое утверждение: «Несчастья человека незнатного, частного не возбуждают в достаточной степени сочувствия, так как простолюдина нельзя счесть счастливым, потому что счастье измеряется знатностью происхождения, почестями, средствами».¹⁹ Таким образом, сервиллизм и угодничество, в которых принято упрекать киевских и московских стихотворцев XVII в., имели и теоретическое обоснование. Однако для Симеона Полоцкого критерием общественной ценности человека была образованность — та схоластическая образованность, которая среди апологетов «латинства» в канун преобразований считалась верхом премудрости.

Признание самодовлеющей ценности образованности выразилось, в частности, в том, что Симеон не придавал особого значения разномыслию между греко-православной и католической церковью. Господь, писал он в предисловии к «Вертограду многоцветному», «не единому человеку, не единому селу, граду или царству вся нужная отдал есть, но различным странам различные земли плоды, роды их, виды и силы, художества же, обилия, богатства, искусства благоволил дарствовать, да вси всех требующе нуждею ко знаемости и дружеству убеждаеми, любовь взаимотворную стяжаем» (л. 2). Более того — в круг respectable премудрости он включал и «еллинские» книги, хотя со многими оговорками.

Иероним блаженный зело книжен бяше,
 но и еллински книги любезно читаше.
 Единою от бога болезнь нань пустися,
 и даже к смерти плотстей уже приближися.

¹⁸ БАН 31.7.3, лл. 97 об.—98. Все цитаты из «Вертограда многоцветного» даются по этому списку, просмотренному и выправленному Симеоном Полоцким.

¹⁹ Цитирую по кн.: В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910, стр. 20. Это — буквальный заимствование из «Поэтики» А. Доната и одновременно общее место для раздела о трагедии, откуда взята выдержка.

И бысть в восторзе страшном, показася ему,
 аки ужь представлен судии своему,
 От него же вопрошен бяше: ты кто еси,
 конго муж закона, да ми исповеси.
 Он же ответ сотвори: аз есмь христианин;
 судяй рече: лжеши, се кикеронианик
 Ты еси, зане книги Кикерони чтеши
 паче христианских, тем казнь да примеши.
 И веле сго бичми добре наказати,
 дабы на теле язвы возможно считати.
 Служителюс убо язвы наложиша,
 а инии молитву о нем сотвориша.
 И бысть помилованны, во плоть отпустися
 и абие якоже от сна возбудися,
 Но страха преисполнен, на теле язвенны,
 аки по хребте бичми оными сеченны.
 Оттоле преста книги сллински читати
 и ят ся христианским тощю прилежати.
 Сам о себе святыи муж сия извещает,
 да никто паче святых книг ины читает.
 О, аще толь святыи муж тако наказася,
 чесо грешный человек имать ждати на ся?
 Лучше убо, братие, святым прилежати,
 а ины книги разве с потреби читати.
 («Книга», л. 234 об.).

Характерен последний стих, допускающий чтение «еллинских» книг «с потреби». Не отрицая их соблазнительности и поддерживая по отношению к ним запретительные меры, Симеон считал, что для обладающих «премудростью» они не опасны. Но какую «потребу» он имел в виду? Это становится ясным из его проповедей. В одном из слов «Обеда душевного» Симеон излагает миф о Мидасе, причем подчеркивает, что это не факт, а «баснословие пиитов». Рассказав о том, как Бахус, довольный угощением фригийского царя, одарил его способностью превращать в золото каждый предмет одним прикосновением и как Мидас потом уразумел опрометчивость своей просьбы, потому что в золото превращался и хлеб, Симеон заключает: «баснословие есть еллинское, но добре лакомых изъясляет нравы».²⁰ Следовательно, всякая премудрость имеет смысл лишь постольку, поскольку она этически определена. Знание истории ценно не само по себе, а как основа нравственного совершенства. И обратно: история есть доказательство истинности христианства, не только его нравственного учения, но и догматического. Симеон-проповедник и Симеон-поэт потому так внимателен к истории,²¹ что считает знание истории основой правильного богосознания и порукой нравственного совершенства. Отсюда представление о грехе как о «тьме»: «грех — тьма», — заявляет Симеон в заглавии одного из стихотворений:

И яко во тме сущии ничто созерцают,
 множицею о спону преткнени бывають,
 Тако грешници в путе блазе слепотствуют,
 преткновением лютым излнха бедствуют.
 (л. 111 об.)

²⁰ Обед душевный. М., 1683, л. 165.

²¹ См.: А. И. Белецкий. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории. — В кн.: Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула (Сборник историко-филологического общества при Харьковском университете, т. XXI). Харьков, 1914, стр. 587—668; А. И. Белецкий. Повествовательный элемент в «Вертограде» Симеона Полоцкого. — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 325—334.

Как мне кажется, к этому сопоставлению он пришел от известного сравнения неучения с тьмою, потому что обладание знанием-светом для Симеона гарантирует праведность. Это — его конечный вывод. Проследим, как он к нему пришел.

Для правильного понимания эстетики Симеона Полоцкого необходимо уяснить, какую позицию он занимал в вопросе о соотношении истин веры и разума. Симеон отвергал точку зрения Тертуллиана и Петра Дамиани, согласно которой истины веры непознаваемы, — точку зрения, лежавшую в основе миросозерцания «старомосковской» партии. Воспитанный на идеях Фомы Аквиинского, Симеон был тем не менее панлогистом, мировоззренчески близким Раймунду Люллию.²² В его представлении истина — одна. Любое положение веры, как догматическое, так и этическое, может быть доказано с помощью доводов разума. Панлогизм, а также ветхозаветное и евангельское учение о Логосе, Слове божии — краеугольные камни эстетики Симеона.

Принципы, почерпнутые Симеоном из Библии, можно суммарно изложить следующим образом.²³ Слово, как атрибут бога, обладает реальной мощью. «Слово господне, которое исходит из уст его, не возвращается к нему пустым, не исполнив того, что ему угодно, и не сделав того, для чего он его послал».²⁴ С другой стороны, слову божью присуще конкретное содержание, и поэтому оно выполняет посредническую функцию между богом и людьми. «Человек, вместивший в себе полноту реального богосознания, полноту божественного открытия, мог быть признан воплощенным «словом» «божиим».²⁵ Воплощение Слова — Иисус, дева Мария; посетители его — пророки и апостолы. Слово судит мир, и посетители Слова призваны быть судиями: им дано вязать и разрешать.

Отправляясь от этих принципов и своеобразно их препарируя, Симеон Полоцкий создал концепцию, если и не вполне самостоятельную (это особая тема), то вполне оригинальную для русской эстетики XVII в. Эта концепция определила для него смысл его творчества как личного нравственного подвига, как камня, положенного в здание грядущего совершенного общества, — поскольку Симеон как всякий мыслящий человек стремился найти положительный смысл в своей деятельности.

Сущность логической операции, которая привела Симеона к мысли, что его деятельность благословенна свыше, — в отождествлении Слова

²² Не берусь утверждать, что Симеон был прямым последователем каталонского философа; может быть, при дальнейших исследованиях отыщется между ними соединительное звено. Напомню только, что в России конца XVII—начала XVIII в. люллианские сочинения пользовались большим успехом. По подсчетам А. Х. Горфункеля, сохранилось 55 русских списков «Великой науки» (она не равнозначна «Универсальной науке» — в Москве был использован не оригинал, а труд кого-то из многочисленных комментаторов Люллия). Вместе с так называемой «Малой наукой», «Краткой наукой» и «Риторикой» количество списков люллианских текстов доходит до 80. Замечательно, что переводчиком и редактором «Великой науки» был один из крупнейших русских поэтов XVII в. Андрей Белобоцкий, а автором «Малой науки» — Андрей Денисов, тоже поэт, правда менее значительный (см.: А. Х. Горфункель. 1) «Великая наука» Раймунда Люллия и ее читатели. — В кн.: XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1962, стр. 336—348; 2) Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII—нач. XVIII в. — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 188—213).

Если учитывать влияние люллианских идей, то многие события московской духовной жизни можно толковать по-новому. Это относится к спору о пресуществлении святых даров. Сильвестр Медведев, ученик Симеона, проявил себя в этом споре как последовательный панлогист.

²³ См.: С. Н. Трубецкой. Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование. М., 1906.

²⁴ Там же, стр. 255.

²⁵ Там же, стр. 257.

божия и Слова как первоэлемента знания. В литературе барокко такие подмены — обыкновенная вещь. По Августину, которого Симеон знал и любил, «мир — книга»; книга состоит из слов, слова образуют книгу. Следовательно, продолжает комбинировать Симеон, человек, обладающий Логосом, может быть мысленно представлен в образе книги. Продолжая с воодушевлением разрабатывать эту тему, Симеон включает в «Вертоград» несколько философских стихотворений:

Мир есть книга

Мир сей преукрашенный — книга есть велика,
 еже словом написа всяческих владыка.
 Пять листов пренпространных в ней ся обретают,
 яже чудна писмена в себе заключают.
 Первый же лист есть небо, на нем же светила,
 яко писмена, божия крепость положила.
 Второй лист огонь стихийный под небом высоко,
 в нем яко писание, силу да зриг око.
 Третий лист преширокий аер мощно звати,
 на нем дождь, снег, облаки и птицы читати.
 Четвертый лист — сонм водный в ней ся обретае,
 в том животных множество убодь ся читает.
 Последний лист есть земля с дресвы, с травами,
 с крущы и с животными, яко с писменами.
 В сей книзе есть возможно комуждо читати,
 коль велик, иже ону изволи создати,
 И коль сиасн есть, могий ону утвердити,
 ни на чем же основу ея положити;
 И колико премудр есть, иже управляет
 вся сущая, и тайны всяческа знае.
 Ту книгу читающе, рдем вси: слава тебе,
 о человеколюбче, царствуй на небе.

(л. 293)

В этой ортодоксальной стихотворной иллюстрации к догмату об абсолютном всемогуществе Слова божия («сказал — и стало») совершается новая подмена: вместо слов являются письмена. Это очень важно, поскольку дает Симеону основание свести бесконечное разнообразие мира к конечному и обозримому числу элементов — алфавиту, приравнять «письмену» букву явлениям чувственного и духовного мира. Алфавитный феномен, который приобрел у Платона значение модели универсума, сыграл большую роль в европейской философии — у того же Люллия, Николая Кузанского, Джордано Бруно и Лейбница.²⁶ В проповедях Симеона находим следующее рассуждение: «Мафематицы смирение письменем омикрон или цифрою изобразуют, того ради, яко им же образом цифра в числе сама собою ничтоже есть, ничтоже знаменуе, приложенная же письменам арифметическим, в десять крат число писмене умножает. Точию смирение само о себе яко ничтоже в очесех человеческих мнитса быти, но внегда приложитса ему ко оным писменем алфа и омега, еже есть, егда Христа ради приемлемо бывае, умножает в себе множество боголюбезных добродетелей, ими же душа христианская неизреченно краситса и тем во основы место подлагаетса».²⁷ Отсюда следует, что даже комбинации букв и цифр давали Симеону повод для этической интерпретации.

²⁶ Ср.: S. Mathauscrová. Baroko v ruské literatuře XVII století. — Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1968, стр. 258; J. Patočka. Aristoteles, jeho předchůdci a dědicové. Praha, 1964, стр. 47—54.

²⁷ Обед душевный, л. 155.

Тема «мир — книга» развита также во втором стихотворении цикла «Книга» (лл. 234об.—235). Отождествление лишь сопоставимого здесь продолжено.

Различны книги нам суть богом предложены,
да благонравно жити будем наученны, —

начинает поэт. Первая книга — мир; вторая — «писанный закон», Ветхий Завет. «Занеже ту токмо един род читал есть и во добродетелех мало успевал есть», человечеству дана третья книга — Христос. Четвертая книга — богородица.

Пятая книга — совесть, комуждо свойственна,
яже ныне пред людьми лежит заключенна.
Но на всестрашном суде она отключится
и всему миру — да чет — яве предложится.
О блажен, иже пишет ныне в ней благая!
Горе же тому люто, кто чертаст злая!
Благ бо за писание благих ублажится,
а злый за злая во огнь вечный осудится.
О братия, потщимся благая писати,
дабы благом²⁸ блаженство вечное прияти.
Не пишим же лукавых, дабы посрамленным
не быти пред всем миром и в огнь поверженным. . .

Если логический порядок всецело соответствует порядку действительности и может быть сведен к буквенным первоэлементам, то и поступки людей — это письма (благие и лукавые), которые человек записывает в книгу своей совести. Итак, превращение свершилось: книга «словес божественных» превратилась во всякую книгу. Слово божие в его конкретном смысле Симеон толкует как простое средство коммуникации; когда побуждения изрекающего слово — благие, оно дает благой же результат; в противном случае — ведет к греху.

Со аггелом лукавым Евва глаголаше
и злым его советом zde прелщена бяше.
За слово его взя плод богом возбраненный,
прелсти мужа; и бысть их весь плод умершвенный.
Со аггелом же благим бе глагол Марии,
и бяху глаголи их миру спасению.
Со аггельским бо словом плод свят восприяла,
во чреве своем слово божие зачала
Плотию, им же плодом весь плод оживися,
иже древлс в Адаме плодом умертвися.²⁹

(«Беседа», лл. 36 об.—37)

Комплекс этих логических операций приводит Симеона Полоцкого к выводу, что «словесность» есть главное качество праведника:

Подобие ко богу в праведнице зрится
трегубо; во-первых, же тому подобитя
Естеством, ибо яко словесен небесный
царь, тако и праведник естеством словесный. . .

(«Подобие», л. 370 об.)

²⁸ В ркп. бгом вместо ожидаемого благом; по-видимому, здесь — ошибка писца, не замеченная при пересмотре «Вертограда» Симеоном Полоцким.

²⁹ Игра со словом «плод», типичная для барочной поэзии, — пример той подмены, о которой я говорил.

То, что под «словесностью» он понимал и мистическое обладание «словом Божиим», и обычную ученость, доказывается стихотворением «Писание» (второе стихотворение цикла):

Священно писание кто рай нарицает,
никако от истинны словом погрешает:
Суть бо в нем различная дресе саженна,
жигия лиц от века бывших помяненна.
В среде их древо жизни, житие Христово,
еже воплощенное жизнь есть наша слово.
Из чювственна четыре реки истекают,
еже наводнением землю напаяют.
Из мысленнаго паки разум исплывает
четвероугубый, иже души оживляет.
Первый разум писменный, им же деяния
исторически миру дают писания.
Вторый аллегоричный, иже под покровом
иноглаголанья дает дела словом.
Третий нравом учащий, иже вся приводит
к благих дел творению, да ся благодать родит.
Есть анагогический в четвертом лежащий
мсте, вся ко небесным духовно родящий...
(л. 360—360 об.)

Если «исторический разум» прямо «исплывает» из древа жизни Христа — Слова божия и «оживляет душу», то Симеон Полоцкий имеет все основания считать свой труд подобным апостольскому. И он провозглашает это совершенно открыто:

Христианом имена многа мощно дати,
различными я тиглы дсть есть нарицати.
Ученици Христови во первых речени,
яко от Христа света правде научени.
Аще же ученици есмы, подобает,
да от нас разум Христов мирови сияет.
Ученик бо истинный должен то даяти
иным, от учителя что могл восприяти...
... Соль земли апостоли звани,
яко во нетление миру быша дани;
Да якоже солию нетленно бывает
тсло животных, тако да ся утверждает
Дух учением оцех, в людех в мире живших,
суетствия мирская всетщетно любивших.
И нам убо яко соль в мире нужда быти,
учением в нетленность ума приводити.
(«Христианин», лл. 518—519).

Такова претенциозная эстетика Симеона Полоцкого. Перед нами — типичный гуманитарный «аристократ духа», который всеми силами противится представлению о вере как о чем-то изначальном и простом, независимом от культуры. По мнению Симеона, чем причастнее человек культуре, тем выше его вера, тем значительнее его нравственная заслуга. Вера представляется ему частью культуры. Строитель этой культуры среди московских «невегласов» — светоч веры, и этим определяется, оправдывается и освящается его труд. Он убежден, что его миссия подобна апостольской, а сам он — «соль земли». Эстетика Симеона просуществовала в русской литературе недолго, она была лишь историческим эпизодом и ушла вместе с Дмитрием Ростовским и Стефаном Яворским. Но тот писательский тип, который воплощен в Симеоне Полоцком, продолжает жить до сих пор.

Э. МАЛЭК

«Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII в.

(из истории польско-русских литературных связей)

В трех рукописных сборниках БАН и ГПБ находится не изученная еще «Повесть об астрологе Мустаеддыне».¹ Повесть не упоминается даже у А. И. Соболевского.²

Первое описание одного из сборников, содержащих повесть, — Архангельского сборника, с упоминанием и «Повести об астрологе», сделано А. Е. Викторовым в его книге «Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России».³ В XX в. об этом же сборнике писал М. П. Алексеев в своей работе «Англия и англичане в памятниках московской письменности XV—XVII вв.»⁴ на работу М. П. Алексеева ссылается в своем «Словаре» и И. У. Будовниц.⁵

Повесть представляет большой интерес для изучения польско-русских литературных связей XVII в.

Повесть не имеет ни названия, ни указания на автора и начинается со стихотворного эпиграфа:

Всегда предкове наши собранием ходили на волка,
его же так удобно ловили.
Сим же образом вкупе на турка идите,
Христиане, аще жити в мире вы хотите.⁶

Прозаический текст повести начинается со слов: «Лета господня 1596-го», а дальше без всякой видимой связи развивается основной сюжет. Содержание повести сводится к следующему. Турецкий султан и искусный астролог Сулейман оставил своим наследникам завещание, в котором просил их никогда не нападать на польскую землю, ибо это может привести их родину к несчастью: польский народ в союзе с народом «московским» (т. е. русским) может уничтожить турецкое государ-

¹ «Повесть» указана мне Н. С. Демковой, ею же указаны списки БАН, Архангельское собр. № 228 (860) и собр. В. Г. Дружинина № 143 (178); Список ГПБ, собр. Духовной Академии № 302 указан мне М. Д. Каган.

² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.

³ А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России СПб., 1890, стр. 45.

⁴ М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках московской письменности XV—XVII вв. — Уч. зап. ЛГУ, № 95, 1948, стр. 93.

⁵ И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы. М., 1962, стр. 226.

⁶ Здесь и далее текст приводится по списку ГПБ, Дух. Акад. № 302.

ство. Сын Сулеймана Селим выполнял заветы отца и только внук Сулеймана султан Мурат стал сомневаться в правдивости слов своего деда. Он, подстрекаемый везирами и пашами, задумал поход против христиан, в том числе и против Польши, но осуществлению этого намерения помешало выступление Персии. Во время войны с Персией султан Мурат увлекся астрологией и призвал к себе искусного знатока небесных течений Мустаеддына. Султан советовался со своим астрологом по всем важнейшим государственным вопросам. Мустаеддын правильно предсказал гибель первого везира Махмет-паши и разгром турецких войск в Персии. Обеспокоенный судьбами своего государства, султан Мурат просил астролога дать ответ на вопрос, какое будущее ожидает турецкий народ. Мустаеддын ответил: «...никакой народ тебе и государству твоему страшен не будет, и никто победы над тобою не одержит, доколе в мире сохранишь и перемирие содержишь с единым народом в соседстве... Сей народ от предков своих храбр и славен есть, но ныне zelo ленив к войне и несогласен».

Обеспокоенный пророчеством, султан призвал к себе везиров и спрашивал у них совета. Они же посоветовали ему погубить «бесовского пророка» Мустаеддына, чтобы предсказанное им не сбылось. Султан велел убить астролога. Мустаеддын принял смерть спокойно, а последние его слова звучали угрожающе: «Народ же полуношный вскоре вами владствовать учнет».

Таким образом, основная идея повести — это идея славянского единства, в данном случае единства двух славянских государств, — России и Польши, вызванная опасностью надвигающейся войны с мусульманской Турцией.

Было неизвестно, является ли эта повесть переводом или русским оригинальным произведением, где и в связи с какими обстоятельствами она возникла. Настоящая работа — попытка найти более или менее точные ответы на эти вопросы.

Язык повести не носит каких-либо отчетливых следов иноязычного происхождения, однако некоторые факты позволили предположить, что перед нами перевод с польского языка. В тексте повести есть определение «московский народ» для обозначения русского народа, что кажется невозможным для русского автора и весьма характерно для польского языка. Привлекает внимание и следующая фраза: «Велел ему салтан дать вся, яже к тому потребна суть, придав ему и казначая с колико десят тысящами червонных золотых». Турецкий султан, как ни странно, дарит своему астрологу польские деньги. Это не случайная вставка в текст, это несомненно фраза, которую мог написать только поляк, который называет польскую денежную единицу по привычке или потому, что ему неизвестно название турецких денег. «Червенны золоты» — это одна из польских денежных единиц, в XVII в. равна 500 грошам. Название польских червонных золотых очень часто встречается в различных польских документах; это была одна из самых популярных денежных единиц Польши в течение многих веков.⁷

В тексте повести встречаются и явные полонизмы — слово «надходит» в значении «приближается» и некоторое количество буквализмов, например «тот вертоград пред леты красен был», «повеле судно припустити к брегу».

⁷ См.: W Adamczyk. Ceny w Lublinie od XVI do konca XVIII wieku. Lwow, 1935, str. 24—25.

Все эти факты позволяют думать, что оригинал повести был написан на польском языке. Идейное содержание повести также предполагает ее польское происхождение.

«Повесть об астрологе» написана с позиций поляка-патриота, человека, хорошо знающего историю и заботящегося о судьбах своей родины. Автор с гордостью говорит о своем народе, о его достоинствах, о том, что только польский народ может противостоять могучему турецкому царству.

«Тем же повелеваю, — говорит султан Сулейман в своем завещании, — и увещаю, дабы есте никогда на польской народ не наступали и сабли свои не подымали . . . ибо истинно есть: докуль вы тому перемирье нерушимо и веру крепко содержати учнете, то и они вам оное содержат. Но как скоро бы есте на них несправедно и насильством силою своею восхотели наступити, а они бы соединились со веденским королем . . . или с царем московским, тогда истинну глаголю, что абие уже надходит падение государства турецкого».

Автор повести несомненно создавал свое политическое антитурецкое произведение, опираясь на факты реальной действительности. В соответствии с исторической правдой показан султан Сулейман — видный государственный деятель Турции (1520—1566), его первый везир Магмет-паша, сын Сулеймана Селим (1566—1574) и его внук Мурат (1574—1595). В повести говорится о том, что султан Сулейман старался сохранять мир с Польшей и в своем духовном завещании просил всех своих наследников следовать его примеру, и сын Сулеймана полностью выполнил завещание отца. И действительно, султан Селим поддерживал тесную связь с польским королем Сигизмундом II Августом. В своем письме к нему от 29 марта 1569 г. Селим «не только сообщал о намерении осуществить захват Астрахани силами крымских и турецких войск, но и приглашал польского короля одновременно выступить против Москвы. Для переговоров с королем был послан посол Ибрагим».⁸ Не лишена исторической основы и следующая фраза: «сие Сулейман, дед его учинил жены своей ради (яже бе от рода российского дщерь священника из Рогатына)». Вот что о жене Сулеймана пишет один из историков XX в. — А. Крымский: «По национальному своему происхождению Роксолана, или Хоррем-Султане была пленная малорусская поповна из галицкого верхне-днестровского Подолья, именно из городка Рогатына, и, кажется, в крещении называлась Александрой».⁹ Таким образом, автор «Повести об астрологе Мустаеддыне» использовал в своем сочинении только достоверные, проверенные исторические сведения.

По своему характеру «Повесть об астрологе Мустаеддыне» принадлежит к числу очень популярных в европейской литературе XV—XVII вв. так называемых «турциков».

Антитурецкая тема в европейской литературе восходит, по мнению И. Н. Голенищева-Кутузова,¹⁰ к французцу Филиппу-де-Мезьеру (конец XIV—нач. XV в.). Тема эта очень много места занимала в литературе Далмации, Чехии, Венгрии. Писатели Далмации Шижгорич и Маргулич приобрели репутацию первых герольдов антитурецкой коалиции. Впо-

⁸ В. Д. Королюк. Ливонская война. М., 1960, стр. 69.

⁹ А. Крымский. История Турции и ее литературы, т. 2, М., 1910, стр. 23 (Труды по востоковедению, вып. XXIX, № 1).

¹⁰ И. Н. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVII вв. М., 1963, стр. 57—58, 109, 124, 190, 308, 318—320.

следствии эту репутацию приобрели историки и мемуаристы Польши. В польской литературе XV—XVI вв. появляется огромное количество произведений, призывающих к активной борьбе с турецкой угрозой, к созданию антитурецкой коалиции. Этой теме посвящали свои произведения Станислав Ожеховский (1513—1566), который написал цикл антитурецких памфлетов на латинском языке, призывающих европейских монархов к совместной борьбе с магометанской Турцией, известный польский хронист и автор книги «О вольности короны польской и Великого княжества Литовского и о тяжелой неволе других королевств под турецким ярмом, о мятеже нынешнего турецкого тирана Амурата и всех королей оттоманского дома краткое, но полезное рассуждение» — Стрыйковский.

«Хроника» Стрыйковского также с особым вниманием относится к истории борьбы славянских народов, в том числе Польши и России, с турецко-крымской угрозой. Еще более известным сторонником войны с Турцией был Кржиштоф Варшевицкий. Варшевицкий является автором 14 известных речей против турок. Это произведения чисто публицистического характера. Первые три речи были написаны и опубликованы в Праге в 1589 г. под названием «Turcicae tres». В 1589 г., в связи с получением известия о том, что турки замышляют поход в Европу и что папа Климент XII и император Рудольф II пытаются втянуть Сигизмунда III в антитурецкую коалицию, Варшевицкий решил заняться пропагандой этой близкой ему идеи. С этой целью он написал 11 «турецких речей» и напечатал их в Кракове в 1595 г., присоединив к ним «Turcicae tres». Однако поскольку сейм, на котором должна была идти речь о будущей коалиции, был созван только на 26 марта 1596 г., Варшевицкий на время задержал распространение своей книги. Он стал распространять ее несколько позже среди послов, приехавших в Варшаву на сейм, и тем самым пытался воздействовать на их политические убеждения.

Во время сейма 1596 г. делались всевозможные попытки вовлечь Польшу в коалицию европейских государств, выступающих против магометанской Турции. Это была трудная задача, так как Сигизмунд старался поддерживать мирные отношения с Турцией. Однако среди польской шляхты было много сторонников борьбы с турками. Не случайно в 1596 г. в Кракове в типографии Лазажова издаются произведения:¹¹ В. M a p d i n a. Oratio de foedere contra Turcam im comititiis Varsowaie; С. M a l a s p i n a. Oratio de foedere contra Turcam (речь, произнесенная на варшавском сейме 1596 г.); «Вотум шляхтича польского об основании казны Речи Посполитой и защите русских земель»; «О совместной борьбе христианских государей против турок» и многие другие.

Все эти произведения объединены главной идеей, все они поддерживают сторонников антитурецкой коалиции европейских государств.

Указание на 1596 г. мы находим и в тексте «Повести об астрологе Мустаеддыне». Все известные нам списки в начале прозаического текста сразу после стихотворного эпиграфа содержат, как уже отмечалось выше, фразу «Лета господня 1596-го». Были основания предположить, что это и есть дата написания произведения. О том, что «Повесть об астрологе Мустаеддыне» не могла быть написана раньше 1595 г. и позже 1603 г., свидетельствуют следующие строки произведения, в которых говорится о султани Махомете («Сулиман, салтан турской, прадед нынешнему Магмету салтану»), как о современнике автора. Махомет (Мехмед III) взошел

¹¹ См.: Biblioteka kornicka. Katalog biblioteki kornickiej, t. I, Kraków, 1929.

на престол только в конце 1595 г. и правил турецкой империей до 1603 г.¹²

В библиографии польской литературы, составленной Эстрейхером,¹³ под годом 1596 упоминается произведение Дамианеуса Кржиштофа «Liga z zawadą Koła Poselskiego». Эпиграфом к этому произведению служит известное нам четверостишие:

Gromadą zawsze przodkowie chodzili
 Naszy na wilka, y tak go łowili.
 Tym że sposobem na Turka społecznie
 Idźcie, chcecie li w pokoju żyć wiecznie.

Один из экземпляров произведения хранится в Курцицкой библиотеке под шифром E.XV.29.W.2992. Сім.Qu.2560, второй экземпляр в Национальной библиотеке в Варшаве — под шифром XVI.Qu.1414.

Ознакомившись с указанным Эстрейхером произведением, мы убедились, что произведение Дамианеуса Кржиштофа, а вернее фрагмент этого произведения, является «Повестью об астрологе Мустаеддыне». В оригинале произведение озаглавлено следующим образом: «Liga z zawadą Koła Poselskiego». В предисловии автор называет дату его создания — 1 января 1596 г.

Это произведение публицистического характера, посвящается оно литовскому канцлеру Льву Сапеге и послам на сейм. «Liga z zawadą Koła Poselskiego» является своеобразным образцом публицистического жанра. Автор реализует свою пропагандистскую, публицистическую задачу, умело сочетая нравоучительные притчи и непосредственные публицистические призывы. Главная цель произведения состоит в том, чтобы убедить послов на сейм в необходимости возобновления хороших отношений с московским государством и в необходимости создания антитурецкой коалиции.

Об авторе «Лиги послов» не упоминается ни в одной работе польских литературоведов, посвященной изучению литературы XVI в. Ничего об этом человеке не говорится и в работе Станислава Тарновского «Политические писатели XVI в.»,¹⁴ ни в новейшей библиографии польской литературы.¹⁵ Буквально одну фразу о Дамианеусе и его произведении мы находим в работе польского востоковеда Барановского.¹⁶ Барановский анализирует уровень знаний поляков XVI в. о Турции и турках и называет ряд авторов, которые посвящали свои произведения турецкой теме. Среди них он выделяет Дамианеуса Кржиштофа как одного из самых осведомленных в данном вопросе.

Возможно, Дамианеус Кржиштоф является автором одного лишь выше-названного произведения (других произведений, связанных с его именем, найти не удалось). Однако фраза «О чем, даст бог, пространнее и о иных вещех в латинском письме воспомяно будет», наличествующая в тексте «Повести об астрологе», позволяет думать, что «Повесть об астрологе» — не единственное произведение Дамианеуса Кржиштофа.

Судя по тем немногим данным, которые мы находим в произведении Дамианеуса Кржиштофа, мы можем сказать, что это был польский шляхтич, хорошо владеющий латинским языком, человек, хорошо знающий

¹² См.: А. Д. Новичев. История Турции. I. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.), Л., 1963, стр. 292.

¹³ K. E streicher. Bibliografia polska, cz. III, t. IV, Kraków, 1897, str. 282.

¹⁴ S. Tarnowski. Pisarze polityczni XVI wieku. Kraków, 1886.

¹⁵ Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut. (tom 1—3). Pismnictwo staropolskie, Warszawa, PIM, 1963—1965.

¹⁶ B. Baranowski. Znajomość wschodu w dawnej Polsce de XVIII w., Łódź, 1950, str., 40.

историю своей страны и других государств, человек, которому дороги судьбы его родины. Автор с гордостью говорит о мужестве своих предков, скорбит о нынешнем состоянии польского государства и пытается указать пути спасения Речи Посполитой.

Дамианеус Кржиштоф в течение нескольких лет находился в турецком плену и, как сам об этом заявляет в предисловии, хорошо изучил жизнь этого народа. В его произведении мы находим пересказы притч «О цесаре и хороших советах его слуг», «О дервишах» и, наконец, «Предсказание о падении турецкой империи» (т. е. «Повесть об астрологе Мустаеддыне»). Все вышеназванные притчи являются, по всей вероятности, пересказом турецких произведений или легенд.

Интересен и тот факт, что польский текст не обрывается на рассказе о гибели астролога. Автор, рассказав историю об астрологе, дает собственный комментарий этому рассказу, говоря, что именно причины, изложенные в нем, удерживают и останавливают турок от войны с Польшей. Заканчивает свое произведение Дамианеус Кржиштоф пожеланием, чтобы Польша и соседние народы не упустили хорошего случая и вступили в Лигу христианских государей. Самым лучшим способом укрепления польского государства представляется автору возобновление хороших, дружеских отношений с московским государством. Такой союз, по его мнению, был бы выгоден и Польше, и России.

Из многих притч Кржиштофа русский переводчик выбирает именно рассказ об астрологе. Выводов из рассказа он не делает. Они настолько ясны, что лишние комментарии могли бы нарушить художественную цельность рассказа. Идея единства христиан подчеркивается умело подобранным эпиграфом:

Христиане вкупе на турка идите,
Аще вы жити мирно хотите.

(по Друж. сп.)

Поэтому переводчик и обрывает повествование на том месте, где говорится о гибели астролога.

Таким образом, рассказ об астрологе, вынутый из большого произведения Дамианеуса Кржиштофа, обретает самостоятельную жизнь и с этого момента будет продолжать свое существование в русской литературе, постепенно теряя связь со своим иноязычным оригиналом.

Анализ разночтений трех известных списков «Повести об астрологе» позволяет утверждать, что все три списка восходят к одному переводу. При этом списки Арх. и Дух. Ак. (оба XVII в.) очень близки первоначальному тексту перевода, список Друж. (XVIII в.) носит следы переделки.

Для первоначального перевода повести характерна явная зависимость от польского оригинала, которая сохраняется и в списках Дух. Ак. и Арх. С. Зависимость от иноязычного оригинала выражается прежде всего в наличии буквализмов в тексте перевода. Эти буквализмы устраняются в Дружининском списке. Приведем примеры:

Польский текст	Списки Арх. С. и Дух. Ак.	Друж. список
...był to ogród przed łąką piękną...	... тот вертоград пред лесты красен был...	... тот вертоград из- стари красен был...
...kazał przypiścić bat ku brzegu...	...повеле судно припу- стити к берегу...	...повеле судном при- стать у онога берега...
...z jednego pięknego ogroda, który jest ku Czarnemu Morzu w Azjei.	...из единого добро- зрачного вертограда, кото- рый есть к Черному морю во Азии...	...из единого некоего вертограда доброзрачного, иже обретается при Понти...

Переводчик часто в поисках нужного слова дает два возможных варианта перевода. В большинстве случаев эти удвоенные переводы сохранились и в Арх. списке и в списке Дух. Ак., иногда же — только в одном из них. Так, слово «zakłół» он переводит «убив его заколол», а словосочетание «astrolog Mystaeddyn przezwanu» — «астролог Мустаеддын прозвищем нарицаемый».

Переписчики XVII в. в названных случаях не вносят в текст никаких изменений, но в других случаях отдают предпочтение одному из вариантов.

Так, например, переписчик Арх. С. один из возможных вариантов перевода слова «testament» — «духовная» — вносит в текст, а другой вариант — «завет» — пишет на поле. В другом случае он машинально переписывает сочетание «владети учнет будет» и, немного подумав, одну из этих форм («учнет») берет в скобки. Переписчик Дух. Ак. в этих случаях идет дальше. Он выбирает варианты «духовная» и «учнет», оставляя в стороне другие формы.

Однако в целом список Дух. Ак. ближе к тексту первоначального перевода, чем список Арх. С. Это связано с тем, что переписчик Арх. С., получив недостаточно обработанный текст перевода, пытается придать этому тексту более литературный характер. Так, например, он бессюзные предложения заменяет союзными:

Польский текст	Список Дух. Ак.	Список Арх. С.
Ma to každy wiedzieć a prawdziwa jest powieść moja.	Всяк ведати имать сие, истинна есть повесть моя.	Всяк ведати да имать, яко истинна есть повесть моя.

Но стилистическая правка не завершается переписчиком до конца. В тексте все равно остаются следы его протографа, т. е. первоначального перевода.

Дружининский список явно восходит к рукописной традиции Арх. С. Все те редакторские исправления, которые внес переписчик Арх. С., наличествуют и в Дружининском списке. Переписчик Др. сборника вносит в текст повествования слова, находящиеся на полях Архангельского сборника, например «люто убил» (в Арх. «убил» — на полях «люто»).

Внося в текст слово «завет», соединяет его со словом «духовная», и в результате получается ошибочное чтение «духовный завет».

Для Дружининского списка характерно довольно свободное обращение с текстом протографа. Здесь мы обнаруживаем пропуск, а наряду с этим есть случаи привнесения в текст новых слов с целью пояснения повествования.

В Дружининском списке усиливается процесс стилистической обработки текста, начатый еще в Арх. списке. Эпиграф переделывается в хорошо звучащие syllabические стихи с женской рифмой, повествование разбивается диалогом:

Списки Арх. С. и Дух. Ак.	Друж. список
...перемирье содержишь со единым народом в соседстве, отуду, от полунощи, иде же восходит колесница небесная.	...и перемирье сохранишь со единым народом в соседстве. Глагола салтан: «Откуду?». Отвеща астролог- «От полунощи, иде же восходит колесница небесная».

Во многих случаях кальки с польского заменяются новыми словосочетаниями:

Арх. С.	Друж. список
... пред леты красен...	... изстари красен...
... повеле судно припустит к берегу...	... повеле судном пристати у оног брега...

Однако во многих случаях стилистическая правка превращается в правку смысловую, которая в свою очередь ведет к изменению текста или затемняет его понимание. Приведем примеры:

Список Арх. С.

Первоначальный твой неволник
лютою смертию згинет.

Друж. список

Первоначальный твой от неволь-
ника лютою смертию згинет.

Следует отметить, что встречаются чтения, общие для всех трех списков и в свою очередь отсутствующие в польском оригинале повести. Сюда относятся все те места, в которых видна идейная обработка текста. Обработка эта начинается уже с первых строк эпиграфа, который в польском тексте звучит «spolecznie na turka idzcie», а в русских списках — «вкупе на турка идите, христиане».

Фразу «zadnego sie barzej nie boja jako narodu polskiego» все три списка передают следующим образом: «ниже коего zelнее бояться, якоже московского народа и польского», а фразу: «skąd mu ło przychodziło, że łoż nigdy nie nacierał na Polskę» передают так: «откуда ему sie приходило, что польский народ некогда с московским полуношным совокупитися имать, и того ради на Польшу не наступал».

Из вышесказанного следует, что идейная обработка текста была проделана на более ранней ступени существования повести, она наличествовала уже в первоначальном тексте перевода, она являлась очень существенной для читателей и переписчиков как в конце XVII, так и в XVIII в. В результате, фразы, говорящие о союзе польского и русского народов, претерпевают меньше всего изменений. Забегая вперед, отметим, что во второй половине XVIII в., а коопкретно с 1789 г., начинается новый этап в жизни «Повести об астрологе Мустаеддыне», меняется идейная сторона повести и ее место в литературе.

Когда «Повесть об астрологе Мустаеддыне» попала в Россию? Когда и в связи с какими обстоятельствами была переведена?

Турецкая тема в русской литературе возникает намного раньше XVII в. Вспомним хотя бы произведения Пересветова «Сказание о царе Константине» и «Сказание о Магмете-салтане». Но предположить возникновение перевода «Повести об астрологе» в конце XVI или в первой половине XVII в. невозможно. Противоречит этому ход исторических событий. Появлению перевода повести, говорящей о совместной борьбе польского и русского народов с Турцией, мог способствовать тот повышенный интерес к турецкому вопросу, какой мы наблюдаем во второй половине XVII в. «С середины 70-х годов XVII в. борьба с Турцией стала главным направлением внешней политики России того времени», — так характеризует этот период М. А. Алпатов в своей работе «Что знал Посольский приказ о Западной Европе».¹⁷

К 70-м годам относится оживление польско-русских отношений, начинается обмен посольствами, ведутся переговоры между правительствами. Вспомним, что в 1672 г. Россия была втянута в войну с Турцией. В 1683 г. польский король Ян Собеский разбил турок у стен Вены, а в 1684 г. была создана Священная лига для борьбы с мусульманской Турцией. В 1686 г. в Священную лигу вступает и Россия. Все эти события не могли не отразиться и в литературе. И действительно, литературе того времени присущи острая публицистичность, злободневность, возникшие под непосредственным впечатлением от пережитого. Ярким примером

¹⁷ М. А. Алпатов. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. — В кн.: История и историки. М., 1966, стр. 113.

такой именно литературы может послужить появившийся во второй половине XVII в. цикл легендарных грамот турецкого султана Магмета европейским государям. Исследователь М. Д. Каган¹⁸ считает, что автора грамот волновал вопрос об антитурецкой коалиции, в которую следовало привлечь заинтересованные в обороне против турок христианские государства Европы. Почти во всех посланиях султан говорит о разрыве мира с ним и заключении союза с «иными государями», его противниками. При этом особенно часто подчеркивается участие в союзе Московского государства.

В конце XVII в. появилось в России большое количество переводных произведений на турецкую тему, которые, по-видимому, отвечали потребностям читательской среды.

А. И. Соболевский¹⁹ называет (кроме упомянутых выше грамот) еще много других произведений на турецкую тему. Огромной популярностью пользовалась «Хроника» Стрыйковского. Одну из причин столь большого интереса к труду польского историка А. И. Рогов видит в том, что в «Хронике» очень много места отведено вопросам борьбы славянских стран, в том числе Польши и России, с турецко-крымской угрозой.

«Не случайно в 1672 г. во время переговоров с польскими послами о совместной борьбе России и Польши против Турции московские бояре ссылались именно на „Хронику“ Стрыйковского».

«Султан не начнет войну, — говорили они, — как прежде султан Баязет, узнав о союзе христианских государств, тотчас просит о перемирии к польскому королю Яну Альбрехту, как рассказывает хроника Стрыйковского».²⁰

Известно также и то, что в Посольском приказе интересовались текущими польскими делами. Делались переводы официальных материалов, таких как манифесты королей, привилегии и т. п. «Особое внимание Посольского приказа было привлечено к польско-турецким отношениям. . . Именно в связи с этим следует рассматривать „перевод с польской книги, содержащей в себе польского коронного гетмана Станислава Яблоновского против турок и татар“, сделанный в 1688 г. (ЦГАДА, ф. 79, 1662 г., № 32), а также переводы грамот, относящихся к польско-турецким делам в 1643 г. (ЦГАДА, ф. 72, 1688, № 232), договор между Польшей и турками 1675 г. (там же, 1675 г., № 177)»²¹ (все вышеназванные грамоты тоже не изучены).

Таким образом, «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — это одно из ряда произведений, в которых подчеркивается необходимость соединения Польши с «московским народом» для совместной борьбы против турок.

Повесть не могла не привлечь внимания переводчика тем более, что в конце XVII в. содержание повести, говорящей о том, что Турция погибнет от руки польского народа, конкретизировалось: в 1683 г. польский король Ян Собеский (как отмечалось выше) разгромил турецкие войска у стен Вены, а польская армия приобрела репутацию защитницы христианской веры. Интересно, что в сборнике Арх. С. наряду с «Повестью об астрологе» находится «Описание Голландии и некоторых других мест», вторая часть которого «О лутчих городех венгерских» содержит очень

¹⁸ М. Д. Каган. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. — ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 203—225

¹⁹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.

²⁰ А. И. Рогов. Русско-польские связи эпохи Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966, стр. 268.

²¹ Там же, стр. 259.

интересный рассказ об освобождении Буды в 1686 г. Автор «описания» заявляет: «и естли бы препона войск польских толикому множеству не-исчетных воинов татарских не учинена была, никогда Будин в руки немцов и венгров не пришел. Паче же бы той неволи турской, которую Будин 160 лет терпел, не должно дождалась и Вена, естли б наяснейший Ян третий, король польский с охотчими войсками своими, дивною скоростию собранными, в помочь Вене уже в лете 1683 умирающе не прибежал».

Наличие прямого указания на заслуги Яна III перед христианством подтверждает предположение о том, что «Повесть об астрологе» воспринималась на фоне исторических событий, связанных с победой Яна Собеского под Веной.

«Повесть» была близка русскому переводчику и в жанровом отношении. Она примыкает к ряду оригинальных произведений русской письменности XV—XVII вв. «Повесть об астрологе» перекликается с таким известным произведением древнерусской литературы, как «Повесть о двух посольствах», заключающим в себе пророчество императора Максимилиана. В пророчестве Максимилиана говорится именно о том времени, которое наступит после десятилетнего «смятения» и «трясения» Русской земли. Элемент пророчества, предугадания, наличествующий в «Повести об астрологе», был, как нам кажется, другим фактором, способствующим появлению перевода повести.

XVII век известен тем, что внимание к астрологии было всеобщим явлением. И это предположение может быть подтверждено окружением повести в сборниках.

В сборнике Арх. С. наряду с «Повестью об астрологе» находится «Календарь течений небесных на лето господне 1689» — перевод с польского языка выполнен переводчиком Посольского приказа Семеном Лаврецким. На л. 23 этого календаря читаем: «Понеже турчин собачьим обычаем одержал государства лежащие под бараном и быком, небо грозит ему голодом, войною, поветрием . . ., убиение салтана их обещает», и на л. 24:

Лев желтый в черном поле ожидает собаки.
Лев желтый в черном поле — Австрия
Собака — турской.

Календарь, как видим, содержит политическое пророчество, а политические пророчества, как правило, писались *post factum*. Фраза «Лев желтый в черном поле ожидает собаки» могла восприниматься как отголосок недавнего сражения Турции и Австрии у стен Вены.

В Дружининском сборнике наряду с «Повестью об астрологе» находится «Толк литер переведен на славенский». Это — не что иное как «Пророчество, найденное на камне гроба императора Константина Великого». Следовательно, «Повесть об астрологе» дается в системе подобных по жанру и тематике произведений.

Несомненно, именно острая злободневность темы и особая форма ее передачи в виде политического пророчества, имевшая параллели в русской литературе, способствовали появлению перевода «Повести об астрологе». Подводя итоги, можно сказать, что перевод повести был сделан скорее всего в конце 70-х годов XVII столетия в связи с улучшением польско-русских отношений, в связи с угрозой турецкой агрессии.

Неясен еще вопрос о том, кто является переводчиком «Повести об астрологе». Более или менее известен круг читателей повести. На первом листе Архангельского сборника сохранилась очень любопытная запись,

говорящая о том, что «по указу преосвященного Афанасия, архиепископа Колмогорского и Важеского, сия книга списана у Андрея Артемонова сына Матвеева его архиерейским келейным иждивением».

На основании этих данных и старательного изучения описи библиотеки А. А. Матвеева²² мы можем сказать, что А. А. Матвеев действительно имел произведения, входящие в состав Архангельского сборника в своей библиотеке, а следовательно, Афанасий Холмогорский мог делать копии этих книг. Третий, неизвестный владелец, читатель «Повести об астрологе», был несомненно человеком, хорошо владеющим латинским языком; в сборнике Дух. Ак., который находился в его распоряжении, он делал пометы на латинском языке.

Кто же все-таки является переводчиком «Повести об астрологе»? Тут мы только можем гадать. Возможно, это был человек, так или иначе связанный с Посольским приказом. Одно не подлежит сомнению: это был человек, хорошо владеющий не только польским, но и латинским языком (в оригинале «Повести об астрологе» встречается некоторое количество латинских фраз и оборотов, которые он переводит безупречно), человек, заинтересованный в укреплении польско-русских отношений.

Интересно проследить дальнейшую литературную судьбу «Повести об астрологе», которая, попав в русскую литературу, постепенно теряла связь с польским оригиналом. Известно, что турецкая тема была актуальна и в XVIII, и в XIX, и даже в XX в.

В XVIII в. при Екатерине II, «которая вместе с Потемкиным мечтала о восстановлении греческой империи и внука своего пророчески окрестила Константином»,²³ Россия вела две войны с Турцией, обе с большим успехом (первая 1769—1774 гг., вторая 1787—1791 гг.). Интересно, что Дружининский список «Повести об астрологе» датируется именно концом 60-х—началом 70-х годов XVIII столетия (т. е. временем первой войны). В связи с новой войной 1787—1791 гг. появляется и первое печатное издание «Повести об астрологе» под заглавием «Предсказание о падении турецкого царства аравийским звездословом Муста-Эддыном»²⁴ (во граде св. Петра, 1789 г.), без указания на автора. «Повесть об астрологе» и на этот раз используется как публицистическое произведение, но редакторы начисто вычеркивают те слова, которые свидетельствовали о польском происхождении повести (польского государства ведь почти не существовало). Они убирают стихотворный эпиграф, призывающий к сплочению всех христиан, и фразу «Лета господня 1596-го», все фразы, говорящие о польском народе и о союзе московского и польского народов, убирают или заменяют похвальными фразами в честь великой русской державы.

В результате первой турецкой войны (1769—1774) Турция перестала быть сильным врагом для России. Черное море было открыто для русского флота. Вскоре Крым окончательно присоединился к России. Не удивляет тогда факт, что в печатном варианте повести появляются слова: «Сей непобедимый народ» или «Сей народ храбр искони бе и от него падет держава наследия твоего; слава бо его простеритися иметь во все концы земныя и никто не может противостати ему, зане угодно тако небеси и Всевышнему» — для характеристики русского народа, что в уста турецких сановников вкладывается предсказание о том, что «царство сне (т. е. турецкое) нерушимо пребудет до 1791 лета, в кое падению его

²² См.: Летописи русской литературы и древности, вып. V. СПб., 1863, стр. 57—79.

²³ А. Крымский. История Турции и ее литературы, стр. 82.

²⁴ Сводный каталог русской книги XVIII в. М., 1964.

быти разумели», хотя в польском тексте и в списках XVII в. в аналогичных местах называется год 1591.

Но мир с Турцией после победоносных войн Екатерины II не был вечным. В начале XIX в. русско-турецкие отношения заметно ухудшаются, и 18 декабря 1827 г. Султан Махмуд II объявил России «священную войну». 14 апреля 1828 г. Россия в свою очередь объявила войну Турции, 150-тысячная армия перешла Прут.²⁵ И, как можно было ожидать, в связи с новой войной появляются новые издания «Повести об астрологе». Достаточно сказать, что только в 1828 г. «Повесть об астрологе» издавалась по меньшей мере 3 раза:

1) в составе сборника «Собрание любопытных предсказаний о упадке Турецкой империи», вышедшего из типографии Степанова;

2) в составе сборника «Собрание предсказаний о падении Турецкой империи», напечатанного в московской типографии Семена;

3) отдельным изданием в типографии Театральной под заглавием «Предсказание о падении Турецкого царства арабийским звездословом Муста-Эддыном».

Новая волна интереса к предсказаниям о падении турецкой империи начинается при Александре II во время войны за освобождение южных славян (1877—1878). В печати того времени появляется очень много статей, говорящих об исторической роли русского народа, о необходимости занятия Константинополя. В 1877 г. в типографии Рапопорта и Фельдмана появляется сочинение некоего Рукина под выразительным заглавием: «Мани, факел, фарес. Пророчества о падении турецкой империи». Рукин включает в свою книжку все известные пророчества о падении турецкой империи, не забывая, конечно, и о «Повести об астрологе».

Но самой интересной и неожиданной является опубликованная в рождественском номере «Лукоморья» за 1914 г. статья В. Финити «О св. Софии». Статья начинается со стихотворения:

Сказал таинственный астролог:
Узнай, султан, свой вещий рок, —
Не вечен будет и не долог
Здесь мусульманской власти срок.

Придет от севра вонтель
С священным имснем Христа —
Покрыть Софийскую обитель
Изображением креста

Дальше автор статьи говорит о том, что взятие султаном Магометом II в 1453 г. Константинополя уже четыре с половиной века волнует Европу, и дает пересказ некоторых пророчеств о падении турецкого государства. В ряду этих пророчеств он упоминает и предсказание арабийского звездослова Муста-Эддына. Конец статьи очень знаменателен: «Таковы легенды. И нельзя сказать, чтобы они и в настоящее время не играли на струнах души народной, в которой всегда жила надежда на исполнение этого рода пророчеств, сущность которых определяется словами: Крест на Святую Софию!».

Как мы могли убедиться, «Повесть об астрологе Мустаеддыне» была неизменным спутником всех русско-турецких конфликтов, всех столкновений русского и турецкого оружия. И хотя начиная со второй половины XVIII в. она попала в число второстепенной литературной продукции (кстати, в XVIII в. многие памятники древнерусской письмен-

²⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия, т. IV. М., 1968, стр. 489—490.

ности пополняют арсенал демократической литературы того времени), но все же ее публицистичность, ее пропагандистское начало в течение многих десятилетий не теряли своей силы.

Для литературоведа «Повесть об астрологе» ценна не только как еще один документ польско-русских литературных связей XVII в.; для истории литературы интересна и последующая фаза ее существования в русской письменности, вплоть до XX в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

л. 184 || Всегда предкове наши собранием ходили на волка, его же так удобно ловили.

Сим же образом вкупе на турка идите, христиане, аще жити в мире вы хотите. Лета господня 1596-го.

Всяк ведати имать сие: истинна есть повесть моя, зане лутче вем и совершеннее, неже соравенники мои, яко турки по вся времена владения своего победительми выну суще над всеми, ей, народы бывают, но никоего же к себе множае народа не почитают, ниже на каков озираются, ниже коего зеленее боятся, яко московскаго и польскаго народу. Аще ли кто ведати желает, откуда ми сие вестно есть, тогда вкратце сие объявлю.

Сулиман, салтан турской, прадед нынешнему^а Магмету-салтану, человек мудр, праведен, воздержателен, милостив зело, не точию турские, но и христианские убогие дома милостынями удоволствуя, и искусен сущ и в художестве небесных течений, и из них же усматривая узнал, яко государство и монархия турская ни от коего народу, токмо от польского изгублено буде, откуда ему сие приходило, что польской народ некогда с московским полуношным народом случитися имать. Того ради никогда на Польшу не наступал, хотя и иным турком и пашом удобней-

л. 184 об. шее время к разорению и скорейшему || овладению показалось, будучи так близко, понеже городов и крепостей не имеет, и приступление абие готовое турком и татаром само по себе является. Так рассуждая, иных народов, яко уже прежде рекох, в мале почитал, брань с ними творя и оных попирая, народ же польской и московской всегда между иными народы чтил, почитал, любил, страшился их, перемирья с ними постоянно содерживал. И сверх сего, егда въехал в венгерскую землю, где потом Сыгерт-град взял, тогда, духовную написав, отдал ю овому славному своему везиру Махмет-паше, единому от князей словенских наследнику, иде же сие написано бысть: «Вем, яко из тоя войны не возвращуся, обаче в бозе имам надежду и в пророке Махмете, что тамо всуе не поеду. Тем же и сын мой Селим, иже по мне владети учнет, и наследники его ведати о сем имеют, что бог, сие небо и звезды его изъявляют, яко некоторой народ никогда вредити не может сему государству, кроме самого народу польского. Тем же повелеваю и увещеваю, дабы есте никогда на польской народ не наступали и сабли свои не подымали.

л. 185 Вельми паче о сем радение чините, как бы их к тому привести, что || бы со иными корольми и князьми христианскими не соединились, ибо истинно есть: докуль вы тому перемирье нерушимо и веру крепко содержати учнете, то и они вам оно содержат. Но как скоро бы есте на них неправедно и насильством силою своею восхотели наступити, а они бы соединилися со веденским королем (так убо цесаря христиан-

^а Испр.; в ркп. дефект.

ского называют турки) или с царем московским, тогда истиину глаголю, что абие уже надходит падение государства турского, то есть отоманского. Заклинаю тогда сына своего и везиров его, и всех наследников отоманских, дабы никогда с саблями своими против народу польского возноситься не дерзали, аще восхотят, чтоб то государство нерушимо долго пребывало». Сей тогда есть разум духовного письма салтан Сулеймана, салтана турского, которое и по се время соблюдают в казне константинопольской, еже салтан Селим, сын Сулейманов, даже до смерти своея постоянно хранил, содержа нерушимо перемирье с народом польским. Последи же салтан Мурат, учал сомневатися о том духовном письме скрывая, яко сие Сулейман, дед его, учинил жены || своея ради (яже бе от рода российскийскаго дщерь священника из Рогатына). И как скоро седе на государство, помыслил воздвигнути войну на христиан. И иные все везиры и паши советовали ему, чтобы прежде на Польшу войну начал. И сказали оному вси имянно чауши, которые часто в Польше бывали, что все государство польское в един год овладеет, толко забавит Камень и Львов, а по сем и обо всем христианстве покуситися и овладети может.

Махмет-паша понеже в то время еще жив был, которому Сулейман-салтан отдал духовную свою к сохранению, имея первой чин или везирство у деда и у сына, и у него тогда велел из казны оное духовное письмо принести, деда его салтана Сулеймана, и, прочетши оное пространными словы, сие к разсуждению приводил, дабы мимо, пуцая Польшу, шел со всею силою в⁶ венгерскую и немецкие земли. Но между сим господь-бог устроил иную жертву, возбудил персидского шаха и некоторых аравитцких князей, на которых оную силу против христиан изготовленную на арапы и персиды обратити принужден. В то же время, будучи он в частых болезнях и не могучи сам на войну ехать, || возлюбил отчасти астрологию, и призва себе от Египта, из Александрии, из Дамаска и из иных государств наученых звездословцев, иже его учашу художества того, чтоще ему о том часто кратко. Услышав же о сем, един астролог, Мустаеддын прозвищем нарицаемый, человек зело учен и искусен в том художестве, поехал с купцы перскими в Константинополь, и наняв себе избу в Скугаре-граде, иже древле наречен быше Халкидом, положением сопровтив Константинополя над самым морем, иде же поживе неколико недель. О нем же, егда салтан турской Мурат ведомость восприят, повеле его призвати к себе и вопросы его, аще лутче научен есть в художестве.

«Болии аз есмь мастер, нежели твои астрологи, однако же, еже умею покажу, и они по тому же что умеют да покажут. Ты же, аки премудрый государь, удобно, что бело и что черно, разсудити можешь».

Вопроша же его салтан Мурат: «Мустаеддын, можешь ли ми впредь-будущая сказати или ни?». Отвещал: «Аще ли то бог дал лекарю, яко художеством своим познавает по лицу человека смертнаго, вельми множае дал бог тем, иже о небесных спрашиваются вещей и во оных ся обучивают. Господь-бог да сотворяет салтану, государю моему, изо всякого дня тысящу дней по долгое житие. Божию помощию можно ми есть сим учением небесным || сказати будущая, точию бы когда бых имел какое место и особливою вертоград на высококом месте со орудии звездочетными». Велел ему салтан дать вся, яже к тому потребна суть, придав ему и казначея с колико десят тысящами червонных золотых. Он же, переехав чрез море на ту сторону, усмотрел себе изрядное место

⁶ Испр.; в ркп. отсутствует.

и вертоград за Галатою, от которого места, не токмо Константинополь и корабли к пристанищу приходящие, но и карабли и катарги и пушечной наряд далече на море сквозь Константинополь видети могл, яко же тот вертоград пред леты красен был належащъ единому италиянину из Венеции некоему утаенному, иже из Венеции ушел бе и обусорманился, но по смерти его обрушились были каменные стены. Тогда тамо послано несколько сот людей адямалган^о их же имут за десятину от христиан¹ бедных и плачевных, которые оное место оградивше каменною стеною, изрядных древес насадиша и различных трав насеяша также и кладезь устрояху зело прекрасный. В посреди же того вертограда повеле астролог тот каменный столп поставить вышиною яко две копии.^а А половина того столпа была зделана из древа зело стройно в верху каменного тако, что

а. 187 кругом обращался || движением единого токмо самого онаго Мустаеддына-астролога, который днем и нощию смотрел на небо через трубу медную, яже зделана была чрез деревяной столп и прозор имела от низу к верху. Велел також де себе зело великих медных круглых колес в 12 сажен зделать. Их же по сем сице спаяно, что вместо складывались на образ глобуса, на коих разные арапского и персидского писем слова и небесные знаки были. Понеже тогда от салтанова двора и из полат его видим был столп тот новоустроенной, вшел салтан по обычаю в лодку с своими комнатными и переехал через море. Всяде на конь, и, приехав в вертоград, обрете астролога, смотрящаго на небо и пишуща некакие черты. Вопросы его посем: «Скажи ми, не видел ли еси какие именитые мимошедшие притчи?». Он же рече к нему: «Господь-бог тебе ото всякого дня единого тысящу дней салтану, государю моему, да сотворит. Несть ничтоже зла тебе, все доброе и благополучное видех». Рече паки салтан: «Но что же видел еси, повеждь ми, да увем учение твое и искусство».

Он же ему: «Буди долговечен салтан, государь мой великой и знатной: первоначалнейший неволник твой лютою смертию згинет». Вопросы а. 187 об. его салтан: «Аще в Константинополи или || во Египте, или во ином коем государстве?» Отвеща яко: «иже под боком пребывает и тот, сядяще на суде, зле погибнет».

Ждал же того дни салтан, размышляя в себе, которой везир умрет, и есть ли то збудется, что астролог говорил. И между сим абие учинена ведомость, что ныне един дели или казак бедной убил Магмет-пашу, первоначалнейшаго везыра. Велел его салтан к себе привести и вопрошити, почто он везыра убил. Он же отвеща: «Для того убих его, что мою убогую заслугу у меня взяв, иному отдал, и аз сотворився безумным и долго его стерег да же, усмотрив время, пожем моим в бумагу вместо челобитной, убив его, заколол, и обиду мою с великою радостию отомстил есмь». Повеле же салтан того измысленного безумного коньми волочить по Цареграду, да же умре, по сем на крюк повесити.

Удивлялся^с потом и часто помышлял салтан о сем астрологе, и о умении его. Прилучися паки, что ехал морем из единого доброзрачного вертограда, который есть к Черному морю во Азии. Повеле судно припустить к берегу ко овому астрологу и вертограду, иде же пребывает.

а. 189 Приехав же тамо, повеле || призвати его к себе. Он же изшел, но лицом смущенным. Рече к нему салтан: «Узнах уже правду твою с сожалением моим. Повеждь ныне, аще ли еси видел нечто опасное». Он же отвеща:

^о— В ркп. на полях.

^а На полях пики.

^с Испр.; в ркп. дивлялся, оставлено место для одной буквы.

«Здрав буди во веки салтаново величество, все добро в твоей мочи, и несть ничтоже злобное». Салтан же, видя его яко истинно дражащего, рече со гневом: «Буде доброе или горчайшее, скажи ми, Мустаеддын».

«Аще салтан, государь мой, сотворишь перемирье между гневом своим и душою моею, и аз раб должен буду сказати еже видех».

Рече же салтан к нему: «Душею предков моих и отца моего кленуся, что тебе ничто же учинится имать. Повеждь ми безопасно». Астроолог же к нему глагола: «Множество людей твоих мусульманских, имянно ж великия войска твои, от неприятелей твоих погибнут». И по сем салтан печален отиде. И не прошло двадесяти дней, когда Осман-паша персиды побили под Тиврием, градом стольным персидские земли, яко в то время 80 000 турков погибло, а Осман-паша со остальными людьми уходя, от печали и болезни умре. По сем же салтан зело заскорбе, и смутися сердце его против астролога ||, и через многое время у него не бываше. Потом же помысли еше единожды астролога того посетити, но не заста его. И тогда вопрошаше вертоградаря и адямагдалан, камо отиде. Они же сказали, яко негде пойде прохладатися по винограду. Повеле его искати и не обретоша его. Во утрии же обретше его дверники и к салтану приведоша, зело страхом исполненного. Узрев же его, салтан пригласи его умильными словесы к себе, глаголя к нему: «Не бойся, под клятвою, яже сотворих ти, ничто же зло учинится тебе. Повеждь ми точию, что видел еси». Отвеща астролог с клятвою, яко ничтоже вредително видех. Тогда рече к нему салтан: «Прошу тя, присмотрися прилежно течению небесному, да увеси, долго ли сие государство состоятися может и от какова разорено и погублено имать быти народа».

л. 188 об.

Он же, поклонився ему, рече: «Сотворю салтан-государь, яко повелел ми еси». И отиде. Не истерпев же, салтан, по во третий день в вертоград наки приедс, прилежно вопрошаша у астролога своего о будущем, но он долгое время возбранися сказати, даже упрошением и обещанием обладажен суц, рече по сем сице: «Будь здрав, салтан, государь мой, господь-бог да размножит и сотворит от всякого дня тысящу дней. Ты же в мире по||живеши покамест сам похощеши и победу получиши над всеми неприятельми твоими, и никакой народ тебе и государству твоему страшен не будет, и никто победы над тобою не одержит, доколе в мире сохранишь и перемирье содержишь с единым народом в соседстве, оттуду, от полунощи, идеже восходит колесница небесная. Сей народ от предков своих храбр и славен есть, но ныне зело ленив к войне и не согласен. Однако же народ тот добре счастлив. Сего ради не задержися с ними, аще похощеши в покое сохранити государство свое. Убо как скоро те приобщились бы к людям и к народу себе ближнему, от полунощи к востоку живущему, тогда безо всяких трудов сие государство овладети возмогут».

л. 189

Поехал по сем салтан прочь от него и призвав к себе пашей своих, также и первоначальнейшаго духовнаго своего со иными наученными, извещая им вся сия будущая и мимошедшая вещи и вопрошаша их, что они ведают и разумеют о сем государстве, как долго имать пребывати. Повесть же творили они и толковали Алкоран пророка своего Махмета, показывая, яко до тысящи лет токмо тому государству пребыти. И тако кончину и последнее в году 1591 быти разумели тому государству; в то || время, егда салтан турецкой посылал войско свое з Беглер бегом греком до Сяйтия, о чем, даст бог, пространнее и о иных вещех в латинском писме воспоминаено будет. Астрологовую речь совершаю и глаголю, яко те люди, в бусурманской ереси махметовой наученные, салтану показали, что наука тая, кую персид тот умеет, бесовская есть.

л. 189 об.

«И аще ты, салтан, человека того не изгубишь, тогда сия вся, яже ти рекл есть, делом збытися могут. Но аще ли умрет, тогда и действия его изреченныя уставитися должны и государству сему ничтоже вяще вредитися может. Тогда салтан, абие призвал старейшаго из дверников, повеле ему итти со неколикими, дабы Мустаеддына астролога взяли и, связав, в море его вкинули. Иже, как скоро в вертоград внидоша, абие стрете их веселым лицом, рек:

«Здравствуйте, господа, так тыр улла, то есть, суд божий или пред-
постановление никого же мимо идет. Рыбы морские днесь ми гробом бу-
дут. Народ же полуношный вскоре вами владствовать учнет».

Взяли его по сем и в море между Галатою и Константинополем вкинули и тако утопили. Такову кончину восприял сей славный астролог, его же вертоград и столп, и вся орудия повеле абие салтан разорити и сокрушити, которой по се время пуст стоит.

(ГПБ, собр. Духовной Академии № 302, лл. 184—189 об.)

О. А. БЕЛОБРОВА

Повесть о королевиче кипрском Велиаме

«Повесть о королевиче кипрском Велиаме», известная в настоящее время по единственному списку,¹ уже не раз привлекала внимание литературоведов.

Еще А. Н. Пыпин включил этот памятник в круг произведений светского характера.² Неоднократно упоминал это произведение в своих работах М. Н. Сперанский.³ Учитывалось оно и в Толковой картотеке древнерусской литературы.⁴ Наконец, «Повесть» привлекалась при изучении кипрской темы в древнерусской литературе.⁵

Текст «Повести» не публиковался.

При изучении этого памятника нельзя не учесть беглое, но меткое замечание А. Н. Пыпина: данная «Повесть», «несколько отличная от других романов XVIII века и может быть принадлежащая XVII столетию».⁶

Список «Повести о Велиаме» дошел до нас в сборнике светских повестей, который может быть датирован началом второго десятилетия XVIII в. Этот сборник, в 4°, на 193 лл., состоит из нескольких тетрадей, написанных скорописью разных почерков на разной бумаге. В первой тетради недостает начальных листов. Здесь на лл. 6, 22, 36—37 и 40—41 повторяется одна и та же филигрань (Клепиков. Филигр., стр. 78 и 254, № 937 = 1712 г.).⁷ Кроме «Повести о Велиаме», в этой тетради находятся повести об Аполлонии Тирском,⁸ о Делфе Сирском,⁹ об Антонине

¹ ГИМ, собр. Забелина, № 498, лл. 34—39 об.

² А. Н. Пыпин. 1) Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858, стр. 286; 2) Для любителей книжной старины. — Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII в. М., 1888, стр. 11. [Забелинская рукопись № 498 приведена здесь под № 69 (223)].

³ М. Н. Сперанский. 1) Собрание рукописей И. Е. Забелина. — Отчет Государственного исторического музея за 1916—1925 г. М., 1926, Приложение II, стр. 20; 2) Рукописные сборники XVII в. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963, стр. 91.

⁴ Хранится в Секторе древнерусской литературы ИРЛИ.

⁵ О. А. Белоброва. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1967, стр. 6, 14.

⁶ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, стр. 286.

⁷ Эта филигрань, да и почерк писца не позволяют вслед за А. Н. Пыпиным видеть в сборнике рукопись конца XVII в.

⁸ Этот список в числе других указан в труде: Древнерусская повесть. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская, вып. 1. М.—Л., АН СССР, 1940, стр. 152; ср. упоминание его в кн.: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в., стр. 91.

⁹ Этот список — единственный известный — указан А. Н. Пыпиным (Для любителей книжной старины, стр. 16—17); ср. М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в., стр. 91, 160.

Фиванском,¹⁰ о царе Агее.¹¹ В следующих тетрадах — список «Гистории о храбром гишпанском рыцаре Вендиане» (лл. 46—193 об.).¹²

Сборник почти не исследовался в совокупности. Сведения о его составе отличаются либо неполнотой, либо некоторой противоречивостью.¹³

Принадлежность сборника сержанту Гавриле Алферьеву — читателю XVIII в. — была отмечена еще А. Н. Пыпиным¹⁴ при публикации конечной фразы «Повести о Велиаме», после которой и следует владельческая приписка. М. Н. Сперанский на основании той же владельческой записи поставил забелинский сборник № 498 в один ряд с другими, переписывавшимися и читавшимися в XVIII в. в военной среде.¹⁵

Подбор повестей в первой тетради, может быть, не случаен. В большинстве их важную роль играет мотив «узнавания» (Урлих, сын Антонина Фиванского узнает свою мать Лудью королевну; Аполлоний Тирский узнает свою дочь Тарсию, Велиам Кипрский узнает свою сестру Июлию). Многие из повестей связаны с легендами о кровосмесителе (в частности, «Аполлоний Тирский»): момент жестокой ошибки в ряде случаев отмечен даже в заглавиях: «История ... о короле Делфе Сирском, как незапно жену свою выдал замуж», «Повесть о королевиче кипрском Велиаме, как не ведав женился на сестре своей родной».

Содержание «Повести о Велиаме», озаглавленной столь интригующе, таково. В одном королевстве — «в городе Кипре» — жили-были осиротевшие королевич Велиам и его младшая пятилетняя сестра Июлия. Брат и сестра были очень дружны. С ними в доме жила «старая жена» — их мамка. Она безнаказанно таскала их добро. Поймав ее с поличным, молодые хозяева уличили ее в воровстве. В отместку злодейка решила «известь» Июлию, заколов и бросив ее в море во время прогулки. По просьбе одной из подруг мамки Июлия была продана купцу на торговый корабль. Королевичу Велиаму сообщили, что его сестра утонула в море. Безутешный брат после неудачных поисков Июлии надевает на три года «черное платье» в знак траура. Между тем купец увозит девочку «в свою землю в Пентаполию», где был правителем король Деонисий. Бездетный купец называет Июлию своей дочерью, дает ей воспитание и образование, так что к 15 годам она становится прекрасной девушкой. Во время одной из прогулок ей довелось встретить короля Деонисия. Эта встреча изменила судьбу Июлии, ставшей по воле короля придворной королевы. Тем временем купеческая чета, воспитавшая девушку, умирает. Июлия, озабоченная тем, что она не узнала у купца о своем происхождении, предается воспоминаниям детства и делится ими с королем и королевой. Последние, догадываясь, что Июлия «не простаго роду», удочеряют ее и окружают

¹⁰ Отмечен А. Н. Пыпиным (Для любителей книжной старины, стр. 6).

¹¹ Древнерусская повесть, вып. 1, стр. 141.

¹² А. Н. Пыпин (Для любителей книжной старины, стр. 60) относил этот список к старейшей редакции; ср.: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в., стр. 161.

¹³ Например, у А. Н. Пыпина (Очерк литературной истории, стр. 286) не упоминается Повесть об Аполлонии Тирском и Повесть о царе Агее; у М. Н. Сперанского вовсе не фигурирует Повесть о короле Фиванском Антонине и т. д. По печатным описаниям сборника совершенно неясна пагинация, которая у Пыпина, например, дана то по одной системе, то по другой (ср.: А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины, стр. 6, 11, 16, 50).

¹⁴ А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины, стр. 11.

¹⁵ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в., стр. 91.

заботой. А в это время возмужавший королевич Велиам, ставший королем Кипра, подумывает о женитьбе. В поисках невесты он приезжает в «Пентиполь» к королю Деонисию. Король и королева смущены необходимостью скрывать, что Июлия не их родная дочь. Они учат ее молчать об этом. Однако сразу после свадебного пира Июлия признается Велиаму в том, что мучительная тайна ее происхождения не вполне ясна ей самой, так как она помнит лишь, что «не простова роду», что рано осиротела и что был у нее любящий брат и вороватая мамка. Она делится воспоминаниями, как была продана купцу и как «в королевския дочери взята». Пораженный Велиам вовремя узнает родную сестру, пока еще не свершился кровосмесительный брак. Брат и сестра возвращаются в свое королевство под видом супружеской четы. Здесь немедленно изобличаются мамка и ее подруги, их подвергают жестокой казни («велел головы их на кольях по дорогам растыкать»). Велиам благополучно женится, а Июлия выходит замуж за короля.

Основная завязка сюжета происходит у моря: «и пришли с нею (Июлию, — О. Б.) на берег морской... и хоте Июлию заколоть и бросить в море». «Узнавание» героев, которого ждет с волнением читатель, приводит к развязке. Здесь можно видеть отголоски схемы греческого (эллинистического) романа, который в переводах на русский язык становится известным именно в XVIII в. Уже в допетровской Руси, начиная с киевских времен, эта схема имела распространение в переводных житиях.¹⁶ В «Повести о Велиаме» — типичны для греческого романа мнимая смерть героини, происходящие от этого ошибки, фатализм. Здесь присутствует «блуждание героя по морям, запутанность тайн, тяготеющих над его жизнью, разрешение этих тайн при помощи „узнания“, обилие „задерживающих моментов“...».¹⁷ При изучении «Повести о Велиаме» невольно возникает целый ряд сопоставлений с «Повестью об Аполлонии Тирском», хотя последняя гораздо более сложна. Действительно, как в первом, так и во втором произведении важнейшими сюжетообразующими моментами являются ненависть мамки Вирсавы (опекунищи Дионисии) к юной героине (Июлии — Тарсии), попытка убить героиню на берегу моря, замена убийства вынужденным морским путешествием; ложное известие о смерти героини, горе любящего брата Велиама (отца Аполлония), его обещание носить траур 3 года (9 лет), смерть расположенных к героине воспитателей (купеческой четы — мамки Лигории), «узнавание» героини братом (отцом), казнь злодеев (Вирсавы с подругами — раба Феофила и Странгвила с Дионисией). В обоих памятниках фигурирует город «Пентиполь» (земля Пентиполия). В одном из двух известных переводов «Повести об Аполлонии Тирском», в том, который был предпринят раньше, чем перевод сборника «Римских деяний», включившего в себя это произведение, Аполлоний находит жену Лучницу в земле кипрского короля Алтыстратеса и после многолетних странствований, вновь обретя жену и дочь, приезжает к нему на Кипр.¹⁸ В ряде

¹⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Отв. редактор Я. С. Лурье. Л., 1970, стр. 70—78.

¹⁷ В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 1. СПб., 1909, стр. 247, 287.

¹⁸ Повесть об Аполлоне Тирском. — В кн.: Н. С. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. I. М., 1859, стр. 13, 31, 33. — В «Римских деяниях» вместо кипрского короля выступает «король той земли Цылибской именем Антистратис». Ср.: Римские деяния (Gesta Romanorum), ч. I. СПб., 1877—1878, стр. 17, 24, 58.

списков «Повести об Аполлонии Тирском» герой, подобно Велиаму и Июлии, «приблизился града Кипра».¹⁹

Таким образом, в обеих повестях близостью отличается не только канва событий в жизни главных героев, но и место действия (Пентиполь, Кипр), неизменно связанные с греческими областями.²⁰

Вместе с тем «Повесть о Велиаме Кипрском» имеет и ряд вполне самостоятельных особенностей. Среди них примечательна привязанность к Кипру Велиама и Июлии, непременно стремившихся вернуться на родину. Велиам отвечает названным родителям Июлии: «Мне нельзя этого сделать, что с нею (Июлией, — О. Б.) не быть в своем королевстве и оставить ее у вас». И хотя далее выдвигается мотивировка совместного возвращения как необходимость расправы над разлучившими их злодеями, все же здесь преобладает тяга к отечеству, которая в «Повести об Аполлонии Тирском» отсутствует. В последней герой легко меняет один город на другой (Тир, Тарс, Эфес, Антиохию и др.), странствует по морям на протяжении многих лет и в конце-концов оседает не в родном Тире, а в Антиохии. В «Повести о Велиаме», где действие ограничено всего лишь двумя землями (или городами) — Кипром и Пентиполем — оба города не получают развернутой характеристики; но все же сообщается: «а в то время в Кипре было много из окрестных королевств торговых кораблей». Таким образом, Кипр рисуется как крупный торговый центр, лежащий на оживленных морских путях.

Герои повести действуют в пределах только одного поколения; о них сообщается лишь самое необходимое. Остаются неизвестными обстоятельства жизни и смерти родителей Велиама и Июлии; ничего не говорится о их детях.

Значительную роль в этой повести играют сословные представления. Большое значение придается высокородности Июлии: «И король (Деонисий, — О. Б.) в уме своем подержал и помыслил, что конечно де эта не купецкая дочь и не купецкия в ней поступки». Июлия говорит о себе: «А сама я знаю, что я не простова роду и не дочь купецкая». В другом месте читаем: «И видит то король и с королевою, что Июлия не простаго роду».

Интересно, как освещается в повести воспитание и образование Июлии. В купеческом доме глава семьи «приказал ее учить всяким наукам»; при королевском дворе «приказали ее учить всяким королевским поступкам». Перед нами отголосок типично средневековой системы обучения. Невольно вспоминается, что дочь кипрского короля Лучница в «Повести об Аполлонии Тирском» получила воспитание и образование, соответствующее духу еще эллинистического мира: ее учили музыке и пляске; в этом обучении принял участие и оказавшийся при дворе Аполлоний.

В настоящее время, когда мы располагаем только одним списком «Повести о Велиаме», представляется затруднительным решение вопроса, была ли эта повесть сочинением неизвестного древнерусского автора, знакомого со схемой греческого романа; была ли она самостоятельной обработкой какого-то эллинистического сюжета; или это всего лишь персвод

¹⁹ Список 1796 г. собрания ИРЛИ, р. IV, оп. 13 (В. Н. Перетц), № 429, л. 22 об. — Любопытно, что в списке 1756 г. (ИРЛИ, р. IV, оп. 13, № 286, л. 88) Аполлоний «увиде града того короля Алтыстратеса», а город (или земля) не определены более точно.

²⁰ В «Повести об Аполлонии Тирском» сфера странствований героя значительно шире: Антиохия, Тир, Тарс, Эфес, Мелхина и т. д.

средневековой западноевропейской версии греческой легенды-романа? С определенностью можно признать, что список «Повести о Велиаме» — не первоначальный. Об этом позволяет судить, например, такая особенность списка: мамка Юлини фигурирует в начале повести без имени; но где-то в середине повествования, а затем и в конце неожиданно всплывает ее имя (Вирсава; в другом случае — Варсава). Неодинаковое наименование земли Пентиполии (Пентаполь, Пентополия, Пентиполь) может свидетельствовать о том же. Недописанное слово «светли[щы]», ошибочно повторенное слово «казнить» указывают, что это список со списка. Язык повести довольно выразителен. Обращают на себя внимание не совсем обычные обороты, как например «ходить в черном платье» (надевать траур), «ухватились» (в значении «обнялись»). Некоторые аналогии находим в «Повести о российском матросе Василии» начала XVIII в.,²¹ а также в раннем переводе «Повести об Аполлонии Тирском».²² Ряд оборотов и выражений, однако, не находит таких параллелей. К ним относятся: «старая жена» (мамка), «и в то время в их молодости», «гулять в крамах», «вели ее за дочь родную», «ведем за дочь свою», «заказывати» в значении «приказать, настойчиво просить», приказание «и до сна быть при мне», «прислушивать» в значении «подслушивать» и др. Возможно, что здесь перед нами признаки перевода с какого-либо западнославянского языка, скорее всего с польского.²³ В частности, на западнославянский оригинал указывает обозначение воровства как злодейства (ср. польск. złodziejstwo, чешск. zlodějství), воровки как злодейки (ср. польск. złodziejka, чешск. zlodějka), денег — в пенязех (ср. польск. pieniądze, pieniądze, чешск. peníze). Без обращения к польскому или чешскому языку нельзя понять оборот «гулять в крамах» — «гулять в торговых рядах» (ср. «лавка» — польск. kram, чешск. kram) или сочетание «за дочь». Словосочетание «Мы выдаем, что Юлиния дочь наша» позволяет вспомнить о польском глаголе wydawać («выдавать», «представлять»), другое — «вели ее за дочь родную» вызывает в памяти польский глагол wodzić. Употребление в одном из оборотов наречия «здорово» в смысле «умно, осмотрительно» («это дело делается не скоро, только здорово») опять-таки близко по значению польскому zdrowo.

Таким образом, в повести о Велиаме можно видеть образец древнерусского перевода с какого-либо западнославянского (скорее всего с польского) языка. К сожалению, нам не удалось найти протооригинал. Возможно, публикация текста привлечет к нему внимание как к интересному образцу средневековой обработки эллинистического романа, счастливо сохранившемуся в тематическом сборнике начала XVIII в. в составе памятников, характерных для древнерусской литературы второй половины — конца XVII в.

Текст «Повести» дается в соответствии с правилами публикации литературных памятников в Трудах ОДРЛ.

²¹ «И пришед ухвата (ухватив) его, нача горко плакати»; «и королевна была весма была печална и в черном платье» — В кн.: Русские повести первой трети XVIII в. Исследования и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой М.—Л., 1965, стр. 208, 207. В статейном списке московского посла в Западную Грузию Федота Елчина (1639 г.) читаем: «Дарь Левонтей в великой кручине, а ходит в черном платье» — В кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954, стр. 215.

²² «Странгвил с женою, облекшися в черная, приидоша к Аполлону» (Н. С. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. I, стр. 24). — В «Римских деяниях» этот текст получает несколько иной перевод: «Станвалей со свою женою Деонисиею о приезде Аполлоновом облеклись в печальные ризы» (стр. 43).

²³ Благодарю за консультации по этому вопросу В. П. Адрианову-Перетц и А. М. Панченко.

ПРИЛОЖЕНИЕ

л. 34 Повесть о королевиче кипърском Велиаме как не ведав женился на сестре своей родной.

Был в городе Кипре королевич Велиам в младых letech и имел у себя сестру родную меньшую одну, королевну Июлию, а та королевна Июлия была 5 лет. А отца и матери у них не было. И королевич брат ее зело к ней был ласков и без нее не мог не пить, не есть, И в то время в их молодости приказан был дом их одной старой жене. И та старая жена всегда имене свое тащила з другими рабами. И видит то королевна Июлиа. И хотя мала смыслила, однако ж смотрела все и по времени тайно сказала брату своему королевичу Велиаму, что в доме их худо делается. И все ему сказала, что видела. И королевич Велиам ей сказал: «Любезнейшая моя дорогая сестра! Потерпи, а я сам присмотрю». И в то время проведает та старая жена, что королевна Июлия про ее злодейство сказала брату своему. И стала та злодейка мыслить и советовать з другими, как бы Июлию извести. И брат ее королевич Велиам все смотрел и примечал и присмотрел, и то истина, как сестра ему сказала. А присмотрел

л. 34 об. || королевич, что старая жена, украв, несет ковер золотой. И королевич ей сказал: «Для чево ты так делаеш?». И она ему с лукавства сказала, что несет ево просушивать. И в то число королевич ей ничево не зделал. А та старая жена и зломышленица и болши стала умыслять, как бы извести Июлию. И призвала к себе тех рабынь, которые с нее расточали имене королевское, а сама им стала говорить: «Ведаете ли, подруги мои, что ныне королевна Июлия в малых letech, а все видит, а когда взростет, то нам зло от нее будет. Надобно нам ее извести». И так ей другие сказали подруги: «Присоветоваем мы, что извести Июлию». И мысля та злодейка, и позвала Июлию гулять, а подругам своим приказала взять с собою ножи. И пришла с нею на берег морской и хоте Июлию заколоть и бросить в море, а королевичу брату ее сказать, что в море она утонула. И в то время одна ис подруг ее стала их просить, чтоб ее не губить и продать в другое королевство. А в то время в Кипре было много из других окрестных королевств торговых кораблей. И умысля они меж собою и продали ее купцу. Взяли за нее 20 пенязей. А когда продавали,

л. 35 тогда ей заказывали, чтоб она || не кричала и молчала, а естли станет кричать, то де мы зарежем и бросим в море. И продав Июлию и пришли х королевичу Велиаму с лукавыми слезами и сказали ему, что Июлия сестра твоя в море утонула. И королевич услышал от них такие слова и сам обмертвел и кинулся со многими людьми своими искать любимой своей сестры. И искал ее три дни в море и не нашол. И всегда по ней печалился. И обещался в черном платье ходить по ней 3 года, также и всему дому приказал ходить в черном платье по любезной своей сестре Июлии.

И купец взял Июлию и поехал в свою землю в Пентаполию. А в той земли Пентаполии был король Деонисий. И привес купец Июлию в дом свой и стал ее спрашивать, какова она роду. И она ему сказал: «Я де и сама не помню и не знаю». А хотя и помнила, только не сказывала, пока выростет. И тот купецкой человек детей у себя не имел. И видит он, что Июлия зело прекрасна и разумна. И назвал ее себе дочерью. И поставил к ней служащую, пока она выростет. И приказал ее учить всяким наукам. И когда стала Июлия на возрасте, 15 лет, и такова прекрасна была, что во всем Пентиполии такой девицы не обреталось. И случилось Июлии в том городе Пентиполии гулять в крамах. И в то время король тово города именем Деонисий гулял в крамах же и видел король Июлию

и спросил: «Чья ты девица?». И она ему поклонилась чинно и сказала: «Я де дочь купецкая». И король || в уме своем подержал, и помыслил, а. 35 об. что конечно де эта не купецкая дочь и не купецкия в ней поступки. И гуляв король пошел в дом свой. И пришед стал сказывать своей королеве: «Любезнейшая моя королева, гулял я в крамах и видел девицу такую прекрасную, что во всем моем королевстве первую вижу. А сказалась купецкая дочь. А не купецкия в ней поступки. И королева ему сказала: «В твоём королевстве много людей хороших». И по времени король велел призвать тово купца и спрашивал ево: «Твоя ли эта дочь, которая у тебя живет?». И он ему сказал: «Моя, де дочь». И король приказал ей Июлии быть в верховых девицах. И купецкой человек и з женою своею с радостию и со слезами Июлию отпустили и приказали ей, чтоб она сказывалась их дочерью. А у ней не то на уме. И пришла Июлия х королеве и поклонилась ей. И королева королю сказала: «По истинне учтивя ета девица, и до сна быть при мне». И приказала ей королева быть при себе. И жила тут Июлия 2 года. А король Деонисий детей у себя не имел и забавлялся только всякими полевыми забавами. И стала королева Июлия в возрасте и вспомнила, как мала была и как при брате жила и как ее продали. И стала тайно плакать. Присмотрела королева, что у нее всегда глаза заплаканы. И велела королева || за ней тайно присматривать, о чем она плачет. И приказала прислушивать другим девицам. А в то время купецкой человек и з женою померли, а ей тово не сказали, откуда она и какова роду. И Июлия, зашед в особую светлицу и стала плакать и причитать: «О злочасная я, на што я на свет родилась, лутче бы в те поры меня зарезали и бросили в море, нежели что я бедная и безчасная, не ведаю, какова я роду. О любезной мой брат, ежели ты жив и не продан, не ведаешь ты, что любезная твоя сестра в таком злополучии и не в счастья». И тут прислушала одна девица, когда она так плакала и причитала. И та девица сказала королеве. И королева взяла ее в особую светлицу и стала спрашивать ее тайно: «О чем ты так плачешь и такая слова причитала?». Июлия королеве сказала: «Милостивая королева! Как мне не плакать? Которые меня вспоили и вскормили, те померли, а тово мне не сказали, какова я роду и ис которова города. А сама я знаю, что я не простова роду и не дочь купецкая. И королева ее спросила: «Почему ты знаешь, что ты не простова роду?». Она ей сказала плачучи: «Милостивая королева, как мне про себя не знать? хотя тово не знаю, какова я роду и ис которова города, а помню то, что нас после отца осталось двое, брат да я. И помню, что дом наш был хорошей. А меня || с ненависти мамка з другими рабынями хотели меня зарезать и бросить в море. И не зарезали и продали тому купецкому человеку, которой меня вспоил и вскормил». А сама наслу в слезах своих говорит. И королева в тот час королю мужу своему сказала. И король Июлию с прилежанием спрашивал, не помнит ли она отца или матери. И она ему сказала также, что и королеве. И видит то король и с королевою, что Июлия не простаго роду. И стал король своей королеве говорить: «Любезная моя королева! Я тебе говорил, что ета девица не простова роду. А нас дете пет. Возмем мы ее за дочь себе. Мы богати, за ково выдадим и тово обогатим». И взяли король с королевою Июлию за дочь себе. И приказали ее учить всяким королевским поступкам. И Июлия о том мало повеселилась и порадовалась, однако о брате мыслит и печалитца. И жила Июлия при короле и при королеве. И король и королева вели ее за дочь родную.

А королевич Велиам, брат ее, уже в том городе своем Кипре королем также и на возрасте. И стал мыслить, что уже без королевы ему исляз

быть и час пришел ему женица. И проведал тот король Велиам, брат Июлиин, что в Пентиполи у короля Деонисия есть дочь зело прекрасна. И начал мыслить, чтобы ему ехати в Пентиполь и видети у короля Деонисия прекрасную ево дочь. И велел Велиам корабли украсить всякими дорогими уборы и велел взять с собою что надлежит к свадьбе, всево доволно. И прибыл в Пентиполь и пришел || к королю Деонисию и поздравствовал ему. И король Деонисий также ему поздравствовал. И спросил король Деонисий, пошто он к нему приехал. И он ему сказал: «Вашему королевскому величеству поклонитца. А слышал я, что у тебя есть дочь, прекрасная королева Июлия. И ежели изволишь меня принять в родство себе за сына, отдай за меня дочь свою прекрасную Июлию». А не ведает Велиам, что Июлия сестра ево родная. И король Деонисий ему сказал: «Брате мой, король Велиам, это дело делается не скоро, только здорово. А ты дай мне сроку на три дня». И пришел король Деонисий к своей королеве и стал ей говорить: «Любезная моя королева! Приехал ис Кипра король Велиам и свататца за дочь нашу. А нам надобно с тобою советовать. Мы выдаем, что Июлия^а дочь наша, а мы только ведем ее за дочь себе. И ежели король Велиам женитца на ней и проведает, и в том нам будет стыд от всех окрестных королей и с тем королем Велиамом вечная съсора. А правду сказать, так себя посрамить». И королева ему сказала: «Мы ей закажем, чтоб она сказывалась, что дочь наша родная». И король Деонисий королеве сказал, что все королевство наше ведает, что не наша она дочь, только ведем мы за дочь свою». И призвали к себе Июлию и стали ей говорить: «Дочь наша любезная! Ныне за тебя сватается кипрской король Велиам, а ты сама ведаешь, что не родная нам дочь. И ежели бог эта зделает, что король Велиам на тебе женитца и ты не моги тово сказывать, что ты не наша дочь. Все сказывай, что наша дочь родная». И она || им сказала: «Милостивыя мои батюшка и матушка! Я благодарю за вашу такую милость, что меня, такую странную и сирую, произвели в дочь себе. А ныне таким своим милосердием хотите меня произвесть в такую высокую персону и в то, как воля ваша. А я поистине этова никому не скажу, что я не дочь ваша. И все буду сказывать, что дочь ваша родная и как мне так не сказыватца за такую вашу ко мне высокую милость отеческую?». И король и королева приказала ей убиратца к свадьбе, а три дни прошло. И король Велиам пришел к королю Деонисию и стал ему говорить: «Будет ли на то ваша королевская воля, изволишь ли отдать дочь свою за меня?». И король Деонисий сказал ему: «Принимаю я тебя в родство свою и даю за тебя дочь свою прекрасную Июлию». И отдал король Деонисий Июлию за короля Велиама. И веселились на той свадьбе доволно и по веселье многом во обычайное время пошел король Велиам с молодою женою Июлию по обычаю спать в особую светлицу. И пришед лягли на постелю. И король Велиам стал целовать любезную свою королеву и разговаривали доволно, лежа на постеле, а греха еще не творили. И Июлия помыслила в себе, что де мне не сказать про себя ему, а то де сведает и мне голову отсечет, лутче мне сказать. И стала говорить: «Благодарствую, государь мой, король Велиам, что ты меня такую странную и сирую || принял в жену себе, а я не дочь этова короля и королевы». И король Велиам спросил ее: «Чья ты дочь?». И она ему умилным голосом сказала: «Я ис которова города и какова роду, тово я не помню, для тово, что я еще была мала и малая продана. А помню, что не про-

^а После этого следует отрицание не, приписанное сверху позднее, другими чернилами.

«това роду. А у отца нашево было нас только двое, брат да я. А отца у нас не было. И брат ко мне был зело ласков. И помню то, что приставлена была ко мне мамка, старая жена, именован Вирсава. И я присмотрела, что та мамка и з другими рабами тащат все имение наше. И я в то время сказала брату своему. И брат мне велел терпеть, пока он сам присмотрит. И присмотрел брат мой, что та старая жена, мамка, украла ковер золотой. И брат ее спросил: «Что де ты делаешь?». И она ему сказала: «Я де несу просушивать». И в то время та злая мамка, умысля за то, что я брату своему сказала, что тащат имение наше, и позвала меня гулять. И согласясь з другими рабами и привели меня на берег морской. И хотели меня зарезать и бросить в море, а брату моему сказать, что в море утонула. И тово они не зделали. И продали меня в этот город купецкому человеку». И все ему сказала, что как было, как росла и как в королевския дочери взята. || И король Велиам, брат ее, вспомнил по речам л. 38 об. Июлиным и узнал, что сестра ево родная. И залился слезами. И сказал Июлии: «Я твой брат Велиам, а ты моя сестра родная». И ухватились и плакали много. И потом король Велиам вышел из светли[цы]⁶ и пришел к королю Деонисию и стал говорить: «Благодарствую, отче мой милостивый, король Деонисий, за твою премногую милость, что в своей королевской милости не оставил сестры моей Июлии. Мне не жена, сестра родная». И сказал все, что как было. И король Деонисий и королевна пришли и весь дом их. И такой дивности все порадовались. И в той радости веселились довольно. И король Велиам стал проситца, чтоб ево король Деонисий отпустил в свое королевство кипрское. И король Деонисий с королевою стали у короля Велиама просить, чтоб он оставил Июлию у них: «А мы, де, имеем ее как дочь свою и детей у нас нет, а по времени мы ее выдадим за хорошева человека». И король Велиам им сказал: «Милостивыя мои отец и мать! Мне нельзя этого зделать, что с нею не быть в своем королевстве и оставить ее у вас, для того, что мне надобно про все розыскать, а потом как воля ваша». И король Велиам взял у короля Деонисия прошение. И поехали || с любезною своею сестрою Июлиею в свое королевство кипрское. И прибыли в нево. И в королевстве их встречали и чаяли, что он с молодою женою. А он в то время заказал сестре съвоей Июлии, чтоб она сказывалась ево королевою. И пришли они в свой дом. И королевна Июлия тот дом узнала и вспомнила и почела плакать. И король Велиам, брат ее унимал и говорил ей: «Любезнейшая моя сестра, не плачь и не давай себя знать до времени». А сам призвал тое старую жену мамку и стал ей говорить: «Вирсава, как, я не помню, как сестра моя Июлия утонула?» И она ему сказала: «Гуляла, де, по берегу морскому и оступилась и упала в море и утонула». И в то время выступила королевна Июлия и говорила: «Я не утонула. Вы меня хотели зарезать и бросить в море, да не зарезали и не бросили в море. Вы меня продали купцу». И в то время мамка Варсава королю Велиаму всю повинную принесла, как што было против речей Июлиных. И король Велиам распрося мамку и подруг ее, которые хотели Июлию погубить, и велел их || казнить смертию и велел головы их^а л. 39 об. на кольях по дорогам растыкать. А сам король Велиам женился, а королевну Июлию выдал замуж за короля. И жили до кончины своей в великой славе.

(ГИМ, собр. Забелина № 498, лл. 34—39 об.).

⁶ Конец слова *цы* приписан позднее, другими чернилами.

^а Здесь повторено слово *казнить*, взятое в скобки переписчиком.

В. П. БУДАРАГИН

О происхождении «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли»

Повесть о Василии Златовласом уже давно привлекает внимание исследователей древней русской литературы. Она традиционно включается в круг переводных авантюрных, рыцарских и куртуазных повестей второй половины XVII в. Еще в 1845 г. И. Снегирев впервые выдвинул гипотезу о чешском происхождении «Василия Златовласого».¹ Позднее И. А. Шляпкин, издавая в 1882 г. текст повести, высказал предположение о польском посредстве, но в равной степени возводил повесть к чешскому оригиналу.² С тех пор эта точка зрения является господствующей. Мы встречаем ее в работах А. Н. Веселовского,³ А. Н. Пыпина,⁴ А. С. Орлова,⁵ Н. К. Гудзия,⁶ В. П. Адриановой-Перетц,⁷ Г. Прохазковой⁸ и др., причем Н. К. Гудзий доказывал, что перевод был сделан непосредственно с чешского оригинала без польского посредства.

Противоположную точку зрения мы находим в работах А. Д. Григорьева,⁹ А. В. Флоровского¹⁰ и А. М. Панченко,¹¹ которые считают, что у нас нет достаточных оснований предполагать чешский или польский оригинал.

Особняком стоят мнения Н. А. Баклановой и Андре Вайяна. Н. А. Бакланова считает выражение «разбила на мелкие штуки» германизмом,¹² А. Вайян утверждает, что в повести есть хорватизмы (поклисари, сенаторский, ачап) и латинизмы (Полиместра, Карлус). Основываясь на

¹ И. Снегирев. О лубочных картинках русского народа. — Сборник исторических и статистических сведений о России, I. М., 1845, стр. 215.

² И. А. Шляпкин. Повесть о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли. — ПДП, СПб., 1882, стр. 1.

³ А. Н. Веселовский. Заметки по литературе и народной словесности, I. — СОРЯС, т. XXXII, 1883, № 7, стр. 80.

⁴ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II, Изд. 4. СПб., 1911, стр. 507.

⁵ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, стр. 129.

⁶ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, М., 1956, стр. 444, 445.

⁷ История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 390.

⁸ Н. Procházková. Po stopách давнего přátelství. Kapitoly z českoruských literárních styků do konce XVII. století. Praha, 1959, стр. 102—103.

⁹ А. Д. Григорьев. Повесть о чешском королевиче Василии Златовласом и История об испанском королевиче Франце. — Варшавские университетские известия, кн. 4, Харьков, 1916, стр. 1—32.

¹⁰ А. Florovskij. Ein angeblicher Bohemismus in der Erzählung von Vasilij Zlatovlasuj. — Zeitschrift für slavische Philologie, X, 2. Leipzig, 1933, SS. 103—106.

¹¹ А. М. Панченко. Вопросы изучения чешско-русских литературных связей. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 644—645.

¹² ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 44 (вступительная статья в машинописном виде).

этих наблюдениях, А. Вайян полагает, что «Василий Златовласый» — рыцарская повесть, ославянизовавшаяся в Далмации (Хорватии), а затем, по-видимому, через сербское, болгарское или молдаво-валахское посредство попавшая в Россию, где подверглась переработке.¹³

Необходимо отметить, что все исследователи основывались лишь на публикации И. А. Шляпкиным списка ГПБ, собр. Погод. № 1603. Сравнение издания и рукописи демонстрирует малую пригодность публикации, которая не соответствует даже самым либеральным научным требованиям. И. А. Шляпкин сделал около трехсот ошибок. Среди них можно выделить поновления текста согласно требованиям тогдашней грамматики (ркп.: продаецца, итти, молотца; И. А. Шляпкин: продается, идти, молодца), неверные прочтения (ркп.: заигра в гусли, Мстислав, иной; И. А. Шляпкин: заиграв гусли, Мечислав, юный), необоснованные конъектуры, встречаются пропуски и очевидные искажения, нарушающие ткань повествования. В фольклорной формуле «не терт — не калач, не мят — не ремень», и т. д. И. А. Шляпкин убирает отрицание «не», нарушая и ритмику и синтаксический параллелизм. Вместо «короля» у него появляется «народ», вместо «венка» — «венец». Исследователи, таким образом, работали не с реальным, а со «шляпкинским» текстом повести. Кроме того, другие списки повести не привлекались — в лучшем случае оговаривалось их существование.¹⁴

Повесть о Василии Златовласом дошла до нас в следующих шести списках: ГПБ, собр. Погод. № 1603; ГИМ, собр. Барсова, № 2410; ГИМ, Музейное собр., № 1283; ИРЛИ, собр. Перетца, № 286; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 324; БАН. 45.8.170.¹⁵

В рамках данной статьи мы не имеем возможности изложить подробный текстологический анализ списков повести. Однако надо отметить, что текстологическое исследование списков показывает существование двух редакций повести, причем только список ГПБ, собр. Погодина, № 1603, опубликованный И. А. Шляпкиным, относится ко второй редакции. К первой редакции, стоящей ближе к архетипу повести, относятся остальные пять списков. Из существования двух редакций текста памятника мы и будем исходить в наших дальнейших рассуждениях.

Переходим к проблеме происхождения повести о Василии Златовласом. Как во всякой проблеме, здесь есть негативная и позитивная стороны. Негативная — это анализ аргументов, которые на первый взгляд подтверждают концепцию западнославянского происхождения повести. Начнем с разбора фабулы. Тот факт, что художественное пространство произведения ограничено Чехией и Францией, вообще не имеет отношения к месту ее происхождения. В XVII—XVIII вв. действие некоторых несомненно оригинальных текстов русских авторов протекало вне пределов России (вспомним, например, «Повесть об Иване Пономаревиче» с ее нерусским героем и приключениями в реальных и вымышленных странах¹⁶).

¹³ A. Vaillant. L'histoire de Basile aux cheveux d'or, prince tchèque. — Приложения к книжечности, язык, историју и фолклор. Београд, 1959, књ. XXV, св. 3—4, стр. 237—240.

¹⁴ ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 44. Н. А. Бакланова подготовила к изданию текст повести по 4 спискам.

¹⁵ В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. М.—Л., 1940. В библиографии указано 7 списков; местонахождение одного из них (Титов, 4105) сейчас не известно.

¹⁶ Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. А. Кушелевым-Безбодром под редакцией Н. Костомарова, вып. II. СПб., 1860, стр. 313—332.

Более того, как указывали уже некоторые исследователи, автор повести был плохо осведомлен о географическом и политическом положении Чехии. Хотя слова о «немецких режах» как будто говорят о том, что он осознавал вассальность Чехии по отношению к Священной Римской империи Габсбургов, однако фраза «чешские короли всегда бывают в поддании францужских королей» невозможна в устах чеха. Королевич Василий Златовласый отплывает из континентальной Праги во Францию на корабле. Сторонники чешского происхождения повести могут возразить, что аналогичная ситуация возникает в «Брунцвике», повести условно чешской. Но этот контраргумент отпадает, так как в последней отысканию корабля предшествует длительное сухопутное путешествие.

Другие доводы И. А. Шляпкина, Н. К. Гудзия, Т. Прохазковой касаются лингвистических моментов. Богемизмом считается слово «режи», которое возводят к чешскому «říše» («империя»). Однако в равной степени его можно считать полонизмом, тем более что калька с польского «czesza niemiecka» была известна в русской деловой письменности XVII в.¹⁷ На недоразумении основано и появление второго богемизма «подобный».

Переходим к гипотетическому польскому посредству. Эта мысль кажется логичной, поскольку путь через Польшу — это обычный путь проникновения в Россию западноевропейских произведений в XVII—начале XVIII в. Кроме того, в лексике повести есть слова, являющиеся полонизмами: «услугование» (польск. *usługowanie*), «червонные златые» (польск. *szeregony złoty*). Но их вряд ли можно считать «родимыми пятнами» иноязычного оригинала. В канун и эпоху преобразований среди московской интеллигенции знание польского языка было повсеместно распространенным и даже обязательным, а в русский язык вошло много польской лексики. В это время Москву прямо-таки наводнили выходцы с Украины и из Польши; много поляков и украинцев служило в Посольском приказе. Один из наиболее выразительных результатов этого процесса — «мова» Симеона Полоцкого, сочетавшая элементы церковнославянского, белорусского, украинского и польского языков и претендовавшая на роль официального литературного языка эпохи.

Не раз отмечалось, что «Повесть о Василии Златовласом» близка к жанру сказки (сюжет о разборчивой невесте), что в основе ее лежат мотивы, равно известные фольклору разных европейских народов. Поэтому вызывает недоумение следующее высказывание Юлиана Кжижановского в его книге о польской народной сказке: «Не исключено, что эта сказка («Разборчивая невеста» — В. Б.) была известна в Польше уже в XVI в., может быть даже, что из Польши на Русь перешла популярная повесть о „Василии Златовласом, королевиче Чешской земли“».¹⁸ Вопросы датировки фольклора вообще чрезвычайно сложны, тем более когда они решаются лишь на основании сходства мотивов. Заметим кстати, что сходство это в значительной степени кажущееся. Излагаем типичный сюжет о разборчивой невесте по тому же Ю. Кжижановскому: I, а) король приглашает королевичей искать руки его дочери, б) королевич влюбляется в королевну по портрету; II, а) королевна с презрением отказывает конкурентам, б) высмеивает их и наделяет унижительными прозвищами; III, а) королевна выходит за нищего, б) потому что отец решает выдать ее за первого встречного, или с) когда королевич, пере-

¹⁷ A. Florovskij. Ein angeblicher Bohemismus..., S. 105.

¹⁸ J. Krzyżanowski. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, T. I. Wrocław, 1962, str. 272—273.

одетый нищим, добывается ее руки, разгадывая загадки, или д) проводит с нею ночь, обманом проникая в ее спальню; IV, а) король выгоняет дочь и зятя, б) королева живет в нужде, с) ей приходится работать, d) просить милостыню, или е) продавать горшки, f) содержать корчму, либо г) прислуживать на королевской кухне; V, а) на пиру королевича королева покоряется ему, б) королевич признается, что он ее муж и прощает ее разборчивость.¹⁹

Сходство отдельных мотивов не воссоздает структуру сказки, более того — эта структура полностью переработана. В нашей повести отсутствует пункт IV, являющийся определяющим для данного сказочного сюжета, очень приблизительно можно говорить о сходстве мотивов III и V, переставлены смысловые акценты. И здесь надо сказать, что «Повесть о французском сыне», которую постоянно называют позднейшей переработкой «Повести о Василии Златовласом»,²⁰ полностью соответствует приведенной выше структуре сказок о разборчивой невесте. Получается парадоксальная ситуация, когда произведения, действительно сопоставимые, сравниваются не между собой, а с третьим («Василием Златовласым»), с произведением, равно удаленным и от сказки о разборчивой невесте, и от «Повести о французском сыне».

Эти сопоставления показывают, что у нас нет достаточных оснований предполагать наличие польского источника. Кроме того, само построение сюжета «Василия Златовласого» говорит об оригинальности его автора, который, используя фольклорные мотивы, создал беллетристический памятник. К этому выводу приводит и сопоставление повести с былинной о Соловье Будимировиче.²¹ В былинной о Соловье Будимировиче есть общий с повестью мотив: царица (в повести «королева») сама приходит к герою. Но если в повести это — логика развития сюжета, его кульминация, то в былинной этот — тоже кульминационный — момент ничем не подготовлен, никак не объяснен и существует как бы сам по себе. Здесь можно предположить существование какого-то эпического мотива, который использовал автор повести. Но в повести он (мотив) применен вполне конкретно. Королевич Василий говорит Полиестре: «То мне и честь, что государыня рабу служит». Этот эпизод и является «отмщением смеха», во имя чего приехал королевич во Францию. А отомстив за насмешку, возвращается в Чешскую землю. В некоторых текстах былинной Соловей Будимирович тоже уезжает, покидает Забаву, отклонив ее предложение стать его женой. Скорее всего, текст былинной сохранился только частично. О том, что в былинной осознавалась ее незаконченность, говорит осложнение сюжета появлением в ряде текстов нового героя Щапа. В этом случае былина получает сюжетное оформление — и окончательно расходится с повестью, не проясняя ничего в интересующем нас мотиве. Таким образом, отмечая известную близость былинной и повести, вряд ли можно говорить о непосредственном их взаимовлиянии.

Предположение Н. А. Баклановой, что «разбить на мелкие штуки» является калькой с немецкого «die Stück», не подтвердилось, так как слово «штука» в значении «часть, кусок» уже было в русской лексике XVII в. Так, в «Истории о Бохеме» (перевод с польского XVII в.) читаем: «А когда к нему принесли две штуки золота и говорили: „Мы то,

¹⁹ J. Krzyżanowski. Polska bajka... str. 272—273.

²⁰ С. Елеонский. История о французском сыне. Новая народная повесть XVIII в. — ЧОИДР, 1915, кн. III, отд. 3, стр. 14—23; М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963, стр. 141.

²¹ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв., стр. 134—136.

государь, нашли, прими до своей казны“, — сказал: „Коли вам то дали то лесные боги, умеете ж им отслужить, а к их хвале обрaтить. Я от вас того не потребую“.²²

Что же касается наличия в тексте повести хорватизмов, то можно с уверенностью сказать, что все они были известны в русской лексике. Так, грецизм «поклисарии», как указал еще Б. А. Ларин, был известен на Руси по «Повести о Дракуле» с XV в.²³ «Сенаторский» и другие слова этого корня широко употреблялись в XVII в. как привычная уже транслитерация польского слова (ср. «на раде сенаторской и шляхетской» в той же «Истории вкратце о Бохеме»). В петровское же время слово «сенат» стало русской реальией. Слово «чпаг» встречается в русском языке с XIII в.²⁴ В издании текста повести следует, вероятно, читать не «из ачпага», а «иза чпага». Ошибка могла произойти в процессе многократного переписывания текста и в результате малой употребляемости слова, так как в словарях XVIII в. «чпаг» приводится уже среди слов «неудобь познаваемых».

Итак, мы видим, что точки зрения о западнославянском или южнославянском происхождении повести не подкреплены сколь-нибудь серьезными аргументами. Все эти аргументы равно недостаточны и для того, чтобы вообще говорить о переводном характере памятника.

Переходим к позитивной части. Обратимся к началу повести по списку II редакции (ГПБ, собр. Погодина, № 1603).

«Бысть в древния лета... король именем Мстислав...²⁵ и имея тот король сына именем Василия, еже есть сын его Василий зело доброделен и прекрасен зело, а власы у него, аки злато, сияют. И таковыя ради красоты его прозва отец его Златовласом, понеже у него власы, аки злато, сияют» (лл. 168—168об.). В списке ИРЛИ, собр. Перетца, № 286, начало повести не сохранилось. Но вот какое чтение дают три московских списка I редакции: «...имел у себя единого сына именем Волаомих, еже есть Василий, зело добролична...». (ГИМ, собр. Барсова, № 2410, л. 147). В списке ГИМ, Музейное собрание № 1283, имя героя читается «Валамих», а в списке ГБЛ, собр. Тихонравова, № 324 — «Валамем». В самом позднем списке I редакции (БАН, 45.8.170) сохранена та же структура, но имя приведено лишь в одном варианте, что объясняется повновениями и искажениями текста этого списка («имел у себя единого сына Василия, еже есть зело добролична...»). Т. е. становится очевидным, что в архетипе повести имя королевича звучало иначе и что во II редакции текст повести подвергся переработке.

Надо отметить, что наряду с известными по II редакции двумя вариантами имени чешского короля (Мстислав, Стапислав) в списке ГБЛ, собр. Тихонравова, № 324 (I редакции) король назван первый раз именем «Апанимдов». И если предположить, что этот вариант имени ближе остальных к архетипу, то мы получаем следующую систему имен: Валаомих—Полимистра—Апанимдов—Карлус. Два из них явно греческого происхождения, что подтверждается, если мы попытаемся найти русскому варианту имен фонетические соответствия в греческом языке. Мы имеем три чтения имени королевича (Валаомих, Валамих, Валамем) и можем предположить следующие варианты:

²² А. М. Панченко. История вкратце о Бохеме. — ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1961, стр. 243.

²³ Русские повести XV—XVI в. М.—Л., 1958, стр. 421.

²⁴ Срезневский, Материалы, т. III, стр. 1554.

²⁵ И. А. Шляпкин в издании дает здесь ошибочное чтение «Мечислав».

1) имя восходит к страдательному причастию βαλόμενος (гл. βάλλω — «бросать», аор. ἐ βάλον), что в переводе значит «брошенный, поруганный, отвергнутый»;

2) имя восходит к глаголу βούλομαι — «хотеть, желать» с формами ὁ βουλόμενος — «всякий желающий, первый встречный»; и τό βουλόμενον — «желание, намерение, решение».

Интересно, что значения обоих вариантов имени не случайны и умозрительны, а соответствуют функции героя в повествовании, называют ее. В этом можно убедиться и на втором примере. Имя королевны «Полиместра» восходит к ἡ πολυμήστρη (от гл. μναομαι — «свататься») и имеет значение «многосватанная», к которой многие сватались или сватаются, объект сватовства. Здесь мы снова видим прием называния героев по их функциям, прием, широко использовавшийся в русской и мировой литературе.

Казалось бы, имя французского короля «Карлус» противоречит нашей гипотезе греческого происхождения имен. В самом деле, перед нами ярко выраженный латинизм. Однако не исключено, что в процессе переписывания имя претерпело какие-то изменения и в архетипе повести звучало иначе. В пользу этого говорит тот факт, что в списке БАН, 45.8.170 (I ред.) имя короля ни разу не встречается в форме «Карлус», а только «Корлус» или «Курлус»; т. е. «Карлус» скорее всего не является исконной формой, и не исключено, что это имя возникло из какого-то другого по аналогии с именем французского короля Карла Великого. Если, несмотря на всю гипотетичность наших рассуждений, попытаться найти греческие соответствия имеющимся вариантам имени французского короля, то мы опять-таки получаем определенную функциональную значимость грецизмов.

ὁ κάρος — глубокий сон;
 ὁ κύριος — имеющий силу, власть;
 ὁ κύριος — господин, глава семейства, царь.

Еще большие изменения претерпело имя чешского короля: Апанимдов—Мстислав—Станислав. Здесь практически невозможно восстановить изначальную форму, так как вряд ли «Апанимдов» является исконным вариантом. Приведем примеры ближайших возможных соответствий:

ἀπαρνάομαι — отрицать, отказывать;
 ἀπονέμω — воздавать;
 ἀπονήμενος — имеющий пользу, выгоду.

Если трактовка последних двух имен не выходит за рамки предположений, то имена главных героев бесспорно восходят к греческому языку, а их функциональная нагрузка свидетельствует о сознательности, преднамеренности их употребления в повести.

Только во II редакции объясняется, истолковывается «прозвище» героя: «...зело даброделен и прекрасен зело, а власы у него, аки злато, сияют. И таковыя ради его красоты прозва его отец Златовласом, понеже у него власы, аки злато, сияют». И хотя это толкование повторяется, хотя на нем акцентируется таким образом внимание читателя, но оно не звучит достаточно убедительно. У эпического героя или героини могут быть золотые волосы, но они всегда выполняют в повествовании какую-то определенную функцию.²⁶ Здесь такая важная примета героя (золотые

²⁶ Так в сказке «Иван, ядовинский сын и Гриша» королевна в похожей ситуации (герой занимается садовником) обращает внимание именно на золотые волосы героя. Е. А. Чудинский. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864, стр. 17—18.

волосы) абсолютно лишена какой-либо функциональной нагрузки. Остается предположить, что толкование это — формально и не соответствует семантике «прозвища» героя.

В XVII в. в России получил широкое распространение греческий термин-символ $\xi\alpha\nu\theta\acute{\omicron}\varsigma \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, который в переводе означал «светловолосый, рыжеволосый» (мог означать и «золотоволосый») народ». Этот термин греки употребляли по отношению к чужим могущественным варварским народам (причем «варварские» в значении народов негреческого происхождения, безотносительно уровня их развития), с которыми связывалось представление о всевозможных несчастьях, разрушениях, гибели. Но этот же термин по отношению к грекам имел прямо противоположное значение, т. е. народ красивый, благородный, умный и пр. Себя греки тоже называли $\xi\alpha\nu\theta\acute{\omicron}\varsigma \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$. Не только целый народ, но и каждый отдельный человек мог быть $\xi\alpha\nu\theta\acute{\omicron}\varsigma \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$.²⁷

В I редакции эта фраза выглядит следующим образом: «... и имел у себя единого сына... zelo добролична, и доброславна, и премудра. Таковые ради его красоты прозва его Златовласым» (ГИМ, Музейное собр., № 1283). Если во II редакции повести толкование «красоты» героя связывается с золотым сиянием его волос и, не получая никакой реализации в тексте, является результатом переработки, «редактирования» повести, то понимание «красоты» в текстах I редакции полностью соответствует тем представлениям, которые связывались с термином-символом $\xi\alpha\nu\theta\acute{\omicron}\varsigma \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, употребляемом по отношению к грекам («... zelo добролична, и доброславна, и премудра»). Если предположить, что «Златовласый» является переводом греческого $\xi\alpha\nu\theta\acute{\omicron}\varsigma \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, то становится понятна и функция «прозвища», так как все удивляются не золотым волосам, а именно красоте, разуму и благородству «раба гости Василия», именно эти его качества возбуждают любопытство королевы Полиместры; они же являются главными в характеристике героя.

В повести есть эпизод, когда королевич собирается ехать во Францию. Очевидно, именно с этого эпизода появилось в архетипе имя героя «Василий». Подтверждается это, в частности, тем, что королевич едет во Францию «неявным лицом», а так как он переодевает своих отроков и переодевается сам, то логично предположить, что изменив их имена, он изменяет и свое имя, становясь отныне Василием (в списке ГИМ, собр. Барсова, № 2410 читаем: «Василием себя же учини, рабом гостю, протчих же тридцать отроков — наемники»; но все списки дают разные чтения). Здесь уместно вспомнить, что другой герой, Петр Златых Ключей, отправляясь в чужие страны, тоже скрывает свое имя, так как «честному и славному рыцарю о имени своем сказываться рыцарский устав запрещает». Тогда становится понятен и смысл оборота «Валаомих, еже есть Василий». В данном случае перед нами не перевод имени на русский язык (ибо имя «Василий, восходящее к греческому βασιλειος — «царский», семантически не равнозначно имени «Валаомих»), а как бы пояснение, сноски: «... он же Василий».

Высказанное выше предположение о системе значимых греческих имен может на первый взгляд показаться необоснованным и неоправданным. Действительно, с лингвистической точки зрения можно только условно говорить о какой-либо системе, так как в трех случаях из четырех мы не имеем исходной формы имен и вынуждены апеллировать к догадкам. Однако все становится на свои места, если обратиться к художественным

²⁷ Приношу мою искреннюю благодарность И. Н. Лебдевой за эти ценные сведения.

особенностям повести. Исследование текстов позволяет сделать вывод, что автор «Василия Златовласого» наряду с внешней, событийной линией создал линию символическую, или скорее аллегорическую, которая проведена через всю повесть. Эту линию образуют: надпись на чаше; ответ королевны; по-видимому, мотив осыпания деньгами на золотом ковре; сны королевича.

Аллегория

Тебе, королевне, сию чашу вручаю на увеселение, а мне, королевичу, на утверждение.

(ИРЛИ, собр. Переца, № 286)

Не терт — не калачь, не мят — не ремень, не тот де сапог не на ту ногу обут, садится лычко к ремешку лицем...

(ГИМ, Музейное собр., № 1283)

Смысл аллегории

Красива, государыня, прекрасная Полimestра, сию чашу прими и поди за меня, за королевича Василья Златовласова.

(ГПБ, собр. Погодина, № 1603)

...понимает ли де смердсей сын королевскую дочь; никогда того не бывает, еже смердсей сын королевскую дочь понимает.

(ГИМ, Музейное собр., № 1283)

Брачной символикой являются сны королевича, по крайней мере, так понимает их король Карлус. Но смысл аллегории, разгадку он найдет в послании королевича уже после его отъезда. «Осыпание на золотом ковре золотом» подразумевает или брачный обряд венчания, или венчание на царство. В связи с этой иносказательной линией особый смысл приобретает система значимых имен персонажей, рассмотренная нами выше.

Был ли это перевод с греческого? Пока решить невозможно. Мало исследована грекоязычная литература XVII в., хотя известно, что переводы с греческого в это время на Руси выполняются, причем среди них — не только религиозная легенда (например, сборник Агапия Критянина «Грешных спасение»), но и промежуточные с приключенческими элементами формы («Повесть о царе Аггее»). Но как бы ни был впоследствии решен этот вопрос, нам кажется, можно обойтись и без гипотезы о греческом оригинале. Автор повести — обрусевший грек или русский книжник, знавший греческий язык. Во всяком случае, система значимых греческих имен снимает вопрос об оригинале западнославянском и западноевропейском вообще. Латинизмы в этой функции для Европы были бы понятны, грецизмы — исключены.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова

О литературных и исторических памятниках Древней Руси, изданных выдающимся просветителем XVIII в. Николаем Ивановичем Новиковым, не написано ни одного исследования. Между тем такая работа представляется важной для решения ряда вопросов, связанных с изучением древнерусской литературы, воспринимаемой и передаваемой учеными, писателями и публикаторами XVIII в. Важно знать, какой комплекс древнерусских произведений был известен в XVIII в., какие памятники оказывались исследованными, и, наконец, установить приемы передачи текста рукописей их издателями, что в свою очередь раскрывает пробелы его понимания.

Известно, что мысль об издании древнерусских произведений возникла в начале XVIII в. В 1703 г. Петр I высказал пожелание об издании русских летописей.¹ Для реализации этого намерения он издал два указа о сборе рукописных материалов в епархиях и монастырях (1720 и 1722 гг.).² Кроме того, по повелению Петра I была снята копия с летописи, подаренной в Кенигсбергскую библиотеку Радзивилом. Эта копия с Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, хранившаяся в личной библиотеке Петра I, после его смерти попала вместе со всем собранием в Библиотеку Петербургской Академии наук, где находится до настоящего времени.

23 апреля 1734 г. Академия наук обратилась в Сенат с просьбой разрешить ей издавать русские летописи. При этом было сообщено, что в публикуемом тексте не будут изменять «ни наречия, ни материи, кроме некоторых мест, которые со историею светскою никакого союза не имеют, но токмо до духовности касаются, и о которых святейший правительствующий Синод впредь рассмотреть может».³

Сенат, не решив сам вопроса об издании летописи, передал его на рассмотрение Синода, который постановил: «Рассуждаемо было, что в Академии затевают истории печатать, в чем бумагу и прочий кошт терять будут напрасно. Понеже в оных книгах писаны лжи явственные... отчего в народе может произойти не без соблазна».⁴

Мы не знаем, кто был инициатором этого подготавливавшегося в 1734 г. издания летописи, не знаем также, какая из рукописей пред-

¹ Отчеты о занятиях Археографической комиссии за 25-летие ее существования. СПб., 1860, стр. 60.

² Полное собрание законов Российской империи, т. VI, СПб., 1830, № 3693, стр. 277.

³ ВОИДР, т. XXIV, 1856, разд. III, стр. 49.

⁴ Там же, стр. 50.

назначалась для публикации. Об этом можно только высказать догадки. Нам представляется, что замысел издания летописи мог принадлежать Василию Никитичу Татищеву, как раз в начале 30-х гг. XVIII в., усиленно занимавшемуся поисками источников для «Истории российской». В «Предъизвещении о истории» В. Н. Татищев прямо писал о необходимости издания русских летописей: «...мню, святейшему Синоду весьма нетрудно, если повелит во всех монастырях всякие древние письменные книги, тетради, грамоты и пр. обстоятельно описать и под именем русской библиотеки напечатать, что желающие в истории церковной и гражданской трудиться могли знать, где что сыскать могут».⁵ В. Н. Татищеву же принадлежит мысль о необходимости изъятия из издаваемой летописи отрезков текста, не имеющих отношения к гражданской истории. Он писал, что свою историю составлял «ни переменяя, ни убавлявая из них (из летописей, — Г. М.) ничего, кроме не надлежащего к светской летописи, яко жития святых, чудеса, явления и пр., которые в книгах церковных обильнее находятся».⁶

В «Предъизвещении» также сказано о необходимости при работе над историческим трудом привлекать архивные материалы: «...если архивы патриаршу, дворцовую, рейтарскую, иноземческую и стрелецкую искусным в истории разобрать, то, конечно, можно надеяться, что многое нужное к известию найтись может».⁷

Так, В. Н. Татищев определил направление разработки русских исторических материалов на многие десятилетия.

Выдвигая идею об издании серии документов, «которые в истории вносить неудобно, а сверх того можно обстоятельнее на словах изъяснить», Татищев указал на необходимость издания «древних законов, духовных великих князей» и «некоторых старинных грамот и актов русских церковных соборов». Сам Татищев много лет трудился над изучением и комментированием «Собрания законов», в числе которых первыми были «Право или закон, данный новгородцам от великого князя Ярослава Владимировича в 1017 году» («Русская Правда») и «Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича».

С. Н. Валк исследовал процесс работы Татищева над «Русской Правдой» и установил причины ошибок в прочтении и соответственно в комментировании ряда статей, произошедших оттого, что русский историк не имел возможности пользоваться подлинными рукописями, а трудился над копиями, переписанными для него писцами.⁸ В этих копиях накапливались ошибки, о которых Татищев знать не мог, и составление примечаний к этим ошибочным текстам приводило подчас к серьезным изменениям содержания памятника.⁹

Но более существенным было то, что Татищев «сводил воедино» различные списки и редакции древнерусских памятников. В таком «Татищевском своде» определенная рукопись соединялась с другими без обозначения границ реконструкции на основании конкретных источников или домысла самого историка.

⁵ В. Н. Татищев. История российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 119.

⁶ Там же, стр. 91.

⁷ Там же, стр. 123.

⁸ С. Н. Валк. 1) Татищевские списки Русской Правды. — Материалы по истории СССР, вып. V, М., 1957, стр. 607—657; 2) Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в. — Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, стр. 124—131.

⁹ С. Н. Валк. Русская Правда, в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в., стр. 125—131.

В. Н. Татищев умер летом 1750 г. Его «манускрипты» оказали серьезное воздействие на историческую мысль современников. Прав С. Л. Пештич, когда говорит о том, что с изучения наследия Татищева начали свои исторические труды Ломоносов, Миллер, Шлецер и многие другие.¹⁰ Изучение наследия давало возможность оценить вклад, сделанный великим историком, но одновременно позволяло увидеть ошибочность его принципиальной позиции в составлении «сводов» летописных и документальных памятников.

В 1768 г. Г. Ф. Миллер опубликовал I том «Истории российской» В. Н. Татищева. И в том же году выпустил 1-е издание «Судебника государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные... Васильем Никитичем Татищевым» (2-е изд. 1786). С этого года труды В. Н. Татищева стали достоянием более широких кругов русской интеллигенции.

С начала 50-х годов начал работать над «Российской историей» Ломоносов. Вопрос об источниках отечественной истории, о летописях и документах возник и перед ним и, естественно, заставил подумать о необходимости их издания, тем более что отрывки Петровской копии Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи были изданы в 1732—1735 гг. в немецком переводе Паузе Г. Ф. Миллером в «Sammlung russischer Geschichte», а в апрельском номере «Ежемесячных сочинений» была опубликована статья Г. Ф. Миллера «О летописи Нестора», сделанная на материале трех глав «Истории российской» В. Н. Татищева, в которой автор статьи ставил вопрос о полном издании древнерусской летописи.¹¹

С начала 50-х годов Ломоносов при участии Ивана Баркова — переписчика его трудов и ученика, начал готовить к изданию Петровскую копию Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи.

Ломоносов и Барков были первыми, кто поставил перед собой задачу научного издания текста. У них не было предшественников — все вопросы, связанные с передачей и толкованием рукописи, нужно было решать самим. В руках Ломоносова находились обе редакции «Истории российской» Татищева: I — на «древнем наречии», II — на современном наречии, «Законы Ярослава» с переводом и примечаниями Татищева.¹² Было необходимо, учитывая опыт Татищева, найти лучшее решение публикаций и истолкования текста древней летописи.

В предисловии к изданию Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, вышедшей из печати в 1767 г. после смерти Ломоносова под названием «Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен», изложены принципы издания. Мы увидим ниже, в чем Ломоносов следовал Татищеву, а в чем он пошел другим путем.

В Предисловии сказано: «Напечатан он (летописец Нестора, — Г. М.) так как есть, без всякой переправки в слоге и речениях, а где местами смысла не было или целые речи проропены, там оное дополнено,

¹⁰ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. I. Л., стр. 222—224.

¹¹ Г. И. Моисеева. Из истории изучения русских летописей XVIII века. — Русская литература, 1967, № 1, стр. 130—138.

¹² Совершенно согласна с выводом С. Н. Валка о том, что упоминаемые в одном из отчетов Ломоносова «Законы Ярослава», которые он считал «для собирания материи к сочинению российской истории», были отдельной рукописью какой-либо редакции татищевской «Русской Правды». — С. И. Валк. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в., стр. 136.

сличая с другими списками, а еще некоторые писцовы ошибки, как например на стр. 4 строк. I „Фивулія“ вместо „Фива и Ливія“ и стр. 16 строк. I „бѣлей дивицѣ“ вместо „веверицѣ“ нарочно оставлены.

§ 3. Некоторые к истории совсем не принадлежащие описания выставлены, в чем следовал я примеру собранной покойным Васильем Никитичем Татищевым летописи; местами же приложены в скобках толкования темных речений.¹³

Татищев, как мы помним, изменял «слог и речения» древних памятников, Ломоносов отказался от лексических замен: Кенигсбергская летопись опубликована «без всякой переправки в слоге и речениях», но с изъятием отрывков с описанием знаменнн чудес и т. п.

Издатели летописи твердо придерживались правила отделять типографскими знаками раскрытие смысла текста от его публикации: текст рукописи был набран крупным прямым шрифтом, для толкования «темных речений» предназначался курсив, заключенный в круглых скобках. Примечания помещались внизу страницы и были набраны мелким прямым шрифтом, внутри которого курсивом выделялся текст летописи в отличие от издательских примечаний. Варианты из других списков и из «Истории Российской» В. Н. Татищева также размещены внизу страницы.

Соприкоснувшись с изданием древней летописи, отстоящей от времени ее составления на несколько столетий (в предисловии сказано о том, что летопись написана «черноризцем Нестором» в XI в., а Кенигсбергский список в «исходе XVI века... уже в Польше находился»), необходимо было решать вопросы, связанные с устранением явных порчъ текста, накопившихся в рукописи вследствие ее неоднократных переписок.

В издании Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи 1767 г. впервые применены приемы реконструкции текста. Издатели указывают в подстрочном примечании границы вставок, а в тексте летописи реконструируемый отрезок заключен в квадратные скобки. В качестве примера реконструкции текста можно привести новгородские известия под 1155 г. В примечании сказано: «Включенное в скобках дополнено сокращенно из летописи Новгородской, потому что сего года в Нестеровом списке с которого сие печатано, не находится».¹⁴

Переписчик Петровской копии Кенигсбергской летописи внес в графику некоторые упрощения: так А и ѿ систематически заменено я; оу — у, ѿ — о (эта замена не проведена полностью). Но в целом он стремился возможно точнее передать оригинал, поэтому личные имена, географические понятия, названия городов у него написаны со строчной буквы, предлоги слиты со словами, к которым они относятся.

Издателям Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи необходимо было разбить текст на логически целые отрезки, отделить предлоги, заключить прямую речь в кавычки, поставить знаки препинания — то есть передать древнюю рукопись гражданским шрифтом (в отличие от церковно-славянского шрифта, которым печатались издания церковной печати) в системе орфографии середины XVIII в.

С точки зрения издателей XVIII в. публикация произведений предшествующего периода, отстоящего даже на небольшой промежуток времени от времени создания произведения до печатания, не мыслилась быть представленной вне соотнесения с конкретными требованиями своей

¹³ Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен, часть I. СПб., 1767, стр. 32 первой пагинации.

¹⁴ Там же, стр. 231 первой пагинации.

эпохи. При анализе приемов передачи текста и примечаний, составленных А. Кантемиром в конце 30-х—40-х годах к своим сатирам, можно убедиться, что И. Барков, подготовлявший издание 1762 г., «дотянул» его до уровня научно-эстетической мысли своего времени.¹⁵

С известными оговорками, но основной принцип передачи древнего текста в системе орфографии времени его издания сохраняется и до настоящего времени.¹⁶

В качестве примера приведем отрывок из рассказа Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи о солнечном затмении 1 мая 1186 г., предшествующем знаменитому походу Игоря Святославича на половцев. Мы увидим, как систематически «накладывали» издатели XVIII в. свои орфографические нормы правописания, как исключали описание слишком подробное (с их точки зрения) «знаменія божія», которое представлялось людям XII в. Издатели исправили обрусевшее имя «Еремѣя» на соответствующее имя библейского пророка «Іермію», «Олговичи внуци» на «Ольговы внуцы», добавили отсутствующие на концах некоторых слов ъ, в окончаниях предложного падежа среднего рода поставили ѣ («знаменіе въ солнцѣ») — «знаменіе въ солнцѣ»), окончание имен существительных на *ие* и *ии* передали через *іе*, *іи*. Там, где отсутствовали предлоги, они добавлены: «лѣто 6694—въ лѣто 6694»: «тоже лѣто» — «въ тоже лѣто».

Кенигсбергская
(Радзивиловская)
летопись

Петровская копия
Кенигсбергской
(Радзивиловской)
летописи

Издание
Кенигсбергской
(Радзивиловской)
летописи 1767 г.

Лѣто 6694 маіа І день на память святаго Еремѣя в среду на вечерни бысть знаменье въ солнци и мрачно бысть велми яко и звѣздъ видѣти челоуѣкомъ во очию яко зелено баше и въ солнци оучинися мѣсяць из рогъ его яко оугль жаравъ исхожаше и страшно бѣ видѣти челоуѣкомъ знаменіе божье.

То же лѣто здоумаша Олговичи внуци занеже бяхомъ не ходили того лѣта со всѣми князьми.¹⁷

Лѣто 6694 маіа І день на память святаго Еремѣя в среду на вечерни бысть знаменіе в солнци и мрачно бысть велми яко и звѣздъ видѣти челоуѣкомъ во очию яко зелено баше и в слзи учинися мѣсяць изъ рогъ его яко угль жаравъ исхожаше и страшно бѣ видѣти челоуѣкомъ знаменіе божье.

То же лѣто здоумаша Олговичи внуци занеже бяху не ходили того лѣта со всѣми князьми.¹⁸

Въ лѣто 6694 маіа въ І день на память святаго Іеремія въ среду на вечерни бысть знаменіе въ солнцѣ, и мрачно бысть велми, яко и звѣзды видѣти челоуѣкомъ. То же лѣта родися у Всеволода сын Константинъ Маія 18 дня.

Въ то же лѣто здоумаша Ольговы внуцы, занеже бяху не ходили того лѣта со всѣми князьми.¹⁹

Нам пришлось остановиться на анализе приемов передачи текста в первой публикации Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи 1767 г. потому, что, как мы увидим ниже, это издание оказало большое влияние на судьбу последующих изданий древнерусских литературных и исторических памятников.

¹⁵ Г. Н. Моисеева. Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 года. — Русская литература, 1967, № 2, стр. 102—115.

¹⁶ См.: Р. П. Дмитриева. Проект издания памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 494—495 (раздел «Техническое оформление подготовленного текста к изданию», текст передается современным шрифтом с заменой недостающих в современном алфавите букв).

¹⁷ БАН 34.5.30, л. 232.

¹⁸ БАН 31.7.22, л. 290 об.

¹⁹ Библиотека российская историческая... стр. 276.

Н. И. Новиков приступил к изданию памятников древнерусской письменности вскоре после закрытия журнала «Пустомеля».²⁰ В этот период он усиленно занимается историей русской литературы, готовит «Опыт исторического словаря о российских писателях», вышедший из печати в 1772 г. Г. П. Макогоненко справедливо пишет, что «Эти занятия российской историей несомненно помогли Новикову разобраться в национальных путях развития России, определили его социально-политические воззрения».²¹

В период работы над «Опытом исторического словаря» Новиков познакомился со многими деятелями науки и литературы — авторами исторических трудов, хранителями и исследователями древних рукописей. Подзаголовок книги раскрывает источники: «Опыт исторического словаря о российских писателях из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий собрал Николай Новиков». Поэтому «Опыт словаря» дает возможность в известной мере представить характер и объем сведений Новикова о древней и новой русской литературе.

Новиков, несомненно, был хорошо знаком с А. И. Богдановым — архивариусом Библиотеки Петербургской Академии наук, который трудился в библиотеке 30 лет и хорошо знал рукописные и книжные фонды. А. И. Богданов был составителем первого печатного описания рукописей, хранящихся в Библиотеке Петербургской Академии наук, — так называемого «Камерного каталога», вышедшего из печати в 1742 г. Позднее А. И. Богданов дополнял сведения о новых поступлениях рукописей. Поэтому Н. И. Новиков был хорошо ознакомлен с основным корпусом литературных и исторических памятников, собранных в Библиотеке «императорской Академии». «Опыт исторического словаря о российских писателях» является в этом смысле хорошим дополнением к «Камерному каталогу», так как дает основание представить фонд рукописей Библиотеки Петербургской Академии наук к концу 60-х—началу 70-х годов XVIII в. В качестве примера укажем, как Н. И. Новиков точно сообщает о неопубликованных сочинениях писателей, списки которых собраны в Библиотеке. Он пишет, что «из сочинений Адриана, патриарха Московского и всея России остались известными только две рукописные книги: первая „Цит веры“, содержащая в себе разные нравоучительные рассуждения, возражения против еретиков и другие наставления; вторая содержит в себе грамоты или послания сего Патриарха, в разные времена писанные, и указы духовные. Обе сии книги хранятся в императорской библиотеке».²²

Новиков был знаком с Иваном Барковым, издателем «Сатир» А. Кантемира 1762 г. и автором «Краткой Российской истории от Рюрика до времен Петра Великого» (по мнению Новикова, ненапечатанной).²³

²⁰ Г. П. Макогоненко. Н. И. Новиков и русское Просвещение. М.—Л., 1951, стр. 202.

²¹ Там же, стр. 202.

²² Опыт исторического словаря о российских писателях из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий, собрал Николай Новиков. СПб., 1772. — Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867, стр. 7—8.

²³ В действительности «Сокращенный российский летописец», составленный И. Барковым на материале работы Ломоносова «Краткий российский летописец с родословием» (1760 г.), опубликован в новом издании книги Гильмара Кураса «Универсальная история» (1762 г.), куда впервые введена русская история.

Встречался Новиков и с Семеном Башиловым²⁴ — действительным издателем Никоновской летописи (А. Шлецер руководил этим изданием, находясь в Геттингене) и Судебника царя Ивана Васильевича.²⁵

Новиков хорошо знал корпус рукописных сочинений П. Н. Крещина: «Он сочинил три летописи: 1) от начала царствования царя Иоанна Васильевича с 1534 по 1560 год; 2) История о царе Борисе Федоровиче Годунове по 1600 год; 3) История великой княжны Ольги, во святом крещении нареченная Елены; также и еще сочинил две книги: 1) Историческое известие о рождении Петра Великого, 2) Описание жития и дел сего великого монарха от рождения до дня погребения с приложением при той книге: Родословия великих князей и царей российских. Все сии книги рукописными хранятся в Императорской библиотеке».²⁶

В «Опыте исторического словаря» подробно сообщено о публикациях исторических трудов и розысканий Г. Ф. Миллера.²⁷

Вызывает интерес ссыла на Михаила архиеерея Смоленского, который «сочинил Российскую летопись от 1254 по 1423 год. Сия книга рукописною хранится в императорской Библиотеке».²⁸ Источник сведений Н. И. Новикова по этому вопросу, по-видимому, словесный. Только сейчас стала известна приписка Ломоносова на л. 886 II Остермановского тома Никоновской летописи о связи летописного повествования со смоленским архиепископом: «Сия книга писана Игнатием чернцом Михайла архиеерея Смоленского. Смотри стран. 556». А на стр. 556 (по старой пагинации) написано: «...отпусти Пимен митрополит черньца Михаила ко Царюграду, а Михаил епископ смоленский мене, Игнатца, а Сергей архимандрит Азаков своего черньца...».²⁹ Только в конце XIX в. было опубликовано исследование С. Арсеньева, где обосновывался вывод о принадлежности описания пути в Царьград в 1389 г. и самого Царьграда Игнатию, находившемуся в свите смоленского епископа Михаила, сопровождавшего митрополита Пимена.³⁰

Можно полагать, что Н. И. Новиков знал о связи летописного рассказа с Смоленским архиепископским домом либо от самого Ломоносова, либо от кого-либо из работников Библиотеки Петербургской Академии наук (например, А. И. Богданова), слышавшего от Ломоносова об этом его научном предположении.

Н. И. Новиков хорошо изучил состав древнерусских литературных и исторических памятников. Он привлек весь фонд исторических трудов своих современников. В «Опыте исторического словаря» очень полно использованы «История российская», 1-й том которой был опубликован Г. Ф. Миллером в 1768 г., и «Российская история» М. М. Щербатова. С последним Н. И. Новиков был знаком по работе в Комиссии о сочинении нового Уложения.

²⁴ В 1769 г. Семен Башилов был переведен из Академии наук в Комиссию о сочинении проекта нового уложения. В этой Комиссии, как известно, работал и Н. И. Новиков (Опыт исторического словаря..., стр. 13).

²⁵ Опыт исторического словаря..., стр. 14.

²⁶ Там же, стр. 52.

²⁷ Там же, стр. 71.

²⁸ Там же, стр. 72.

²⁹ БАИ 31.7.30, л. 280 об.

³⁰ Хождение Игнатия Смолянина 1389—1405. — Православный палестинский сборник, т. IV, вып. 1, СПб., 1888, стр. I—VII, 1—27.

Таким образом, очевидно, что идея издания древнерусских литературных и исторических памятников появилась у Н. И. Новикова не случайно и не в силу коммерческих соображений, как это пытались представить некоторые исследователи XIX в. Замысел Н. И. Новикова вырос из потребностей русской науки, потребности, осознанной уже в 30-е годы XVIII в. В. Н. Татищевым, который, как было показано выше, высказал идею публикации первоисточников: летописей, архивных материалов, «древних законов, духовных великих князей, некоторых старинных грамот и актов русских церковных соборов».

Мы помним, что готовя к печати Кенигсбергскую летопись, Ломоносов рассматривал это как начало целой серии памятников. Это ясно обозначено даже в заглавии издания: «Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и смежных времен» (курсив наш, — Г. М.). Вспомним также, что на обложке было напечатано: «Часть I». Следовательно, предполагалось опубликовать несколько частей, где были бы изданы и другие летописи, а также и «записки». Смерть помешала Татищеву и Ломоносову осуществить свои большие замыслы об издании древнерусских памятников.

В самом заглавии издания Н. И. Новиковым подчеркнута преемственность с лучшими традициями своих предшественников: «Древняя российская вивлиофика, или собрание разных сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних российских стихотворцев». Позднее Н. И. Новиков несколько изменил подзаголовок издания — «Древняя российская вивлиофика или собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся». Главная мысль — издание «древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся», — объединяет эти публикации. Вспомним, что одновременно с выходом первых томов «Древней российской вивлиофики» в том же 1773 г. появилась книга под названием «Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие по ним города и урочища, и на каком оныя расстоянии. Изданная Николаем Новиковым». Здесь была впервые опубликована книга Большого чертежу 1680 г. В предисловии высказан ряд положений, касающихся задач публикации древнерусских памятников и основных принципов их издания. Н. И. Новиков пишет: «Получа сей список от г. коллежского асессора Петра Кириловича Хлебникова, нашел я его весьма достойным напечатания как для сохранения самого сего списка, так и для удержания в памяти имен некоторых бывших городов, урочищ и прочих достопамятных известий, в сей книге находящихся, а паче всего для обличения несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг, кроме церковных, да и то будто бы только служебных. Предприняв издать в свет сей список, но не утверждаясь на одном мною полученном, я старался отыскать другие, и нашел в Библиотеке императорской Академии наук два списка, один старинным, а другой новым письмом писанные... Потом получил я еще из Москвы три таковые же списка, старанием моего друга отысканные: первые два из библиотеки покойного Александра Григорьевича Сабакина, а третий, исправнейший всех списков, на котором подписано: список со списка находящегося в Патриаршей ризнице. Прочитав все оные списки, нашел я, что полученный мною от т. Хлебникова список старее всех и по тому решился я издавать по оному, исправив только по

оному, исправив только против других находившиеся в нем описки и погрешности».³¹

Одну из главных задач публикации древнерусских памятников Новиков видит в «обличении несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг, кроме церковных, да и то будто бы только служебных». И это высказывание Новикова удивительно точно совпадает с неоднократно подчеркнутой мыслью Ломоносова: «Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние авторы».³² Ломоносов имел в виду не только записки иностранцев о России XVII в. (например, П. Петрея), но и труды прославленного Вольтера («История Карла XII, короля шведского»), где тенденциозно подчеркивалась отсталость допетровской России, которой был противопоставлен просвещенный Запад. Н. И. Новиков имел возможность ознакомиться и с новейшим выражением этой же точки зрения в книге аббата Шаппа д'Отерош о его путешествии по России, вышедшей в 1768 г.

Издание литературных и исторических сочинений писателей, документальные материалы (грамоты, переписка, постановления земских и церковных соборов) — словом, все, что создала допетровская Русь, должно было стать предметом внимательного изучения благодаря публикациям Н. И. Новикова, который видел в этом важный патриотический долг.

21 декабря 1772 г. Н. И. Новиков сообщил в «Санктпетербургских ведомостях» о замысле издания: «Некто вознамерился издавать на будущий 1773 год ежемесячное сочинение, под заглавием: «Древняя российская вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: путешествия российских посольств в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев».³³ А в предисловии к первому тому «Древней российской вивлиофики» Новиков уже более ясно определял направленность своего издания: «Не все у нас еще, слава богу, заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с неменьшим удовольствием увидят некое начертание правов их и обычаев, и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою».³⁴ Обращаясь к «любителям российских древностей», Новиков сообщал, что его издательская деятельность направлена для «удовольствия и познания» и предупреждал: «Не взирай на молодых кощунов, ненавидящих свое отечество; они и самые добродетели предков наших пересмегают и презирают».³⁵

Отношение Екатерины II к изданию древних письменных памятников, которое задумал осуществить Н. И. Новиков, было, по всем данным, благосклонное. Напуганная яркой политической направленностью деятельности Новикова как издателя передовых журналов XVIII в. «Трутня», «Живописца» и «Пустомели», русская императрица могла быть довольна «перемещению» его интересов в область древней истории.

³¹ Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей и какие по ним города и урочища, и на каком оныя расстоянии. Изданная Николаем Новиковым. СПб., 1773, стр. 1.

³² М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, М.—Л., 1952, стр. 170.

³³ Санктпетербургские ведомости, 1772, 21 декабря, № 102, стр. 595 об.

³⁴ Древняя российская вивлиофика, ... издаваемая помесечно Николаем Новиковым (далее: ДРВ), ч. 1, январь. СПб., 1773, стр. 2 (Предисловие).

³⁵ Там же.

Прекрасно понимая значение исторических трудов и желая и в этом отношении взять инициативу в свои руки (как и в журнале «Всякая всячина»), Екатерина II охотно пошла навстречу Новикову — издателю древних русских памятников, в то время как создание исторических сочинений предполагалось быть осуществленным другими лицами. Сохранилось известие А. Ф. Малиновского о том, что Екатерина II обратилась к Г. Ф. Миллеру с просьбой составить полную российскую историю, на что поледний ответил отказом по причине старости и рекомендовал ей князя М. М. Щербатова.³⁶

Н. И. Новиков, знакомый с М. М. Щербатовым со времени работы в Комиссии по составлению нового Уложения (т. е. с 1767 г., а может быть и ранее), задумывает издание «Древней российской вивлиофики» в творческом контакте с автором «Истории российской».

В январе 1770 г. М. М. Щербатов получил письменное разрешение Екатерины II пользоваться документами Московского архива Коллегии иностранных дел, где хранились духовные и договорные грамоты князей начиная с половины XIII в. и памятники дипломатических сношений России с иностранными державами. До этого разрешения Екатерины II такие документальные источники были недоступны историкам: обнародование этих материалов рассматривалось как разглашение государственной тайны.

В 1770 г. для М. М. Щербатова были сняты копии с 218 номеров грамот великих князей, хранящихся в Архиве Коллегии иностранных дел. В предисловии к III тому «Истории российской» Щербатов сообщил об этих источниках, полученных им через Г. Ф. Миллера: «... древнейшие из оных суть грамоты новгородские, которые начинаются с 1240 года при княжении великого князя Ярослава Всеволодовича; грамоты же московских великих князей начинаются со времен великого князя Иоанна Даниловича, еще прежде возшествия его на престол великого княжения, т. е. до 1328 года. Многие из сих грамот писаны на пергаменте, а большая часть на бумаге, без подписания тех, которые оные заключали, но с приложением их печатей; а на иных токмо, яко духовного посредника приложено подписание, тогда бывшего митрополита российского».³⁷

В конце 1772 г. Щербатов запросил копии дипломатических документов и статейных списков посольств, но ему удалось получить сами оригиналы посольских списков при условии их возвращения после использования. Щербатов имел в своем распоряжении «разные посольские дела с дворами Цесарским, Аглинским, Дацким, Шведским, Польским, Пруским, с Греческими духовными особами, с Турецким, Крымским, Нагайским и Персидским».³⁸

В январе 1773 г. Н. И. Новиков выпустил первую книгу «Древней российской вивлиофики». Издание было посвящено «Ея величеству Екатерине II императрице и самодержице всероссийской» и открывалось «Описанием брачного сочетания государя царя и великого князя Михаила Федоровича лета 7134» (1626 г.), полученным из «компатной библиотеки ея высочества».

Под вторым номером помещалась публикация материала, относящегося к истории русского флота: «Ведение о строении первого в России корабля, именуемого Орел, каков построен был во дни великого государя

³⁶ П. Н. Миллюков. Главные течения русской исторической мысли, т. I. М., 1897, стр. 36—37, 54—61.

³⁷ М. М. Щербатов. История российская от древнейших времен, т. III. СПб., 1774, стр. 10 (Предисловие).

³⁸ Там же, стр. 11.

царя и великого князя Алексия Михайловича всея России, близ села Деднова. И о плавании того корабля Волгою до Казани, а оттуду в Астрахань и по всему морю Каспийскому, под правлением господина Брукмана». Это отрывок из книги «звонкой воияж Иоанна Стрюса в Москву, и в Персиду, и в протчия страны из первого тома напечатанного в Лионе 1684 года».³⁹

В основу издания положена рукопись Библиотеки Петербургской Академии наук, указанная в Камерном каталоге 1742 г. под № 16 — «Всдение о строении первом в России корабле, именуемом Орел, каков построен во дни великого государя царя и великого князя Алексія Михайловича».⁴⁰

В первой книге была опубликована «Грамота государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, писанная к Ягану королю свейскому в 7080 (1572) год».⁴¹ Список грамоты также был взят из Академической библиотеки. Он сохранился донныне.⁴² Напечатан «Перевод с шертных грамоты, какову дал Мурат Гирей хан посланникам стольнику Василью Тяткину, да дьяку Никите Зотову».⁴³ Под последним, пятым номером первого выпуска «Древней российской вивлиофики» было издано «Зерцало историческое государей российских», так же как и предшествующая грамота, полученная из библиотеки Петербургской Академии наук,⁴⁴ о рукописи которой Новиков сообщал в «Опыте исторического словаря о российских писателях» 1772 г.

В номере первом за февраль 1774 г. были изданы разнообразные и разножанровые материалы: древнерусская повесть «О поставлении великих князей российских на великое княжение святыми бармами и царским венцом, откуда бе, и како начаша ставитися»,⁴⁵ «Чин и поставление на великое княжение Российского государства, сиречь на царство помазание, сице бывает царем»,⁴⁶ Посольство во Флоренцию 1659 г.

В мартовском выпуске за тот же год помещалось сочинение, полученное из библиотеки Н. И. Неплюева (о хранителе рукописи Н. И. Новиков сообщил в 1776 г.): «Должности старинных гражданских и придворных чинов».⁴⁷ В мартовском⁴⁸ и майском⁴⁹ выпусках «Древней российской вивлиофики» было помещено продолжение «Зерцала исторического государей российских» и краткая биография Селлини.

С мартовского выпуска 1-й части «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новиков начинает публиковать материалы Патриаршей библиотеки по спискам, полученным М. М. Щербатовым из Москвы. Копии древнерусских литературных и исторических произведений были необходимы для работы над «Историей российской. Как мы увидим ниже,

³⁹ ДРВ, ч. I, январь, стр. 40—58.

⁴⁰ Российские печатные книги, находящиеся в императорской библиотеке. Камера W, Шкап 1, 2, 3. СПб., 1742, стр. 72—73 (список сохранился: БАН 1.4.16).

⁴¹ ДРВ, ч. I, январь, стр. 52—58.

⁴² БАН 32.4.29.

⁴³ ДРВ, ч. I, январь, стр. 59—65.

⁴⁴ В настоящее время в Отделе рукописей БАН АН СССР не имеется рукописи сочинения Селлини о родословии российских государей, равно как и его перевода на немецкий язык «Летописца российского с 860 по 1462 год», о котором упоминается в доношении И. Тауберта (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 93, л. 192). Новейшее исследование об Адаме Селлини написано П. Н. Берковым; см. П. Н. Берков. Бурхард-Адам (Никодим) Селлий и его «Каталог писателей о России» (1736 г.). — Вестн. Лен. ун-в, сер. ист., яз. и лит., Л., 1966, № 20, вып. 4, стр. 98—109.

⁴⁵ ДРВ, ч. I, февраль 1773, стр. 73—76.

⁴⁶ Там же, стр. 77—108.

⁴⁷ ДРВ, ч. I, март 1774, стр. 151—163.

⁴⁸ Там же, стр. 197—222.

⁴⁹ ДРВ, ч. I, май, 1773, стр. 355—369.

творческая связь Новикова и Щербатова оказалась чрезвычайно плодотворной. Благодаря Щербатову Новиков смог за небольшой промежуток времени опубликовать большое количество ценнейших древнерусских памятников, имеющих важное значение для судеб русской культуры конца XVIII—нач. XIX в.

По спискам Патриаршей библиотеки Н. И. Новиковым были изданы следующие памятники: Синодик XV в. с вставками и исправлениями XVI и XVII вв., Устав патриарха Иоакима, собрание жалованных грамот, касающихся города Полоцка, Духовные патриарха Адриана и патриарха Иоакима, Житие боярина Ртищева, Путешествие митрополита Исидора на Флорентийский собор, сказание действительных чинов церкви Успения богородицы, чин пещного действия, Изложение патриаршее о обряде в Вербную неделю, церемониал при погребении царевича Алексея Алексеевича, Сказание како состави Кирилл Философ азбуку, Чин бываемый как государю служити, Записки некоторым обрядам, бывшим между государем и патриархом. Ярлыки, сиречь жалованные грамоты, иже давали первые цари ординские и сущие по ним вси святейшим преосвященным митрополитам киевским и всеа Руссии, Легость церковным домам и людем православным.

Начиная с июльского выпуска II тома за 1773 г. Новиков приступил к публикации договорных и духовных грамот великих и удельных князей XIII—XV вв.

В июльском выпуске были изданы краткие пересказы содержания трех грамот новгородцев к великому князю тверскому Ярославу Ярославичу 1263 г. Характер пересказа грамот в значительной степени зависел от изложения этого материала в приложении к III тому «Истории российской» М. М. Щербатова, вышедшего из печати в 1774 г.

В июльском выпуске II тома была издана «Роспись грамотам царским старинным». Мы помним, что в конце 1772 г. М. М. Щербатов получил из Московского Архива Коллегии иностранных дел подлинные статейные списки русских посольств при иностранных дворах. «Посольские дела» начинались «Цесарским двором». Перечисление грамот, входящих в это «дело», и было напечатано Новиковым.

В октябрьском выпуске II тома была опубликована «Роспись старинным грамотам великих князей московских, тверских, рязанских, суждальских, смоленских, литовских и прочих удельных князей». Н. И. Новиков, помещая эти «росписи», как бы обещал читателям «Древней российской вивлиофики» в дальнейшем издании самого текста «старинных грамот».

В сентябрьском и ноябрьском выпусках II тома за 1773 г. большое место было уделено материалам конца XVII в., освещающим события, предшествующие царствованию Петра I: «О преставлении от земного царства в небесное... царя и великого князя Феодора Алексеевича» и «Вручение благоверной и христороливой великой государыне премудрой царевне... Софии Алексеевне привилегии на Академию в лето 1685». Здесь же были напечатаны похвальные вирши царевне Софье Сильвестра Медведева.

В февральском выпуске III тома «Древней российской вивлиофики» за 1774 г. было опубликовано обширное сочинение: «Посольство в Испанию и во Францию стольника Петра Ивановича Потемкина 1667 г.», продолжение которого печаталось в апрельском, июльском и августовском выпусках томов за тот же год.

С майского выпуска 14-го тома 1774 г. Новиков начал издавать генеалогические материалы, имеющие значение как важный исторический источник. Первым было напечатано изыскание о роде князей Голицыных,

в сентябрьском выпуске V тома 1774 г. — «Родословие князей Куракиных».

В декабрьском выпуске VI тома за 1774 г. был издан полный текст новгородских договорных и духовных грамот XIII—XV вв.

Приведем пример совпадений в пересказе новгородских грамот в «Древней российской вивлиофике», издаваемой Н. И. Новиковым и в приложении к III т. «Истории российской» М. М. Щербатова.

Выписка из грамот новгородских № 1. Грамота от новгородцов к великому князю Ярославу Ярославичу Тферскому 1263 года

Сия грамота писана отъ Епископа Новгородского, отъ Посадника и отъ всѣхъ старѣйшихъ. Въ ней они требуютъ, чтобы Князь Ярослав Ярославичъ учинилъ присягу сохранить ихъ прежнія права.⁵⁰

№ 5. Грамота от новгородцовъ къ Великому Князю Михайлу Ярославичу Тферскому 1309 года

Сия грамота точно того же содержания какого и прошедшая.⁵²

№ 1. Архивы иностранной коллегии грамоты новгородскія № 1

Сия грамота писана отъ Архіепископа Новгородского, отъ Посадника, старѣйшинъ и всѣхъ новгородцовъ, въ которой они требуютъ, что бы Князь Ярославъ цѣловалъ имъ крестъ, такъ какъ дѣдъ и отцъ его цѣловали.⁵¹

Архивы Иностранной коллегии грамоты новгородскія № 5

Точно того же содержания, как и прежняя.⁵³

VII том 1775 г. открывался публикацией нового материала: «О свадьбах древних с 1500 года». Здесь же помещались несколько «Наказов», касающихся разных сторон государственного устройства России XVII в. В VIII томе был напечатан Синодик из Патриаршей библиотеки и «Грамоты старинные великих князей московских, тверских, резанских, суздальских, смоленских, литовских и прочих удельных князей, княгинь и всероссийских государей царей, духовные и договорные, межевые, жалованные и приговорные, так же крепости, грамотки и подручные российских дворян с 1328 по 1585 год». Продолжение грамот печаталось в IX т. 1775 г. В X т. под первым номером были помещены ответные грамоты к польскому королю Сигизмунду Августу и к гетману литовскому Хоткевичу от четырех главнейших российских бояр: «князь Ивана Бельского, князь Ивана Мстиславского, князь Михаила Воротынского и боярина Ивана Федорова о напрасном его короля склонении их в Польское к нему подданство 1567 года в июле и августе месяцах», а также «Статейный список посольства, отправленного от царя Бориса Федоровича Годунова в 1601 году к Сигизмунду королю польскому», несколько жалованных грамот и копий с документальных источников.

Важно выяснить, как Н. И. Новиков осуществил издание древнерусских памятников, какими правилами руководствовался при передаче текстов, в какой степени комментировал публикуемый материал.

Указание в первом издании «Древней российской вивлиофики» основных архивохранилищ, из которых Н. И. Новиков получал публикуемые материалы, — «Патриаршая книгохранилищница» (ныне Синодальное собрание ГИМа) и Московский Архив Коллегии Иностранных дел (ныне

⁵⁰ ДРВ, ч. II, июль, СПб., 1773, стр. 41.

⁵¹ М. М. Щербатов. История российская от древнейших времен, т. III, стр. 483.

⁵² ДРВ, ч. II, июль, стр. 46.

⁵³ М. М. Щербатов. История российская от древнейших времен, т. III, стр. 489.

ЦГАДА), позволило произвести сопоставление рукописей с их изданием. Но этот этап работы оставил ряд вопросов, на которые не было дано ответа. В числе их главный — каково участие Н. И. Новикова в подготовке к изданию древнерусских текстов. Первое издание «Древней российской вивлиофики» производилось в Санктпетербурге, где в это время проживал и сам Новиков. Естественно, что материалы, хранившиеся в Библиотеке Петербургской Академии наук были легко доступны издателю, но рукописи из «Патриаршей архивы» или из «Архива Коллегии Иностраннных дел» оказывались совсем в ином положении.

В настоящее время картина в значительной степени прояснилась благодаря научному описанию Эрмитажного собрания ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, осуществленному Д. Н. Альшицем.⁵⁴

Выше уже говорилось о тесной творческой связи Н. И. Новикова с М. М. Щербатовым, который с разрешения Екатерины II получил материалы из московских архивов для работы над «Историей российской». Известно, что после смерти М. М. Щербатова в 1790 г. его архив был куплен у наследников для пополнения императорской библиотеки: Екатерина II в это время усиленно занималась составлением «Записок касательно российской истории». Поэтому еще при жизни М. М. Щербатова с части интересующих императрицу материалов из московских архивов снимались копии, предназначавшиеся для ее личной библиотеки.

Таким образом, в Эрмитажном собрании ГПБ сохранились копии важнейших материалов, собранных Щербатовым и опубликованных в «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новиковым. Такое редкое для XVIII в. стечение обстоятельств, когда сохранились подлинные древнерусские памятники и копии с них, выполненные современниками, дает возможность установить процесс подготовки к изданию этих произведений и выявить долю участия в этом самого Н. И. Новикова или близких к нему людей, выполнявших его волю.

Мы располагаем большим количеством материалов, вместить которые в настоящую работу не представляется возможным. Поэтому из многочисленных примеров остановимся на анализе наиболее древних памятников (XIII—XV вв.), подготовка к изданию которых потребовала от Новикова решения ряда теоретических и практических вопросов. Само собой разумеется, что передача текстов конца XVII в. представлялась несомненно более простой задачей.

Под № 1 в томе VIII первого издания «Древней российской вивлиофики» опубликована Грамота от новгородцев к великому князю тверскому Ярославу Ярославичу. Она хранится в ЦГАДА Гос. Древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 3. Проведем сопоставление подлинной грамоты, копии, принадлежавшей М. М. Щербатову (ГПБ. Эрмит. № 336), и издания этой грамоты, осуществленного Н. И. Новиковым.

Грамота новгородцев к Ярославу Ярославичу 1263 г.

№ 1. Грамота отъ новгородцовъ къ великому князю Ярославу Ярославичу Тверскому 1263 году

№ 1. Грамота отъ новгородцев къ великому князю Ярославу Ярославичу Тверскому 1263 года

Благословение отъ владыки поклонъ отъ посадника павше и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меншихъ, и

Благословение отъ владыки поклонъ отъ посадника Павше и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меншихъ

Благословение отъ Владыки, поклон отъ Посадника, павше, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ мень-

⁵⁴ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Составитель Д. Н. Альшиц. Изд. «Книга», М., 1968.

отъ всего Новагорода къ и отъ всего Новагорода ших, отъ всего Новагорода
господину князю Ярославу. къ господину князю Яро- къ Господину князю Яро-
На семь княже цѣлуи славу. На семь княже цѣ- славу. На семь Княже цѣ-
Хрестъ.⁵⁵ луй крестъ.⁵⁶ луй Хрестъ.⁵⁷

Мы видим, что писец, переписывавший копию с новгородской грамоты XIII в., произвел очень небольшие изменения в орфографии («владыкы»—«владыки», «Хрестъ»—«крестъ»). В издании «Древней российской вивлиофики», с одной стороны, проведено последовательное приближение к орфографии второй половины XVIII в. («Благословение»—«Благословеніе»; «всехъ»—«всѣхъ», «меншихъ»—«меньшихъ»), с другой стороны, проявлено стремление сохранить древние написания слов, которые в копии XVIII в. были изменены («Хрестъ»—«крестъ»—«Хрестъ»). Обратим внимание на то, что в «Выписках из древних грамот», приведенных М. М. Щербатовым в приложении к т. III «Истории российской», содержится пересказ грамоты № 1 новгородцев к князю Ярославу Ярославичу Тверскому, причем здесь сохранена орфография писцовой копии:

Сія грамота писана отъ Арх епископа Новгородскаго, отъ Посадника, стар йшинъ и вс хъ Новгородцовъ, въ которой они требуют, чтобы князь Ярославъ цѣловалъ имъ крестъ, так как дѣды и отецъ его цѣловали.⁵⁸

И в «Истории» Щербатова и в издании «Древней российской вивлиофики» помещено краткое описание грамоты и печати. Эти описания связаны между собой, что можно видеть из приводимого сравнения.

М. М. Щербатов. Исто-
рия российская, т. III,
1774. Выписка из дре-
них грамот, № 1
стр. 483

ДРВ, т. II, июль 1774
изд. 1. Роспись гра-
мотам старинным но-
вгородским, № 1,
стр. 41

ДРВ, т. VI, октябрь,
1774, изд. 1. Грамоты
новгородцев, № 1,
стр. 413

У подлинной грамоты привязана свинцовая печать, на другой порожней странице подписано тако: Се приѣхаша послы отъ Менгу Мемера царя сажать Ярослава съ грамотою Чевгу и Банши, князя Ярослава Ярославича.

У подлинной грамоты привязана свинцовая печать, на другой порожней страницѣ подписано тако: Се приѣхаша Послы отъ Менгу гемера царя сажать Ярослава съ грамотою Чевгу и Банши Князя Ярослава Ярославича.

У подлинной Грамоты привязана свинцовая печать с изображением на одной сторонѣ образа Спасителя, а на другой Архангела Михайла. На оборот сей Грамоты подписано тако: Се приѣхаша послы отъ Менгутамера царя, сажать Ярослава, съ Грамотою, Чевгу и Банши, князя Ярослава Ярославича.

В составлении кратких сопроводительных пояснений к публикуемым текстам грамот и духовных большое значение имели исторические разыскания М. М. Щербатова, которые он охотно отдавал для издания в «Древней российской истории». В процессе совместной работы выработывался тип комментариев, являющихся дальнейшим развитием системы примечаний Татищева и Ломоносова.

В качестве примера приведем примечание Щербатова в конце копии грамоты № 2, затем использование его в т. III «Истории российской» и пояснительное замечание издателя «Древней российской вивлиофики» к грамоте № 2.

⁵⁵ ЦГАДА. Гос. Древлекранилище, отд. I, рубр. III, № 3.

⁵⁶ ГПБ, Эрмит. № 336, л. 1.

⁵⁷ ДРВ, т. VI, октябрь, СПб., 1774, стр. 409.

⁵⁸ М. М. Щербатов. История российская с древнейших времён, т. III, стр. 483.

Копии договорных и духовных грамот М. М. Щербатов. Ис- ДРВ, т. VIII, изд. 1,
тория российская, стр. 213
ГПБ. Эрмит. № 354, л. 7 т. III, стр. 503—504

Года не написано, а по
лѣтописцамъ слѣдуетъ быть
6836 6849
между 1328 и 1341 годами.

Сии грамоты писаны
прежде возшествия его на
великое княжение, то есть
прежде 1328 году.

Сии грамоты были пи- Годы не показано, а по
саны до возшествия его на лѣтописямъ слѣдуетъ быть
великое княжение, то есть между 1328 и 1341 годами.
6836
до 1382 году.

Можно привести еще пример, свидетельствующий о том, что, основываясь на копиях Щербатова и пользуясь его выводами о времени возникновения источников и их описаниями, Новиков, готовя рукопись к печати, обращался к подлинным рукописям, из которых приводил ряд особенностей в написании отдельных слов. Но вместе с тем он заменял орфографию подлинника на орфографию второй половины XVIII в.

Грамота от новгородцев к великому князю Борису Александровичу Тверскому 1425 г. сохранилась в Эрмитажном собрании в копии, принадлежавшей Щербатову (ГПБ. Эрмит. № 336). Об этом свидетельствует его приписка на л. 32, относящаяся к этой грамоте: «Списано от Миллера и вернее других» (следовательно, копию снимал сам Г. Ф. Миллер). В этом же собрании имеется копия, списанная для Екатерины II (ГПБ. Эрмит. № 339). В обеих копиях текст совершенно идентичен. В издании «Древней российской вивлиофики» можно видеть некоторое расхождение с копиями и сближение с подлинной грамотой, которая находилась в Московском архиве Коллегии иностранных дел (ЦГАДА).

ЦГАДА, Гос. Древ-
лехр., отд. 1, рубр.
III, № 16

ГПБ. Эрмит.
№ 339, л. 14 об.

ГПБ. Эрмит.
№ 336, л. 29 об.

ДРВ, т. VI, ок-
тябрь 1774, изд. 1,
стр. 454

А старыи госпо-
дине князь великий
рубежь земли и
воде дан промежи
Тверью и Каши-
номъ, и Новгород-
ской отцывъ, и
Торжкомъ и Бежи-
чкымъ Верхомъ.

А старыи госпо-
дине князь великий
рубежь земля и
водъ да и промежи
Тверью и Кашиномъ
и Новгородской от-
цине и Торжкомъ и
Бежичким верхомъ.

А старыи госпо-
дине князь великий
рубежь земля и
водъ, да и промежи
Тверью и Кашиномъ
и Новгородской от-
цине и Торжкомъ и
Бежичким верхомъ.

А старыи, Гос-
подине Князь Вели-
кий, рубежь земли и
водъ, дан промежи
Тверью и Каши-
номъ, и Новгород-
ской отцывъ, и
Торжкомъ, и Бежи-
чкимъ верхомъ.

К числу доказательств, свидетельствующих о том, что Новиков обращался к подлинным рукописям, проверяя по ним текст, подготавливаемый к изданию, относится наблюдение над копиями духовных и договорных грамот, выполненными для Екатерины II. Это — роскошная рукопись в лист, с золотым обрезом в переплете красной кожи с золотым тиснением (ГПБ. Эрмит. № 354).⁵⁹ Здесь переписано очень красивым каллиграфическим почерком 157 духовных и договорных грамот русских великих князей и митрополитов с 1341 по 1504 гг., причем нумерация документов совпадает с нумерацией, принятой в «Древней российской вивлиофике». Бросается в глаза сплошной текст грамот без обозначения пропущенных строк, которых не удалось прочесть, в то время как в «Древней российской вивлиофике» разрядкой всегда обозначены непрочитанные строки. В качестве небольшого примера укажем отрывок из договорной грамоты князя Семена Ивановича с братьями. И в копии Екатерины II и в издании она идет под № 3, причем в конце отмечено:

⁵⁹ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, № 175, стр. 72.

«Средина грамоты почти вся ислела так, что местами и разобрать нельзя». Это же примечание помещено и в копии, однако текст грамоты переписан подряд без всяких разрывов:

а брату нашему нас имети та брату
нашему старейшему недругамъ недругъ.⁶⁰

а брату нашему нас имѣти... та
брату нашему старѣйшему недругамъ не-
другъ.⁶¹

Очевидно, что Новиков, чтобы обозначить непрочитанные места, должен был непременно видеть подлинную рукопись.

В изданиях грамот, предпринятых в «Древней российской вивлиофике», внесены поправки в текст, где издатель предполагал ошибку или механическую опisku, не замеченную копиистом. В цитированной выше грамоте новгородцев к Ярославу Ярославичу можно заметить изменение союза «нъ» на союз «а». Новиков проводит последовательную замену редуцированных гласных после глухих на звонкие гласные (иногда эту замену производят уже и сами копиисты XVIII в.), что можно видеть на приводимом ниже примере.

ЦГАДА. Гос. Древ-
легр., отд. 1, рубр. III,
№ 16

ГПБ. Эрмит. № 336, л. 1
(копия, принадлежа-
щая М. М. Щербатову)

ДРВ, т. VI, изд. 1,
стр. 409—410

...что волости и всехъ
Новгородскихъ тѣхъ воло-
сти ти княже не держати
своими мужи нъ держати
мужи новгородскими...
тивунъ свои държати на
своеи части... Новгородъ ти
държати въ старинѣ.

...что волости всехъ новго-
родскихъ техъ волости кня-
же не держати ти своими
мужи не держати мужи нов-
городскими... тивунъ свой
държати на своей части...
Новгородъ ти держати въ
старине.

...что Волости всѣхъ Но-
вогородскихъ, тѣхъ Волости
княже не держати ти своими
мужи, а держати мужи Но-
вогородскими... Тивунъ
свой держати на своей час-
сти... Новгород ти держати
въ старинѣ.

Систематическое издание литературных и исторических памятников Древней Руси прекратилось на X томе «Древней российской вивлиофики». В предисловии ко II изданию Новиков глухо упоминает о «стечении различных обстоятельств», которые «принудили» его «прервать первое издание». Но мысль о продолжении издания древнерусских произведений его не оставляла, и в 1776 г. вышла из печати книга под названием: «Повествователь древностей российских или собрание разных достопамятных записокъ, служащихъ къ пользѣ Истории и Географии Российской, издаваемое Николаемъ Новиковымъ, члѣномъ Вольнаго Россійскаго Собра- ния при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, часть I, № 1, СПб., 1776».

А 27 января 1777 г. в издаваемом Новиковым журнале «Санктпетербургские ученые ведомости» была опубликована анонимная рецензия на «Древнюю российскую вивлиофику». П. Н. Берков предполагает, что автором ее мог быть сам Н. И. Новиков.⁶² В отзыве об издании говорилось о его полезности для «Истории российской» и высказывался ряд пожеланий, реализация которых, по мысли автора статьи, должна была содействовать лучшему изданию отечественных древностей. Автор предлагал, «чтобы приложены были ко всякой части алфавитные росписи находящимся во оной части материям... чтобы сколько возможно делаемы были примечания на темные и невразумительные места и слова... чтобы древ-

⁶⁰ ГПБ. Эрмит. № 354, л. 8 об.

⁶¹ ДРВ, т. VIII, стр. 221.

⁶² П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в. М.—Л., 1952, стр. 394.

нее правописание не было изменяемо на новое, а наипаче, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо или поправляемо не было, но печатано было бы точно так, как обретается в подлиннике... , чтобы означемо было точно, откуда получен список, где находится подлинник, и каким почерком писан, старинным или новым».⁶³

Это была программа нового издания «российских древностей». Но она не была осуществлена Новиковым. В предисловии ко II изданию он писал о том, что печатавшиеся ранее «писесы» он стремился «привести в возможный хронологический порядок, и по крайней мере в каждом томе сближать писесы, относящиеся к одному предмету».⁶⁴

Новое 20-томное издание «Древней российской вивлиофики» (1788—1791 гг.) включило весь корпус опубликованных памятников, добавив к ним новые материалы в основном из частных собраний.

Издание Новиковым большого количества литературных, исторических и документальных памятников Древней Руси имело громадное значение для судеб русской культуры конца XVIII—начала XIX в. Новиков не только сделал достоянием широких кругов читателей культурное наследие предшествующей эпохи, но он сумел сплотить вокруг него больших ученых, знатоков древней письменности и истории. В издании «Древней российской вивлиофики» принимали участие М. М. Щербатов, Г. Ф. Миллер, Н. Н. Бантыш-Каменский и его молодой помощник А. Ф. Малиновский. После смерти Миллера и Щербатова Бантыш-Каменский и Малиновский стали во главе крупнейшего хранилища древнерусского письменного наследия — Архива Коллегии Иностранных дел и как знатоки русских древностей приняли большое участие в подготовке издания «Слова о полку Игореве».

«Древняя российская вивлиофика» осуществила программу, намеченную в 40-х годах XVIII в. В. Н. Татищевым и Ломоносовым. Она проложила путь к публикациям И. Н. Болтина, В. В. Крестинина, М. Д. Чулкова и С. Я. Румовского, который был инициатором издания «Продолжения древней российской вивлиофики», вышедшего в Санкт-Петербурге в 1786—1801 гг.

⁶³ Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год Н. И. Новикова. Изд. 2 А. Н. Неустроева. СПб., 1873, стр. 27—28.

⁶⁴ ДРВ. Изд. 2. СПб., 1788, стр. VIII.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

КЛ. ИВАНОВА-КОНСТАНТИНОВА

Об одной рукописи XIV в. Погодинского собрания

В собрании М. Погодина в ГПБ находится рукопись, содержащая русские списки двух замечательных памятников средневековой переводной литературы — Скитского патерика и Пандектов Никона Черногорца.¹

Эта рукопись до сих пор оставалась неизвестной и не упоминается ни в одном исследовании этих произведений, а также не отмечена в предварительном списке славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР.²

Рукопись примечательна еще и тем, что на ее полях сохранилось много любопытных приписок XVI—XVIII вв.

Она содержит 398 лл., размером в лист, 28 × 20.7—21 см. Начало утрачено; отсутствует вся первая тетрадь и семь листов второй. Рукопись писана на бумаге. Преобладают листы с широкими вержерами, изредка попадается и плотная темная бумага с очень тесными вержерами. По-видимому, рукопись изготовлялась в каком-то провинциальном скриптории; в ней использована разносортная бумага низкого качества.

Некоторые листы пропускали чернила, и поэтому писцы оставляли пустыми обороты листов, которые заполнялись позднее приписками.

По филиграням и характеру письма рукопись относится к 90-м годам XIV в.³

Рукопись плохо сохранилась: на первых и последних листах следы сырости, углы оборваны и засалены от длительного употребления, страницы закапаны воском.

Так как разлиновка бумаги была сделана острием, предназначенным, вероятно, для пергамента, причем линовалась сразу целая стопа бумаги, то часть листов прорезана насквозь.

В XIX в. последний перед Погодиным владелец рукописи — извест-

¹ В «Реестре Погодинского древлехранилища» рукопись отмечена под № 267 только так: Пандекты Никона Черногорца, XV в.

² Археографический ежегодник за 1965 г., М., 1966, стр. 177—271.

³ Встречаются: буква Р с крестиком в двух вариантах — первый совпадает с № 5470 1385 г. по кн.: VI Moštin i S. Traljic, Vođeni znakovi XIII i XIV v. Zagreb, 1957 (далее: Moštin); второй подобен № 5467, 1380 г. (Moštin); цветок лилии в двух вариантах — один покрупнее, на бумаге с широкими вержерами, подобный № 759, 1389 г. (Moštin) или № 758, 1388 г. (Moštin), другой помельче — только на бумаге с тесными вержерами, подобен № 761, 1380—1395 гг. (Moštin); изредка два варианта грифона: первый подобен № 4551 и 4552 90-х годов XIV в. (Moštin), второй — № 4544, 1371 г. (Moštin); два варианта бычьей головы, подобные № 1366, 1388 г. и № 1374, 1385 г. (Moštin); раковина, подобная № 3133, 1375 г. (Moštin) и № 3137, 1387 г. (Moštin); буква С с крестиком, подобная № 2077 и 2078 по Лихачеву, Вод. зн., а также два варианта рогов; щит и охотничий рог, аналогичных которым в альбомах водяных знаков я не нашла.

ный коллекционер Иван Лаптев, подклеил отдельные листы кусками бумаги, иногда даже прикрепляя их ниткой, так что текст не пострадал. Ив. Лаптев переписал заново и заменил л. 168 и левый столбец на л. 233, переписал и большую часть последнего листа и аккуратно подклеил к ним кусочек сохранившегося листа оригинала. В начале он присоединил еще 3 листа. Первые 2 остались пустыми, а на лл. 3—3об. находятся его собственные заметки (о них см. ниже) и отрывок текста, скопированный с ныне потерянного листа.

Большая часть рукописи имсет тетрадную нумерацию. Она заметна с 10-й тетради (8-й из сохранившихся, если считать отдельной тетрадью начальный лист). До 14-й тетради цифры ставятся в середине нижнего обреза листа. С 13-й по 23-й начинается другая нумерация, при которой цифры оказываются на внутреннем крае нижнего поля (таким образом, 13—14-я тетради пронумерованы дважды). 24—45-я тетради — без нумерации. Она снова другим почерком (четвертого писца?) продолжена с 26-й (по новому счету она 6-я) — по 48-ю тетрадь (цифры 6—28), причем 28 повторено дважды (вм. 29), а последние три тетради оставлены без нумерации.

При переплете одна тетрадь была вставлена ошибочно: она должна была находиться между 24-й и 25-й тетрадями по первому счету, а находится после 29-й по второму счету.

Переплет рукописи древний, скорее всего XV в. — доски, обтянутые кожей без тиснения: толщина 1,5 см, размер 28 × 20,5 см (доски короче бумаги). На верхней части переплета кожа наполовину оборвана. Сохранилось 5 медных жуковин и одна застежка.

Над рукописью работало несколько писцов, видимо профессиональных, но не прошедших хорошей школы и не обладавших особой сноровкой. Они начинают очень старательно, но дальше становятся небрежными, потому что им не хватает выдержки.

Весь текст расположен в два столбца, писан старшим полууставом и изредка небрежным поздним уставом. Встречаются несколько видов чернил, от светло-коричневых до черных.

Первый писец (лл. 4—52 об.) пишет мелким полууставом, местами размашисто, почерк у него не вполне установившийся и меняется в зависимости от пера и бумаги. Он пишет с легким наклоном вправо. Начертания отдельных букв отвечают характеру письма конца XIV в. Отметим только следующие особенности: сравнительно большую головку ж, иотированные: ю, љ, џ с горизонтальными перекладами; ч с короткой ножкой; современное начертание буквы и; полулежащее якорное е во всех положениях, а не только как заменитель ю (ю употребляется очень редко).

Второй писец (лл. 53—70) пишет прямым мелким квадратным полууставом, очень старательно, особенно на первых листах.

Перекладыны у него тоже горизонтальные, но очень высоко поднятые, ж с маленькой головкой. Он ставит якорное е лишь на месте иотированного ю. И у него сохраняет древнее начертание.

С л. 70 по л. 176 об. начинается новый почерк — некрушный полуустав; сначала четкий, красивый и удлиненный, он быстро становится более небрежным и широким. Этот писец не употребляет якорного е; пишет малый юс Ѧ; головка ж в его написании не является самостоятельным элементом начертания, и сама буква похожа на современное строчное т. Перекладыны у этого писца косые и отлогие. Он слишком увлекается иотацией, и у него встречаются даже такие формы, как сщю (л. 93 об.) и под.

На лл. 176 об., 398 и на части л. 165 пишет четвертый писец. Почерк у него похож на почерк третьего, но он сначала пишет беглым уставом и выдерживает его до л. 278 (уставом написаны и лл. 383—390 — тетрадь, попавшая не на свое место), а дальше меняет его на полуустав. У четвертого писца имеет небольшую головку, ч имеет дугообразную правую палочку — у; он также не употребляет якорное е. Все четыре писца редко употребляют надстрочные знаки.

Первый писец ставит две точки над и в начале слога; второй ставит две точки над о, третий — точку над всеми гласными, но не совсем последовательно, у четвертого эти точки встречаются еще реже.

У всех писцов двубуквенное написание *ou* упорядочено: только в начале слова и после гласных. Лигатурные написания *tr*, *tv* и т. п. редки.

Первые строки заглавий к отдельным статьям — частью лишь контурные, частью заполненные киноварью. В начале отдельных пассажей ставятся два типа инициалов: одни пишутся как обычные буквы, только покрупнее и киноварью, а другие — красным и контурами или чернильными, заполненными впоследствии густой киноварной краской.⁴

Иногда встречаются слегка орнаментированные инициалы, нарисованные самими переписчиками, с элементами плетеного орнамента и иногда — тератологическими формами. Любопытно, что у первого переписчика встречаются репрезентанты, написанные на самом крае листа.

Уже было упомянуто, что первая часть рукописи (с л. 3 об. по л. 156) содержит так называемый «Скитский патерик» (поглавный).

Как известно, название «Скитский патерик» является условным, созданным уже на славянской почве,⁵ и часто применяется ошибочно и к другим патерикам. Следуя традиции в описании и исследовании этого произведения и во избежание путаницы,⁶ мы будем называть «Скитским

⁴ Видно, что инициалы писались не сразу (хотя и не после окончания всей рукописи) Их очень часто пропускали, ставили не на месте, путали буквы; иногда это искажало смысл текста.

⁵ «Скит» — название песчаной пустыни в Среднем Египте, где жило множество иноков, — часто упоминается в рассказах, входящих в состав этого патерика; постепенно оно было приурочено к самому патерику, хотя в нем находятся рассказы и о других монашеских обществах. Ср.: В. С. Преображенский, Славяно-русский скитский патерик. Опыт историко-библиографического исследования Киев, 1909, стр. 1—7. — Название «Скитский патерик» применительно именно к славянскому переводу («Аѡбрѣв ѡтѣиѡнѣ ѡтѣиѡнѣ ѡтѣиѡнѣ») впервые употребляет В. М. Ундольский, (см.: В. Ундольский, Библиографические разыскания по случаю выхода описания библиотеки Московского общества истории древностей российских, составленного П. Строевым. — Москвитянин, 1846, № 11—12, стр. 198—202). Исчерпывающая библиография о Скитском патерике (до 1908 г.), наблюдения над его составом, происхождение и т. д. даны в приведенной выше книге В. Преображенского; о славянском переводе Скитского патерика см.: N. van Wijk, Die slavische Redaktion des «Μετα Δεσποναριου». — Byzantinoslavica, IV, 1932, SS. 236—252 (на стр. 238—240 рассмотрены источники Скитского поглавного патерика).

В последнее время существует тенденция применять к славянскому переводу этого состава патерика только термин «поглавный» (ср.: М. В. Щепкина и др. Описание пергаментных рукописей Исторического музея. — Археографический ежегодник за 1964 г., М., 1965, стр. 196). Однако такое определение вносит неясность, так как существует еще один патерик, в котором отдельные статьи распределены по главам — это так называемый Иерусалимский патерик. Поэтому будет точнее сохранить оба термина: «скитский» — как фиксирующий определенное содержание, и «поглавный» — указывающий на систематизацию по главам с определенным сюжетом.

⁶ Ср. определение разных патериков в кн.: Описание славянских рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры. М., 1879, ч. I, стр. 42—45; III, стр. 62—106; А. В. Горский и К. И. Невострев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. II, ч. 3. М., 1862, стр. 267—283; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1885, стр. 154—198. Описание ... рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 435—437.

поглавным патериком» памятник, который по составу очень близок (но не тождествен) греческому патерику, описанному Константинопольским патриархом Фотием (IX в.) в его «Библиотеке», под заглавием «Ἀγιωνβιβλος». Фотий определяет его как сокращение «Великого Лимонария».⁷

В славянской литературе Скитский патерик был переведен очень рано. Греческий текст, с которого сделан славянский перевод, был страннее, чем состав, известный нам в латинском переводе и в Фотиевом описании. В славянском патерике встречаются рассказы, совпадающие, как мы увидим, только со статьями, находящимися в упомянутых греческих рукописях Московской синодальной библиотеки, но отсутствующие в латинском тексте.

Все исследователи этого патерика, а их немного, приводят доказательства глубокой древности славянского перевода, однако этот вопрос еще ждет полного освещения.

Кроме замечания в описаниях Горского и Невоструева, Востокова и др. подробнее на нем останавливается В. Преображенский, который, изучая поздние русские списки этого патерика (XIV—XVII вв.), указывает на остатки в нем форм древнего болгарского перевода, а заодно приводит примеры использования этого произведения Пресвитером Козмой (X в.) и цитаты из патерика, вошедшие в Изборники 1073 и 1076 гг. (Славяно-русский скитский патерик, стр. 158—161 и 167—168).

Большую исследовательскую работу над Скитским патериком провел голландский славист Н. Ван-Вейк. Анализируя сохранившиеся болгарские и сербские списки XIII и XIV в., Ван-Вейк выдвигает гипотезу о переводе Мефодием Скитского патерика и о возникновении перевода в Панонии.⁸

На Русь Скитский поглавный патерик проникает еще в домонгольский период,⁹ но списки с него сохранились лишь с конца XIV в.¹⁰

Кроме глав, которые соответствуют греческому поглавному патерику (по описанию Фотия), в них находятся и другие, дополнительные статьи. В зависимости от места этих интерполяций различаются 2 типа этого Патерика (их хронологическая последовательность пока не ясна).

В 1-м типе текст начинается со статьи «Повесты различных святых» — небольших сказаний, которые не входят в дошедшие до нас гре-

⁷ Греческий текст патерика, известного Фотию, до сих пор не обнаружен, но издан его латинский перевод, сделанный в VI в. римскими дьяконами Пелагием и Иоанном. Этот перевод по более древнему изданию (1628 г.) перепечатан в «Patrologia Latina» т. LXXIII, ч. II, (V и VI главы из «De vita et verbis Seniorum»). Кроме того, в русском переводе издан греческий текст более поздней и расширенной редакции этого патерика по спискам XI—XII вв. (Греческая рукопись, находящаяся в ГИМ, Синод. собр. № 452) и XIII в. (Греческая рукопись № 163 того же собрания). Подробнее см. в кн.: Древний патерик, изложенный по главам. Перевод с греческого. Изд. II. М., 1892, стр. 6—7.

⁸ См. например: N. van Wijk. 1) Die slavische Redaction...; 2) O Pateryku, przetłumaczonym przez sw. Metodego. — Księga referatów. II Międzynarodowy zjazd sła-wistów, I, Warszawa 1934; 3) Два славянских патерика. — Byzantinoslavica, IV, 1932, стр. 22—35. — О гипотезе Ван Вейка см. в кн.: Е. Георгиев. Кирил и Методий, основоположники на славянските литератури. София, 1956, стр. 259.

⁹ Ср. в книге В. С. Преображенского «Славяно-русский скитский патерик» (стр. 168 и сл.).

¹⁰ Единственный известный мне русский пергаментный список этого Патерика — ГИМ, собр. Чудовского монастыря, № 104 (18), датируется концом XIV в., он, по-видимому, не древнее нашей рукописи. Ср.: М. В. Щепкина и др. Описание пергаментных рукописей Исторического музея, стр. 196.

ческие редакции поглавного Патерика;¹¹ их нет и в латинском переводе «Ἀνδρῶν ἀγίων βιβλος». За ними идет первая глава Патерика, описанного Фотием, но здесь она пространнее, чем в латинском переводе. Между первой и второй главами также внесены добавочные статьи, и лишь после них порядок глав соответствует тому, который мы знаем из описания Фотия.

Второй тип открывается второй главой «Ἀνδρῶν ἀγίων βιβλος» — «О безмолвии», а первая глава вместе с добавлениями помещена между девятой и десятой главами Скитского поглавного патерика.¹²

Список, находящийся в описываемой мною рукописи, принадлежит к первому типу Скитского поглавного патерика. Это — один из древнейших дошедших до нас русских списков. К тому же типу относится и список, находящийся в сборнике ГИМ, Синод. собр. № 153, конца XIV — начала XV в.¹³ Ко второму типу принадлежит список ГПБ, Соловецкое собрание № 647, который я привлекала для сопоставления.¹⁴

Сравнение текстов этих двух типов показывает, что оба они восходят к одному и тому же древнему переводу, однако различаются не только по расположению материала, но и по лексике и по стилю, так что их, по-видимому, можно считать различными редакциями этого памятника.¹⁵

Так как в рукописи представлен редкий список Скитского патерика и ввиду интереса к этому произведению и его славянскому переводу, привожу здесь его описание по главам.

В описании я указываю: различия и соответствия этого списка с латинским текстом (по главам и нумерованным статьям внутри глав согласно изд. «Patrologia latina», т. LXXIII, далее: PL.), различие и соответствие статей, которые имеются только в греческой редакции (по нумерации глав и статей в русском переводе в кн.: «Древний патерик...», далее Греч. ред.), а также и на соответствие этого списка с Сип. (по описанию) и Сол.

При раскрытии титлов буквы ставятся в круглые скобки; я ориентируюсь на формы, представленные в рукописи, причем в случае вариантности предпочитают формы, свойственные русскому языку. Выносные буквы обозначаются курсивом. Надстрочные знаки не воспроизводятся.

Как уже было сказано, в рукописи недостает 15 листов, на которых, вероятно, помещалась статья «Повѣсти различны святыхъ отецъ», отсутствующая в латинском и греческом текстах (ср. Сип., лл. 121—126 об., Сол., лл. 78—91) и 1-я глава Патерика, под заглавием «Повѣсти ста-

¹¹ Здесь и далее под греческой редакцией имею в виду только редакцию Скитского поглавного патерика, представившую уже указанными греческими рукописями в ГИМ, Синод. собр. № 452 и № 163, по их русскому переводу в кн. «Древний патерик, изложенный по главам».

¹² Имею в виду только русские списки XIV и XIV—XV вв., так как я не исследовала распредельные материалы в более поздних списках.

¹³ Рукопись подробно описана в кн. А. В. Горского и К. И. Невоструева (Сип., отд. II, ч. 2, стр. 267—278; далее: Сип.).

¹⁴ Рукопись описана в «Описании рукописей Соловецкого монастыря» (стр. 176—181); далее: Сол.

¹⁵ Этот вопрос еще предстоит исследовать. В качестве примера укажу, в частности, на некоторые лексические варианты в обеих редакциях (по нашей рукописи и по Сол. 647): напр.: Погод., л. 9: «от слышаны от бесѣды от видения»; Сол. 647, л. 2: «от слышания и от видѣнія и от глаголами»; лат. *aud est auditus, locutionis et visus*; Погод., л. 19: «токмо же»; Сол. 647, л. 28: «толма же»; Погод., л. 22 об.: «он же запырва ему... отъвѣща»; Сол. 647, л. 37: «онъ же запырса емоу... отъвѣща»; Погод., л. 23: «свѣтатешса съмо и онамо»; Сол. 647; л. 37 об.: «кольбаше съмо и онамо»; повсюду, где в Погод. употребляется «лащца» в Сол. 647 стоит «зѣлница», и пр.

речь и наказание святыхъ «тедь надъ прѣспѣваніе конѣчною» (ср. Син., лл. 135 об.—141, и Сол., лл. 109 об.—122).

В нашей рукописи (далее Пог.) текст начинается на л. 3 об., с середины следующей главы (добавочной): Дроугал старчѣската просвѣщаніа. Нач. (первые строки скопированы рукою И. Лаптева с оригинала): «Бысть нѣкто старецъ любовникъ зѣло паце всакого ч(е)л(о)вѣка...» (ср. Син., лл. 135 об.—141; Сол., лл. 109 об.—122).

Л. 7: Почто посагшимъ оубо многъ оуспѣхъ даеть... Нач.: «Посагшимъ оубо толико оутвержение даеть...» — отрывок из книги о девстве Иоана Златоуста, гл. 38 (ср. Син., лл. 141—142; Сол., лл. 122—123).

Л. 7 об.: Почто аще че(сте)нъ бракъ алцющаты оучити (в Син. так же, в Сол. верно — оучить) Павелъ совокупления бѣгати. Нач.: «Достоино испитати и оно что оубо аще ч(е)ст(е)нъ бракъ и ложе нескверно...» (ср. Син., л. 142; Сол., лл. 123—124).

Л. 8—8 об.: *от* третьаго на десять словеси поощенія (так и в Син.; в Сол. верно: поученія) в немже гл(агола)ть еже не богатити лихо. Нач.: „Да тѣмъ оубо того не *от*сѣде единою но еже безума принади...“. Это — отрывок из 23-ей гомилии к 2 посланию Павла к коринфянам (см. Patrologia graeca т. 61, col. 553—564; ср. Син., л. 142; Сол., лл. 124—125 об.).

Л. 8 об.: Слово с(вата)го Іоана Златоустаго *о* томъ како подобаеть чтенія послушати и внимати. Нач.: «Реч(е) бл(а)ж(е)ныи Іоанъ Злат(о)оустыи. сѣдащю ти на чтенія словесъ б(о)ж(и)ихъ преже помолиса ему...» (ср. Син., л. 143; в Сол. нет).

Л. 8 об.—10: Повѣсть с(ва)т(ы)хъ старечъ іако безмолвїа со всакомъ тщаниемъ искати. Нач.: «Реч(е) авва Антонїи. іакоже рыбы медлащи на сушѣ оумирають тако и мниси кромѣ келїа съ простою чадью живуще...».

В лат. тексте — 2-я глава Патерика; PL, col. 858—860; по Фотию — 2-я глава; Греч. ред. — так же. В Сол. 1-я гл. Всего в лат. тексте 16 статей. В Пог. — 15. Не хватает 6-й статьи лат. текста. Так же в Син. и Сол.

Лл. 10—13: О умиленіи. Нач.: «Гл(агола)ху *о* (т)цѣ Арсении. іако все лѣто житїа своего сѣда надъ дѣломъ руку своею. платъ имаше на льнѣ своемъ...».

В лат. тексте — 3-я гл.: PL, col. 860—864; по Фотию — 3-я; греч. ред. — так же. В Сол. — 2-я глава. В лат. тексте — 27-я статья. В славянском прибавлено еще 5, которые не находим и в греческом тексте. Только в нашей рукописи и в Сол. эта глава разделена на две; вторая часть (с л. 7 об.) озаглавлена «Слово *о* печали». Количество статей в Пог. совпадает с Сол. и с Син.

Лл. 13—17 об. *о* смиренїи і *о* печали (В Син. и Сол. — плачи). Нач.: «*о*(те)чѣ етеръ сѣдше в луцѣ бл(а)ж(е)наго Антонїа *о*бонъ полъ прибоиша и единою иде въ Егупеть требованїа ради своего...».

Эта глава содержит 21 статью (в Син. и Сол. так же), она отсутствует в описании Фотия, и в лат. переводе, но имеется в известных мне славянских патериках этого типа.

Лл. 17 об.—22 об. *о* пощенїи іако не токмо *от* брашна или *от* бесѣды достоить приимати его но и *от* видинїа(!) и *от* прочїихъ д(у)шевныхъ подвижанїи. Нач.: «Братїя придоша къ *о*(т)цю Антонию *от* скита и вѣзше в корабль ити к нему...».

Лат. текст — 4-я глава: PL, col. 864—875; у Фотия не обозначена как отдельная глава. В греч. ред. 4-я гл. В лат. тексте — 70 статей, в славянском — 73. По сравнению с лат. (в Пог.) не хватает 4 статей

(16, 23, 66 и 68), но вставлено 7 статей, соответствующих 28, 35, 36, 37, 38, 65 и 67 сказаниям Греч. ред. В Сол. — так же, в Син. читаются еще 2 статьи (66-я и 68-я по лат. тексту).

Лл. 22 об.—30 об.: Повѣсти различны къ оутверженію вѣстающимъ на ны бранемъ отъ любодѣяніа. Нач.: «Реч(е) авва Анфоніа. помышьлаю іако имать тѣлдвиженіа родомъ...».

В лат. тексте — 5-я глава, PL, col. 875—888; у Фотія — 4-я глава. В греч. ред. — 5-я глава. В лат. переводе — 41 статья; из них в славянском не хватает трех (25, 30 и 31-й), но добавлены 3-я и 10-я соответственно греч. ред. Всего в Пог. 40 статей. В Син. и в Сол. так же.

Лл. 30 об.—33 об.: іако не подобаєтъ снискати имѣніа и отъ лихонимства хранитиса. Нач.: «Братъ отрекъса простаго житія и раздал имѣніе свое нищимъ...».

В лат. тексте 6-я глава; PL, col. 888—893; у Фотія — 5-я глава; в Греч. ред. — 6-я глава. В лат. переводе — 22 статьи. В Пог. добавлена 11-я по греч. ред. В Син. и Сол. так же.

Лл. 33 об.—40: ѿ сѣдѣніи в келии и ѿ дѣлѣвъ ручіѣмъ. повѣсти различны к памяти мужьству оучаща насъ. Нач.: «С(ва)тѣи авва Антоніи реч(е) сѣда иногда в пустыни въ оунынии быс(ть)...».

В лат. тексте — 7-я глава PL, col. 893—905; у Фотія — 6-я гл.; в Греч. ред. — 7-я глава. В лат. переводе 47 статей. В Пог. опущена 13-я статья и добавлены 5 статей по греч. редакции (5, 18, 21, 42 и 4-я). В Син. и Сол. так же.

Лл. 40—42 об.: іако не подобаєтъ дѣлѣ своихъ предѣ ч(е)л(о) — в(ѣ)кы творити. Нач.: «Слышавъ иногда авва Анфоніа ѿ единомъ оуношѣ мнѣ...».

В лат. тексте — 8-я глава; PL, col. 905—909; у Фотія — 7-я глава; в греч. редакции — 8-я глава. В Пог. нет 5-й статьи по лат. тексту (в Син. не хватает еще и 7-й, а в Сол. — 7-й и 8-й) и добавлена одна, не имеющая соответствия: л. 42: «Гл(агола)жу ѿ скитанѣ іако аще разуише дѣла ихъ кто...».

Лл. 42 об.—44 об.: Како подобаєтъ хранитиса и ни единого ѿсужати. Нач.: «Съгрѣши братъ и ѿтлуценъ быс(ть) попомъ ц(е)рк(о)внымъ...».

В лат. тексте — 9-я глава; PL, col. 909—912; у Фотія — 8-я глава; в Греч. ред. — 9-я глава. В Пог. 12 статей: не хватает 1-й по лат. тексту, а добавлена — 13-я по греч. редакции. В Син. и Сол. так же.

Лл. 44 об.—60: Слов(о) ѿ рассмотреніи (Сол. — ѿ смотреніи). Нач.: «Реч(е) авва Анфоній. іако суть единѣ стерше своѣа телеса пощеніемъ».

В лат. тексте — 10-я глава. PL, col. 912—933; у Фотія — 9-я глава; в Греч. ред. — 10-я глава. В лат. переводе — 115 статей, из которых в Пог. и Сол. не хватает 18, 79 и 87-й, а в Син. — 9, 79, 87-й. Прибавлены по греч. редакции сказания (3, 20, 53, 54, 62, 68, 93, 100, 109, 113, 148, 149, 150). Следующих 9 статей нет ни в лат., ни в греч. тексте: л. 46: Братъ въпроси ѿ(т)ца Макаріа гл(агол)а како спсуса(!).; л. 48: Реч(е) авва Пуминъ. хошю ч(е)л(о)в(ѣ)ка согрѣшающа.; л. 50 об. Братъ въпроси его гл(агол)а. ѿ(т)це аще падеть ч(е)л(о)в(ѣ)къ въ единѣ грѣхъ.; л. 51 об. Братъ въпроси его заповѣди телесныа.; л. 51 об. Реч(е) паки авва Феѡа. іако аще кто обращетъ добродѣтель...; л. 55 об. Гл(агол)а старецъ. нѣс(ть) потреба словесъ инѣхъ.; л. 57 об. Реч(е) старецъ лютѣ виѣшнему ѿт оутреняго.; л. 57: Приде иногда авва Амонъ на мѣсто вкуситъ с братъею.; л. 57: Въпроси авва Агафонъ о(т)ца Алоныа... .

Текст главы в Пог. и Сол. сходен.

Лл. 60—66. Слов(о) бодрості іако подобаєть щодру (ошибка, в Син. и Сол. — бодру) быти о всемь. Нач.: «Братъ въпроси о(т)ца Арсены слышати слов(о) оу него...».

В лат. тексте — 11-я глава; PL, col. 933—941; у Фотия — 10-я глава; в Греч. ред. — 11-я глава. В лат. переводе — 54 статьи. В Пог. к ним прибавлены по Греч. ред. 12 статей (38, 58, 59, 67, 87, 90, 91, 92, 94, 100, 103, 110). Всего статей в Пог. 66. В Син. и Сол. так же.

Лл. 66—67 об.: О м(о)л(и)твѣ и о бодрости. како подобаєт вину молитиса с бодростью. г(о)с(под)и бл(а)г(о)с(ло)ви отче. Нач.: «Гла(гола)ху о о(т)ци Арсены. іако вечеръ в субботу свитаючи недѣли...».

В лат. тексте — 12-я гл., PL, col. 941—943; в Греч. ред. — 12-я гл. В Пог. те же 15 статей, что и в латинском, только в другом порядке. К ним прибавлено сказание 7-е по Греч. ред. и статья, отсутствующая в лат. тексте и Греч. ред.: л. 64 об. «Анасистъ единъ хода обрѣте старца и начатъ творити ему м(о)л(и)тву...». Всего статей 17. В Син. и Сол. так же.

Лл. 68—70 об. О странънопріятти [т]ако странъники [п]одобаєть приимати [в]ъ кротостью и миловати. Нач.: «Идоша иногда етери ѿт о(те)дѣ къ о(т)цю Иосифу».

В лат. тексте 13-я глава; PL, col. 943—947; у Фотия — 12-я глава; в Греч. ред. — 13-я глава. В Пог. те же 15 статей, что и в латинском и добавлена 7-я статья по Греч. ред., всего 16 статей. В Син. и Сол. так же.

Лл. 70 об.—75 об. [Слов(о) ѿ бл(а)ж(е)нѣмъ послушан(и)]. Так в Сол. и Син. В Пог. эта глава примыкает к предыдущей, без заглавия. Нач.: «Бл(а)ж(е)нны авва Арсении реч(е) иногда ѿ(т)цю Александру...».

В лат. тексте — 14-я глава; PL, col. 947—953; у Фотия 13-я; в Греч. ред. — 14-я глава. Лат. перевод содержит 19 статей. В Пог. добавлена и 3-я, по Греч. ред. Всего 20 статей. В Син. и Сол. так же.

Лл. 75 об.—90: О смиренной мудрости.¹⁶ Нач.: «[А]вва Антонии тружеса къ глубинѣ б(о)ж(и) судѣ въпрашаша гл(агол)а...».

В лат. тексте — 15-я глава; PL, col. 953—969; у Фотия — 14-я статья. В лат. переводе — 89 статей; в Пог. опущены 16 и 35-я (в Син. только — 35-я) и добавлены 16, 50 и 100-я статьи по Греч. ред. Всего 90 статей. В Сол. так же, в Син. по описанию — 92 статьи.

Лл. 90—94: іако подобаєть терпѣти ѿбиду. Нач.: «Гла(гола)ху братии ѿ о(т)ци Геладии іако имѣаше си книги кожныя...».

В лат. тексте — 16-я глава; PL, col. 969—973; у Фотия — 15-я глава. В лат. переводе 19 статей; в Пог. добавлена 21-я статья по Греч. ред. и одно сказание (л. 92 об.), отсутствующее в Греч. ред. и лат. тексте: «Мнихъ іединъ со всеми подвизатася неприязнь ѿчи погуби...». В Син. и Сол. так же.

Лл. 94—97: О любви. г(о)с(под)и бл(а)г(о)с(лов)и ѿ(т)че. Нач.: «Реч(е) авва Антонии. азъ оуже б(о)га не бояса но люблю...».

В лат. тексте — 17-я глава; PL, col. 973—978; у Фотия — 16-я глава. К 25 статьям лат. текста прибавлены 6 и 16-я статьи по Греч. ред. В Син. и Сол. так же.

Лл. 97—110: О прозорливых. Нач.: «О(т)цю Антонью іависа въ пустыни іако єсть въ градѣ іединъ...».

В лат. тексте — это последняя, 18-я глава из V книги «De vita et verbis Seniorum» и I глава из VI книги под тем же заглавием; PL, col. 978—988; у Фотия — 17-я глава; в Греч. ред. — 18-я глава. В лат. пере-

¹⁶ Это заглавие не отделено от остального текста.

воде 37 статей; в Пог. опущена 19-я (в Син. по описанию — 18-я), но добавлена 1-я статья по Греч. ред. и статья «Единъ иногда покаивъса безмольствова...» (л. 103 об.), которой нет в греч. и в лат. текстах. В Пог. 37 статей, в Сол. так же; в Син. по описанию — 38 статей.

Лл. 110—114: О творащих знаменъ с(ва)т(ы)хъ старецъ. Нач.: «Гла(гола)ша авва Дуль ꙗко оуч(е)н(и)къ ѿ(т)ца Висариона ꙗко имущема (ошибка, в Сол. идущема) нама иногда при мори вжадахъса...».

В лат. тексте — глава 2-я из VI книги «De vita et verbis Seniorum»; PL, col. 1000—1004; у Фотия — 18-я глава, в Греч. ред. — 19-я гл. К 17 статьям лат. перевода в Пог. добавлена 6-я статья по Греч. ред. и еще одно, отсутствующее в соответствующих главах лат. текста и Греч. ред. (л. 101 об.—102): «Въ странѣ ѱединой оумре ѱеп(и)с(ко)пъ и придоша васъници въ митрополь ко архіѱеп(и)с(ко)пу...». Всего в Пог. 18 статей, в Син. также. В Сол. опущена 3-я статья (по сравнению с лат. текстом).

Лл. 114—120. О житии добрѣ различно къ старцемъ г(о)с(под)и бл(аго)с(ло)ви и(т)че (!). (В Син.: «О житъи и добро различнымъ старцемъ»; в Сол.: «житии добрѣ различныхъ старецъ»; в Греч. ред.: Περὶ πολιτείας Θεοφίλου διαφορῶν πατέρων). Нач.: «Повѣда авва Дуль гл(аго)л(а) ꙗко хода иногда в пустыни аз же и ѿ(те)ць мой Висарионъ...».

В лат. тексте — глава 3-я из VI книги, PL, col. 1004—1011; у Фотия — 19-я глава; в Греч. ред. — 20-я глава. В лат. тексте — 18 статей, в Пог. из них 12 и добавлена одна статья, находящаяся в 17-й гл. по Греч. ред. под № 33. В Пог. не хватает статьи 3-й и большей части 4-й сравнительно с лат. текстом, вероятно — случайный пропуск; эти статьи находятся в Син. и в Сол. (на лл. 252 и 252 об.).

Лл. 120—121: Провѣщанье състарѣвшихъса постыникъ г(о)с(под)и бл(агослови). Нач.: «Въпрошенъ бы(сть) старецъ: како оубо подобаетъ мнѹ быти...».

Под этим заглавием находятся 36 изречений, которых нет в лат. тексте, но которые составляют 20-ю главу у Фотия и 21-ю главу греческого патерика по главам (см. Древний патерик... стр. 418—421). В Греч. ред. их 42. В Пог. опущены 1, 2, 3, 4, 5, 12, 21 и 28-е изречения и прибавлены два: первое (приведенное выше) и на л. 121: «Реч(е) старецъ . како ѱелико не възмогахъ встигнути . не покоторих...». В Син. и Сол. так же.

Лл. 112—123 об. Исправлениа с(ва)т(ы)хъ ѿ(те)ць г(оспод)и благослови ѿ(т)че. Нач.: «Ошелници иногда мудрии. с(ва)т(и)и д(у)х(о)внии бѣ (ошибка, нужно вѣ) числомъ собращася вси...».

В лат. тексте — нет. Это 21-я глава патерика, описанного Фотием. Греч. текст ее издан в PL, col. 1062—1064 (т. н. Беседа 12-и старцев), и соответствует славянскому переводу. В Сол. эта статья находится на лл. 262—265 об.

Далее следуют несколько отрывков из разных сказаний, присоединенных к основному тексту славянского перевода Скитского поглавного патерика. Они находятся и в Сол.

Лл. 123 об.—124: Гл(агола)ху ѿ ѿ(т)ци Серапионѣ... — два отрывка из жития Серапиона, ср. Сол., лл. 262—265 об.

Лл. 124—124 об.: Братъ живий въ монодіахъ множицею ѿт напасти непризанины въпадше (ср. в Сол. л. 266 об.).

Лл. 124 об.—125 об. Братъ сѣдаше в томъ же монастыри минодѣистѣ и си бѣ м(о)л(и)тва ѱему воину... Ср. Сол., л. 267 об.

Лл. 125 об.—126: Заповѣди с(в)л(а)го ш(т)ца нашего Стефана числомъ вѣ. Нач.: «Не имѣи дружбы съ женою...» (ср. Син., лл. 248 об.—249; Сол., л. 269).

Лл. 126—127 об.: Слово с(в)л(а)го ш(т)ца нашего ѿфрѣма ш ползи д(у)ши и ш смиренни. Нач.: «Да ѿсть вѣдуше възлюбени (!) ꙗко вси нрави сами держатъса (ср. в Син., лл. 249—250; в Сол., лл. 269—271 об.).

Лл. 127 об.—133 об.: Слов(о) о(т)ца Моисѣя сущаго въ скитѣ ко ш(т)цю Пумину. бѣженъ быс(ть) шт него. Нач.: «Первое цѣлюю сп(а)сение твоѣ б(о)ж(е) мои...» (ср. Син., лл. 250—254 об.; Сол., лл. 271 об.—279 об.).

Лл. 133 об.—135: Слово о(т)ца Макариѣ ш оумилени. г(о)с(под)и бл(а)г(о)с(ло)ви ш(т)че. Нач.: «Велитъ бл(а)г(о)д(а)ть б(о)ж(и)а оумиление на сѣгрѣшающа...» (ср. Син., лл. 254 об.—255 об.; Сол., лл. 279 об.—281).

Лл. 135—136: Калогера Мопсѣа (ошибка, Сол. Моисѣа) заповѣдь... Нач.: «И реч(е) старецъ . подобаетъ оубо ч(е)л(о)в(ѣ)ку оумрети ш друга своего...» (ср. Син., лл. 255 об.—256 об.; Сол., лл. 281—283 об.).

Лл. 136—137: О нравѣхъ добрыхъ. Нач.: «Страх б(о)ж(и)и штгонить злобы...» (ср. Син., лл. 256 об.—257; Сол., лл. 283 об.—284 об.).

На лл. 137 по 144 об. помещены (без заглавия) краткие сказания об отшельниках. Нач.: «Видѣ нѣкто ѿтера старца мниха смѣющася...». Ср. Син., лл. 257—262 — также нет заглавия и в начале находится другое сказание. В Сол., на лл. 284 об.—306 те же статьи, что и в Син. помещены под заглавием «ш воздержании и ш альчбѣ», но текст пространнее: из 91 сказания в Сол. вошло только 61.

Лл. 145—146: О оучителехъ и ш оученицѣхъ рекше ш игуменѣхъ и ш чернцѣхъ. Нач.: «Безъ хытлости кормечи того в потопленю кораблю будетъ».

Лл. 146 об.—156: Слово с(в)л(а)го ѿфрѣма ш покаднии и ш любви. ѿже и ш св(е)щ(е)нии исповеданье и кр(е)сту похвала и ш будущемъ будѣ, г(о)с(под)и и бл(а)г(о)с(ло)ви ш(т)че. Нач.: «Ничто же почтемъ любимаѣ братьѣ паче нелицемѣрныхъ любѣви...».

На л. 156 кончается текст Скитского поглавного патерика. Далее (с л. 156) — без заглавия и без указания на автора произведения помещена неполная первая часть «Пандектов» Никона Черногорца, содержащая 35 слов.

Их автор, как известно, жил в Антиохии, во второй половине XI в. «Пандекты» представляют собой сборник правил, разъяснений и пр. об образе монашеской жизни и обязанностях иноков. Это произведение было переведено на Руси очень рано, еще в XII в.¹⁷ Первый перевод «Пандектов» дает сильно сокращенный по сравнению с более поздними переводами текст.

Позднее, во второй половине XIV в., русский перевод этого памятника был вытеснен современным южнославянским. На Руси широко распространились обе редакции последнего (болгарская и сербская), как и их русские изводы. Естественно, что списки раннего русского перевода весьма

¹⁷ О древнем русском переводе «Пандектов» ср.: И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, IV. СПб., 1876, стр. 217—296; А. Тихвинский. Ярославский список Пандект Никона Черногорца XII—XIII вв.—Русский филологический вестник, т. XXX, Варшава; 1892; № 3—4, стр. 114—132; т. XXXI, 1893, № 4, стр. 340—345; т. XXXII, 1894, № 1—2, стр. 316—323; № 3, стр. 113—122; № 4, стр. 261—269.

немногочисленны.¹⁸ Отличия между этим переводом и поздними очень большие. Часть их указывают в своем описании Горский и Невоструев.¹⁹ Но так как рукописи Син. 217 от 1294 г. неполная и в описании рассмотрены только слова с 15-го по 33-е, далее приводятся не упомянутые в их описании статьи. В остальных оба списка сходны.

В нашем списке опущено заглавие и текст начинается прямо с первой главы:²⁰

Лл. 156—159 об.: Слово \bar{a} о предъложенъи книгъ г(о)с(под)и бл(а)г(о)-с(ло)ви о(т)че. Нач.: «Сита книги г(оспод)на убо заповѣди и сихъ толкованье имуща тако же совокупающе...».

Лл. 159 об.—175: Слов(о) в предложениѣ книгъ толькованье заповѣдди г(о)с(под)нѣ. имѣи и въськорѣ всь (!) разумъ кънигамъ ω т того юже не разумѣти намъ б(ож)ественныхъ списании въпаденемъ въ сѣти дѣвола и пагубѣ предаемъса.

Лл. 175—180: Толкованье и заповѣдди г(о)с(под)нѣ. исперва ω т Златауста же и различныхъ ω (те)цъ \bar{a} ко же и за добродѣтель стража б(ла)ж(е)нѣ... .

Лл. 180—188 об. и 383—390 об.: О повиновении \bar{a} ко зло юже на пакость совокупление \bar{a} ко луче юсть ω тлучитиса тѣхъ и \bar{a} ко бѣдно юсть безъ расужения постригати, и жену и дѣти имѣти... и т. д.

Лл. 188 об.—190 об.: Слово е о повиновеньи рабъ пришедшихъ постригатис(а) и \bar{a} коже бесрасужения таковыхъ и пачеже б(о)ж(е)ствеаго писаниа и чресъ разумъ бис(ть) и своихъ приемлющѣа постригающѣа... .

Лл. 190 об.—197 об.: Слов(о) \bar{r} о отлучающихся братства \bar{a} ко плотскаго рад(и) покоя или по смѣха рад(и) коюго мирскаго ω т братства ω тлучаа зѣло тѣтно юсть ω т б(о)га и ω тмѣтание того повелѣни... .

Лл. 197 об.—202: Слов(о) \bar{z} о различ(ы)и главизны \bar{a} ко творащаго заповѣдь б(ож)ию или предание с(ва)т(ы)хъ о(те)цъ и съблажняютса ници (!) и о семь аще подобае \bar{t} дѣло оставити съблажняющихся... .

Лл. 202—214. Слов(о) \bar{i} о оучительхъ различье \bar{a} ко брашенъ (читай — страшень) судъ учителю \bar{a} ко чресъ заповѣди г(о)с(под)на оучить... .

Лл. 214—218 об.: Слов(о) \bar{o} о различы гнѣва по \bar{a} рости подобнѣи и не подобнѣи и \bar{a} ко не всегда не гнѣватиса намъ полезно нѣ югда зоветь врема... .

Лл. 218 об.—225: Слов(о) \bar{i} о клеветаньи и о досаженьи и о празнословьи и \bar{a} ко не томо (!) оубиства рад(и) и прилюбодѣиства (!) рад(и) и блуда и таковыхъ инѣхъ рад(и) в муку впадемъ.

Лл. 225—228 об.: Слов(о) \bar{a} i . юже примѣтис(а) к ближнему и \bar{a} ко многыми вещьми како юже творити о нашемъ примѣнении \bar{i} не простомъ показаниемъ положимъ вину... .

¹⁸ Мне известны следующие списки перевода (не позднее начала XV в.): 1) Рукопись № 15609 Ярославского музея кон. XII в., перг. (см.: В. В. Лукьянов. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. — Краеведческие записки Ярославского областного краеведческого музея, вып. III. Ярославль, 1958, стр. 14); 2) Рукопись № 217 Синод. собр. ГИМ, 1294 г., перг. (См.: Син., отд. II, ч. 3, стр. 1—6 (Список неполный). Далее: Син. 217). 3) Рукопись № 14 Чудовского собрания, ГИМ, кон. XIV в., перг. (см.: М. В. Щепкина и др. Описание пергаментных рукописей Исторического музея, стр. 196). (Содержит обе части «Пандектов»).

¹⁹ Син., отд. II, ч. 3, стр. 1—52.

²⁰ И. Лаптев, подражая древнему почерку, переписал оглавление книги с Почаевского издания 1795 г. на полях л. 156.

Лл. 228 об.—237 об.: *Слов(о) вѣ* о съставленьи блуда. Іакоже блюду-щеса зрѣти на жены и совокуплатис(а) ними...

Лл. 237 об.—246: О прилюбодѣстви (!) *слов(о) гѣ* и Іако не без вѣды єсть разлучитис(а) мужу *от* подружѣе своего кромѣ словеси блуднаго...

Лл. 246—251 об.: *Слов(о) дѣ* о клатвѣ и о различныхъ лжахъ Іако и клатвѣ преступлений и лжа по праведному слову бываєтъ вегда поставити памъ клатву или истину разлучаємса *от* б(о)га.

С 15-го слова по 33-е эта редакция по рук. Син. 217 подробно описана Горским и Невоструевым. В нашей рукописи имеются еще 2 слова.

Лл. 373—379: *Слов(о) лд* о неслажаньи Іако єже *оттѣргати* к повелѣнью б(ож)ию нѣс(ть) возношеные неподобно нъ тшаные о г(о)с(под)и...

Лл. 379 об. до конца за исключением лл. 383—390 об., которые, как уже было упомянуто, стоят не на месте: *Слов(о) лѣ* Іако не подобаєтъ оучителю любити имѣныя нъ Іако ж ту не приим д(у)х(о)вную бл(а)г(о)-д(а)ть.

Итак, входящие в нашу рукопись произведения представлены в ранних переводах и редакциях, которые для конца XIV в. уже являлись редкостью. Скитский поглавной патерик, сохраняя некоторые черты старинного болгарского перевода, обнаруживает и особенности древнего русского извода. Текст «Пандектов» Никона имеет большое сходство с аналогичным текстом по Ярославскому списку конца XII в. Следовательно, оригиналу, с которого переписывался кодекс, были присущи многие древние черты. Кроме того, он был безусловно русским и включал и оба памятника.

Все переписчики относятся довольно небрежно к правописанию. Преобладает упорядоченное написание *є; ѡ; оу* в начале слога и *е, ѡ, у* — в середине, но с частыми отклонениями. *Ъ* и *ь* пишутся и проясняются крайне непоследовательно, по-видимому, и под влиянием древних форм оригинала.²¹

Для орфографии памятника характерно еще и наличие особенностей новгородского диалекта: у первого писца мена *ч* с *ц* и *и* — *ѣ* встречается регулярно, у остальных — редко, например: *ѡ(т)це* (лл. 11 об., 33 об. и пр.); *цѣсти* вм. *чести* (л. 14 об.), *плащ* вм. *плачь* (л. 10 об.); *молци*, *молцание* (лл. 6, 15), *стекланичу* (л. 17 об.); *темничѣ* (л. 7); *златичи* (л. 30); *оконьча* вм. *оконьца* (л. 58 об.) и т. д. Мена *ѣ* — *и*: *Антонѣи* (л. 16 об.), *види* вм. *видѣ* (лл. 10 об., 12, 13 об., 20, 23 и т. д.), *въста видити* вм. *видѣти* (л. 27); *болши всихъ* вм. *всѣхъ* (л. 16 об.); *гл(аголах)у старцѣ* вм. *старци* (л. 24) и т. д.

Нужно отметить также, что переписчики плохо понимали язык своего оригинала, часто ошибались, искажали смысл и писали неправильно много слов и имен.

Из всего сказанного можно заключить, что рукопись писалась на Новгородской земле, причем в монастыре, где не было развитых письменных традиций. Об этом говорит невысокая грамотность писцов, невыработанные почерки, небрежная нумерация тетрадей и, наконец, плохое оформление всей рукописи.

²¹ В лингвистическом отношении описываемая рукопись представляет собой благодарный материал для специалистов. Отмечу, например, сохранение и даже прояснение *ѣ* и *ь* в слабом положении: «*єгда*» (л. 77); «*крѣпко*» (л. 110); «*оумьрс*» (л. 101 об.); «*въхъма*» (л. 54 об.); «*женескъ полъ*» (л. 21); а также в случаях, как: «*сѣвѣто съ*» (л. 91); «*во истину страхо съ*» (л. 77); «*родо съ*» (л. 121) и т. п. Большой интерес представляет также и ее древний лексический материал.

* * *

Уже было упомянуто, что на полях и пустых оборотах листов сохранились вкладные записи позднего времени. Из них видно, что эта рукопись сохранялась долгие годы в монастыре на озере Оскуе.²² Самая ранняя запись в ней датирована 1532 г., а самая поздняя приписка — 1713 г.

Приписки, отмечающие вклады в монастырь и в приходскую церковь Преображения, сделаны либо монахами, либо помещиками и крестьянами соседних деревень и усадеб. Эти записи содержат любопытные данные о стоимости разных подарков (домашних животных, зерна, икон, книг и т. д.). В них упоминаются имена вкладчиков, монастырских старцев, бобылей и пр., а также и строителей монастыря: Мисаил (1619—1627 гг.); Аммосей (1638 г.); Сергей (1652 г.), Иона (1685—1689 г.), Корнилий (1696 г.); Савва (1703—1704 гг.) и Дионисий (1707—1713 гг.).²³ Вкладные обычно отмечались дьяками или священниками: «помитил (!) . . . всячетец Микушка Иелев» (л. 250 об.); «вкладную писал черной поп Иона» (л. 293 об.) и пр.

Ниже публикуются наиболее интересные из этих вкладных записей в хронологическом порядке, по правилам, принятым в ТОДРА.²⁴

Лл. 397 об.: А се вложил в монастырь на Оскую Афонасий Ларионов с сыном Одресем сентябрь (?) лето 7041 (1532 г.), а вкладу дал сем коробей ржи да овса, а цена хлебу рубль московской, да корову чермну в три гривны.

Лл. 293 об.: Лета 7135 году (1627 г.) юля в 15 день вложился в дом к Спасу да Николы чудотворцу на Оскую Василей Клементиев сын да сын его Родивон, а дал вкладу корову да два рубля денег при старцы Месаиле, да при строителе Аммосе Механлове, а вкладную писал черной поп Иона.

Лл. 250 об.: А се вложися в дом к семьльстивому (!) Спасу и великому чудотворцу Николы раб божиин Прокофей Созонтиев, а вкладу дал два рубля московским числом, при слуги Амосе, да при слуги Михаиле Василевиче. Лета 7146-го (1638 г.)²⁵ апреля 24 день, аз Прокофей во иноцах Пахнотей и постриксе у Спаса в дому своего вкладу.

Лл. 294 об.: Лета 7157 году (1649 г.) месяца августа в 6 день вложился во общи дом к Преображению господа нашего Исуса Христа да к Николу чудотворцу на Оскуи Еремей Григор(ь)ев, сын Мартьянов, а за вклад построил божие милосердые Преображен(ь)е господне, да два Деисуса и всех сорок две иконы.

Лл. 292 об.: Лето 7161 (1652) году октября в 14 день вложися в дом ко всемилостивому Спасу и к Николы чудотворцу на Оскую монастырь Карп Семенов, а дал вкладу кобылицу, а цена четыре рубли, при строителе старцы Сергее, а пометил Моркиницкого погоста церковной дьячек Васка Яковлев по строителю Сергееву велению.

Лл. 184 об.: 170-м году (1662 г.) вложился в дом всемилостиву Спасу и к Ниле чудотворцу Михаило старец при черном священнике Ионе, да при бобылех (?) божиех монастырских (?) Микитке, Иване,

²² Этот монастырь находился в бывшей Новгородской губернии Тихвинского уезда. См.: П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. III. СПб., 1867, стр. 717.

²³ В кн. П. Строева «Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви» (СПб., 1877, стр. 128) их нет; упоминается только строитель Тихон (1717—1740 гг.).

²⁴ Приношу благодарность сотруднику ГПБ Н. Н. Розову, оказавшему мне помощь при чтении текстов приписок.

²⁵ Последние две цифры написаны позднее, первоначально было 51—1643 г.

да и при Исачке Иванове, да прастонеи (?) человеки Силуяне, да при Колке служебне Данилове и при всех бобылех, а дал Спасу в дом вкладу три рубли денех, а впред ему у Спаса терпеть, у Спаса з братиею вместех.

Лл. 270 об.: Тое же Оскую пустыни бобылек Исачко Иванов вкладу дал ко всемилостивому Спасу три рубли во 179 года (1671 г.); во 179 году Еремнев крестьянин Мартынова Трофим Иванов дал ко всемилостивому Спасу вкладу рубль московским числом. Да он же и сыном его Аникием, с матерью своею Устенею дали на строение денег рубл(ь).

Лл. 294 об.: Лета 7181-го году (1672 г.) месяца мая в 20 день в дом ко всемилостивому Спасу в Оскую монастырь вдова Акилина Петровская, жена Степанова сына Горихвостова з детми своими Федором и Захарием и с Юрием, Петровыми детми, а вместо вкладу освятили храм Спасу; антимиc (!) и грамоту добывал Юри Петровиц Горихвостов, а денег изошло десять рублей, да служебник.

Лл. 292 об.: 195 году (1687 г.) се вложилсЯ ко Спасу всемилостивому Данила Иванов сын Мартьянов, а дал полтину, да Никифор Еремиев сын Мартьянов дал корову доиную да осмину овса да сто гвоздей.

Лл. 391 об.—392: Лета 7197-го году (1689 г.) ноября в 1 день Богдана Микифоровича Качалова крестьянин Григорей Яковлев Жилина (?) от Николы Чюдотворца дал вклад д || жеребца рыжа трех лет за два рубли, да польтин денег в дом Спасу и Николе Чюдотворцу в монастырь на Оскую при строители старце Ионе, да при старце Никите, да при старце Кузми.

Лл. 390 об.: 1703 году при строителе иермонахе Савы писал Палею вместо вкладу за шесть рублей.

Лл. 390 об.: 1707 году вложил се и постриксе старец Арсений, а вместо вкладу трудилсе: своими трудами зделал иконостасы в церковь божию всемилостивому Спасу и положил два гривеника Ильин и Моисею в рубли, а богородице и другие Тифинские и чудотворцу Дмитрею; и лампаду медную богородице, при строителе Деонисии и при старце Пахнутин, при старце Фирсе, при труднике Иоане Левонтиеве, при труднике Амельяне, при труднике Калине, при труднике Иоане Лукине и при бобылих Миките Филипове и при Никифоре Иванове и при Тимофес Устинове, и при все брати месяца февраля в ден.

Лл. 277 об.: 1709 году декабря в 5 день Деревеницкого монастыря крестьянин Иоан Лукин вложилсЯ всемилостивому Спасу и Николы чюдотворцу в Оскую пустыню, а вкладу дал денег три рубли при строители Деонисии, да при казначеи Фирсе, при всей братии того монастыря по обещанию своему.

Из недатированных приписок приведу лишь одну на л. 303 об.—304: И иконописец Ивоанн Григор(ь)ев || Куколников вместо вкладу написал образ второе пришествие за шесть рублей при строители еромонахи Саввы и з братиеи.

В конце XVIII в. «Оскупская пустынь» была упразднена и рукопись, вероятно, стала частным владением, так как в 1832 г. она была продана И. П. Лаптеву крестьянином Григорием Климовым, о чем свидетельствует запись на л. 390 об.: «Сию книгу продал С. П. К. Ивану Петрову Лаптеву и деньги получил, 1832 года, марта, 17 дни новолодошкой крестьянин деревни Хотучи (?) Григорей Климов».

Купец И. Лаптев был не только коллекционером; он специально занимался палеографией. (Лаптев — автор первого русского альбома филиграней).²⁶ Он обратил внимание на эту рукопись и изучал ее, сличая

²⁶ Ср.: Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии в России. М., 1965, стр. 39.

текст «Пандектов» с другим — ныне неизвестным — пергаментным списком, собственностью купца Г. А. Громова.²⁷ Свои заметки относительно датировки и палеографических особенностей этой рукописи он обобщил в приписке на лл. 3—3 об., которая публикуется ниже:²⁸

«Сия древнейшая рукопись, с начал Отечник, а с 21 тетради первого щета и по окончание книга, преподобнаго Николая Черногорскаго, сличена с бергаментной таковой же книгой, первой половины имеющейся у купца Громова, о тритцати пяти же словах. И по оной видно, что сия книга с толкованиями евангелских слов собрана преподобным Никоном Черногорским, жившим в одиннатцатом столетии, которое на поле здесь пополнено и утраченное в 3-х местах вписано. В которой Пандекте помещено святых вселенских и поместных соборов много правил полным текстом без толкований и толкователи были в двенатцатом столетии, а без толкования же правила и во особом полном переводе печатаном в Почаеве против сейже есть и еще сокращение (названа Златныя чепа).

Сия же рукопись древнейшая, имеющая 394 листа, по знакам заводским на бумаге и по почерку литер и по наречию видимо, что писана в пятнатцатом столетии; и бумага в листах более хлопчатая, почему и трепишная и удержала по хлопчатке наименование бумага. Здесь несколько есть и трепишной, грубой, на которой поперех частых редкия линии, а хлопчатая с одними частыми, а без ретких линий. Список сей древности некогда принадлежал к пустыне всемилостиваго Спаса и Николы чудотворца, что на Оске, о чем на подписных под страницами вкладах видно. И между протчих втораго щету на 20-й тетраде сказано: «Се аз раб божий дал вскладу овса 20 четвериков, да ржи опанка, да гороху и бобу опанка, да бычек четыре гривны». На той же тетраде: «Се аз раб божий Иоани, а прозвищем Лында 1779 дал лошадь игреню». На 30-й тетраде: «Вложил в монастырь на Оску Афанасий 7041 (1733) вкладу 7 коробей ржи да овса; цена хлебу рубль московской, да корову чермну в 3 гривны».

Сия рукопись у новолодожскаго крестьянина Григорья Климова, которой в начале в последней тетрати своеручно подписал; куплена 1832 года автором, которой издал книгу в 1824 году под названием «Опытъ в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи с приложением рисунков, бывшим вологодским, а ныне Санктпетербургским купцом Иваном Лаптевым». О сей же книге Никонове или Пандекте пространно изяснено в обозрени о Кормчей книге, напечатанном в 1829 г., последнего щета на странице 187; втораго издания... года на странице... Сей же перевод печатаннаго во Остроге и в Почаеве несколько посокращеннее, а по наречию весьма тех древнее. Шрифт же и выговор литер следующей...» Далее И. Лаптев приводит начертание рукописи и их «выговор», т. е. соответствия им в современном языке.

В 1840 г. библиотека И. Лаптева была продана и эта рукопись вместе с другими рукописями, преимущественно исторического содержания, была куплена М. Погодиным и включена в его собрания.²⁹

²⁷ О Г. А. Громе см.: В. С. Иконников Опыт русской историографии, т. I, кн. 2. Киев, 1892, стр. 1892.

²⁸ В своей приписке И. Лаптев упоминает о подготовляемом втором издании «Обозрения Кормчей книги» Розенкампа; он оставляет пробел для выходных данных и ссылки на страницы этого издания, как на предстоящее. Но И. Лаптев умер в 1838 г., второе же издание этой книги вышло в 1839 г. Следовательно, эта запись была написана незадолго до смерти Лаптева.

²⁹ Ср.: У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России, ч. II, СПб., 1912, стр. 26—27.

Н Ф. ДРОБЛЕНКОВА

**Летописные заметки о событиях 1378—1395 гг.
в сборнике ГИМ. Увар. № 206 (1776)**

Один из списков Сказания о Вавилоне граде второй половины—конца XVII в. (ГПБ. Q. XVII. 82) начинается своеобразным «датирующим» предисловием: «Княжение великого князя Василия Дмитриевича Задонского в лето 7^{сч}-шестаго во дни ж во царство его в лето седмое княжения его при митрополите Киприяне. Слово о Вавилоне и о 3-х отроцех Ананьи, Азарьи и Мисаила. Послание от Левуя царя...»¹ Это «предисловие» написано киноварью.

Текст «Слова о Вавилоне» в этом списке, за исключением нескольких механических пропусков и ошибок, возникших при списывании, почти буквально совпадает с текстом списка ГИМ. Муз. № 2952 и относится к первоначальной редакции, по нашей классификации. При первом знакомстве со списком возникает вопрос, не носит ли «предисловие» действительно «датирующего» характера, не воспринял ли переписчик XVII в. «Слово о Вавилоне» как произведение, идейно близкое тем, которые могли быть созданы в седьмое лето княжения Василия I, при митрополите Киприяне, т. е. в 1395 г. (считая от 19 мая 1389 г.). Однако год в «предисловии», переданный буквами, содержит безусловную ошибку писца, которая сразу же предостерегает нас от подобных предположений: «В лета 7^{сч}-шестаго» дает нам 6096 год, т. е. нереальные 586 или 587 годы. Недоумение разрешается с помощью другого списка «Слова» — ГИМ. Увар. № 206 (1776).² Этот список дает правильное написание даты и объясняет нам, как могло появиться перед «Словом о Вавилоне» подобное «предисловие». Список «Слова о Вавилоне» ГИМ. Увар. № 206 (1776) представляет собой текст, копией с которого и является список ГПБ. Q. XVII. 82. Все три списка ГИМ. Муз. № 2952, ГИМ. Увар. № 206 (1776) и ГПБ. Q. XVII. 82 принадлежат второму виду первоначальной редакции. Отдельные грамматические отступления списка ГИМ. Увар. № 206 (1776) от текста древнейшего списка «Слова о Вавилоне» (ГИМ. Муз. № 2952) свидетельствуют лишь о его вторичности по отношению к списку конца XV в. Список ГИМ. Увар. № 206 (1776) находится в той части сборника, которую архим. Леонид датирует второй

¹ Описание сборника, в котором находится этот список, см. в кн.: К. Калайдович и П. Строев. обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке Ф. А. Толстова. М., 1825, стр. 381—382.

² Подробное описание сборника ГИМ. Увар. № 206 (1776) с росписью его содержания сделано архим. Леонидом (Кавелиным) (Описание рукописей графа Л. С. Уварова, т. 4, М., 1894, стр. 23—27; далее: Леонид) и М. Н. Тихомировым (Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, №№ 61, 70, 112; далее: Тихомиров).

половиной XVI в.³ Тексту «Слова о Вавилоне» в этом сборнике предшествуют летописные статьи, последняя из которых и становится в списке ГПБ. Q. XVII. 82 датирующим «предисловием». Палеографически это вполне объяснимо. Летописная выписка, предшествующая в сборнике ГИМ. Увар. № 206 (1776) «Слову о Вавилоне», заканчивает собою лист 240, последние ее слова дописаны до середины строки. Текст «Слова о Вавилоне» начинается сразу же наверху оборотной стороны 240 листа. Сопоставление текста «предисловия» по списку ГПБ. Q. XVII. 82 и текста летописной заметки, предшествующей «Слову о Вавилоне» по списку ГИМ. Увар. № 206 (1776), показывает, что дата 6096 списка ГПБ. Q. XVII. 82 — результат искажения при переписывании года, указанного в списке ГИМ. Увар. № 206 (1776) — 6896, при буквальном совпадении текстов в остальном. 6896 г. соответствует 1387—1388 гг., т. е. ошибочно указывает год вокняжения Василия I Дмитриевича.

Что представляет собой данная летописная заметка? Удалось выяснить, что текст ее, ставший «предисловием» в списке XVII в. ГПБ. Q. XVII. 82, — сокращенный заголовок летописной статьи о начале княжения Василия I и сокращение начальных строк Повести о Темир-Аксаке, которые читаются в Лондонском списке Вологодско-Пермской летописи.⁴ Вот эти тексты для сравнения.

Вологодско-Пермская летопись (Лондонский список)	Сб. ГИМ. Увар. № 206 (1776), л. 240	Сб. ГПБ. Q. XVII. 82, л. 57

В лето 6898 Княжение великого князя Василья Дмитриевича. . . В лето 6903-го. В седмое лето княжения великого князя благовернаго и хри- столубиваго Василья Дмит- реевича самодержца Рус- киа земли, внука великаго князя Ивана Ивановича, правнука же вседръжавнаго всера Руси великаго князя Ивана Данильевича, при ми- трополите Киевском всера Русии Кипреяне. . .	Княжение великого князя Василья Дмитриевича Задонского в лето 6896. В дни ж в царство его в лето седмос княжения его при митрополите Кип- рияне.	Княжение великого кня- зя Василья Дмитриевича Задонского в лета 6090 ше- стаго. Во дни ж во царство его в лето седмое княжения его при митрополите Ки- прияне.

Л. В. Черепнин, поддерживающий мнение М. О. Скрипиля, что «Сказание о Вавилоне» создано «в первой половине XV века»,⁵ считает возможным «значительно уточнить и конкретизировать» время возникновения «Сказания», для чего проводит идейное сопоставление памятника с летописными повестями о нашествии Темир-Аксака на Москву в 1395 г.⁶ Встречающийся случай текстологического сближения «Слова о Вавилоне» и повести о Темир-Аксаке, казалось бы, подкрепляет предположение Л. В. Черепнина. К тому же весь цикл летописных заметок, находящихся в сборнике ГИМ. Увар. № 206 (1776) на лл. 226 об.—240, и «Слово о Вавилоне» переписаны одной рукой. Начальные строки записи («Кня-

³ Леонид, стр. 24.

⁴ ПСРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1959, стр. 163, 342. Варианты этой повести по списку Чертковского в издании не приведены (там же, стр. 164). Благодарю Е. К. Ромодановскую за первоначальную копию летописных заметок.

⁵ М. О. Скрипиля. Сказание о Вавилоне граде. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 142.

⁶ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 680 и 679—681.

жение великого князя Василья Дмитриевича Задонского в 6896») написаны киноварью так же, как и остальные заголовки летописных статей этой части сборника, а также и заглавие: «Слово о Вавилоне и о трех отрощех». В предшествующей «Слову» летописной фразе: «В дни же в царство его в лето седьмое...» начальное «В» киноварное, в «Слове о Вавилоне» первая буква его текста «П» («Послание от Левуя...») — тоже киноварная. Тот факт, что «Слово о Вавилоне» начинается сразу же, сверху оборотной стороны 240 листа, свидетельствует о том, что в данном списке остальная часть летописной повести о Темир-Аксаке не могла быть механически утраченной.

Однако текст «датирующего предисловия» представляет собой уже сильно сокращенные начальные строки Повести о Темир-Аксаке и встречается лишь в списках «Слова о Вавилоне» 2-го вида первоначальной редакции (списки 1-го вида его не имеют).

Таким образом, это «предисловие» не может расцениваться как прямой довод в пользу датировки «Слова о Вавилоне» концом XIV в. Но так ли уж случайно то, что составитель (или переписчик?) летописных выписок, находящихся в сборнике ГИМ. Увар. № 206 (1776), счел возможным соотнести «Слово о Вавилоне» с событиями 1378—1395 гг.?

Названная летописная запись из сборника ГИМ. Увар. № 206 (1776) — это всего лишь завершающая статья в неразрывном ряду летописных статей о последних годах жизни Дмитрия Ивановича Донского (начиная с 1378 г.) и первых семи годах княжения его сына: 1) О битве на Воже 1378 г. (лл. 226 об.—227); 2) «О Московском взятии от царя Тактамышша» 1382 г. (лл. 227—231); 3) О крещении великим князем Ягайло Ольгердовичем «в немецкую веру» жителей Литовской земли (л. 231—231 об.), статья, обычно помещаемая под 1386 г., но в данном сборнике связанная с 1382 г.; 4) О послании в 1383 (6891) г. Василия Дмитриевича в Орду «тягаться о великом княжении» с Михаилом Тверским (л. 231—231 об.); 5) «О взятии Великаго Новаграда в лето 6894» (1386) Дмитрием Ивановичем (лл. 231 об.—234 об.); 6) «О преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича Задонского» (лл. 234 об.—240); 7) «Княжение великого князя Василья Дмитриевича Задонского в лета 6896 (1387)» (л. 240).

Описанный архим. Леонидом и М. Н. Тихомировым сборник ГИМ. Увар. № 206 (1776), в 8°, полуустав XVI в. на 460 листах (водяной знак — маленькая рука в рукавике с фестонами, под короной — Лихачев, Вод. зн. № 3355 — 1564 г.),⁷ содержит целый ряд «отрывков из летописей», как глухо называет их Леонид.⁸ Согласно определению М. Н. Тихомирова, это «летописные заметки», «Летописец Руския земля» и «Родословный летописец».⁹ Характеризуя летописные заметки на лл. 226 об.—240 сборника, М. Н. Тихомиров ограничивается общим заключением: «Заметки являются сокращением более раннего летописного источника и могут служить материалом для суждения о летописных записях конца XIV в., особенно для жития Дмитрия Донского».¹⁰ Однако сам М. Н. Тихомиров не указывает этот «более ранний летописный источник».

Сопоставление текстов позволяет нам сказать, что данные летописные заметки о событиях 1378—1395 гг. восходят к соответствующим статьям Вологодско-Пермской летописи по спискам Лондонскому или Чертков-

⁷ Тихомиров, стр. 67.

⁸ Леонид, стр. 24.

⁹ Тихомиров, № 61, 70, 112.

¹⁰ Там же, стр. 75.

скому¹¹ и через нее (так как в Никаноровской летописи отсутствует пространная повесть о Темир-Аксаке) — к Никаноровской летописи,¹² но являются их поздним сокращением, переработкой. Особое место занимает статья «О Московском взятии от царя Тактамышша», имеющая гораздо меньше совпадений с текстами этих летописей; она значительно переработана и, возможно, имеет еще какой-нибудь другой дополнительный летописный источник.

Отдельные летописные заметки сборника дают почти дословные совпадения со статьями Вологодско-Пермской и Никаноровской летописей, а сокращенное переложение или отсечение текста имеют чаще в начале либо в конце. С начальной частью статей обеих летописей дословно совпадает, например, маленькая по размерам летописная заметка 1383 (6891) г.; она не имеет только конца (л. 231—231 об.).¹³ Внутростатьные сокращения, как правило, представляют механическое усечение, стяжение фраз и пропуски кусков текста; при этом сокращаются не только риторические описания (как в Житии Дмитрия Ивановича), но пропускаются и некоторые фактические детали повествования, имена; встречаются и случайные замены непонятных слов новыми.

Летописная заметка о битве на Воже завершается словами составителя, кратко подытоживающего суть событий: «Князь же Дмитрей Иванович ту победы их Мамаево войско» (в летописях эта фраза отсутствует). В заметке исключены имена «избитых» ордынских князей, рассказ о поимке и заточении на озере Лаче попа и некоторые подробности битвы. Вместо слов «рати все совокупя Ординские» вставлено прозвание Дмитрия Ивановича — «Московской».

К концу повести «О Московском взятии от царя Тактамышша» в сборнике присоединена статья о крещении литовцев князем Ягайло Ольгердовичем в «немецкую веру», также почти полностью совпадающая с текстом Вологодско-Пермской и Никаноровской летописей, где эта заметка помещена не под 1382, а под 1386 (6894) г., в конце статьи «Как приходи князь великий Дмитрей Иванович ратью к Новугороду Великому».¹⁴ Описание последствий противоборства двух литвинов заменено краткой заключительной фразой: «Он же замучи их».

Летописные заметки «О взятии Великаго Новаграда» и «О преставлении великаго князя Дмитрея Ивановича Задонского» также довольно близко следуют за соответствующими летописными статьями, однако и в них встречаются усечения и замены отдельных фраз или слов и пропуски целых кусков текста. В Житии Дмитрия Ивановича повествуется лишь о его преставлении и выпущен рассказ о житии, а в конце — пропущены куски из плача Евдокии. (Подробную характеристику этой поздней сокращенной редакции Жития см. в этом же томе, в статье М. А. Салминой). Отметим только, что в текст Жития, читающийся в сборнике, внесены прозвания Дмитрия Ивановича — «Задонский» и игумена Сергия — «Радонежский».

В заметке «О взятии Великаго Новаграда» также имеются пропуски отдельных кусков текста (опущен, например, перечень названий сожженных деревянных церквей) и замены слов летописей поздними выражениями: вместо «...и хто в путь с ними ходил» читаем «и хто тут

¹¹ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 124—125, 145—155, 158—164, 342.

¹² ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., АИ СССР, 1962, стр. 71, 76—82, 84—88. — За консультацию по Никаноровской летописи признательна Я. С. Лурье.

¹³ Вологодско-Пермская летопись дает перестановку: «великий князь».

¹⁴ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 155; ПСРЛ, т. XXVII, стр. 82.

с ними ходил»; вместо «верст» — «поприщ»; «... чтобы еси учинил мир, а кровопролитья бы еси, господине, не сотворил» — «сотворил» заменяется дважды повторяющимся словом «учинил».

Текстологический анализ свидетельствует о том, что летописные заметки сборника восходят к одной из ранних редакций Вологодско-Пермской летописи, так как сохраняют древнейшие чтения, присущие летописным спискам Лондонскому (Л) и Академическому (А), а не Кирилло-Белозерскому (К-Б). Так же как в списках Л и А Вологодско-Пермской летописи, и в списке ГБЛ. Музейн. собр., № 3271 (л. 168 об., 177 об.), исследованном И. М. Кудрявцевым,¹⁵ в сборнике на л. 233 об. читаем: «на Перуне Юрьев манастырь» (в К-Б искаженное «на Рыше»)¹⁶ Однако встречаются и искажения, так, на л. 238 об. «Вдовья бо беда горчее всех людей» (в К-Б вместо «людей» правильное «бед»)¹⁷.

Заметка о нашествии на Москву Тохтамыша сильнее всего подверглась переработке и сокращению. В ней встречается искажение имен, уже отмеченное М. Н. Тихомировым.¹⁸ Имеются также случаи небрежной обработки текста, когда при пересказе одного и того же места дважды повторяется одно и то же выражение: «... князи Суждальские и начаша говорити гражаном: „Отворите вы град и стретите царя; не на вас был царь прииде и ни вас пленити, но прииде на князя Дмитрия Ивановича. Вы же отворите град и стретьте царя...“» (лл. 229 об.—230).

Сильная переработка статьи о нашествии Тохтамыша, по-видимому, свидетельствует об особом значении, которое этой заметке придавалось. Редактора ее интересовали не столько исторические подробности, с которыми он был знаком по текстам известных ему летописей, сколько общая картина страшного разорения Москвы «иноверными» — татарами, которую он старается воссоздать. Не случайно вслед за этой статьей идет заметка о крещении литовцев в «немецкую веру», главная тема которой — насилие «иноверных» и мучения христиан.

Далеко не все статьи Вологодско-Пермской и Никаноровской летописей за 1378—1395 гг. представлены в сокращенных летописных заметках сборника за эти годы. Судя по всему, их выбор и расположение были произведены с определенной направленностью.

Среди летописных заметок сборника нет, например, статьи о битве на Дону 1380 г.,¹⁹ но присутствует статья о нашествии и разорении Москвы Тохтамышем. Завершаются заметки начальными строками пространного сказания об иконе Владимирской божьей матери и нахождении Темир-Аксака на Москву в 1395 г.

По поводу особого внимания в конце XV—XVI в. к Повести о нашествии на Москву Тохтамыша следует заметить, что именно от этого (1382) года разорения Москвы и отсчитывают пространные повести о Темир-Аксаке 13 лет, чтобы показать затем торжество «христиан» над «иноверными» врагами, свершившееся в 1395 г. якобы с помощью самой богородицы. Так в поздних пространных повестях о Темир-Аксаке, в предисловии, развивается идея «реванша»: Москве, разоренной в 1382 г., противостоит огненная Москва, находящаяся под покровом самой богородицы и спасенная ею в 1395 г. В завершение своей переделки

¹⁵ И. М. Кудрявцев. Сборник последней четверти XV—начала XVI в. из Музейного собрания. Материалы к исследованию. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 25. М., 1962, стр. 220—288.

¹⁶ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 154 (разночтение № 65), стр. 357.

¹⁷ Там же, стр. 161 (разночтение № 17), стр. 357.

¹⁸ Тихомиров, стр. 75.

¹⁹ Она заменена краткой статьей о победе над Мамаем в 1378 г. на Воже.

статьи о Тохтамыше составитель переносит в ее конец отрывок летописной статьи, обычно помещаемой под 1386 г. и рассказывающей о насильственном крещении «в немецкую веру» всей Литовской земли, статьи, которой, по-видимому, согласно его представлениям, и должен был заканчиваться рассказ о разорении Москвы иноверными врагами.

Составитель летописных заметок подчеркивает преемственность между великими московскими князьями, отцом и сыном, связывает их имена с Куликовской битвой, «Задонщиной»: в тексте сборника дважды встречается прозвание «Задонские», закрепленное за московскими князьями Дмитрием Ивановичем и его сыном Василием I. По всей видимости, это прозвание идет от устной народной традиции. Подтверждение тому находим, например, в сказке «Про царя Мамаю безбожного», сохранившейся за князем Дмитрием Ивановичем прозвание «Задонский».²⁰ Об устном происхождении названия Куликовской битвы — «Задонщина» — пишет Д. С. Лихачев.²¹ В XVI в. сосуществовали параллельно два прозвания Дмитрия Ивановича — «Донской» и «Задонский». Одно — утверждавшееся в официальной историографии и уже в середине XVI в. принятое Степенной книгой царского родословия;²² другое — засвидетельствованное в списке ГИМ. Увар. № 206 (1776), датированном серединой — второй половиной XVI в. Прозвание «Задонский» встречается также в Холмогорской летописи в статье 6940—1432 г. (л. 304), текст которой был любезно предоставлен мне Я. С. Лурье (однако построчных текстологических совпадений летописные заметки сборника и Холмогорская летопись не имеют).

Таким образом, сокращенные летописные заметки о событиях 1378—1395 гг. из сборника ГИМ. Увар. собр. № 206 (1776) так же, как Холмогорская летопись и краткий летописец Погодинского собрания (ГПБ. Погод. № 1612), обнаруженные и исследованные Я. С. Лурье,²³ связаны с летописной традицией, восходящей к Вологодско-Пермской летописи, и, возможно, тоже бытовали в северных районах.

Публикуемые летописные заметки представляют определенный интерес не только для истории летописания, они важны и для изучения литературной судьбы целого ряда литературных памятников: повести о житии и преставлении Дмитрия Ивановича Донского, повестей о Темир-Аксаке, о нашествии Тохтамыша и сказаний о Вавилоне.

²⁰ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. III. Под ред. М. К. Азадовского, П. П. Андреева, Ю. М. Соколова. М., 1940, стр. 42.

²¹ Д. С. Лихачев. О названии «Задонщина». — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию С. П. Валака. М.—Л., 1964, стр. 474—475 (Труды ЛОИИ, вып. 7). — О том, что в пароде существует понятие «Задонское царство» как царство татарское, иноверческое с царем-салтаном (Салтаном) во главе, свидетельствуют лубочные листы о Бовс-королевиче (XVIII в.). «Задонское царство» (стр. 101, 109, 112, 113 и др.) в большинстве случаев в русском тексте повести заменило «Додонское царство» (царя Додона) (см.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Сказки и забавные листы, кн. I. СПб., 1881, стр. 80).

²² В Степенной книге прозвание Дмитрия Ивановича «Донской» встречается неоднократно (см. ПСРЛ, т. XXI, 1 половина, ч. 1. СПб., 1908, стр. 51; ПСРЛ, т. XXI, 2-я половина, ч. 2, СПб., 1913, стр. 344, 408, 412, 464, 475, 488, 611).

²³ Я. С. Лурье. Краткий летописец Погодинского собрания. — Археографический ежегодник за 1962 г. К 70-летию М. Н. Тихомирова. М., изд. АН СССР, 1963, стр. 431—436.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Летописные заметки о событиях 1378—1395 гг.

В лето 6887 (1378). Ордынские поганыи князь Мамаи посла Бегича ратью на великого князя Дмитрея Ивановича Московскаго. Великий же князь Дмитрей Иванович совокупи свою рать и поиде против их. И пере-ехав за Оку, иде в землю Резан||скую, и стрете их у реки у Вожи. Князь же великий ударишася на них в лице им, а с другую сторону князь Данило Пронской, а сторону Тимофеи Васильевич окольничей. Татарови же побегоша. Князь же Дмитрей Иванович ту победи их Мамаево войско. л. 227

О Московском взятии от царя Тактамышша в лето 6890 (1382). Того же году поиде на Русь царь Тактамыш Синей Орде со множеством войска на великого князя Дмитрея Ивановича. И прииде на Резань и (л. 227 об. — без текста) л. 228 поплени землю Резанскую. Князь же Волог^а ||

Резанский обвел царя Тактамышша около своея отчины, и перевезеся реку Оку, и поиде изгоном к граду Москве. Князь же великий Дмитрей Иванович побеже на Кострому и со княгинею и з детми. А на Москве осталось мало и людей. Царь же Тактамыш вскоре приспе на Москву с множеством татар. В граде же людие затворилися. И бысть в то время в граде Москве князь, именем Устиян, немецка рода, храбр воин. Той же (л. 228 об. — без текста) л. 229 крепя град Москву.||

Многим же татаровем около града по вся дни ездяху, стен градных и приступов смотряху. На утреи же приступиша множество татар и начаша^б стреляти и престаша. И выехав ис полку от царя Тактамышша князь Константин Суждальской, иже бе стретил царя на Резани и бысть единомысленник. Той же прииде близ ко вратом каменна града Московскаго и нача кликати: «Есть ли в граде князь великий Дмитрей Иванович?». Они же кликнуша: «Нет в граде». Царь же повеле приступить всему || войску ко граду, сам же безпрестани около града объеждаше. л. 229 об.

И кликнуша безбожнии и начаша бити в град. И бьющеся три дни и три ноци. И лествици на стены прикладываху и на стену возлазяху. Гражане же воду в котлех варяху и льяху по стенам. И едва избавися град того дни. Людие же в граде безпрестани богу моляшуся. Во утрии же день подъехаша ко стене града князи Нижнего Новаграда и князи Суждальские и начаша говорити гражданам: «Отворите вы град и стрел||тите л. 230

царя. Не на вас был царь прииде, ни вас пленити, но прииде на князя Дмитрея Ивановича. Вы же отворите град и стретьте царя. Царь же вас хошет вельми жаловати, и в граде побыти, и к себе поити в Орду». Людие же, послушавше их льстивых словес, град отвориша и поидоша во стретение ко царю с честными иконами и живоносными кресты от мала и до велика, епископи, архимандриты, игумены, попы и диаконы, и все людие выидоша из града во врата Фроловская, многое множество людей. Царь же виде и повеле сесьщи людие || без милости. И бысть л. 230 об.

воцль мног и рыдание люто в граде и по торгом и по улицам. И не избьсть ни един. И поже град Москву весь. И бе видети град пожжен и церкви божии и мертвых громады лежащих. Царь же поиде во свою Орду. Великий же князь Дмитрей Иванович, с княгинею со своею, и з с детми, и с всеми князи своими прииде на Москву, нача плакати, виде град пожжен и церкви святыи, и иконы по улицам повержени, и

^а На лл. 227 об., 228 об. пропускает написанный на обороте текст.

^б Испр.; в ркп. над словом выносное с.

мертвых труп лежащих. И събра оставшая люди и повеле мертвых телеса
л. 231 похороштити, и град делати, || и церкви ставити, и торги, и улицы.

Того же году великий князь Ягаило Олгердович Литовский ехал жениться в Югорскую землю к королю, и тамо женися и крестися в немецкую веру. Пришед оттоле из Югорские земли во свою вотчину, в Литовскую землю, и крести Литву в немецкую веру половину своего града Вильны. И два литвина у него были большие, а те крестися в крестьянскую веру. Он же замучи их.

В лето 6891 (1383). Посла князь великий Дмитрией Иванович в Орду сына своего князя Василья во свое || место тягаться о великом княжене с князем Михаилом Тверским.

О взятии Великого Новграда в лето 6894 (1386). Того же зимы в Филипово говейно пред рождеством Христовым великий князь Дмитрией Иванович събра вой многи с всеми князи рускими и з братом своим с князем Володимером Андреевичем, а с ним было ратей: Коломенская, Звенигородская, Можайская, Волоцкая, Ржевская, Серпуховская, Боровская, Дмитровская, Переяславская, Володимирская, Юрьевская, Муромская, Мещерская, Стародубская, Суждальская, Городенская, Нижнего Новграда, Костромская, Угличская, Ростовская, Ярославская, Можайская,¹ Галицкая, Бежичская, Белозерская, Вологодская, Устюжская, Новоторжская. И поиде ратью к Великому Новуграду, и волости Новгородские воюючи, дръжа гнев на Великий Новград, что взял разбоем град Кострому и Новград Нижний. Новгородци же и послаша послы своя против великого князя с челобитьем о миру. Великий же князь Дмитрией Иванович миру не дал, послы отпустил новгородские без миру. || Великий же князь Дмитрией Иванович не дошед Новграда за 15 поприщ и ста на поле, бяше бо уже по Крещеньи. Новгородци же послаша к великому князю Дмитрию Ивановичу и с челобитьем владыку Алексея. Он же приеха к великому князю и рече: «Господине княже, яз тебе благословляю, а Великий Новград весь челом биеть, чтоб еси учинил мир, а кровопролития бы еси не учинил. А за винные люди тебе Новград кончат и челом биеть 8000 рублей». Великий же князь Дмитрией Иванович, велми дръжа нелюбие на Великий Новград,

л. 232 владыки не послуша и хоте ити || к Новуграду. Владыка же посла вперед себя в Новград весть и рече: «Великий князь миру не дал, а хочет итти к Новуграду. И вы дръжете опас». А тогда новгородци поставиша острог. А князь Патрикей Нариманович да князь Роман Юрьевич и с копорскими князи бяше в городе. И приде весть новгородцем, что князь великий уже ближеть у Жилотуга. Новгородци же, слышавши се, начаша бояться велми и послаша на вести испытывати. Оне же ездивше и не обретоша рати нигде. И услышавше, что князь великий Дмитрией Иванович стоит || у города, и послаша к великому князю новгородци архимандрита два и с ними 7 попов да 5 человек житенских, с конца по человеку. А в то время новгородци около Великого Новграда ж пожгоша монастырей великих 24: на Перуне Юрьев монастырь, Рождественный, Пантелеев, Вскресенский, Благовещеньский, Оркаж, Духов, Борисохлебский, Богородицин, Николин, Лазарев, а на торговой стороне — Антошьев, Богородицин, Иванов, на Волтове, на Ковалева, Рождественский, Кирилов, на Ситске, в Нередичях, на Сквородках, Шилов, а церквен

л. 233 б пожгли || деревяных. Тогда предреченные послове новгородския ехав на Понеделе и добили челом великому князю Дмитрию Ивановичу

¹ Далее в ркп. зачеркнуто землю.

² Далее в ркп. зачеркнуто сво.

³ Испр., в ркп. Можаская.

за Велики Новгород, и мир взял по старине, по владычню благословению и по новгородскому челобитью. А за вишние люди докончаша, за волжан и хто тут с ними ходил, и даша 3000 рублей, и послаша к великому князю Дмитрею Ивановичу с посадником Григорьем Якуновичем и с посадником Васильем Федоровичем. Они же, принесли то, даша великому князю 5000 рублей, докончали великому князю на Заволочской земли, || зане же а. 234 об. заволочане были же на Волзе, и приставы послаша за волок. А великий князь Дмитрей Иванович из Ямен воротися и поиде к Москве, а намесьники своя посла в Новгород.

О преставлении великаго князя Дмитрея Ивановича Задонского. И по малех днех разболеся князь великий Дмитрей Иванович и скорбен бысть вельми. В то же время родися ему сын, и нарече имя его Константин. И призва к себе княгиню свою Евдокею, и сыны своя, и бояре свои и рече: «Послушайте мене вси. Се яз отхожу света сего. Ты же, драгая || моя а. 235 княгини Евдокея, буди чядом своим отец и мати, наказующе их и укрепляюще все по заповедем господним, послушанвым и покорливым быти, и бога боятися, и родителя своя чтити». И рече сыновом своим: «Плод чрева моего, бога боитеся и чтите родителя своя, мир и любовь имейте межю собою. Аз бо предаю вас богови и матери вашей, и под страхом ея всегда будите. И бояр своих любите и чтите противу служения их, приветливи будите ко всем слугам своим». И рече боярам своим: «Сберитесь ко мне, да скажу вам, еже створих в животе моем. Ведаете, каков || обычаи мои есть. И при вас возрастох, и с вами царствовах, и а. 235 об. землю Рускую держал лет 27. А от рождения^с ми 40 лет. И многи враги укротих, всльми княжение свое укрепих, мир и тишину земли Руской сотворих, и отчину свою с вами съблюдох, и вам честь и любовь дах, под нами города дръжал и власти великия. И чяда ваша любих, николи же зла не сотворих, ни силою что отях, ни досадил, ни укорил, ни разграбил, но всех любил, и вотчину дръжал, и веселился с вами, с вами же и скорбех. И ныне же помяните словеса моя и своя, еже рькли есте ко мне во время свое: || «Должни есми, тебе служа и детям твоим, и а. 236 главы своя положити. И укрепитесь истинно, и послужите княгине моеи Евдокеи и чядом моим от всего сердца своего. Во время радости повеселитесь с ними, во время же скорби не оставите их, да скорбе ваша на радость предложится. Бог же мира да будет с вами». И призва перваго сына своего князя Василия, и предасть ему в руци великое княжение, еже есть отца своего и деда и прадеда, со всеми пошлинами своими. И раздавал сыновом своим города своя || вотчины, на чем им княжити, а. 236 об. и землю им раздели по жребию: второму сыну своему князю Юрию дал град Звенигород со всеми волостями и Галич. Третьему сыну своему князю * Андрею дал город Можайск^з и Белоезеро. Четвертому сыну своему князю Петру дал город Дмитров. И целовав княгиню свою и дети своя и бояре свои, конечное целование отдасть им. И пригнув руце свои к персем, и тако предасть душу свою святую. И просветися лице его яко аггелу.^и И увидевше его княгини мертва на постели || лежаща, и а. 237 ударишася о землю, и едва подымоша. И восплака горьким гласом, огненныя слезы из очию испущающе, утробою распалающися, в перси своя рукама бьюще, яко труба рать поведающе: «Како умре, живот мой драгий, мене единому в дому оставил. Почто аз преже тебе не умрох. Како

^с Испр., в ркп. рожня.

^ж Испр., в ркп. князю написано дважды.

^з Испр., в ркп. Можаск.

^и Так в ркп.

- заиде, свет очию моею, где отходиши, скровище живота моего, почто не промолвиши к мне, цвete мои прекрасныи, что рано умираеши, виноград многоплодныи. И уже не посади плода сердцу моему. || И чему, господине, не взозриши на мя, ни промолвиши ко мне, уже ли мя еси забыл и детей своих, чему им ответа не даси, кому ли мене приказываеш. Солнце мое, рано заходишь, месяц мои красныи, скоро погибаш, звезда восточная. Царю мои, како прииму тя, како послужу ти. Господине-государь, честь и слава твоя, господине, господство твое, государь всен земли Руской был еси, ныне же мертв лежиши, никим же не владеши. Многия страны примирил еси, ныне же смертию побежден еси. Ох, ох, смерть злодею, вначале государя || моего взяла еси. Изменися^к слава^а твоя, и зрак лица твоего пременися.^м Ох, животе мои милыи, како повеселюся с тобою. За многоценныя ризы худую бедную ризу приемлеш, а царский венец худым сим платом главу покрываеши, за полату красную гроб приемлеш. Свете мои светлыи, чему помрачился еси. Аще бог услышит молитву твою, помолися о мне, княгине твоеи, вкупе же жих с тобою, вкупе же и умру с тобою. Уность не отиде от нас, а старость не пристижет нас. Кому приказываеши мене и дети свои. Не много бо ся с тобою нарадовах, || за веселие плач и слезы приидоша ми. Почто аз преже тебе не умрох, да не вида смерти твоеи, а своеи погибели. Не слышиши ли, господине, бедных моих словес, не смият ли ти ся мои горкыя слезы. Звери земныя идут на ложи своя, ты же, господине, от дому своего не красно отходиши. Кому уподоблюся, остала бо есми царя. Старыя вдовы тешите мене, молодыя вдовы, плачите со мною. Вдовыя бо беда горчее^о всех бед. ° Како ся сплачу или како возглаголю. Великии мои боже, царь царем, заступник ми буди. Пречистая госпоже, не оста||ви мене и во время печали не забуди мене». Принесоша великого князя Дмитрея Ивановича в църкви святого архангела Михаила и певше над ним обычное надгробное пение. И положиша его в гроб, и плакашеся над ним князи и бояре, архиепископи и весь народ, и несть такова, кто бы не плакал. И събрашася ту мнози митрополиты, Феогнаст Гречин, и Данило владыка Смоленский, и Сава, епископ Сарайский, и Сергии, игумен Радонжский. Пяты же сын его князь Иван после отца преставися, шестыи же сын его князь Ко||н|станти|н, еже есть всех меньши детей. И восплакася княгини и рече: «О страшное чудо, братие, диви исполнено, о трепетно видение. И ужас одръжаше. Слыши небо и внуши земли, како въспишут ти, или како въглаголю о преставлении сего великого князя Дмитрея Ивановича. От горести душа язык связаетца, уста загражаются, гортань премолает, мысль изменяеться. Аще ли премолачу, нудит мя язык рещи. Егда успе вечным сном великий князь Дмитрей Иванович, аер възмутися, земля трясашася, и человеци || смутишася. Что ли нареку день той. О горе нам, братие, царь царем умре. Солнце помрачаетца, луна облаком покрываетца. Красен взором и чист душею, свръшен разумом. Кому уподоблю великого князя Дмитрея Ивановича, царя Руской земли, ангела ли ты шареку, в плоти суца, аггельскыи и пожил еси, человека ли, но выше человеческого роду дело съвршил еси».

Княжение великого князя Василия Дмитриевича Задонского в лето 6896 (1388). В дни же в царство его в лето седьмое княжения его при митрополите Киприяне.

^{к-м} В ркп вставлены на полях слова: глава твоя и зрак лица твоего пременися

^а Испр., в ркп, глава

^м Испр., в ркп, горее.

^о Испр., в ркп, людси.

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ, И. Н. СТАРОВЕРОВА

Из архива академика М. Н. Тихомирова¹

В архиве академика М. Н. Тихомирова среди неопубликованных статей, заметок, набросков задуманных работ, сохранившихся то в автографах, то в машинописях с авторскими исправлениями или добавлениями, И. Н. Старовой обнаружен план большой монографии, тему которой условно можно формулировать «Посадская литература XVII в.». Названия отдельных глав этой будущей монографии М. Н. Тихомиров пронумеровал (общее их число 17), однако порядок, в котором расположены эти главы, вряд ли был уже окончательно установлен данным наброском. Так, например, в заключительный, 17-й раздел включены вопросы, относящиеся к первым вступительным главам, и один из них явно дублирует гл. 5: «Всеобщее распространение посад[ской] л[итерату]ры в XVII в.» — ср. в гл. 17: «Распространение посад[ской] л[итерату]ры в больших город[ских] центрах с посад[ским] населением». И вопрос «Созд[ание] всерос[сийского] рышка и посад[ская] л[итерату]ра» также, очевидно, вошел бы в характеристику социально-экономической обстановки в посадах XVII в. В данном предварительном плане нарушена иногда и географическая последовательность глав, посвященных литературе отдельных городов или областей. Так, например, гл. 11 — «Сибирь» разъединяет «Калязин» и «Нижний Новгород», «Казань и Астрахань» помещена между главами «Вага» и «Холмогоры». Содержание главы «Сибирь» может быть значительно расширено: по-видимому, в Томске сложилась «повесть о Таре и Тюмени»; рядом с легендой о Василии Мангазейском можно напомнить другую аналогичную — о Симеоне Верхотурском. Есть основание думать, что в Тобольске, во время ссылки, князь С. И. Шаховской написал свою повесть об убийстве в Угличе царевича Дмитрия.

Но и в таком, очевидно первом, варианте этот план увлекает широтой охвата материала, стремлением заглянуть в литературную работу не только крупных городских центров, но и посадов далеких окраин Московского государства XVII в. Углубленное изучение материала, вероятно, уточнило бы прикрепление к определенным географическим пунктам названных в плане произведений (например, занесение в литературу Пскова повести о Фроле Скобееве или в литературу Сольвычегодска — повести о Савве Грудцыне). Однако самый замысел М. Н. Тихомирова — дать широкую картину литературной жизни в городах и посадах XVII в. подскажет многим исследователям темы и для небольших этюдов к этой картине, и для обобщения разрозненных наблюдений и уста-

¹ Предисловие В. П. Адриановой-Перетц, публикация И. Н. Старовой.

новления исторически обусловленных закономерностей литературного развития в эпоху, стоящую на грани «древнего» и «нового» периода русской истории и русской литературы.

Архив М. Н. Тихомирова, ф. 693, оп. I, д. 24.

Автограф 1950-х годов.

1. Недостаточное внимание к посадской литературе XVII в.
2. Вопрос о грамотности среди посадских людей XVII в. Посадские челобитные и письма, их язык. Однородность языка писем Лл[ексея] Мих[айловича] и посад[ских] людей. Соб[орное] Улож[ение], Записки зем[ского] старосты.
3. Классовое расслоение в городе XVII в.
4. Большие и меньшие люди. Площадные подьячие.
5. Всеобщее распространение посадской литературы в XVII в.
6. Москва (сатирич[еские] московские произведения, повесть о Скопине-Шуйском, сказания о начале Москвы). Временник Русские земли.
7. Псков (псковские повести о смуте, Фрол Скобеев, повесть о находк[ении] швейского короля).
- 7а. Новгород (повесть о разор[ении] Новгор[ода] Иваном Грозным).
8. Сольвычгодск (кабацкая служба, Савва Грудцын).
9. Углич (повесть об убийстве отрок[а], о взятии града Углича).
- 9а. Об осаде Устюжны Железопольской.
10. Калязин (калязинская челобитная).
11. Сибирь (повесть о Василии Мангазейском).
- 11а. Нижний Новгород.
12. Вага (заметки земского дьячка).
- 12а. Казань и Астрахань.
13. Холмогоры (Двинская л[етош]сь).
14. Вятка (повесть о Вятской земле).
15. Статьи в Хронографах (о Чигирине, Пскове и Новгороде).
16. Сводная повесть о Мамае (Юрий Сапожник и др.).
17. Созд[ание] всеросс[ийского] рынка и посад[ская] л[итерату]ра. Распространение посад[ской] л[итерату]ры в больших город[ских] центрах с посад[ским] населением.

Ф. Я. ШОЛОМ, И. П. ЧЕПИГА

Произведения Иоанникия Гялятовского на польском языке¹

Иоанникий Гялятовский, представитель украинской письменности второй половины XVII в., борец за национальную и религиозную независимость украинского народа, за самобытность его культуры, автор первой у восточных славян теории гомилетики, выдающийся представитель так называемой поздней полемики, больше половины своих произведений написал на польском языке.

Если сочинения Иоанникия Гялятовского, написанные и изданные на книжном украинском языке, в свое время подвергались общим характеристикам и обзорам, а отдельные вопросы более или менее полному анализу в основном дореволюционными исследователями,² то польские его трактаты до сих пор в науке не нашли еще полного и всестороннего анализа, а выполненные авторами настоящей статьи исследования³ остаются пока в рукописи.

Расцвет творческой деятельности Иоанникия Гялятовского приходится на 60—80-е годы XVII в. Именно в эти годы он не только завершил работу над созданием трактата по гомилетике «Наука, албо способ зложения казаня» и хрестоматии проповедей «Ключ разумения», но и составил ряд сборников рассказов — «прикладов», которые можно было использовать в качестве материала для составления проповедей, а также написал несколько полемико-публицистических трактатов в защиту пра-

¹ Украинский писатель Иоанникий Гялятовский был хорошо известен в Москве. Его основной труд, знакомивший с теорией и практикой «барочного» ораторства — «Ключ разумения» — был переведен с украинского на русский язык в 1669 г.

² См. исследование Н. Ф. Сумцова «К истории южнорусской литературы XVII ст. Вып. II. Иоанникий Гялятовский» (Киев, 1884); И. Огиенко. 1) Издания «Ключа Разумения» Иоанникия Гялятовского. — Русский филологический вестник, Варшава, 1910, № 2, стр. 263—307; 2) Отражение в литературе «Неба Нового» Иоанникия Гялятовского, южнорусского проповедника XVII в. — Филологические записки, Воронеж, 1911, вып. VI, стр. 857—874; 1912, вып. 1, стр. 1—8; 3) Легендарно-апокрифический элемент в «Небе Новом» Иоанникия Гялятовского, южнорусского проповедника XVII в. — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 24, вып. 1, Киев, 1914, отд. II, стр. 41—98; 4) Научные знания в «Ключе Разумения» Иоанникия Гялятовского, южнорусского проповедника XVII века. — Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, вып. X, Екатеринослав, 1915, Приложения, стр. 65—96.

³ Ф. Я. Шолом. Иоанникий Гялятовский и вопросы межславянских историко-литературных и языковых взаимосвязей (XVII—нач. XVIII в.). Доклад, прочитанный на Всесоюзном совещании по древнерусской литературе в ИРЛИ 25 мая 1962 г. (Краткое изложение содержания доклада см.: ИОЛЯ, 1962, вып. 5, стр. 461); И. П. Чепига. Творчество Иоанникия Гялятовского, украинского писателя второй половины XVII в. Автореф. канд. дисс., Киев, 1965.

вославия, что означало в тогдашних условиях — в защиту украинского народа.

Интересно отметить, что все проповеди Иоанникия Галятовского, научный трактат по гомилетике, сборники рассказов, т. е. произведения, предназначенные для православных, для представителей своего народа, написаны на книжном украинском языке. Но трактаты, направленные прежде всего против католиков и униатов или особенно ярко выражающие тенденцию к славянскому единению, написаны на языке польском. Основная причина, побудившая украинского писателя создавать свои трактаты на польском языке, заключалась в стремлении автора сделать их понятными и для тех, против кого они были направлены, если речь идет об антиуниатских трактатах, или же сделать их понятными для большинства славянского мира, если речь идет о трактатах антимагогеманских, антииудейских и т. п. Ведь польский язык в XVII в. был своеобразным звеном славянского единения, особенно между славянами восточными и западными.

Известно девять произведений Иоанникия Галятовского на польском языке. Три из них — «Rozmowa białocerkiewska» (1676 г.), «Stary Kościół» (1676 г.) и «Fundamenta» (1683 г.) — носят ярко выраженную антикатолическую, антиуниатскую направленность.

Большинство представителей так называемой поздней православно-католической полемики разоблачали в своих произведениях положения, высказанные в трактатах иезуитов Павла Боймы «Stara wiara» (Вильно, 1668 г.) и Николая Циховича «Трубина!» (Львов, 1678). Иоанникию Галятовскому же пришлось непосредственно столкнуться с католицизмом задолго до появления этих трактатов. В 1663 г. Иоанникий Галятовский принимал участие в споре о главенстве папы на приеме в Белой Церкви у коронного канцлера епископа Пражмовского. Через 13 лет, в 1676 г., он издал трактат «Rozmowa białocerkiewska», который, собственно, является передачей хода диспута. Из всех полемических трактатов Иоанникия Галятовского «Rozmowa» — самый резкий по форме. В этом трактате нет присущего для других произведений той эпохи чрезвычайного увлечения словесной орнаментировкой, щеголяния словом.

Позже «Rozmowa» была переведена на русский язык. А потом С. Величко вставил ее в летопись⁴ вместе с переводом на русский язык. Вообще списки текста «Rozmowy» в русских переводах были очень распространены.⁵

В том же 1676 г. вышел из печати трактат Иоанникия Галятовского «Stary Kościół». Это непосредственный ответ на полемические трактаты П. Боймы и Н. Циховича. Дело в том, что расхождения между православными и католиками иезуиты старались объяснить невежеством православных, которые якобы не могут разобраться в сущности церковного учения. Иоанникий Галятовский проявляет глубокие знания и убедительно разоблачает положения иезуитов. Основным вопросом трактата является спор о том, от чего происходит святой дух, но несмотря на

⁴ См. Летопись событий в юго-западной России в XVII в. Составил Величко, бывший канцелярист войска Запорожского, 1720. Том второй. Издана Временною комиссией для разбора древних актов. Киев, 1851, стр. 42—76.

⁵ См. А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии, составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894, № 423, стр. 376, № 427, стр. 385; Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842, стр. 555; Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. III. М., 1904, стр. 54.

чисто богословское содержание, трактат отстаивает украинскую народность под флагом борьбы за православие.

Самым заметным произведением поздней православно-католической полемики является трактат Иоанникия Галятовского «Fundamenta». Он состоит из двух частей. В первой опровергаются 30 положений (фундаментов) единства православной и католической церкви. Писатель вскрывает причины принятия унии некоторыми православными, в частности представителями господствующих классов, гневно осуждает вероотступничество в целях собственного благополучия. Во второй части он защищает православную церковь от нападков со стороны католицизма. Иоанникий Галятовский разоблачает несправедливость и жестокость польской шляхты, осуждает национальный и религиозный гнет со стороны польских феодалов, используя при этом материал из жизни, приводя примеры из разных районов Украины и Белоруссии. Таким образом, трактат «Fundamenta» Иоанникия Галятовского выходит за пределы обыкновенного богословского сочинения, носит ярко выраженный публицистический характер.

В серии полемико-публицистических трактатов, написанных в защиту православия, важное место занимают его произведения, направленные против магометан. Это два трактата — «Labędz» (1679 г.) и «Alkogan» (1683 г.). Осуждая магометанство с точки зрения христианского богослова, Иоанникий Галятовский вместе с тем остро ставит вопрос защиты отечества от чужеземной агрессии. В этом плане особенно интересен трактат «Labędz». Через предисловие, посвященное гетману Ивану Самойловичу, и через сам трактат красной нитью проходит идея патриотизма, идея славянского единения в борьбе против турецко-татарской агрессии. Во второй половине XVII в. это была очень прогрессивная идея. Кстати, в 80-х годах XVII в. в Европе был создан союз христианских государств, так называемая «Священная лига», направленный против Турции. В 1686 г. Россия, подписав «Вечный мир» с Польшей, также фактически присоединилась к этой лиге.

Составляя «Лебедь», Иоанникий Галятовский преследовал практическую цель — дать своеобразное учебно-справочное пособие по военному делу. Вот почему почти весь трактат, а V раздел полностью, состоит из рассказов-«фортелей» на батальные темы из мировой истории. Рассказы-«приклады» почерпнуты из самых разнообразных источников, а также из современной писателю жизни (описан, например, второй Чигиринский поход турок 1678 г. и отражение его объединенными усилиями русских и украинцев). Трактат был популярен в свое время. Сохранились списки переводов его на русский язык.⁶

В «Alkogan» писатель отрицает догматы магометанства в христианско-богословском плане и проводит идею единства славянских народов в борьбе против турецких и татарских захватчиков.

В ряде других полемико-публицистических произведений с точки зрения христианского апологета осуждены любые отклонения от православия. Так, в «Alphabetum» (1681 г.) в алфавитном порядке перечислены

⁶ См.: К. Калайдович и П. Строев. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф. А. Толстова, М., 1825, отд. 1, № 96, стр. 227; М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва, В. А. Петров. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1, XVIII в. М.—Л., 1956, стр. 116, 420; Н. Петров. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. II. Киев, 1877, стр. 522.

и заклеяены еретики вообще. В «Messiasze»⁷ (1672 г.) осуждено иудейство.

Представляет значительный интерес сборник рассказов «Sophia mądrość» (1686 г.), по форме похожий на известные украинские сочинения того же автора, но по целенаправленности отличный от них. В рассказах данного сборника осуждается арианство, течение, оппозиционно направленное против господствующих разновидностей христианства. Богородица в рассказах выступает защитницей и спасительницей людей, но по отношению к арианам она неумолима. Именно в этом плане сборник можно рассматривать как произведение полемического жанра.

В стороне от перечисленных произведений Иоанникия Галятовского на польском языке стоит малоизвестное сочинение «Skarb pochwały» (1676 г.). В нем собраны советы писателя представителям различных наук и искусств, как слагать похвалы богородице. Особенно интересно то место, где даются советы поэту. Галтовский сам приводит примеры таких стихотворений, все они являются образцами курьезного стихосложения и свидетельствуют о том, что школьную науку слагать «вирши» Иоанникий Галятовский знал безупречно.

Итак, большинство произведений Иоанникия Галятовского, написанных на польском языке, представляет собой полемико-публицистические трактаты, направленные в защиту православия, что в тех конкретно-исторических условиях означало защиту украинского народа. Актуальной в XVII в. была и проблема общеславянского единения, которая у Иоанникия Галятовского выражалась в форме борьбы за христианство. Польский язык, на котором были написаны эти произведения, обеспечивал им широкую популярность, по крайней мере в славянском мире.

⁷ Трактат был написан на древнеукраинском языке и вышел в свет в 1669 г., в 1672 г. писатель осуществил перевод его на польский язык.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением
В. И. Малышева)

От редактора отдела

Тридцать лет назад, начиная с IV тома, на страницах ТОДРА стали появляться небольшие заметки о рукописных собраниях, отчеты об археографических экспедициях и командировках и описания отдельных рукописей. В X томе эти заметки, находившиеся обычно в разных отделах ТОДРА, были объединены в один отдел, получивший название «По рукописным собраниям Советского Союза», а с XVI тома, когда в этот отдел начали поступать статьи и о зарубежных собраниях, он стал называться «По рукописным собраниям».

За тридцать лет, с момента выхода IV тома в свет в 1940 г., в ТОДРА было напечатано свыше сотни статей и заметок археографического содержания. В работе отдела приняли участие специалисты по древнерусской литературе, историки, архивисты и музейные работники из многих городов страны. Были напечатаны статьи ученых Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии.

Отделу с самого начала поставлена была задача информировать ученых о новом материале по древнерусской литературе, появлявшемся в хранилищах, освежать сведения дореволюционной печати о рукописных богатствах страны, уточняя и дополняя их. Приведение в известность, регистрация всего сохранившегося нашего письменного наследия прошлого была главной целью в работе.

Поэтому в отделе наряду со сведениями о старых, уже знакомых хранилищах публиковались данные о малоизвестных или совсем новых собраниях. Последним при печатании всегда отдавалось предпочтение. Особое внимание было обращено на публикацию сведений о небольших периферийных собраниях и частных коллекциях, которые в подавляющем большинстве своем были неизвестны исследователям, ускользали обычно от их внимания, хотя и содержали ценнейшие для науки материалы.

Помимо сведений о рукописях центральных, республиканских и областных городов, на страницах ТОДРА были напечатаны обзоры рукописных собраний, находившихся в музеях и архивах Боровска, Буя, Вельска, Вязников, Калязина, Каргополя, Кашина, Мстеры, Мурома, Переяславля-Залесского, Ростова-Ярославского, Рыбинска, Сольвычегодска, Тобольска, Тотьмы, Тутаева, Углича, Устюжны, Хвалынска, Чердыни, Чухломы, Шенкурска и ряда других районных центров.

Начиная с VII выпуска в ТОДРА опубликованы обзоры более 40 частных коллекций, находящихся в Москве, Ленинграде, Горьком, Ярославле и других городах, не считая кратких сведений, печатавшихся о владельцах старообрядческих собраний на Севере, и не считая многочисленных упоминаний собирателей, имеющих древнерусские рукописи. Следует отметить, что многие из частных коллекций после опубликования о них сведений в ТОДРА поступили в государственные хранилища (одни были переданы в дар, другие — проданы).

Начиная с IV тома в ТОДРА было опубликовано 28 отчетов об археографических экспедициях и командировках сотрудников Пушкинского дома и других научных учреждений.

Подытоживая тридцатилетний опыт, хотелось бы высказать ряд замечаний, направленных на совершенствование работы и структуры отдела.

Та форма сообщения, которая у нас принята (обзор), на наш взгляд, является наиболее подходящей для отдела, имеющего прежде всего информационные цели (объем отдела не более 2—2.5 листов). Обзор позволяет больше вместить первоочередных данных о хранилище или собрании, чем, скажем, даже краткое описание, связанное с определенными правилами при характеристике материала.

Были в отделе и недостатки. Мало внимания обращалось на периферийные собрания, особенно небольших городов, и частные коллекции, которые, как показал опыт последних лет, содержат ценнейшие источники и менее доступны исследователям. Тем более, что у центральных и областных хранилищ имеется больше возможностей раскрывать свои богатства. Это, однако, не значит, что эти центральные хранилища должны нами забываться.

Надо больше, чем до сих пор, уделять внимания зарубежным хранилищам, имеющим древнерусские рукописи, и быстро оповещать о их содержании. И в первую очередь о тех, которые не имеют научных описаний и малоизвестны. Таких хранилищ за рубежом еще немало, и они, насколько можно судить по библиотекам славянских стран, содержат важные для нашей науки материалы.

Необходимо шире освещать на страницах отдела экспедиционную собирательскую работу в стране, пропагандировать лучшие достижения ее, помня, что на местах у населения все еще сохраняется много ценных рукописей и старопечатных книг, которые должны быть возможно скорее собраны в государственные хранилища и сделаться доступными ученым.

Полезно более строго придерживаться принципа плановости в формировании отдела, отсутствовавшей в прошлом, посвящать отдельные выпуски его определенным темам и хранилищам, но делать это так, чтобы не лишить отдел основного качества — оперативности.

Ю. К. БЕГУНОВ

Малоизвестные рукописи Славянской библиотеки в Праге

В августе 1968 г. я имел возможность познакомиться с коллекцией древнерусских рукописей Славянской библиотеки в Праге. Эта коллекция состоит из трех частей: 1) поступившего в 1945 г. и хорошо теперь известного исследователям собрания А. Д. Григорьева (86 единиц);¹ 2) собрания русских актов XVII—XVIII вв., принадлежавшего в прошлом В. О. Ключевскому (около 1100 подлинников или копий);² 3) собрания русских книг и документов XV—XX вв. (78 единиц). Вторая и третья части коллекции образовались отчасти благодаря покупкам, которые производили в 20—30-е годы у частных лиц, в антикварных магазинах и на рынках Москвы, Ленинграда, Киева, Риги, Парижа и Берлина сотрудники министерства иностранных дел Чехословакии, отчасти благодаря поступлениям от русских историков-эмигрантов, живших в Праге.

До сих пор о третьей части коллекции Славянской библиотеки в печати не сообщалось. Между тем, хотя эта часть и не представляет книжно-рукописную культуру какой-нибудь одной местности России, ее рукописи могут привлечь внимание представителей разных отраслей знания: историков Древней Руси и литературоведов-медиевистов, палеографов, искусствоведов, специалистов по истории книги.

Прежде всего среди рукописей литературно-богословского содержания следует отметить оригинальные русские произведения: «Хождение» игумена Даниила (сокращенный текст, XVIII в., Т9775),³ Киево-Печерский патерик (отрывки; XVII в., Т4303), Повесть о Петре и Февронии (вторая редакция; XVIII в., Т8064), Предание и устав Нила Сорского (XIX в., Т4304), Послание Иосифа Волоцкого о Кассиане, архимандрите Юрьевском, и ответ старцев Кириллова монастыря (XVIII в., Т9775), Послание старца Елеазарова монастыря Филофея «на звездочетцы и на латины» (XVIII в., Т9775), Вступление к чину венчания Ивана IV

¹ См.: В. Д. Кузьмина. Научная командировка в Чехословакию. — ИОЛЯ, т. XVIII, 1959, № 2, стр. 186—187 (Приложение: Инвентарная опись собрания А. Д. Григорьева, хранящегося в Славянской библиотеке в Праге); А. В. Флоровский. 1) Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге. — ТОДРА, т. XVI, 1960, стр. 573—580; 2) Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке. — В кн. Ruská literatura ve Slovanské knihovně. Z rukopisných sbírek. Praha, 1964, стр. 17—22.

² См.: Е. Ф. Максимович. Русский актовый материал в Славянской библиотеке. — В кн.: Ruská literatura ve Slovanské knihovně. Z rukopisných sbírek, стр. 3—16. Е. Ф. Максимовичем составлена также и полная черновая опись 1100 документов, частично использованная Л. П. Лаптевой. См.: Л. П. Лаптева. Русские рукописи в Славянской библиотеке в Праге. — История СССР, М., 1968, № 4, стр. 204—206.

³ Здесь и далее в скобках указывается шифр рукописей.

(XVIII в., Т9775), Житие Александра Свирского (XVII в., Т4318), Притча о четырех временах года (XVIII в., Т4302), История о Казанском царстве, Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков и Сказание Авраамия Палицына (XVIII в., Т9763), «Повесть о Святой Горе» старца Исайя, 1579 г., «Повесть о том, како отмсти бог, всевидящее око Христос, Борису Годунову» (сокращенный текст «Иного сказания») и Сказание о церкви св. Софии (XVIII в., Т9775), Сказание о Мамаевом побоище (редакция Синописа; XVIII в., Т8072), «Житие патриарха Никона» Ивана Шушерина (XVIII в., Т4315). «Летопись келейная» Дмитрия Ростовского (начальная часть до 4600 г.; XVIII в., Т9777), «Увет духовный» патриарха Иоакима, стихи надгробные в память патриарха Иоакима и Слово патриарха Адриана о «священстве» и «церкви» (XVIII в., Т4316).

Из старообрядческих сочинений назовем «Прение о вере» Псевдо-Арсения Суханова (XVIII в., Т4031 и Т8069), Повесть дьякона Федора об Аввакуме, Лазаре и Епифании (1875 г., Т4308), Полемические старообрядческие сочинения (XVIII в., Т4306), Поморские ответы (XVIII в., Т8069), Керженские ответы (XIX в., Т8073).

Особого внимания заслуживает сочинение последней четверти XVII в., которое имеет следующий заголовок: «Сий свиток честный и пресвятейший от святых отец седми соборов собранный, якоже бы меч на еретики и на развратники веры Христовы христианския или яко копие обоюдоостро на лжеучители и на неправомудрствующих крест Христов или яко щит на расколники церковныя и на все собрание антихристово» (XVII в., Т10024). Это сочинение направлено против новообрядцев и Никона, который упомянут как бывший патриарх. Большой свиток длиной в 9,87 м и шириной в 18 см написан одним полууставным почерком, напоминающим письмо Деяний Московского собора 1667 г. Текст иллюстрируется большим количеством миниатюр (23 группы), здесь изображены: ваза с ветками и сидящими на них птицами, трехшатровая церковь с агнцом на престоле, звонницей и колокольней, крест и символы таинств в пятиугольной рамке, рука, держащая восьмиконечный крест, антихрист, «лукавый» на престоле, апокалиптический зверь и др.

Среди переводных произведений мы встречаем: Лимонарь (XVII в., Т4309), Сказание о 12 сивиллах (XVII в., Т8065), Великое зеркало (XVIII в., Т4320), «Великая и предивная наука» Раймунда Люллия (XVIII в., Т4310), «Сказание о весне» Григория Богослова (XVIII в., Т4302), «Слова» и выписки из сочинений Василия Великого, Августина Философа, Иоанна Златоуста и другие (XVIII в., Т8064, 9775), «Послание патриархов восточно-кафолической церкви о православной вере» иерусалимского патриарха Досифея (XVIII в., Т4315), апокриф Хождение Агапия в рай (XVIII в., Т8064).

Из литературных произведений XVIII в. встречаются следующие: Житие Зелиты, переведенное с немецкого С. Бабенковым и напечатанное в Петербурге в 1763 г. (XVIII в., Т8066), «Театр любви и щастия чудеса предела I. Повесть», начинающаяся словами «Сие было под Кавказом, наивысочайшеною горою в Армении, где некоторая молодая девица крылась от мучительства тех, которых фартуна, а не природа, ее покарила...» (XVIII в., Т4305). Источники и происхождение последней повести нам пока установить не удалось.

Среди рукописей исторического и делового содержания наиболее примечательны следующие: Хронограф третьей редакции, переписанный в Москве в 1697 г. для патриарха Адриана (Т9762). Выписка 1707 г.

из Писцовой книги князя Оболенского, Ф. Шушерина и подьячего И. Максимова 1627—1629 гг. относительно вотчинного владения Г. И. Головина (Т9759), Книга посольства боярина Ф. И. Шереметева «с товарищи» и докончальная грамота Поляновского мирного договора 1634 г. (XVII в., Т4321), «Уложение» царя Алексея Михайловича 1649 г. с дополнительными статьями и выписками из царских указов конца XVII в.—первой половины XVIII в. (XVIII в., Т9764), Новоуказные статьи 1672—1700 гг. (XVIII в., Т4319), Грамоты вселенских патриархов о Никоне, переведенные с греческого языка на русский в 1682 г. (XVIII в., Т4316), Записки о стрелецком бунте 1682 г. А. А. Матвеева (XVIII в., Т4324); Журнал о походе на Азов боярина А. С. Шеина в 1697 г. (XVIII в., Т9761), Вотчинное сводное уложение «за приписями дьяка Никифора Румянцова, за справами подьячих, что ныне дьяки, Ефрема Сукманева, Клима Кретова» (XVIII в., Т9773), П. Н. Крекшин «О рождении Петра Великого» (XVIII в., Т8088, 4324), Краткая реляция о восшествии на престол императрицы Елизаветы Петровны (XVIII в., Т4324), Сборники выписок из дел XVII—XVIII вв., касающихся происхождения и деятельности рода Головиных (XIX в., Т8068, 8071, 8074, 9764—9768, 9779), Ж. Руссе «Описание жизни и великих дел Петра Великого», перевод с Виленского издания 1781 г. (XIX в., Т9758, 9779), Отчет М. М. Сперанского императору Александру I о делах 1810 г. (Т8075), Описание Воскресенского Новоиерусалимского монастыря 1818 г. (Т4328), перереписка московских старообрядцев-единоверцев с митрополитом Платоном (XIX в., Т4325) и некоторые другие.

Среди богослужебных по содержанию рукописей назовем Псалтырь с воследованием, XV—XVI вв., (Т4314), три Евангелия, XVI в. (Т4312, 8076, 9757), два Октоиха XVI в. (Т9754, 9760), служебную Минею за декабрь, XVI в. (Т4313). На многих книгах имеются читательские и владельческие пометы и записи, позволяющие судить о читательских интересах и судьбе книги на протяжении столетий. Любопытна, например, помета почерком XIX в. на поле л. 132 об. одной старообрядческой рукописи: «Писец писал сию книгу красно и домовато, но читать весьма оную трудновато, лутче бо ему писать поменяя азъ, нежели читателю темнить свой глазъ» (Т8073). На этом мы ограничиваем наш обзор малоизвестной части собрания русских рукописей XV—XX вв. Славянской библиотеки, который носит предварительный, информационный характер и не претендует на полноту. Полное и подробное описание всех русских рукописных книг и документов Славянской библиотеки — одна из важнейших задач будущего.

Н. С. ДЕМКОВА

Рукописи с Двины и Пинеги

В августе 1967 г. в Архангельскую область впервые была направлена на специальную археографическую практику группа студентов ЛГУ: Т. Волкова, В. Дуров, Н. Литвинова, М. Рождественская, Т. Рождественская, А. Розов (руководитель практики — Н. С. Демкова). В течение трех недель были обследованы селения по Двине от Архангельска до Чухчеремы (включая и район Курострова и Холмогор), западный берег Двинской губы («Летний берег») от Северодвинска до Лопшеньги (в маршрут экспедиции вошел и район Кудьмозера со знаменитым Амбурским скитом, скрытым за болотами) и селения, расположенные вдоль Унской губы.

Район Двины, хотя и посещался экспедициями, сохранил еще старинные книги. Здесь удалось обнаружить и привезти в Ленинград целый ряд ценных рукописей и печатных изданий: рукописные (XVI в.) Пролог, Евангелие апостолов и Октоих, редкий экземпляр печатной Псалтыри, изданной в Александровской слободе в 1577 г., Евангелие типографии Мамоничей в Вильне 1600 г., Апостол, изданный Кондратом Ивановым в Москве в 1623 г., Пролог 1641 г., книгу Ефрема Сирина 1652 г. и др.

В историко-литературном отношении наибольший интерес представляют старообрядческие рукописи: Челобитная инока Авраамия (XIX в.), Житие Корнилия Выговского (XVIII в.), «сборное уложение» выговцев с цитатами из сочинений протопопа Аввакума (XVIII в.), несколько сборников с сочинениями дьякона Федора (XVIII и начало XIX в.), «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова (XIX в.), «Статья Московская Алексея Яковлева», обращенная к местным, «сузёмским» старообрядцам (XVIII в.), «Извещение» о беседе поповцев с беспоповцами в Сибири в 1768 г. (спор старца Трефилия и Тарасия) (XVIII в.), повести о табаке (XIX в.), сборнички духовных стихов (об Адаме, об Андрее Денисове, об Иоасафе царевиче) (XIX в.).

Такой специфический «репертуар» рукописей, привезенных с Двины, — весьма характерный показатель современного состояния старинной книжности в этом районе. Как кажется, мы застали здесь последний этап существования рукописной традиции: у населения сохраняются, как правило, только книги, необходимые для религиозного чтения, и владельцы их, в основном верующие старообрядцы, сами (или их отцы) занимались собиранием нужных книг. О лицах, переписчиках рукописей никто не помнит — обнаруженные книги «пришли» на Двину из других мест. Часть из найденных книг — остатки некогда великолепных местных старообрядческих «собраний»: так, по Двине удалось найти еще несколько рукописей и печатных книг из библиотеки Д. А. Янкина

(несколько рукописей Д. А. Янкина были ранее доставлены в ИРЛИ А. М. Панченко).

Кроме найденных у населения 48 рукописей XVI—XX вв., образовавших новое «Двинское собрание», экспедиция привезла в Пушкинский дом часть рукописного собрания архангельских историков К. П. и А. Г. Гемп — 12 рукописей, переданных в дар ИРЛИ АН СССР.

Очень способствовала нашей успешной работе на Летнем берегу семья старого учителя М. В. Шульмана из Нёноксы: М. В. Шульман передал экспедиции несколько ценных рукописей, собранных им специально для нас, а Ю. М. Шульман, студент-заочник ЛГУ, работал в составе экспедиции.

В августе 1968 г. археографическая практика студентов ЛГУ (Л. Боброва, Т. Волкова, Н. Литвинова, Т. Махновец, Е. Пиотровская, Л. Сазонова, Г. Толкачева, Л. Ярошенко, руководитель Н. С. Демкова) проходила в среднем и верхнем течении реки Пинеги — от Соялы до Суры. Работа здесь показала, что богатейшая пинежская рукописная традиция еще не исчерпана: Пинежское собрание Пушкинского дома пополнилось 76 рукописями (общее число номеров собрания теперь 370), а отдел редких книг Горьковской библиотеки ЛГУ получил ценные издания московских типографий XVII в.¹

В отличие от современного состояния книжности на Двине, книги на Пинеге идут «из веков»: в некоторых крестьянских семьях книги хранятся около 300 лет. Но и на Пинеге, как правило, «аккумуляторами» старинной книги являются старообрядцы.

Список наиболее ценных рукописей,
привезенных экспедицией ЛГУ с Пинеги в 1968 г.²

1. Троиць постная, XVI в. (№ 286).
2. Устав, XVI в. (№ 287).
3. Сборник, конца XVI—начала XVII в., содержит слова Кирилла Туровского, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, апокрифическое слово Евсевия о сошествии Иоанна Предтечи в ад, «мучение» Феодора Тирона, «поучение отца духовного к детям», жития Марии Египетской, Николы и др. (№ 288).
4. Златоуст, XVII в. (№ 297).
5. Сборник, XVII в., содержит Повесть о явлении и чудесах образа Троицы на Лампожне (мезенское сочинение) и др. (№ 300).
6. Старообрядческий сборник, XVII в., полемического содержания, авторский (на л. 204 об. авторская приписка — «смирение писателево») состав: «Прение Панагiota с Азимитом», «Повесть Симеона Суздальца о Флоренском соборе», апокрифы о крестном древе и др. (№ 301).
7. Сборник, XVII в., из книгописной мастерской Афанасия Холмогорского, содержит «Повесть о царице и львице», Физиолог, Луцидариус, Послание Николая Булева Мисюрю Мунехину, Послание старца Филофея и др. (№ 302).
8. Сборник, XVII в., содержит Повесть о царице и львице и Повесть о царе Аггее (№ 303).
9. Сборник, XVIII в., содержит «Список иерусалимский», «Слово о воине Таксиоте», «Притчу о душе и теле» Кирилла Туровского, «Повесть о бражнике» (начало), Сказание о явлении богородицы в Астрахани в 1720 г. и др. (№ 305).
10. Сборник, XVIII в., содержит жития (Феодора, епископа Киррского, Василия Нового, Ефросинии Александрийской и др.), «Сказание о Максиме Философе» (Максиме Греке), «Повесть о граде Иерусалиме» (№ 307).

¹ На Пинеге, начиная с 1962 г., работало 4 экспедиции Пушкинского дома и научной библиотеки ЛГУ (см.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. М.—Л., 1965, стр. 128—134).

² В РО Пушкинского дома имеется подробная опись всех 76 рукописей, составленная Т. Махновец, Л. Сазоновой, Г. Толкачевой и Л. Ярошенко. В скобках указан порядковый номер (он же и шифр) собрания. Подробная опись двинских рукописей (из 48 номеров) составлена Т. Волковой и хранится там же.

11. Сборник, XVIII в. с житием богородицы и северными житиями (Феодосия Тотемского и Артемия Веркольского) (№ 318).
12. Сборная рукопись, конца XVIII—начала XIX в. Содержит сказание и службу об Иване и Логгине Яренгских, плач богородицы по Христу, Хождение богородицы по мукам, слово о Макарии-пустыннике, Сказание о приходе Ивана Грозного в Новгород, Челобитную Василия Полозова царю Федору Алексеевичу (№ 302).
13. Сборник духовных стихов, 1867 г. Содержит стих о пустыни, стих о взятии Соловецкого монастыря, стих о Ноевом потопе и др. (№ 343).
14. Сборник старообрядческий, XIX в. Содержит духовные стихи, сказание о рае, повесть дьякона Федора о протопопе Аввакуме, Лазаре и Епифании, и др. (№ 355).
15. Сборник, XX в., с повестями о хмеле и табаке (№ 358).
16. Старообрядческие «Вопросы и ответы» (сочинение 70-х годов XVII в.), начала XX в.
17. Сборник, нач. XX в., содержит повесть об отроке, трижды спасенном ангелом из огненной печи, и повести из патериков (№ 362).
18. Сборник, старообрядческий, нач. XX в., содержит выписки из полемических сочинений (петербургских старообрядцев от 1791 г. и др.), Прение Панагиота с Азимитом, «Прение живота и смерти» и др. (№ 363).
19. Стих о Голубиной книге, копия с рукописи конца XIX в. (№ 366).

Кроме того, Пинежское собрание пополнилось новыми списками сочинений византийских отцов церкви, толковой азбукой (№ 311), апокрифами («Откровение Мефодия Патарского», № 316, «Печать царя Соломона» № 324 и др.), «Катехизисом» Лаврентия Зизания (№ 326), полемическими старообрядческими сборниками (№№ 314, 349, 354, 360, 368—370), документами и крестьянскими письмами XVIII—XIX вв. (№№ 309, 310, 303, 341, 344, 365). Привезенные рукописи представляют собой ценный материал и для истории пинежской книги: на рукописях имеются многочисленные владельческие пометы. Некоторые находки — образцы книжного искусства: изящная Псалтырь начала XVII в., в 8°, с красочной заставкой и инициалами (№ 290), «четий» сборник, в 8°, из книгописной мастерской Афанасия Холмогорского (№ 302) и др.

Привезла экспедиция и новый дар К. П. и А. Г. Гемп Пушкинскому дому и Ленинградскому университету — ценные рукописи и книги, вошедшие в специальное собрание их имени.

В. И. МАЛЫШЕВ

Собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома

(к 20-летию его организации)

В прошедшем году собранию древнерусских рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР исполнилось 20 лет. Оно было создано в 1949 г. при помощи и поддержке заведующей Сектором древнерусской литературы члена-корреспондента В. П. Адриановой-Перетц и ученого хранителя рукописного отдела Института Л. М. Добровольского и сразу же мыслилось как такое хранилище, которое должно было бы помогать Сектору в разработке стоящих перед ним задач. Главное внимание при его комплектовании, как тогда было условлено, должно быть обращено на приобретение памятников исторического и литературного содержания.

Уже в том же году Сектором была организована командировка за рукописями в Усть-Цилемский район Коми АССР. Эта поездка по ряду причин (не выделены были деньги на приобретение рукописей и др.) не была особенно результативной и носила больше разведывательный характер, чем глубокий, поисковый: хотелось узнать о возможностях собирания рукописей у населения, в частности на Печоре. Но и во время этой командировки удалось найти 32 рукописные книги XVI—XIX вв. преимущественно светского содержания. Эти рукописи и были той основой, на которой потом выросло собрание. Но самое главное, чего удалось достичь в эту поездку, это стало ясно, что у старообрядческого населения Севера, по крайней мере в Печорском крае, имеется еще немало старинных рукописей и старопечатных книг.

В следующем году состоялась командировка в низовья реки Мезени. Эта поездка тоже имела больше разведывательный характер, но также пополнила собрание Института 53 рукописными книгами XVI—XIX вв.

Сообщения в печати о создании при Пушкинском доме собрания древнерусских рукописей, о поездках его сотрудников за рукописными книгами на Север нашли отклик со стороны некоторых владельцев письменной и печатной старины. В адрес Института стали поступать в дар и на приобретение рукописные и старопечатные книги. В том же 1950 г. преподаватель Сыктывкарского педагогического института В. Г. Зыкин прислал в подарок 40 рукописей и деловых бумаг XIV—XIX вв., собранных им в Архангельской области. Большую роль в пропаганде собрания и в пополнении его новыми рукописными материалами сыграли выставки находок, устраивавшиеся в Пушкинском доме после каждой поездки за рукописями и широко освещавшиеся в печати.

В 1951 г. в Пушкинский дом по решению Президиума АН СССР поступило весьма ценное собрание рукописных книг XII—XX вв. ИМЛИ (827 единиц), в которое вошли коллекция академика В. Н. Перетца и собственное собрание Института.

В последующие годы пополнение собрания, как и в три предыдущих года, проходило за счет: 1) разысканий во время специальных археографических экспедиций, ежегодно направляемых Институтом преимущественно в северные области страны; 2) приобретений от коллекционеров и держателей рукописей; 3) подарков от отдельных лиц и учреждений; 4) поступлений из фондов ИРЛИ (библиотека, музей, рукописный отдел передали в собрание выявленные материалы старой письменной традиции).

Наиболее значительными поступлениями от учреждений после 1951 г. были следующие: в 1954 г. Карельский филиал Академии наук СССР в Петрозаводске передал 386 рукописных книг XV—XIX вв., собранных в 1940—1950 гг. на территории республики; в 1967 г. филологический факультет Ленинградского университета передал 86 рукописей XIV—XX вв., найденных диалектологическими экспедициями в Пинежском районе Архангельской области.

Активное участие в комплектовании собрания принимали сотрудники Русского музея, передавшие в 1961 и 1965 гг. 37 рукописных книг XVI—XIX вв., привезенных из Карелии, и особенно кафедра русской литературы Ленинградского университета и Научная библиотека университета; направленные ими в 1967—1969 гг. археографические экспедиции в Архангельскую и Мурманскую области и Коми АССР собрали для Института 200 рукописных книг XV—XIX вв.

В 1952—1968 гг. подарили свои собрания Институту К. П. Гемп (Архангельск), К. П. Маслова (Калуга), М. Н. Потоцкий (Ленинград) и В. И. Стирманов (г. Пинега Архангельской области). Первая — 16 рукописных книг XVII—XIX вв., вторая — 27 рукописей XVI—XIX вв. М. Н. Потоцкий передал 10 рукописей XVII—XIX вв. и В. И. Стирманов — 23 рукописи XV—XIX вв.

Пополняли собрание также многие ученые, писатели, журналисты и люди самых различных профессий, в том числе М. П. Алексеев, В. П. Адрианова-Перетц, И. Л. Андроников, Ю. А. Арбат, П. Н. Берков, Н. П. Борисов, Т. Е. Будрин (Холмогоры), В. В. Виноградов, А. И. Германович (Симферополь), К. Г. Гаршина (Ленинград), А. А. Зимин, В. А. Колобанов (Владимир), П. В. Лапшин (Ковров), В. В. Лукьянов (Ярославль), В. А. Мануйлов, А. А. Морозов, А. И. Попов, Н. И. Привалова (Горький), В. Г. Пуцко (Глухов), Н. В. Рагозин (г. Красноборск Архангельской области), С. И. Тупицын (г. Красноборск) и многие другие.

Большое внимание собранию оказывал за все это время Сектор древнерусской литературы. Его сотрудники активно участвовали в поездках, руководство Сектора постоянно заботилось об ассигновании средств на приобретение рукописей и на организацию экспедиций. Полное понимание всегда встречало хранилище со стороны работников Рукописного отдела института.

На 1 января 1970 г. собрание ИРЛИ АН СССР насчитывало 4200 единиц хранения, в которые входило более 4500 рукописей XII—XX вв. Из них было: XII—XIV вв. — 10, XV в. — 38, XVI в. — более 100. Больше половины рукописей было найдено экспедициями в северных районах страны. Немало было получено от коллекционеров и держателей старины, с которыми всегда поддерживалась тесная связь.

Таков путь формирования собрания. Мы не будем останавливаться подробно на его содержании, оно достаточно хорошо известно из печати.¹

Собрание Пушкинского дома имеет свое лицо, отличающее его от других хранилищ страны. Эту особенность оно приобрело как своим содержанием, так и территориальным принципом, положенным в основу комплектования. Его ядро, основу составляют рукописные материалы, разысканные в Северном крае или связанные с ним своим происхождением. Все они, за исключением личных коллекций и отдельных поступлений, объединены в территориальные собрания, по месту их нахождения. Такой порядок организации собраний позволяет лучше представить культуру определенного района, его рукописно-книжную традицию и значительно облегчает их изучение. Каждое подобное собрание становится ценнейшим источником по истории своего края.

Собрание Пушкинского дома с полным правом можно назвать хранилищем письменной культуры прошлого северо-русского крестьянина. Такие собрания, как Карельское, Красноборское, Мезенское, Печорское, Пинежское, Причудское, Северо-Двинское и другие, сплошь состоят из рукописных материалов, обнаруженных у северных землепашцев, охотников и рыбаков. С северо-русским крестьянством связано более половины материалов коллекции Ф. А. Каликина (разысканы в селениях Вологодской области) и все рукописи коллекции К. П. Гемп, В. Г. Зыкина, Н. С. Плотникова (собрал их преимущественно в северных деревнях Пермской области). Даже коллекции Е. Ф. Будде, В. Н. Перетца, И. А. Смирнова и коллекции актового материала Муравьевых и Хвостовых наполовину, а некоторые из них, кажется, и более состоят из рукописей, связанных так или иначе с севером России.

В собрании ИРЛИ нет ни одной монастырской библиотеки, даже частично, а имеющиеся отдельные рукописи из них, очень давно отделились от своих монастырских книжниц и по существу уже много времени (иные с XVI—XVII вв., как видно из записей на них) являлись принадлежностью крестьянских библиотек.

Таким образом, повторяю, собрание ИРЛИ ценно прежде всего как значительное хранилище материалов по истории, культуре и быту сельского населения русского Севера, является огромной крестьянской библиотекой прошлого. И не случайно именно только здесь можно встретить несколько родовых крестьянских библиотек, начало которых было положено еще в XVII—XVIII вв. (пинежских крестьян Рудаковых, Поповых, Вальковых, Мерзлых, печорцев Михеевых и др.). Даже по остаткам этих библиотек (когда-то они, конечно, были значительно больше) можно проследить интересы их владельцев на протяжении нескольких столетий. Изучение родовых крестьянских библиотек Севера — благодарная тема для исследователя. В собрании Пушкинского дома они найдут для себя обширный и интересный материал.

В рукописях, привезенных с Севера, имеется большое количество местных произведений XIX—XX вв. самых различных жанров, авторами которых в большинстве своем выступали местные крестьяне и ремесленники. Эти памятники представляют особую ценность для изучения творчества трудового населения Севера.

¹ Древнерусские рукописи Пушкинского дома (обзор фондов). Составил В. И. Малышев. М.—Л., 1965, 230 стр.; В. И. Малышев. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Русская литература, 1966, № 2, стр. 217—219; 1967, № 1, стр. 195—197; 1968, № 2, стр. 201—204; 1969, № 2, стр. 119—125, 1970, № 1, стр. 191—196.

Этот подчеркнуто демократический характер состава собрания Пушкинского дома выделяет его из многих других хранилищ старинных рукописей и, мы надеемся, обеспечит ему в будущем еще более широкое признание.

Но не одной только этой стороной важно собрание ИРЛИ. Оно — драгоценнейший источник по истории нашей Родины. Ученые многих специальностей найдут в нем для себя ценнейшие материалы.

В собрании имеется огромное количество текстов ранее известных литературных и исторических произведений, оригинальных и переводных, немало списков оригинальной русской повести, начиная с памятников XV—XVI вв. и кончая бытовыми повестями конца XVII—первой четверти XVIII в., текстов народной сатирической повествовательной литературы второй половины XVII в. Повествовательная переводная литература представлена в собрании переводами, сделанными еще в XI—XIII вв. и в более позднее время, и в том числе переводами авантюрных повестей и романов. Старинные произведения самых различных жанров и областей знаний, сочинения русских писателей XI—XVII вв., апокрифическая литература, старинная естественнонаучная литература занимают значительное место в собрании и представлены списками начиная с XV в.

Немало есть уникальных рукописей, подлинных жемчужин древней письменности, которые бы составили честь любому нашему крупнейшему древлехранилищу. Это — Пустозерский сборник Заволоко, содержащий автографы Жития Аввакума и Епифания, сатирический рисунок Аввакума, сборник XVI в. с так называемым «Словом о погибели Русския земли», Евангелие XIV в. галицко-волинского письма, список повести о Сухане, роскошное Евангелие XVII в., переписанное царевной Софией Алексеевной, и многие другие. Это — многочисленные тексты литературных и исторических и иных произведений, известных всего только в одном списке, хранящемся в Пушкинском доме. Это — неизвестные еще совсем исследователям памятники старой русской письменности, ждущие прикосновения к ним ученых.

Большую ценность в собрании имеют (и содержат много нового) материалы по истории русских массовых религиозных движений, о культуре и быте оппозиционно настроенной господствующей церкви масс, в особенности же для истории и быта старообрядчества и в первую очередь для его самой распространенной ветви — беспоповства и северной его разновидности — выговцев.

Богатые сведения в собрании имеются по истории Украины и Белоруссии, по хозяйству и быту русского населения многих районов страны, о жизненном укладе, землевладении и торговой деятельности помещичьих и купеческих хозяйственных единиц, по народной медицине, по литературе XVIII—XIX вв. (есть литературные, исторические и иные произведения, попавшие в собрание в коллекциях отдельных лиц) и др.

Палеограф, искусствовед и лингвист найдут для себя здесь много нового и интересного: в собрании около 300 датированных рукописей XV—XIX вв., более трехсот лицевых и орнаментированных рукописных книг XIV—XIX вв., большое количество рукописей местной переписки, созданных в Северном крае и отражающих черты местных говоров.

В настоящее время в хранилище древнерусских рукописей Пушкинского дома находятся следующие собрания и коллекции:

а. Территориальные собрания: Гуслицкое (18 единиц хранения, XVIII—XX вв.), ИМЛИ (170 ед. хр., XVI—XX вв.), Карельское (520 ед. хр., XIV—XX вв.), Керженское (88 ед. хр., XVI—XX вв.), Краснорборское (107 ед. хр., XVI—XX вв.), Мезенское (158 ед. хр.,

XVI—XX вв.), Новгородско-Псковское (16 ед. хр., XV—XX вв.), Печорское (792 ед. хр., XV—XX в.), Пинежское (460 ед. хр., XIV—XX вв.), Причудское (124 ед. хр., XVI—XX вв.), Северо-Двинское (50 ед. хр., XV—XX вв.).

б. Личные коллекции: И. С. Абрамова (10 ед. хр., XVII—XIX вв.), П. С. Богословского (100 ед. хр., XVI—XX вв.), Е. Ф. Будде (20 ед. хр., XVII—XVIII вв.), К. П. Гемп (14 ед. хр., XVII—XIX вв.), В. Ф. Груздева (24 ед. хр., XVII—XIX вв.), С. Г. Евсеева (10 ед. хр., XVII—XIX вв.), В. Г. Зыкина (41 ед. хр., XIV—XIX вв.), Ф. А. Каликина (91 ед. хр., XV—XX вв.), Н. М. Маслова (27 ед. хр., XVI—XX вв.), Муравьевых (112 ед. хр., XVII—XIX вв.), В. Н. Перетца (666 ед. хр., XII—XIX вв.), Н. С. Плотникова (31 ед. хр., XVII—XIX вв.), М. Н. Потоцкого (10 ед. хр., XVII—XIX вв.), И. М. Пухальского (24 ед. хр., XIV—XIX вв.), И. А. Смирнова (17 ед. хр., XVIII—XIX вв.), Ф. В. Тумилевича (8 ед. хр., XVII—XIX вв.), М. И. Успенского (53 ед. хр., XVII—XX вв.), Хвостовых (158 ед. хр., XVII—XVIII вв.).

в. Отдельные поступления (276 ед. хр., XIV—XX вв.).

г. Собрание старопечатных книг (180 ед. хр., XVI—XIX вв.).

Без преувеличения можно сказать, что собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома заняло ныне видное место среди древлехранилищ страны и теперь ни один исследователь старорусской культуры уже не может без него обойтись. О его научной значимости, о широте и разнообразии его материалов, об объеме использования его материалов учеными разных стран наглядно свидетельствует обширная литература, образовавшаяся о нем за эти двадцать лет, и многочисленные примеры обращения к нему со стороны ученых самых различных специальностей (частично это указано в упомянутом выше обзоре фондов и в дополнениях к нему). Все это говорит о том, что собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома приобрело прочную известность в научном мире. Об авторитете собрания говорят также многочисленные примеры подарков рукописей и старопечатных книг. Присылают люди самых различных профессий, из самых далеких уголков страны. Ярким фактом высокого уважения собрания, признанием его большой научной значимости является дар ему И. Н. Заволоко (Рига) Пустозерского сборника, написанного рукой Аввакума и Елифания, — рукописи, которой даже трудно определить настоящую цену.

Молодому собранию, вступающему всего только в третье десятилетие своего существования, хочется, естественно, пожелать прежде всего непрерывного роста, пополнения новыми ценными находками и сохранения еще надолго своего неповторимого профиля — хранилища народной крестьянской литературы Севера. Последнего можно достичь не только путем отправления экспедиций на Север, который еще и сейчас таит в себе немало интересных рукописей и будет ими еще долго пополнять собрание, но и обменом между хранилищами и другими способами.

Желательно, чтобы содержание собрания скорее глубже стало доступно ученым. Вот почему хотелось бы, чтобы такая замечательная коллекция, как В. Н. Перетца, и такие важные собрания, как Печорское, Карельское и Пинежское, были бы возможно быстрее научно описаны и их описания напечатаны. Работа над описанием Печорского собрания была начата, но не доведена до конца. И другие фонды собрания заслуживают скорейшего научного описания их и опубликования. Наряду с подробными научными описаниями, на которые все же потребуется немало времени, необходимо переиздать в качестве предварительной информа-

ции путеводитель (обзор фондов), заново переработав его, исправив недостатки и дополнив его (с момента его выхода в 1965 г. в собрание поступило более 1000 рукописей XIV—XX вв.). Кстати сказать, изданный небольшим тиражом (1800 экземпляров) путеводитель разошелся уже в год напечатания.

И, наконец, хотелось бы, чтобы вокруг собрания всегда группировались талантливые молодые, инициативные археографы, любящие свое дело, чтобы оно помогало им в приобретении знаний, практического опыта и чтобы молодежь в свою очередь заботилась о росте и процветании собрания. Надо, чтобы она не только ездила в экспедиции, но постоянно поддерживала и расширяла связь с коллекционерами и любителями старины наших городов. Коллекционеры еще надолго сохраняют за собой значение важного источника пополнения хранилищ.

XVI—XX вв.), Новгородско-Псковское (16 ед. хр., XV—XX вв.), Печорское (792 ед. хр., XV—XX в.), Пинежское (460 ед. хр., XIV—XX вв.), Причудское (124 ед. хр., XVI—XX вв.), Северо-Двинское (50 ед. хр., XV—XX вв.).

б. Личные коллекции: И. С. Абрамова (10 ед. хр., XVII—XIX вв.), П. С. Богословского (100 ед. хр., XVI—XX вв.), Е. Ф. Будде (20 ед. хр., XVII—XVIII вв.), К. П. Гемп (14 ед. хр., XVII—XIX вв.), В. Ф. Груздева (24 ед. хр., XVII—XIX вв.), С. Г. Евсева (10 ед. хр., XVII—XIX вв.), В. Г. Зыкина (41 ед. хр., XIV—XIX вв.), Ф. А. Каликина (91 ед. хр., XV—XX вв.), Н. М. Маслова (27 ед. хр., XVI—XX вв.), Муравьевых (112 ед. хр., XVII—XIX вв.), В. Н. Перетца (666 ед. хр., XII—XIX вв.), Н. С. Плотникова (31 ед. хр., XVII—XIX вв.), М. Н. Потоцкого (10 ед. хр., XVII—XIX вв.), И. М. Пухальского (24 ед. хр., XIV—XIX вв.), И. А. Смирнова (17 ед. хр., XVIII—XIX вв.), Ф. В. Тумилевича (8 ед. хр., XVII—XIX вв.), М. И. Успенского (53 ед. хр., XVII—XX вв.), Хвостовых (158 ед. хр., XVII—XVIII вв.).

в. Отдельные поступления (276 ед. хр., XIV—XX вв.).

г. Собрание старопечатных книг (180 ед. хр., XVI—XIX вв.).

Без преувеличения можно сказать, что собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома заняло ныне видное место среди древлехранилищ страны и теперь ни один исследователь старорусской культуры уже не может без него обойтись. О его научной значимости, о широте и разнообразии его материалов, об объеме использования его материалов учеными разных стран наглядно свидетельствует обширная литература, образовавшаяся о нем за эти двадцать лет, и многочисленные примеры обращения к нему со стороны ученых самых различных специальностей (частично это указано в упомянутом выше обзоре фондов и в дополнениях к нему). Все это говорит о том, что собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома приобрело прочную известность в научном мире. Об авторитете собрания говорят также многочисленные примеры подарков рукописей и старопечатных книг. Присылают люди самых различных профессий, из самых далеких уголков страны. Ярким фактом высокого уважения собрания, признанием его большой научной значимости является дар ему И. Н. Заволоко (Рига) Пустозерского сборника, написанного рукой Аввакума и Епифания, — рукописи, которой даже трудно определить настоящую цену.

Молодому собранию, вступающему всего только в третье десятилетие своего существования, хочется, естественно, пожелать прежде всего непрерывного роста, пополнения новыми ценными находками и сохранения еще надолго своего неповторимого профиля — хранилища народной крестьянской литературы Севера. Последнего можно достичь не только путем отправления экспедиций на Север, который еще и сейчас таит в себе немало интересных рукописей и будет ими еще долго пополнять собрание, но и обменом между хранилищами и другими способами.

Желательно, чтобы содержание собрания скорее глубже стало доступно ученым. Вот почему хотелось бы, чтобы такая замечательная коллекция, как В. Н. Перетца, и такие важные собрания, как Печорское, Карельское и Пинежское, были бы возможно быстрее научно описаны и их описания напечатаны. Работа над описанием Печорского собрания была начата, но не доведена до конца. И другие фонды собрания заслуживают скорейшего научного описания их и опубликования. Наряду с подробными научными описаниями, на которые все же потребуется немало времени, необходимо переиздать в качестве предварительной информа-

ции путеводитель (обзор фондов), заново переработав его, исправив недостатки и дополнив его (с момента его выхода в 1965 г. в собрание поступило более 1000 рукописей XIV—XX вв.). Кстати сказать, изданный небольшим тиражом (1800 экземпляров) путеводитель разошелся уже в год напечатания.

И, наконец, хотелось бы, чтобы вокруг собрания всегда группировались талантливые молодые, инициативные археологи, любящие свое дело, чтобы оно помогало им в приобретении знаний, практического опыта и чтобы молодежь в свою очередь заботилась о росте и процветании собрания. Надо, чтобы она не только ездила в экспедиции, но постоянно поддерживала и расширяла связь с коллекционерами и любителями старины наших городов. Коллекционеры еще надолго сохранят за собой значение важного источника пополнения хранилищ.

Т. А. МАХНОВЕЦ, Л. В. ЯРОШЕНКО

Старопечатные книги XVI—XVII вв. Пушкинского дома

Собрание старопечатных книг Пушкинского дома АН СССР насчитывает 163 экземпляра. По времени напечатания они распределялись так: книг XVI в., включая 1600 год, — 9, XVII в. — 60, XVIII в. — 46, XIX в. — 60, XX в. — 8.

Специально сбором старопечатных книг Институт не занимался. Книги поступали вместе с рукописями, которые были привезены из археографических поездок сотрудниками Сектора древнерусской литературы Института и других научных учреждений: Ю. К. Бегуновым, А. С. Деминым, Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриевым, Э. П. Зыковым, И. Н. Заволоко, В. И. Малышевым, В. М. Морозовым, А. М. Панченко и др. Книги также приобретались Институтом у собирателей вместе с их коллекциями рукописных книг. Кроме того, член-корреспондент АН СССР В. П. Адрианова-Перетц передала в дар Институту более 60 старопечатных книг XVII—XIX вв., принадлежавших ранее академику В. Н. Перетцу, среди которых имеются редкие украинские издания. В заметке будет речь только об изданиях XVI—XVII вв.

По типографиям книги XVI—XVII вв. распределяются так: Москва — 40, Киев — 11, Львов — 5, Вильно — 3. Имеется также небольшое количество книг, напечатанных в Уне (2), в Чернигове (2), Заблудове (1), Евью (1), Почаеве (1), Могилеве (1), Кутейне (1).

Наиболее древним экземпляром собрания является дофедоровская Триодь постная (М., ок. 1556 г.). Экземпляр полный, хорошей сохранности. Книга была найдена В. И. Малышевым в 1940 г. в Беломорске. В Триоди постной имеется несколько вкладных записей XVI—XIX вв. Самая ранняя из них сообщает: «Лета 7097 (1589) году, сия книгу николской поп Никита Александров сын Треод постную купил николской казною на Шапшу Николе в дом и Козме Демьяну, а подписал аз Никита поп своей рукою». От 1603 г. имеется две записи: о продаже Триоди постной за полтора рубля и о вложении в церковь крестьянами Вожегодской волости постной и цветной Триодей вместе с тремя жеребятами. Эти записи позволяют судить о том, что Триодь постная в XVII в. имела распространение на Севере. В собрании также есть несколько листов этой Триоди постной, но из другого экземпляра.

Издания Ивана Федорова представлены заблудовским учительным Евангелием (1569 г.) и Апостолом, напечатанным во Львове в 1574 г. В Апостоле сохранилась владельческая запись от 1662 г. окольного Богдана Матвеевича Хитрова, известного политического и военного деятеля, приближенного царя Алексея Михайловича.

В коллекции хранится Октоих 1594 г. и Апостол 1597 г. работы московского печатника Андроника Тимофеевича Невежи. В Апостоле

находится запись бывшего архимандрита Чудова монастыря Христофора от 1603 г. о том, что книга вложена им в церковь за племянника и старца Феодосия.

Хорошо представлены в собрании издания XVII в. Среди книг этого времени немало интересных экземпляров. Из московских изданий могут быть названы Третья цветная Ивана Невежина (1604 г.), Третья (1623 г.), Октоих (1631 г.), Третья (1637 г.), «Службы и житие Николая Чудотворца» (1643 г.), «Жезл правления» Симеона Полоцкого (1667 г.).

О местах распространения книг московской печати XVII в. свидетельствуют сохранившиеся надписи на некоторых экземплярах собрания. Так на Потребнике (М., 1623) читаем: «Сия Слова куплена во Соловецком монастыре у чернова же дьякона у Рюфалова ученика во сто пятьдесят во втором году, как я Симон жил в Соловецком монастыре, а дана сия книга потребник шестьдесят алтын с гривной». В Октоихе 1831 г. сохранилась запись: «140 года ноября дал сию книгу Охтой в дом пречистой богородицы и чудотворцу Николе и преподобному чудотворцу Олександру Кушскому постриженник того же монастыря священноинок Митрофан по своей душе и по своих родителей».

Книги XVII в. в основном имеют церковно-служебное содержание, светская печать представлена «Грамматикой» Мелетия Смотрицкого, изданной в Москве в 1648 г. Судя по сохранившейся записи, книга находилась в Троицко-Сергиевском Свияжском монастыре. Сохранилась также продажная надпись, в которой указана цена книги — 33 алтына.

В собрании находятся следующие старопечатные книги XVII в., изданные во Львове: «Книга о священстве Иоанна Златоуста» (1614 г.), «Анфологон» (1632 и 1651 гг.) и «Ключ разумения» (1665 г.). Из книг киевской печати следует отметить Псалтырь 1643 г. и Третья 1646 г. Петра Могилы, «Мир с богом» Иннокентия Гизеля 1669 г., «Мессия Правдивый» Иоанникия Галятовского 1669 г., два сочинения Антония Радивилового — «Огородок Марии богородицы» (1676 г.) и «Венец Христов» (1688 г.) и др. Третья Петра Могилы был куплен в 1646 г. у львовского «друкаря» Тимофея Олексовича Эгорацкого, о чем говорит запись в книге.

По вкладным надписям в книгах можно судить о том, что в XVI—XVII вв. они были распространены не только среди духовенства и дворян, но и среди крестьян и посадских людей.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы собрание старопечатных книг ИРЛИ АН СССР, содержащее немало редких и ценных экземпляров, продолжало пополняться новыми интересными изданиями.

Список старопечатных книг XVI—XVII вв.
из собрания Института русской литературы АН СССР

1. Третья постная. Безвыходная, ок. 1556.
2. Листы из дофедоровской Третьи постной (4 лл.).
3. Евангелие учительное. Заблудов, 1569, изд. Ивана Федорова.
4. Апостол. Львов, 1574, изд. Ивана Федорова.
5. Октоих. М., 1594, изд. Андроника Невежи.
6. Апостол. М., 1597, изд. Андроника Невежи.
7. Евангелие. Вильно, ок. 1600.
8. Псалтырь и Новый завет. Вильно, ок. 1600.
9. Евангелие. Вильно, ок. 1600.
10. Третья цветная. М., 1604.
11. Книга о священстве Иоанна Златоуста. Львов, 1614.
12. Третья. М., 1623.

13. Требник. М., 1625.
14. Апокалипсис с толкованиями. Киев, 1625.
15. Часослов. М., 1627.
16. Миния общая. М., 1628.
17. Часовник. М., 1631.
18. Октоих. М., 1631.
19. Октоих. М., 1631.
20. Апфологион. Львов, 1632.
21. Апостол. М., 1633.
22. Устав. М., 1633.
23. Устав. М., 1633.
24. Часовник. М., 1634.
25. Трефологион. М., 1637.
26. Миния общая. М., 1638.
27. Евангелие учительное. М., 1639.
28. Часовник. М., 1640.
29. Псалтырь с воследовашием. М., 1640.
30. Устав (око церковное). М., 1641.
31. Диоптра. Евью, 1642.
32. Псалтырь с воследованием. М., 1642.
33. Псалтырь с воследовашием. Киев, 1643, Петра Могилы.
34. Службы и житие Николая Чудотворца. М., 1643.
35. Евангелие. М., 1644.
36. Требник. Киев, 1646, Петра Могилы.
37. Грамматика Мелетия Смотрицкого. М., 1648.
38. Псалтырь. М., 1651.
39. Апфологион. Львов, 1651.
40. Псалтырь с воследованием. М., 1651.
41. Диоптра. Кутейн, 1654.
42. Триодь постная. М., 1656.
43. Евангелие. М., 1657.
44. Апфологион. Перевод с греческого Арсения Грека. М., 1660.
45. Пролог. М., 1661.
46. Пролог. М., 1661.
47. Евангелие учительное. М., 1662.
48. Акафисты. Киев, 1663.
49. Сборник переводов Епифания Славинецкого. М., 1665.
50. Ключ разумения. Львов, 1665.
51. Октоих. М., 1666.
52. Жезл правления Симсона Полоцкого. М., 1666.
53. Мир с богом. Киев, 1669.
54. Мессия правдивый Иоанникия Галятовского. Киев, 1669.
55. Мессия правдивый Иоанникия Галятовского. Киев, 1669.
56. Псалтырь. Почаев, 1674 (?).
57. Огородок Марии Богородицы Антония Радивиловского. Киев, 1676.
58. Часослов. М., 1682.
59. Триодь цветная. Чернигов, 1685.
60. Венец Христов Антония Радивиловского. Киев, 1688.
61. Псалтырь с воследованием. М., 1689.
62. Руно орошенное, чудеса Богородицы Ильинской. Чернигов, 1689.
63. Зердало богословия Кирилла Транквилиона. Уна, 1692.
64. Евангелие учительное. Уна, 1696.
65. Псалтырь. Киев, 1697.
66. Служебник. М., 1699.
67. Перло многоценное Кирилла Транквилиона. Могилев, 1699.
68. Святцы. XVII в. (вторая половина).
69. Стихиры. XVII в.

А. М. ПАНЧЕНКО

Поездка за рукописями в Красноборский район Архангельской области

В 1960 г. Сектор древнерусской литературы организовал первую разведывательную (очень краткую) экспедицию в Красноборский район Архангельской области.¹ Она дала неплохие результаты, однако случилось так, что археографические интересы Пушкинского дома сосредоточились севернее — на Пинеге, не считая традиционной низовой Печоры. Даже летняя экспедиция 1965 г., в которой участвовали В. П. Бударагин, А. Х. Горфункель, И. П. Смирнов и я, половину времени посвятившая Северной Двине, начала свою работу на этой реке с Черевкова, миновав Красноборск.

Между тем Красноборское собрание понемногу росло: В. И. Малышев не порывал связей с местными собирателями, а в августе 1968 г. привез из Красноборска и окрестностей 12 рукописей XVI—XIX вв. 13 сентября 1968 г. в Красноборский район отправились кандидат филологических наук И. П. Смирнов и я. Мы собирались обследовать селения по Верхней Уфтюге (правый приток Северной Двины, его устье — почти против Красноборска, расположенного на левом высоком берегу реки) и Пермогорье — группу деревень, центр которой находится в двадцати километрах ниже Красноборска по Двине. Этого маршрута мы и придерживались, хотя из-за плохой погоды и затруднений с транспортом вынуждены были вернуться раньше срока, 25 сентября, проведя в Пермогорье всего один день.

В верхнеуфтюжские деревни сейчас можно попасть самолетом из Котласа и Красноборска. По обоим берегам Уфтюги — много деревень, по-северному небольших, в которых некогда было смешанное население — православное и старообрядческое (поморского беспоповского безбрачного согласия). Дальние деревни — Слобода и Максим, теперь брошенные, были сплошь старообрядческие.

В Комарове мы наняли моторную лодку и поплыли в Слободу, 36 километров вверх по реке. В этой сравнительно крупной (до двух десятков дворов) деревне в свое время жило немало книжников. Об этом можно судить по находкам директора Куликовской школы Н. В. Рагозина, который несколько лет назад, как и мы, обошел со своими учениками покинутые избы. У Н. В. Рагозина хранится до десяти рукописных и старопечатных книг XVI—XIX вв., старшие из которых датируются XVI в. (Евангелие XVI в., сборник XVII в. с Житием

¹ См.: А. М. Панченко. Отчет об археографической экспедиции в Красноборский район Архангельской области и г. Тотьму Вологодской области в 1960 г. — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 426—431.

Александра Невского, Апостол XVII в., Житие Филиппа Колычева, 1757 г., и др.).

Наша поездка была менее удачной — мы нашли только восемь рисунков пером на бумаге первой четверти XIX в. (см. Опись в конце статьи, № 9). Уже в Слободе мы поняли, что условия работы сравнительно с 1960 г. резко изменились к худшему. Нынешняя мода на русскую старину породила множество любителей: и на Уфтюге, и в Пермогорье мы не встретили ни одного дома, где бы до нас не интересовались (причем многократно) старинными книгами.

Безрезультатными оказались наши поиски в Слободе, Старом Куликове, Комарове, Верхней Уфтюге и многих небольших деревнях по соседству. Безрезультатными они были и в Пермогорье, где мы за день прошли не меньше двадцати пяти километров. Только дважды нам повезло: 6 рукописей XIX в. передал в Пушкинский дом И. З. Трапезников, старообрядческий наставник из Слободы, живущий теперь в дер. Андрюшинская (два километра от Комарова вниз по Уфтюге), которого также не раз посещали археографы-любители. «Поморские ответы» в списке XVIII в. оказались у А. И. Вишняковой (дер. Овласово, Пермогорье).

Мы не думаем, что Красноборский район следует полностью списать со счета. Находки здесь возможны, однако нужно учесть, что теперь нам приходится иметь дело со все возрастающей любительской конкуренцией.

Ниже печатается краткая опись рукописных материалов, составленная студенткой Ленинградского университета Г. А. Толкачевой.

Список рукописных материалов,
собранных А. М. Панченко и И. П. Смирновым
в Красноборском районе Архангельской области
в сентябре 1968 г.

- 1 (85).¹ Поморские ответы, XVIII в. (конец), в 4°, 138 лл., полуустав, переходящий в скоропись, одна заставка — рамка, исполненная пером и чернилами (л. 23) и две простенькие заставки (л. 1, 12), переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками.
Из дер. Овласово (Пермогорье), от А. И. Вишняковой.
- 2 (86). Сборник духовных стихов, XIX в. (начало), в 8°, 5 лл., полуустав, без переплета. Содержит стих о смерти (без начала) и стихи о пустыне.
Из дер. Андрюшинская (Верхняя Уфтюга), от И. З. Трапезникова.
- 3 (87). Сборник выписок из Соловецкого летописца, вопросы и ответы и др., XIX в. (первая четверть), в 4°, 8 лл., скоропись, без обложки.
От него же.
- 4 (88). Письмо неизвестного старообрядца некоему Петру Григорьевичу о браках с иноверными и о постах (без конца), XIX в. (20-е годы), в 4°, 4 лл., скоропись. Черновой автограф.
От него же.
- 5 (89). Сборник, XIX в. (середина), в 4°, 21 лист, полуустав, переплета нет. Содержание: слова и поучения проложного и патеричного характера, две стилизованные азбуки.
От него же.
- 6 (90). Сборная рукопись 1868 и 1895 гг., переписанная Ильей Прокопьевичем и Петром Ильичом Опякиными, в 4°, 22 лл., полуустав и скоропись, без обложки. Содержание: стих о смерти и страшном судном дне, повесть о происхождении табака, выписки о чае и кофе, стихи об Иоасафе царевиче и пустыне, о прекрасной пустыне (два варианта), молитвы полунощные, отпусты праздникам господским и богородичным и др.
Из деревни Горки (Ляпуново), от К. А. Опякиной.

¹ В скобках порядковый номер (он же и шифр) Красноборского собрания.

7 (91). Две стишные азбуки и изображение в виде рук вращающегося, лунного, солнечного и месячного кругов, XIX в. (последняя четверть), в 8°, 4 лл., полуустав, без обложки.

Из дер. Андрюшинская, от И. Э. Трапезникова.

8 (92). Сборник, XIX в. (конец), в 4°, 12 лл., скоропись, без обложки. Три простеньких заставки (птицы на ветках). Содержание: Увещание в Московской духовной консистории крестьянина Дмитровского уезда Мартына в 1825 году, слова о Данииле «мнисе», о жене, заколовшей двух детей, и повесть о Святогорском (Иверском) монастыре (без конца).

От него же.

9 (93). 8 рисунков (перо и чернила), XIX в. (первая четверть), с изображением различных мук по кончине человека, святых, ангелов, бесов и церковных построек. Из дер. Слобода (Верхняя Уфтяга).

В. Г. ПУЦКО

Малоизвестные рукописные собрания Ленинграда

Кроме широко известных ленинградских архивохранилищ, в научных учреждениях и в учреждениях культа существуют маленькие собрания старинных рукописей, которые ученым либо совсем не известны, либо известны только понаслышке. Между тем в них можно найти ценные материалы по русской культуре прошлого. Предлагаемые вниманию четыре собрания мало знакомы исследователям. Краткие сведения о них могут возбудить к ним интерес.

1. Научная библиотека Академии художеств СССР

В научной библиотеке Академии художеств СССР рукописи не выделены в особый фонд, а потому их общее количество в настоящее время трудно определить. Пока удалось обнаружить лишь несколько рукописных книг, большая часть которых относится к довольно позднему времени. Кроме рукописей, в библиотеке имеются и старопечатные книги XVIII в., поступившие сюда из бывшей академической церкви. Все они богослужебного содержания.

В библиотеке имеются следующие рукописи: 1) лицевой сборник, XVII в. (шифр F-2851), духовно-правственного содержания; 2) Азбуковник XVII—XVIII вв. (с. 6663); 3) лицевой Апокалипсис с толкованием Андрея Критского, конца XVII в. (H-1391); 4) Афонский иконописный подлинник, лицевой, середины XIX в. (H-534); 5) иконография христианская XIX в. (H-532); 6) Сборник статей, относящихся к иконографии, XIX в. (H-533); Ф. Мюнтер. Эмблемы и художественные изображения древних христиан, XIX в. (H-531); 8) записка о куполе храма св. Петра в Риме, XIX в. (H-1397).

Имеется также ряд воспроизведений миниатюр византийских рукописей: Грузинского евангелия XII в. из Гелатского монастыря, Парижской Псалтыри X в., Псалтыри 1066 г. Британского музея и др.

2. Институт истории театра, музыки и кинематографии

В этом собрании 13 древнерусских певческих рукописей. Все они богослужебного содержания и относятся к XVII—XVIII вв. Часть их принадлежала императрице Елизавете Алексеевне, жене Александра I, остальные происходят из архивов придворной капеллы и придворного оркестра. Сначала собрание находилось в Музыкальном музее Филармонии, затем в Эрмитаже, откуда в 1940 г. было передано в Институт истории театра, музыки и кинематографии.

Состав рукописных сборников следующий: сборник задостойников XVII в. (оп. I, ед. хр. 838, № 10 522), сборник певческий XVIII в. (оп. I, ед. хр. 855, № 10 539), сборники песнопений праздников XVII—XVIII вв., два (оп. I, ед. хр. 848—849, №№ 10 532, 10 533), три Триоди постной XVII в. (оп. I, ед. хр. 839, № 10 523; оп. I, ед. хр. 856), два обихода XVIII в. и четыре Ирмология XVII—XVIII вв., из которых два написаны на крюках, а два на линейных нотах, один украшен рисунками и заставками белорусского художника Яна Рополевского. Часть певческих рукописей Института украинского происхождения, лицевые, некоторые из них имеют интересные записи и приписки.

3. Ленинградская консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова

Собрание насчитывает 21 рукопись XV—XIX вв. Все рукописи певческие, многие ранее принадлежали известному исследователю старинного пения С. В. Смоленскому и снабжены его аннотациями. Собрание состоит из: 1) певческих сборников богослужебного содержания XVI—XIX вв.; написанных на линейных и крюковых нотах; 2) двух нотных азбук XIX в.; 3) сборника XVIII в., на линейных нотах, содержащего стихотворения, в том числе и сатирические, русских поэтов XVIII в. (сборник принадлежал графу С. Д. Шереметьеву).

Среди богослужебных рукописей есть Ирмологии, Октоихи, Трезвоны праздников, Обиходы и т. д. Все они имеют записи и приписки владельческого, читательского и иного характера. Некоторые рукописи украшены заставками, концовками и рисунками с изображением Иоанна Дамаскина, земли, солнца и т. д. Владельцами отдельных рукописей в далеком прошлом были северяне (тотемцы, сумляне, вятчане или петербуржцы). Если рукописи принадлежали С. В. Смоленскому, то на них указано всегда, где и когда он их покупал (в Казани, Петербурге и т. д.). Представляют интерес и сами замечания Смоленского о содержании рукописи.

Кроме древнерусских певческих рукописей в консерватории хранится сборник католических гимнов на латинском языке, XV—XVI вв., с вклеенными в качестве форзацев двумя пергаментными листами с текстом, несомненно более древним, чем сама рукопись. Сборник прежде принадлежал вел. князю Михаилу Павловичу, а затем Библиотеке имп. Русского музыкального общества.

4. Ленинградская духовная академия

Собрание Ленинградской духовной академии насчитывает более ста пятидесяти рукописей XVI—XIX вв. главным образом богословского и литургического содержания. В нем имеются также материалы исторического и бытового содержания.

Собрание сложилось после Великой Отечественной войны, со времени открытия академии в 1946 г., и пополнялось главным образом за счет пожертвований от разных лиц.¹

Литературно-исторические сочинения. Описание Азии и Китая, 1686 (№ 259); Летописец (Хронограф), доведен до 1630 г., XVII—XVIII вв. (№ 258); повести о патриархе Никоне, XVIII в.

¹ Собрание рукописей бывш. Петербургской духовной академии, описанное в свое время А. С. Родосским и Д. И. Абрамовичем, в настоящее время хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

(№ 114); материалы по истории г. Трубчевска, XIX в. (№№ 147, 148, 162).

Старообрядческая литература. Краткое обозрение единоверческой церкви, XIX в. (№ 44); О самых нужнейших случаях последнего века сего, (лицевое), XVIII в. (№ 9); сборник из четырех глав, «гораздых в нужное время», XIX в. (№ 49); брачный чин поморского согласия конца XIX—начала XX в. (№ 43).

Русская житийно-повествовательная и учительная литература. Житие Нила Столбенского, конца XVII в. (№ 195); Житие и служба Моисею, архиепископу Новгородскому, конца XVII в. (№ 17); Сказания о чудесах Антония Матковского, Митрофана Конары, О хождении в Царьград Антония Римлянина, Житие Ефрема Новгородского, XVII в. (№ 124); Валериан, Беседы парохияльные, 1788 г. (№ 165), Слова Кирилла Туровского, XVII в. (№ 4).

Апокрифы. Житие Кирика и Улиты, XVIII в. (№ 21); Страсти христовы, XVIII в. (№№ 10, 126); Послание апостола Варнавы, XIX в. (№ 105); Беседа бога к человеку, XIX в. (№ 45); повести на новозаветные темы, XVIII в. (№ 112).

Переводная житийная и учительная литература. Жития: Андрея Юродивого, лицевое, XVIII в. (№ 4), Алексея Человека божия, Евстафия Плакиды, Иоакима и Анны, Анастасии Римлянины, великомученицы Параскевы, XIX в. (№ 130); Сказание о чудесах Мины, XVII в. (№ 17); Слова Григория Синанта, Исаака Сирина и др., XVII в. (№ 17), «Измарагд», XVII в. (№ 3); Апокалипсис с толкованием Андрея Критского, XVI в. (№ 12); Евангелие учительное, конец XVI—начало XVII в. (№ 6); Слово Иоанна Златоуста на Рождество Христово, XIX в. (№ 23), Похвальное слово Богоматери, XVII в. (124); сборник слов, поучений и служб Одигитрии и другим иконам богоматери, нач. XIX в. (№ 229); сборник поучений Илии Мишиятия, XVIII в. (№ 146); сборник сочинений, приписываемый Киприану Карфагенскому, XVIII в. (№ 26); Поучение о шестой заповеди блаженства, XVIII в. (№ 125); сборник сочинений Исаака Сирина, 1852—1853 гг. (№№ 17, 18); сборник поучений, XVIII в. (№ 128). Повесть о Феофиле экономе, XIX в. (№ 130).

Пение и живопись. Ирмологий XVII—XIX вв. (№№ 50, 51, 194, 197, 204, 208, 212, 232); Литургия, XIX в. (№№ 198, 211, 240); Праздники XVII—XVIII вв. (№№ 219, 220, 221, 222, 224, 225, 239); Обиход, XVIII в. (№ 52); Октоихи, XVIII—XIX вв. (№№ 230, 245, 215, 216); Триодь постная певчая, 1788 г. (№ 233); Триоди (постная и цветная), XVIII—XIX вв. (№№ 205, 213, 233); сборники повческие, XVIII в. (№№ 188, 228, 227, 226, 223, 217, 218); Стихиры, XIX в. (№ 107); иконописный подлинник, XIX в. (№ 122); сборники выписок по иконографии, XIX в. (№№ 119, 121); История изящных искусств, лицевая, XIX в. (№ 106).

Богослужебная литература. Акафист Варваре, XIX в. (№ 238), богослужебный сборник кон. XVIII—нач. XIX вв. (№ 118), XIX в. (№ 103), Миняя на сентябрь, 1599 г. (№ 272); молитвенник, 1916 г. (№ 235); Псалтыри, XVIII в. (№№ 102, 131); службы богородичным иконам (Костромской и Смоленской) XVIII в. (№ 131), Казанской и Владимирской, начала XIX в. (№ 116); службы богоматери и отдельным святым, конца XIX—начала XX в. (№ 111), мученице Параскеве, XVIII в. (№ 163), в великую субботу и в неделю Пасхи, 1833 г. (№ 115); Канонник, XVII—XVIII вв. (№ 129); Трефологий, первой половины XVII в. (№ 8) и др.

Студенческие сочинения. Иван Бежаницкий. Об управлении русской церковью в царствование Петра I и его ближайших преемников, XIX в. (№ 137); Иван Перетерский. О положении церковных дел в России со смерти Петра Великого до восхождения на престол Елизаветы Петровны, 1874 г. (№ 141); М. Курочкин. О веротерпимости в России с Петра Великого до Александра I, конец XIX в. (№ 144); Александр Ильинский. Об епархиальном управлении русской церкви в Синодальный период, 1898 г. (№ 136); Феофан Невдачин. Антиномизм Агриколы, кон. XIX в. (№ 139); Василий Новицкий. Религиозно-философские воззрения А. С. Хомякова, 1916 (№ 140); Василий Ярцев. Нравственные идеалы Достоевского и оценка их с нравственно-христианской точки зрения, 1902 г. (№ 143); Иван Добров. Взгляд современной юридической науки на свободу и ответственность человека и критическая оценка этого взгляда, 1904 г. (№ 138); Геннадий Виноградов. О монастырских крестьянах, 1875 г. (№ 142).

Кроме славяно-русских рукописей в этом собрании имеется ряд греческих; среди них в списке XIX в. есть письмо братии монастыря Саввы Освященного Ивану Грозному и царевичу Федору Иоанновичу. Здесь также находится значительное число славянских старопечатных книг и одна инкунабула

Г. А. ТОЛКАЧЕВА

Древнерусские рукописи Павловского дворца-музея

В марте 1968 г. член-корреспондент АН СССР Д. С. Лихачев, осматривая библиотеку Павловского дворца-музея, обратил внимание на присутствие в ее фондах древнерусских рукописей. Мне и моим коллегам по Ленинградскому университету, студенткам Т. А. Махновец и Л. В. Ярошенко, было поручено ознакомиться с содержанием этих рукописей. Ставя перед собой задачу собрать лишь предварительные сведения о древнерусских рукописях Павловского дворца-музея, мы и провели обследование его библиотечных фондов. Нам предоставлены были для изучения 42 рукописи XVI—XIX вв.

Когда и при посредстве кого поступили древнерусские рукописи в библиотеку музея, установить не удалось. Библиотека дворца основана была еще в XVIII в. и постоянно пополнялась книгами и всякими редкостями. Известно, что особенно активно способствовала увеличению библиотеки жена Павла I Мария Федоровна. Она собирала не только печатные книги, но и самый разнообразный рукописный материал, включая и древнерусские рукописи. В 70-х годах прошлого столетия одним из вкладчиков библиотеки был известный историк, издатель журнала «Русская старина» М. И. Семевский, имевший свое небольшое (личное) собрание старинных рукописных книг. Не исключено, что с помощью этих лиц и попала во дворец какая-то часть ныне сохранившихся древнерусских рукописей.

По содержанию описываемое собрание пестрое. Владельцы не преследовали какой-либо цели при его подборе. В него включалось, по-видимому, все, что поступало. Вот почему в собрании наряду с весьма ценными рукописями можно встретить и малозначимый материал. Он брался, очевидно, только потому, что представлял собой рукопись, был написан от руки. В настоящее время, как отмечено выше, в собрание входят 42 рукописи. Не все они древнерусской традиции. Есть среди них сочинения XIX в. по истории Ветхого завета, службы и молитвы, сочиненные в XIX в., история православной церкви и т. д. Только около 30 рукописей могут назваться древнерусскими, да и то некоторые из них с оговорками.

Наибольший интерес из этих рукописей представляют два сборника. Один, XVIII в., содержит слово о Федоре купце, несколько апокрифов (Сон богородицы, Иерусалимский свиток, Макарьево видение, о муках Христовых и др.), месяцеслов и др. Другой, более обширный по содержанию, относится к началу XIX в. В него входят: история русских монастырей, повесть о граде Египте, «История» о взятии Царьграда турками, краткая российская история, статья об осквернении храма святого Николая, Казанская история и др.

Четыре рукописи собрания лицевые: Александрия (1759 г.) с 95 миниатюрами, Житие Василия Нового и Апокалипсис (XVIII в.) с 69 миниатюрами, Евангелие XVI в., украшенное заставками и изображениями

трех евангелистов, и месяцеслов поморской работы с изображением четырех времен года (XIX в.).

Среди исторических сочинений можно отметить Прения о вере с датским царевичем Вольдемаром (XVIII в.), произведение «О начале древнего словенского народа» (конца XVII в.) и Сказание о составлении Кириллом Философом славянской азбуки (XVIII в.).

Учебная и естественнонаучная литература представлена Космографией (отрывки, XVIII в.) и сборником арифметических задач и упражнений (XVIII в.). В числе сборников определенного состава имеются: «Великое зеркало» (XVIII в.), «Измарагд» (XVIII в.), Паренесис Ефрема Сирина (два списка XVIII в.), Пролог (списки XVI—XVIII вв.) и Пчела (XVII в.). Здесь же следует упомянуть обширный сборник поучений и слов Иоанна Златоуста и Кирилла Александрийского (XVII в.). В дополнении к апокрифическим произведениям назовем Луцидариус (XVIII в.). В сборнике XVIII в. есть поучение о чтении книг (Антиоха).

Более многочисленна в собрании церковно-служебная литература. Ее характеристику начнем с библейских книг. Среди них Псалтырь (XVI в.), несколько текстов Евангелия в списках XVI—XVII вв. (один список, как указано выше, лицевой), два Апостола в списках XVI—XVII вв. и Апокалипсис XVIII в. Имеется несколько певческих рукописей (Ирмологий, сборники и т. д.) XVII—XVIII вв., на крюках и на линейных нотах. Рядом с ними следует упомянуть Триодь постную (XVI в.) с современной написанию рукописи записью о продаже ее Бориской Семеновым Михайловым воскресенскому попу Куприяну сыну Семенову. Заслуживают также внимания сборники служб канонов и тропарей в списках XVI—XIX вв. Они интересны тем, что в них встречается немало служб и гимнографических произведений, посвященных русским подвижникам и богородичным иконам, в том числе владимирским, казанским, киевским, мангазейским, московским, новгородским, псковским, ростовским, смоленским, соловедским, черниговским и ярославским. Русский материал встречается и в нескольких месяцесловах и святцах XVIII—XIX вв.

Остановимся коротко на записях и приписках, которые имеются на рукописях. Некоторые из них интересны по содержанию. Вот, например, на рукописи «О начале древнего словенского народа» в рифму написано: «Государь батюшко! Здравствуй на множество лет.

Сын твой духовный Никита Шепелев челом бьет» (от 1705 г.).

Или вот в конце канонника 1787 г. читаем: «Начали читать и писать у Ивана Троицкого в 1787 году августа 25. В году оценено по 25 руб. на человека». Что это, плата за книгописание или же за какую-то другую работу? Цена по тому времени очень большая. Еще одна: «Сия книга Лусадариус (Луцидариус) принадлежит горного училища сталярному и гокарному мастеру Филипу Федорову Ушакову, 1790 года, августа 7 дня».

В других приписках сказано, где, когда и кем переписана или куплена рукопись: «Списано смиренным иноком Григорием во обители Ефимия суждальского (стихиры XVIII в.), «Списал в Вологде 1823 года вологодской мещанин Роман Федоров сын Кульков» (Служба Иисусу, 1823 г.).

Таким образом, небольшое собрание древнерусских рукописей Павловского дворца-музея по своему содержанию заслуживает внимания специалистов. Они, несомненно, найдут в нем ценные для себя материалы; необходимо сделать возможно скорее научное описание всех этих рукописных книг.

ХРОНИКА

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Памяти Владимира Валерьяновича Данилова

(20 VII 1881 г.—23 IV 1970 г).

Если бы пришлось комментировать список научных трудов Владимира Валерьяновича Данилова и указать — когда или где, в связи с какими обстоятельствами была написана та или иная работа, — мы бы восстановили его биографию. Он откликнулся исследованиями на всю окружающую его действительность. Его труды — были его автобиографией, наука — его жизнью. Поэтому так удивительно разнообразен список его трудов.¹ Он писал о тех писателях, которых больше всего любил, а любил то, с чем теснее всего соприкасался — в своем преподавании, в местах своей жизни — то в Нежине, то в Одессе, то в Киеве, то в Петербурге—Ленинграде. Из русских писателей он больше всего писал о Гоголе — может быть потому, что ощущал его своим земляком по Нежину или даже однокашником по Нежинской гимназии. Не потому ли он так интересовался и игуменом Даниилом и Владимиром Мономахом, что оба они были его «соседями» по Чернигову? Он занимался фольклором тех мест, где бывал, писал о своих учителях, описывал архивы и музеи, которые посещал или в которых работал. Есть у него и исследования по истории журналов, в которых он печатался, научных и педагогических учреждений, где он служил. Целая полоса научных тем связана с его преподаванием русской литературы в Высшем военно-морском училище им. М. В. Фрунзе: тут и отклики на «филологические» затруднения в морском языке, и специфические морские литературные темы, и даже статьи о преподавателях-моряхах, как например,

¹ См. обзор научного пути В. В. Данилова в статье: М. М. Гуревич и А. П. Могиланский. Владимир Валерианович Данилов (к 80-летию со дня рождения и к 60-летию научной деятельности). — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 481—483; Н. Т. Панченко. Список научных трудов В. В. Данилова (1904—1959). Ред. Л. М. Добровольский. Л., 1960, 32 стр.; Список печатных научных трудов

статья об акад. А. Н. Крылове. Есть статьи, связанные с нуждами преподавания. Множество статей В. В. Данилова связано с «филологическим краеведением», с историей науки и литературы тех мест, где он бывал или оседло жил. Не даром ему принадлежит хороший неологизм — «родиноведение».²

Он был действительно «родинoved». Он изучал родину: ту страну, ту область, те учреждения и тех людей, среди которых он жил. Современность соединялась для него с прошлым этой современности, ибо все, что существует сейчас, имеет корни в прошлом. Он как филолог и историк исследовал все то, с чем был связан самой своей жизнью.

Но патриотизм его не был ни сентиментальным, ни фразеологическим. Он не писал с пафосом и не заявлял о своей любви к окружающему или к предмету своего изучения. Его привязанность к изучаемому предмету выражалась только в углубленном исследовании, но не в эмоциональном изложении, не в выражении своих чувств, всегда целомудренно скрываемых.

Чем больше он любил тему своего исследования, тем строже и проникновеннее он стремился сделать свой филологический анализ ее.

От старой филологической науки он усвоил тонкость и скрупулезность анализа. Он обладал острым и внимательным глазом филолога. Сам он называл себя «латынником» — человеком, учившимся на латинских текстах и привыкшим вслед за своими учителями классиками обращать внимание на реалии и на все детали текста.

Отвечая В. В. Данилову на присланный ему оттиск статьи «О жанровых особенностях древнерусских „хождений“» из XVIII тома ТОДРА, П. Н. Берков писал: «Такая статья, как Ваша, стоит больше, чем многие пухлые „философии литературоведения“, авторы которых полагают, что „двигают науку“».

«И в то же время как интересен, как плодотворен Ваш метод анализа! Вы умеете „читать“ литературный текст и учите своих читателей этому трудному методу анализа, идущему из классической филологии — учите обращать внимание на реалии, на высказывания, на приемы и т. д. Это поразило меня в начале 20-х годов, когда я впервые познакомился с Вашим „Комментарием к „Рудину““³ и со статьей о Фонвизине.⁴ На фоне тогдашнего увлечения „методологией“ Ваши работы были для меня образцом серьезного и плодотворного „раскрытия“ текста. И эта же манера, во много раз утонченная, отшлифованная, углубленная, пронизывает все Ваши последующие статьи, включая и нынешнюю о „хождениях“.⁵ Это и есть настоящая филология, — зоркая, не боящаяся колоссальной затраты времени и сил на овладение материалом и на классификацию его, и на обобщения. Ну, а без мастерства, высокого и мудрого, никакая зоркость, никакой труд не даст результата. Спасибо, большое спасибо Вам, мой дорогой и давний учитель!». (Письмо датировано 9-м июня 1962 г.).

В. В. Данилова (1904—1962) Составила Н. Т. Панченко. Под редакцией Л. М. Добровольского. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Л., 1963, 32 стр.

² См.: В. В. Данилов. Активный метод преподавания родинovedения в школе. — Тихвинский учитель, 1921, 1 мая, № 1, стр. 4—5.

³ П. Н. Берков имеет в виду брошюру В. В. Данилова «Комментарии к роману Тургенева „Рудин“» (Пособие для изучения романа. М., изд. «Коммунист», 1918, 78 стр.).

⁴ «Недоросль» в свете классового самосознания дворянства второй половины XVIII века. — Родной язык в школе, 1924, № 6, стр. 22—32.

⁵ О жанровых особенностях древнерусских «хождений». — ТОДРА, т. XVIII, Л., 1962, стр. 21—37.

Последние годы жизни В. В. Данилов был связан научными интересами с сектором древнерусской литературы Пушкинского дома. До 1961 г. включительно его сообщениями открывался осенью «сезон» научных докладов в секторе.

Сам В. В. Данилов придавал своей связи с сектором особый биографический смысл. Последний свой доклад в секторе он читал в сентябре 1961 г. Он готовился к нему именно как к последнему докладу и решил его посвятить «Слову о полку Игореве». Вот что он писал по этому поводу в своем письме ко мне, помеченном 2-м мая 1966 г.: «Меня радует то, что, если мои работы в секторе и не оставят заметного следа в изучении древнерусской литературы, то они оставили лестный для меня след в отношениях ко мне „секторян“... Ежегодно я получаю милые, теплые поздравления от них в праздники, что вызывает во мне воспоминания далекой молодости, когда я мечтал быть поэтом, и мог бы отвечать друзьям-секторянам стихами.

Если припомните, последний доклад, который я сделал в секторе, был посвящен „Слову о полку Игореве“ и его защите, как древнерусского памятника.

Я не говорил об этом, но сделал это намеренно.

Еще будучи учеником Нежинской гимназии, я составил сводку комментариев к „Слову“ на основании нескольких книг по его изучению, бывших в гимназической библиотеке, и переложил в стихах несколько мест из него. Плодом этого была почтенной толщины тетрадь в переплете, которую года два назад я передал в Библиотеку Академии наук.

Первая работа, которую я писал на 1-м курсе по предложенным проф. М. Н. Сперанским темам, была „Слово о полку Игореве“ и отражение его в „Задонщине“. Работа вышла большая, но с такой постановкой вопроса я теперь совершенно несогласен. Эта работа находится в историческом музее Педагогического института им. Гоголя в Нежине, заменившего наш Историко-филологический институт.

Так что со „Словом“ связана моя юность и молодость. Я тогда знал его все наизусть и, будучи „на кондициях“, как тогда говорили, у помещика, уходил в лес и перед деревьями декламировал отрывки из памятника.

Поэтому, на старости, пять лет назад, уходя с арены литературной работы, я решил закончить ее выступлением о „Слове о полку Игореве“. В этом был весь смысл для меня моего выступления.

Но сейчас я стар, болен, во мне нет, как теперь говорят, „боевитости“, и сражаться я не могу».

За неделю до своей смерти (письмо имеет почтовый штампель с датой 15 апреля 1970 г.) В. В. Данилов снова писал мне на ту же тему:

«Дорогой друг, Дмитрий Сергеевич!

Мне особенно было приятно получить отписки от Вас, как от руководителя Древне-русского сектора.

Я начал „научообразным“, как выражался М. Н. Сперанский, трудом о „Слове“ и намеренно последний доклад сделал о „Слове“. Хотя я занимался и Гоголем, и Тургеневым, и Достоевским, и прочими писателями, но всегда сам почитал себя историком древней русской литературы. И Вы припомните, что последние годы перед болезнью занимался только древне-русской литературой.

Теперь я очень болен. Зрение для чтения окончательно потеряно. Пишу, но написанного не вижу. Мучает одышка. Целые дни нахожусь в полусонном состоянии, а ночью — бессонница. Слабею с каждым днем».

В. В. Данилов был верным человеком. Он был постоянен в своих научных привязанностях. Он любил то, чем занимался, но он больше всего любил истину. В своих работах он никогда не преувеличивал оценок, не приукрашивал, не скрывал и не искажал истины. Он не был ни суетен, ни суетлив в науке. Он был очень «биографичен» в своих научных интересах, но никогда не был конъюнктурен, не следовал по стопам моды и как ученый оставался самим собой.

Исследуя, он обращал главное внимание на происхождение изучаемого явления, устанавливал источники, заимствования, интересовался международными связями. Для него любой памятник только выигрывал от того, что оказывался в окружении других памятников, имел определенные истоки и находился в связи с произведениями за рубежами Руси. В 1947 г. он опубликовал в ТОДРЛ исследование «„Октавий“ Минуция Феликса и „Поучение“ Владимира Мономаха», в 1955 — «Письма Исидора Пелусиота в „Изборнике“ Святослава 1073 г.». В промежутке он занимался связями «Хождения» игумена Даниила с византийской литературой.

Сознательно поставив всю свою жизнь как бы в раму из «Слова о полку Игореве», В. В. Данилов тем не менее одну из самых своих прочувствованных статей посвятил чешскому слависту Яну Фрчеку⁶ — создателю той скептической концепции в отношении «Слова», которой вслед за Фрчком стали затем пользоваться представители неоскептицизма в «слововедении» — А. Мазон и его последователи.

В. В. Данилов был глубокий патриот, он никогда не изменял правде, был справедлив и точен, как точен и справедлив может быть только настоящий ученый. Вот почему его долгий научный путь ни разу не привел к неудачам и был по-своему красив и торжествен.

⁶ Чешский славист Ян Фрчек. — ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 642—644.

Вера Дмитриевна Кузьмина
(7 III 1908—6 XII 1968)

(Некролог)

Небольшой отряд советских литературоведов-медиевистов понес горестную утрату: 6 декабря 1968 г. после продолжительной тяжелой болезни скончалась Вера Дмитриевна Кузьмина, доктор филологических наук, руководитель группы исследователей древней русской литературы Института мировой литературы им. М. Горького АН СССР. Путь Веры Дмитриевны в филологию был не простым и не легким. Из средней школы через уроки талантливого педагога Людмилы Васильевны Крестовой, на всю жизнь оставшейся ее самым близким другом, Вера Дмитриевна усвоила глубокую любовь к русской литературе и серьезный интерес к ее изучению. Однако уступая просьбам горячо любимого отца, инженера-транспортника, который хотел, чтобы дочь унаследовала его специальность, Вера Дмитриевна в 1925 г. поступила в Московский Институт инженеров транспорта, строительный факультет которого окончила в 1930 г., и до 1935 г. работала по этой специальности. Но своей мечты стать литературоведом она не оставила. Продолжая все годы своего «инженерного» быта накапливать знания в области филологических наук, Вера Дмитриевна затем в течение одного года экстерном закончила в 1932 г. заочное отделение литературного факультета Московского гос. педагогического института им. Бубнова. Не оставляя работы инженера-мостостроителя, Вера Дмитриевна, получив диплом филолога, преподавала русский язык и литературу на вечерних отделениях комвуза им. Покровского и в комсомольской школе Партиздата. И только в 1935 г., распрощавшись со строительством мостов, Вера Дмитриевна окончательно стала на путь филолога-исследователя. В эти переходные годы немалое влияние оказал

на нее академик М. Н. Сперанский, под руководством которого она изучала греческий язык, и ее исследовательские интересы сосредоточились на допетровском периоде истории русской литературы.

В 1935 г. Вера Дмитриевна поступила в аспирантуру Института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (так назывался в те годы историко-филологический факультет Московского гос. университета). Здесь, под руководством Н. К. Гудзия, она начала заниматься историей переводных повестей XVII в. и в 1938 г. защитила кандидатскую диссертацию, посвященную истории повести о Бове-королевиче в русской рукописной литературе XVII—XVIII вв. и в лубочных изданиях XVIII—XIX вв. Эта диссертация была началом целого цикла ее работ о рыцарском романе на Руси. Благодаря отличному знанию западноевропейских и славянских языков Вера Дмитриевна сумела показать судьбу на русской почве ряда общеевропейских сюжетов на широком фоне французских, немецких, итальянских, славянских их вариантов.

Второй большой темой научно-исследовательской работы Веры Дмитриевны была история русского театра XVII—XVIII вв. Ее наблюдения в этой области всегда свежи и прочно обоснованы. Поиски нового материала в рукописных собраниях дали богатые источники для докторской диссертации (защищенной в 1956 г.) на тему «Русский демократический театр XVIII в.». В течение последних двух лет жизни Вера Дмитриевна подготовила широко развернутый план шеститомного издания всех пьес досумароковского театра, которое должно выйти к 300-летию русского театра, исполняющемуся в 1972 году. По этому плану видно, как много нового, неизвестного еще науке материала обнаружено самой Верой Дмитриевной в архивах Москвы, Ленинграда, Киева. За работой над подготовкой текстов к этому изданию и комментированием их застала Веру Дмитриевну смерть: в больнице, уже в безнадежном состоянии, она настойчиво продолжала работу. Коллектив, сплоченный ею для выполнения этого многотомного труда, должен довести до конца его издание, посвятив его памяти той, кто была душой этой сложной работы, кому принадлежит не только ее замысел, но и весь конкретный ее план.

Талант организатора Веры Дмитриевны особенно ярко проявился, когда в 1956 г. она стала руководителем возродившейся после длительного перерыва группы исследователей древнерусской литературы в Институте мировой литературы им. М. Горького АН СССР. Группа получила всего три штатные единицы, однако Вера Дмитриевна сумела объединить на ее основе всех москвичей-исследователей разных областей древнерусской культуры, поддерживала постоянную деловую связь с сектором древнерусской литературы Пушкинского дома. «Труды» этого сектора принимали работы и самой Веры Дмитриевны, и сотрудников руководимой ею группы; принимали они участие и в серии монографий, издаваемой сектором, выступали и на всех собираемых им конференциях. Еще в мае 1968 г. Вера Дмитриевна делала доклад на очередной ленинградской конференции. . .

Человек высокой принципиальности, большого отзывчивого сердца, прекрасный товарищ, Вера Дмитриевна была подлинным энтузиастом изучения древнерусской культуры, идейную и художественную ценность которой она воспринимала не только умом исследователя, но и горячим сердцем патриота. Такой мы запомним ее навсегда.

В. Адрианова-Перетц.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР.
 Брикс — С. М. Briquet. Les filligranes. Paris. 1907
 ВВ — Византийский временник.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие мины четни, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБА — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВА — Галицко-волыньская летопись.
 ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
 ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ДЛИ — Дополнения к Актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
 ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
 Клепиков, Филагр. и штемп. — С. А. Клепиков. Филигранны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 Лабар — Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia or collection of works and documents illustrating the history of paper. General editor E. J. Labaure, t. I. Watermarks mainly of the 17-th and 18-th centuries by Edward Heawood. The Paper Publications Society, Hilversum (Holland), 1950.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Лихачев, Бум. мельн. — Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вол. зн. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 Н1А, Н2А, Н3А, Н4А, Н5А — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
 ПВА — Повесть временных лет.

- ПДП — Памятники древней письменности.
 ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
 П1А, П2А, — Псковские первая, вторая и третья летописи.
 П3А
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РИБ — Русская историческая библиотека.
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
 СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 С1А, С2А — Софийская первая и вторая летописи.
 Срезневский, — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского
 Материалы языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
 ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской лите-
 ратуры (Пушкинского дома) Академии наук СССР.
 Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге...
 М., 1844.
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
 ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Москов-
 ском университете.
 ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

	Стр.
<i>В. П. Адрианова-Перетц</i> (Ленинград). Афоризмы Изборника Святослава 1076 года и русские пословицы	3
<i>Е. Э. Гранстрем</i> (Ленинград). Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом»	20
<i>Л. И. Савонова</i> (Ленинград). Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году в обработке В. Н. Татищева	29
<i>М. В. Рождественская</i> (Ленинград). К литературной истории текста «Слова о Лазаревом воскресении»	47
<i>Н. А. Казакова</i> (Ленинград). Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор»	60
<i>О. Ф. Коновалова</i> (Ленинград). Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского	73
<i>М. А. Салмина</i> (Ленинград). «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»	81
<i>Ю. К. Бегунов</i> (Ленинград). Повесть о втором браке Василия III	105
<i>В. И. Корещкий</i> (Москва). Новые послания Зиновия Отенского	119
<i>Я. С. Лурье</i> (Ленинград). Холмогорская летопись	135
<i>О. А. Белоброва</i> (Ленинград). К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия	150
<i>О. В. Творогов</i> (Ленинград). О Хронографе редакции 1617 г.	162
<i>Л. А. Дмитриев</i> (Ленинград). Повесть о житии Варлаама Керетского	178
<i>Н. С. Демкова</i> (Ленинград). Творческая история Жития протопопа Аввакума	197
<i>А. С. Демин</i> (Москва). Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII века	220
<i>А. М. Панченко</i> (Ленинград). Слово и Знание в эстетике Симеона Полоцкого (На материале «Вертограда Многодвственного»)	232
<i>Э. Малък</i> (Лодзь). «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII века (из истории русско-польских литературных связей)	242
<i>О. А. Белоброва</i> (Ленинград). Повесть о королевиче кипрском Велиаме	259
<i>В. П. Бударгин</i> (Ленинград). О происхождении «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли»	268
<i>Г. Н. Моисеева</i> (Ленинград). Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова	276

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Кл. Иванова-Константинова</i> (София). Об одной рукописи конца XIV в. Погодинского собрания	294
<i>Н. Ф. Дробленкова</i> (Ленинград). Летописные заметки о событиях 1378—1395 гг. в сборнике ГИМ, Увар. № 206 (1776)	309
<i>В. П. Адрианова-Перетц</i> (Ленинград), <i>И. Н. Староверова</i> (Москва). Из архива академика М. Н. Тихомирова	319
<i>Ф. Я. Шолом, И. П. Чепига</i> (Киев). Произведения Иоанникия Галятковского на польском языке	321

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. И. Малышева)

От редактора отдела	325
<i>Ю. К. Бегунов</i> (Ленинград). Малоизвестные рукописи Славянской библиотеки в Праге	327
<i>Н. С. Демкова</i> (Ленинград). Рукописи с Двины и Пинсги	330
<i>В. И. Малышев</i> (Ленинград). Собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. (К 20-летию его организации)	333
<i>Т. А. Махновец, Л. В. Ярошенко</i> (Ленинград). Старопечатные книги XVI—XVII веков Пушкинского дома	339
<i>А. М. Панченко</i> (Ленинград). Поездка за рукописями в Красноборский район Архангельской области	342
<i>В. Г. Пуцко</i> (Москва). Малоизвестные рукописные собрания Ленинграда	345
<i>Г. А. Толкачева</i> (Ленинград). Древнерусские рукописи Павловского дворца-музея	349

ХРОНИКА

<i>Д. С. Лихачев</i> (Ленинград). Памяти Владимира Валерьяновича Данилова (20.VII. 1881—23.IV. 1970)	351
<i>В. Д. Кузьмина</i> (7 III 1908—6 XII 1968) (Некролог)	355
Список сокращений	357